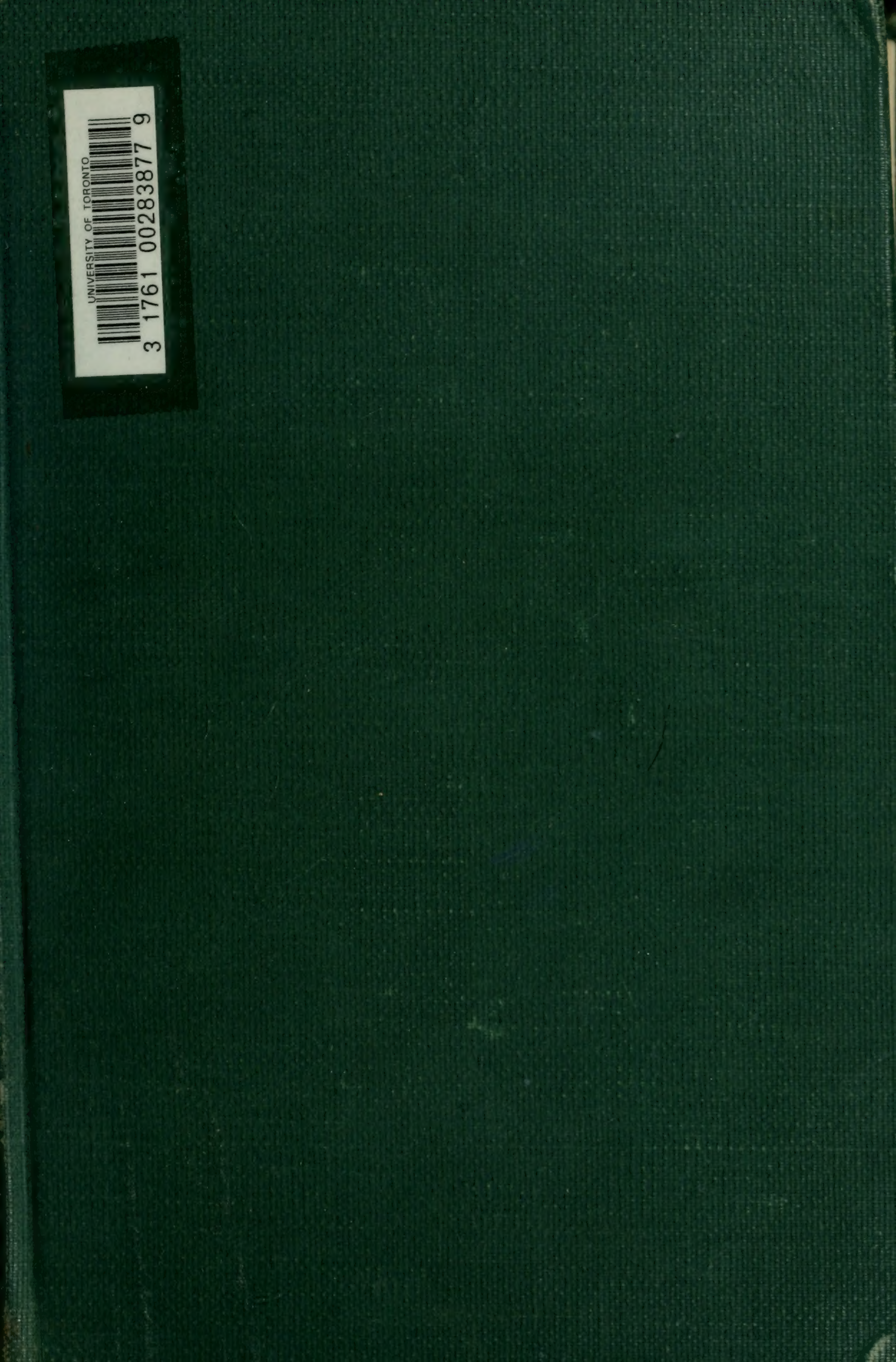

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00283877 9

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XCIII.

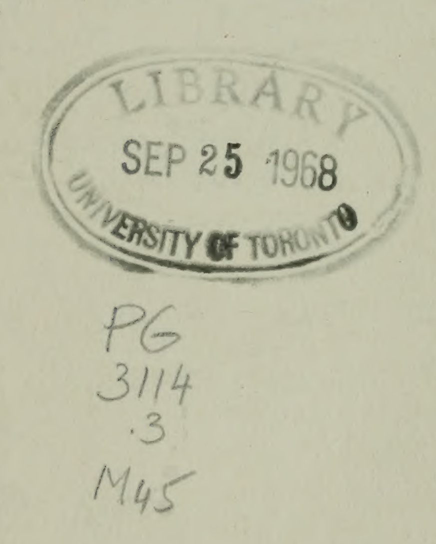
В. Ѳ. Миллеръ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ РУССКАГО НАРОДА

XVI—XVII вв.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1915.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1915 г. За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *А. Шахматовъ.*



Оглавленіе.

Предисловіе.

Въ засѣданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 29 октября 1911 года Всеволодъ Ѳедоровичъ Миллеръ внесъ предложеніе предпринять (подъ его редакціей) изданіе полнаго сборника историческихъ пѣсенъ русскаго народа. Въ него должны войти народныя историческія пѣсни Московскаго періода — XVI и XVII вѣка, какъ указывалъ при этомъ В. Ѳ. Миллеръ. Выпуски 6-й и 7-й Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, обнимающіе историческія пѣсни именно этого періода, изданы болѣе 40 лѣтъ тому назадъ и уже давно не существуютъ въ продажѣ. Со времени ихъ изданія появилось въ разныхъ журналахъ и сборникахъ, частью провинціальныхъ, не мало историческихъ пѣсенъ, которыя могли бы, такъ же какъ и матеріалы, собранные П. В. Кирѣевскимъ и редакторомъ его сборника П. Безсоновымъ, быть включены въ предпринимаемый сборникъ. Сборникъ такимъ образомъ далъ бы въ общемъ сводѣ весь матеріалъ для научной разработки этого отдѣла народной словесности.

Предложеніе было принято, и въ 1912 году Всеволодъ Ѳедоровичъ приступилъ къ печатанію настоящаго сборника. Въ составъ его вошли пѣсни изъ сборниковъ Кирши Данилова, Кирѣевскаго, Рыбникова, Гильфердинга, Маркова, Григорьева, Ончукова и изъ многихъ другихъ, а также изъ различныхъ журналовъ и провинціальныхъ изданій; изъ нигдѣ не

напечатанныхъ матеріаловъ вошли записи А. В. Маркова (№№ 2, 101, 102, 258), В. Ѳ. Хотьковскаго (№№ 59, 125, 126, 279) и В. И. Чернышева (№ 11). При текстахъ пѣсенъ, редакторомъ оставлены замѣчанія собирателей, иногда присоединены и собственныя, касающіяся или внѣшней или внутренней стороны пѣсни (напр. при №№ 24, 63, 71, 82, 83, 92, 136, 140, и др.); тексты, взятые изъ сборника Кирши Данилова, раздѣлены редакторомъ на стихи, безъ измѣненія оставлены №№ 8 и 128.

В. Ѳ. Миллеръ довелъ печатаніе сборника до 25-го листа; изданіе, прерванное его кончиною, продолжалось ученицею В. Ѳ. Миллера — Е. Н. Елеонской подъ наблюденіемъ академика А. А. Шахматова. Матеріалы, собранные В. Ѳ. Миллеромъ, печатались въ томъ видѣ, какъ они были найдены въ бумагахъ покойнаго; никакихъ дополненій или измѣненій въ оставшихся послѣ него рукописяхъ сдѣлано не было.

Въ бумагахъ покойнаго не нашлось ни вводной къ Сборнику статьи, ни какихъ либо замѣтокъ, относящихся къ изданію, за исключеніемъ краткихъ помѣтокъ карандашемъ при каждой пѣснѣ — къ какой губерніи она относится и изъ какого сборника она взята. Не оказалось и плана размѣщенія пѣсенъ; послѣдній, однако, выяснился въ тѣхъ 24 листахъ, которые уже были отпечатаны при жизни В. Ѳ. Миллера; и благодаря этому, возможно было продолжить размѣщеніе еще неподобранныхъ покойнымъ ученымъ текстовъ именно въ томъ порядкѣ, который былъ имъ намѣченъ.

Историческія пѣсни расположены географически такимъ образомъ, что прежде всего идутъ пѣсни сѣверныхъ губерній Европейской Россіи — Архангельской, Олонецкой, Петроградской, Новгородской, Вологодской; затѣмъ — губерній Вятской, Пермской, Оренбургской, Уфимской, Томской, Енисейской, Якутской области; Области Войска Донского, Терской и Уральской областей; губерній Ярославской, Нижегородской, Симбирской, Сара-

товской, Астраханской, наконецъ пѣсни губерній Московской, Владимирской, Тульской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Курской, Черниговской, Калужской и Смоленской. Пѣсни безъ указанія мѣста записи слѣдуютъ за пѣснями съ географической помѣтой. Такое расположеніе матеріала было принято В. Ѳ. Миллеромъ, очевидно, для указанія распространенности той или другой пѣсни, а также для опредѣленія тѣхъ районовъ, гдѣ особенно много записано историческихъ пѣсенъ.

На первомъ мѣстѣ поставлены губерніи Архангельская и Олонецкая, какъ очаги пѣсенной традиціи въ настоящее время; въ расположеніи же слѣдующихъ губерній нельзя не замѣтить указанія на путь, которымъ шла великорусская колонизація; по сѣвернымъ губерніямъ въ Сибирь, и по Волгѣ изъ центральныхъ областей въ районъ казацкихъ поселеній. Этотъ же путь опредѣлилъ собою и направленіе пѣсенной традиціи.

Такимъ образомъ, порядкомъ расположенія историческихъ пѣсенъ въ Сборникѣ какъ бы намѣчается планъ ихъ изслѣдованія: оно должно стоять въ связи съ колонизаціонными движеніями великорусскаго племени, объясняющими до нѣкоторой степени появленіе историческихъ пѣсенъ на далекихъ окраинахъ Россіи.

Отсутствіе въ рукописяхъ В. Ѳ. какихъ либо руководящихъ замѣтокъ, относящихся къ собранному имъ матеріалу, пополняется однако тѣми изслѣдованіями, которыя велъ В. Ѳ. параллельно собиранію текстовъ историческихъ пѣсенъ. Изъ этихъ изслѣдованій становится яснымъ, что В. Ѳ. Миллера занималъ вопросъ объ отношеніи народной пѣсни къ воспѣваемому ею историческому событію, и рѣшеніе его выдвигалось имъ на первый планъ. «Собирая печатный и рукописный матеріалъ для предпринятаго мною изданія «Народныхъ историческихъ пѣсенъ Московскаго царскаго періода (XVI и XVII вв.)», писалъ Всеволодъ Ѳедоровичъ въ своей статьѣ «О нѣкоторыхъ пѣсенныхъ

отголоскахъ событій царствованія Ивана Грознаго» [1]), я стараюсь вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить болѣе точно отношеніе той или другой пѣсни къ историческимъ событіямъ этого періода». Въ статьяхъ: «Къ пѣснямъ о Иванѣ Грозномъ» [2]), «Къ пѣснямъ о взятіи Казани» [3]), «О нѣкоторыхъ пѣсенныхъ отголоскахъ событій царствованія Ивана Грознаго» [4]) В. Ѳ. Миллеромъ уже были опредѣлены соотношенія между историческими пѣснями и событіями царствованія Ивана Грознаго.

---

1) Ж. М. Н. Пр. 1913 г. № 7.
2) Этногр. Обозр. LXII.
3) Этногр. Обозр. LXXXI—LXXXII.
4) Ж. М. Н. Пр. 1913 г. № 7.

ВЗЯТІЕ КАЗАНИ.

Олонецкой губерніи.

1.

Вы молóдые ребята, послушайте,
А мы, стары старики, да будемъ сказывати
Про грознаго царя Ивана Васильевича,
Какъ государь царь Иванъ Васильевичъ
Казань горóдъ покорилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку онъ подкопы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ катилъ,
А онъ пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ:
А татаре-то по городу похаживаютъ,
Они всякіе похабности оказываютъ,
Óни грозному царю да надсмѣхаются:
«Не бывать нашей Казани да за бѣлымъ царемъ!»
Какъ тутъ государь царь Иванъ Васильевичъ
Государь царь поразгнѣвался,
Что подрывъ-то такъ долго медлится,
Приказалъ тутъ онъ да пушкарей казнить,
Всѣхъ подкопщичковъ да й зажигальщичковъ.
Какъ тутъ всѣ пушкари призадумалися,
Призадумалися да запечалилися.
А одинъ пушкарь поотважился,

Говоритъ пушкарь да таково слово:
«Ты позволь, государь, слово выговорить!»
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить,
Какъ тутъ догорѣли зажигальнія свѣчи,
Вдругъ ра́зорвало бочки съ порохомъ:
Стѣны крѣпости бросало за Сулай за рѣку.
Татаре тутъ всѣ устрашилися;
Они бѣлому чарю да покорилися.
Говорятъ тѣ татаре таково слово:
— Вѣчно быть нашѐй Казани подъ свято́й Русью,
— Подъ свято́й Русью непобѣдимою,
— Непобѣдимою Бого́мъ любимою! —

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ въ 1871 г. въ Петербургѣ отъ крестьянина с. Космозера Кижской волости Олонецкой губ. Ивана Аникіевича Касьянова. Напечатана въ «Онежскихъ былинахъ» подъ № 160, т. II, стр. 563.

Вятской губерніи.

* 2 [1]).

Былъ жилъ ў насъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ.
Охотникъ былъ по пирамъ ходить,
По пирамъ ходить, пѣсёнъ слушати.
Зьбиралъ онъ себѣ силу изъ такіехъ мудрецовъ,
Изъ такіехъ мудрецовъ, пушкарей молодцовъ.
Подъ маточку Казаночку подкопомъ подёмъ,
Закатамъ же бочки бѣлоду́бовые
Со чорнымъ со зельемъ со порохомъ.
«Ише што это, пушкарь, дѣло́ не дѣлатца?»
— Не вели, суда́рь, казнить, вели рѣчь говорить:
Во глушѣ́, суда́рь, свѣчи́ потихохуньку горятъ,
На вѣтру, суда́рь, свѣчи́ поскорёхуньку горятъ,

1) Звѣздочкой отмѣчаются пѣсни впервые появляющіяся въ печати.

Поскорёхуньку горятъ и скоро теплятца. —
Не успѣлъ же пушкарь слово выговорить, —
Стало Ка́зань-городъ и рвать, и метать,
И рвать, и метать, на всѣ стороны бросать.
«Чѣмъ же, пушкарь, тебя жаловати,
Сёлами тебя, али деревнями,
Али мелконькими пригоро́дками?»
— Ненадобно мнѣ вашихъ не сёлъ, не деревёнъ,
А не мелконькихъ пригородочекъ;
Отпустите меня на свою сторону. —

Записана А. В. Марковымъ въ 1909 г. въ с. Пьяный-Боръ Елабужскаго уѣзда, Вятской губ., отъ старушки Холкиной.

Вятской губерніи.

3.

Ужъ вы, гости мои,
Дорогіе вы мои!
Вы прійдите ко-мнѣ, гости,
Побесѣдовати.
Я вамъ-то, гостямъ,
Побасеночку скажу;
Я не самъ про себя:
Я про бѣлаго царя;
Про того царя — Ивана,
Про Васильевича:
Подымался бѣлый царь
Съ матушки, со Москвы;
И со всѣмъ-то главнымъ войскомъ,
Славнымъ корпусомъ.
Не дошедши до Казани,
Онъ подкопъ подкопалъ;

Сорокъ бочекъ накаталъ
Съ чистымъ порохомъ.
Тутъ татарушки
По крѣпости похаживаютъ,
На грознаго царя Ивана
Лихо думаютъ:
«Ужъ ты, батька, Бѣлый царь,
Да не взять тебѣ Казань
Что ни во сто, ни въ двѣсти,
Ни въ тысячу лѣтъ!»
Тутъ и матушка-Казань
Да разорвало,
Всѣхъ татарушекъ изъ крѣпости
Повыкидало:
Гдѣ рука, гдѣ нога,
Гдѣ буйная голова.
А татарскій-то ханъ
На колѣночки палъ.
«Ужъ ты, батька, Бѣлый царь,
Ты что здѣсь не видалъ:
Салма наша не хлебалъ?
Женка нашъ не цѣловалъ?»

Напечатана въ сборникѣ Васнецова «Пѣсни сѣверо-восточной Россіи». М. 1894 подъ № 112, стр. 88—89.

Пермской губерніи.

4.

По городу татаринокъ погуливаетъ,
Надъ нашимъ надъ царемъ насмѣхается:
«Не взять тебѣ Казань городъ ни во сто лѣтъ,
«Ни во сто лѣтъ, ни во тысячу годовъ».
На это нашъ государь приразгнѣвался,

Приказалъ нашъ государь подъ Казань городъ,
Подъ Казань городъ подкопы подкопати.
Подъ рѣчку Казанку подкопы подкопали,
Много бочекъ закатали съ чернымъ порохомъ,
Засвѣтили на нихъ свѣчки воскояровыя.
Молодые пушкари изъ подкопу выходили,
Свѣчки догорѣли, — бочки не разорвало.
На то нашъ государь приразгнѣвался и пріосердился,
Приказалъ нашъ государь пушкарей своихъ казнить,
Пушкарей своихъ казнить, саблей головы рубить.
Всѣ наши пушкарчики задумались — стоятъ,
Задумались — стоятъ, ничего не говорятъ,
Одинъ же пушкаричекъ осмѣлился,
Къ царю близко подходилъ, ему рѣчи говорилъ:
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Не приказывай казнить, прикажи мнѣ говорить:
— На ходу-то наши свѣчки скоро горятъ,
— Во глухомъ же мѣстѣ онѣ тихо горятъ. —
Не успѣлъ слова вымолвить, —
Свѣчки догорѣли, бочки розорвало.
Теперь нашъ государь привозрадовался,
Приказалъ нашъ государь пушкарей своихъ дарить,
Всѣмъ пушкарямъ по пятидесятъ рублей,
Одному пушкарчику пятьсотъ ему рублей;
За то ему пятьсотъ: къ царю близко подходилъ,
Къ царю близко подходилъ, ему рѣчи говорилъ.

Напечатана въ «Этнографическомъ Сборникѣ», издав. И. Р. Геогр. Обществомъ, Вып. V, 1862 г., Смѣсь, стр. 27—28. Извлечена изъ Сборника пословицъ, загадокъ, басенъ и пѣсенъ, доставленнаго въ Общество въ 1849 г. отъ директора Пермскихъ училищъ. Сборникъ озаглавленъ: «Этнографическій очеркъ села Новаго Усолья. По словамъ автора Очерковъ, пѣсня записана со словъ одного пріѣзжаго мужика». Такимъ образомъ точное мѣсто записи неизвѣстно; запись сдѣлана плохо, не съ голоса; повидимому, пѣсня возстановлена по памяти и не безъ подправокъ. Стихъ не выдержанъ.

Перепечатана въ Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, Вып. VI, стр. 5—6.

Уфимской губерніи.

5.

Ужъ вы гости мои да полюбовные мои,
Посидите у меня да побесѣдывайте [1]).
Ужъ и я-ли вамъ скажу побасеночку свою
Про грозна царя Ивана, про Васильевича.
Что не грозная туча подымалася,
Подымался государь да съ каменной своей Москвы,
Онъ со всею со силою, со войскою,
Онъ со войскою, со московскою.
Не дошедши до Казани останавливался,
Становился государь на Свіягѣ на рѣкѣ,
На Свіягѣ на рѣкѣ, по сю сторону.
Какъ поутру государь переправлялся на Чеканъ,
Перебравшись на Чеканъ, онъ и ночку ночевалъ,
Одну ночку ночевалъ, онъ подкопы подкопалъ,
Онъ подкопы подкопалъ, сорокъ бочекъ закаталъ,
Онъ со тѣмъ-ли со зельѐмъ, съ сильнымъ порохомъ.
Что татарочки по стѣночкамъ похаживаютъ,
Миткалинову рубашку заворачиваютъ.
. . . .

[Конца пѣсни въ Николаевкѣ не знаютъ].

Записана Н. Е. Пальчиковымъ въ с. Николаевкѣ Мензелинскаго у. Уфимской губерніи. Напечатана въ его Сборникѣ: «Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевкѣ», подъ № 39, стр. 99.

---

1) Каждый стихъ повторяется.

Оренбургской губерніи.

6.

Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
Что не сизый орлище встрепенулся,
Что не грозная туча поднималася,
На Казанское царство наплывала —
Какъ изъ сильнаго Московскаго царства
Поднимался Великій князь Московскій,
Что Иванъ, батюшка, Васильевичъ,
Онъ со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Какъ онъ, грозенъ Царь, подъ Казань подступилъ,
Подъ рѣчушку подъ Казанку подкопы подводилъ,
Подъ другую сторону Сулая-рѣчки сорокъ бочекъ закатилъ
Со лютымъ зельемъ, со лютымъ зельемъ, со порохомъ.
Зажигали мы на бочкахъ свѣчи восковыя;
Зажегши свѣчи, сами прочь отошли.
Злые татарченки по стѣночкѣ похаживаютъ,
Нашего царя, батюшку, Ивана Васильевича поддразниваютъ:
«Ты не городъ пришелъ брать, пришелъ тылъ казать!»
На то грозный Царь распрогнѣвался:
«Подавай мнѣ пушкарей казнить-вѣшати!»
Какъ нашелся изъ насъ молодой пушкарь:
«Не изволь, государь, насъ вѣшать-казнить;
Позволь, государь, намъ рѣчи говорить.
Наружи-то свѣчи онѣ скоро горятъ,
Подъ землей-то онѣ не скоро горятъ».
Не успѣлъ пушкарь словъ досказать,
Стало бочки рвать, землю нарозно метать.

Записана въ ст. Разсыпной въ 1904 г. отъ урядника Аѳанасія Щепачева 81 года. Напечатана въ сборникѣ Мякутина — Пѣсни Оренбургскихъ казаковъ, т. I (1904), стр. 2.

Оренбургской губерніи.

7.

Ужъ вы, люди, люди стародавніе,
Молодые молодцы, вы, казаченьки!
Еще я вамъ разскажу про царевый про походъ,
Про грозна царя Ивана Васильевича:
Онъ походомъ подходилъ подъ Казань-городъ,
А подкопы подкопалъ подъ Казанку, подъ рѣку;
Что татары же по городу похаживали,
Что грозна царя Ивана Васильевича поддразнивали.
Что тутъ-то нашъ грозный царь прикручинился:
Онъ повѣсилъ буйную головушку на правое плечо,
Опустилъ глаза во мать сыру землю,
Онъ велѣлъ, государь, пушкарей сзывать,
Пушкарей сзывать, зажигальщиковъ,
Онъ велѣлъ скоро казнить, скоро вѣшати.
Какъ нашелся изъ нихъ молодой пушкарь:
«Не изволь, государь, казнить-вѣшати,
Позволь, государь, мнѣ рѣчь говорить».
Не успѣлъ молодой пушкарь слово вымолвить,
Воску яраго свѣча загоралася,
Бочка съ порохомъ разлеталася,
Что погибло татаръ сорокъ тысячъ и три тысячи.

Записана въ ст. Нижнеозерной, въ 1903 г., отъ бомбардира Василія Стрижева 36 лѣтъ. Напечатана въ сборникѣ Мякутина — Пѣсни Оренбургскихъ казаковъ, т. I, стр. 2.

ВЗЯТЬЕ КАЗАНСКОЕ ЦАРСТВО [1]).

Изъ западной Сибири (?)

8.

Середи было казанскова царства | что стояли белокаменны полаты | а изъ спалны белокаменной полаты | о^{т}о сна тутъ царица пробужалася, царица Елена [2]) Семиону царю она сонъ расказала, аи ты встань Семпенъ царь пробудися, что начесь мне царице мало спалося, в сновиденьице много виделося, какъ о^{т} силнова московскова царства, кабы сизой орлиш'ша стрепенулся, кабы грозная туча подымалась, что на наше веть царство || наплывала, а из силнова московскова царства, подымался великой князь московски, а Иванъ сударь Васильевичь прозритель [3]) со темя ли пехотными полками, что со старыми славными казаками, подходили под казанское царство за пятнатцать верстъ, становились оне подкопью по^{д} Булатъ реку, по^{д}ходили по^{д} другую под реку по^{д} Казанку, с чернымъ порохомъ бочки закатали, аи по^{д} гору ихъ становили, по^{д}водили по^{д} казанское царство, воску ярова свечу становили, а другую веть на поле в лагире, еще на поле свечата згорела, а в землета идетъ свеча тишея, воспалился тутъ великіи князь, московскіи князь Иванъ сударь Васильевичь, прозритель [4]) и зачелъ конанеровъ тутъ казнити, что началася о^{т} канаперо^{в} измена, что болшои за меншова хоронился, о^{т} меншева ему князю о^{т}вету нету, еще тут ли молодои конанеръ выступался, ты великіи сударь князь московскіи, не вели ты насъ

---

1) Наклонныя черточки въ текстѣ этой пѣсни передаютъ черточки, которыми въ оригиналѣ текстъ мѣстами разбитъ, очевидно, на стихи. Разставлены эти черточки въ оригиналѣ нѣсколько позднѣе, чѣмъ написанъ самый текстъ, но онѣ сдѣланы чернилами очень сходными, если не тожественными, съ тѣми, которыми написанъ текстъ, и опредѣленно сказать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, поставлена черточка при написаніи текста или позднѣе, едва ли можно.

2) Слова «царица Елена» въ оригиналѣ зачеркнуты.

3) *о* подправлено или сдѣлано изъ другой буквы.

4) *прозритель* въ оригиналѣ зачеркнуто.

конанеровъ казнити, что на ветре свеча горитъ скорее, а в землета свеча идетъ тишѣ[1]), позадумался князь московски онъ, и сталъ тета речи размышляти, собою еще какъ бы это дело о^{т}тянути, оне тета речи говорили, догорела в земле свеча воску ярова, до тоята бочки с чернымъ порохомъ, принималися бочки с чернымъ порохомъ, подымала высокую[2]) гору^{ту} [3]), разбросала белокаменны полаты, и бежалъ тутъ велики князь московски, на тое ли высокую гору^{ту} [3]) где стояли царские полаты, что царица Елена догадала^{с}, она сыпала соли на ковригу, она с радостью московскаго князя встречала, а таво ли Ївана сударь Васильевича, прозрителя и за то онъ царицу пожаловалъ, и привелъ || в крещеную веру, в монастырь царицу постригли, а за гордость царя Симеена, что не встретилъ великова князя онъ, и вынялъ ясны очи косица^{мі}, онъ и взялъ с него царскую корону и снялъ царскую перфиду, онъ царской костыль в руки принелъ, и в то время князь воцарился, и населъ в московское царство, что тогда де Москва основалася, и[4]) с техъ поръ и[5]) великая слава.

Перепечатана изъ Сборника, приписываемаго Киршѣ Данилову. Изданіе И. Публ. Библіотеки, подъ ред. Т. Шеффера, стр. 119. Примѣчанія принадлежатъ г. Шефферу.

Енисейской губерніи.

9.

Ужъ вы, старыя старушки, вы послушайте,
Молодые вы, робятушки, вы подумайте,
Ста̀рину я вамъ скажу стародавнею —
Про царя было про Ивана про Васильевича.

---

1) *ш* написано по подскобленому.

2) Вмѣсто *с* сначала было написано *о*.

3) *ту* надписано, повидимому, другимъ почеркомъ.

4) *и* написано, кажется, другимъ почеркомъ.

5) *и* въ оригиналѣ зачеркнуто.

Ужъ онъ, нашъ бѣло̀й царь, онъ хитёръ былъ мудёръ,
Онъ хитёръ и мудёръ, мудрѣй въ свѣтѣ ево нѣтъ.
По̀дходилъ бы царь подъ стѣны, подъ стѣны каменныя,
Подъ каменныя стѣны шолъ бы по̀дкопью,
Онъ подкатывалъ боченочки дубовенькіе,
Со лютымъ сильнымъ зельемъ чэрнымъ порохомъ,
Становилъ бы царь свѣчѝ и свѣчѝ сальныя,
Свѣчи сальныя и свѣчи подземельныя.
«И вы горите ко, свѣчѝ, и вы не га́сните»!
И горятъ еты свѣчѝ, долго теплятца:
Аль нашъ же бѣлой царь расержатися сталъ.
Всѣ же енералы испужалися,
А одинъ ко те енералъ не устра̀шился,
Хотѣлъ ко, горить, съ царемъ слово молвити....
И начало стѣны рвать, только кло̀чни летять.
И злы татарченны со стѣно̀чки попа́дали.
Начали косить, по грудямъ въ крови бродить....

Записана г. Макаренко въ д. Кежем. Заимка отъ кр. Евграфа Вас. Сизыхъ. Напечатана въ «Живой Старинѣ», XVI, Вып. II, отд. 2, стр. 33.

Костромской губерніи.

10.

Вы послушайте, ребята, что мы станемъ говорить,
А мы старыя старушки станемъ сказывати
Про грозна царя Ивана про Васильевица.
Какъ царь-государь подъ Казань подступалъ,
Онъ подъ рѣчку подъ Казанку подкопъ подкопалъ,
Что подкопъ подкопалъ, сорокъ бочекъ за̀копалъ,
Что съ тѣмъ ли ярымъ зельемъ, чернымъ порохомъ,
А на бочки становили воску ярова свѣчи.

Злы татарове по городу похаживаютъ,
Похваляются да выхваляются:
— Что не быть (дескать) Казанюшкѣ подъ бѣлымъ подъ царемъ. —
А нашъ царь-государь распаляется,
Распаляется, прогнѣвляется,
А на завтра пушкарей онъ велитъ всѣхъ казнить,
Всѣхъ пушкарщиковъ, зажигальщиковъ.
Какъ одинъ пушкарь посмѣлѣй всѣхъ былъ:
— «А за первое, царь, слово мнѣ нѣтъ казни:
А въ тиши-то свѣчи онѣ тише горятъ,
На вѣтру-то свѣчи онѣ шибче горятъ».
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить, —
Какъ и взорвало стѣну бѣлокаменную,
Поломало всѣ башенки узорчатыя.
Вдругъ нашъ царь-государь очень веселъ сталъ,
А на утро пушкарей велитъ жаловати:
И всѣмъ пушкарямъ по пятидесятъ рублей,
Еще той ли славной улицей Стрѣтенскою.

Записана г-жею А. Кобяковой, кот. слышала ее изъ устъ народа въ дѣтствѣ. Напечатана въ «Былевыхъ пѣсняхъ» П. В. Шейна въ Чтеніяхъ въ И. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1877, кн. III, стр. 49.

Нижегородской губерніи.

*11.

Эхъ, запоёмъ про царя
Мы про бѣлава споёмъ царя.
Грозенъ бѣленькай царекъ 2
Э, царь Иванъ, сынъ Васильявичъ. 2
Эхъ ли, онъ подъ городомъ, да подъ Казанью
Семь лѣтъ силою стоялъ;
Онъ подъ рѣчку подъ Казанку
Три онъ подкопа царь-атъ подкопалъ;

Онъ во етѣ во подкопы,
Эли, тутъ бочекъ много онъ накаталъ, —
Э все такея бочки не простэя, —
Съ зельемъ, съ порохомъ да со лютымъ свинцомъ.
Какъ по городу по Казани
Злы ти татары воры гуляли́;
Злы́ татары воры басурманы
Они насмѣялисъ царю-та во глаза.
На то, знать, царь-атъ разсердилса,
Мастерочковъ хотѣлъ вѣшати[1]).
Одинъ-атъ мастеръ мастерочекъ
Смѣлёшенекъ мастеръ былъ,
Къ царю близко мастеръ подходилъ,
Къ царю близко подходилъ,
Съ царемъ рѣзко[2]) говорилъ:
«Ушъ ты бѣлай, ушъ ты бѣленькай нашъ царекъ,
Царь Иванъ да ты Васильевичъ, сынъ Васильёвичъ,
Ты не слушай, бѣлый нашъ царекъ,
Некрещеныхъ басурманъ:
На вѣтру свѣча навсегда горитъ скорѣ».

«Записана въ с. Фокинѣ Васильсурскаго уѣзда. Запѣвалъ крестьянинъ Карулинъ, подпѣвалъ Зубриловъ. Пѣвцы заявляли, что плохо знаютъ эту пѣсню, ее почти уже не поютъ; они, можетъ быть, лѣтъ 20 не пѣли; теперь «мѣшаются въ словахъ».

Когда мнѣ послѣ еще они пѣли эту пѣсню, то, кажется, лучше припомнили ея начало:

Воспоемте, братцы, нову пѣсню
Мы про бѣлава царя,
Ивана сынъ Васильявича,
Какъ подъ городомъ подъ Казанью
Семь лѣтъ силушкой стоялъ...

Пѣсню эту знаютъ въ Нижегородской губерніи и въ другихъ мѣстахъ, но хорошаго, полнаго варіанта мнѣ не удалось нигдѣ услышать и записать». Замѣчанія доставившаго списокъ пѣсни В. Чернышева.

---

1) Въ разсказѣ этотъ стихъ переданъ такъ: Онъ повѣшать хотѣлъ мастеровъ.

2) Въ разсказѣ вмѣсто этого слова: рѣчи.

Казанской губерніи.

12.

Мы споемъ-ти, братцы, пѣсню нову,
. . . .
Мы не сами споемъ про себя:
. . . .
Мы про бѣлыва споемъ царя.
. . . .
Грозенъ, грозенъ бѣленькій царечикъ,
. . . .
Царь Иванъ сынъ Васильевичъ!
(Онъ подъ рѣчку подъ Казанку три подкопа подкопалъ)
Подъ городомъ, городомъ Казанью
(Много бочекъ подкатилъ).
Подъ рѣченьку, рѣчку подъ Казанку
(Есть такія бочки не простыя), —
Три подкопа, царекъ, подкопалъ,
(Съ зельемъ порохомъ, съ лютымъ виномъ).
Много бочекъ, царекъ, накаталъ.
(Какъ по городу по Казани)
Есть такія бочки, непростыя,
(Злы татары воры гуляли),
Съ зельемъ, порохомъ, со лютымъ виномъ.
(Злы татары воры басурманы)
По городу, городу Казани
(Надсмѣялись царю во глаза).
Злы татары гуляли.
(Недостойно вамъ смѣятица)!
Злы татары, воры-басурманы
(Они тѣмъ то подсмѣялися царю):
Надсмѣялись царю во глаза.
(Ни во сто лѣтъ, не въ тысячу тебѣ Казань не взятъ).

Царь на эвто слово осердился,
(На то царь осердился, мастерочка отыскалъ).
Мастерочкамъ хотѣлъ вѣщать.
. . . .
Одинъ мастеръ, мастерочекъ
. . . .
Смѣлешеникъ очень былъ,
Лично ко царю близка подходилъ.
(Къ царю лично, мастеръ, подходилъ):
(Ужъ ты царь ли бѣленькій царечикъ),
Ты нашъ бѣленькій царечикъ
(Ужъ Иванъ сынъ Васильевичъ),
Царь Иванъ сынъ Васильевичъ!
(Ты зажги-ка воску яра бѣлую свѣчу).
(Не успѣла свѣча разгорѣтца),
(Съ мастерочка царь головушку снялъ)
(На воздухъ Казань поднялась). —

Варіантъ, напечатанный курсивомъ и въ скобкахъ, записанъ въ выселкѣ Ново-Алексѣевскѣ.

Напечатана В. Магнитскимъ въ «Пѣсняхъ крестьянъ» села Бѣловолжскаго Чебоксарск. у. Казанской губ., стр. 82—83.

Самарской губерніи.

13.

Охъ вы старые старики, пожилые мужики!
И кто бъ намъ сказалъ про Казань-городъ,
Про того царя про Ивана Васильевича?
Еще грозный царь Иванъ Васильевичъ Казань - городъ бралъ,
Подъ Казаночку подъ рѣку подкопъ подводилъ. [1])

---

1) Разночтеніе:
Подъ Казанку подкопъ подкопалъ,
Подъ другую сторону подъ Буланъ рѣку.

Онъ закатывалъ бочечки съ порохомъ,
Затеплялъ свѣчи воску ярова.
Какъ молоденька татарочка по стѣночкѣ похаживала,
По бѣлымъ бедрамъ рукой похлопывала
И надъ Бѣлымъ царемъ надсмѣхалася:
«Гдѣ тебѣ Бѣлый царь Казань городъ взять!»
На это царь Иванъ Васильевичъ осердился,
Онъ приказываетъ своихъ пушкарей казнить, вѣшати,
Стрижку, ярыжку и сына Ѳедорыча.
Выбирался изъ нихъ молодой пушкарь:
«Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ,
«Не приказывай казнить, вѣшати:
«На вѣтру свѣча вѣдь скоро горитъ, теплится,
«А подземельна свѣча тихо горитъ, не скоро теплится». —
Не успѣлъ добрый молодецъ рѣчь окончити, —
Взорвало стѣны каменныя,
Стало по стѣнушкамъ кидать - метать,
Гдѣ голова татарска, гдѣ туловище.

Зап. И. И. Акутинымъ лѣтомъ 1875 г. на Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ. Напечатана П. В. Шейномъ въ Чтеніяхъ въ И. О. Ист. и Древн. Росс. 1877, кн. III, стр. 48.

Они бочки съ порохомъ закатывали,
Зажигали свѣча воску ярова.
Какъ татарочка по крѣпости похаживала,
Грозному царю рѣчь сердитую говаривала:
— Не видать тебѣ, грозный царь, золотыхъ маковей... —
Не успѣла татарочка рѣчь окончити, —
Догорѣли свѣчи воску ярова,
Разорвали бочки съ порохомъ,
Начало рвать и метать во всѣ стороны,
Бросать гдѣ нога, гдѣ рука,
Гдѣ татарская башка.

Саратовской губерніи.

14.

Царь Иваначъ силинъ, грозинъ былъ,
Да вить царь падъ рѣчушкай, ой-ли царь падъ рѣчушкай,
Падъ рѣчушкай царёкъ стаялъ, вотъ стаялъ;
Какъ падъ рѣчкай, царь-ли падъ рѣчкай, царёкъ патъ Казанкай,
Семь лѣтъ съ силушкай царёкъ стаялъ;
Семь лѣтъ съ силушкай царёкъ стаялъ-ли,
Да три паткопа, да три-та паткопа царь паткапалъ,
Да три паткопа, да три-та паткопа царь паткапалъ-ли,
Соракъ бочикъ, да соракъ бочикъ царь накаталъ;
Да йети бочки, да йети ани ни прастыя,
Съ зельямъ-порхамъ, съ зельямъ-порхамъ, са лютымъ виномъ!
Да вы, татары, да вы, татары, воры биссурманы,
Па Казани, да па Казанки воры гуляли,
Охъ па Казани, па Казанки воры гуляли;
Ани насміялись, насміялись царю въ глаза:
«Какъ ни взять-ли тибѣ, царёчикъ, ни взять-ли тебѣ, царёкъ,
Нашъ Казанскай, нашъ Казанскай славнай гарадокъ, гарадокъ!»
— Асирдилси, да асирдилси царёкъ, разгнѣвалси
На своихъ-жа, на своихъ-жа онъ главныхъ мастярофъ. —
Адинъ мастиръ, да адинъ мастиръ смѣлай былъ,
Къ царю онъ бліска, къ царю онъ бліска мастиръ патхадилъ,
Къ царю бліска, къ царю бліска мастиръ патхадилъ-ли,
Съ царёмъ рѣчи, съ царёмъ рѣчи мастиръ гаварилъ:
«Да ни сирдись-жа, да ни сирдись-жа, царёкъ, ни гнѣвайси
На сваихъ-жа, да на сваихъ-жа главныхъ мастярофъ!
Да ты давай-ка, да ты давай-ка, царёкъ,
Воску яра... воску яравыхъ, царёкъ, свичей;

Будимъ свѣчки, будимъ свѣчки, царёкъ, зажигать;
Какъ мы свѣчки, какъ да свѣчки вотъ зажгёмъ,
Исъ паткопа, исъ паткопа да мы прочь пайдёмъ;
Да будутъ свѣчки, да будутъ свѣчки ани дагарать,
Казань горатъ, да Казань горатъ будитъ разрывать!»

Записана въ с. Малая Сердоба, Петровскаго уѣзда, 19 іюля 1899 года. Напечатана въ Трудахъ Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи, Вып. XXIV, стр. 136, подъ № 4.

Саратовской губерніи.

15.

Грозенъ, грозенъ, грозенъ, да грозенъ нашъ-отъ бѣлый царь,
Царь Иванъ, царь Иванъ, царь Иванъ Василичъ грозенъ былъ!
Да онъ подъ рѣчкай, да онъ подъ рѣчинькай подъ Казанью,
Семь лѣтъ съ силаю, семь лѣтъ съ силушкай царёкъ простоялъ;
Да онъ не такъ-же, да онъ не такъ-же царёкъ нашъ стоялъ,
Царь работу, царь работу, царь работушку работалъ;
Да три поткопа, три поткопа, три поткопа поткопалъ,
Много бочекъ, много бочекъ, много бочекъ царь нашъ накаталъ;
Да эти бочки, охъ эти бочки ни простыя,
Ни простыя, ни простыя бочки занятыя,
Съ зельемъ съ порхомъ, съ зельемъ порхомъ, со лютымъ онѣ виномъ!
— Во городѣ, во городѣ, во городѣ во Казани,
Тамъ татары, тамъ татары воры гуляли,
Насмѣялись, насмѣялись да они царю въ глаза:
«Тебѣ не взять-же, тебѣ не взять-же, бѣлый царь,
Нашъ Казанскій, нашъ Казанскій-ли славный городокъ
Ни во сто, ни во двѣсти, ни во тыщу годофъ»!
— На то слово, на то слово, на то слово нашъ бѣлый царь
Прогнѣвался, прогнѣвался, прогнѣвался царёкъ, осерчалъ,
Да громкимъ голосомъ, да громкимъ голосомъ закричалъ:

«Да мастера-ли, мастера-ли, только мои мастерочки,
Подойдите, охъ подойдите поближе ко мнѣ, вы ко мнѣ! —
— Одинъ мастеръ, одинъ мастеръ больно смѣлый былъ,
Къ царю лично, къ царю лично вотъ мастеръ потходилъ,
Къ царю лично, къ царю лично мастеръ только потходилъ,
Съ царёмъ рѣчи, съ царёмъ рѣчи да мастеръ говорилъ:
«Да погодите, охъ погодите только, нашъ бѣлый царь,
На единый, на единый, да на одинъ только часокъ»! —
— Не успѣлъ-же онъ, охъ, не успѣлъ-же онъ словечко сказать,
Да Казань городъ, Казань городъ огонёмъ подняло.
— Изъ городу, ой изъ городу вотъ только изъ Казани
Всѣ татары, всѣ татары воры да они бѣжали
По дремучимъ, по дремучимъ они да по лѣсамъ,
Да вотъ по крýтыимъ по крýтыимъ по горамъ.

Пѣсня записана 16 іюля 1899 года отъ крестьянина великорусса слободы Елани, Аткарскаго уѣзда, Θеодора Сергѣевича Варенова.

Напечатана въ Трудахъ Саратовской Ученой Архивной Комиссіи 1908 г., Вып. XXIV, стр. 136. подъ № 5.

Саратовской губерніи.

16.

Грозинъ, грозинъ толька царь Иванъ Василичъ,
Семь лѣтъ съ силушкай цырёкъ сваёй стаялъ;
Падъ матушкай, падъ матушкай Казанью рякой
Три паткопа, три паткопа цырёкъ паткапалъ;
Многа бочикъ, многа бочикъ цырёкъ накаталъ,
Зелья съ порахамъ, са люты́мъ са виномъ.
Ды пайѣхалъ царь Иванъ Василичъ
Ва Казанскай славнай гарадокъ;
Какъ фстричали вотъ яво татары
Фъ чистымъ поли, фъ чистымъ поли цыря аднавó;

Ой фстричали, ой фстричали яво татары
Са фсёй музыкай, са фсёй музыкай са стрильбой;
Да насміялись, да насміялись татары
Пряма ему, пряма ему ва глаза:
«Ни взять, ни взять, цырёкъ Иванъ Василичъ,
Нашъ Казанскай славнай гарадокъ, гарадокъ»!
— Да рассирдилси царь Иванъ Василичъ
На сваихъ онъ, на сваихъ онъ славныхъ мастяро́фъ:
«Я прійѣду, я прійѣду, фсѣхъ павѣшу,
Фсѣхъ павѣшу, фсѣхъ павѣшу да аднаво»!
— Адинъ мастиръ, мастиръ, мастярочикъ
Смѣлъ онъ рѣчи, смѣлъ онъ рѣчи съ царемъ гаварить:
«Пагадити миня казнить, вѣшать,
Прикажыти слова сказать, вотъ сказать:
Падзимельная эта свичà-ли
Завсягда, завсягда ана долга гаритъ».
Ни успѣли, ни успѣли слова сказать,
Зачала Казань горатъ ламать.

Пѣсня записана 7 іюня 1896 года отъ крестьянъ с. Козловки, Петровскаго уѣзда: Павла Дмитріевича Куликова и Мартына Кузьмича Мамыкина. Напечатана г. Соколовымъ въ Трудахъ Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи 1908 г., Вып. XXIV стр. 135, подъ № 3.

Саратовской губерніи.

17.

Кто бы намъ сказалъ про царёвъ походъ,
Про грознаго царя Ивана Васильевича?
Какъ онъ, грозенъ царь Иванъ Васильевичь,
Скоплялъ силушку ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ, еще три года:
Сокоплёмши свою силушку, воевать пошелъ
Онъ подъ славное царство Казанское;

Не дошедши до Казани, становился,
Становился нашъ батюшка въ зеленыхъ лугахъ,
Въ зеленыхъ лугахъ заповѣдныихъ.
Какъ онъ грозенъ царь подъ Казань подступилъ,
Подъ рѣчку подъ Казаночку подкопъ подводилъ,
Подъ другую сторону, подъ Булатъ подъ рѣку.
Мы съ порохомъ боченки закатывали,
Сорокъ бочекъ закатили съ лютымъ зельемъ, съ порохомъ,
Зажигали на бочкахъ воску ярова свѣчи,
Зажжёмши свѣчи, сами вонъ пошли,
Сами вонъ пошли, сами прочь отошли.
А злые татаришки по стѣночкѣ похаживаютъ,
Нашего царя Бѣлаго Ивана Васильевича подражниваютъ...
На то грозный царь осердился:
«Подавай мнѣ пушкарёвъ казнить-вѣшать!»
Вотъ и выбрался изъ нихъ молоденькій пушкарь:
— Не изволь, государь, насъ вѣшать и казнить,
— Дай ты намъ рѣчи сговорить:
— Наружи-то свѣчи — онѣ скоро горятъ,
— Въ подземельи-то свѣчи не скоро теплются.
Не успѣлъ слова сказать, — стало бочки рвать,
Стало бочки рвать, землю на̀-розно метать,
И побило всѣхъ татаръ каменничкомъ.

Записана А. Н. Пасхаловой въ Саратовѣ. Напечатана въ Памятникахъ Великорусскаго нарѣчія, изд. И. Ак. Н. 1855, стр. 147. Перепечатана въ Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, Вып. VI, стр. 4—5. Варіантъ съ незначительными разнорѣчіями см. въ Пѣсняхъ, собранныхъ въ Саратовск. г. А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровымъ. Лѣтописи русск. литературы и древности. Т. IV, Отд. 2, стр. 15—16.

Московской губерніи.

18.

Ужъ вы люди ли, вы люди стародавніе,
Молодые молодцы, даволь послушати,
Еще я вамъ разскажу про царевый про походъ,
Про грознȧ царя Ивана Васильевича.
Онъ подходомъ подходилъ подъ Казань городокъ,
А подкопы подкопалъ подъ Казанку подъ рѣку.
Что татары же по городу похаживали,
Что грознȧ царя Ивана Васильевича поддразнивали.
Что и тутъ-то нашъ грозенъ царь прикручинился,
Онъ повѣсилъ буйну голову на правое плечо,
Утупилъ онъ ясны очи во сыру мать землю,
Онъ велѣлъ ли, государь царь, пушкарей сзывать,
Пушкарей созывать, зажигальщичковъ,
Онъ велѣлъ, сударь, скоро казнить, скоро вѣшати.
Не успѣлъ молодой пушкарь слово вымолвить, —
Воску яраго свѣча затеплилася,
Что и съ порохомъ бочка загорѣлася,
Что побило татаръ сорокъ тысячей,
Сорокъ тысячей и три тысячи.

Записана А. А. Григорьевымъ отъ цыгана Антона Сергѣева. Напечатана въ Сборникѣ Якушкина — Нар. русск. пѣсни 1865, стр. 68—69. Перепечатана въ Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, Вып. VI, стр. 3.

---

19 [1]).

Охъ вы гости, гости званые,
Гости званые, гости браные!
Сказати ли вамъ, гости, про диковинку,
Про диковинку такую не про маленьку:

1) Мѣсто записи неизвѣстно.

Еще какъ государь царь Казань городъ бралъ.
Онъ въ овражкѣ простоялъ, — онъ и кашку расхлебалъ,
Въ другомъ простоялъ, — онъ другую расхлебалъ;
Онъ подкопы копалъ подъ Казанку рѣку,
Онъ подводъ подводилъ подъ Казань городъ,
Онъ подкатывалъ бочки, бочки дубовыя,
Какъ со лютымъ со злымъ чернымъ порохомъ.
Затеплялъ же онъ свѣчу воску яраго.
Татарки казанки на стѣнѣ онѣ стояли,
На стѣнѣ онѣ стояли, ж. . ы показали:
«Еще вотъ тѣ, государь царь, Казань городъ взять!»
Государево сердечко разсердитовалось,
Приказалъ онъ пушкаревъ казнить - вѣшать.
Выбиралися въ полку люди умные,
Люди умные, люди разумные:
— Охъ гой еси, государь царь Иванъ Васильевичь!
— Не приказывай, государь, казнить-вѣшати,
— Прикажи ты, государь царь, слово выговорить:
— На вѣтру свѣча скоро топится,
— Въ захолустьи свѣча долго теплится. —
Не успѣлъ же государь царь слово выговорить, —
Еще начало же Казань городъ рвати,
Рвать-порывать, на всѣ стороны кидать,
Татарокъ казанокъ въ рѣку всѣхъ бросать.

Напечатана въ Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, Вып. VI, стр. 1—2, съ указаніемъ, что доставлена г. Варламовымъ.

---

20 [1]).

Добрые люди, послушайте,
А мы, малые ребята, станемъ сказывать
Про грозна царя Ивана Васильевича.

---

[1]) Мѣсто записи неизвѣстно.

Какъ грозный царь Иванъ Васильевичь
Къ Казани подходилъ, какъ Казань городъ бралъ.
Отъ Свіяжскаго отъ города подкопъ подводилъ
Онъ подъ славную подъ рѣчку подъ Казанку-рѣку,
Со своей силою войскою;
Онъ и бочечки со порохомъ закатывалъ.
Затепляетъ онъ свѣчи воску яраго,
И поставилъ свѣчи воску яраго.
На вѣтрѣ свѣчи скоро топятся,
Въ закутѣ свѣчи долго топятся.
— Не вели ты, батюшка, казнить,
— Вели слово говорить. —
Не успѣлъ пушкарь слово молвити,
Правду выговорити, —
Раскидало-разметало стѣну каменную.

Напечатана въ Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, Вып. VI, стр. 2 съ указаніемъ, что доставлена г. Варламовымъ.

---

21 [1]).

Вы молодые ребята, послушайте,
Что мы, стары старики, будемъ сказывати
Про грознаго царя Ивана про Васильевича.
Какъ онъ, нашъ государь царь, подъ Казань городъ ходилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.
Ой, татаре по городу похаживаютъ,
И всяко грубіянство оказываютъ,
Они грозному царю насмѣхаются:
««Ай, не быть нашей Казани за Бѣлымъ за Царемъ!»»

---

1) Мѣсто записи неизвѣстно.

Ахъ, какъ тутъ нашъ государь разгнѣвался,
Что подрывъ такъ долго медлится,
Приказалъ онъ за то пушкарей казнить,
Подкопщиковъ и зажигальщиковъ.
Какъ всѣ тутъ пушкари призадумалися,
А одинъ пушкарь поотважился:
— Прикажи, государь-царь, слово выговорить? —
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить,
Тогда лишь догорѣли зажигальныя свѣчи,
И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ,
Какъ стѣны бросать стало за Сулай за рѣку.
Всѣ татаре тутъ, братцы, устрашилися,
Они Бѣлому царю покорилися.

Напечатана въ пѣсенникахъ Новикова (1780), Чулкова (1770), Гурьянова (1835) и друг. Перепечатана въ Пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, Вып. VI, стр. 6—7.

ОТГОЛОСКИ ВЗЯТІЯ КАЗАНИ.

Симбирской губерніи.

22.

«Ты куда, куда собираешься,
Православный Царь, изъ Москвы въ Казань?»
Не одинъ-то православный Царь собирается,
Беретъ добраго молодца и меня съ собой.
А мнѣ, доброму молодцу, ѣхать не хотѣлося,
Хотѣлось въ Москвѣ пожить,
[Въ Москвѣ пожить], при дворцѣ служить,
При дворцѣ [служить] государевомъ.
Ничего-то мнѣ въ Москвѣ не пожалилось,
Да только жалко зелена саду,
Да жалко мнѣ, доброму молодцу,
[Добру молодцу] въ саду три деревца:

Первое деревцо — кипарисово,
Другое деревцо — зелена груша,
Третье деревцо — сладко яблонько.
Купарисово деревцо — родной батюшка,
А зелена груша — родна матушка,
Сладко яблонько — молода жена.
Гдѣ батюшка плачетъ, тутъ рѣка течетъ,
Гдѣ матушка плачетъ, ключи быстры текутъ,
Гдѣ жена плачетъ — туманъ съ дождемъ.

Записана П. В. Шейномъ въ 1856 г. въ с. Усть-Урень Корсунскаго у. Симбирской губ. и напечатана имъ въ «Чтеніяхъ въ И. Обществѣ Истор. и Древн. Россійскихъ 1877, кн. III, стр. 39.

23.

Во славномъ городѣ во Казани,
Середи торгу на базарѣ,
Не ручей шумитъ, то слеза катитъ
По бѣлу́ лицу красной дѣвицы.
Что не трубушка востру́била,
То возго́воритъ красавица,
Молодая татарушка:
«Не отецъ не мать разлучили насъ,
«Разлучилъ насъ Великій Князь
«Князь Иванъ сударь Васильевичь:
«На лету убилъ ясна со́кола
«А меня, младу, во плѣнъ берётъ».

Мѣсто записи неизвѣстно. Напечатана въ Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, Вып. VI, стр. 12 съ указаніемъ, что доставлена г-жей Улыбашевой.

ОТГОЛОСОКЪ ВЗЯТІЯ АСТРАХАНИ.

Воронежской губерніи.

24.

Собирался князь Никита
Сынъ Өеодоровичъ,
Онъ во путь во дороженьку,
Въ Астрахань городъ.
Вотъ онъ дѣлалъ телѣжки
Астраханскія,
А не мало и не много —
Сорокъ восемь тысячъ.
Обивалъ онъ телѣжки
Дорогимъ сукномъ,
Дорогимъ такимъ [1]) сукномъ,
Чернымъ бархатомъ.
Онъ сажалъ на тѣ телѣжки
По семи человѣкъ,
По восьмому онъ сажалъ
По кучеру,
По девятому онъ сажалъ
Кашевapoмy,
По десятому онъ сажалъ
Провожатому.
Напередъ онъ послалъ
Своего гонца:
«Ты гони, гони, гонецъ,
Въ Астрахань-городъ!
«Ты воскликни, ты возгаркни
Громкимъ голосомъ:

1) *Тонкимъ?* примѣч. П. Безсонова.

— «Ужь вы гой-еси, купцы
Астраханскіе!
— «Отворяйте-ка ворота
Вы широкіе,
— «Мы пріѣхали къ вамъ, купцы
Черноморскіе,
— «Привезли мы вамъ товары
Все заморскіе:
— «Черныхъ соболей
Со куницами,
— «Съ чернобурыми
Со лисицами». —
Отворяли имъ купцы
Свои ворота
Становили купцы гонца
Во гостиницу.
Но тамъ гонецъ
Не уставился;
Очищали для гонца
Три площади,
Просили со гонца
Три пошлины:
— Заплачу́ я вамъ, братцы,
Всѣ три пошлины. —
Какъ съ перваго часу,
Со полуночи,
Выходилъ нашъ гонецъ
На высокъ балконъ,
Онъ воскликнулъ-возгаркнулъ
Громкимъ голосомъ:
— Ты вставай, вставай,
Живой товаръ!
— Ты съ перваго конца
Жги-пали,

— А съ другаго конца
Сѣки-руби,
— А съ третьяго конца
Во полонъ бери,
— На каждаго молодца
Цѣпь тяжелую клади!—
Закричали купцы, купцы
Астраханскіе:
««Какъ ни честь, ни хвала
Царю Бѣлому,—
««Какъ не взяли Астрахань
Городъ въ тридцать лѣтъ,
««А теперь взяли его
Ровно въ три часа!»»

Записана въ Задонскомъ у. Воронежской губерніи и перепечатана Г. Безсоновымъ въ «Пѣсняхъ, собран. П. Кирѣевскимъ», Вып. VII. Дополненіе, стр. 161—163 изъ «Воронежской Бесѣды» 1861 г. По мнѣнію П. Безсонова, пѣсня относится къ очищенію Астрахани послѣ Разина, хотя онъ допускаетъ также, что «она можетъ относиться и къ другимъ завоеваніямъ, и не только Астрахани, а даже и другихъ городовъ, какъ, напримѣръ, весьма сходно поется о взятіи Азова». Въ виду того, что въ пѣснѣ нѣтъ никакихъ отголосковъ Разинскаго бунта, считаемъ возможнымъ, вмѣстѣ съ А. В. Марковымъ, видѣть въ ней глухое воспоминаніе о первомъ занятіи Астрахани, хотя къ событію впослѣдствіи пріуроченъ распространенный бродячій сюжетъ о взятіи города посредствомъ тайно ввезенныхъ въ него воиновъ.

СМЕРТЬ ЦАРИЦЫ АНАСТАСІИ РОМАНОВНЫ.

Архангельской губерніи.

25.

А къ чему жа, братцы, пріуныла всё быстрá рѣка
Не гремятъ-то порóжки быстрыя?
А къ чему жа, братцы, пріумолкло-пріуныло солонó морё?
А къ чему жа, братцы, пріуныли, не шумятъ-то да лѣсы тёмныя?

А къ чему жа, братцы, поднебесная звёзда съ неба отпа́дала?
А къ чему жа, братцы, воску ярого свѣшша да потыхала жа?
Благовѣрная цярицѧ приставляласе;
Порушалась эта наша вѣра православная.
Говоритъ-то она таковы рѣчи:
«Ужъ вы дѣти, мои-то два царевицѧ,
Два царевицѧ мои-то, два любимыя,
Два любимы вы уче́ныя!
А подите-тко ко своёму родну батюшку,
Ко грозно́му-то цярю Ивану всё Васильицю;
Вы сходите-тко къ ему въ сенотъ-отъ жа,
Позовите-ко-се мнѣ его проститисе;
А вы знаите, какъ прійти къ ему, всё слово́ сказать:
Вы придите, станьте на ти жа жилы подколѣнныя,
Да вы говорите грозну цярю, своёму родну батюшку:
— «Ужъ ты гой еси, грозны́я цярь Иванъ Васильевицъ!» —
Вы подите-тко къ ему, позовите ко мнѣ-то всё проститисе»,
А какъ тутъ-то два царевицѧ да не ослышились;
А надѣли оны своё платьё цьвѣтноё,
А приходятъ они въ сенотъ къ своёму родну батюшку,
Ко грозно́му-ту цярю Ивану-ту Васильицю;
А онъ сидитъ-то на престоли всё на цярськомъ же,
А на го́ловы надѣтъ да вѣнецъ царськія,
А въ рукахъ держи́тъ-то онъ чудно́й-отъ крестъ.
Они стали на жилы-ти на подколѣнныя,
Они били [1]) своему цярю-батюшку:
«Ужъ ты гой еси, грозны́я цярь Иванъ-сударь Васильевицъ!
А зовё тебя цярицѧ наша матушка
Во послѣдней-отъ разъ съ тобой проститисе».
А тому-то вѣдь цярь не ослышилсэ;
Соходилъ-то онъ со престола-то со цярського,
Скидывалъ-то онъ вѣнецъ всё цярськія,

1) Т. е. челомъ. *Собир.*

А сымалъ съ себя порфиру цярськую,
А онъ клалъ на престолъ на цярськія,
Онъ пошолъ-то скоро ко цярици-то, своей къ молодой жены,
Онъ вѣдь скоро 'ходилъ къ ей въ свѣтлу свѣтлицю.
Увидала его молода жона,
Ише та же цярицля благовѣрная:
«Ужъ ты гой еси, грозны́я цярь Иванъ Васильевиць!
А какъ буду я тебѣ наказъ наказывать:
Ты не будь жа горечь, не будь спальчивъ жа,
До своихъ ты малыхъ дѣточекъ будь ты милостивъ,
А до двухъ-то всё младыхъ цяревиц́ей;
Я ишше́ тебѣ буду наказъ наказывать:
Ты постой-ко-се за вѣру православную,
Ты постой-ко за манастыри-ти спасе́ныя,
А за ти же за черквы-ти за Божія;
Я ише́ тебѣ буду наказъ наказывать:
Ужъ ты будь ты кротокъ, будь ты милостивъ
До чужихъ-то до дѣточокъ,
Новобраныхъ всё солдатушокъ:
Стоятъ-то они за вѣру православную,
За тобя, цяря Ивана Васильиця,
За всихъ-то князей, за бо́яръ.
Я ише́ буду тебѣ наказъ наказывать:
До своихъ-то до князей будь ты кротокъ, будь ты милостивъ,
А до тихъ жа ты князей, всё бояръ жа;
Я ише́ тебѣ буду наказъ наказывать:
Ужъ ты будь ты кротокъ, будь ты милостивъ
А до тихъ жа хрисьянъ да чёрнопахотныхъ:
Ты наложь-ка на ихъ подати по три денёжки, —
Наберешь ты многи тысячи;
Ты положь на ихъ по три копеечьки, —
Ужъ ты много насбирашь казны несчётныя;
Я ишше́ тебѣ буду наказъ наказывать:
Послѣ мо́его-то быванњиця,

Не женись-ко-се ты въ проклято́й Литвы,
Въ проклятой Литвы, орды поганыя
У Кострюка-Небрюка на родной сестры,
На той жа на Марьи Небрюковны:
Какъ порушитсе наша вѣра православная».
А какъ тутъ царь розьерилса жа,
Розьерилса онъ да розсердилса жа;
Убѣжалъ-то онъ отъ царици, изъ спальнёй онъ.
А во ту пору, во то время
Поднебесная звѣзда съ нёба отпа́дала,
Воску ярого свѣшша да потыхала жа,
Православна вѣра порушаласе;
Благовѣрная царицэ приставляласе.
А потухла свѣшша да воску ярого,
А преставилась цярицэ благовѣрная,
Поруши́лась наша вѣра православная.

Записана А. В. Марковымъ въ с. Зимняя Золотица на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря въ 1898 г. отъ кр. Гаврилы Крюкова. Напечатана имъ же въ «Бѣломорскихъ былинахъ» подъ № 84, стр. 456—458.

Архангельской губерніи.

26.

Пріутихло, пріуныло море синеё
Пріутихли, пріуныли рѣки быстрыя,
Пріутихли, пріуныли облака ходе́цiя:
Благовѣрная царица преставляласе,
Воску ярого свѣшша [1]) передъ ей да загорѣласе;
Передъ ей стоятъ два мла́дого два цяревицэ,
Да стоятъ они, слёзно уливаютце;
Во ногахъ сидитъ Настасья, доць цяревна-то

---

1) На возду́сяхъ.

А сидитъ она, слёзно уливаитце.
Говоритъ-то царица православная:
«Ужъ вы гой еси, два мла́дого цяревиця,
Двѣ мои-ли двѣ свѣшши да воску-я́ровыя,
Двѣ мои-ли двѣ верьбы́ двѣ кудрёва́тыя,
Вы двѣ кру́глы двѣ скацёны двѣ жимцюжинки,
И два руського два молодого, могуцёго бога́тыря!
Идите-ко, сходите ко грозному царю,
Вы ко грозному царю Ивану-ту Васи́льёвицю,
Къ своему-ли вы къ батюшку къ родимому:
Ише пусть же придётъ со мной проститисе».
Тутъ вѣдь мла́ды-ти царевйцй не отслышилисе,
Да приходятъ ко батюшку къ родимому;
Они падали ко батю̆шкў ко рѣзвы́мъ ногамъ:
«Ужъ ты гой еси, батюшко родимой нашъ,
Ужъ ты гро́зёнъ цярь Иванъ Васильёвиць!
Ты поди-тко съ матушкой проститисе:
У насъ матушка родима преставле́итце».
Отвѣчаётъ-то грозёнъ цярь Иванъ Васильёвиць,
Отвѣчаётъ онъ дѣтŏцькӑмъ со всей грубости:
— Ужъ вы гой еси, мла́ды̆ мŏй цяревици!
Ужъ вы какъ да э̆тŏ дѣло, пришли, здумали, ко мнѣ?
Недосугъ мнѣ-ка итти съ нею проститисе. —
Какъ приходятъ съ отвѣтомъ къ ро́дной матушки,
Ише къ той нашой царици православною.
Посылаётъ царица во второй ихъ наконъ,
Посылаётъ царица во трете́й ихъ во наконъ:
«Вы подите-ка, мла́ды мŏй царевици,
Вы подите-тко, верьбы мои да кудреватыи!
Вы зовите-тко его да немедленно сюды.
Ужъ вы милыя мла́ды мŏй цяревици!
Ужъ вы падайте ёму да во рѣзвы́ во ногй».
Говорятъ опеть ёму таковы же рѣци:
«Ты пойди, пойди, батюшко; — проститце зовётъ».

— Ужъ вы гой еси, мла́ды мо́й царевици! —
Онъ скрыцялъ па нихъ опеть да зыцьнимъ голосомъ:
— Недосугъ мнѣ-ка иттить мнѣ съ ей прощатисе:
Я сижу-ту за пи́сью, пишу грамотку,
Не перомъ я пишу, сйжў, не це́рнилами,
Не по бѣлой по гербо́вой по бумажоцьки, —
Я по рыту пишу, сижу, по бархату,
Дорогимъ-то пишу я краснымъ золотомъ,
Я про земьлю пишу да Святоруськую,
Я про вѣру пишу да христіянскую,
Про солдатушковъ пишу да новобраныихъ.
Вы идите, два мла́дого два царевиця,
Вы скажите царици благовѣрною:
Я всецясъ-то приду съ нею проститисе. —
А приходятъ-то мла́дыи царевици,
Росказали родимой своей матушки;
Отьпирали всё полаты двери на́ пяту.
Заходитъ-то гро́зёнъ Иванъ Васильёвицъ,
Онъ приходитъ ко царици благовѣрныя,
Говоритъ-то ей слово со всей грубости:
«Ты пошьто́ зовёшь, царица благовѣрная?»
Воспрого́воритъ царица благовѣрная:
— Ужъ ты гой еси, грозенъ царь Иванъ Васильёвицъ!
Блӑго̆слови-тко мнѣ да слово вымолвить,
Слово вымолвить мнѣ, рѣци повыполнить,
Шьто безъ той мнѣ бесъ казени безъ скорыя,
Шьто безъ той мнѣ безъ сабельки безъ вострыя,
Шьто безъ той-ли безъ ссылоцьки безъ дальнія
Да безъ той-ли безъ насмѣшоцьки великія. —
«Говори-ко-се, цярица, шьто тйбѣ надобно».
— Будь ты доброй, будь ты смирной, будь ты ми́лостиво́й
До своихъ-то до мла́дыхъ двухъ царевице́й;
Ты ишше́ же будь доброй, кроткой, ми́лосливо́й
До своей-то до мла́дой до царевны-то,

Шьто до той же до Настасьи до Ивановны;
Да ишше ты будь вѣдь доброй, будь ты милосливой
До солдатушковъ да новобраныихъ;
Да пише ты будь доброй, будь ты милосливой
Ты до вдовъ-то бѣдныхъ, малыхъ дѣтоцёкъ ихъ. —

Записана А. В. Марковымъ въ 1898 г. въ с. Зимняя Золотица на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря отъ крестьянки Аграфены Крюковой, перенявшей эту старину отъ своей матери. Напечатана въ «Бѣломорскихъ былинахъ» подъ № 35, стр. 182—184.

ЖЕНИТЬБА ИВАНА ГРОЗНАГО НА МАРЬѢ ТЕМРЮКОВНѢ. КОСТРЮКЪ.

Архангельской губерніи.

27.

Пріутихло-пріуныло море синее,
Глядучись-смотрючись со черныхъ кораблей.
И со тѣхъ марсовъ корабельныихъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ
И на тѣ на круты-красны бережки.
Пріутихли-пріуныли круты-красны бережки,
Глядючись-смотрючись съ черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ корабельныихъ
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ
И на тѣ на горы высокія,
И на тѣ на поля зеленыя.
Пріутихли-пріуныли поля зеленыя,
Глядючись-смотрючись на государевъ дворъ:
Преставляется царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна;
Въ головахъ сидятъ два царевича,
Въ ногахъ сидятъ млады двѣ царевны,
Супротивъ стоитъ самъ грозенъ Царь,

Грозный Царь Иванъ Васильевичь.
Говоритъ царица таковы рѣчи:
«Ужъ ты слушай, царь, послушай-ко,
«Что я тебѣ, царица, повыскажу:
«Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
«До своихъ до младыхъ двухъ царевичевъ:
«Когда будутъ они во полномъ умѣ
«И во твердомъ будутъ разумѣ,
«Тогда будетъ оборона отъ новыхъ[1]) земель.
«Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
«Когда будутъ дѣвицы во полномъ умѣ,
«Во полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
«Ты тогда отдавай дѣвицъ за мужъ.
«Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
«Что я тебѣ, царица, повыскажу:
«Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
«До своихъ до князей, до думныхъ бояръ,
«И до того ты до дядюшки любимаго,
«И до своего ты до крестнаго батюшки,
«До того Богдана Сирскаго:
«И тутъ твоя дума крѣпкая.
«Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
«Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
«До своихъ солдатушекъ служащіихъ:
«И тутъ твоя сила вѣрная.
«Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
«И не будь ты яръ, будь ты милостивъ
«До всего народу православнаго.
«Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
«Что̀ я тебѣ, царица, принакажу,
«Принакажу и повыскажу:
«Когда я, царица, преставлюся,

1) «Новой» въ мѣстномъ нарѣчіи значитъ «иной» (Безсоновъ).

«Не женись ты, царь, въ проклятой Литвѣ
«На той ли Марьѣ Темрюковнѣ.
«А женись ты, царь, въ каменной Москвѣ,
«На той Супавѣ[1]) Татарскіе:
«Хоша есть у ней много приданаго
«Пановей-улановей и злыхъ поганыхъ татаровей,
«Есть у ней брателко родимое,
«Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ[2])».
И тутъ царица просыпалась[3]),
Тутъ царицѣ славу поютъ.
Прошло времени три мѣсяца,
Похотѣлъ сударь грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичь,
И покатился онъ во ту ли матушку прокляту Литву,
Покататися и женитися
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Онъ не слушалъ своего крестнаго батюшки,
И того Богдана Сирскаго,
Пріѣзжалъ онъ скоро въ прокляту Литву
И бралъ онъ Марью Темрюковну,
И со тѣмъ со брателкомъ родимымъ,
Кострюкомъ Темрюковичемъ.
Отправлялся онъ изъ проклятой Литвы.
Не дошедъ онъ[4]) матушки каменной Москвы,
Равномѣрныхъ верстъ пятисотныихъ
За сто верстъ, становилъ онъ свою силу-армію
И сходилъ онъ скоро со добра коня,
И бралъ онъ чернильницу вòльянскую,
И бралъ перо лебединое,

---

1) Ошибка вмѣсто «Купавѣ» (Б).

2) Перебиты стихи, а должно быть: «Не женись ты на той Купавѣ, хоша есть... а женись ты въ каменной Москвѣ». (Б).

3) Вѣроятно ошибка вмѣсто «преставилась» (Б).

4) Царь (Б).

И бралъ бумагу листъ гербовыя
И писалъ онъ скоро посоленъ листъ,
И посоленъ листъ на золотъ столъ
Своему дядюшкѣ любезному
И крестному батюшку Богдану Сирскому:
«Дядюшка Богданъ ты мой Сирскій!
«Стрѣнь ты меня съ честью и съ радостью,
«И со тѣмъ пѣтьемъ Божьимъ-церковныимъ,
«И со тѣмъ со звономъ колокольныимъ,
«Со той пальбой пушечной».
Оправлялся его скорой гонецъ,
Скорой гонецъ и скорой посолъ:
Не стрѣтилъ его дядюшка любимоіі за сто верстъ,
Не дошелъ онъ матушки каменной Москвы,
Равномѣрныхъ верстъ пятисотныихъ,
За двадцат за пять, — становилъ онъ свою силу-армію,
Отправлялъ скоро гонца,
Скора гонца и скора посла,
Чтобъ чистить улицы широкія,
Исправить фатеры дворянскія,
«Гдѣ стоять моей силѣ-арміи».
И привалилъ онъ во матушку каменную Москву:
И не стрѣтилъ его любезной дядюшка,
И тотъ Богданъ Сирскій,
Не съ пѣтьемъ Божьимъ-церковныимъ,
И не съ тѣмъ звономъ колокольныимъ,
Не съ той пальбой пушечной
Заѣзжалъ сударь грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
И во ту церковь Божію,
Принималъ златы вѣнцы
И со той Марьей Темрюковной.
На той на радости великія
Заводилъ онъ почестенъ пиръ

На всѣхъ на князей, на думныхъ бояръ,
На сильныхъ-могучихъ богатырей
Солнышко идетъ къ западу,
И къ западу идетъ — ко закату,
А почестенъ пиръ на весело,
И всѣ въ пиру пьяны-веселы.
Говоритъ ему шуринъ любимой,
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ:
— Ай ты, мой зятюшко любезный,
— Грозенъ ты царь Иванъ Васильевичъ!
— Есть ли у васъ въ каменной Москвѣ
— Борцы-молодцы пріученые,
— Кабы мнѣ съ ними поборотися? —
Требовалъ сударь грозенъ царь,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ:
Борцей-молодцей не случилося.
Только случился Васенька Хромоногенькой:
На лѣву онъ ножку припадываетъ,
По двору прихрамываетъ,
И ко двору государеву придвигается,
И входитъ въ палаты царскія.
И говоритъ Кострюкъ сынъ Темрюковичъ
Своему зятелку любезному:
— Чортъ у васъ, не борцы-молодцы,
— Не борцы-молодцы и не пріученые! —
Говоритъ Вася Хромоногенькой:
«Ай же ты, сударь-таки грозенъ царь!
«Ежели Богъ пособитъ, Никола поможетъ
«Кострюка побороть:
«Изъ платья вонъ его вылупить
«И по двору его нага спустить?»
Говоритъ сударь грозенъ царь,
И грозенъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Ежели бы тебѣ Богъ помогъ

«И Микола пособилъ Кострюка побороть,
«Изъ платья вонъ его вылупить
«И по двору нага спустить, —
«Пятьдесятъ рублей тебѣ жалованья!»
На лѣвую ножку онъ, Вася, припадывалъ,
А правой ножкой подхватывалъ,
И металъ Кострюка о кирпичной полъ:
На брюхѣ его кожа трёснула,
На хребтѣ его кожа лопнула.
Изъ платья онъ его ногой[1]) вылупилъ:
Не Кострюкъ былъ Темрюковичъ,
Да и не брателко-то ей[2]) былъ родимое:
Была поляница удалая.
Бралъ царь свою Марью Темрюковну,
И велъ онъ въ далече-чисто поле,
Стрѣлялъ онъ ей въ ретиво сердце:
Тутъ ей и славу поютъ.
Тогда слушалъ онъ своего дядюшку любезнаго
И Богдана того Сирскаго:
И женился онъ въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ на Святой Руси.

Записана г. Максимовымъ, напечатана въ Сборникѣ Пѣсенъ П. Якушкина стр. 69—73. Перепечатана Безсоновымъ въ Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, В. VI, стр. 114—119. Болѣе точнаго указанія мѣста записи нѣтъ.

Архангельской губерніи.

28.

Преставляется царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна.
При смерти она наказываетъ,
Наказываетъ и доспрашиваетъ:

---

1) Нагого (Б).
2) Царицѣ (Б).

«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Будешь ли послѣ меня женитися,
«Али ты, надёжа-царь, будешь холостъ ходить,
«Холостъ ходить, неженатой слыть?»
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Я не буду послѣ тебя женитися,
«Надёжа-царь буду холостъ ходить,
«Холостъ ходить, неженатой слыть».
Говоритъ царица благовѣрная:
«Ай же ты, грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Не мани меня, не омманывай:
«Будешь послѣ меня женитися
«Во той ли матушкѣ проклятой Литвѣ,
«На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
«Принесетъ она рубашки красна золота;
«Не моги надѣть на двухъ ясныхъ соколовъ,
«Надѣнь на двухъ псовъ ядовитыихъ:
«Увидишь тутъ чудо великое!
«Затѣмъ будь добръ да милостивъ
«До тѣхъ до двухъ ясныхъ соколовъ, до царевичей;
«Будь ты добръ, будь ты милостивъ
«До тѣхъ до слуговъ вѣрныехъ,
«До того народу христіанскаго».
Затѣмъ преставилась царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна.
Затѣмъ женился царь въ проклятой Литвѣ,
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Принесла она рубашки пасынкамъ красна золота:
Надѣли какъ на псовъ ядовитыихъ, —
Тѣхъ псовъ разорвало.
За тѣмъ сталъ грозенъ Царь,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ,
Сталъ его дядька спрашивать:

«Зачѣмъ исхудалъ?» — Не могу поляницой удалой владѣть; руку-ногу закипетъ на меня жена, — не могу духу перевести... («Тутъ старуха спуталась и не хотѣла продолжать дальше: «стыдно-де, нехорошее такое поется». Такъ и не добился»).

Точное мѣсто записи не указано. Напечатана въ Сборникѣ пѣсенъ Якушкина (стр. 73—74). Перепечатана Безсоновымъ въ Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, Вып. VI, стр. 119—120.

Архангельской губерніи.

29.

Да къ цёму де пріутихло-то морё синёё,
Да къ цёму де пріуныли круты бережка,
Почёму де призасохли рѣцьки быстрыя,
Почёму не побѣжали ручьи мелкія?
Потому де пріутихло-то морё синёё
Потому де пріуныли-ты круты бережка,
Да потому не побѣжали ручьи мелкія, —
Какъ представляитце цяриця-та благовѣрная,
Да сама-то царю она наказыватъ:
«Ты грозёнъ ты вѣдь царь Иванъ Васильёвиць!
Ты не будь-то грозёнъ да до солдатушокъ,
А не будь ты вѣдь строгъ до малыхъ дѣточёкъ.
Я ишшé-то накажу тибѣ наказъ великія,
Я великъ-отъ тѣ наказъ накажу, немалыя:
Не бери-тко се ты замужъ Марьи Верблюковны, —
А не будётъ тебѣ Марьюшка молода жона,
Ужъ какъ будётъ тебѣ Марьюшка зьмѣя лютая».
А представилась цяриця-та благовѣрная.
Ише сóбралъ тутъ царь-отъ пиръ навéсели;
Ише самъ говорилъ-то да таковы рѣци:
«Ужъ я вывёлъ-то измѣнушку изъ Кіева;
Привезу я вѣдь правдушку изъ чистá поля».

Ише было у царя-то да цядо милоё,
Ише мило-то вѣдь чядышко одинáкоё
Ише нá имя Васильюшко Ивановиць;
Ише óтъ роду Васильюшку было двадцеть лѣтъ.
Говорилъ-то Васильюшко таковы рѣчи:
— Ты грóзёнъ ты нашъ царь Иванъ Васильёвиць!
Ужъ ты вывёлъ вѣдь правдушку изъ Кіёва;
Привезёшь ты изьмѣнушку изъ чистá поля. —
Розьсердилсэ грозёнъ царь Иванъ Васильёвиць
На своёго на чядышка на милого;
Приказалъ отьвезьти ёго во чистó полё
Да отсѣкц(ч)и ёго вѣдь какъ буйну голову,
Принести-то ёго голову на торéлоцьки.
Отвели-то Васильюшка во чистó полё,
Шьтобы не видалъ грозёнъ царь Иванъ Васильёвиць.
Они прúбрали поганого тотарина,
Шьто такой же вѣдь есь — Васильюшко сынъ Ивановиць,
Да отсѣкли у Васильюшка[1]) буйну голову.
Да какъ поѣхалъ тутъ грозёнъ царь Иванъ Васильёвиць,
Онъ поѣхалъ во то жо во чистó полё,
Да привёзъ онъ вѣдь Марьюшку Верблюковну,
Ише взялъ онъ за себя да обвинцялсэ.
Да у Марьюшки была-то да какъ роднá сёстра
Называлась она да муськúмъ именóмъ —
Кострюкóмъ Мастрюкóмъ сыномъ Ивановымъ.
Захотѣла она-то да какъ боротисе,
Да искала себѣ она поединшика;
Да нехто противъ ей да какъ не выскивалсэ.
Она много згубила народу-ту православного.
Да спокаелсэ грозной царь Иванъ Васильёвиць,
А шьто взялъ-то вѣдь Марьюшку Верблюковну;
Онъ вѣдь спомнилъ наказъ своей жоны благочеслúвыя:

1) Т. е. татарина, похожаго на Васильюшка. *Собир.*

Пожалѣлъ тогды своего-та чяда милого
Ише нá имя Васильюшка Иванова.
Да выходитъ тогды Патанюшка де Хроменькой,
Ише самъ вѣдь говорилъ онъ таковы рѣчи:
«Ужъ ты вой еси, грозёнъ царь Иванъ Васильевиць!
Ужъ ты какъ мнѣ прикажошь съ ей побоpотисе?»
Говорилъ-то грозёнъ царь Иванъ Васильёвиць:
— Ужъ ты вой еси, Потанюшка ты Хроменькой!
А борись-ко-се, Потанюшка, какъ Бохъ поможотъ тебѣ.
Да схватилсэ съ Кострюкóмъ сыномъ Ивановымъ.
Онъ изъ платьиця-та ей да какъ повылупилъ
Да хребётну-ту костоцьку повыломилъ;
А упала Кострюкъ Мастрюкъ на сыру землю.
Тогды увидялъ Потанюшка вѣдь Хроменькой,
Шьто не мужикъ-то вѣдь есь, да какъ вѣдь водитьце.
Да со-съ того со стыду она со великого
Затянулась она-то да подъ крылечюшко,
Ише гдѣ-ко собаки-ти какъ приносятце.
Розьсердиласе её-то сестра милая
Ише нá имя-то Марья Верблюковна;
Побѣжала она вѣдь въ задьню горьницю,
Надѣвала свою шляпу богатырьскую:
Ей поддѣлали въ шляпу-ту вѣдь кýтило[1]),
Да надѣла на свою-ту буйну голову;
Ише шляпа-та была да равно тридцеть пудъ; —
Ише тутъ она да закололасе.
Ише зрáдовалсэ грозёнъ царь Иванъ Васильёвиць,
Ишше самъ онъ говорилъ-то таковы рѣчи:
Охте-те-мни-чки-то мнѣ тошнёхонько!
Уходилъ я своёго-то чяда милого
Ише нá имя Васильюшка Ивановича!»
Привели къ ёму Васильюшка Иванова,

1) Орудіе, которымъ убиваютъ крупныхъ морскихъ звѣрей. *Собир.*

Ише сами говорили да таковы рѣчи:
«Ты грозёнъ ты нашъ Иванъ Васильёвиць!
Мы отсѣкли у тотарина буйну голову,
Принесли тогды къ тебѣ-ка на торелочьки;
Пожалѣли мы Васильюшка Иванова».

Записана А. В. Марковымъ въ 1898 г. въ с. Зимняя Золотица на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря отъ крест. Власа Ивановича Чекалева. Напечатана въ «Бѣломорскихъ былинахъ» подъ № 106, на стр. 528—530.

Архангельской губерніи.

30.

У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Былъ-жилъ тутъ царь Иванъ Васильевичь.
Поизволилъ царь Иванъ Васильевичь жениться.
Какъ во той ли земли да во татарской,
Какъ у того ли у короля татарскаго,
На дочери его на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Собиралъ ли онъ силу свою могучую,
Походитъ онъ во землю во татарскую,
Отбираетъ онъ Марью Темрюковну;
А король ли тотъ татарской
Отдаетъ ему во приданое
Триста татаровей
Двадцать пять удалыхъ молодцовъ.
Поѣзжалъ еще въ провожатые
Поѣзжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ
Темрюковъ сынъ, молодой черкашенинъ.
Пріѣзжали они въ каменну Москву,
Заводилъ ли царь Иванъ Васильевичь
Про шурина почестный пиръ,
Про Кастрюка-Мастрюка, сына Темрюкова.

Кастрюкъ-Мастрюкъ за столомъ сидитъ,
Хлѣба-соли не ѣстъ, пива-мёду не пьетъ,
Зелена вина не кушаётъ,
Бѣлой лебеди не рушаётъ:
На кого лихо думаетъ.
Говоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
«Ой ты гой еси, Темрюковъ сынъ,
«Молодой черкашенинъ!
«Зачѣмъ ты хлѣба-соли не ѣшь,
«Меду-пива не пьешь,
«Зелена вина не кушаешь,
«Бѣлой лебеди не рушаешь?
«На кого лихо думаешь?»
Отвѣчаетъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
— А за тѣмъ я хлѣба-соли не ѣмъ,
— Пива-меду не пью,
— Зелена вина не кушаю,
— Бѣлой лебеди не рушаю:
— На тебя лихо думаю.
— Я хочу у тебя спрашивать:
— Есть ли у тебя въ каменной Москвѣ
— Таковы умильны [1]) борцы,
— Съ Кастрюкомъ поборотися,
— Съ Мастрюкомъ по татарскому,
— Съ царевымъ со шуриномъ? —
Говоритъ царь Иванъ Васильевицъ:
«Ой ты гой еси, дядюшка,
«Никита Романовичь!
«Ты поди-ко, дядюшка,
«На крылечко на Красное,
«Привздынись-ко ты, дядюшка,

---

1) Т. е. умѣлые.

«На сѣръ на горючь камень,
«Закрычи-ко ты, дядюшка,
«Во всю буйную голову,
«Чтобъ услышали въ каменной Москвѣ:
«Борца ты спрашивай,
«Борецъ намъ надобно,
«Съ Кастрюкомъ поборотися,
«Съ Мастрюкомъ по татарскому,
«Со царевымъ со шуриномъ».
Пошелъ дядюшка
На крылечко на Красное,
Привздынулся дядюшка
На сѣръ-горючь камень,
Закричалъ дядюшка
Во всю буйну голову.
Изъ избёнушка маленькаго
Изъ дворёнушка худенькаго,
Бѣжатъ два молодчика:
Васинька Маленькой
Да Потанюшка Хроменькой.
Бѣжатъ они, ребятушки,
Ко дворцу государеву,
Ко крыльцу ко Красному.
Говоритъ тутъ Васинька,
Говоритъ тутъ Маленькой:
«Ой ты гой еси, дядюшка,
«Никита Романовичь!
«Что, дядя, надобно,
«Чего, дядя, спрашиваешь?»
— Ой ты гой еси, Васинька,
— Ой ты гой еси, Маленькой!
— Борецъ намъ надобно,
— Съ Кастрюкомъ поборотися,
— Съ Мастрюкомъ по татарскому,

— Со царевымъ со шуриномъ. —
Отвѣчаетъ Василька
Отвѣчаетъ Маленькой:
«Ой ты гой еси, дядюшка,
«Никита Романовичь!
«Каково съ имъ боротися?
«Онъ вѣдь шуринъ царёвъ:
«Надо, царь вины́ не поло́жилъ[1]).»
Отвѣчаетъ дядюшка:
— Лишь бы какъ Богъ пособилъ:
— Не будетъ вина на тебѣ! —
Сказали Кастрюку за столомъ,
Сказали Мастрюку за столомъ:
«На улицѣ борецъ у царя».
Кастрюкъ изъ за стола вскочилъ,
Побѣжалъ онъ на улицу,
Побѣжалъ онъ боротися,
Скамью ногой потнулъ.
Говоритъ ему сестрица
Марья Темрюковна:
— Ой ты гой еси, брателко,
— Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
— Младой черкашенинъ!
— Не ходи ты на улицу,
— Не ходи ты боротися:
— Тебѣ первое несчастьице[2]), —
— Ты не ладно за скамью скочилъ,
— Скамью ногой потнулъ. —
Побѣжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ,
Побѣжалъ Темрюковъ сынъ,
Побѣжалъ онъ на улицу,

---

1) Т. е. чтобъ царь не положилъ вины.
2) Примѣта несчастная (Б.)

Побѣжалъ онъ боротися.
Со крыльца онъ спускается,
Бороться сряжается.
Тутъ Васинька похаживаетъ,
Маленькой погуливаетъ:
«Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
«Ой ты гой еси, Темрюковъ сынъ,
«Младой черкашенинъ!
«Мы какъ станемъ боротися:
«На свои буйны головы,
«Или на платье цвѣтное?»
Говоритъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
— Мы станемъ боротися
— На свои буйны головы! —
Говоритъ ему Васинька,
Говоритъ ему Маленькой:
«Не хочу съ тобой боротися
«Черезъ буйныя головы, —
«Ты вѣдь шуринъ царёвъ:
«Надо — царь вины не положилъ;
«Станемъ боротися
«Черезъ платье цвѣтное;
«Кого бы кому одолить, —
«До нитки платье снять,
«Того и на срамъ пустить».
Васька Кострюка прихватилъ,
Васька его о землю бросилъ,
Къ землѣ Васька его колѣнцемъ прижалъ,
До нитки платье снялъ,
Нагого на срамъ пустилъ.
Побѣжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ
Ко двору государеву,
Ко крыльцу ко Красному:
Отъ сраму онъ, горе, прикрывается.

Бѣжитъ въ стрѣту сестрица
Марія Темрюковна,
Несётъ платье цвѣтное;
Кастрюкъ оболокáется,
Изъ Москвы вонъ сряжается.
— Царь Иванъ Васильевичь!
— У насъ этакъ не водится,
— У насъ этакъ не бóрются, —
— Кому бы кого одолить
— До нитки бы платье снять,
— До того на срамъ пустить
— Честнымъ людямъ на посмѣшище! —
«Ой ты, Марья Темрюковна!
«Да не мною приказано:
«Приказано дядюшкой
«Никитой Романовичемъ».
— Спасибо тѣ зятюшко,
— Царь Иванъ Васильевичь,
— На твоей каменной Москвѣ:
— Не дай мнѣ Богъ бывати,
— Не только мнѣ, да и дѣтямъ моимъ! — [1])

Записана въ Шенкурскомъ у. Архангельской губ. адмираломъ Кузьмищевымъ. Напечатана Безсоновымъ въ Пѣсняхъ, собранныхъ П. Кирѣевскимъ, В. VI, стр. 132—138, причемъ подъ текстомъ приведены незначительныя разнорѣчія (въ отдѣльныхъ словахъ) изъ записи той же пѣсни, сдѣланной въ тѣхъ же мѣстахъ Н. Борисовымъ въ 1845 г.

---

1) Слова Кастрюка (Б.).

Архангельской губерніи.

31.

У насъ-то было на святой Русѣ,
На святой Русѣ, въ каменной Москвѣ,
Былъ-жилъ царь тутъ Иванъ Васильевичь.
Поизволилъ царь Иванъ Васильевичь женитися,
Во дальней землѣ, во Литовской,
У того ли короля у Литовскаго»
На дочерѣ его на Марьѣ Демрюковнѣ.
Собиралъ онъ свою силу могучую,
Посылалъ во землю во Литовскую.
Походитъ сила во землю во Литовскую,
Отбираетъ сила Марью Демрюковну,
На придатокъ беретъ триста татаровей.
Поѣзжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ,
Поѣзжалъ Демрюковъ сынъ,
Молодой черкашенинъ.
Пріѣзжали ребята въ каменну Москву,
Заводилъ ли царь Иванъ Васильевичъ
Про шурина почестный пиръ,
Про Кастрюка-Мастрюка, сына Демрюкова.
Кастрюкъ-Мастрюкъ за столомъ сидитъ,
Хлѣба съ солью не ѣстъ, пива съ медомъ не пьетъ.
Зеленà вина не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ:
На кого лихо думаетъ.
Говоритъ царь Иванъ Васильевичь:
«Ой ты гой еси, Демрюковъ сынъ
«Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
«Молодой черкашенинъ!
«Ты зачѣмъ хлѣба съ солью не ѣшь,
«Ты зачѣмъ пива съ медомъ не пьешь,

«Зелена вина не кушаешь,
«Бѣлой лебеди не рушаешь?
«На кого лихо думаешь?»
Отвѣчаетъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
— Грозенъ царь Иванъ Васильевичь!
— А за тѣмъ хлѣба съ солью не ѣмъ,
— А за тѣмъ пива съ медомъ не пью,
— Зелена вина не кушаю,
— Бѣлой лебеди не рушаю:
— На тебя лихо думаю.
— Я хочу у тебя, царь, спрашивати:
— Есть ли у тебя въ каменной Москвѣ
— Таковы умѣльны борцы,
— Съ Кастрюкомъ поборотися,
— Съ Мастрюкомъ по татарскому,
— Со царевымъ со шуриномъ? —
Говоритъ Царь Иванъ Васильевичь:
«Ой ты гой еси, дядюшка,
«Свѣтъ Никита Романовичь!
«Да поди-ко ты, дядюшка,
«На крылечко на Красное,
«Стань на сѣръ на горючъ камень,
«Закричи-ко ты, дядюшка,
«Во всю буйну голову,
«Чтобъ учу́ли въ каменной Москвѣ;
«Борца ты спрашивай,
«Борецъ намъ надобно,
«Съ Кастрюкомъ поборотися,
«Съ Мастрюкомъ по татарскому,
«Съ моимъ со шуриномъ».
Похо́дитъ дядюшка,
Свѣтъ Никита Романовичь,
На крылечко на Красное,
Привздымался дядюшка

На сѣръ на горючь камень,
Закричалъ дядюшка
Во всю буйну голову,
Чтобъ учу̀ли въ каменнóй Москвѣ.
Изъ избёнышка маленькаго,
Изъ дворёнышка худенькаго,
Бѣжатъ два молодчика:
Васинька Маленькій
Да Потанюшко Хроменькій.
Бѣжать они ребятушки,
Ко дворцу государеву,
Ко крылечку ко Красному:
Говоритъ тутъ Васинька,
Говоритъ Маленькій:
«Ахъ ты гой еси, дядюшко,
«Свѣтъ Никита Романовичь!
«Что, дядя, надобно,
«Чего, дядя, спрашиваешь?»
— Ой ты гой еси, Васинька,
— Ой ты гой еси, Маленькій!
— Борецъ намъ надобно,
— Съ Кастрюкомъ побоpотися,
— Съ Мастрюкомъ по татарскому,
— Со царевымъ со шуриномъ. —
«Никита Романовичь!
«Каково съ нимъ боротися?
«Онъ, вѣдь, шуринъ царевъ:
«Надо, царь вины не полóжилъ».
Отвѣчаетъ дядюшка,
Свѣтъ Никита Романовичь:
— Лишь бы какъ Богъ пособилъ.
— Не будетъ вина на тебѣ! —
Сказали Кастрюку за столомъ,
Сказали Мастрюку за столомъ:

««На улицѣ борецъ у царя!»»
Кастрюкъ изъ застóлья вскочилъ,
Побѣжалъ онъ на улицу,
Побѣжалъ онъ боротися, —
Скамью ногой поткнулъ.
Говоритъ ему сестрица
— Марія Демрюковна:
— Ой ты гой еси, бráтелко,
— Ой ты гой, Кострюкъ-Мастрюкъ,
— Ой ты гой, Демрюковъ сынъ,
— Молодой черкашенинъ!
— Не ходи ты боротися:
— Тебѣ перво несчастьице, —
— Ты не ладно за скàмью скочилъ,
— Скамью ногою поткнулъ. —
Не вóймуетъ[1]) Кастрюкъ-Мастрюкъ,
Побѣжалъ онъ на улицу,
Побѣжалъ онъ боротися.
Тутъ Васинька похаживаетъ,
Маленькій погуливаетъ:
«Ой ты гой, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
«Ой ты гой, Демрюковъ сынъ,
«Молодой черкашенинъ!
«Мы какъ станемъ боротися:
«На свои буйны головы,
«Иль на платье цвѣтное?»
Говоритъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
— Мы станемъ боротися
— На свои буйны головы! —
Говоритъ ему Васинька:
«Не хочу съ тобой боротися
«Черезъ буйныя головы:

1) Не внимаетъ (Б).

«Ты, вѣдь, шуринъ царевъ, —
«Надо, царь вины не положилъ,
«Станемъ боротися
«Черезъ платье цвѣтное:
«Кому бы кого одолить,
«До нитки платье снять,
«Того ли на срамъ спустить».
Васька Кастрюка прихватилъ,
Васька Кастрюка о землю бросилъ,
Къ землѣ Васька колѣнцемъ прижалъ,
До нитки съ Кастрюка платье обралъ,
Нагого на срамъ спустилъ.
Побѣжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ
Ко дворцу государеву:
Отъ срама онъ, горе, прикрывается.
Бѣжитъ ему въ стрѣту сестрица,
Несетъ платье цвѣтное:
Кастрюкъ оболокается,
Изъ Москвы вонъ сряжается:
— Царь Иванъ Васильевичъ!
— У насъ этакъ не водится,
— У насъ этакъ не борятся:
— Кому бы кого одолить,
— До нитки бы платье снять,
— Да того на срамъ спустить,
— Честнымъ людямъ на посмѣшище! —
Говоритъ Грозный царь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
«Не сердись, Кастрюкъ-Мастрюкъ:
«То не мною приказано,
«Приказалъ то дядюшка,
«Свѣтъ Никита Романовичъ».
— Спасибо тѣ, зятюшко,
— Царь Иванъ Васильевичъ,

— На твоёй каменнóй Москвѣ!»
— Да не дай Богъ мнѣ больше бывать
— Во твоёй каменнóй Москвѣ,
— А не то бы мнѣ, да и дѣтямъ моимъ! —

Записана тамъ же А. Харитоновымъ. Доставлена В. И. Далемъ. Напечатана въ Пѣсняхъ, собранныхъ П. Кирѣевскимъ, Вып. VI, стр. 138—143.

Архангельской губерніи.

32.

Во матушкѣ было въ каменной Москвѣ,
При Грозномъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ,
Были годы тѣ недошлые, времена были студеныя [1]).
Задумалъ царь Иванъ Васильевичъ женитися,
Благовѣрный обручитися,
Онъ не въ матушкѣ въ каменнóй Москвѣ
И не въ матушкѣ славной Вологдѣ, —
Во той во землѣ во Польскія,
У короля у Церконовскаго, у Литовскаго,
У того у Кастрюка на мéньшей сестрѣ.
Еще скоро пò скору, скоро нá скоро
Тутъ поѣхалъ Иванъ Васильевичъ женитися.
Ему стрѣту ладитъ Кастрюкъ съ барабанной музыкою:
— Ужъ ты здравствуй, царь Иванъ Васильевичъ!
— Еще ты ли ко мнѣ пріѣхалъ торгóмъ торговать,
— Еще ты ли ко мнѣ пріѣхалъ сбирать пошлину,
— Сбирать пошлину за двѣнадцать лѣтъ? —
Отвѣчаетъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Я пріѣхалъ къ тебѣ не торгомъ торговать,
«Я пріѣхалъ къ тебѣ не за пошлиной:

---

1) Разнорѣчіе: «потрусліѝвыя».

«Я пріѣхалъ къ тебѣ женитися,
«На твоей жениться на меньшой сестрѣ».
Еще скоро по скору, скоро на скоро,
Сряжаетъ Кастрюкъ свою сестру.
Снимается Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Во свои зѐмли во Русскія,
Во свою во матушку во каменну Москву.
Пошло красное солнышко ко западу,
Пошелъ честенъ пиръ, всѣ на веселѣ,
Всѣ на пиру сидятъ, пьютъ-ѣдятъ,
Пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются.
Кастрюкъ сидитъ, — не пьетъ, не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ.
На кого лихо думаетъ?
Еще или онъ на царя на православнаго,
Еще или онъ на сестрицу на любимую,
Еще или онъ на князей, на бояръ,
Еще или онъ на торговыхъ на гостей,
Еще или онъ на прислужанцихъ всѣхъ?
Что возговоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
«Ужь ты гой еси, Никита Романовичъ!
«Ты иди-ко, поспроси его:
««Ужь ты что̀, скажи, Кастрюкъ молодой.
««Что сидишь, не пьешь, не кушаешь,
««Бѣлой лебеди не рушаешь?
««На кого лихо думаешь:
««Еще или на царя на православнаго,
««Еще или на сестрицу любимую,
««Еще или на князей-бояръ,
««Еще или на на торговыхъ гостей,
««Еще или на прислужанцихъ всѣхъ?»»
Отвѣчаетъ Кастрюкъ молодой:
— Ужъ я той думы не думаю,
— Я тѣхъ мыслей не примысливаю.

— Ужъ я всѣ города ходомъ прошелъ,
— Ужъ я всѣхъ славныхъ борцовъ пріоборолъ;
— Я теперь во Москву вступилъ,
— Въ ту же матушку въ славну въ Вологду:
— Изъ твоей изъ матушки каменно̀й Москвы
— Я хочу честь-честь свою и славу унести. —
Походилъ Никита Романовичъ
Ко царю Ивану Васильевичу:
««Ужъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
««Молодой Кастрюкъ той думы не думаетъ:
««Ужъ онъ всѣ города прошелъ,
««Онъ всѣхъ сильныхъ борцовъ пріоборолъ;
««Онъ пріѣхалъ теперь въ каменну Москву:
««Хочетъ изъ Москвы честь-славу унести»».
На это Грозный Царь отвѣтъ держитъ:
«Ужь ты гой еси, Никита Романовичъ!
«Ты бери-ко трубу золоту свою,
«Выходи на крылечко на Красное,
«Ты труби-ко въ трубу золоту свою,
«По тому переулочку Косящетому [1]),
«Кабы шли борцы на царскій дворъ!»
Бралъ Никита золоту трубу,
Выходилъ на крылечко на Красное,
Онъ трубилъ въ трубу золоту свою
По этому переулочку Косящету [2]).
Идетъ два борца, два молодца:
Одинъ идетъ Илеюшко Хроменькій,
На одну ножку припадываетъ,
На другую ножку подковыливаетъ,
Костылькомъ онъ подпирается;

1) Разноречіе: «Ты труби-ко во всю голову,
«Чтобы слышно всему городу!»

2) Разнорѣчіе: Изъ-за улка за Глинникова,
Изъ-за улки изъ-за Пирожниковой.

Другой борецъ идетъ Иванушка Маленькій.
««Ужь ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ! [1]).
««У тебя хлѣбъ-соль завсегда на столѣ,
««У тебя борцы завсегда во дворцѣ!»»
Что на это Грозный царь отвѣтъ даетъ:
«Ужь ты гой еси, Никита Романовичъ!
«Ты поди-ко, поспрошай его:
«Не во хмелю ли у него слово молвилось,
«Не во хмелю ли онъ призахвастнулся?»
Тутъ пошелъ Никита Романовичъ:
««Ужъ ты гой еси, Кастрюкъ молодой!
««Ты за чѣмъ сидишь, не пьешь, не кушаешь,
««Нашей лебеди не рушаешь?
««Наша хлѣбъ-соль завсегда на столѣ,
««Наши борцы завсегда при дворцѣ.
««Не во хмелю ли у тебя слово молвилось,
««Не во хмелю ли ты призахва́стнулся?»
Скакалъ Кастрюкъ на рѣзвы ножки,
Онъ скакалъ черезъ столики дубовые,
Черезъ тѣ ли скатерти бе́рчаты,
Черезъ тѣ кушанья сахарныя,
Черезъ тѣ напитки черезъ нали́вные:
Онъ стопталъ сто князей съ боярами,
Онъ стопталъ другое сто Донскихъ казаковъ.
Выходилъ Кастрюкъ на новы сѣни,
Онъ самъ говоритъ таковы рѣчи [2]):
— Ужь ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
— Мнѣ-ка не съ кѣмъ итти здѣсь боротися,
— Мнѣ-ка не на комъ здѣсь бѣлыхъ рукъ натрать́ — [3])

1) Слова Никиты, исполнившаго порученіе (Б.).
2) Разнорѣчіе: Выходилъ Кастрюкъ на бѣлоду́бовъ дворъ.
Но двору-то онъ похаживаетъ.
На борцовъ Кастрюкъ посматриваетъ.
Онъ самъ говоритъ таковы рѣчи...
3) Марать, грязнить (Б.).

Тутъ пошелъ Кастрюкъ на широкій дворъ,
Онъ пошелъ съ Илеюшкой со Хро́менькимъ:
Тутъ пошелъ Кастрюкъ въ больше́ колесо [1]),
Тутъ пошелъ Илеюшко въ маленькое;
Кастрюкъ побилъ Илеюшку Хро́маго.
Выходилъ Иванушка Маленькій;
Онъ самъ говоритъ таковы рѣчи:
««Ужь ты гой еси, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
««Еще какъ мнѣ-ка съ нимъ итти боротися:
««Еще или намъ рука-нога вонъ выворотить,
««Еще или намъ буйна голова вы́ставить,
««Изъ рубашки ли повылупить?»»
Что на это Грозный царь отвѣтъ несетъ:
«Ты борись, не печалься, лишь бы Богъ пособилъ!»
Походилъ Кастрюкъ въ больше́ колесо,—
Походилъ Иванушка побольше того,—
Еще былъ Кастрюкъ на рѣзвыхъ ножкахъ,
Очутился Кастрюкъ на буйно̀й головѣ.
Хваталъ Иванушко съ него платье цвѣ́тное.
Убѣгалъ Кастрюкъ на конюшій дворъ,
Гдѣ собаки щенками щѐнятся [2]).

Записана въ Шенкурск. у. Архангельской губ. А. Харитоновымъ, доставлена В. И. Далемъ. Напечатана въ Пѣсняхъ Кирѣевскаго (Вып. VI, стр. 156—161), причемъ разнорѣчія, по словамъ Безсонова, сообщены А. Харитоновымъ отъ болѣе искусныхъ пѣвцовъ.

---

1) Видъ борьбы.
2) Разнорѣчіе прибавляетъ: «Гдѣ свиньи ло́сятся».

Архангельской губерніи.

33.

Да во славномъ было городи во Кіеви,
Шьчо во матушки-то было камянно́й Москвы,
Ише по́ небу было всё по ясному
Да по воздуху было по небесному.
Тамъ вѣдь мелки цясты звѣздочьки просвѣ́тили:
По чисту́ полю бояра всё розьѣжалисе.
Да задумалъ-то Грозенъ царь Иванъ Васильёвиць.
А задумалъ-то всё да онъ женитисе,
Онъ не въ матушки задумалъ въ камянно́й Москвы.
Онъ во той-ли задумалъ проклято́й Литвы,
У того-ли Небрю́ка-та всё Небрюковиця,
Да на той-ли на Марьи всё Небрюковны.
Ише скоро-то Грозной царь Иванъ Васильёвиць.
Ише скоро-то онъ всё сряжаитьце,
Поскорѣ́-то онъ того всё отправляитце,
Онъ берётъ съ собой бога́тыря могуцёго,
Онъ того берётъ Дуна́юшка сына Ивановиця:
А поѣхали дородьни добры молодцы;
Пріѣжаютъ во землю во невѣрную
Ко тому-ли королю-ту Небрюку всё Небрюковицю.
Говоритъ-то Дунаюшко таковы рѣци:
«Ужъ ты гой еси, король Небрюкъ Небрюковиць!
Мы пріѣхали къ тебѣ, да не гостить къ тебѣ,
Мы пріѣхали къ тебѣ да всё какъ свататьце
За того-ли я за Грозного царя Ивана Васильёвича
Я твоей-то на любимоя на доцери
Шьто на той-ли на Марьи всё Небрюковны.
Да отдай-ко ты Марью всё Небрюковну;
Ишше дай-ко приданого телѣгу красна золота,
Да другу́-то ты дай да циста сѐребра

Да третью́-ту ты дай да скатна жемцюга».
Отдаваётъ тутъ Небрюкъ да всё Небрюковицъ
Да свою-ту онъ Марью-свѣтъ Небрюковну
Да за Грозного царя Ивана за Васи́льёвича,
Да даватъ три телѣги всё приданого:
Шьто перву́-ту телѣгу съ краснымъ золотомъ,
Да другу-ту телѣгу съ цистымъ се́ребромъ,
Да третью́-ту телѣгу скатна жемцюгу;
Да отправилисе въ матушку въ каменну́ Москву.
Онъ вѣдь звалъ-то Грозенъ царь Иванъ Васильёвицъ,
Своёго-то онъ звалъ тестя́ любимого,
Онъ вѣдь звалъ королеву-ту, свою-ту тёшиньку любимую:
«Проводите вы Марью всё Небрюковну
Какъ до матушки-то вы до камянно́й Москвы;
Посмотрите у мня матушки славной камянно́й Москвы,
Посмотрите у мня да це́рьквей Божьихъ-то,
Посмотрите у мня да кнезье́й, бо́яровъ,
Посмотрите могуцихъ руськіихъ бога́тырей».
Отказались они да всё не ѣдутъ тутъ;
Нахвалилсэ ёго шуринъ любимой-отъ,
Ише тотъ любимой Кострюкъ Небрюковицъ:
«Ужъ ты ой еси, батюшко родимой мой,
Ише тотъ ли король Небрюкъ Небрюковицъ!
Ты спусьти-ко миня съѣздить на святую Русь,
На святую меня Русь, съѣздить въ матушку камянну́ Москву—
Прово́дить-то мнѣ любиму свою се́стрицю,
Посмотрять ихныхъ могуціихъ бога́тырей».
Они скоро-то тутъ да вси поѣхали;
Да пріѣхали они-то всё во матушку въ славну камянну́ Москву.
Тутъ вѣдь скоро зазвонили въ большой колоколъ,
Да запѣли обѣдьни Херуимскія
Ише всё-то попы, попы соборныя;
Ише скоро тутъ вѣдь повели ихъ во Божью́ церьковь,
Привели-то Марью-ту Небрюковну во вѣру-ту крешшоную.

Во крешшону ей вѣру, въ православную;
Они стали держать-то по злату вѣньцу,
Принимать-то они да законъ Божій тутъ.
Послѣ етого у нихъ пошолъ поцесёнъ пиръ,
Да поцесёнъ-отъ пиръ пошолъ на весь вѣдь міръ:
Шьчо въ перьвыхъ-то пошло на кнезей, на бо́яръ-то,
Ише на тѣхъ-ли на купце́й да на богатыихъ,
Шьчо на руськіихъ могуцихъ всё бога́тырей;
А бога́тырей-то право не погодилосе,
Шьчо могуціихъ, удалыхъ ихъ не слуцилосе; —
Собиратъ на бѣдныхъ, на прожи́тосьнихъ хресьянушокъ,
Не оставляётъ на радости ише бѣдныхъ вдовъ,
Не оставлятъ онъ сиротьскихъ всихъ малыхъ дѣтоцёкъ.
Какъ пошолъ у ихъ поцёсёнъ-отъ пиръ навесели;
Ише свѣ́тёлъ-отъ день пошолъ ко вецёру,
И какъ красноё солнышко всё ко западу.
Грозной-отъ царь да Иванъ Васильёвиць
Со своей-то съ кнегиной, молодой жоной
По полатамъ бѣлокамянныимъ похаживатъ,
Говоритъ-то онъ самъ да таковы рѣци:
«Ишше вси у мня сидятъ да на пиру-ту всё,
Ишше всѣ у мня сидятъ-то вѣдь пьютъ, всё кушаютъ,
Ишше бѣленьку лебёдочку всё рушаютъ;
Да сидитъ только любимой-отъ, милой шуринъ мой
Ише тотъ-ли Кострюкъ-отъ сидитъ Небрюковичь,
Онъ (sic), сидишь ты пошьто́ у мня, всё не кушаёшь,
Ише бѣленькой лебёдочки всё не рушаёшь?
Ишше мѣсто тибѣ разьвѣ не по разуму,
Или кушаньё моё тибѣ не по совѣсьти,
Али цярой-то тебя разьвѣ обнесли у мня,
Али хто-небудь ужъ разьвѣ вѣдь надьсмѣхаитьце?»
Тутъ вѣдь скоро-то шуринъ ему отвѣтъ держалъ,
Отьвѣчаётъ скоро всё Кострюкъ Небрюковичь:
— Ужъ ты Грозной царь же Иванъ Васильёвичь!

По уму-ту мнѣ мѣсто твоё, по разуму,
Всё вѣдь кушаньё твоё по удовольствію,
Ише цярочкой меня не обнесьли нехто,
Какъ невѣжа надо мной-то не надьсмѣяласе;
Я сижу у тибя, объ томъ призадумалсэ:
Ише хочитцэ мнѣ бы попотѣшитце,
Попотѣшитце мнѣ бы, всё позабавитце;
Ты какъ дай луцьше могуцёго сильнёго богáтыря,
Мнѣ-ка дай-ко-се съ имъ-то побоtoтисе.
Посмотри вѣдь ты, царь, самъ со царицою
На мою всё поступочку богатырьчкую. —
Ише тутъ Грóзенъ царь Иванъ призадумалсэ,
Призадумалсэ тутъ-то онъ, приростýжилсэ:
«Непошьтó убьётъ могуцего у мня сильнёго богáтыря».
Выходилъ-то Грозёнъ царь Иванъ Васильёвичъ,
Выходилъ-то онъ скоро всё на широкой дворъ;
Онъ берётъ въ бѣлы руцюшки золоту трубу,
Затрубилъ-то онъ какъ всё въ золоту трубу.
Ише нѣту могуцихъ сильнихъ богáтырей,
Ише нѣту-ту, всё да призоьѣхались;
Какъ выскакивалъ одинъ бѣдной богáтырь тутъ,
Онъ вѣдь бѣдненькой, все самъ нездоровенькой,
Ише по имени-то Хроменькой Потáнёчка,
Ише хроменькой Потанёчка, нездоровенькой;
Онъ сутулъ, всё горбатъ, онъ былъ напере́дь покляпъ,
Онъ на праву-ту ноженьку всё припадывалъ,
На лѣвý-ту ту онъ ножочькой подковы́рывалъ,
По пережúму-ту былъ самъ пережúмистой [1]);
Ай онъ силой былъ несильнёй, всё напýскомъ смѣлъ.
Говорилъ-то онъ всё Грозному царю Ивану-ту Васильёвичу:
«Ужъ ты гой еси, Грозной царь Иванъ Васильёвичъ!
Я увáжу Косьтрюку-ту хошь я въ первой разъ,

---

1) По животу тоненькой (Марковъ).

Я уважу Косьтрюку-ту второй хошь разъ,
Я уважу Косьтрюку-ту во трете́й-отъ разъ.
Не пецялуйсе ты, Грозной мой славной царь:
Шьто Потанюшки мнѣ-ка смерть не писана».
Да пошли они могуци всё на широкой дворъ;
Да выскакивалъ Косьтрюкъ-Небрюкъ ц́ерезъ дубовой столъ;
Уронилъ-то онъ вѣдь сорокъ-то князьей, бо́яровъ:
Не убилъ хошь до смерти, да досадилъ онъ имъ.
Выходили тутъ Грозной царь Иванъ Васильёвиць
Со царицой-то со Марьей всё Небрюковной
Посмотрять-то на могуцихъ на двухъ бога́тырей.
Да Потанюшка-та бѣдной всё поддаваитьце,
Поддаваитьце Потанюшка всё до трёхъ же разъ;
Всё кина́тъ ёго Кострюкъ-отъ всё Небрюковиць.
Грозёнъ царь Иванъ Васильёвиць стоитъ неве́сёлъ тутъ,
Шьчо невесёлъ стоитъ, стоитъ всё нерадосьнёй;
Онъ повѣсилъ буйну голову всё съ могуцихъ плець,
Онъ поту́пилъ очи ясны во матушку сыру землю,
Прокатились горюци́-ти всё вѣдь слезы йзъ глазъ.
Ишше Марья стоитъ-то да всё Небрюковна,
Она ве́сёло стоитъ, да всё вѣдь веселёхонька:
Не жалѣтъ она Потанюшки бѣдного Хро́мого,
Шьчо жалѣтъ она своё́го-та брата родного,
Шьчо того-ли Косьтрюка-та всё Небрю́ковиця.
Какъ во ту-ту [1]) была да всё во то время,
Увидалъ бѣдной Потанюшка-та всё Хроменькой
Какъ своёго-та царя — надежду бѣлого,
Онъ того-ли Ивана всё Васильёвиця, —
Шьто слезитъ-то онъ свои да оци ясныя,
Онъ жалѣтъ всё Потанюшку-ту всё Хро́мого, —
Говоритъ-то Потанюшка таковы рѣци:
«Ужъ ты милый мой, ты всё Грозный царь,

1) Пропущено: пору (Марковъ).

Ужъ ты свѣтъ, ты государь Иванъ Васильёвицъ!
Благослови-ко ты мнѣ-ка хоть слово вымолвить,
Слово вымолвить мнѣ да рѣци выполнить,
Ты бесъ той мнѣ бесъ казьни бесъ скорыя,
Ты бесъ той мнѣ бесъ сабельки безъ вострыя,
Ты бесъ той мнѣ надьсмѣшецьки великія;
Ты ишé благослови миня Косьтрюка побороть,
Побороть-то вѣдь мнѣ ёго всё вѣдь похорошому».
Говоритъ-то вѣдь Грозенъ царь Иванъ Васильёвиць:
— Тебѣ Бохъ благословитъ, Потанечка Хроменькой,
Ише хроменькой ты, бѣдной, нездоровенькой!
Побори Косьтрюка-та да какъ тибѣ хочитце,
Ише хочитце какъ-то да какъ вѣдь я велю;
Пропусьти ету славушку по столичному по славному по городу,
Какъ по матушки по нашой по камяннóй Москвы.
Ты не мошь ли съ ёго хошь бы платьё цвѣтно содрать,
По Москвы ёго по городу спустить нáгого? —
Онъ вѣдь выслушалъ рѣци-ти скоро отъ царя-та всё;
Поступилъ то Потанюшка всё скорёхонько,
Онъ вѣдь бралъ-то ёго скоро за праву рукý,
Онъ бросалъ-то къ собѣ онъ на ножку правую,
Онъ выкúнывалъ ёго вверьхъ высокохонько:
Онъ пониже вѣдь облаку всё ходецёго,
Онъ повыше его всё лѣсý стояцёго,
Онъ вѣдь выше дворьця-та всё государёва;
Онъ спускалъ Косьтрюка-та всё на сыру землю,
Подхватилъ онъ его къ себѣ на бѣлы́ руки,
Обрывалъ у его-то всё платьё цьвѣ́тноё,
Онъ спускалъ же ёго-то всё по святой Руси,
По святой Руси спускалъ всё по камяннóй Москвы,
Онъ вѣдь нáгого спусьтилъ всё ёго бóсого.
. . . . [1]).

---

1) Женшина — бѣжитъ да прикрываитьце.

Ише Марья-та Небрюковна приросьплакалась;
А Косьтрюкъ-отъ идётъ, сле́зно уливаитьце:
Шьто не дай Бохъ бывать больше на святой Руси,
Какъ во славной-то матушки въ камяпно́й Москвы,
Да не дай Бохъ видать мнѣ руськихъ сильніихъ,
Руськихъ сильнихъ, могуцихъ мнѣ бога́тырей!»
Тутъ вѣдь Косьтрюкъ Небрюковиць
Прибѣгаетъ ко дворьцю скоро къ государьскому,
Онъ крыцялъ-то, зыча́лъ своимъ зыцьнимъ голосомъ:
«Ужъ ты ой еси, се́стриця родимая,
Ты родима моя се́стриця, любимая,
Ужъ ты Марья, ты всё да свѣтъ-Небрюковна!
Ужъ вы дайте-ко своё хошь како́-небудь платьё цьвѣтноё,
Пріукройте-тко моё вы всё тѣло на́гоё;
Вы подайте-ко моёго всё коня доброго».
Ише скоро тутъ Марья Небрюковна-та одѣвала ихъ;
Ише тутъ-то былъ не Косьтрюкъ не всё Небрюковиць.
Ишше сказыватъ Марья всё Небрюковна
Своёму ту Грозному царю Ивану всё Васильёвицю:
«Ужъ ты дай-ко-се мнѣ въ распореженьицё, Грозной царь Иванъ Васильёвиць,
Запрети всёго народа православнаго,
Не смотряли шьчобы на моёго-то брателка любимого,
Не смотряли шьчобы, не гра́яли.
Пріобдѣну сама я бѣдного на́гого».
Пріобдѣла его-то да всё вѣдь на́гого.
Запретили многи, людей добрыхъ всѣхъ
Не смотряли шьчобы люди, не видѣли.
Уѣжалъ-то онъ скоро со студу-ту со великого,
Къ своёму-ту уѣжалъ-то къ отцу къ матушки,
Да къ тому-ли королю всё Небрюку Небрюковичу;
Онъ слезьнёшенько тутъ у ихъ приросплакалсэ,
Онъ родителямъ своимъ Косьтрюкъ прирозжалилсэ:
«Не поѣду я вѣдь больше на сьвятую Русь

Къ своёму-ту любимому всё вѣдь къ зятю-ту,
Я къ тому-ли къ Ивану-ту ко Васильёвицю,
Я къ своей-то вѣдь Марьи-то всё Небрюковны!
Хороша у ихъ матушка камянна́ Москва,
Хорошо-то у ихъ всё изукрашона;
Только тѣмъ у ихъ худо-то на сьвятой Руси,
На сьвятой-то Руси, въ матушки всё въ камянно́й Москвы,
Шьчо бога́тыри у ихъ всё живутъ присильнія,
Шьчо вѣдь сильни бога́тыри всё бестыдныя:
Обдирали миня-то да всё вѣдь до́ нага».

Записана А. В. Марковымъ въ 1898 г. въ с. Зимняя Золотица на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря отъ Аграфены Крюковой, перенявшей пѣсню отъ дяди Ефима. Бѣломорскія былины № 36, стр. 184—190.

Архангельской губерніи [1]).

34.

Какъ задумалъ Грозны́й-отъ царь
Иванъ Васильевичъ женитисе,
Женитисе да обручатисе
Не въ камянно́й Москвы,
Да не въ святой Руси,
Не на святой Руси,
Да въ проклято́й Литвы въ поганыя —
У Костри́ока-Небрю́ка моло́дого
На той жо на родной сестры
На Марьи Небрюковны.
Да просилъ онъ приданого
Полтораста просилъ улановей,

1) Эту старину Крюковъ пѣлъ речитативомъ, останавливаясь послѣ каждаго 4—7 мистишія. (Марковъ).

Триста просилъ татаровей,
Петсотъ просилъ доньскихъ казаковъ,
Удалы́хъ добрыхъ мо́лодцовъ;
Три телёги просилъ онъ чиста се́ребра,
Да три телёги просилъ мѣди всё козарочки,
Три телёги просилъ онъ скатна дорогого, мелка жемчуга.
Давалъ-то онъ полтораста улановей,
Триста давалъ татаровей,
Петсотъ давалъ доньскихъ казаковъ,
Удалы́хъ добрыхъ мо́лодцовъ;
Да три телёги давалъ онъ красна золота,
Три телёги давалъ онъ чиста се́ребра,
Три телёги давалъ онъ мѣди-козарочки,
Три телёги скатна жемчуга.
Какъ задумалъ нашъ Грозны́я царь
Иванъ Васильевичъ ѣхати
Въ проклято́у орду поганую,
Да въ поганую Литву, Литву женитисе
На той же на Марьи Небрю́ковны.
Да какъ начялъ онъ збиратисе,
Собруня́тисе да отправлятисе
Въ ту жа въ прокляту́ Литву въ поганую.
Онъ здра́восцалъ [1]) да грези че́рныя
Онъ здравосцалъ да лѣсы те́мныя,
Онъ здравосцалъ да рѣчки быстрыя,
Онъ здравосцалъ да въ прокляту́ Литву.
Пріѣжаётъ къ Дюку Кострюку на широкой дворъ;
Какъ стрѣчаётъ Дюкъ Кострюкъ-отъ,
Да стрѣчае молоды́я Грозного царя,
Да ведётъ онъ въ свои свѣтлы свѣтлици
Да во столовы новы горьници;

---

1) По объясненію Крюкова — проѣхалъ. Искажено изъ «*здраво сталъ*», сравн. далѣе на стран. 74 стихъ 17, стран. 77 ст. 15, стр. 78 ст. 53. (Ред.).

А садилъ-то Грозна царя да за дубовы́ столы,
За дубо́вы столы, за скатерти браныя,
А за ти же за ѣствы саха́рныя.
Какъ вси сидятъ и пьютъ, ѣдятъ и хвастаютъ;
Грозны́я царь Иванъ Васильевичъ
Сидитъ не пьётъ, не ѣстъ, ничѣмъ не хвастаётъ.
Кострюкъ Небрюкъ по полаты похаживатъ,
Съ ножки на ножку переступыватъ,
Жолты́ма кудрями принатряхиватъ,
Златыма-ти перснями принашшалкиватъ.
Самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи, да таковы слова:
«Какъ вси у меня-то на пиру сидятъ, пьютъ, ѣдятъ,
И вси у меня да хвастаютъ;
Какъ пріѣзжей-отъ гость сидитъ,
Не пьётъ, не ѣстъ, не кушаётъ,
Нечи́мъ онъ у меня не хвастаётъ.
Ужъ я разѣ тебя мѣстомъ о́бсадилъ,
Или винной чарой тебя о́бнесли,
Мои ѣствы тебѣ не по́ души,
Не по́ души, не по разуму,
Эли князи мои, бо́яра
Надъ тобою посьмѣхаютце?»
— Ужъ ты вой еси, Небрюкъ Кострюкъ моло́дыя!
Питья, ѣствы мнѣ-ка по разуму,
Винной меня чарой не о́бнесли,
И нехто́ надо мной не посьмѣхаитьце.
Да какъ я къ тебѣ пріѣхалъ
Не пить, не ѣсть, не кушати:
Ты дай же мнѣ нарьчо́ноё, посулёноё. —
Чечасъ Кострюкъ Небрюкъ
Писалъ триста татаровей,
Полтораста писалъ улановей,
Петсотъ писалъ доньскихъ казаковъ,
Удалы́хъ добрыхъ мо́лодцовъ.

А насыпалъ онъ три телёги красна золота,
Насыпалъ онъ телёги чиста сéребра,
Три телёги онъ мѣди всё козарочки,
Три телёги скáтна мелка жемчуга.
Да какъ началъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Сряжатисе, отправлятисе
На ту жа на сьвятую Русь, въ камянну́ Москву.
Какъ поѣхалъ нашъ Грозной царь Иванъ Васильевичъ;
Онъ здраво проѣхалъ грези чёрныя,
Онъ здраво проѣхалъ лѣсы тёмныя,
Онъ проѣхалъ рѣчки быстрыя;
Онъ здраво пріѣхалъ во матушку да въ камянну́ Москву
Со тою́ со Марьей Небрюковной.
Тутъ пошолъ у ихъ чесёнъ пиръ навéсели.
Вси тутъ пьютъ, ѣдятъ, хвастаютъ;
Какъ любимой-то ёго шуринъ сидитъ,
Не пьётъ, не ѣстъ, не кушаетъ
И ничимъ сидитъ не хвастаётъ;
Онъ повѣсилъ голову съ могучихъ плечъ,
Онъ поту́пилъ очи въ сéреду кирпичнюю.
Говорилъ тутъ Грозны́я царь Иванъ Васильевичъ:
«Шьто же ты, любимой шуринъ, не кушаешь?
Эли мѣсто тебѣ не по вотчины,
Питья, ѣствы тебѣ разѣ не по разуму?»
— Мѣсто-то мнѣ-ка по вотчины,
Питья, ѣствы по разуму, пó души:
Винной-то чарой меня не óбнесли,
Нехто надо мной не посьмѣхаитьце,
Не князи, не бóяра.
Я у тя спрошу: есь ли у васъ въ камяннóй Москвы
Таковы борьци, таковы борьчи,
Удалы́ добры молодци? —
Да какъ бралъ-то тутъ Грозны́я царь Иванъ Васильевичъ
Золоту трубу розрывчяту,

Выходилъ онъ на крылечко косивчято,
Кричалъ-то онъ въ золоту трубу:
«Ише есь ли у насъ въ камянно́й Москвы таковы борьци?»
Услыхалъ тутъ изъ того ряду́,
Изъ того ряду коже́венна,
Услыхалъ тутъ Потанюшко Хроменькой,
Хроменькой самъ тоненькой,
По животу онъ пережимистой,
На праву́ ногу подпадыватъ,
На лѣву́ подковыриватъ,
Костылькомъ онъ помахиватъ,
Къ царському дворцю подвигаитьце.
Увидалъ тутъ Кострюкъ Небрюкъ:
«Это чортъ иде́тъ, не бо́ровшшикъ[1]),
Водяной идётъ, не роспотѣшильшикъ!»
Онъ скачётъ черезъ вси столы дубовыя,
Черезъ ѣствы саха́рныя,
Да бѣжалъ-то онъ да на новы́ сѣни,
Да на красно крыльцё да на широкой дворъ.
Какъ го́воритъ тутъ Потанюшко Хроменькой,
Хроменькой да самъ тоненькой:
«Ужъ ты гой еси, Грозны́я царь Иванъ Васильевичъ!
Мы положимъ промежь собой заповѣдь великую:
Неровно́ которой которого броситъ,
Руку, ногу сломитъ,
Хребетну ли кость повыломитъ,
Изъ платья ли повылупитъ.»[2])
Смотритъ тутъ Грозны́я царь
Иванъ Васильевичъ съ Красна́ крыльця.
Какъ начели Кострюкъ Небрюкъ боротисе
Съ Потанюшкой Хроменькимъ,

1) Боротьсе.
2) Подъ судъ не отдавать.

Съ Хроменькимъ съ имъ, съ тоненькимъ,
Какъ начели боротисе, водитисе.
Какъ Потанюшко Хроменькой,
Хроменькой, самъ тоненькой,
По животу пережимистой
На праву́ ножку подпадывалъ,
На лѣву́ подковыривалъ,
Костылькомъ онъ помахивалъ;
Какъ металъ тутъ Кострюка Небрюка
На матушку сыру́ землю,
Онъ вѣдь его изъ платья повылупилъ,
Хребётну кость повыставилъ.
Да скакалъ Кострюкъ Небрюкъ да на рѣзвы́ ноги,
Побѣжалъ да по широку́ двору,
Захватилъ черну́ . . . . . въ праву́ руку,
Побѣжалъ, гдѣ-ка собаки шшеня́тятьсе,
Гдѣ-ка свиньи-ти приносятьсе,
Гдѣ-ка кошки люшшятьсе.
Говоритъ тутъ Марья Небрюковна:
«Это чортъ, не бо́рошьство,
Водяной, не роспотѣшельсьтво!»[1]).

Записана А. В. Марковымъ въ 1898 г. въ с. Зимняя Золотица отъ Крюкова. Бѣломорскія былины № 85, стр. 459—463.

Архангельской губерніи.

35.

Поизволилъ туть царь государь,
Поизволилъ Иванъ Васильевицъ
Да поизволилъ жонитисе,
Да не у насъ, не у насъ на Руси,

---

1) — Тебѣ како́ дѣло?— царь-то говоритъ. Тутъ и всимъ смѣшно́ пало.

Да не у насъ въ каменной Москвы, —
У Кострюка́ въ Большо́й орды́,
У Кострюка сына Демрюковиця
На его на родной сёстры
Да на Марьи Демрюковны.
Да собиралса ка (къ) царь
Да царь Иванъ Васильевицъ
Онъ со всѣмъ цесньімъ поѣздомъ;
Онъ оттуль и походъ уцинилъ
Да онъ за полё цистоё,
Да онъ за морё синёё,
Да онъ за рѣки быстрые.
Ишше здраво сталъ царь
Государь у Кострюка,
У Кострюка въ Большой орды,
У Кострюка сына Демрюковиця
Да за столы да за дубовые,
Да що за ѣсвы сахарные,
Да за напитоцки стоялые.
Да пировалъ-жыровалъ государь
Царь Иванъ Васильевицъ.
Кострюкъ поскакиваё (такъ),
Кострюкъ поплясываё.
Онъ тому не ослушёнъ былъ,
Выводилъ Кострюкъ сёстру
Еще Марью Демрюковну
Да за нашого правителя царя
Да за Ивана Васильевиця.
Пировалъ-жыровалъ государь
Царь Иванъ Васильевицъ,
Онъ оттуль и походъ уцинилъ
Онъ и за рѣки быстрыя,
Да онъ за морё синёё,
Що за полё чистоё.

Да ешшé здраво сталъ царь
Государь Иванъ Васильевиць
Во своей каменной Москвы,
Да онъ во церквы собóрные,
Да ко манáстырямъ церковныемъ.
Они вѣнцями повѣнцялисе,
Онѣ перснями помѣнялисе.
Еще здраво сталъ государь
За столы за дубовые,
Онъ за ѣсвы сахарные,
За напитоцки стоялые.
Пировалъ-жыровалъ государь
Царь Иванъ Васильевиць.
Кострюкъ поскакиваё,
Кострюкъ поплясываё,
Кострюкъ цересъ столъ скоцилъ,
Кострюкъ питьё сплескáлъ,
Кострюкъ борьця наживатъ:
«У васъ есь ли въ каменной Москвы,
«У васъ есь ли таковы борьци
«Со мной поборотисе
«Съ Кострюкомъ поводитисе
«Да изъ дани, исъ пошлины,
«Изъ накладу великого?»
Испроговорилъ царь государь,
Царь Иванъ Василь(е)виць:
«Ужъ ты ой еси, дядюшка,
«Да Микита Родомановицъ!
«Ужъ ты выйди-тко на улоньку
«Да на крылецушко красноё;
«Заиграй въ золотую трубу,
«Щобы цюли за Москвой за рѣкой,
«Тамъ уцюли три братёлка,
«Первой-отъ какъ братъ Мишенька,

«Другой-отъ братъ Гришенька,
«Ешшé третей-отъ братъ Васенька,
«Да ишé Вася-то былъ хроменькой».
Да какъ пошёлъ, пошёлъ тутъ дядя его
Да Микита Родомановицъ;
Да онъ вышелъ на улоньку
Да на крылецушко красноё
Да заигралъ онъ въ золотую трубу.
Да тамъ уцюли за Москвой за рѣкой,
Тамъ уцюли три братёлка:
Да первой-отъ братъ Мишенька,
Да второй-отъ братъ Гришенька,
Да третій братъ Васенька.
Воспроговорилъ Мишенька:
«Да мнѣ не съ кѣмъ боротисе».
Воспроговорилъ Гришенька:
«Да мнѣ не съ кѣмъ рукъ помаратъ».
Вася-то былъ хроминькой;
Да онъ сталъ съ имъ боротисе,
Да онъ сталъ съ имъ водитисе.
Да Кострюкъ потряхиваё,
Кострюкъ побрасываё,
До земли не допускиваё.
Ишше Вася-то былъ хроминькой,
Онъ на ношку справилсе,
Онъ за лапóтьё [1]) зграбилсе,
Онъ прирвалъ лапóтьё всё,
На рукахъ онъ потрехиваётъ,
До земли онъ не допускиваё.
Тутъ удумали: Кострюкъ-Демрюкъ, —
И (но) Мароа Демрюковна [2]).

1) Сказательница не знала значенія слова «лапотьё» (Гр.).
2) «Когда снялъ платье, увидѣлъ, что она женщина; а она **стала говорить**». Примѣч. сказательницы.

Она тутъ заклиналасе,
Она тутъ проклиналасе:
«Дай не дай, Богъ, бывати здѣсь
«Да у васъ въ каменной Москвы
«Да не дѣтямъ, да не внуцятамъ,
«Да не внуцятамъ да не павнуцятамъ».

Записана А. Д. Григорьевымъ. Напечатана въ его сборникѣ: Архангельскія былины и истор. пѣсни. Т. I, № 59, стр. 215—218.

Архангельской губерніи.

36.

А во Тауліи во городи,
А да во Тауліи хорошомъ-е
А позволилъ нашъ царь государь
Да царь Иванъ Васильевиць,
А позволилъ жонитисе
Да не у насъ, не у насъ на Руси,
Да не у насъ въ каменной Москвы,
Да у царя въ Бальшой орды,
Да у его на родной сестры
Да на Марьи Демрюковны.
Собиралса нашъ царь государь,
Да собиралса съ цесныимъ поѣздомъ;
Да и оттуль и походъ уцинилъ,
Да и оттуль исъ каменной Москвы.
Ишше здраво сталъ государь
Да черезъ рѣки быстрые,
Да черезъ морё синёё,
Да черезъ полё цистоё
Къ Кострюку въ Бальшу орду,
Къ Кострюку сыну Демрюковицю.

Говорилъ его дядюшка
Да Микита Родомановиць:
«Ушъ ты ой еси, Кострюкъ-Демрюкъ!
«Ишша мы къ табѣ (такъ) пришли
«Да не съ боёмъ, не съ дракою;
«Да мы прышли къ тобѣ посвататься
«Да у тобя на родной сестры,
«Да на Марьи Демрюковны».
Они сватались, сосваталисе,
Да сло́во на́ слово поло́жилисе.
Собиралса нашъ царь государь
За столы-тѣ за дубовые,
Да за ѣсвы сахарные,
Да за напитоцьки стоялые.
Пировалъ-жыровалъ государь.
Говорылъ его дядюшка
Ишше Микита Родомановиць:
«Ушъ ты ой еси, Кострюкъ-Демрюкъ!
«О́бъ цѣмъ сло́во было мо́лвленоё,
«По рукамъ уда́реноё?»
А Кострюкъ поскакиваё,
А Кострюкъ поплясываё;
Онъ тому не ослышылсе;
Онъ выводитъ родну сестру
Да и́но (такъ) Марью Демрюковну
Да за нашого прозви́теля царя
Да за Ивана-та Васильевиця
Да за столы-ти за дубовые
Да за напитоцьки стоялые.
А пировалъ-жыровалъ государь;
А оттуль и походъ уцинилъ,
Да оттуль изъ Бальшой орды.
Ишше здраво сталъ государь
Цересъ полё цистоё,

Цересъ морё синёё,
А цересъ рѣки быстрые.
Ишше здраво сталъ государь
Во свою-то въ каменну Москву
Да онъ ко церкви соборною
Да ко монастырямъ церковные.
Да они вѣньцями повѣньцялисе
Да перснями помѣнялисе.
Ешше здраво сталъ государь
Да во свою ту въ каменну Моск(в)у
За столы-тѣ за дубовые
Да за ѣсвы сахарные,
За напитоцьки стоялые.
Да пировалъ-жыровалъ государь.
Говорилъ его шуринъ тутъ
Кострюкъ Демрюковъ сынъ:
«Ушъ ты ой, царь государь!
«У васъ есь ли въ каменной Москвы,
«У васъ есь ли таковы борьци
«А со мной поборотисе,
«А съ Кострюкомъ поводитисе?»
А говорилъ тутъ царь государь
Да царь Иванъ Васильевиць:
«А любимой дядюшка!
«Ушъ ты выйди на улоньку;
«Да, Микита Родомановиць,
«Затруби-ко въ золотую трубу,
«Щобы цюли за рѣкой за Москвой».
Какъ выходитъ тутъ дядюшка
Да Микита Родомановиць,
Затрубилъ въ золотую трубу,
Да уцюли за рѣкой за Москвой,
Да учули три братёлка:
А первой братъ Мишенька,

А второй братъ Гришенька
Да третей братъ Васенька.
Говорилъ какъ туть царь государь:
«А любимой шуринъ мой!
«А у миня питья́ на столѣ,
«А у миня борьци на дворѣ,
«Когда есь вѣра боротисе
«Да исъ дани, исъ пошлины
«Да изъ накла́ду великого».
А Кострюкъ поскакиваётъ,
А Кострюкъ поплясываётъ;
А Кострюкъ цересъ столъ скоцилъ,
А Кострюкъ питья́ сплескалъ.
А говорыла какъ родна сестра
Да ино Марья-та Демрюковна:
«Ушъ ты ой еси, Кострюка-Демрюкъ!
«А не ходи ты боротисе
«А ты изъ дани, исъ пошлины
«Да изъ накладу великого».
А Кострюкъ поскакиваётъ,
Онъ тому не ослышитьсе;
Онъ выходитъ на улоньку,
На крылецюшко красноё,
А о перила облегаитьсе.
А говорилъ какъ Мишенька:
«Ушъ ты ой еси, царь государь!
«Мнѣ-ка не́ съ кимъ боро́тисе».
Говорылъ какъ Гришенька:
«Ушъ ты еси, царь государь!
«Мнѣ-ка не́ съ кимъ ру́ки патрать [1])
Да говорылъ какъ Васенька:
«Ушъ ты ой еси, царь государь!

---

1) Кривополѣнова не знала значенія этого слова. (Гр.).

«Ушъ бы радъ я боротисе,
«Съ Кострюкомъ бы поводитисе,—
«Да я топе́ря со царёва кабака́,
«Да болитъ буйна голова,
«Да шипитъ ретиво серьцё».
И наливаютъ какъ цяру вина̄,
Да не велику цетьвертинною.
А подаваютъ Васеньки,
Да выпиваётъ Васенька:
«Да спасибо ти^е^бѣ, царь государь!
«А опохме́лилъ бу́йну голову́,—
«А не окатилъ ретива серьця,
«А не звеселилъ добра молотьця».
А наливаютъ вторую цару́,
Да не велику, цетьвертинною.
А подаваютъ Васеньки.
А выпиваётъ Васенька:
«Да спасибо тебѣ, царь государь,
«Да царь Иванъ Васильевиць!
«А опохме́лилъ буйну́ голову́
«А окати́лъ ретиво́ серьцё,—
«А не звеселилъ добра молотьця».
Наливаютъ третю́ю чару́,
Да не велику, цетьвертинною;
Подаваютъ Васеньки.
А выпиваётъ Васенька:
«Да спасибо тибѣ, царь государь!
«А опохмелилъ буйну голову,
«А окатилъ ретиво́ серьцё,
«Да звеселилъ добра молотьця;
«Ушъ я ратъ нынь боротисе
«Да съ Кострюкомъ-то поводитисе
«Я исъ дани, исъ пошлины,
«Изъ накла̀ду великого».

Они стали боротисе.
А въ первы́ Костpю́къ бросилъ,
А вторы́ Кострюкъ броси́лъ.
А какъ Ва́сенька-то Хро́менькой
Онъ на ношку-ту справилса,
А за лопотья-ти зграбилса,
Онъ прырвалъ лопотьё всё.
А на рукахъ онъ потре́хиваё,
До земли не допу́скиваё.
А ишше думали: Кострюкъ-Демрюкъ,
А ино Мароа Демрюковна.
Да она проклиналасе,
Да она заклиналасе:
«Да не дай, Богъ, бывати здѣсь
«А у царя въ каменной Москвы
«Да не дѣтямъ бы, не внуцятамъ,
«Да не внуцятамъ, не па́внуцятамъ [1]).

Записана А. Д. Григорьевымъ отъ крестьянки М. Д. Кривополѣновой въ Пинежскомъ краѣ, деревнѣ Шотогоркѣ. См. Арханг. былины и истор. пѣсни. т. I. № 116.

Архангельской губерніи.

37.

Въ го́ды-ти были пре́жніе́ [2]),
Во времена ти-были [3]) досельніе
При нашемъ свѣти цари
При Иванѣ Васильевици.
Онъ здумалъ жонитисе въ земли невѣрное
На Марьи Темрюковны.

---

1) Примѣч. сказательницы: «Она всё воевала за брата, мущину».
2) Ударенія 1-го, 46 и 47 стиховъ поставлены мною при переепискѣ (Григ.).
3) «Было» ошибочно вмѣсто «были» (Григ.).

У ихъ было много провожатыхъ-то:
Дваста тотаровей,
Полтораста ула́новей,
Полтретьяста церквя́сыновей.
Они всѣ сидятъ у царя на пиру;
Они пиво-то съ мёдомъ пьютъ,
Хлѣбъ-отъ съ солью ѣдя,
Таки ѣсвы кушаютъ;
Они лиха не думаютъ
На нашого свѣта царя
На Ивана Васильевиця.
Большой шуринъ царевъ
Кострюкъ-Темрюкъ Темрюковиць
Онъ пива-та съ мёдомъ не пьё,
Хлѣба-та съ солью не ѣстъ,
Зелена вина въ ротъ не берётъ,
Таки ѣсвы не кушаётъ.
Въ та (а́) пора стольникъ царевъ
Да Микита Романовиць
Онъ скоро допрашивалъ:
«Що же бойшой [1]) шуринъ царевъ
«Кострюкъ-Темрюкъ Темрюковиць,
«Що же пива съ мёдомъ не пьёшъ,
«Хлѣба съ солью не ѣшъ,
«Зелена вина въ ротъ не берёшъ,
«Такіе ѣсвы не кушаёшъ?
«Ты не лиха [2]) ле думаёшъ
«На нашого свѣта царя
«На Ивана Васильевиця?».
— Лиха не думаю
— На вашого свѣта царя

---

1) Такъ въ черновикѣ (Григ.).
2) Это — обмолвка пѣвицы подъ вліяніемъ 36-го стиха (Григ.).

— На Ивана Васильевиця.
— Столько я думаю:
— Я тритцеть городовъ перешолъ,
— Тритцеть борцей поборолъ,
— Не могъ силы отвѣдати;
— Нѣтъ ли у васъ такихъ борцей
— Въ каменнóй Москвы
— Съ Кострюкомъ побоpотисе,
— Съ Темрюкóмъ поотвѣ́датú,
— Силки отвѣдати?—
Въ та пора стольникъ царевъ
Да Микита Романовиць
Выходилъ на тѣ сѣни новые;
Выходилъ на то крыльцё красноё,
А на то восударевоё;
Скрыцялъ во всю буйну голову,
Щобы было цють по всей каменной Москвы.
Изъ нижного концця
Да исъ крайного дворьця
Ондрея-та Пауженипа
Былъ Васька-та Маленькой
Да Потанька-та Хроменькой;
Костылёмъ подпираитьсе,
Ко двору подвигаитьсе. [1])
Въ та пора стольникъ царевъ
Да Микита Романовиць
Онъ наливатъ цяру (зелена вина),
Не велику, ни малу, полтора ведра.
Принимаеться Васютка единой рукой,
Выпиваётъ на единой духъ.
Въ та пора стольникъ царевъ

---

1) Щербакова принимаетъ два лица, т.-е. Ваську и Потаньку, за одно (Григ.).

Да Микита Романовиць
Онъ скоро докладывалъ
Кострюку-Темрюку Темрюковицю:
«У насъ у царя хлѣбъ на столи,
«Да борци на двори;
«Хотятъ съ Кострюкомъ поборотисе,
«Съ Темрюкомъ поотвѣдати,
«Хотятъ силки отвѣдати».
Онъ скоцилъ цересъ золотъ столъ,
Цересъ ѣсвы сахарные,
Цересъ скамейки дубовые, —
Онъ дваста тотаръ подломилъ,
Полтораста улановей,
Полтретьяста церквясыновей; [1])
Они всѣ посыпалисе,
Всѣ повалилисе,
Всѣ пошли борьбы смотрѣть.
Васька-та Маленькой
Да Потанька да Хроменькой
Онъ на ношку справилса,
За рубашку зграбилса;
Кострюкъ-Темрюкъ былъ на ногахъ, —
Поставилъ на голову. [2])
Какъ спроговоритъ Марья Темрюковна:
«Ушъ ты ой еси, бо́льшой царь,
«Царь Иванъ Васильевиць!
«Нащо было рубашка здѣть?
«Да нащо было нага спустить
«Потъ тѣ сѣни новые
«Да потъ тѣ сѣни царьскіе?»

---

1) Искажено изъ «Черкашиновей» т. е. Черкашиновъ (Ред.)

2) 91-й стихъ она пропѣла нескладно: повидимому это мѣсто испорчено (Григ.).

Какъ спроговоритъ бо́льшой царь,
Царь Иванъ Васильевиць:
«У насъ въ Москвы такъ и во́дитьсе,
«Кто съ кѣмъ боритьсе».

Записана А. Д. Григорьевымъ отъ крестьянки Щербаковой въ с. Кобелёвѣ въ Пинежскомъ краѣ. См. Арханг. былины и истор. пѣсни, т. I, № 137, стр. 430.

Архангельской губерніи.

38.

Въ годы-ти были прежніе,
Въ времена-ти были досельніе.
При нашомъ при свѣти цари
при Иванѣ Васильевици.
Да онъ здумалъ жонитисе
Во земли во невѣрное
На Марѳи Темрюковны.
У ей было много провожатыхъ-то:
Двaста татаровей,
Полтораста улановей,
Полтретьяста церквасыновей.
Они всѣ сидятъ у царя на пиру;
Они сидя(тъ), пиво-то съ мёдомъ пьютъ,
Хлѣбъ съ солью ѣдятъ,
Таки ясвы кушаютъ,
Лиха не думаютъ
На нашого свѣта царя
На Ивана Васильевиця.
Одинъ большій шуринъ царевъ
Кострюкъ-Темрюкъ Темрюковичъ
Онъ пива-та съ мёдомъ не пьётъ,

Хлѣба-та съ солью не ѣстъ,
Зелена вина въ ротъ не берётъ,
Таки ясвы не кушаётъ;
Да не лихо ле думаётъ
На нашого свѣта царя
На Ивана Васильевиця?
Увидалъ его стольникъ царевъ
Микита Романовиць.
Онъ скоро допрашивалъ большого шурина
Кострюкъ-Темрюка Темрюковиця:
«Ушъ ты ой еси, большой шуринъ царевъ.
«Кострюкъ-Темрюкъ Темрюковицъ!
«Ушъ ты што же пива съ мёдомъ не пьёшъ,
«Хлѣба-та съ солью не ѣшъ,
«Зелена вина въ ротъ не берёшъ,
«Таки ясвы не кушаёшъ?
«Да не лихо ле думаёшъ
«На нашого свѣта царя
«На Ивана Васильевиця?»
Спроговоритъ большой шуринъ царевъ
Кострюкъ-Темрюкъ Темрюковиць:
«Хошъ я пива-та съ мёдомъ не пью,
«хлѣба-та съ солью не ѣмъ,
«Зелена вина въ ротъ не беру,
«Таки ясвы не кушаю, —
«Да я лиха не думаю
«Да на вашего свѣта царя
«На Ивана Васильевиця,
«Ище столько я думаю:
«Я тритьцеть городовъ перешолъ,
«Я тритьцетъ борцей поборолъ, —
«Не могъ силки отвѣдати;
«Есъ ли у васъ въ каменной Москвы
«Таковы борьци

«Съ Кострюкомъ поборотисе,
«Съ Темрюкомъ поотвѣдати
«Да и силки отвѣдати? [1])
Въ та́ пора стольникъ царевъ
Да Микита Романовиць
Выходилъ онъ на тѣ сѣни новые,
На тѣ сѣни царьскіе,
На тѣ государевые.
На то крыльцё красноё,
На то государевоё.
Скрыцялъ какъ онъ во всю буйну голову,
Щобы цють по всей каменной Москвы,
Изъ нижьнёго коньця,
Изъ крайнёго дворьця
Щобы было два борьця,
Были дѣти Ондреевые
Да Ондрея-та Павженина:
Васька-то Маленькой
Да Потанька Хроменькой;
О костыль потпираитьсе,
Ко двору подвигаитьсе.
Въ та пора стольникъ царевъ
Да Микита Романовицъ
Наливаетъ онъ чашу зелена вина,
(Не велика, не мала чаша, — полтора ведра).
Подаваетъ-то Васьки Маленькому
Да Потаньки Хроминькому.
Принимается Васютка единой рукой,
Выпиваётъ Васютка за единой махъ:
«Ну дайте же мнѣ ныньце борьця на руку».
Въ та пора стольникъ царевъ
Да Микита Романовичъ

1) Этотъ стихъ почти сказанъ, а не пропѣтъ (Григ.).

Да онъ скоро докладывалъ
Да большому шурину
Кострюку-Темрюку Темрюковицю:
«Ушъ ты ой еси, большій шуринъ царевъ
«Кострюкъ-Темрюкъ Темрюковичъ!
«У насъ у царя хлѣбъ на столи и борьци на двори».
Онъ какъ сталъ да скоцилъ церезъ золотъ столъ,
Церезъ ясвы сахарные,
Церезъ скамейку дубовую;
Задѣлъ ногой правою, —
Дваста тотаръ подломилъ,
Полтораста улановей,
Полтретьяста церквасыновей.
Они всѣ какъ посыпались,
Да всѣ повалилисе,
Всѣ пошли борбы смотрѣть,
Всѣ пошли молодецькое.
Они долго сходилисе
Да и плотно сымалисе.
Васька-то Маленькой
Да Поталька Хроменькой
На пошку справилса,
За рубашку зграбилса;
Былъ Кострюкъ на ногахъ, —
Да поставили на голову.
Его стыдъ-отъ взялъ.
Онъ стыдъ-отъ въ горсть захватилъ,
А въ дыру-ту перстомъ ткнулъ;
Подъ новые сѣни побѣжалъ,
Подъ тѣ сѣни новые
И подъ тѣ сѣни царскіе
И подъ тѣ государевые,
Подъ то крыльцё красноё,
Подъ то крыльцё царскоё,

Подъ то государевоё.
Спроговоритъ Марья Темрюковна:
«Ушъ ты ой еси, царь государь,
«Царь Иванъ Васильевицъ!
«Нашто было рубашка здѣть,
«Да нашто было нага спустить,
«Да и нашто было безчестити,
«Да подъ новые сѣни бѣжать,
«Подъ тѣ сѣни царскіе,
«Подъ тѣ государевые,
«Подъ то крыльцё красное,
«Подъ то государевоё?»
Спроговоритъ царь государь,
Царь Иванъ Васильевицъ:
«Ушъ ты ой еси, Марья Темрюковна!
«Въ Москвы такъ и водитьсе:
«Кто съ кѣмъ бориться, —
«Рубашка здѣть да нага спустить
«Да подъ новые сѣни бѣжать,
«Да подъ тѣ сѣни новые,
«Подъ тѣ сѣни царскіе,
«Подъ тѣ государевые,
«Подъ то крыльцё красное,
«Подъ то государевоё».

Записана А. Д. Григорьевымъ отъ крест. И. М. Ломтева въ д. Карпова гора въ Пинежскомъ краѣ. См. Арх. был. и истор. пѣсни, т. I № 156, стр. 474—478.

Архангельской губерніи.

39.

И задумалъ Грозенъ царь Иванъ Васильёвиць женитисе
Во той-ли земли во невѣрныя (2)
На той-ли на Марьи Демрюковны (2).
По пріѣзду назадь царь пиръ сочинилъ.
На томъ на пиру всѣ напивалисе,
Всѣ на чосномъ наѣдалисе,
Всѣ на пиру прирosхвастались.
И глупой хвастатъ молодой жоной,
Нерозумной хвастатъ родимо́й сёстрой.
И сидитъ уда́лой доброй молодець[1]),
Онъ ничѣмъ не хвастаётъ,
Приходилъ Грозный царь Иванъ Васильёвиць,
Ужъ онъ самъ говорилъ таковыя рѣци́......
Одинъ былъ Васинька, одинъ былъ Маленькой:
На одну ножку прискакиваётъ,
На другу ножку припадываётъ.....

(Конца пѣвица не знаетъ).

Записана Б. А. Богословскимъ въ 1901 г. отъ крестьянки Ольги Семен. Вопіящиной въ с. Кузомени на р. Ва̀рзугѣ на Терскомъ берегу Бѣлаго моря. Напечатана въ «Трудахъ Музыкально-этнографической коммиссіи при Этногр. Отд. Имп. Общ. Люб. Естествозн., Антропологіи и Этнографіи». т. II, стр. 99, № 55.

---

1) Рѣчь идетъ о братѣ царицы Марьи — Кострюкѣ. Собир.

Архангельской губерніи.

40.

Задумалъ грозный царь Иванъ Васильевичъ пиръ собрать,
Собиралъ онъ многихъ князей,
Собиралъ онъ многихъ купцей,
Собиралъ многихъ бояръ къ себѣ,
Изумыльнюю рѣчь выговариватъ:
«Я задумалъ, братцы, женитисе,
Не у насъ на Москвѣ, въ проклятой Литвѣ».
До петисотъ поѣжжанъ наметалосе,
До трехсотъ провожатыхъ собиралосе;
Всѣ на пиру да напивалися,
Всѣ на чесномъ да наѣдалися,
Только одинъ проважатой не пьётъ, не ѣсъ,
Не пьётъ онъ, не ѣсъ, нечѣмъ не тѣшится,
Именёмъ его зовутъ нынь Кострюкъ-Мострюкъ Степановичъ.
Подходилъ-то дядюшка Микита Романовичъ:
«Што-же ты, Кострюкъ-Мострюкъ Степановичъ,
Што-же ты не пьешъ, не ѣшъ, не тѣшишсе?
Съ хорошимя людьми ты не нѣжишся?»
Отвѣчатъ-то ему да Кострюкъ-Мострюкъ:
— Я прошолъ-то семь городовъ,
Поборолъ я семь борцовъ,
Пострѣлилъ-то я семь стрѣльцовъ,
Посрамилъ я всѣхъ стрѣльцовъ,
Я желаю-бы со рускима борцами поборотисе. —
Выходилъ-то дядюшка Микита Романовичъ
На то крыльцё на прекрасное,
На то кружало государево,
Зычитъ-то крычитъ громкимъ голосомъ:
«Нѣтъ-ли у насъ въ городѣ боротисе?»

Зычитъ-то дядюшка во вто́рой разъ,
Самъ-то рвётъ свою сѣду броду,
Самъ-то брады приговариватъ:
«Ужъ ты, сѣда моя брада!
Ты достанешся рвать видно рукамъ тотарскимъ,
Видно будётъ пріотвѣдатца самому старику».
Крычитъ-то зычитъ Никитушка во третей разъ.
Съ того-же славна царева кабака,
Идутъ-то два названые два брателка,
Одного именёмъ зовутъ Василькя маленькёй,
Другого зовутъ Потанюшка хроменькёй,
Костылёмъ-то Потаня подпираетця,
Впередъ-то Потаня подаваетця.
Васинькя маленькёй мастеръ стрѣлетисе,
Потанюшка хроминькёй мастеръ боротисе.
Приходятъ’ны къ тому-же кружалу государеву:
«Ужъ ты здраствуёшь, дядюшка Микита Романовичъ!
Для чё-то тебѣ да люди скоро надобны?»
— Желатъ-то провожатой съ рускими борцями поборотисе,
Желатъ-то съ рускими стрѣльцами пострѣлетися,
Тотъ-же Кострюкъ-Мострюкъ Степановичъ;
Онъ вѣдь по полу идётъ, колѣнки жмётъ,
На лавицу садицца куну берегётъ;
Это не быть, братцы, мущина, быть женщина. —
«Ужъ ты ой еси, дядюшка Микита Романовичъ!
Доложся-кось Ивану Васильевичу,
Ивану Васильевичу царю Грозному:
Велитъ-ли онъ мнѣ да побороть Кострюка,
Побороть его, съ его платьё снеть,
Платье снеть, нагого́ спустить»?
Отвѣтилъ тутъ имъ Иванъ Васильевичъ,
Иванъ Васильевичъ, самъ Грозной царь:
— Лишь-бы Богъ помогъ. —
Подходилъ нынѣ дядюшка къ дубову столу,

Говоритъ-то нынь дядюшка таково слово:
«Што братцы, бояра, господа!
Што братцы, господа, провожатыи!
Што-же Кострюкъ-Мострюкъ Степановичъ!
Не пьёшь, ты не ѣшь, не тѣшишся?
Ты съ почётныма людьми ты не нѣжишся?
А питья-то и ѣствы у насъ на столѣ,
А борцы у насъ на дворѣ».
Соскочилъ тутъ Кострюкъ-Мострюковичъ на рѣзвы ноги,
У Кострюка тутъ сэрцо зрадоваласе,
Скоцилъ-то Кострюкъ черезъ дубовой столъ.
Стопталъ-то онъ трёхъ Степановыхъ, трёхъ Юлановыхъ.
Выходили они да вонъ на улицу,
А схватилисе съ Потанюшкой боротисе;
Во первыхъ-то Потанюшку бросили,
Во вторыхъ-то Потанюшку бросили,
Во третьихъ-то Патанюшка справился,
За рубашаньку Потанюшка зграбилса,
Металъ Кострюка-Мострюка сына Степановича,
Металъ его выше народа стоечего,
Бросилъ его о сыру землю,
Платье снялъ, да нагого́ спустилъ.
Соскочилъ-то Кострюкъ на рѣзвы ноги,
За углы Кострюкъ забираитца,
Долонью пирогъ прикрываётъ;
Тутъ-то Потаня пострамилъ её.
Выговаривалъ имъ грозной царь Иванъ Васильевичъ:
«Пойте удалыхъ добрыхъ молодцовъ
Зеленымъ виномъ да базденежно:
Богъ пособилъ да пострамити имъ».
Понесла-то гнѣвъ царица на царя Грозного:
Руку накинётъ, дакъ пыши́тъ одва́,
Ногу накинётъ, дакъ дышитъ одва́.
Выходилъ Грозной царь за ворота вонъ.

Переложилъ-то платьё его дядюшка Микитушка,
Снялъ онъ съ ней роту[1]) — дубьёмъ отодралъ.

Кострюкъ, разсказанный Василіемъ Арт. Никоновымъ, оканчивается такъ: царица Марья хотѣла задушить Ивана Васильевича за то, что тотъ позволилъ Потанѣ осрамить ея родную сестру. Узнавъ о покушеніи, дядя царя Никита Романовичъ «снялъ съ ней роту — дубьёмъ отодралъ».

Записана Ончуковымъ въ 1902 году въ д. Нарыгѣ въ Печорскомъ краѣ отъ кр. Н. В. Артамоновича. Напечатана въ «Печорскихъ былинахъ» подъ № 98. на стр. 397—400.

Архангельской губерніи.

41.

Позволилъ нашъ царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Позволилъ онъ женитисе,
Не у насъ на светой на Руси,
Не у насъ въ каменной Москвы,
У короля въ проклятой Литвы,
Онъ на Марьѣ Темрюковны.
Онъ немного съ собою поѣзду берётъ,
Полтораста татариновъ берётъ,
Полтретьяста боярскихъ дѣтей,
Петьсотъ стременныхъ стрѣльчей.
Собиралосе поѣзду
Околъ цѣлоей тысечи.
Покатилисэ нашъ царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Покатилсэ въ проклятую Литву,
Онъ по Марью Томрюковну,

---

1) Клятву.

Прикатилса въ прокляту Литву,
Здраво сталъ онъ въ проклятой Литвы,
Бралъ онъ Марью Темрюковну.
Какъ втапоры отецъ Темрюкъ
Онъ немного проважатыхъ кладётъ,
Полтараста татариновъ кладётъ,
Полтараста татарскихъ дѣтей,
Петьсотъ стременныхъ стрѣльцовъ.
Собиралось проважатыихъ гостей
Околъ цѣлоей тысечи;
Да ищэ онъ проважатого кладётъ
Кострюка сына Темрюковиця.
Покатилса нашъ царь государь,
Нашъ Иванъ сударь Васильевичъ,
Покатилса на светую Русь,
На свету Русь, каменну Москву,
Онъ со Марьей Темрюковной.
Прикатилса въ каменну Москву,
Заходилъ онъ во божью черькёвъ,
Да ставалъ на подножокъ-отъ,
Онъ прималъ золотые вѣнчи
Да со Марьей Темрюковной.
Покатилса нашъ царь государь,
Нашъ Иванъ сударь Васильевичъ,
Покатилса изъ божьей церквы
Да со Марьей Темрюковной,
Онъ пошолъ въ ложню тёплую,
Онъ ложилса во теплу ложню.
Дакъ втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Онъ и у́цялъ столы становить,
Онъ вѣдь у́цялъ гостей по́тчивати.
Дакъ и хлѣбъ-отъ у царя на столѣ,
Да ѣствы-то у царя на столѣ,

Да питья-то у царя на столѣ,
Да и вси у насъ пьютъ и ѣдятъ,
Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаютче,
За царя Богу молятче
За Иванъ сударь Васильевича,
За царицу за Марью Темрюковну;
Да одинъ у насъ не пьётъ, не ѣсъ,
Онъ не пьётъ, не ѣсъ, не тѣшитсе,
За царя Богу не молитце,
За Ивана за Васильевиця,
За царицу за Марью Темрюковну:
Онъ вѣдь проситъ борца-молодца,
Поучéна добра молодца,
Скажотъ: «сємь городовъ испрошолъ,
Тридцеть борцовъ поборолъ,
Не нашолъ по сибѣ борца,
Поучена добра молодца».
Кабы втапоры дядюшка царéвъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Приходилъ да къ ложни тёплоей,
Онъ колотитця съ молитвою,
Говоритъ таковы рѣци:
«Ужъ ты ой еси, царь государь!
Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Дакъ и хлѣбъ-отъ у миня на столѣ,
Да ѣствы́-те у миня на столѣ,
Да питья-те у миня на столѣ,
Дакъ и вси у насъ пьютъ и ѣдятъ,
Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаютце,
За царя Богу молятце,
За царицу за Марью Темрюковну,
Промежу собой хвастаютъ;
Да одинъ у насъ не пьётъ, не ѣсъ,
Онъ не пьетъ, не ѣсъ, не хвастаетъ.

За царя Богу не молитце,
За Ивана за Васильевиця,
За Марью Темрюковну,
Да по имени Кострюкъ сынъ Темрюковичъ.
Онъ вѣдь проситъ борца молодца,
Поучена добра молодца,
Скажотъ: «семь городовъ испрошолъ»,
Скажотъ: «тридцеть борцовъ поборолъ,
«Не нашолъ по сибѣ борца,
«Поучéна добра молодца».
Говоритъ Иванъ Васильевичъ:
— Ужъ ты ой еси, дядюшка царевъ!
— Старъ Микита Романовичъ!
Выходи на крыльцо красное,
На прекрасно государево,
Ты крычи-зычи во всю голову,
Штобы чуть было по всéй Москвы,
Какъ по всéй Москвы, по За́москвы,
Съ Кострюкомъ побоютисе,
Съ Темрюкомъ поотвѣдатце. —
Собиралися богатыри
Къ государеву кó двору,
Ко прекраснинькёму ко крыльцу.
Кабы втапоры дядюшка царевъ
Выходилъ на крыльчо-кра́сное,
На прекрасно государево,
Онъ крычалъ-зычалъ во всю голову,
Штобы чуть было по всей Москвы,
По всей Москвы, по За́москвы:
Собиралисе богатыри,
Съ Кострюкомъ побоютисе,
Съ Темрюкомъ поотвѣдатце.
Какъ изъ нижняго и́зъ конца,
Какъ изъ маленькёго изъ дворца

Выходили два богатыря:
Кабы Васинька маленькёй.
Да Потанюшка хроминькёй.
Кабы Вася на царевъ кабакъ пошолъ,
А Потаня ко дворцу государевому,
Ко крылечюшку прекраснинькёму;
На одну ножку прихрамываётъ,
На другу ножку припадываётъ,
Костылёмъ подпираитце,
Ко дворцу приближаитце.
Кабы втапоры дядюшка царёвъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Говорилъ таковы рѣчи:
«Ужъ ты ой еси, Потанюшка хроминькёй,
Ужъ ты можошь ли Кострюка побороть?
Побороть, обезвѣчить его?»
Говоритъ Потаня хроминькёй:
— Ужъ вѣдь я Кострюка поборю,
Поборю, обезвѣчу его.
Кабы я-то вчера хмелёнъ былъ,
Кабы нынѣ голова-то болитъ,
Кабы мнѣ-то пріоправитце. —
Кабы втапоры дядюшка царёвъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Наливаетъ цару зелена вина
Какъ немалу, полтара ведра,
Какъ подноситъ Потанюшкѣ хроменькёму;
Какъ берётъ Потаня единой рукой,
Выпиватъ единымъ духомъ,
Самъ за чарой покланяитца:
«Да ищэ-то я Потаня не оправилсэ,
Какъ болитъ у Потани буйна голова».
Да и втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,

Наливаетъ-то чару зелена вина,
Какъ немалу, полтара ведра,
Какъ подноситъ Потанѣ хроминькёму;
Какъ берётъ Потаня цяру единой рукой,
Выпиваётъ единымъ духомъ,
Самъ за чарой поклоняитця:
«Да ищэ Потаня не оправилса».
Да и втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Онъ еще подноситъ зелена вина;
Какъ берётъ Потаня цяру единой рукой.
Выпиваетъ единымъ духомъ,
Кабы самъ за цярой покланяитца:
«Какъ топерь я могу Кострюка побороть,
Побороть, обезвѣчить его».
Какъ втапоры дядюшка царевъ
Заходилъ во гриню свѣтлую,
Онъ вѣдь подчоватъ провожатыхъ гостей:
«Какъ и хлѣбъ-отъ у меня на столѣ,
Да и ѣства у меня на столѣ.
Да и питья-то у меня на столѣ.
Да борцы-ти у меня на дворѣ».
Да и втапоры Кострюкъ сынъ Темрюковичъ
Онъ скочилъ черезъ дубовы столы,
Онъ одной ногой за скамью задѣлъ.
Полтораста татариновъ убилъ,
Полтретьяста татарскихъ дѣтей,
Петьсотъ стременныхъ стрѣльцей,
Онъ убилъ-пригубилъ всѣхъ провожатыхъ гостей,
Выходилъ онъ вонъ на улечу.
Да и втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ.
Приходилъ онъ къ ложни теплоей.
Колотилса съ молитвою,

Онъ будилъ-то Ивана Васильевича:
«Ужъ ты ой еси, царь государь!
Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Выходи на крыльцо красное,
Какъ смотрѣть борьбу богатырскую».
Дакъ и вышолъ нашъ царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Да со Марьей Темрюковной
На крылечушко на красное,
На прекрасно государево.
Говоритъ Потаня хроминькёй:
«Ужъ ты ой еси, царь государь!
Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Ужъ мы кой коегó поборёмъ,
Съ виноватого штобы платье снеть,
Да спустить его нага, да какъ мать родила».
Говоритъ Иванъ Васильевичъ:
— Да лишь-бы тибѣ Богъ пособилъ. —
Говоритъ Марья Темрюковна:
«Кабы прежъ борцы боролисе,
Кабы прежъ стрѣльчи стрѣлелисе,
Съ виноватого платье не сы́мывали».
Какъ не двѣ горы скаталисе,
Два богатыря сходилисе;
Да впервы-ти Кострюкъ поборолъ,
Да въ други-ти Кострюкъ поборолъ.
Дакъ и втапоры дядюшка царёвъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Онъ вѣдь рвётъ сѣдую голову,
Да и щыплетъ сѣдую бороду:
«Ужъ ты горькяя бѣла́я голова!
Ты безчасная сѣдая борода!
Доставалась на поруганьё,
Злу татарину проклятому;

Самому будётъ отвѣдатце,
Съ Кострюкомъ поборотисе».
Да Потанюшка справилса,
За рубашенькю сграбилса,
Выздымалъ выше головы,
Опускалъ о сыру землю,
О гумёнецькё мéдвенно,
Не сорочинькя спархивала,
На Кострюкѣ кожа треснула,
Онъ спустилъ его нага, да какъ мать родила.
Поволокся Кострюкъ сынъ Темрюковичъ,
Поволокся подъ крылечушко,
Онъ долонью прикрываитце.
Дакъ и втапоры царь государь,
Царь сударь Иванъ Васильевичъ,
Онъ пошолъ во ложню теплую,
Онъ со Марьей Темрюковной,
Онъ ложился въ ложню теплую,
На кроватоцькю тисовую.

Павелъ Марковъ разсказалъ, послѣ того, какъ спѣлъ старину, слѣдующую легенду: Марья Темрюковна осердилась на царя Ивана, что позволилъ Потанѣ посрамить ея родного брата Кострюка; она вызвала Ивана Васильевича «поединщикомъ на полё, битця-боротце». При царскомъ дворѣ былъ бояринъ Бѣльской. такъ-же какъ царь лицомъ и возрастомъ; Марья Темрюковна уѣхала впередъ на поле, а Бѣльскаго средили въ царское платье и послали драться съ ней. «Бѣльской выѣхалъ, разъѣхались, Бѣльской царицу копьёмъ шшипъ, она съ лошади пала. а Бѣльской сѣлъ ей на бѣлы груди, да и распоролъ груди бѣлыя, а царица говоритъ: — Не быть то Ивану Васильевичу, быть собакѣ Бѣльскому».

Записана Н. Е. Ончуковымъ въ 1902 году въ д. Бѣдовой Пустозерской волости Арханг. губ.

Напечатана въ «Печорскихъ былинахъ» подъ № 91, стр. 363—370.

Архангельской губерніи.

43.

Грозной царь государь Иванъ Васильевичъ
Не успѣлъ вопаритисе, захотѣлъ поженитисе:
Послалъ посла, скора сватовщыка,
Старого Микиту Романовича
Во дальню землю, во орду во невѣрную,
Демрюку на доцери,
Кострюку на родной сестры, на Маріи,
На крыницы (?) на царскоей,
На вельможѣ на великоей.
Всё не отказываютъ, всё приказываютъ.
Собирались во церковь во Божію,
Примали закону Божьёго;
Пиръ-отъ пошолъ о полу́пира,
Столъ-отъ пошолъ о полу́стола,
Вси на пиру напивалисе,
Вси на чесномъ наѣдалисе.
Одинъ Кострюкъ Демрюковичъ,
Онъ не ѣсъ-ле, не пьётъ, не кушаётъ,
На тебя-ли, на царя думу думаётъ,
На Марью сестру судину́ творитъ:
«Я семъ городовъ побывалъ,
Семъ борцовъ поборолъ,
Есь-ле борцовъ поборотисе?
За любовъ попытатисе?»
— У насъ есь поньце Васинькя маленькёй.
Потанюшка хроминькой. —
Говоритъ-то Кострюкъ Демрюковичъ:
«Што это за гадина идётъ,
Уже што за перегадина идётъ?
На одну доло́нь посажу, другой придавлю!»

Потанюшка приспра́вилсэ,
За черны кудри загра́билсэ,
Выздыма́лъ выше дерева шаро́вова,
Бросилъ Кострюка на сыру землю;
Не рубашка-ли по́рскнула,
Не кожа ли треснула,
Побѣжалъ Кострюкъ, дыру доло́нью захватилъ:
«Не дай Богъ на светой Руси бывать,
Въ каменной Москвы,
Не дѣтямъ моимъ не внучатамъ».

Записана Н. Е. Ончуковымъ въ 1902 году въ с. Великая Виска Пустозерской волости Арханг. губ. отъ кр. Н. Шалькова.

Напечатана въ «Печорскихъ былинахъ» подъ № 77, стр. 307—308.

Олонецкой губерніи.

44.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Произволилъ онъ женитися,
Произволилъ онъ обручитися,
Не у насъ на святой Руси,
И не у насъ въ каменной Москвы,
А въ землѣ во невѣрныя,
Въ землѣ во Черкасскія,
На той ли на Марьѣ Кастрюковной,
И на той ли на Марьѣ Демьюковной.
Еще много онъ бралъ въ приданое,
Триста татариновъ, да пятьсотъ Донскихъ казаковъ:
Затылки у нихъ были вшивые,
Гузна́ подхилыя, толстопяты, загузисты.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
На великихъ былъ онъ на радостяхъ.

И заводилъ пированьице — почестенъ пиръ
На своихъ на князей, на бояръ,
На всѣхъ на могучіихъ богатырей,
На всѣ паленицы удалыя.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Одинъ сидитъ молодецъ — призадумался,
Не ѣстъ, не пьетъ и не кушаетъ,
И ничѣмъ онъ, молодецъ, не хвастаетъ.
Вышелъ дядюшка князь Никита Романовичъ,
И ходитъ онъ по своей по свѣтлой по свѣтлицы,
По той ли по гридни по столовыя,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Что̀ же ты, больше-царскій шуринъ,
«Не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
«И ничѣмъ, молодецъ, не хвастаешь?
«Какую ты думу думаешь?
«Развѣ мѣсто тебѣ не по разуму,
«Али чара не рядо́мъ дошла,
«Али невѣжа въ пиру обезчестила?»
— А я думаю думушку крѣпкую:
— Есть ли у васъ въ Москвѣ борцы
— Съ Кастрюкомъ побоготися,
— Съ Демьюкомъ поломатися,
— Силы отвѣдати и царя припотѣшити?
— Я пятьсотъ борцовъ поборолъ,
— Пятьсотъ городовъ за себя побралъ:
— Еще какъ Московскихъ борцовъ поборý,
— Всю Москву за себя возьму,
— А царя Ивана Васильевича въ полонъ полоню. —
И выходилъ дядюшка Никита Романовичъ
На свое на крутое на красно крылечико,
Крикнулъ онъ во всю голову,

Свиснулъ онъ во всю Москву:
«Есть ли у насъ въ Москвѣ борцы
«Съ Кастрюкомъ побороти́ся,
«Съ Демьюкомъ поломатися,
«Силы отвѣдати и царя припотѣшити?»
По грѣхамъ учинилося,
Въ Москвѣ борцовъ не случилося;
Только случилося два братца Андреевича:
Одинъ Васенька Маленькій,
А другой Обросинька Хроменькій, —
На ножку припадываетъ,
Изъ-подъ ручки высматриваетъ.
Возговорилъ еще Васенька Маленькій:
«Ай же ты, князь Никита Романовичъ!
«Донеси Грозному царю Ивану Васильевичу:
«Не хочу я съ нимъ боротися,
«Съ тѣмъ съ больше - царскіимъ шуриномъ,
«А возьму его за праву руку
«И возьму его за лѣву ногу,
«И кину его за Днѣпру рѣку».
Говорилъ Обросинька Хроменькій: -
«Какъ пособитъ мнѣ Богъ побороти́ся,
«Такъ смѣть ли его изъ платья вытряхнуть,
«Нагого по двору спустить,
«По тому ли двору государеву
«По тому ли крылечику красному?»
Приходитъ Никита Романовичъ:
«Ой же вы, князья-бояра!
«У насъ хлѣбъ и соль на столѣ,
«У насъ есть и борцы на дворѣ».
И скочилъ больше - царскій шуринъ,
На тѣхъ на великихъ на радостяхъ,
Дубовую скамеечку по̀дломилъ,
Онъ много князей - бо́еръ при́давилъ.

Не два ясные сокола слеталися:
Два добрые молодца схватилися;
Какъ сталъ Кастрюкъ на ногахъ,
А очутился Кастрюкъ на буйной головы.
Платьице у него треснуло,
Кожа у него вереснула;
Три ребра онъ въ боку сломилъ,
И сломилъ онъ у него[1]) ручку правую,
И сломилъ у него ножку лѣвую;
Взялъ его за праву руку,
Изъ платья его вонъ повытряхнулъ,
Нагого по двору спустилъ,
По тому ли двору государеву,
По тому ли крылечику красному.
И не пошелъ[2]) по двору государеву,
А ушелъ подъ крылечико красное,
И самъ говоритъ таковы слова:
— Не дай-ко мнѣ съ московскима борцамы боротися,
— Съ тыма съ молодыма, съ ученыма!

Записана П. Рыбниковымъ на Кенозерѣ отъ кр. Лядкова.

Напечатана въ Пѣсняхъ собр. Рыбниковымъ подъ № 185. т. 2^{2}. стр. 568.

Олонецкой губерніи.

45.

У грознаго царя Ивана Васильевича
Благовѣрная царица переставилась,
Захотѣлъ тутъ царь поженится
Въ той землѣ во Крымскія, въ Жидовскія:

---

1) Абросимъ у Кастрюка.
2) Кастрюкъ.

Скорыхъ пословъ туда посылалъ,
Молоду княгиню къ себѣ приказалъ.
Тутъ заводили они свадебку, почестенъ пиръ,
Не на мало, не на много, на двѣнадцать денъ.
Всѣ были тутъ за столы посажены,
И всѣмъ были кушанья налажены,
Всѣ сидятъ да ѣдятъ, хлѣба кушаютъ.
Сидитъ тутъ Кострюкъ Семрюковичъ,
Не ѣстъ, не пьетъ и не кушаетъ,
Нашихъ калачиковъ не рушаетъ.
Ретивое сердечко прикручинилось:
«Умеръ у меня батюшка,
«Умерла у меня матушка,
«Либо надъ королемъ незгода прилучилася.
«Съ маленька я потѣшивался,
«Съ малыма ребяткамы побарывался;
«Грозному-бъ царю донесли,
«Представилъ бы борцовъ, удалыхъ молодцовъ,
«Со мною, Кострюкомъ, потѣшиться:
«Можетъ бы, я и повеселяе былъ».
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Прежній шуринъ Никита Романовичъ!
— Выдь-ка на крылечико на красное,
— Выкликай борцовъ, удалыхъ молодцевъ
— Супротивъ Кострюка Семрюковича. —
Тутъ-то Никита Романовичъ
Выходитъ на крылечико на красное,
Выкликаетъ борцовъ, удалыхъ молодцевъ
Супротивъ Кострюка Семрюковича,
Крычитъ-то во всю голову,
Слышно во всей каменной Москвы.
Нѣтъ борцовъ, удалыхъ молодцевъ:
Сколько-ни борцовъ пришли,
Всѣ они притуляются.

И сыскался Васенька маленькій
Изъ того пригородка изъ малаго,
Да еще Потанюшка хроменькій.
Говоритъ о́нъ таковы слова:
«Ай же ты, Никита Романовичъ!
«Донеси Грозному царю Ивану Васильевичу,
«Чтобы вышелъ на крылечико на красное,
«Приказалъ бы намъ бороться, удалымъ молодцамъ
«Супротивъ Кострюка Семрюковича».
И вышелъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Они ему честь воздали,
Сами говорятъ таковы слова:
«Ай же ты, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Прикажи-тко съ нимъ поборотися,
«Руку-ногу ему ломить,
«Глазъ вонъ выворотить,
«Чтобъ съ насъ послѣ не взыскивать».
— Дивья вамъ Господь пособилъ,
— Пособили чудотворцы Московскіе:
— Буду васъ поить-кормить
— И по цѣлой по тысячѣ пожалую. —
И подходятъ молодые стольники,
Говорятъ Кострюку Семрюковичу:
«Что же ты не ѣшь, не пьешь,
«Хлѣбъ-соль тебѣ на столѣ,
«Богъ у насъ на стѣны,
«А борцы-то у насъ на дворѣ,
«А чести съ тебя еще не выручили!»
Поскочитъ Кострюкъ Семрюковичъ,
Похватилъ скобочку-скамеечку,
Убилъ пятнадцать князей-бояръ
Да полтридцать стольниковъ.
Которы живы оставаются,
Всѣ на него проклинаются:

— На дворъ бы ти, Кострюкъ, живу идти,
— А со двора Кострюку живу не придти! —
Выходитъ онъ на крылечико,
Только увидѣлъ борцовъ, удалыхъ молодцевъ:
«Какъ положу одного на руку,
«А другого положу сверху руки,
«Такъ сдѣлаю блиномъ овсянымъ!»
Стоитъ широкъ да великъ,
Широкъ-великъ да и рогозоватый.
Рогозоватый да и продолговатый....

(Не окончено).

Записана П. Н. Рыбниковымъ въ Кижахъ Олонецк. г. отъ кр. Терентія Іевлева. Напечатана въ Пѣсняхъ, собр. П. Н. Рыбниковымъ подъ № 73, т. I^{2}. стр. 402—405.

Олонецкой губерніи.

46.

Изволилъ нашъ царь государь,
Царь Иванъ да Васильевичъ,
Онъ изволилъ женитися
Да онъ, свѣтъ, обручитися,
Не у насъ на святой Руси,
Не у насъ въ каменной Москвы,
Во земли во Литовскія,
Да во той во Черкасскія
На премладой черкашеньки,
А на Марьѣ Демрюковны.
Да онъ много въ приданы бралъ,
Онъ триста улановей,
Да пятьсотъ улывановей.
Еще онъ въ приданы бралъ

Молодого-де шурина
Кострюка-то Демрюковича.
На радостяхъ завёлъ онъ пиръ,
Да онъ всѣхъ по мѣстамъ садилъ.
А всѣ во пиру напивалися,
Да всѣ во хмѣлю пьяны веселы сидятъ,
Одинъ во пиру какъ не пьётъ не ѣстъ,
Зелена вина не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ.
Проговоритъ царь государь:
— Ужъ ты гой еси шуринъ мой,
— Кострюкъ ты Демрюковичъ!
— Молодой черкашенко!
— Для че' же ты хлѣба и соли не ѣшь,
— Зелена вина не кушаёшь,
— Бѣлой лебеди не рушаешь,
— На царя лихо думаешь,
— Али на мать каменну Москву. —
Проговоритъ Кострюкъ Мастрюкъ
Да Кострюкъ-отъ Демрюковичъ:
«Ужъ ты гой еси царь государь,
«Царь Иванъ да Васильевичъ!
«Хоть я хлѣба и соли не ѣмъ,
«Зелена вина не кушаю,
«Бѣлой лебеди не рушаю,
«На царя лиха не думаю,
«И на мать каменну Москву.
«Захотѣлось какъ мнѣ́ Кострюку́,
«Захотѣлось какъ мнѣ́ Демрюку́
«Молодому черкашенкѣ —
«Въ Москвѣ побоpотися,
«Да въ Москвѣ поломатися.
«По двору покататися,
«По двору-ту по царскому,

«По тому государскому».
Борцовъ не случилосе,
Молодцовъ не сгодилосе,
Одинъ князь Микита Романовичъ
Выходилъ на широкой дворъ,
На крылечко на красноё,
Да кричалъ громкимъ голосомъ:
— Еще есть ли у насъ въ Москвы,
— Еще есть ли у насъ борцы,
— Удалые молодцы? —
Борцовъ не случилосе,
Молодцовъ не сгодилосе.
Изъ тово изъ села изъ Иванова
Да шло вѣдь три родные брателка.
А первой-отъ брателко
Былъ Василей Андреевичъ,
Второй-отъ брателко
Былъ Андрей да Андреевичъ,
А третей-отъ брателко
Былъ Потапей Андреевичъ.
Большой-отъ вѣдь братъ говоритъ:
«Да мнѣ не съ кѣмъ боротися,
«Да мнѣ не съ кѣмъ ломатися,
«По двору-ту кататися».
Середней-отъ братъ говоритъ:
«Да мнѣ не съ кѣмъ боротися,
«Да мнѣ не съ кѣмъ ломатися,
«По двору-ту кататися».
А малой-отъ брателко
Былъ Потанюшко хроменькой,
А на ножку былъ лёгонькой,
Онъ на ножку припадыватъ,
Изъ-подъ ручки поглядыватъ:
«Развѣ мнѣ побороти́ся

«Развѣ мнѣ поломатися,
«По двору покататися»?
Ухватилъ какъ вѣдь о̀нъ Кострюка̀,
Ухватилъ какъ вѣдь о́нъ Демрюка̀,
Молодово черкашенку,
Да ушибъ о сыру землю,
О че́реду кирпичную.
Изъ холы̀ ногу выставилъ,
Изъ плеча руку выломилъ,
Да нага́ по двору спустилъ.
А былъ доброй молодецъ,
Стала красная дѣвица,
Онъ рукой закрывается,
За людей убирается.
За бѣду пришло
Марьи Демрюковны:
— Не поставлю я пени въ томъ,
— Что крестьянской-отъ сы́нъ одолѣлъ
— А царева-то шурина,
— А поставлю я пеню въ томъ,
— Что нага́ по двору спустилъ. —

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ въ 1871 году на р. Мошѣ Каргоп. у. отъ кр. Ник. Мих. Швецова. Напечатана въ «Онежскихъ былинахъ» подъ № 310 т. III, стр. 521—524.

Олонецкой губерніи.

47.

Задумалъ царь государь,
Задумалъ женитися,
Во земли во невѣрныя.
Бралъ шурина любезнаго,
Та́ко бралъ во приданыихъ

Молода́ Кострюка Мастрюка́,
Молода Чемерю́ковица.
Этотъ ли мла́дъ Кострюкъ,
Молодой Чемерю́ковицъ
Сидитъ за дубовымъ столомъ,
Хлѣба соли онъ не кушаетъ
И бѣлой лебеди не рушаетъ.
Говорилъ ему царь государь:
«Ай же ты младъ Кострюкъ,
«Молодой Чемрю́ковицъ!
«Что же хлѣба соли не кушаешь,
«И бѣлой лебеди не рушаешь?»
Говорилъ ему младъ Кострюкъ,
Молодой Чемерюковицъ:
— Ай же ты царь государь!
— Дай же ты мнѣ-ко борцовъ,
— Да и дай удалыхъ молодцовъ,
— Все названыихъ ма́стеровъ! —
Государь припечалился,
Послалъ молоды́хъ пословъ,
Послалъ во всёй орды,
И кричать во все́ горло,
Покликивать имъ борцовъ,
И борцовъ удалыхъ молодцовъ,
Все названыихъ ма́стеровъ.
Эти молоды́ послы
Пошли по всёй орды,
Кричатъ во всё горло
И покликиваютъ онѣ борцовъ,
Да и борцовъ удалыхъ молодцовъ,
Все названыихъ ма́стеровъ.
Сошлись на единый дворъ
Одинъ Сенюшка маленькій,
Другой Васенька невели́къ тоже былъ,

Два братца родимыихъ.
Говорятъ таковы словеса:
«Мы пойдемъ съ Кострюкомъ побороти́ся.
«Да й пойдемъ съ молоды́мъ покидатися».
Эти мла́ды послы
Пошли въ полату бѣлокаменную,
Во гридню столовую,
Говорятъ таковы словеса:
«Ай же ты младъ Кострюкъ
«Молодой Чемерюковицъ!
«Тебѣ хлѣбъ соли есть на́ столи
«Да и Богъ-отъ есть на́ стѣни,
«А борцы на широкомъ дворцы».
Этотъ младъ Кострюкъ
Молодой Чомерюковицъ
Скочилъ изъ-за дубова́ стола,
Задѣлъ ножкой за скамеечку:
Пятьдесятъ-то тата́ръ онъ убилъ,
И пятьдесятъ онъ бояръ погубилъ.
Выходитъ на крылечко бѣлоду́бовое,
Взглянулъ на широкій дворъ,
Говорилъ таковы словеса:
— Это-то есть мнѣ не́ борцы,
— Да й то не удалы́ молодцы!
— Я бра́тца во ру́ку возьму,
— Да й другаго во дру́гу возьму,
— Я братцями вмѣсто хлесну,
— У нихъ кости расхлѣбаются,
— И всѣ суставы разсыплются. —
Одинъ Сенюшка маленькій
Говорилъ таковы́ словеса:
«Ужъ ты братецъ, родимый мой!
«У тебя силы есть съ два́-то меня,
«А смѣлости въ по́лъ-меня.

«Мы пойдемъ съ Кострюкомъ поборотися,
«Мы пойдемъ съ молодымъ покидатися!»
Пошли съ Кострюкомъ поборотися,
Пошли съ молодымъ покидатися.
Разъ-то Кострю́къ поборолъ
Да й другой разъ Кострюкъ поборолъ,
Тако третій разъ Ко́стрюка,
Тако третій разъ мла́даго,
Они силу его смитили,
Да и брали тутъ Ко́стрюка
На ручки на бѣлыи,
Кидали тутъ Ко́стрюка
Выше церкви соборныя
Со кресты Лева́нидовы.
Палъ тутъ мла́дъ Кострюкъ,
Онъ палъ о сыру́ землю.
Рубашка-та трёснула,
И на себѣ кожа лопнула,
Онъ свой со́ромъ долонью закрылъ,
И побѣжалъ съ каменной Москвы,
Говорилъ таковы словеса:
— Не дай-ко мнѣ, Господи,
— Въ каменной Москвѣ по́бывати,
— Да й борцовъ поотвѣдывати,
— Да й борцовъ удалыхъ молодцовъ,
— Все названыхъ мастеровъ.
— Не дѣтямъ, не внучатамъ
— Да не роду нашему Карачанамъ[1]). —

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ въ 1871 году на Онегѣ отъ кр. Іева Еремѣева изъ д. Кокориной. Напечатана въ «Онежскихъ былинахъ» подъ № 166, т. II. стр. 584—587.

---

1) Что значитъ «Карачанамъ» пѣвецъ не умѣлъ хорошенько объяснить и сказалъ только, что такъ называется какая-то земля. Онъ растолковалъ при этомъ, что Кострюкъ былъ поляница, т. е. дѣвица. (Г.).

Олонецкой губерніи.

48.

Какъ у насъ было на матушки на святой Руси.
На святой Руси, да въ каменной Москвы,
Государь Грозной Царь Иванъ Васильевичъ
Не похотѣ́лъ жаниться въ каменно́й Москвы,
А по́хотѣлъ жаниться въ погано́й Литвы
У того Кострюка да у Демрюковича,
У того Кострюка да у черкасовина.
Оны съѣздили то въ погану́ Литву,
Подымали то Марью Демрюковну.
Онъ бралъ то въ приданое триста татариновъ,
Онъ бралъ то въ приданое триста поганыихъ,
Онъ бралъ то въ приданое любезнаго шурина,
Кострюка да Демрюковича,
Сына онъ бралъ да черкасовина;
Пріѣзжали оны въ каменну́ Москву,
Принимали съ Марьей по злату вѣнцу.
Заводился у царя ды почестенъ пиръ,
На мно́гихъ князе́й да на бо́яровъ,
На сильніихъ могучіихъ бога́тырей.
На всѣхъ поляницъ да на удалыихъ
И на всѣхъ гостей да приходящіихъ.
Какъ пиръ у нихъ идетъ да на ве́сели,
День то идетъ да ко ве́черу,
Красно солнышко идетъ да ко за́паду;
Какъ всѣ тутъ на пиру напивалиси,
И всѣ тутъ на пиру наѣдалиси,
И всѣ на пиру пьяны ве́селы сидятъ.
Какъ сидитъ тутъ государевъ шуринъ
Кострюкъ да онъ Демрюковичъ,
Сынъ то онъ да видь черкасовинъ,

Онъ не ѣстъ, не пьетъ Кострюкъ, да онъ не кушаётъ,
Бѣлой лебедушки Кострюкъ да онъ не рушаётъ,
Бѣлымъ сахаромъ Кострюкъ да не закусываётъ.
Тутъ подходитъ къ нему государь Грозной царь Иванъ Васильевичъ,
Самъ онъ говоритъ да таково́ слово:
«Ай же шуринъ мой любезной, Кострюкъ да Демрюковичъ,
Ты почто не ѣшь, не пьешь, да ты не кушаёшь,
Бѣлой лебедушки, Кострюкъ, да ты не рушаёшь,
Бѣлымъ сахаромъ, Кострюкъ, да не закусываёшь?
Или мѣсто тебѣ да не по́люби,
Али чаркой тебя да пообнесли,
Аль невѣжда надъ тобой да насмѣялась де?»
Тутъ отвѣтъ держалъ Кострюкъ да онъ Демрюковичъ
Сынъ то онъ, держалъ, да видь черкасовинъ:
— Ай же ты, Государь, грозной царь Иванъ Васильевичъ,
Да мѣсто то мнѣ видь по́люби,
И чаркою меня да не о́бнесли,
И никто надо мной не насмѣялся де,
А я то не ѣмъ, не пью, да вѣдь не кушаю,
Думу я думаю крѣпкую:
Есь ли то у васъ да въ Москвы борцы молодцы
Со мной Кострюкомъ побороти́ся,
Со мной Кострюкомъ да поводитися,
Этыя си́лки отвѣдати,
А царя припотѣшить Ивана Васильевича;
Я триста борцовъ побѣдилъ,
Пятьдесятъ городовъ подъ себя покорилъ,
А когда московськіихъ борцовъ поборю,
Тогда каменну́ Москву́ и подъ себя возьму.—
Какъ тутъ ли государь Грозной царь Иванъ Васильевичъ
Говоритъ то онъ да таково́ слово:
«Ай же ты, Никита Романовичъ,
Ты выдь-ко на крыльцо да на красное,

Закрычи тко ты во всю голову,
Штобы слышно было на всю Москву:
Есь ли у насъ да въ Москвы борцы,
Есь ли у насъ да въ Москвы молодцы,
Съ Кострюкомъ поборотися,
Съ Кострюкомъ поводитися,
Съ государевымъ шуриномъ,
Этыя силки отвѣдати,
А царя припотѣшить Ивана Васильевича».
Какъ по грѣхамъ сочинилосе
И въ Москвы борцовъ не пригодилосе,
Какъ только случилосе, какъ только пригодилосе,
Два брата Ондреевичи:
Одинъ Васенька маленькой,
Да Обросинька хро́менькой.
Какъ Васенька бѣжитъ то поскакиваетъ,
А Обросинька съ ножки на ножку припадываетъ.
Прибѣжали оны на царськой дворъ
И разскочились оны да по царсьскому двору,
Самы говорятъ да таково́ слово:
«Здравствуй старшой князь, да Никита Романовичъ,
Смѣть ли намъ поборотися,
Да смѣть ли намъ поводитися
Съ государевымъ шуриномъ,
Съ Кострюкомъ да Демрюковичемъ
Съ сыномъ то да черкасовиномъ;
Но не будемъ ли въ опѣнѣ великіе,
Но не будемъ ли въ опалѣ во царскіе?
Но на томъ мы и боротца пойдемъ:
Кто кого поборетъ, съ подборотнего платье снять
И наговo по двору́ опустить,
По двору да по царсьскому, по крыльцу да по красному».
Какъ тутъ Никита Романовичъ
Приходитъ во палаты бѣлокаменны,

Самъ онъ говоритъ да тако́во́ слово:
«Какъ хлѣбъ соль на́ столи
И Богъ на́ стѣны,
А у нась борцы на́ двори».
Какъ тутъ ли Кострюкъ да Демрюковичъ
Онъ съ тоя со великіи радости
Онъ повскочилъ изъ за́ стола дубового
И онъ пнулъ ногой въ ска́мейку кленовую,
Онъ тридцать побѣдилъ да татариновъ,
Тридцать побѣдилъ да поганыихъ.
«Буди про́клятъ ты, Кострюкъ да Демрюковичъ!
Какъ бы тебѣ туда на дворъ идти,
А оттуда бы тебѣ со двора не придти»!
Тутъ повыскочилъ Кострюкъ на широкой дворъ.
Говоритъ тутъ Обросинька хроменькой:
«Не хочу я съ Кострюкомъ то боротися,
Да не хочу я съ Кострюкомъ то и водитися,
И не хочу я сь Кострюкомъ то и рукъ марать»;
А говоритъ тутъ Васенька маленькой:
— Ну я по́йду съ Кострюкомъ то боротися,
И я по́йду съ Кострюкомъ то поводитися,
Этыя силки отвѣдати,
А царя припотѣшити, Ивана Васильевича;
Но не буду ли я въ опёнѣ великіе,
И не буду ли я въ опалѣ во царскіе?
Но на томъ я и боротца пойду:
Кто кого поборе, съ подборотнего платье снять
И нагово по двору опустить. —
Говоритъ тутъ Никита Романовичъ:
«Ай же ты Васинька маленькой,
Если Богъ тебѣ пособитъ Кострюка побороть,
Смѣло съ его платье снимай
И нагово по двору опущай,
И не будешь ты въ опёнѣ великіе

И не будешь ты въ опалѣ во царскіе.»
Какъ тутъ былъ Кострюкъ на́ ногахъ,
Очудился Кострюкъ на буйно́й головы;
На попутьѣ Вася платье снялъ
И нагово по дво́ру опустилъ.
Не побѣжалъ Кострюкъ по крыльцу по красному,
А побѣжалъ Кострюкъ подъ крыльцо подъ красное.
Какъ выходитъ тутъ царица государыня,
Марья она да Демрюковна,
Сама то говоритъ да таково́ слово:
«А что у васъ за вѣ́ра въ каменной Москвы:
Кто кого поборе, съ подборотнего платье снять
И нагово по двору опустить!»
И говоритъ тутъ Никита Романовичъ:
— Ай же ты царица государыня,
Марья ты да Демрюковна,
Ну на то у насъ и боротца пойдено:
Кто кого поборе съ подборотнего платье снять
И нагово по дво́ру опустить.—
Какъ тутъ стыдно было жить Кострюку въ каменно́й Москвы,
Уѣхалъ Кострюкъ во свою землю,
Во свою землю́ и въ погану́ Литву.
Тутъ вѣкъ про Кострюка да старшу поютъ,
Сине́му морю на ути́шенье,
Вамъ всимъ добрымъ мо́лодцамъ на послу́шанье.

Записана Ѳ. М. Истоминымъ въ 1886 г. въ Космозерскомъ погостѣ, Петрозаводскаго у. Олонецкой губ. Напечатана имъ въ сборникѣ «Пѣсни русскаго народа, собран. въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой въ 1886 г.». Записалъ слова Ѳ. М. Истоминъ. Напѣвы Г. О. Дютшъ. подъ № 5. стр. 42—46.

Олонецкой губерніи.

49.

А не тките-то дѣвушки,
Не прядите молодушки,
Ужъ вы сядьте послушайте,
Я вамъ сказку скажу,
Прибаулушку немаленькую,
Ай диди-диди-диди
И про того Кострюка Кострюкановича
Про того Дебрюка Дебрюкановича. —
И какъ у насъ было братцы въ каменной Москвы,
У великаго царя Ивана Васильевича,
Заводился туть пиръ пированьицо,
Собирались гости честные почестные.
Пріѣзжалъ Кострюкъ Кострюкановичъ,
Пріѣзжалъ Дебрюкъ Дебрюкановичъ,
Садили ево за столы-тѣ дубовые,
Подносили напиточки сладкіе медовые;
Еще тутъ Кострюкъ напивается,
Еще тутъ молодой наѣдается,
Еще тутъ Кострюкъ приросхвастался,
Еще тутъ молодой разбахвалился
Да своей ли то силой богатырскою:
— У васъ есть ли борцы молодцы
— Да московски ухватчики
— А со мной побо243ротися
— Да со мной поломатися
— Отвѣдати силы богатырскія? —
У царя была слуга вѣрная
Слуга вѣрная благовѣрная
Да Микита Романовичъ.
Выходилъ на крылечко перёное,

Кричалъ во всю голову,
Чтобы слышно на всю Москву,
Собирались бы борцы молодцы,
Да московски ухватчики
И съ Кострюкомъ поборотися
И съ молодымъ поломатися.
Ай диди-диди-диди!
Вотъ на пору на таково время,
Въ Москвы борцовъ не лучилосе,
Въ Москвы удальцовъ не лучилосе,
И только было въ малой улицы,
У старухи врядѣ кузницы
Было три сына милые,
Было три родимые:
Первой былъ Васенька,
Другой Потанюшка,
Третій былъ Мишенька,
Маленькой хроменькой,
На ножку припадываетъ
Изъ-подъ ручки посматриваетъ.
Обряжались братаны
Въ кафтаны-тѣ синіе,
Кушаки были шелковые,
На ножкахъ сапожки сафьяненькіе,
На головушкѣ шляпоньки пуховенькіе.
Идутъ-то по мосту калиновому,
Говорятъ царю да не съ упадкою:
— Ужъ если поборемъ Кострюка Кострюкановича
— Дебрюка Дебрюкановича,
— Да не будемъ ли гнѣвны мы,
— Да не будемъ ли судебны мы? —
Говоритъ имъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Да борите, борьцы молодцы,
«Да московски ухватчики,

«И не будете гнѣвны вы,
«Да не будете судёбны вы,
«И дамъ я вамъ по двадцати пяти рублей деньгами,
«И по кафтану голу́бому,
«Дамъ я вамъ похвальный листъ
«Ѣздить по и́нымъ городамъ и по ярмонкамъ
«Торговать всё товарами разными,
«И безъ дани безъ пошлины,
«Безъ государевой подати,
«И пить вино въ кажномъ кабакѣ безденежно».
А й диди-диди-диди!
Услыхалъ Кострюкъ Кострюкановичъ,
Увидалъ Дебрюкъ Дебрюкановичъ,
Выходилъ изъ-за столовъ-то дубовыихъ,
Столы-тѣ всѣ пошаталисе,
Уже напи́точки поплескалисе,
Уже скатерти шелковыи да заливалисе,
Пошолъ по полу — половочки да погибалисе,
Уже петелки у дверей розгибалисе,
Уже лиственки дубовыи порозсыпались:
— Уже гдѣ борцы, гдѣ молодцы,
— Да Московски ухватчики? —
Говорятъ борцы да не съ упадкою,
Говоритъ бо́льшій братъ Васенька:
«Развѣ я пойду поборотися,
«Развѣ я пойду поломатися
«И захвачу я тебя осере́дь кишки,
«Да брошу я тебя осере́дь Москвы».
А говоритъ дру́гой Потанюшка:
«Какъ я пойду поборотися,
«Какъ я пойду поломатися,
«Захвачу твою буйную голову,
«Отверну твою буйную голову,
«Да брошу́ за Москву за рѣку,

«Чтобы слышно на всю́ на Москву».
Говоритъ имъ третій братъ Мишенька:
«Развѣ я пойду поборотися
«Развѣ я пойду поломатися?»
Пошолъ Мишенька да пошолъ маленькой,
Да припадывалъ онъ не на ногу и не на̀ руку,
Онъ припадывалъ къ правому плечику,
Какъ глянулъ[1]) Кострюка о сыру́ землю,
Тутъ рубашка-та треснула
И брюшинка вере́снула,
Да нага-то нага Кострюка по двору спустилъ.
Да Кострюкъ-отъ былъ дѣвушка,
Да Кострюкъ-отъ былъ красная,
У ево п . . . а какъ сильная вачуга[2]),
Закрыла она долонью-то правою,
Побѣжала по двору-то широкому,
Хоронится за лиственки дубовые.
Говоритъ имъ сестра Марья Добрюковна:
— А й вы борцы молодцы
— Да московски ухватчики,
— Онъ какой борецъ, какой молодецъ,
— Она красная дѣвушка. —
Говоритъ имъ царь Иванъ Васильевичъ:
«А й спасибо борцы молодцы,
«Да московски ухватчики,
«И ступайте ко мнѣ въ каменный домъ,
«Дамъ вамъ по двадцати пяти рублей деньгами
«И дамъ я вамъ пофальный листъ,
«Ѣздить по инымъ городамъ и ярмонкамъ,
«Торговать всё товарами разныма,
«Безъ дани безъ пошлины,

---

1) Пригнулъ (Г.).
2) Рукавица (Г.).

«Безъ государевой подати,
«Ужо пить вино въ кажномъ кабакѣ безденежно!»
Да диди-диди-диди!

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ въ 1871 г. въ Канакшѣ (на границѣ Вельскаго у.) отъ кр. Ив. Ив. Курникова. Напечатана въ «Онежскихъ былинахъ» подъ № 317, т. III, стр. 541—545.

Олонецкой губерніи.

50.

Молодой борецъ Кастрюкъ
Семдесятъ городовъ прошелъ,
Триста борцевъ повалилъ.
Пріѣзжаетъ въ Москву бѣлокаменную,
Ставится онъ среди двора,
Проситъ у князя молода борца:
«Ежели нѣтъ у васъ молода борца,
«Всю Москву за щитомъ возьму».
Михайла князь московскіій
Садился онъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ письмо скорописчато
Ко тымъ сыновамъ ко вдовинымъ,
Чтобы очистить своя каменна Москва,
Съ тымъ борцемъ поборотися,
Тымъ молодымъ поратиться. —
Идетъ Иванушка вдовинъ сынъ,
Не бьетъ онъ челомъ, не поклоняется,
Выходитъ онъ на широкъ дворъ,
Схватились съ борцемъ поборотися,
Съ молодымъ поратиться. —
Повелъ Кастрюкъ молодой борецъ,

По колѣнъ ноги онъ вывернулъ. —
Михайла князь московскіій
Садился на ременчатъ стулъ,
Писалъ письмо скорописчато
Михайлы ко вдовину. —
Михайлушко вдовинъ сынъ
Приходитъ съ Кастрюкомъ поборотися,
Съ молодымъ поратиться;
Не бьетъ челомъ, не поклоняется,
Выходитъ на широкъ дворъ.
Схватились съ Кастрюкомъ поборотися
Съ молодымъ поратиться.
Кастрюкъ съ..... ноги выдернулъ:
«Михайла князь московскіій!
«Давай молода борца.
«Нѣтъ, всю Москву за щитомъ пройду».
Онъ садился на ременчатъ стулъ,
Писалъ письмо скорописчато
Потанюшкѣ сыну вдовину. —
Идетъ Потанюшка вдовинъ сынъ,
На ножку Потанюшка прихрамываетъ,
На другую Потанюшка припадываетъ.
Приходитъ ко князю московскому,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Князю Михайлы въ особину.
— Здравствуй Михайла князь!
— О чемъ меня требуешь!
Испроговоритъ Михайла князь:
«Ахъ, Потанюшка вдовинъ сынъ!
«Проситъ Кастрюкъ молода борца,
«Чтобы съ нимъ намъ поборотися,
«Съ молодымъ поратиться».
Выходитъ Потанюшка вдовинъ сынъ,

Выходитъ Потанюшка на широкъ дворъ,
Самъ князю испроговоритъ:
— Какъ мнѣ съ Кастрюкомъ поборотися,
— Съ молодымъ поратиться?—
Отвѣчаетъ князь московскіій:
«Какъ ты знаешь, Потанюшка вдовинъ сынъ!»
Какъ ухватитъ Потанюшка, вдовинъ сынъ,
Кастрюка, молода борца,
Здыне его выше головы,
Спуститъ его о кирпиченъ мостъ,
Лопнула щиль по брюшины........
Скидывалъ ю онъ до гола,
Стыдилъ ея личко бѣлое,
Повелъ ю по каменной Москвы
Кричалъ во всю голову:
«Глядите на молода борца!»—
Увидала Авдотья Кастрюковна:
«Ай ты, Потанюшка вдовинъ сынъ!
«Отсѣкъ бы ты ей буйну голову,
«Не стыдилъ бы ты ей личка бѣлаго,
«Придалъ бы ей скору смерть».

Записана П. Н. Рыбниковымъ въ Повѣнцѣ отъ кр. Василія Лазарева. Напечатана въ «Пѣсняхъ» и пр. подъ № 109, т. II, стр. 35—35.

Олонецкой губерніи.

51.

При нынѣшнихъ при царяхъ,
При досюлешнихъ короляхъ,
Царица-то крымская,
Упала[1]) татарская,

---

1) Упала — вмѣсто упава чрезъ смѣшеніе *в* и *л* въ мѣстномъ говорѣ.

У царя сдоложилася,
А съ Кострюкомъ подумилася,
Съ молодымъ сговорилася
Ѣхать во землю во русскую,
Въ сильно царство московское,
Отвѣдать сила богатырская,
Плечо молодецкое;
И спарядились и поѣхали.
До Москвы не доѣдучи,
Середи поля чистаго,
Середи луга зеленаго,
Шатры раздернули
Бѣлополотняные,
Столы разставили
Бѣлодубовые.
И пишетъ ерлыкъ скорописчатый,
Посылаетъ посла въ каменну Москву:
«Ай же ты, молодой посолъ!
«Нейдь прямо воротами,
«А идь чрезъ стѣну городовую,
«Прямо на царскій дворъ;
«Ко крылечку переному,
«Ко столбу ко точеному,
«Ко колечку золоченому,
«Прикуивай [1]), привязывай
«Своего коня добраго;
«А поди въ палату бѣлокаменну,
«Во гривню столовую,
«Бѣла лица не крести,
«Государю челомъ не бей,
«А грамоту посольную
«Положи на дубовый столъ,

1) Приковывай.

«Говори царю не съ укладкою,
«Говори со прикладкою:
«Ай же ты, Грозный царь
«Иванъ Васильевичъ!
«Вотъ тебѣ грамота посольная
«Отъ Кострюка сына Кострюкова.
«Чисти улки съ пріулками,
«Дворы съ придворками,
«Конюшни споражнивай,
«И дворы разглаживай,
«И питья размѣривай,
«Ѣства налаживай,
«Ѣства сахарнія,
«Питья медвяныя;
«И выважлвай-налаживай
«Красныхъ дѣвушекъ толпицами,
«Молодушекъ станицами
«И удалыхъ добрыхъ молодцевъ ширинками.
«Ѣдетъ Кострюкъ Кострюковъ сынъ,
«Молодой черкашенинъ,
«Съ царицею крымскою,
«Съ упалой татарскою,
«Ѣдетъ въ Москву поборотися,
«Отвѣдать сила богатырская,
«Плечо молодецкое:
«Тридцать ордъ воевалъ,
«Тридцать борцовъ боролъ,
«Не могъ отвѣдать силы богатырскоей,
«Плеча молодецкаго.
«А не дашь ему борчика,
«Удала добра молодца,
«Все царство твое приплѣнитъ
«И головней покатитъ,
«А тебя царя въ полонъ возьметъ».

И поѣхалъ молодой посолъ,
Татаринъ нечистый,
Татаринъ поганый,
Въ землю во русскую,
Въ сильно царство московское.
Не ѣхалъ онъ воротами,
Ѣхалъ прямо черезъ стѣну городовую,
Заѣхалъ онъ на царскій дворъ;
Ко крылечку переному,
Ко столбу ко точеному,
Колечку золоченому
Прикуивалъ-привязывалъ
Своего коня добраго,
Идетъ въ палату бѣлокаменну,
Въ гривню столовую,
Бѣла лица не креститъ,
А государю челомъ не бьетъ,
Кладываетъ грамоту посольную
На дубовый столъ,
И говоритъ царю не съ укладкою,
Говоритъ со прикладкою:
«Ай же ты, Грозный царь
«Иванъ Васильевичъ!
«Вотъ тебѣ грамота посольная
«Отъ Кострюка сына Кострюкова.
«Чисти улки съ піулками,
«Конюшни спорaжнивай,
«Дворы разглаживай,
«Питья размѣривай,
«Ѣства налаживай.
«Ѣства было бы сахарнія,
«А питья медвяныя;
«И вываживай-налаживай
«Красныхъ дѣвушекъ толпицами,

«Молодушекъ станицами,
«Удалыхъ добрыхъ молодцевъ ширинками».
Убоялся тутъ Грозный царь
Иванъ Васильевичъ
Грозы великія Кострюковыя:
И тутъ чистилъ улки съ пріулками,
Конюшни споражнивалъ,
Дворы разглаживалъ,
Питья медвяныя размѣривалъ,
Ѣства сахарнія налаживалъ;
Тутъ наваживалъ-налаживалъ
Красныхъ дѣвушекъ толпицами,
Молодушекъ станицами,
Удалыхъ добрыхъ молодцевъ ширинками.
И наѣхалъ тутъ Кострюкъ Кострюковъ сынъ
На широкій дворъ на царскіій,
Ко крылечку переному;
Идетъ по нову крыльцу, —
Переклады гиблются,
Переходы колыблются,
Ступеньки подгибаются.
Идетъ въ палату бѣлокаменну,
Во гривню столовую,
Не креститъ бѣла лица,
А государю чоломъ не бьетъ
А садится за столы дубовые,
За ѣства сахарнія,
За питья медвяныя.
И сидитъ за столомъ за дубовымъ,
Не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ
И бѣлы лебеди не рушаетъ.
И говоритъ тутъ Грозный царь
Иванъ Васильевичъ:
— Ай же ты, Кострюкъ Кострюковъ сынъ,

— Молодой черкашенинъ!
— Не ѣшь, не пьешь, не кушаешь
— И бѣлой лебеди не рушаешь?» —
А царица-то крымская,
Поляница удалая,
Говоритъ царю:
«Ай же ты, Грозный царь
«Иванъ Васильевичъ!
«Далъ бы Кострюку,
«Далъ бы ты удалому
«Борца побоpотися,
«Отвѣдать сила богатырская,
«А плечо молодецкое,
«Тошто бы сталъ Кострюкъ,
«Ѣсть-пить-кушати
«И бѣла лебедь рушати.
«И не дашь ему борчика,
«Удала добра молодца,
«Отвѣдать сила богатырская,
«Плечо молодецкое,
«То все твое царство приплѣнитъ
«И головней покатитъ,
«А тебя царя въ полонъ возьметъ».
Тутъ говоритъ Грозный царь
Иванъ Васильевичъ:
— Ай же ты, Ѳедька дьякъ,
— Молодой посолъ!
— На ножку припадываешь,
— Съ подлобья выглядываешь.
— Поди-ко, выскочи
— Середи царства русскаго,
— Государства московскаго,
— И закрычи во всю голову,
— Чтобы слышно было во всю Москву:

— Есть ли въ Москвы борцы,
— Добры молодцы? —
Въ Москвы борцовъ не случилося, —
Случилось съ Подпятницкой пятины,
Съ Подвологодской стороны
Два братца родимыихъ,
Они дѣти Ондреевы,
Родомъ поволжана:
Одного зовутъ Ѳедькою
А другово Михалкою.
Ѳедька-то хвалится,
А Михалка нарывается
Съ Кострюкомъ побоpoтися,
Съ молодымъ поломатися.
Будутъ борцы на дворцы,
Удалы добры молодцы,
И говоритъ Грозный царь
Иванъ Васильевичъ:
— Ай же ты, Кострюкъ Кострюковъ сынъ!
— Хлѣбъ да соль на столѣ,
— А Богъ тебѣ на стѣны,
— А удалы добры молодцы
— На дворѣ стоятъ. —
Не орелъ головы здынулъ,
А Кострюкъ чрезъ столъ скочилъ,
Зацѣпилъ ногой за скамью,
Тридцать татаровей придавилъ,
Тридцать поганыихъ задавилъ.
Татара лежатъ,
Будто мыши пищатъ,
А сами клянутся да проклинаются:
«Дай тебѣ, Господи,
«Скокомъ на дворъ итти,
«А со двора раскоракою!»

Онъ Михалку разъ поткнулъ,
И въ другой поткнулъ,
И третій поткнулъ:
Стоитъ Михалка, не шатнется,
И желты кудри не стряхнутся.
Говоритъ Михалка борецъ,
Удалой доброй молодецъ:
— Ай же ты, Грозный царь
— Иванъ Васильевичъ!
— Благослови-ко Кострюка бороть,
— Благослови-ко молода бороть,
— И благослови рука-нога ломить
— А глазъ вонъ воротить. —
Говоритъ Грозный царь
Иванъ Васильевичъ:
«Ай же ты, Михайло борецъ,
«Удалой доброй молодецъ!
«Еще Богъ тебѣ пособилъ бы
«Кострюка побороть, молодаго одолѣть,
«И рука-нога ломить,
«И глазъ вонъ выворотить!»
Тутъ Михайло борецъ,
Удалой доброй молодецъ,
Припадывалъ пониже себя,
Выздымливалъ повыше себя,
Выше церкви соборныя
Михаила архангела,
Креста Благовѣщенска,
Ивана Великаго,
Отпускалъ о сыру землю.
Тутъ на немъ кожа-то треснула
Съ бѣлой шеи до гузна,
Рубашка-та лопнула;
Руку-ногу сломилъ

И глазъ выворотилъ.
Тутъ царица крымская,
Поленица удалая,
Въ упалу[1]) пріѣхала,
А не въ упалу поѣхала,
Поѣхала по заднимъ по выходамъ.

Записана П. Н. Рыбниковымъ въ Пудогѣ отъ кр. Гаврилы Амосова изъ дер. Уная Губа. Напечатана въ «Пѣсняхъ» и пр. подъ № 157, т. II², стр. 386—392.

Олонецкой губерніи.

52.

При нынѣшнихъ при царяхъ,
При досюлѣшнихъ короляхъ,
При блаженныя памяти[2]),
Царица-то крымская,
Поленица удалая,
Татарка упалая
Съ Кастрюкомъ сговорилася,
Съ молодымъ подумилася,
Ѣхать въ землю россійскую,
Къ царю ли то Грозному,
Ко Ивану Васильевичу,
Выкликать поединщика,
Съ Кастрюкомъ побоpотися,
Съ молодымъ поломатися,
Его силы отвѣдати
И плеча богатырскаго.

---

1) Т.-е. въ упаву, хупаво, *хорошо*.
2) Царѣ Иванѣ Вас. — Б.

Они ѣхали-поѣхали,
До Москвы не доѣхали,
Середи поля пріѣхали,
Середи поля чистаго,
Середи луга зеленаго,
Да шатры-то раздернули,
Шатры полотняные,
Да ковры-то шелковые.
Привязали добрыхъ коней
Ко столбу ко точеному,
Ко кольцу золоченому,
Надавали добрымъ конямъ
Пшены бѣлояровой,
Да послали скора посла,
Скора посла-скоморошину.
Какъ скорой посолъ-скоморошина,
По версты-то онъ шелъ по̀ скоку,
По полторы онъ по̀ маху.
Какъ приходитъ онъ къ царю Грозному,
Ко царю Грозному ко Ивану Васильевичу,
Какъ проговоритъ онъ таково слово:
«Ай ты, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Ты конюшни-то испрастывай,
«Дворы-то испоражнивай:
«Къ тебѣ ѣдетъ татарка упалая,
«Поленица удалая,
«Выкликать поединщика,
«Съ Кастрюкомъ поборотися,
«Съ молодымъ поломатися,
«Его силы отвѣдати
«И плеча богатырскаго».
Отвѣчаетъ ему Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Конюшни-то у меня испростаны,

— Дворы-то испорожнены, —
Кастрюкъ сидитъ — самъ печалится,
Онъ сидитъ — самъ кручинится,
Хлѣба-соли не кушаетъ,
Бѣлы лебеди не рушаетъ.
Говоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
— Что̀ же ты, Кастрюкъ-Дебрюкъ,
— А что же, черкашанинъ,
— Сидишь — самъ печалишься,
— Сидишь — самъ кручинишься,
— Хлѣба-соли не кушаешь,
— Бѣлы лебеди не рушаешь?
— А хлѣбъ да соль на столѣ,
— А Богъ тебѣ на стѣны,
— А борецъ-то тебѣ на дворѣ! —
Соскочилъ Кастрюкъ за стола,
Зацѣпилъ ногой за скамью,
Убилъ тридцать татаровей,
Убилъ сорокъ богатырей,
Достальныхъ раскарякало.
Выходилъ на широкій дворъ,
Онъ кричалъ-то во весь голосъ,
Чтобы слышно во всю Москву,
И во всю землю россійскую,
И государство московское:
«Още есть ли у васъ борцы,
«Борцы-добрые молодцы,
«Съ Кастрюкомъ побоpотися,
«Още силы отвѣдати
«И плеча богатырскаго?»
Какъ изъ-подъ восточныя стороны
Выходили два брата родимыи,
Одного звали Ѳедькою,
А другого звали Мишкою:

Такъ Ѳедька борецъ похваляется,
Ѳедька борецъ нарывается,
Съ Кастрюкомъ поборотися,
Съ молодымъ поломатися,
Его силы отвѣдати
И плеча богатырскаго.
Какъ завидѣлъ Кастрюкъ-Дебрюкъ,
Кастрюкъ-Дебрюкъ, Дебрюковъ сынъ,
Онъ схватилъ Ѳедьку за желты кудри;
А у Ѳедюшки на головушки
Волосушки не тряхнутся.
Тутъ зговоритъ Ѳедюшка таковы слова:
«Ой же ты, Грозный царь,
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Еще смѣть ли мнѣ
«Съ Кастрюкомъ поборотися,
«Съ молодымъ поломатися,
«Его силы отвѣдати
«И плеча богатырскаго?»
Отвѣчаетъ ему Грозный царь
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Помоги тебѣ, Господи,
— Да пособи тебѣ, Господи! —

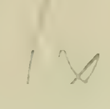
Записана П. Н. Рыбниковымъ въ Песчанск. волости Пудожск. у. Напечатана въ «Пѣсняхъ» и проч. подъ № 210, т. II^{2}, стр. 687—690.

Олонецкой губерніи.

53.

При нынѣшнихъ при царяхъ,
При досюлѣшнихъ короляхъ,
При блаженныя памяти,
Царица-то Крымская,

Паленица удалая,
Татарка упалая
Съ Кастрюкомъ сговорилася,
Съ молодымъ подумилася,
Ѣхать въ землю россійскую,
Въ государство московское,
Въ королевство литовское.
Они ѣхали-поѣхали,
До Москвы не доѣхали,
Середи поля пріѣхали,
Середи поля чистаго,
Середи луга зеленаго,
Да шатры-то раздернули,
Шатры полотняные,
Да ковры-то шелковые.
Привязали добрыхъ коней
Ко столбу ко точеному,
Ко кольцу золоченому,
Надавали добрымъ конямъ
Пшены бѣлояровой,
Да послали скораго посла:
«Ты поди-тко, скорой посолъ,
«Поди въ землю россійскую,
«Въ государство московское,
«Поди — Богу не кланяйся,
«На всѣ стороны челомъ не бей,
«И говори не съ упадкою,
«Говори со прикладкою,
«И говори таково слово:
«Ай же, царь Иванъ Васильевичъ!
«Още есть ли у васъ во дворѣ борцы,
«Борцы добры молодцы,
«Съ Кастрюкомъ поборотися,
«Съ молодымъ подумитися,

«Още силы отвѣдати
«И плеча богатырскаго?»
Какъ ѣдетъ-то Кастрюкъ-Демьюкъ,
Идетъ-то черкашанинъ,
Идетъ — самъ шатается,

Переклады сгибаются,
Подмосты колыблются,
Идетъ — Богу не молится,
На всѣ стороны челомъ не бьетъ
И говоритъ не съ упадкою,
Говоритъ со прикладкою:
— Ай же, царь Иванъ Васильевичъ!
— Още есть ли у васъ во дворцѣ борцы,
— Борцы добры молодцы,
— Съ Кастрюкомъ поборотися,
— Съ молодымъ подумитися,
— Още силы отвѣдати
— И плеча богатырскаго?
Говоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Садись, Кастрюкъ, за столъ
«Хлѣба-соли откушати,
«Бѣлы лебеди порушати;
«А борцы есть во дворцѣ,
«Борцы добры молодцы».
Онъ сидитъ — самъ печалится;
Онъ сидитъ — самъ кручинится,
Хлѣба-соли не кушаетъ,
Бѣлы лебеди не рушаетъ.
Говоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Что же ты Кастрюкъ Демьюкъ,
«А что же, черкашанинъ,
«Сидишь — самъ печалишься,
«Сидишь — самъ кручинишься,
«Хлѣба-соли не кушаешь,

«Бѣлы лебеди не рушаешь?
«А хлѣбъ да соль на столѣ,
«А Богъ тебѣ на стѣны».
Скочилъ Кастрюкъ сза стола,
Зацѣпилъ ногой за скамью,
Убилъ тридцать татаровей,
Убилъ сорокъ богатырей,
Достальныхъ раскарякало.
Выходилъ на широкій дворъ,
Онъ кричитъ-то во весь голосъ,
Чтобы слышно во всю Москву
И во всю землю россійскую
И государство московское:
— Още есть ли у васъ борцы,
— Борцы добрые молодцы,
— Съ Кастрюкомъ поборотися,
— Още силы отвѣдати
— И плеча богатырскаго? —
Ужъ они дѣти Андреевы,
Одного звали Ѳедькою,
А другого звали Мишкою:
Такъ Ѳедька борецъ похваляется,
Мишка борецъ нарывается,
Ѳедька былъ на ножку легокъ:
Полверсты было во поскокѣ,
А по четыре во помахѣ.....
Онъ Мишку разъ потянетъ
И Мишку другой потянетъ,
А Мишка не шатнется,
И колпакъ не сворохнется,
Желты кудри не стряхнутся.
И взялъ-то Мишка борецъ,
Взялъ Кастрюка пониже себя,
Здынулъ-то повыше плеча,

Выше церквей соборніихъ
И крестовъ богомольніихъ,
До Миколы Святителя,
До креста Леванидова,
И спустилъ о сыру землю.
Още кожа-то лопнула
Отъ бѣлой шеи до гузна.
И пошла Пава, заплакала;
Кастрюку славу выпѣли.

Записана П. Н. Рыбниковымъ въ Великогубскомъ погостѣ въ Кижахъ. Напечатана въ «Пѣсняхъ» и проч. подъ № 96. т. I^2 стр. 483—486.

Олонецкой губерніи.

54.

Царица крымская,
Дочь царя турскаго,
Красно снарядилася, хупаво[1]),
Поѣхала во земли во русскія,
Съ Кострукомъ съ церкашенинымъ.
Кострукъ церкашенинъ
Тридцать лѣтъ воевалъ,
Пятьдесятъ борцовъ поборолъ,
Не могъ своей силы узнать,
Плеча богатырскаго.
Дѣвица крымская
Пріѣзжала въ чистое поле,
Шатры разставливала,
Коней добрыхъ распускивала,

---

1) То же, что «красно» древнее слово. — (Безсоновъ).

Посылала прежде себя
Скораго гонца,
Чтобы царь Иванъ Васильевичъ
Улицы опахивалъ[1]),
Двора очищивалъ,
Срѣталъ бы дѣвицу крымскую
Съ Кострукомъ черкашенинымъ.
Пріѣзжала дѣвица крымская
Съ Кострукомъ съ черкашеномъ
На царскій дворъ,
Закрычала своимъ голосомъ:
«Есть ли борцы, удалые молодцы,
«Съ Кострукомъ поборотися?»
По грѣху учинилосе,—
Тутъ борцовъ не случилося;
Всѣ разу́мные разъѣхалися,
Удалые домой ушли.
А только тогда случилося
Съ Пядинской земли,
Съ Важинской стороны,
Два братца родимыхъ:
Одного звали Ѳедоромъ,
А другого Михаиломъ.
Ѳедоръ не хвастаетъ,
А Михайла похваляется:
«Я съ татариномъ боротися иду,
«Я поганаго отвѣдати хочу».
Татаринъ въ глаза виженъ былъ,
Его сила запримѣчена.
Мошникъ голову поднялъ
И глаза вытаращилъ;
Посмотрѣлъ около стола дубоваго,—

1) Выметалъ. — (Б.).

Далече иттить;
Скочилъ черезъ яствы сахарныя,
Черезъ питья медвяныя.
По грѣху учинилося:
За скамью зацѣпилося;
Онъ скамью къ порогу сволокъ,
Тридцать татаръ убилъ,
Пятьдесятъ головнёй покатилъ.
Выходили на широкій дворъ
Михайла Ивановичъ
Съ Кострукомъ черкашенинымъ.
Кострукъ Михайла разъ поткнетъ,
Кострукъ Михайла второй поткнетъ, —
Михайла расхо̀дился,
Михайла разсѐрдился:
Коструку ноги выломалъ,
Коструку глаза выкопалъ,
Изъ платьевъ вонъ вытрехнулъ.
Дѣвица крымская,
Дочь царя турскаго
Выходила на красно крыльцо,
Говорила таково слово:
«Ай вы глупые, Русскіе борцы!
«На что было рука — нога ломить,
«За чѣмъ было глаза выкопать
«И изъ платьевъ вонъ вытрехнуть?»
Дѣвица крымская
Не красно снарядилася,
Не хупаво поѣхала
Во землю во крымскую
Съ Кострукомъ черкашенинымъ.

Записана въ 1861 г. крестьяниномъ д. Конды А. П. Соколовымъ отъ кр. Кижской волости Григорія Васильева. Напечатана въ «Пѣсняхъ» Рыбникова подъ № 95, т. I[2]. стр. 480—482.

Олонецкой губерніи.

55.

На горахъ было да Воробьёвыихъ,
На мѣстахъ было да на знакомыихъ,
Становилисе да пораздернули
Шатры да бѣлъ-поло́тняны,
Да той ли царици для крыльскіе,
Для той ли управы[1]) татарскіе,
Для Марьи Демрюковной,
Дочери королевскіе.
Туто былъ Кастрюкъ-Демрюкъ
Молодой черкашенинъ.
Кострюкъ семдесятъ побоищовъ пробилъ,
Триста бо́рцей по́боролъ,
Да и девятьсотъ городовъ выборолъ.
Похвалялся онъ вы́боротъ
Матушку каменну Москву,
Проситъ онъ себѣ съ Москвы
Кострюкъ онъ поединщика:
Съ кѣмъ бы было побоpотися,
Да ёму́ попытатисе,
Да ли другъ друга извѣдати
Своего плеча богатырскаго.
Да у Грознаго царя,
У Ивана Васильевича,
И не было въ Москвы поединщика,
Не кому съ Кострюкомъ побоpотисе,
Съ молодымъ попытатисе,
Другъ друга извѣдати,
Своего плеча богатырскаго.

1) Искажено изъ *упавы*.

Собиралъ царь почестенъ пиръ
Онъ на многи на князи на бояры,
На сильніе думные русски богатыри,
Да й на всѣ поляничи удалые,
На пиру государь слово гово́рилъ:
«А й вы всѣ мои князи есть и бояра,
«Да всѣ сильни могучи богатыри!
«Кто бы изъ васъ могъ съ Кострюкомъ побоpотисе,
«Съ молодымъ попытатисе,
«Другъ друга извѣдати
«Своей силы богатырскіе».
Да большо́й столъ тулился за середняго,
А середней столъ за ме́ньшаво,
Отъ меньшаго стола-де отвѣту нѣтъ.
Говоритъ на пиру тутъ честная вдова-де Апраксія:
— Ты государь императоръ-царь!
— Есть у меня два сына любимые:
— Большо́й сынъ Ванюшка,
— Меньшо́й сынъ Потанюшка.
— Ты достань, сударь, ихъ на почестенъ пиръ,
— Онѣ могутъ съ Кострюкомъ побоpотисе
— Съ молодымъ попытатисе,
— Другъ друга извѣдати
— Своей силы богатырскіе. —
Посылае царь государь
Призвать сыновьёвъ на почестенъ пиръ.
Приходили онѣ на почестенъ пиръ,
Говорилъ государь императоръ царь:
«Да вы дити честной вдовы-де Апраксіи!
«Да можете ли вы съ Кострюкомъ побоpотисе,
«А съ молодымъ попытатисе?»
Ванюшка не хвалится,
А Потанюшка онъ похваляется.
А Потанюшка былъ ростомъ маленькой,

Собой былъ ху́денькой,
Самъ былъ хроменькой горба́тенькой.
— Я сударь могу съ Кострюкомъ поборотисе,
— Да я могу съ молодымъ попытатисе.—
Да Кострюкъ и за столомъ сидитъ,
Онъ ѣстъ-то Кострюкъ по звѣриному,
А пьё Кострюкъ по лошадиному,
Самъ во хмѣлю похваляется,
На Потанюшку ругается:
«Да мнѣ съ тобой съ дуракомъ бороться не съ кѣмъ вѣдь».
Потанюшка на мѣсто отвѣтъ держитъ:
— А й же ты Кострюкъ-Демрюкъ,
— Молодой Кострюкъ черкашенинъ!
— Да у насъ на Россіи прежде всякаго дѣла не хвастаютъ;
— Когда дѣло сдѣлаютъ
— Тогда и пофастаютъ,
— Да пожалуй, Кострюкъ, мы пойдемъ на широкой дворъ.—
Какъ пошолъ Кострюкъ на широкой дворъ,
Онъ пиналъ право́й ногой за скамейку дубовую,
Гдѣ сидѣли тата́ровья поганые.
Тутъ татаровя на земь повалилисе,
Много ихъ отъ разу убилосе.
Выходили онѣ на широкой дворъ,
Потанюшка хроменькой маленькой
На ножку припа́даё,
Изъ-подъ ручки выгля́даё.
Онъ бьё Кострюка право́й рукой во бѣлу́ю грудь,
А лѣвой ногой пинае его по́дъ гузно.
Отъ его Кострюкъ упалъ на сыру землю,
Содралъ съ его Потанюшка платьицо цвѣтное,
Оказалось его тѣло женскоё.
Тутъ узнали всѣ люди увѣдали,
Что ходила дѣвчонка мущиною.
Говорила царица та Крыльская,

Та ли управа татарская:
«А й же ты Потанюшка хроменькой!
«Да на что Кострюкомъ надрыгаешься?
«Лучше бы было кабы ты по рукамъ локти въ ж . . ѣ бивалъ,
«А ясные очи копалъ,
«Неже нагу Кострюка по Москвы пускалъ».
На то-де царици Потаня отвѣтъ держитъ:
— Да на то вѣдь дѣло было у мня дѣлано,
— Дѣло дѣлано и съ царемъ записи были пописаны,
— Чтобы знали всѣ люди и вѣдали,
— Какъ ходила дивчонка мущиной. —
Да Дунай-Дунай да Лядковъ болѣ пѣть не знай!

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ на Кенозерѣ въ 1871 г. отъ кр. Ив. Мих. Кропачева (Лядкова). Напечатана въ «Онежскихъ былинахъ» подъ № 261, т. III², стр. 346—349.

Олонецкой губерніи.

56.

Ѣдетъ царица крымская,
Ѣде упаво[1]) татарскія,
Поляница удалая,
Съ молодымъ со Ко́стрюкомъ.
Кострюкъ Кострю́ковичъ,
Демьянъ Демьяновичъ,
Молодой ѣдетъ черкаленецъ,
Иде царю въ нову горенку,
Идё Богу не молится,
Говоритъ не съ упадками:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Чтобы были́ столы разставлены,
«Терема были́ распростра́нены,

1) Вмѣсто: упава.

«Кушанья были́ налажены,
«И питья наголовлены».
Ѣде царица крымская,
Упавъ ѣдётъ татарскіи[1]),
Поляница ѣдё удалая,
Со молодымъ со Кострюкомъ.
И ѣде Кострюкъ Кострю́ковичъ,
И ѣде Демьянъ Демьяновичъ,
И ѣде молодой черкаленецъ,
Иде во нову горенку,
Во палату бѣлокаменну.
Идетъ онъ Богу не молится,
Говоригъ не съ упадкою:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Есть ли у васъ въ Москвы борци,
«Удалы добры молодци,
Съ Кострюкомъ поборотиси,
«Его силы отвѣдати
«Плеча богатырскаго?»
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ужъ ты, Ѳедька дьякъ, на ноженьку легошенекъ,
— На походочку скорёшенёкъ.
— Бѣ́жи, Ѳедька дьякъ, ко той церквы ко Божьей,
— Крыкни, Ѳедька дьякъ, во всю́ орду,
— Чтобы слышали во всю землю. —
Ѳедька дьякъ на ноженку легошенекъ,
На походочку крутёшенёкъ,
Бѣжалъ къ церкви соборныи,
Ко Михайлы Архангелу,
Ко кресту Леванидову,
Крикнулъ во всю орду,
Услышали во всю землю,

1) Искажено изъ «Упава ѣдетъ татарская».

Заслышали за сорокъ верстъ мѣрныихъ,
Съ-подъ Пятничкой пятны,
Съ-подъ Волоцкой стороны
Бѣжитъ два братца родимыихъ:
Михалка бѣжитъ нарывается,
Иванка бѣжитъ похваляется.
Пришелъ борецъ на широкъ дворъ.
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Хлѣбъ тебѣ на́ столи,
— И Богъ стоитъ на́ стѣны,
— И борецъ стоитъ на́ двори. —
Побѣжалъ молодо́й борецъ черкаленецъ на ши́рокъ дворъ,
Задѣлъ ногой за́ скамью,
Убилъ соро́къ боя́ровей,
Убилъ сорокъ тата́реней,
Достальни́ лежатъ окарачками.
Дай Богъ на дворъ живу сойти,
Со двора живу не́ притти.
Пришелъ молодо́й борецъ черкаленецъ на ши́рокъ дворъ,
Ѳедька поткнулъ, Ѳедька стоитъ не тряхнется,
Желты ку́дерки не шарашатся.
Онъ и дру́гой разъ поткнулъ, Ѳедька стоитъ не тряхнется,
Желты кудерки не шарашатся,
Онъ и третій разъ поткнулъ, Ѳедька стоитъ не тряхнется,
Желты кудерки не сворóхнутся.
Говоритъ Ѳедька дьякъ таково слово:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Смѣть ли борца побороть,
«Смѣть ли молодо́го ломать,
«Смѣть ли рука нога̀ ломить,
«Смѣть ли глазъ повы́воротить?»
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Кабы тебѣ Господи по́собилъ. —
Здынулъ Ѳедька дьякъ повыше церкви соборныи,

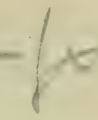
Пониже креста Леванидова.
Спустилъ о кирпичный подъ,
Рубашка та лопнула
Отъ бѣлой шеи до́ груди.
А тутъ Кострюку славы̀ поютъ,
Славы̀ поютъ старину скажутъ.
Тутъ царица попурхивала:
«На что борца поборолъ,
На что молодого ломалъ,
На что руку ногу ломилъ,
На что глазъ вонъ воротилъ»?
— Царица, не попурхивай,
Крымска не помахивай,
Не выѣхать съ нашего граду.—
И царицы славы̀ поютъ,
Славы̀ поютъ старину поютъ.
И только была въ граду царица Крымская,
Царица Крымская съ честною̀ славою,
Не выѣхала зъ граду, въ полонъ взяли.

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ въ 1871 г. на Выгозерѣ отъ крестьянки Елены Алексѣевой по прозванію Лисица изъ дер. Зубовой. Напечатана въ «Онежскихъ былинахъ» подъ № 193, т. II², стр. 703—706.

Олонецкой губерніи.

57.

Въ той было столичѣ,
Въ дальнею граничѣ,
Была поляница-та крымская,
Царица татарская,
Съ Кострюкомъ пріумиласи,
Съ молодымъ сговориласи

Ѣхать въ царство русійское,
Государство московское.

До Москвы-то не доѣдучи
И до горы до Ясавулова,
Вси шатры-то тутъ раздернули,
Ербучки-то вси повыстлали (*такъ*),
Посылали скоропослѐшнаго посланничка
Ко тому ли царю къ Ивану Васильевицу,
Заказать да поотвѣдати,
Чтобы палаты онъ розглаживалъ
А ёнъ ѣствы-ты налаживалъ
А ёнъ питья-ты да принаставливалъ,
Еще ѣдетъ-то Кострюкъ Темнюкъ,
Поляница было крымская
А царица та удалая:
«Есть ли у тя Богъ на стѣны,
«Есть ли у тя хлѣбъ на столи,
«Есть ли борци на дворци
«Да удалы добры молодци
«Съ Кострюкомъ то побоpотися,
«Со удалымъ попытатися
«А плеча да богатырскаго,
«А личя-то молодецкаго?»
Воспрогѡворитъ нунь грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Воспрогѡворитъ ему да таково слово:
— Еще есть то у мня Богъ на стѣны,
— Еще есть у мня же хлѣбъ на столи,
— Еще есть у мня борци па дворци,
— Ай удалы добры молодци,
— Съ Кострюкомъ-то попытатися,
— Съ молодымъ поотвѣдати
— А й плеча да богатырскаго,
— А личя его да молодецкаго.
— А й два братца есть крестовеньки,

— Они родиной же съ Вологды;
— Одного-то зовутъ Ѳедькою,
— А другаго есть Михалкою,
— И не бьются есть не борются,
— Одной кашки есть напорются,
— Какъ живутъ у мня въ прислужникахъ. —
Нунь въ ту пору да во то время
Наѣзжалъ самъ Кострюкъ на съѣзжій дворъ,
Онъ же къ грозному царю къ Ивану е Васильеву.
Закрычалъ-то онъ своимъ да громкимъ голосомъ,
Онъ своимъ да богатырскіимъ,
Онъ по всей землѣ, по всей орды,
Онъ по всей да подселенною:
«Ай давай же мнѣ-ка, царь, да супротивника.
«Если ты не дашь да супротивника,
«Я все царство нунь пройду да головнéю прокачу»!
А несетъ-то грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ несетъ же ему нунь подарочокъ,
Ему злата было сéребра.
Онъ же проситъ нунь въ свои палаты бѣлокаменны
Хлѣбца соли есть покушати
И колачиковъ порушати.
Ничего Кострюкъ не слушаетъ,
А й одно кричитъ: «давай же супротивника».
Какъ во ту пору, во то время
Какъ скамья случилоси двуногая
Близко сильнаго богáтыря, —
Ухватилъ-то нашъ Кострюкъ Темнюкъ
Онъ скамью да есть двуногую,
Онъ-ка билъ да всѣхъ богáтырей
Безъ разбору государскіихъ.
Какъ убилъ же тридцатъ есть богáтырей,
Пятьдесятъ-то онъ татариновъ,
А и пятьдесятъ-то онъ татариновъ плѣненныихъ.

Еще вси они лежатъ какъ мы́ши пища,
Еще моля Кострюку да Темнюку,
Сильнему бога́тырю:
— Еще дай бы теби Господи
— А й на дворъ итти да скокою,
— А й со двора да окоракою! —
Какъ бѣжалъ-то нашъ Кострюкъ,
По мосткамъ-то бѣжалъ да деревяннымъ,
А мости́нья-то вси да зыблются,
А тынинья-ты съ мостинья вси вонъ сыплются.
И прискакалъ-то онъ на съѣзжій дворъ
Онъ ко братцамъ ко крестовымъ,
Онъ съ нима́ да побоpотися,
Съ молодыма попытатися.
Ужъ какъ Ѳетеньку-то ра́зъ топну̀лъ,
А й онъ Ѳетеньку друго́й топну̀лъ,
И стоитъ нашъ-то Ѳетенька не ша̀тнется,
На головушкѣ волосушка не стря́хнутся.
Какъ другой-то братецъ есть крестовенькой,
Михалка нунь въ борьбу да снаряжается,
Самъ съ собою похваляется:
«Что жъ ты, братъ, да поддаваешься?»
Тутъ припадывали они пониже себя,
А подхватывали Кострюка да крѣпко на́ руки,
Его на руки свои да богатырскія,
И выкидывали повыше креста да Леванидова.
До зени́-то не допа́дучи,
А летма въ верёхъ да скоро ле́тячи,
На немъ кожа вся же перелопала,
А отъ рукъ ихъ богатырскіихъ,
А отъ двухъ же братцевъ есть крестовыихъ,
А рука нога ломиласи,
Глаза вонъ да воротилися.
Еще смотритъ поляница та же крымская,

Богатырша нунь сама есте удалая,
На борьбу-то все на ихъ да богатырскую
А на двухъ на братцевъ на крестовыихъ,
Ушибили Кострюка да сильна бога́тыря.
Ухватила копье свое длинное,
Какъ поѣхала она въ ѣзду съ Москвы,
Она ѣде заклинается:
— Ай не дай мнѣ-ка́-ва болѣ Господи,
— Болѣ ввѣкъ въ Москвы да не́ бывать,
— И московскіихъ борцевъ да въ гла́за не́ видать! —
А Кострюку да Темнюку да сильнему да воину
Еще ту́да-ка ему да все славы́ поютъ,
А вѣкъ по́ вѣку отнынѣ до́ вѣку.
А живётъ-то нашъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
А живётъ-то онъ да звеселяется,
Звеселяется въ своихъ да радостяхъ,
Онъ своими-то же воинами защитается,
А живётъ-то онъ безъ всякои опасности,
А вѣкъ по́ вѣку отнынѣ до́ вѣку, аминь!

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ въ 1871 г. въ Повѣнцѣ отъ крестьянина Ѳед. Александр. Корсакова изъ дер. Костиной, Песчанской волости, Пудожскаго у. Напечатана въ «Онежск. былинахъ» подъ № 24, т. I², стр. 195—199.

Петербургской губерніи.

58.

Какъ во матушкѣ въ каменной Москвѣ,
У того-то было царя-богатыря,
У Ивана-то свѣтъ Васильевича.
Отдавалася за мужъ дочь бо̀льшая
За Кострюка-Мастрюка,
Молодова Севрюковича.

Дѣлалъ царь-богатырь для князей-бояръ
Почетный пиръ, гостей потчивалъ.
Гости пили-ѣли, проклажалися
А молодой-то Кострюкъ-Мастрюкъ
На пиру сидѣлъ, призадумавшись,
Говорилъ ему царь-богатырь:
«Что жъ ты, Кострюкъ, призадумался,
«Моего хлѣба-соли не кушаешь,
«Бѣлаго лебедя не рушаешь?
«Аль на меня ты лихо думаешь,
«Али на дочь мою бо́льшую?»
Отвѣчаетъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
Молодой нашъ Севрюковичъ:
— Ой же ты, царь-богатырь,
— Свѣтъ Иванъ Васильевичъ!
— Ты тѣмъ меня все потчиваешь,
— Чего я, Кострюкъ, не ѣмъ:
— У тя нѣтъ, вѣрно, на кулакъ бойца,
На кулакъ бойца, на ногу̀ борца? —
Выходилъ тутъ царь-богатырь
На крылечко на дубовое,
Ко периламъ ко точенымъ,
Ко медвѣдку ко черному,
Закричалъ онъ зычнымъ голосомъ,
Свиснулъ богатырскимъ посвистомъ:
«Гой еси вы, борцы-хватцы̀,
«Борцы-хватцы́, славны мо̀лодцы!
«Приходите ко крыльцу ко дубовому,
«Ко периламъ ко точенымъ,
«Ко медвѣдку ко черному,
«Побороться съ Кострюкомъ-Мастрюкомъ,
«Съ молодымъ-то Севрюковичемъ!»
На ту пору въ каменной Москвѣ
Борцовъ-молодцовъ не случилося;

Только случилося два брата,
Два брата, два вологжанина,
Они города Кашенина:
Одинъ Ванюшка маленькой,
Да Поташка небытенькой[1]),
Что на ножку припадываетъ,
Костылькомъ подпирается.
Они полы затаркивали[2]),
Рукава подзадергивали,
Приходили ко крыльцу ко дубовому,
Ко периламъ ко точенымъ,
Ко медвѣдку ко черному,
Закричали они громкимъ голосомъ:
««Ой же ты, Кострюкъ-Мастрюкъ,
««Молодой нашъ Севрюковичъ!
««Ты ѣшь-пьешь, проклажаешься,
««А борцы-то давно у крыльца стоятъ!»»
Побѣжалъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
Молодой нашъ Севрюковичъ,
Зацѣпилъ онъ чернымъ башмачкомъ,
Зацѣпилъ за скамеечку:
Повалилъ онъ тою скамьей
Кабы триста татариновъ,
Да полтораста бояриновъ,
Да семьсотъ Донскихъ казаковъ.
Выходилъ на крылечко дубовое,
Ко периламъ ко точенымъ,
Ко медвѣдку ко черному,
Говорилъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
Молодой нашъ Севрюковичъ:
— Да что это за борцы-хватцы,

1) Плохенькій, худенькій.
2) Подтыкали, затыкали за кушакъ.

— Что за славны это мо̀лодцы,
— Что мнѣ неково и въ руки-то взять! —
Закричалъ тутъ Ванюшка маленькой
Да Поташка небытенькой:
««Ой же ты, Кострюкъ-Мастрюкъ,
««Молодой нашъ Севрюковичъ!
««Не хвались-ко ты въ городъ ѣхавши,
««А похвастай-ко выѣхавши!»
Схватился онъ съ Ва́нюшкой,
Что съ Ва́нюшкой съ маленькимъ.
Ужъ какъ тотъ Кострюка-Мастрюка
Молодова Севрюкоича,
На головку поставливалъ,
Безъ рубашки снаряживалъ.
И кричитъ Кострюку-Мастрюку,
Молодому Севрюковичу,
Кричитъ теща любимая:
«Ахъ ты нашъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
«Молодой нашъ Севрюковичъ!
«Былъ ты какъ маковъ цвѣтъ,
«А сталъ теперь какъ мать родила!»
Закричалъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ:
— Ахъ ты, теща любимая!
— Ты какъ пыль толоконная,
— Какъ затычка оконная!
— Вѣдь не то мнѣ-ка дорого,
— Что чистое золото,
— А то мнѣ-ка дорого, —
— Похвала молодецкая.
Брался тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
Молодой нашъ Севрюковичъ,
Съ Поташкой съ Небытенькимъ.
Какъ тутъ-то Кострюка-Мастрюка
Забиралъ онъ поперекъ живота,

Поднималъ онъ повыше себя;
Какъ ударилъ объ сыру землю:
Тутъ-то Кострюкъ-Мастрюкъ
Съ отцомъ съ матерью прощается,
Съ душою разставается.

Записана С. Гуляевымъ въ дер. Чернь. Городенскаго погоста Лужскаго у., Петербургск. губ., со словъ кр. Ефима Парѳенова Быкова. Напечатана въ Прибавл. къ Изв. И. Акад. Н. 2-е Отд. «Памятники великорусскаго нарѣчія» Спб. 1855. стр. 61. Перепечатана Безсоновымъ въ Пѣсняхъ, собр. П. Кирѣевскимъ. В. VI, стр. 178—181.

Олонецкой губ.

59.

Издалеце-далеця изъ циста поля,
Изъ того села да изъ богатого
Пріѣждяла татарка-та крымская
И величава она да великая
Упава упавская,
И пріѣждяе она осередь Москвы,
На тое кружало на царское,
И воскрыцяла она во всю голову,
Штобы слышно было во всю Москву:
Есь ли въ Москвы борцы удалы-добры молодцы
Съ Кострюкомъ поборотисэ,
Съ молодымъ поломатисэ,
Силки отвѣдать, — плеця богатырского?
Въ Москвы борцёвъ не слуцилосе,
Слуцилосе у старицька два братця, два родныихъ,
Одного звали Ѳедькою, а другого Михалкою;
Ѳедька — тотъ фалицце, а Михалка нафаляецце;
И выходили ены на тое кружало на царскоё,
На тоё побоище великоё.

Пошелъ тутъ Михалка съ тотаркой на борбищё,
Говоритъ тутъ тотарка таковы слова:
«Ай же ты, Грозной царь Иванъ Васильевичъ,
Смить ли то у Михалки
Рука, нога ломить, сò лба глазъ воротить?»
А онъ отвиця: лишь бы Господь пособилъ.
Ходитъ тотарка около да на одной ноги,
Тронула Михалку подъ лѣвую пазуху;
Стоитъ Михалка, не стряхнецце,
Стоитъ онъ и не сворохнецце.
Видитъ тотарка — дѣлать нецего,
Ходитъ она опять да на одной ноги,
И тронула Михалку подъ правую пазуху.
Михалка стоитъ, не стряхнецце,
И Михалка стоитъ, не сворохнецце.
И говоритъ царю Михалка таковы слова:
«Ай же ты, Грозной царь Иванъ Васильевиць,
Смить ли у тотарки рука, нога ломить,
Сò лбу глазъ воротить?»
— Лишь бы Господь пособилъ.
Колызнулъ Михалка тотарку церѐзъ ногу.
Вылётала тотарка та крымьская,
Велицява великая и упава упавьская
Выше колокольни черкви соборныи,
Дò зени она да не долецюцись,
Рубашка-та лопнула и кожа-то треснула,
И тутъ ёй ды славы́ поютъ.

Записана отъ кр. д. Росляковой Нигижемской волости. на Пудогѣ. г. Хотьковскимъ и взята нами изъ его рукописнаго труда: «Историко-бытовыя условія Олонецкаго края по данымъ народно-литературной старины» (1912—1913 г.), гдѣ она помѣщена подъ № 10.

Новгородской губерніи.

60.

Паштрукъ, Паштрукъ, пашъ турецкій,
Пашъ турецкій да земли Грецкія,
Приходитъ онъ въ каменну Москву,
Въ каменну Москву къ государю самому:
«Ужъ вы гой еси, цари Бѣлые,
«Иванъ Васильевичъ, Никита Романовичъ,
«Московскіе управители всей Москвы!
«Дайте мнѣ супротивничка-борца поборотися,
«Если вы не найдете, то васъ въ пастухи найму».
Посылаютъ цари Бѣлые трехъ посланниковъ,
По каменной Москвѣ искать двухъ братцовъ, двухъ родненькихъ.
Одного Степаньку маленькова, другова Ваську коротенькова,
И искали ихъ ровно трои суточки...
(Нашли ихъ въ кабакѣ пьяными).
— «Здорова, два братца, два родненькіе!
— Степанко маленькой, Васютка коротенькой!
— Васъ царь скоро требуетъ».
— За чѣмъ онъ скоро требуетъ?
— У насъ съ похмѣлья головы болятъ,
— Дайте намъ зелена вина ровно два ведра! —
(Посланники деньги выдали).
Приходятъ два братца родненькіе на бѣлый дворъ:
«Вы здравствуйте цари Бѣлые,
«Иванъ Васильевичъ, Никита Романовичъ,
«Московскіе управители всей Москвы!
«Зачѣмъ же мы скоро вамъ надобны?»
— Приходитъ къ намъ Паштрукъ,
— Пашъ Турецкій, земли Грецкія;
— Проситъ сопротивника-борца побоpотися,
— Если я не найду, то хочетъ въ пастухи нанять. —

Богатырское сердце Паши разгорѣлося;
Выскочилъ онъ изъ-за дубовыхъ столовъ,
Изъ-за яствъ сахарныхъ, изъ питей медовыхъ,
Поломилъ триста поповъ, сто мятьдесятъ дьяконовъ,
И пятьсотъ Донскихъ казаковъ.
Какъ по половкамъ идетъ, половки подрагиваютъ;
По ступенькамъ идетъ, ступеньки вверхъ играютъ;
И выходитъ онъ на бѣлый дворъ:
«Здорова, два братца, два родненькіе,
Одинъ Степанька маленькой, другой Васютка коротенькой!»
Васька на ножку припадываетъ, а самъ приколыхиваетъ.
Возговорилъ Васька таково слово:
— Ужъ вы гой еси, цари Бѣлые,
— Иванъ Васильевичъ, Никита Романовичъ,
— Московскіе управители всей Москвы!
— Смѣть ли намъ съ этакимъ невѣжой поборотися? —
«Какъ бы вамъ Богъ помогъ»...
Бралъ же Пашу Васька за толстыя руки, за мягкіе бока,
Грянулъ его о сырую землю;
Сыра земля раздалася на казенную сажень,
Сорвалъ съ него ожерельице въ пятьсотъ рублей.
Приходитъ къ нему молода жена:
— Пашъ Турецкій, да земли Грецкія:
— Этакъ у насъ и не водится,
— Этакъ у насъ и не борются.—
«Этакъ у насъ борются,
Этакъ у насъ водится»...
Какъ возговоритъ Иванъ Васильевичъ:
«Чѣмъ же я васъ буду дарить, жаловать?»
— Ничего намъ не надобно; только дай попить, погулять,
Пожить, погулять трои суточки. —

Записана У. Сермягинымъ 1860 г. въ Кирилловск. у. Новгородской губ. Сообщена Л. Н. Майковымъ, напечатана П. В. Шейномъ въ «Чтеніяхъ въ И. Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1877, кн. III, стр. 56—58.

Новгородской губерніи.

61.

Послушайте, да люди добрые,
Я ли вамъ да старину скажу,
Старину скажу да стародавную:
Во тою̀ пору во прежнюю
Пріѣзжалъ въ Москву Кострюкъ Мастрюкъ Милитюковиць,
Съ той ли онъ со дѣвушкой,
Со той ли со Пухавушкой,
Со цариц'ёю нерусскою,
Съ Кострюковой полюбовниц'ёй
Съ Мамельшей Тимоѳеевной.
Закрицялъ жижнымъ голосомъ:
«Што давайте намъ, благовѣрной царь,
Ишше три дворика и три постоялые,
Широкѝ три разъѣзжа́лые.
Не то зайду̀ съ краю — Москву вырублю,
А зайду съ догово — Москву выпалю,
А тебя царя въ поло́нъ возьму,
Съ Божьифъ церквей кресты сниму».
Выходитъ тутъ благовѣрный царь
На своё крыльцё красноё,
На параты рѣшетьцяты,
Закрицялъ онъ жижнымъ голосомъ:
«Собирайтеся, борьци молодьцѝ,
Съ Кострюкомъ поборотися,
Съ молодымъ спохватитися!»
На ту пору, на то времяцько
Борьцовъ не сгодилосе,
А молодцо̀въ не слуцилосе —
Разошлись да всѣ разъѣхались
По торгамъ да всѣ по ярманкамъ.

Въ тёмномъ лѣсу не безъ звѣря,
Въ каменной Москвѣ не безъ друга:
Выходилъ тутъ изъ угла Потанюшка,
Потанюшка маленькой,
Потанюшка коротенькой;
На одну ножку припадывалъ,
На другую приколыхивалъ,
Жолтымъ кудрямъ стряхивалъ,
Языцькомъ пришёвыривалъ:
«Ишшо што тебѣ, Кострюкъ, надобно?
Зацѣмъ въ Москву побывалъ?
Борьцёвъ ли ты свѣдати,
Молодьцёвъ отвѣдати?
Пойдёмъ мы на то полё цистоё,
На широко раздольицё».
Ишшо не горы тутъ скаталисе —
Сильные боɣатыри смогалисе.
Излошшылъ какъ Потанюшка,
Схватилъ Кострюка за̀ ногу,
Ишшо кинулъ подъ облацё,
Повыше лѣсу стояцево,
Пониже облака ходяцево.
Не сорока тутъ спорхнула,
Съ Кострюка кожа слоппула.
Выходила тутъ дѣвушка,
Выходила тутъ Пухавушка,
Ишшо цариця нерусская,
Кострюкова полюбовниця,
Ишшо Мамельша Тимоѳеевна.
Пеняла Потанюшкѣ:
«Ишшо што это у тебя за боротьё,
За медвѣжья ухватоцька?»

Записана Б. и Ю. Соколовыми отъ кр. Бѣлоз. у. В. С. Шарашова. Напечатана въ ихъ сборникѣ: «Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края», подъ № 12.

Вологодской губерніи.

62.

Собиралася купавушка
Собиралася нерусская,
И царица крымская,
Во мать каменну Москву,
Ко тому ли ко царю
Ко Ивану Васильевичу,
Со своимъ ли сынкомъ
Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ.
По плечу ему своя матушка
Поколачивала,
На ушко ему своя матушка
Наговаривала:
««Ужъ ты кланяйся по низёшеньку,
««А слова говори по гладёшеньку,
««А кресты веди по писáнному»».
И пришла же купавушка,
И пришла же нерусская,
И царица крымская
Во мать каменну Москву,
Ко тому ли ко царю,
Ко Ивану Васильевичу,
Со своимъ ли сынкомъ
Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ,
Искать сопротивника
Побоpотися.
««Ужъ ты царь Иванъ Васильевичъ!
««Ужъ ты что же призадумался?
««Не за чѣмъ я пришла,
««Не за пошлиною:
««Ужъ-ли нѣтъ у васъ,

««Во всей каменной Москвѣ,
««Сопротивника поборотися
««Со моимъ ли сынкомъ
««Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ?»»
Возговорилъ же царь Иванъ Васильевичъ
Своему ли слугѣ вѣрному,
Неизмѣнному:
«Ужъ ты слуга мой, вѣрный мой,
«Неизмѣнный мой!
«Ужъ ты выйди на красно крыльцо,
«Вострубп же въ золоту трубу,
«Чтобы сбирались всѣ
«Князья и бояре,
«И всѣ гости гостиные,
«И малые дѣтушки!»[1]
Говорила же купавушка,
Говорила же нерусская,
И царица крымская:
««Ужъ ты царь Иванъ Васильевичъ!
««Ужъ ты что же призадумался,
««Ужъ ты что жъ призапечалился?
««Ужъ-ли нѣтъ у тебя,
««Во всей каменной Москвѣ,
««Сопротивника поборотися
««Со моимъ ли сынкомъ
««Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ?»».
Возговорилъ же царь Иванъ Васильевичъ
Своему ли слугѣ вѣрному,
Неизмѣнному:
«Ужъ ты слуга мой, вѣрный мой,
«Неизмѣнный мой!
«Ты сходи на задвореньки:

---

1) Это первый вызовъ, послѣ коего никто не явился (Б.).

«На задворенькахъ живетъ вдовушка,
«А у вдовушки есть два сына,
«Два родныя брателка,
«И два мòлодца хорошіе». [1])
По плечу имъ своя матушка
Наколачивала,
На ушко имъ
Наговаривала:
««Ужъ вы кланяйтесь по низешеньку,
««А слова вы говорите по гладешеньку,
««А кресты ведите по писáнному»».
Кострюкъ, молодой человѣкъ,
Ужъ онъ съ ножки на ножку поскакиваетъ,
На послѣднюю ступеньку стаетъ:
— Ужъ ты царь Иванъ Васильевичъ!
— Ужъ-ли нѣтъ у васъ,
— Во всей каменной Москвѣ,
— Сопротивника поборотися? [2]) —
Что пришли же два брателка,
Что пришли же два рóдные,
И два молодца хорошіе,
Ко тому ли ко царю
Ко Ивану Васильевичу:
««Ужъ ты царь Иванъ Васильевичъ!
««Ужъ ты что же призадумался,
««Ужъ ты что жъ призапечалился?
««Говори же съ Кострюкомъ,
««Ты не робь же съ нимъ:
««На одинъ ли разъ,
««Али на три разà
««Ходить поборотися?»»

---

1) Второй вызовъ, послѣ коего мать снаряжаетъ сыновей (Б.).
2) Вызовъ третій, послѣ коего являются сами борцы (Б.).

И пошолъ же Кострюкъ на три разà
Поборотися.
    И пошелъ съ нимъ
Старшій братъ Семенушко.
Ужъ какъ на первый-то разъ
Повалилъ Кострюкъ Семенушка;
А во другой-то разъ Семенушко
Кострюка Бирюковича
Поднялъ выше древа стоячаго,
Выше облака ходячаго:
Куда рука, куда нога раскатилася,
Куда буйная головушка покатилася.
    И пришла же купавушка,
И пришла же нерусская,
И царица крымская,
Ко тому ли ко царю
Ко Ивану Васильевичу:
««Ужъ ты царь Иванъ Васильевичъ!
««Ты довёлъ[1]) чада милаго,
««Кострюка Бирюковича!»»
И ушла же купавушка,
И ушла же нерусская,
И царица крымская,
Со уклонкою, со ласковымъ словомъ.

Напечатана П. Безсоновымъ въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ». Вып. VI. стр. 172—175, съ помѣткой: «Вологодскаго уѣзда».

---

1) То же, что «извелъ» (Б.).

Пермской губерніи.

63.

Во времена было старопрежніе, не во нонѣшніе и новопрежніе — при царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Задумалъ Грозный Иванъ женитися, вздумалъ обручатися: бралъ іе (невѣсту) не въ Москвѣ, не на Руси, а бралъ іе въ кролинствѣ; роду татарскова, а земли басурманской — Марью Темрюковну. Во приданое *давалъ* не денежкамъ, не золотой казной, а *давалъ* удалымъ молодцамъ, давалъ: двѣсти бояриновъ, триста татариновъ, четыреста уланиновъ, пятьсотъ донскихъ казаковъ, шестьсотъ удалыхъ молодцовъ, семьсотъ черкашиновъ — всю паленицу удалую. Ко Божьей церквѣ пріѣхали, законъ Божей приняли, изъ ружей-то грянули — вся каменна Москва растворялася. Законъ Божей приняли, пошло пированье веселое, столованье потѣшное. Всѣ на пиру напивалися, на хорошомъ наѣдалися; только одинъ-то гость, Кострюкъ Темрюговичъ, онъ хлѣба-соли не ѣсъ, пива пьяна не пьетъ, зелена вина въ ротъ не беретъ, — все про царя лихо думаетъ, все хочетъ съ царскими борцами поборотися. «Ѣшь-ко ты, ѣшь, Кострюкъ! Пей-ко ты, пей, Кострюкъ! Всѣ царскіе борцы будутъ на дворѣ!» Тѣмъ-то Кострюкъ возрадовалса, скочилъ онъ черезъ столы дубовые, немножко задѣлъ клаблучкомъ за скамеечку, немножко уронилъ со скамеечки двѣсти бояриновъ, триста татариновъ, четыреста уланиновъ, пятьсотъ донскихъ казаковъ, шестьсотъ удалыхъ молодцовъ, семьсотъ черкашиновъ,—всю паленицу удалую. Выходилъ онъ на крыльцо на паратнѣе и скричалъ своимъ жистнымъ[1]) голосомъ: «Гдѣ вы борцы? Собѣгайтеся, молодцы солетайтеся!» Нигдѣ борцовъ не пріискалося, нигдѣ не изыскалося. Изыскалися борцы въ нижнемъ концѣ въ Звиженской улицѣ, два брата родименькіе: одинъ братецъ Иванъ Борисовичъ (какъ увидалъ борца, и обратилсы назадъ), другой братецъ Потанька

---

1) Зычнымъ.

малинькой, онъ и слѣпинькой, онъ и хроминькой, на лѣву ножку прихрамываетъ, изъ подъ правой ручки поглядываетъ, у царскова борца все выспрашиваетъ: «Ты ли борецъ? ты ли борецъ, ты ли удалой доброй молодецъ?» — ««Да я борецъ, я удалой доброй молодецъ. Я семь городовъ прошелъ, семь борцовъ поборолъ, всѣхъ за себя перевелъ, подарилъ я сестрицу любезную Марью Темрюговну. Во приданое *давалъ* не денежкамъ, не золотой казной, давалъ удалымъ молодцамъ, *давалъ* двѣсти бояриновъ, триста татариновъ, четыреста улашиновъ, пятьсотъ донскихъ казаковъ, шестьсотъ удалыхъ молодцовъ, семьсотъ черкашиновъ,—всю паленицу удалую.»» — «Не хочу съ тобой даромъ рукъ снести; если давай боротца — о своихъ буйныхъ головахъ: которой которова поборетъ, взеть ево за руку, взеть ево за ногу, взеть ево за буйну голову, напополамъ ево перервать, бросить ево за лѣса за темные, за грези за чорные, за болота за зыбучіе, за пески за сыпучіе, снеть ево рубашку со штаникамъ, сапоги зеленъ сафьянъ, трубчетой новой кафташикъ на винцѣ ево пропить!» Ударили о великъ закладъ; выходили на плошшадь ровниньку, начели полы затыкать, начели рукава засыкать. Какъ Потанька-то ударилъ,— и сталъ Кострюкъ съ ногъ на голову. Взялъ его за руку, взялъ ево за ногу, взялъ ево за буйну голову, напополамъ ево перервалъ, бросилъ ево за лѣса за темные, за грези чорные, за болота за зыбучіе, за пески за сыпучіе, снялъ рубашку со штаникамъ, сапоги зеленъ сафьянъ, трубчетой новой кафташикъ на винцѣ его пропилъ!

Наговоръ этотъ записанъ г. Валентиномъ Серебренниковымъ отъ крестьянина села Пихтовки (Елеси тожъ) Оханскаго уѣзда Пермской губерніи Александра Ив. Лебедева. Лебедевымъ наговоръ заученъ отъ катальщика-владимирца. По замѣчанію г. Серебренникова, если невѣсту долго не выводятъ изъ-за занавѣси, то дружка для развлеченія зрителей «наговариваетъ» этотъ разсказъ о Кострюкѣ. Хотя наговоръ не поется, но стихотворный складъ проглядываетъ еще ярко. Мы перепечатали наговоръ изъ Вып. IV «Матеріаловъ по изученію Пермскаго края», изданія Пермскаго Научно-промышленнаго Музея. Пермь. 1911 г., стр. 68—69.

Пермской губерніи.

64.

Вздумалъ нашъ царь-государь Иванъ Васильевичъ,
Захотѣлъ поженитися.
Засваталъ во иной землѣ у Стрюка Семрюковича,
Марью Стрюковну, молодую черкашенку.
Пріѣхалъ пріѣзжій гость Стрюкъ Семрюковичъ,
Онъ пива-вина не пьетъ, хлѣба не кушаетъ,
Бѣлую лебедь не рушаетъ...
Ходитъ пристольникъ царевъ Микита Романовичъ:
«А что у насъ за пріѣзжій гость?
«Пива-вина не пьетъ, хлѣба не кушаетъ;
«Не на насъ ли онъ лихо думаетъ,
«Не на нашего ли Грознаго царя Ивана Васильевича?
Отвѣчаетъ Стрюкъ Семрюковичъ:
«Хоть я пива-вина не пью, хлѣба не кушаю,
«На васъ лиха не думаю.
«Думаю я: есть ли кому у васъ въ Москвѣ бѣлокаменной
«Со мной поборотися, побарахтаться,
«Промежу собой силу извѣдати?
Выходитъ пристольникъ царевъ Микита Романовичъ
На прекрасное крылечко борца спрашивать...
Борцы испужалися, за Москву разбѣжалися;
Одинъ Васинька, одинъ маленькой, —
— Дѣться-то ему некуда, убѣжать не надѣется, —
Ко крыльцу онъ подвигается, ко палатѣ бѣлокаменной.
Увидалъ его Семрюковичъ, молодой черкешенокъ,
Не могъ за столомъ усидѣть, черезъ столъ колесомъ покатилъ,
Три скамьи подломилъ, пятьдесятъ человѣкъ уронилъ,
Прибѣжалъ на крутое крыльцо,
Сталъ на круги похаживать, круто полы замахивать.

— «Слушай царь — государъ. Грозенъ Иванъ Васильевичъ!
«Толи ты дружишь, толи смѣешься надо мной?
«Съ кѣмъ я это буду боротися?
«Не съ кѣмъ плечамъ расходитися,
«Не съ кѣмъ носкомъ колотитися».
Отвѣчаетъ ему Васинька, отвѣчаетъ маленькій:
«Я ударюся о великъ закладъ: кто кого поборетъ —
«Раздѣвать того до-нага, разувать того до-боса,
«Пинать того подъ г[illegible]о. подъ круто крыльцо»...
Зачали круто-на-круто похаживати,
Круто полы замахивати.
Хватилъ его Васинька, хватилъ его маленькій. —
Съ бедры да и ó землю...
Поснималъ платья до нага. разувалъ ноги до-боса.
Запиналъ подъ круто крыльцо...

Записана А. Я. Кокосовымъ въ Камышловскомъ уѣздѣ Пермской г. Сообщена П. В. Шейну Л. Н. Майковымъ. Напечатана Шейномъ въ Чтеніяхъ въ И. О. Ист. и Древн. Росс. 1877 г. III въ «Былевыхъ пѣсняхъ», стр. 55—56.

Оренбургской губерніи.

65.

Зачиналась каменна Москва,
Зачинался въ ней и грозный царь.
Онъ Казань-городъ на славу взялъ,
Мимоходомъ городъ Астрахань.
Какъ задумалъ православный государь,
Да и задумалъ онъ женитися,
Не у себя на святой Руси, —
Бралъ государь во клятой ордѣ;
Да и не такъ онъ бралъ, — съ приданаемъ:

Полтораста бояриновъ,
Полтретьяста татариновъ,
Около тысячи донскихъ казачковъ,
Охъ, донскихъ казачковъ,
Разудалыхъ молодцовъ.
Вотъ сидѣли гости да кушали,
Бѣлаго лебедя рушили;
Какъ одинъ-то гость не кушаетъ,
Бѣлаго лебедя не рушаетъ,
А тотъ ли гость самый набольшій,
Самой набольшій самъ царицынъ братъ
Кастрюкъ и Кастрюковичъ:
Онъ думаетъ крѣпку думушку,
Что не думушку богатырскую.
Какъ возговоритъ Кастрюковичъ:
«Охъ ты гой еси царь,
Православный государь,
Надежа-государь Иванъ Васильевичъ!
Аль у тя каменна Москва
Избѣднѣлась, изубожилась,
Али нѣтъ у тебя въ каменной Москвѣ
Что борцовъ-молодцовъ, охотничковъ,
Съ кѣмъ бы было мнѣ повѣдаться
Крѣпкой силою помѣряться?»
Какъ возговоритъ православный государь:
— Охъ ты гой еси Кастрюкъ Кастрюковичъ!
Да когда же моя каменна Москва
Избѣднѣлася, изубожилась?
Много у меня удалыхъ молодцевъ,
Съ силой крѣпкою, богатырскою;
Только стоитъ слово молвити. —
И велѣлъ тутъ царь кличъ кличати.
Выходили изъ галичнаго ряда
Два брата родные Андреевы,

Оба Андреи Андреевичи.
Какъ завидѣлъ ихъ Кастрюковичъ,
Онъ кинулся аки бѣшеный:
Полтораста скамей повалилъ,
Полтретьяста людей задавилъ,
А схватилъ онъ брата меньшаго
Что Андрея-то Андреевича.
Какъ пошла первая-то схваточка,—
Съ Кастрюка долой шапочка,
Какъ другая-то схваточка,—
Съ Кастрюка долой шубочка;
А какъ третья то схваточка, —
Палъ Кастрюкъ на сыру землю.
Какъ возговоритъ Кастрюкова сестра,
Государева жена:
«У насъ евтого не водится,
Съ Кастрюкомъ никто не борется»...

Записана въ Оренбургѣ въ 1872 г. Р. Г. Игнатьевымъ. Напечатана мною въ статьѣ «Къ пѣснямъ объ Иванѣ Грозномъ» въ Этнографическомъ Обозрѣніи, кн. LXII (1904 г., № 3), стр. 39—40.

Уфимской губерніи.

66.

Какъ у насъ-то на святой Руси, какъ у насъ то въ каменной Москвѣ.
Какъ у насъ было при прежніемъ царѣ, при Иванѣ Васильевичѣ,
При Иванѣ Васильевичѣ, при блаженной было памяти.
Поизволилъ царь женитися, поизволилъ царь женитися.
Онъ беретъ не у насъ въ Москвѣ, онъ беретъ во иной землѣ,

У Темрюка Темрю̀ковича да сестру Марью Темрю̀ковну.
Онъ не много съ ней приданаго просилъ: (2)
Еще пятьсотъ донскихъ козаковъ, восемьсотъ разудалыхъ молодцовъ,
Еще триста бояриновъ, полтретьяста татариновъ.
Что поѣхалъ царь вѣнчатися, (2)
Зазвонили въ звонки ко̀локолы, зазвонили въ заунывные.
Еще сдѣлалъ царь похвальный пиръ, про князей про богатыихъ,
Про удалыхъ добрыхъ молодцовъ. (2)
Еще всѣ-то гости кушаютъ, бѣла лебедя рушаютъ,
А одинъ-то Темрю̀ковичъ онъ сидитъ да не кушаетъ.
Выходилъ-же молодой Темрюкъ, выходилъ онъ на красно̀й крылецъ,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ: (2)
Еще есть ли у васъ въ Москвѣ разудалы добры мо̀лодцы?
Разбирались два братца, два Ивана Ивановича.
. . . .
Одинъ бралъ его за шелковъ кушачекъ, онъ повысилъ повыше себя,
Онъ повысилъ повыше себя, онъ ударилъ объ сыру землю его.
(Въ Николаевкѣ конца не знаютъ).

Записана въ с. Николаевкѣ Мензелинск. у. Уфимск. г. Напечатана въ сборникѣ Пальчикова — «Крестьянск. пѣсни» и пр. подъ № 38, стр. 97.

Изъ западной Сибири (?).

67.

В годы прежния,
Времена первоначальныя,
При бывшемъ вольномъ царе,
При Іване Васильевиче,

Когда холостъ былъ гдрь,
Царь Иванъ Васильевичь,
Поізволилъ онъ женитися.
Беретъ онъ царь государь,
Не у себя в каменнои Москве,
А беретъ онъ, царь государь,
В тои Золотои орде,
У тово Темрюка царя,
У Темрюка Степановича,
Онъ Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюковну,
Купаву Крымскую,
Царицу благоверную.
Аи царскова поезду
Полторы было тысячи:
Князи бояра, могучие богатыри,
Пяты[1]) о̃ донскихъ казаковъ,
Что не лутчихъ добрыхъ молотцовъ.
Здравствуетъ царь гдрь
Черезъ реки быстрыя,
Черезъ грязи смоленския,
Черезъ лесы брынския,
Онъ здравствуетъ, царь гдрь,
В тои Золотои орде,
У тово Темрюка царя,
У Темрюка Степановича;
Онъ понелъ, царь гдрь,
Царицу благоверную,
Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову;
И взялъ в провожатые за неи

1) Очевидно, переписчикъ принялъ ьс оригинала за ы, и *пятьсо̃* превратилось *въ пяты* о̃. (*Ш*).

Триста татариновъ,
Четыреста бухариновъ,
Пять сотъ черкашениковъ
И любимова шурина,
Мастрюка Темрюковича,
Молодова черкашенина.
Ужъ царскова поезду
Без малова три тысячи,
Везутъ золоту казну
Ко царю в каменну Москву.
Переехалъ царь гд҃рь
Онъ реки быстрыя,
Грязи смоленския
И лесы брынския.
Онъ здравствуетъ, царь гд҃рь,
У себя въ каменнои Москве,
Во полатахъ белокаменныхъ,
В возлюбленнои крестовои своеи:
Пиръ на веселе,
Повелъ столы на радостехъ.
И все ли князи-бояра,
Могучие богатыри,
И гости званыя,
Пять сотъ донскихъ казаковъ,
Пьютъ, едятъ, потешаютца,
Зелено вино кушаютъ,
Белу лебедь рушаютъ.
А единъ не пьетъ да не естъ,
Царскои гость дорогои,
Мастрюкъ Темрюковичь,
Молодои черкашенинъ.
И зачемъ хлеба соли не естъ,
Зелена вина не кушаетъ,
Белу лебедь не рушаетъ?

У себя на уме держитъ:
Изошелъ онъ семь городовъ,
Поборолъ онъ семдесятъ борцовъ,
И по себе борца не нашолъ;
И толко онъ думаетъ,
Ему вера поборотися есть
У царя в каменнои Москве,
Хочетъ царя потешити
Со царицею благоверною,
Марьею Темрюковною;
Онъ хочетъ Москву загонять,
Силно царство московское.
Никита Романовичь
Об томъ царю доложилъ,
Царю Ивану Васильевичу:
— Аи гои еси царь государь,
— Царь Иванъ Васильевичь!
— Все князи бояра,
— Могучие богатыри
— Пьютъ едятъ потешаютца
— На великихъ на радостехъ;
— Одинъ не пьетъ, не естъ,
— Твои царскои гость дорогои,
— Мастрюкъ Темрюковичь,
— Молодои черкашенинъ:
— У себя онъ на уме держитъ,
— Вера поборотися есть,
— Твое царское величество потешити
— Со царицею благоверною. —
Говоритъ тутъ царь гдрь,
Царь Иванъ Васильевичь:
«Ты садися, Никита Романовичь,
«На добра коня,
«Побеги по всеи Москве,

«По широкимъ улицамъ
«И по частымъ переулачкам».
Онъ будетъ дядюшка,
Никита Романовичь,
Середь Урья Поволскова,
Слободы Алеѯандровы;
Два братца родимые
По базару похаживаютъ,
Аи бороды бритые,
Усы торженые,
А платья саксонское,
Сапоги с рострубамі;
Аб ручкуту дядюшке челомъ:
««Аи гои еси ты, дядюшка,
««Никита Романовичь!
««Ково ты спрашиваешъ?
««Мы борцы в Москве похваленые,
««Молодцы поученые славные»».
Никита Романовичь
Привелъ борцовъ ко дворцу.
Говорили тутъ борцы молодцы:
««Ты Никита Романовичь,
««Ты изволь об томъ царю доложить:
««Смет ли нога спустить
««С царскимъ шуриномъ
««И смет ли ево побороть?»»
Пошелъ онъ Никита Романовичь,
Об томъ царю доложилъ,
Что привелъ борцовъ ко дворцу.
Злата труба протрубела
Во полате белокаменнои.
Говорилъ тутъ царь государь,
Царь Иванъ Васильевичь:
«Ты Никита Романовичь,

«Веди борцовъ на дворъ,
«На дворецъ государевой,
«Борцовъ ученыехъ,
«Молодцовъ похваленыехъ,
«И в томъ имъ приказъ о̄давай:
«Кто бы Мастрюка поборолъ,
«Царскова шурина,
«Платья бы с плечь снялъ,
«Да нагова с круга спустилъ,
«А нагова какъ мать родила,
«Ай мать на светъ пустила».
Послышалъ Мастрюкъ борцовъ,
Скачетъ прямо Мастрюкъ
Из места большева,
Из угла переднева,

Черезъ столы белодыбовы,
Черезъ ества сахарныя,
Чрезъ питья медяныя:
Левой ногой заде'
За столы белодубовы, —
Повалилъ онъ тритцать столовъ,
Да прибилъ триста гостей;
Живы да не годны,
На карачкахъ ползаютъ
По полате белокаменной:
То похвалба Мастрюку,
Мастрюку Темрюковичу.
Выбежалъ тутъ Мастрюкъ
На крылечка красное,
Кричитъ во всю голову,
Чтобы слышелъ царь государь:
— А светъ ты, вольной царь,
— Царь Иванъ Васильевичь!
— Што у тебя въ Москве

— За похвальные молодцы,
— Поученые славные?
— На ладонь ихъ посажу,
Другои рукою роздавлю! —
С борцами сходитца
Мастрюкъ Темрюковичь;
Борба ево ученая,
Борба черкаская:
Колесомъ онъ боротца пошолъ.
Аи малои выступаетъца,
Мишка Борисовичь:
Смотритъ царь гд҃рь,
Что кому будетъ Божья помочь,
И смотрятъ ихъ борбу князи бояра,
И могучие богатыри,
Пять сотъ донскихъ казаковъ.
Аи Мишка Борисовичь,
С носка бросилъ о землю
Онъ царскова шурина;
Похвалилъ ево царь гд҃рь:
«Исполать тебѣ молодцу,
«Что чиста боресса!»
Аи Мишка к стороне пошелъ,
Ему полно боротися.
 А Потанка боротца пошолъ, —
Костылемъ попираетца,
Самъ впередъ подвигаетца,
К Мастрюкꙋ приближаетца:
Смотритъ царь гд҃рь,
Что кому будетъ Божья помочь.
Потанка справился,
За плеча зграбился,
Согнетъ корчагою,
Воздымалъ выше головы своеи,

Опустилъ о сыру землю, —
Мастрюкъ без памети лежитъ;
Не слыхалъ какъ платья сняли:
Былъ Мастрюкъ во всемъ,
Сталъ Мастрюкъ ни в чемъ;
Ожерелья в пять сотъ рублевъ
Безъ единые денешки,
А платья саѯонскова
Снялъ на три тысячи:
Со стыдѹ и сорому,
О карачкахъ под крылецъ ползетъ.
Какъ бы бела лебедушка,
По заре она прокликала,
Говорила царица царю,
Марья Темрюковна:
— Светъ ты, волнои царь,
— Иванъ Васильевичь!
— Такова у тебя честь добра

— До любимова шурина?
— А детина наругаетца,
— Что детина деревенской:
— Почто онъ платья снимаетъ?—
Говорилъ туᵀ царь гдр̃ь:
«Гои еси ты царица во Москве,

«Да ты Марья Темрюковна!
«А не то у меня честь во Москве,
«Что татары те борютца:
«Тото честь в Москве,
«Что русакъ тешитца!

«Хотя бы ему голову сломилъ,
«Да любил бы я пожаловалъ
«Двухъ братцовъ родимыехъ,
«Двухъ удалыхъ Борисовичевъ.

Перепечатана нами съ раздѣленіемъ на стихи изъ сборника Кирши Данилова, изданіе И. Публ. Библіотеки подъ ред. П. Н. Шеффера (1901), стр. 15—16.

Томской губерніи.

68.

Старички то были старенькіе,
Старички стародавненькіе,
Они люди были вѣжливые,
У нихъ бороды расчесаныя
А усы-то приразглаженые.
Вы послушайте разсказу моего,
Ишшо что я буду сказывати,
Ишшо что приразсказывати,
Разговоры разговаривати.
Какъ у насъ было при славномъ при царѣ,
При Иванѣ при Васильевичѣ,
При блаженныя то памяти его,
Собиралася бесѣдушка свята,
Похотѣлъ онъ женити себя.
Онъ и бралъ жену въ иной землѣ,
Молоду панью черкашенину,
А свѣтъ Марью Земзюрьевну.
Онъ придáна за ней много бралъ:
Что села-то со присельниками,
Города съ пригородочками;
Ужъ какъ триста татарничковъ,
Полтретьяста боярничковъ,
Да семьсотъ было донскихъ казаковъ,
Что удалыхъ добрыхъ молодцовъ.
Ужъ какъ всѣ-то съѣзжалися,
Ишшо всѣ поздоровалися,
Одного то гостя нѣтъ какъ нѣтъ,
Дорогого-то бы шурина
Кострюка Иземзюрьевича.
Онъ пріѣхалъ попослѣ всѣхъ.

Онъ садился повыше всѣхъ,
Хлѣба-соли онъ не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ,
Зелена́ вина и въ ротъ не беретъ.
Говорилъ онъ таковыя словеса:
«Ахъ ты, зять ли мой, зятюшко,
«Государь такой батюшко!
«Ишшо чѣмъ ты вздумалъ потчивати?
«Ты попотчивай борцами меня:
«Ишшо што я земель изошелъ,
«Ишшо што городовъ просчиталъ, —
«По себѣ и борца не сыскалъ.
«Покажи мнѣ своихъ борцовъ,
«Каковы есть у те борцы,
«У тебя борцы-поединщики?»
Какъ возговоритъ тутъ славный царь,
Что грозной Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты шуринъ любезный мой,
«Что Кострюкъ Иземзюрьевичъ!
«У меня есть въ Москвѣ борцы,
«Удалы два брата молодцы,
«По прозванію Калашниковы:
«Ужъ какъ Ванька-то маленькій,
«Да Данилко коротенькій».
Выходилъ царь во новыя сѣни,
На красно́е крылечушко,
Онъ громкну́лъ-то громкимъ-громко́:
«Выходите-ка, мои борцы,
«Ужъ какъ Ванька-то маленькій,
«Да Данилко коротенькій!»
Они на ногу легошеньки,
На посылку скорешеньки:
По двору ужъ похаживали,
Усы за уши закладывали,

Чулочки натягивали,
Сапожки понаправливали,
На носокъ приговаривали:
«Подъ носокъ яйцо прокати,
Подъ каблукъ воробей пролети».
Ишшо тутъ Кострюкъ бросился,
Онъ триста скамей повалилъ,
Полтретьяста бояръ подавилъ,
Кому руку, кому ногу изломалъ,
И кому-то буйну́ голову сорвалъ.
Выходили они на зеленый лугъ,
Побороться они схватывались.
Ужъ какъ бралъ тутъ Данилко Кострюка
Иземзюрьевича пониже себя,
Что бросалъ объ сырую землю.
Его тѣлицо-то лопнулося,
Что фуфайка разстегнулася,
А сапожки съ ногъ слетѣли́.
Увидала тутъ сестрица его,
Какъ свѣтъ Марья Земзюрьевна,
Закричала зычнымъ голосомъ:
«Ахъ Данилко ты коротенькій!
«Хоть у те-бы и сила была,
«Да ты бы эдакой бѣды не чинилъ:
«Кострюка-то до смерти убилъ!»
Отвѣчаетъ тутъ Данилко ей:
«Ахъ, свѣтъ Марья Земзюрьевна!
«Не до́рога борьба была его,
«Дорогая его похвала,
«Похвала его невы́хвала!»

Записана въ 60-хъ годахъ С. И. Гуляевымъ на Локтевскомъ заводѣ Бійскаго округа Томской губ. со словъ старика солдата Василія Худяшова. Напечатана нами въ статьѣ: «Историческія пѣсни изъ Сибири» см. Извѣстія Отд. Русс. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. IX, кн. 1-я, стр. 16—19.

Области Войска Донского.

69.

А кто бы то дозналъ,
Когда бѣлый свѣтъ насталъ,
Праведно солнце взошло,
Ясенъ мѣсяцъ восходилъ.
Севрукъ тое дозналъ,
Когда бѣлый свѣтъ насталъ,
Праведно солнце взошло,
Ясенъ мѣсяцъ восходилъ.
— А вы люди стародавніе, [1])
— А давно вы живете,
— Ничего не смыслите:
Либо мнѣ хлѣба-соли ставьте,
Либо мнѣ борцовъ дайте,
Либо мнѣ голову срубите. —
««Вотъ тебѣ хлѣбъ-соль на столѣ,
««И бойцы на дворѣ:
«« А головушки не будемъ рубить»».
Распился Севрукъ,
Разгулялся Севрукъ,
Семьсотъ казаковъ заборолъ,
Восемьсотъ татариновъ
Девятьсотъ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ.
Что идутъ-пройдутъ донцы,
Добры-удалы молодцы,
На́ бокъ колпаки поскривляючи,
По́дъ бокъ кулаки зазымляючи, [2])
Своего Бога похваляючи:
««А дай намъ, Боже, Севрука подолѣть

---

1) Это — слова Севрука, а затѣмъ московскихъ людей и борцовъ (Б).
2) *Подпирая* (Б.)

««И съ кореньями повывертѣть!»»
Пришли они, подивилися,
За бѣлыя груди взялися:
Какъ подымутъ Севрука
Вонъ повыше себя,
Какъ ударятъ Севрука
Объ сыру землю,—
Севрукъ глаза вытращилъ,
Севрукова кожа лопнула,
Всѣ ребрушки посыпались,
Всѣ косточки повыломались.
А Севрукова мать
По новымъ сѣнцамъ похаживаетъ,
Бѣлыя ручки поламливаетъ:
— А скурвій сынъ
— А проклятый сынъ!
— И на что было заводиться,
— И на что было зазымливаться! —
Пошла слава по всему сѣверу,
Очутилася и въ Кіеву.

Точное мѣсто и время записи неизвѣстно. Перепечатана П. Безсоновымъ въ «Пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣевскимъ», Вып. VII. прилож., стр. 51—53 изъ «Сборника Донскихъ казачьихъ пѣсенъ» Е. Савельева 1866 г.

Ярославской губерніи.

70.

Какъ у насъ на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Какъ женится православный Царь,
Православный Царь Иванъ Васильевичъ.

Онъ беретъ въ Турецкой землѣ
Молоду княжну Марью Темрюковну.
А за ней три посла пришли:
А и триста татариновъ,
Полтораста черкашеновъ,
Пять сотъ донскихъ казаковъ,
Удалыхъ-добрыхъ молодцевъ.
А еще-то посолъ пришелъ, —
Мастрюкъ Мастрюковичъ,
Молодой князь Темрюковичъ,
Родной братъ Марьи Темрюковны.
По палатамъ расхаживаетъ,
И кушанья разставливаетъ,
Дорогихъ гостей потчуетъ:
— Вы покушайте, дороги гости,
— Ужь вы триста татариновъ,
— Пять сотъ донскихъ казаковъ,
— Удалыхъ-добрыихъ молодцевъ!—
А они ему въ отвѣтъ говорятъ:
««А что ты, князь, не пьешь — не кушаешь?
««На насъ ли ты думу думаешь,
««На царство Московское,
««На Ивана Васильевича?»»
— На васъ то я думу думаю,
— На Ивана Васильевича,
— На царя православнаго.
— Ужь я семь городовъ прошелъ,
— По себѣ я бойца не нашелъ! —
Какъ идетъ тутъ Ивашечка съ крошечку,
Онъ на ножку припадаетъ,
На языкъ пришепетываетъ:
Сталъ съ Мастрюкомъ боротися.
Онъ на перву пошибку пошибъ, —
Съ Мастрюка черну шляпу сшибъ;

А другую пошибку пошибъ, —
Съ князя цвѣтно платье сшибъ;
А и третью пошибку пошибъ, —
А и князя съ ногъ долой сшибъ.
Увидѣла княжна Марья Темрюковна
Изъ высокова терема:
— Ты мужикъ, мужицкій сынъ,
— Ты крапивны сѣмена!
— Не за свой кусъ принимаешься,
— Этимъ кусомъ подавишься! —
Тутъ Мастрюкъ со стыдомъ побѣжалъ,
. . . . ладонью зажалъ.

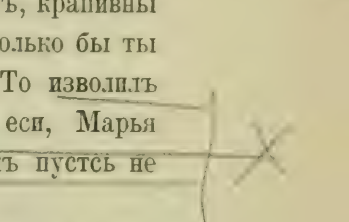
Напечатана въ журналѣ «Москвитянинъ» 1852 г. Май, Отд. VII. Соврем. извѣстія, стр. 75—76, въ статьѣ: Нравы Ростовск. уѣзда Ярославск. губ. Перепечатана П. Безсоновымъ въ *Пѣсняхъ*, собранныхъ П. Кирѣевскимъ, Вып. VI, стр. 161—162.

Нижегородской губерніи.

71.

Собралъ чарь Иванъ Валильевицъ почестный пиръ, похвальный пиръ, всѣ сидзятъ, пьютъ-ѣдзятъ, калацика кушаютъ и бѣлаго лебедзя рушаютъ; а одзинъ гость не пьетъ и не ѣстъ, калацика не кушаетъ и бѣлаго лебедзя не рушаетъ. «Ужъ ты гой еси, мой любимый гость! Что ты не пьёшъ, не ѣшъ, калацыка не кушаешъ и бѣлаго лебедзя не рушаешь? Не зло ли ты думаешъ? Не лихо ли складываешъ?» — Не лихо я думаю, не зло я складываю: у меня молода охотичка была съ молодыхъ дёнъ то ли бѣшеная съ борчами поборотча бы мнѣ, съ удальцами поводитча бы. — Въ Москвѣ борчовъ не годзилося и лихихъ удальчовъ не луцалося. Посылалъ чарь Иванъ Васильицъ во всѣ города, во губерніи отыскать удальчовъ, разудалыхъ бойчовъ; то и ѣдутъ къ селу два брата ро̀дные, два Андрея, два Андреевица;

то везутъ на сеѣ лубьи свѣжія, словно лошадзи. То ихъ нагнали удалыя молодчи вишь на тройкѣ и говорять имъ, што чарь Иванъ Васильевицъ проситъ васъ въ гости къ сеэ; то они пріѣхали ко широкому дворцу чарскому, стали сапожки потягивать, цулоцки поправливать; то увидзѣлъ изъ косясцьта окошицка Темрюкъ Темрюковицъ, молодой церькасовицъ, кинулся, бросился, 300 скамей повалилъ, 700 гостей задавилъ, да 200 удалыхъ молодчовъ; то и схватился еще боротча съ малымъ братомъ; и былъ Темрюкъ на рѣзвыхъ ногахъ, а оцутился Темрюкъ на буйной головѣ; то увидзѣла Марья Темрюковна молодая церькасовна; «Ужъ ты гой еси мужикъ, мужицкый сынъ, крапивны твои сѣмены, на сколько бы ты не боролся, на сколько бы ты не водзился, на страмъ бы ты тѣла не давалъ. То изволилъ говорицъ чарь Иванъ Васильевичъ: «Ужъ ты гой еси, Марья Темрюковна, молодая церькасовна, впредь Тсемрюкъ пустсь не хвалитчя. —



Напечатана въ Этнограф. Сборникѣ И. Р. Геогр. Общ. Вып. V. Смѣсь стр. 30—31. Записана въ Нижегородской губерніи Ардатов. у. Мѣстный говоръ не вездѣ выдержанъ. Стихъ уже разложился. Болѣе точныхъ указаній мѣста и времени записи нѣтъ. Перепечатана П. Безсоновымъ въ «Пѣсняхъ Кирѣевскаго». Вып. VI, стр. 185—186.

Симбирской губерніи.

72.

Какъ у насъ было въ каменной Москвѣ,
У царя Ивана Васильевича,
Поизволилъ онъ жениться.
Онъ беретъ сестру меньшую черезъ большую,
Не у князя, не у барина,
У тово ли у черкашенина,
Василису Темрюковну,
Молодую черкашенину.

И сдѣлалъ онъ пречесной пиръ,
И созвалъ всѣхъ князей-бояръ,
Князей-бояръ и сильныхъ богатырей.
Кто во бесѣдѣ чѣмъ похвалится,
Возговоритъ Кастрюкъ-Мастрюкъ,
Молодой черкашанинъ:
— Царь Иванъ Васильевичъ,
— При блаженной своей памяти,
— Есть ли борцы-молодцы
— На государскіимъ дворцѣ? —
Какъ возговоритъ царь государь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
«Ой ты гой еси, дядюшка,
«Никита Романовичъ!
«Выходи ты на красенъ крылецъ,
«Закричи ты своимъ громкимъ голосомъ,
«Чтобы слышно по всей Москвѣ!»
Во Ондревской славной улицы,
Въ Москвѣ борцовъ не случилося,
Удалыихъ не годилося:
Солучились два братца родимыя,
Два Андрея, два Андреича,
Одинъ прихрамыватъ,
А другой приволакиватъ.
Со первымъ братомъ схватился, —
Онъ золотъ стулъ повалилъ,
Полтораста бояръ задавилъ,
Пять сотъ донскихъ казаковъ:
Ни которой ни которова не пошибъ,
Они братьями назвалися,
Крестами побраталися:
Какъ возговоритъ меньшой братъ Андреюшка:
««Охъ ты гой еси, царь государь,
««Ище смѣть ли мнѣ Кастрюка побороть?»»

Какъ возговоритъ царь государь:
«Бей ты Кастрюка по ногамъ,
«Чтобы у тебя былъ Кастрюкъ въ рукахъ!»
Первую пошибку пошибъ, —
Цвѣтное платье съ Кастрюка сшибъ.
Увидала его сестрица,
Василиса Темрюковна:
— Охъ ты б . . . . кой сынъ, б . . . . ки се́мины́!
— Ужь ты смѣшь ли Кастрюка побороть?
— Мало насѣяно, а много расплодилося! —

Напечатана въ «Пѣсняхъ, собран. П. Кирѣевскимъ». Вып. VI, стр. 163—164 съ неопредѣленнымъ указаніемъ: Симбир. г. с. Станичное.

Симбирской губерніи.

73.

Ой ты гой еси, царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
При блаженной сударь памяти,
Поизволилъ царь женитися.
Онъ беретъ не у насъ въ Москвѣ,
Онъ беретъ во иной землѣ,
Молоду́ Марью Темрюковну.
Не много съ ней приданова берётъ:
Пять сотъ Донскихъ казаковъ,
Полтораста черкашениновъ,
Еще триста уланищевъ;
А еще-то онъ приданова беретъ —
Любимова шуринушку,
Кострюка Темрюковича.

А Кострюкъ-то къ нему въ гости не йдетъ,
Молодой въ гости не жалуетъ;
Онъ на третій годъ загулялъ,
Онъ къ царю-то въ гости побывать:
Кострюково было счастьице,
Царю-то бещастьице.
Тутъ возговоритъ Кострюкъ-Мострюкъ,
Молодой Темрюковичъ:
— Ой ты гой еси, царь государь,
— Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
— Какъ бывало я съ и́змолоду,
— То-то мое-тъ круговой поскокъ[1]),
— То-то весь разумъ верченый!
— Я охотничекъ боротися былъ
— Съ борцами поборотися,
— Съ молодцами поводитися. —
Пиръ-бесѣда солучилася,
Въ Москвѣ борцовъ не случилося;
Только двое солучилося,
Двое братцы родимые,
Мишута со Гришутою:
Кострюково было счастьице,
Царево-то бещастьице.
Свѣтъ Микита Романовичъ
Поскорёхонько на ножиньку прыгнулъ,
За скамейку своей ножинькой задѣлъ,
Пять сотъ козаковъ задавилъ,
Полтораста черкашениновъ
И триста уланищевъ.
Тутъ идутъ борцы-молодцы,
Гришута съ Мишутою:
Сапожки натягиваютъ,

1) То-то я молодецъ былъ въ кругу скакать (Б).

Усы за̀ уши закладываютъ;
Они идутъ на царской дворъ:
««Еще есть ли у васъ борцы-молодцы,
««Есть ли удалые удальцы?»»
Со Мишутой у нихъ схваточка была, —
Кострюку-то много Богъ помогалъ,
Со Мишуты онъ сапожнишки сшибъ.
Со большіимъ со Гришутою было, —
Тутъ Гришутѣ много Богъ помогалъ
Съ Кострюка-то онъ портчишки сшибъ,
Пучинушка пукнула,
Шелковыя петли треснули:
Кострюка-тъ нагишкой сталъ,
Сорома-тъ ладонью зажалъ,
Онъ самъ подъ заходъ побѣжалъ.
Увидѣла сестрица,
Молода Марья Темрюговна:
— Ты мужикъ, ты мужичей сынъ,
— Крапивные сѣмяны!
— Не много васъ насѣяно,
— Только много васъ поро́жено! —

Напечатана въ «Пѣсняхъ, собран. П. Кирѣевскимъ», Вып. VI. стр. 165—167, съ указаніемъ: Симбирск. губ. с. Головино.

Симбирской губерніи.

74.

Какъ у насъ было во святой во Руси,
Во матушкѣ каменной Москвѣ,
Какъ задумалъ царь женитися,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ.
Онъ беретъ не у насъ во Руси,
Онъ беретъ во иной землѣ,

Не у князя, не у барина,
У того мурзы татарина,
Онъ беретъ его родну сестру,
Катерину Темрюговну,
Братъ не много съ ней приданаго даетъ:
Только два братца родимые,
Два молоденьки черка́сина.
Они вышли на улицу гулять —
Меньшой братъ похваляться сталъ:
— Какъ запру я землю шведскую,
— Затворю я каменну Москву,
— Государевы всѣ промыслы,
— Съ государя стану пошлину брать,
— Съ борольщиковъ поборное,
— Съ кулашниковъ покулачное,
— Съ молодыхъ бабъ побанное[1]),
— Съ красныхъ дѣвокъ подвѣнечное! —
Большой братъ осержается,
Подошелъ къ нему тихохонько,
Взялъ его легохонько,
Ударилъ объ сыру́ землю́:
Онъ разбилъ его всѣ косточки,
Раздробилъ его суставчики.
Увидала государыня,
Закричала громкимъ голосомъ:
— Ахъ вы злые — злые се́мяны!
— Не поле васъ насѣяно,
— Только два братца родимые,
— Два молоденьки черка́сина! —

Напечатана въ «Пѣсняхъ, собран. П. Кирѣевскимъ», В. VI, стр. 167—168, съ помѣткой: Симбирскъ. Запис. въ 1838 г.

---

1) Съ бани, когда сводятъ туда молодыхъ (Б).

Симбирской губерніи.

75.

Слушай-послушай, старики,
Стародавніе разбойнички:
Ужь какъ я вамъ стану разсказывати.
У насъ было при прежнемъ царѣ,
При Иванѣ при Васильевичѣ.
Онъ думалъ, царь, женитися,
Онъ беретъ не у насъ на Русѣ,
Онъ беретъ во иной землѣ,
Не у князя, не у барина,
У того мурзы татарина,
Онъ беретъ его родну сестру,
Екатерину свѣтъ Темлюговну.
Онъ не много съ ней приданаго беретъ:
Только два братца родимыхъ,
Два молоденькихъ черкасиновъ.
Меньшій братъ похваляться больно сталъ:
— Затворю я землю шведскую,
— Затворю я каменну славну Москву,
— Государевы всѣ промыслы,
— Стану съ царя пошлины брать,
— Съ молодыхъ бабъ побанное
— Съ старушёнокъ постряпушное,
— А съ молодыхъ подвѣнечное! —
Большой братъ разсержаться сталъ,
Выходилъ онъ на красёнъ-красной крылецъ,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ,
Молодецкимъ своимъ посвистомъ:
«Еще есть ли въ каменной славной Москвѣ
«Борцы-бойцы — кулачнички,
«Разуда́лы-добры мо́лодцы,

«На кулачно покулашнички,
«Побороться поборошнички?»
Выходилъ тутъ младъ одинъ тутъ человѣкъ,
Темрукъ Темруговичъ,
Мастрюкъ Мастрюковичь.
Онъ и первую пошибочку посшибъ, —
Съ Темрюгалова сапожки сшибъ;
А другую пошибочку пошибъ, —
Съ Темрюгалова сорочку сшибъ,
Оставилъ его въ чёмъ матушка родила,
Сударыня въ чемъ бабушка повила.

Напечатана въ «Пѣсняхъ, собран. П. Кирѣевскимъ», Вып. VI, стр. 168—170, съ помѣткой: Симбир. г. Сызрань.

Симбирской губерніи.

76.

Было, братцы, не у насъ въ Москвѣ,
А было во иной землѣ,
Поизволилъ царь сударь
Иванъ Васильевичъ женитися.
Онъ беретъ Марью Темрюковну
Молодую королевишну;
Приданова много за ней:
А приданова три земли,
Перва земля польская,
Другая литовская,
Третья черкасская.
Его шуринъ осержается,
Къ царю на пиръ не жалуетъ;
На третій годъ загулялъ,
Къ царю на пиръ пожаловалъ,

Входитъ во палатушку,
Во палату бѣлокаменну:
Сажали его за дубовые столы,
За скатерти шелковыя.....

Пѣсня неокончена. Напечатана въ «Пѣсн. Кирѣевск.». Вып. VI, стр. 171, съ помѣтой: Симбирск. г. с. Головино.

Симбирской губерніи.

77.

Какъ у насъ было, братцы, на святой Русѣ,
Во матушкѣ каменной Москвѣ,
Поизволилъ царь женитися,
Еще царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ.
Онъ беретъ не у насъ во Русѣ,
А беретъ въ проклятой Литвѣ,
У того ли у татарина,
У мурзы дочь, у боярина,
У того ли Кострюка-Мострюка,
Кострюка Темрюковича [1]),
Черезъ бóльшую меньшýю беретъ,
Онъ [2]) Марью Темрюковну.
Онъ за тѣмъ черезъ большую
Меньшую беретъ [3]), —
Она много приданаго даетъ:
Она двѣсти татариновъ,
Пятьдесятъ бояриновъ,

---

1) «У того ли у Темрюковича» (разнорѣчіе Б.).
2) «Онъ и» (разн. (Б.).
3) «Не большую, а меньшую онъ беретъ» (разн. Б.).

Пятьсотъ донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ мо́лодцевъ.
И пошелъ[1]) пиръ на веселѣ
И бесѣдушка на радости.
Ужъ всѣ гости пьютъ, ѣдятъ, кушаютъ,
Онѣ пьютъ, ѣдятъ, кушаютъ,
Бѣла лебедя рушаютъ,
На царя лиха не думаютъ.
Одинъ гость не пьетъ, не ѣстъ, не кушаетъ,
Бѣла лебедя не рушаетъ,
На царя лихо думаетъ:
Ужъ тотъ же гость Кострюкъ-Мострюкъ,
Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,
Молодой черкашенинъ[2]).
Онъ и проситъ у царя борцовъ,
Что борцовъ-удалыихъ молодцо́въ[3]),
Что ни лучшихъ добрыхъ мо́лодцевъ.
И лучился тутъ дядюшка,
Князь Никита Романовичъ:
— Я пойду, царю, братцы, скажу,
— Я пойду, государю доложу:
— Ты о еси[4]), царь государь,
— Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
— Уже всѣ гости пьютъ и ѣдятъ,
— Они пьютъ, ѣдятъ, кушаютъ,
— Бѣла лебедя рушаютъ,
— На царя лиха не думаютъ.
— Одинъ гость не пьетъ, не ѣстъ, не кушаетъ,
— Бѣла лебедя не рушаетъ,

---

1) «И пошелъ тутъ» (Б.).

2) «Ужъ и тотъ ли гость Кострюкъ-Мастрюкъ, Онъ К. М. Темрюковичъ, Молодой, братцы, черкашанинъ» (разнорѣч. Б.).

3) «Что борцовъ-удальцовъ» (разнорѣч. Б.).

4) «Ужъ ты гой еси» (р. Б.).

— На царя онъ лихо думаетъ:
— Еще тотъ же гость — Кострюкъ-Мострюкъ.
— Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,
— Молодой черкашенинъ.
— Онъ и проситъ у царя борцовъ,
— Борцовъ удалыихъ молодцо́въ,
— Что ни лучшихъ добрыхъ мо́лодцевъ. —
Ужъ и тотъ же царь государь
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Онъ выходитъ на красенъ крылецъ,
Взговорилъ какъ въ трубу затрубилъ:
«Уже нѣтъ ли въ Москвѣ борцовъ,
«Борцовъ, удалыихъ молодцо̀въ,
«Что ни лучшихъ добрыхъ мо́лодцевъ?
«Они шли бы на царскій дворъ,
«Безъ всего безопасышно,
«Безъ всего бездокладышно!» [1])
Не лучилося въ Москвѣ борцовъ,
Борцовъ, удалыихъ молодцо́въ,
Что ни лучшихъ добрыхъ мо́лодцевъ:
А случилися два брата родныхъ,
Два Василія Васильевича.
Они же со Низовой стороны,
Уроженцы весела̀ го́рода,
Александровской сло́боды.
Они шли же на царской дворъ,
Безъ всего безопасышно,
Безъ всего бездокладышно;
Они полы-ты затыкивали,
А сапожки потягивали,
Они шапочки заламывали,
Усы за́ уши закладывали.

---

1) «Они шли бы безпосылочно, Они шли-бы бездокладочно. Онѣ шли бы на царской дворъ» (Б.).

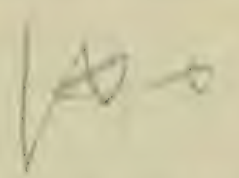
Тотъ же царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Взговорилъ таковыя словеса:
«Ты о еси, дядюшка,
«Князь Никита, ста, Романовичъ!
«Ты поди-ка попотчивай гостей,
«Ты поди-ка покла́няйся!»
И пошолъ къ нимъ дядюшка,
Князь Микита, ста, Романовичъ,
Онъ и сталъ гостей потчивать,
Онъ и сталъ гостемъ кланяться:
— О вы о еси, гости званые,
— О вы, гости, ста, бра́ныя!
— Вы пожала-ста покушайте,
— Бѣла лебедя порушайте,
— На царя лиха не думайте!
— О ты о еси, Кострюкъ-Мострюкъ,
— Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,
— Молодой черкашенинъ!
— Еще вотъ тебѣ и хлѣбъ да и соль.
— И вотъ къ тебѣ борцы пришли,
— Борцы, удалые молодцы̀,
— Что ни лучши добры мо́лодцы! —
Еще кинулся Кострюкъ-Мострюкъ,
Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,
Молодой черкашенинъ:
Онъ и семь скамей поломилъ,
Онъ много людей подавилъ,
Онъ двѣсти татариновъ
Пятьдесятъ бояриновъ [1]),
Пятьсотъ донскіихъ казаковъ.
Онъ пошолъ же на царскій дворъ.

1) «большихъ бояриновъ» (р. Б.).

Да и тотъ же Васильюшка,
Что Васильюшка маленькой,
Онъ сдѣлалъ съ нимъ схватычку,
Еще съ тѣмъ же Кострюкомъ-Мострюкомъ,
Съ Кострюкомъ-Мострюкомъ Темрюковичемъ,
Съ молодымъ татарченкомъ.
Онѣ стали боротися,
Онѣ стали водитися.
Ужъ Васильюшка,
Что Васильюшка маленькой,
Онъ и самъ на себя попустилъ:
Уже стала пошибычка
Того ли Кострюка-Мострюка,
Кострюка-Мострюка Темрюковича.
Онъ всталъ, да и самъ похваляться сталъ:
— Уже я заперъ землю шведску,
— Я заперъ литовскую,
— Я запру каменну всею Москву! —
Ужъ и тотъ Васильюшка,
Что Васильюшка маленькой,
Взговоритъ таковыя словеса:
«О ты о еси, царь государь,
«Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
«Не можно ли Кострюка побороть,
«Не можно ли нагого пустити,
«Нагого, въ чемъ мать родила?»
Взговоритъ тутъ царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ:
«Ты о еси, Васильюшка,
«Что Васильюшка маленькой!
«Ты пожалуй, побори мнѣ Кострюка,
«Ты пожала-ста потѣшь меня, царя,
«Какъ тебя мочь взяла!»
Еще тотъ Васильюшка,

Что Васильюшка маленькой,
Онъ сдѣлалъ опять схватычку,
Съ тѣмъ же Кострюкомъ-Мострюкомъ,
Кострюкомъ-Мострюкомъ Темрюковичемъ,
Молодымъ черкашенинымъ.
Онѣ стали боротися,
Они стали водитися.
Тотъ же Васильюшка,
Что Васильюшка маленькой,
Онъ и взялъ крѣпко за бѣлы его руки,
Онъ ударилъ объ сыру его землю́:
Что у него пуговки лопнули,
Да и петелки треснули.
Онъ и сшибъ съ него платье цвѣ́тное,
И взялъ-да подъ пазуху поджалъ,
Онъ понесъ на царевъ на кабакъ:
««Изъ того-то, я братцы, царю служилъ,
««Изъ того-то государю работа̀лъ!»
Тотъ же Кострюкъ-Мострюкъ,
Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,
Молодой черкашенинъ,
Онъ и всталъ, да самъ шататься сталъ,
Онъ сорома-тъ ладонью зажалъ,
А самъ въ подклѣть побѣжалъ.
Увидала его сестрица,
Марья Темрюковна:
— Ты крестьянинъ, крестьянинъ, б......
— Деревянныя, б..... рогатины,
— Крапивны, б.... сѣ́мены!
— Не надо бы Кострюка такъ бороть,
— Не надо бы нагого пускать,
— Нагого, въ чемъ мать родила! —
Взговоритъ царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ:

«Ужъ ты, баба,
«Ты ба́бье и знай!
«Татарина-тъ бѣсится,
«А русака-тъ тѣшится!»



Записана Н. С. Ржевитиновымъ въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ Симб. губ. Напечатана въ «Пѣсн. Кирѣевскаго», Вып. VI, стр. 150—156. Приводимыя внизу разнорѣчія, по словамъ П. Безсонова, приписаны карандашомъ въ оригиналѣ пѣсни.

Симбирской губерніи.

78.

«Что сидите, богатырики,
«И чѣмъ же вы похваливаетесь?
«Ваша силушка буде отъ Бога,
«А имѣніе отъ меня, царя».
Задумалъ нашъ Грозный царь жениться,
Онъ бралъ не у насъ, а въ Москвѣ,[1])
И не у князя, и не у барина,
Онъ бралъ у черкашенина,
А имямъ назвать ее — Марія Демругьевна;
Онъ бралъ за ней много приданаго:
Тридцать татариновъ, полтораста бояриновъ,
Семьсотъ донскихъ казаковъ.
И дѣлалъ онъ про нихъ почетный пиръ:
Сажалъ онъ ихъ за столы дубовые,
За скатерти клѣтчатыя,
За чашечки, за ложечки корельчатыя[2]).

---

1) Ошибка; должно быть: «не у насъ въ Москвѣ». Симбирскій пѣвецъ естественно могъ такъ выразиться, противополагая свой край Москвѣ (Б.).

2) Корельской березы (Б.).

Кострюкъ хлѣба-соли не кушаетъ,
А Местрюкъ бѣла лебедя не рушаетъ,
А на нашего царя лихо думаетъ:
— Пойду въ Москву, стану на бѣломъ камушкѣ,
— И стану я со всѣхъ брать пошлину,
— Со дымовъ подымовное,
— Съ красныхъ дѣвушекъ почередное,
— А со молодушекъ повѣнешное! —
И вышелъ Микита Романовичъ, царскій дядюшка,
На свой на новъ-красенъ крылецъ,
Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:
«Еще есть ли на царскомъ дворѣ богатырики?»
На тотъ разъ ихъ не случилося,
Они же всѣ поразъѣхались.
«Чтобы шли они, никого бы не спрашивались
«И никому бы не докладывались!»[1]
Прошли два брата родимые,
Изъ села Ивановскова,
По имя ихъ Иванъ Иванычи,
По прозванью Кашинины.
По царскому двору похаживаютъ,
Полки[2] заворачиваютъ,
Рукавкичи позасучиваютъ,
Усы за уши закладываютъ.
«Вы послушайте» — что возговоритъ
Царскій дядюшка Микита Романовичъ —
«Вотъ вамъ, Местрюкъ, хлѣбъ-соль на столѣ,
«А борцы на дворѣ:
«За что вы, свѣтъ, ухватитесь?»[3]
Местрюкъ бросился, — три стола уронилъ,
Кострюкъ бросился, — всю силу помялъ,

1) Продолженіе словъ Никиты (Б.).
2) Полы платья (Б.).
3) Т. е. выбирай, Мастрюкъ, любое (Б.).

Тридцать татариновъ, полтораста бояриновъ,
Семьсотъ донскихъ казаковъ.
Ну, выходилъ Местрюкъ на царскій дворъ,
Бралъ Иванъ Ивановичъ поперекъ его,
Поджималъ повыше себя,
Первой пошибкой пошибъ, —
Одежду долой съ него сшибъ;
А другой пошибкой пошибъ, —
Оставался Местрюкъ въ чемъ мать его родила;
Онъ соромъ свой зажалъ,
И подъ крылецъ побѣжалъ.
Да увидала его сестрица родимая,
Марія Демругьевна:
— Ты муракъ, — говоритъ, — дуракъ, мужичій сынъ!
— Поборолъ бы его какъ полехше ни будь!..... —

Первая половина сводной пѣсни, содержащей далѣе разсказъ о сыновьяхъ Грознаго, записана П. В. Шейномъ въ выселкѣ Александровкѣ. Корсунскаго уѣзда, Симбирской губ., напечатана имъ въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1877 (Пѣсни былевыя), стр. 50—51 и перепечатана П. Безсоновымъ въ «Пѣсняхъ Кирѣевскаго», Вып. VI, стр. 109—110.

Симбирской губерніи.

79.

Какъ у насъ было на Русѣ,
На Русѣ было, въ каменной Москвѣ,
Задумалъ царь жениться,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ:
Онъ усваталъ невѣсту за себя,
Невѣсту за себя не у насъ въ Москвѣ,
Онъ усваталъ во иной землѣ,
Не у князя, не у боярина,

Онъ усваталъ у татарина,
У того ли черкешанина,
Марью Темрюговну.
Черезъ бóльшую дочь онъ середнюю беретъ Марью Темрюговну.
Собирался почестной пиръ,
И всѣ гости съѣхалися и всѣ сходилися,
Всѣ гости пьютъ и ѣдятъ,
И всѣ гости кушаютъ,
Бѣлаго лебедя рушаютъ.
Одинъ гость хлѣба-соли не ѣстъ,
Хлѣба-соли не кушаетъ,
Бѣлаго лебедя не рушаетъ,
Зеленаго вина въ ротъ не беретъ, —
Кастрюкъ-Мастрюкъ Темрюговичъ,
Любимый царской шуринушка.
Онъ думаетъ думушку, съ кѣмъ поборотися,
За прокладъ поводитися:
Онъ хочетъ каменну Москву въ полонъ себѣ взять,
Онъ хочетъ взойти во Кремль городокъ,
Онъ и хочетъ съ насъ пошлины брать,
Съ воротъ поворотныя,
А съ дымовъ подымовныя,
Съ молодицъ повалешныя,
А съ дѣвицъ повѣнешныя.
Князь Никита Романовичъ
Входитъ онъ въ палаты бѣлокаменныя:
«Охъ ты гой еси, Грозный царь,
«Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
«Всѣ у насъ гости съѣхалися,
«Всѣ гости сходилися,
«Всѣ гости пьютъ и ѣдятъ,
«Всѣ гости кушаютъ,
«Бѣлаго лебедя рушаютъ.

«Одинъ гость у насъ хлѣба-соли не ѣстъ,
«Хлѣба-соли не кушаетъ.
«Бѣлаго лебедя не рушаетъ,
«Зеленаго вина въ ротъ не беретъ,
«На царя лихо думаетъ,
«Кастрюкъ-Мастрюкъ Темрюковичъ,
«Любимой царской шуринушка.
«Думаетъ думушку онъ, думаетъ крѣпкую.
«Съ кѣмъ поборотися,
«За прокладъ поводитися:
«Онъ и хочетъ каменну Москву нашу
«Въ полонъ себѣ взять,
«И хочетъ во Кремль городъ взойти,
«И хочетъ сѣсть на камешкѣ,
«И хочетъ съ насъ пошлины брать.
И возговоритъ нашъ Грозный Царь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
«Охъ ты гой еси, дядюшка,
«Князь Никита Романовичъ!
«Взойди-ты на крылечушко,
«Взойди-ты на красное,
«Вскричи-ты громкимъ голосомъ,
«Вскричи-ты въ первый разъ,
«Вскричи-ты въ другой разъ,
«Вскричи-ты въ третій разъ,
«Чтобы слышно было по всей Москвѣ,
«Чтобы шли таковы борцы,
«Не спрашивавши и не докладывавши,
«На мой на царской дворъ,
«На мой на почестной пиръ!»
Въ то время не случилося въ Москвѣ борцовъ:
Разъѣхалися по торгамъ по ярмаркамъ,
Услыхали изъ Нова-города
Два братца два родные,

Два Ивана два Ивановича,
По прозванью Кашинины:
Приходили на царской дворъ,
На его на почестный пиръ.
Они по двору похаживали,
Шапочки заламывали,
Чулочки подтягивали,
Усы за уши закладывали,
Борцовъ поспрашивали:
«Есть ли у васъ борцы, добры молодцы?
«Подавайте намъ ихъ!»
Князь Никита Романовичъ
Входилъ въ нову горенку:
— Охъ вы гости мои, полюбовны мои!
— Вотъ у насъ хлѣбъ-соль на столѣ,
— А пришли борцы на дворѣ:
— За что вы приметесь — ухватитесь,
— За хлѣбъ за соль, за бѣлаго лебедя,
— Иль за добраго молодца? —
Кастрюка-тъ кинулся,
Онъ всѣ столы повалилъ
И все придано подавилъ.
Выходилъ на крылечушко,
Выходилъ онъ на красное.
Принимаетъ его малый братъ,
Малый братъ Иванушка:
Онъ по двору похаживаетъ,
Кастрюка поваживаетъ;
Онъ перву-то пошибочку пошибъ, —
Съ Кастрюка черну шляпу сшибъ;
А другую-то пошибочку пошибъ, —
Съ Кастрюка сапожки долой сшибъ;
А третью пошибочку-то пошибъ, —
Съ Кастрюка-то всю одежду сшибъ:

Въ чемъ мать родила, на свѣтъ пустила.
Кастрюкъ-то соромъ зажалъ,
Да подъ крылецъ побѣжалъ.
Увидала его сестра,
Марья Темрюговна,
Изъ высокаго терема,
Изъ косящатаго окошечка:
— Ты мужикъ-то мужикъ, мужичій сынъ,
— Крапивныя твои сѣмена!
— На что ты Кастрюка поборолъ,
— На что ты съ него платье сшибъ,
— Платье сшибъ, нага пустилъ? —
Возговоритъ нашъ Грозный царь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
«Охъ ты баба, баба б.....
«Татарскія твои сѣмена!
«Не то-то мнѣ дорого,
«Что татаринъ хвалится,
«А то дорого, что крестьянинъ тѣшится!»

Записана А. М. Языковымъ въ с. Станичномъ. Симбирск. губ. Напечатана въ «Пѣсняхъ Кирѣевскаго», Вып. VI, стр. 121—124.

Симбирской губерніи.

80.

Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Содержатель онъ всей Руси,
Сберегатель каменной Москвы,
При блаженной его памяти,
Поизволилъ царь женитися:
Онъ беретъ не у насъ въ Москвѣ,

Онъ беретъ во иной землѣ,
У того ли Темрюка-Мастрюка,
Молодаго черкешенина,
Тоё малую сестру,
Да свѣтъ Марью Темрюковну.
Онъ и много приданова беретъ:
Двѣсти татариновъ,
Полтораста бояриновъ
И семьсотъ донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ мóлодцевъ.
Еще всѣ гости съѣхалися,
Всѣ любимы солетѣлися,
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ,
Нѣтъ гостя милаго,
Тово шурина родимова,
Ево ли Темрюка-Мастрюка,
Молодаго черкешенина.
Еще вонъ ѣдетъ милой гость:
Сажаютъ его выше всѣхъ,
Пошелъ пиръ на веселѣ,
А смиренные на радостяхъ.
Пили-ѣли, проклажалися,
Между собой похвалялися,
Сильной своею силою,
А богатой богатствомъ своимъ,
Убогой Божьей милостію,
Какъ Бога-тъ насъ милуетъ,
Государь царь пожалуетъ,
И будемъ мы всѣ ровны.
Похваляется Темрюкъ-Мастрюкъ,
Онъ хвалится своей силою:
— Я Москву вашу насквозь пройду,
— Не найду я себѣ спорщика,
— Съ кимъ бы могъ я поборотися!—

Услыхалъ же про то царь-государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Содержатель онъ всей Руси,
Сберегатель каменной Москвы;
Выходилъ онъ на красно крыльцо,
Говорилъ онъ громкимъ голосомъ:
«Эй вы гой еси, мои слуги вѣрные!
«Вы подите въ каменну Москву,
«Прокличьте кличь скорую,
«Есть ли у насъ, у нашего царя,
«Бойцы-борцы, молодые охотнички?
«Шли бы на царской дворъ,
«Безъ докладу государева,
«Безъ допроса безо всякого!»
За Москвой стоитъ деревнишка,
Что деревнишка Онихина.
Во той ли во деревнишкѣ
Жили два брата родныхъ,
Два брата родныхъ, два калашничка,
Два Андрея Андреича.
Встаютъ они ранёхынько,
Умываются бѣлёхынько,
Обуваются гладёхынько,
Чулочки подвязывали,
Башмачки на ноги надѣвывали,
Свои усы завивывали,
За уши усы закладывали,
Приходили на государевъ дворъ
Безъ докладу государева,
Безъ докладу безо всякого,
Безо всякого вѣдѣнья,
Становились у красна крыльца.
Услыхалъ про то Темрюкъ-Кастрюкъ,
Молодой черкешенинъ;

Зашипѣлъ онъ по змѣиному,
Заревѣлъ онъ по звѣриному,
Переломалъ пятьдесятъ скамей,
Передавилъ онъ приданство всё,
Двѣсти татариновъ,
Полтораста бояриновъ
И семьсотъ донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ.
Выходилъ онъ на красно крыльцо,
Сохватился съ большимъ братомъ,
Со Андреямъ Андреевичамъ.
Они водиться поводилися,
Межонной день до вечера
И всю ночь до бѣлой зари:
Никто у нихъ не поборолъ;
Расходиться расходилися,
Между собой поклонилися.
Схватилися со меньшіимъ братомъ:
Тотъ его беретъ за лѣвой воротокъ,
Поднимаетъ на правой на носокъ,
Онъ приподнялъ повыше себя,
Ударилъ о сыру землю,
По колѣни его въ землю вшибъ,
По колѣни, чуть не по поясъ;
Онъ и цвѣтное платье съ него сшибъ,
Пустилъ его косо на́ босо,
Пустилъ его, въ чемъ мать родила.
Услыхала про то малая сестра,
Свѣтъ Марья Темрюковна,
Выходила на красное крыльцо,
Говорила громкимъ голосомъ:
— Ты крапива, крапивной сынъ!
— Не много васъ посѣяно,
— Да много уродилося!

— Хотя бы ты и силёнъ
— И хотя бы тебѣ Богъ пособилъ,
— На что ты такъ наругаешься
— И на что насмѣхаешься?
— Пустилъ ты его, въ чемъ мать родила?—
Сказалъ тутъ царь-государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ:
«Ты баба, ты бабье знай!
«Не то-то намъ дорого,
«Что татаринъ похваляется,
«А то-то намъ дорого,
«Что русакъ насмѣхается!»

Напечатана въ «Пѣсняхъ Кирѣевскаго». Вып. VI, стр. 125—128, съ помѣтой: Симб. губ., Сенгилеевскаго у. въ с. Стар. Ярыклѣ.

Саратовской губерніи.

81.

У насъ было при прежнемъ царѣ,
При Иванѣ Васильевичѣ,
Сбережатель каменной Москвѣ,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ
Поизволилъ женитися.
Не беретъ онъ у насъ въ Москвѣ,
Беретъ во иной землѣ,
Во иной землѣ черкасской,
У Мастрюка большу сестру,
Князю[1]) Марью Темрюговну.
Онъ и много за ней приданаго беретъ,

1) Княжну (Б.).

Онъ и два ста бояриновъ,
Полтораста татариповъ,
Пятьсотъ донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ;
Еще за ней приданаго беретъ
Ея брата меньшаго,
Мастрюка Темрековича.
Царь Иванъ сударь Васильевичъ
И дѣлалъ пиръ на веселѣ
Про любимаго про шурина
Мастрюка Темрековича.
Въ полопьяна напивалися,
Въ полосыта наѣдалися,
Промежду собой похвалялися,
А богатые хвалются богатствомъ,
А сильные силою,
А Иванъ Васильевичъ
Младою княгинею,
А Мастрюка-тъ хвалится,
Молодой похваляется:
— Я, де, всю Москву изошолъ,
— По себѣ борцовъ не нашолъ,
— Борцовъ, удалыхъ молодцовъ:
— Борцовъ не случилося,
— Молодцовъ не годилося!
— Какъ я сяду на калиновомъ мосту,
— Да буду брать пошлину:
— Съ стариковъ похоронное,
— Со старухъ повивальное [1]),
— Съ бабъ повалешное,
— Съ красныхъ дѣвокъ повѣнешное! —
Борцы въ разъѣздочкахъ,

1) За повивальное искусство (Б.).

Молодцы въ разсылочкахъ.
Только, де, случилося, —
Два брата родимые,
Два шута, Гришута съ Мишутою.
Царь Иванъ сударь Васильевичъ
Выходилъ на красенъ крылецъ,
Воскричалъ громкіимъ голосомъ:
«Есть де, у насъ въ Москвѣ
«Борцы, удалые молодцы?
«Они бъ шли на сударевъ на дворецъ,
«Ко крылечушку ко красному,
«Ко окошечкамъ косящетымъ
«Ко стекольчикамъ стекольчатымъ
«И къ анбарамъ государевымъ!»
И идутъ два шута
Гришута со Мишутою:
Они шуточки пошучиваютъ,
Они шапочки заламываютъ,
Чулочки потягиваютъ,
Сапожки подправливаютъ,
Мастрюка-то поддражниваютъ.
Мастрюкъ разгорается,
Молодой похваляется,
Онъ и хлѣба не кушаетъ,
Бѣла лебедя не рушаетъ.
Кидался Мастрюкъ государь
Черезъ скатерти браныя,
Черезъ яства сахарныя,
Черезъ пойло медвяное:
Онъ и лѣвой ногой зацѣпилъ, —
Триста скамей повалилъ,
И триста бояръ задавилъ,
Пятьсотъ донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ.

Выбѣгаетъ и Мастрюкъ государь
Ко крылечку ко красному
И къ анбарамъ государевымъ.
Въ первую пошибочку,
Съ Мастрюка сбили шапочку;
А въ другую-то пошибочку,
Съ Мастрюка сбили сапожечки;
А въ третью-то пошибочку
И зипунъ-то сорвали.
Онъ ужъ забивается,
Подъ крылечушко подъ красное,
Подъ анбары государевы.
Марья Темрюковна
Выходила на красенъ крылецъ,
Закричала громкіимъ голосомъ:
— Ахъ ужъ мужикъ ты, мужикъ,
— Мужичій сынъ,
— Крапивныя сѣмены!
— Не поля, де, васъ посѣяно,
— Не кулика насѣяно.
— Хоть бы у васъ сила, де, была,
— Вы бы его, Мастрюка,
— На стыдъ не давали и не безчестили!—
Царь Иванъ сударь Васильевичъ
Закричалъ громкіимъ голосомъ
На Марью Темрюковну:
«Посѣди-ко ты на доничкѣ,
«Поверти веретеничкомъ!
«У насъ, де, такъ Москва любитъ:
«А коли у него силы-то не было,
«Онъ бы, де, не хвастался!»

Записана С. П. Шевыревымъ въ с. Даниловкѣ, Петровскаго у., Саратовской губ. Напечатана въ «Пѣсняхъ Кирѣевскаго», Вып. VI, стр. 129—132.

Саратовской губерніи.

82.

Ой вы люди людюшки мои,
Ужь вы людюшки умненькіе,
Старички вы стародавненькіе!
Вы повѣдайте, что встарь было,
Что встарь было, на Руси слыло.
Какъ женился православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ.
Да и бралъ же онъ много приданаго:
Коробамъ съ добромъ счету не было,
Злату-серебру вѣсу не было,
(Крупну жемчугу мѣры не было,
На придачу молоду жену).
Вотъ и гости къ царю съѣхалися,
Всѣ князья-бояре, люди ратные,
Да боярскихъ дѣтей до полутораста,
Да посадскихъ людей четыреста.
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ, —
Удальца-бойца, славна витязя,
(Самого князя черкасскаго),
Мамстрюка ли Ермолаича[1]).
Загремѣло на дворѣ государевомъ,
Какъ пріѣхалъ давно жданный гость,
Князь черкасскій Мамстрюкъ Ермолаевичъ Мамстрюковичъ,
Со храброю своею со дружиною,
Со своею молодою княгинею.
Еще съ братцемъ ее рóднымъ,
Удальцомъ-бойцомъ, славнымъ витяземъ,

1) По другому списку: Мамстрюкъ названъ Мамстрюковичемъ.

И со храброю своею дружиною.
Какъ пріѣхалъ князь опослѣ всѣхъ,
А садился онъ повыше всѣхъ.
Хлѣба-соли онъ не кушаетъ,
Гуся-лебедя не рушаетъ,
Зелена вина въ ротъ не беретъ;
А глядитъ онъ на бояръ-дворянъ[1]),
Царску гридню златомъ убрану:
Ищетъ онъ себѣ борца-бойца,
Добра молодца кулашничка.
Не нашелъ себѣ поборничка,
Что поборничка, супротивничка.
Какъ возговорилъ черкасскій князь:
— Ой вы гой еси[2]), добры молодцы!
— Вы напрасно землю топчете,
— У царя дарма ѣдите хлѣбъ,
— Зелено вино распиваете,
— На боку лежа дары получаете! —
Тутъ всѣ гости призадумались....
Отколь взялся тутъ крестьянскій сынъ:
Съ ноги на ногу прихрамываетъ,
Съ ноздри на ноздрю присапываетъ,
Языкомъ пришепётываетъ.
Какъ возговоритъ крестьянскій сынъ:
««Охъ ты гой еси, черкасскій князь!
««Великъ ростомъ уродился ты,
««Златомъ-серебромъ украсился,
««Не пытавъ силы похваляешься;
««Да гляди, рано не радуйся,
««Я хотя и крестьянскій сынъ,
««На бѣду слово вымолвлю:

1) По другому списку: *князей-бояръ*.
2) По другому списку: *есте*.

««Не пытай силу съ крестьяниномъ!»»
Закипѣлъ сердцемъ черкасскій князь,
Во гнѣву изъ за стола выскочилъ,
На бѣгу за столъ зацѣпилъ,
Девяносто скамей повалилъ,
Полтораста гостей подавилъ,
И схватилъ крестьянина за воротъ.
Долго съ нимъ они возилися
По широкому двору государеву;
Одолѣлъ князя крестьянскій сынъ,
Приподнялъ выше могучихъ плечь
И ударилъ объ сыру землю:
Золоты кольца у князя съ рукъ скатилися,
Сапожки сафьянные съ ногъ свалилися,
Растянулся князь черкасскій за мертво...
Молодая княгиня расплакалася,
Въ слезахъ по двору побѣгивала,
Бѣлы рученьки заламывала,
Слугамъ вѣрнымъ приказывала:
— Ужъ вы слуги мои, слуги вѣрные!
— Вы схватите сына крестьянскаго,
— Вы убейте вора безъименнаго,
— Разорвите его тѣло на мелки части,
— Бросьте тѣло псамъ на съѣденіе!—
Какъ возговоритъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ:
«Не судить тебѣ, княгиня, во моей землѣ,
«Не мѣшаться бабѣ въ дѣла царскія!»
«Пусть другой кто съ нимъ попробуетъ,
«Попытаетъ силу богатырскую!»
Какъ и всталъ княгининъ родный братъ,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
— Ой ты гой еси, крестьянскій сынъ!
— Выходи скорѣй па борьбу со мной

— На борьбу со мной послѣднюю,
— Что послѣднюю, драку смертную!—
И сцѣпилися они за воротъ,
И возилися вплоть до вечера:
Одолѣлъ крестьянина младъ княгининъ братъ,
Разорвалъ его тѣло синее,
Разбросалъ, разметалъ по широку двору,
По широку двору псамъ на съѣденіе.

Записана въ Саратовѣ А. Н. Пасхаловой. Напечатана въ «Памятникахъ великорусск. нарѣчія» въ Прибавл. къ Извѣст. 2 Отд. Имп. Акад. Наукъ 1852—1857 г. г. Спб. 1855, стр. 149—152. Примѣчаніе редактора 1-го изд.: «Одинъ изъ двухъ списковъ полнѣе: этотъ списокъ здѣсь и печатается; стихи, которыхъ не достаетъ въ другомъ спискѣ, поставлены въ скобкахъ». Перепечатана въ «Пѣсняхъ Кирѣевскаго», Вып. VI, стр. 182—185. Тотъ же текстъ съ незначительными разнорѣчіями см. въ Сборн. Костомарова и Мордовцевой въ Лѣтоп. русск. литер. и древности, т. IV, Отд. 2, стр. 16—19.

Московской губерніи.

83.

Созывалъ онъ (Иванъ Гр.) почетной пиръ
Созывалъ онъ князьевъ-бояръ,
Не позвалъ Кострюка-Мастрюка
Свово шурина любезнаго.
Приходилъ шуринъ попослѣ всѣхъ,
Онъ садился повыше всѣхъ;
Онъ не пьётъ и не кушаетъ,
Бѣла лебедя не рушаетъ,
Онъ сидитъ — думу думаетъ.
Государя-тъ похаживаетъ,
Онъ на шурина поглядываетъ:
«Охъ ты шуринъ, ты шуринъ мой,
Охъ ты шуринъ любезный мой!

Что не пьёшь и не кушаешь,
Бѣла лебедя не рушаешь?
На царя ли лихо думаешь,
На царевну-ль благовѣрную,
Али на весь на крещённый міръ?»
— Ни на кого я лихо не думаю,
— Ни на царя, ни на царевну благовѣрную,
— Только думаю объ своей буйной головѣ:
— Что я семдесятъ семь земель изошо́лъ,
— По себѣ я борца не нашолъ,
— По себѣ борца, удало́ва молодца̀! —
Выходилъ-то Грозный царь,
Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ,
Выходилъ онъ на новое крыльцо,
Воскричалъ онъ громкимъ голосомъ своимъ:
«Ино есть ли у меня борцы,
«У меня борцы, уда́лы молодцы?
«Приходили бъ къ государю во дворецъ,
«Побороться съ Кострюко́мъ-Мастрюко́мъ,
«Съ моимъ шуриномъ любезныимъ!»
Изъ села-то Кулебакина,
Изъ деревни изъ Опа́льшиной,
Выходили-то два братца,
Да два братца, два родимые,
Два Андрея два Андреича:
Одѣвались въ одѣженьку лёгонькую,
Обувались они въ портя́ночки тоненькія,
Во ла́потки ча́стенькіе,
Въ балахо́ньчики лёгонькіе.
Они и́дутъ путёмъ-дорогою,
Они шуточки пошучиваютъ,
Они другъ дружку попи́хиваютъ.
Приходили къ государю во дворецъ,
Воскричали громкимъ голосомъ своимъ:

««Ино гдѣ у тебя борцы,
««Ино гдѣ борцы, уда́лы молодцы?»»
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Вотъ пришли борцы, уда́лы молодцы!
«Охъ ты шуринъ, ты шуринъ мой,
«Охъ ты шуринъ любезный мой!
«Ино вотъ тебѣ хлѣбъ-соль на столѣ,
«Ино вотъ тебѣ борцы на дворѣ,
«Ино вотъ борцы, уда́лы молодцы!»
Ужъ Кострюкъ-Мастрюкъ бросается,
Онъ бросался — семь столовъ повалилъ,
И онъ семдесятъ господъ задавилъ.
Какъ съ большимъ братомъ схватилися,
Они три часа водилися;
Низёхонько поклонилися
Честнёхонько расхватилися:
«Охъ ты братецъ, ты братецъ мой,
«Охъ ты братецъ родимый мой!
«Хочь ты родомъ-то повыше меня,
«Да ты силкой-то пониже меня!»
Какъ съ меньшимъ братомъ схватилися,
Они часу не водилися,
Не честнёхонько расхватилися [1]),
Не низёхонько поклонилися;
Ужъ онъ первую пошибочку пошибъ, —
Съ Кострючи́шка колпачишко сшибъ;
Онъ другую-то пошибочку пошибъ, —
Съ Кострючи́шка сапожи́шки сшибъ.
Ужъ и бился онъ, рубился
Не объ ста рубляхъ, не объ тысяцѣ,
Они билися, рубилися
Объ своихъ буйныхъ головушкахъ:

---

1) Т. е. выпустили другъ друга изъ охвата (Б.).

Кто кого сможетъ, того рвать-щипать,
Того рвать-щипать, до нагà обдирать.
Ужъ онъ третью-то пошибочку пошибъ, —
Подымалъ-то онъ повыше себя,
Опущалъ-то онъ пониже себя;
Ужъ онъ началъ его рвать-щипать
Его рвать-щипать, до нагà обдирать:
««Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
««Не во гнѣвъ бы вашей милости,
««Что деру штаны атласныя!»»[1]
Что глядитъ-то государыня
Изъ косящета окошечка:
— Ты крапива, ты крапива б . . . . .
— Вы крапивныя сéмены!
— Много васъ было насѣяно,
— Да не много уродúлося!—
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Охъ ты баба, ты баба б . . . . .
«Охъ ты баба, ты бабья знать!
«Что глядишь ты въ косящето окно,
«Да не чортъ ли тебя спрашиваетъ?»
Защекотáла сорóченькой,
Полетѣла съ каменной Москвы.

Напечатанный текстъ представляетъ 2-ю половину сводной пѣсни, первая половина которой содержитъ разсказъ о сыновьяхъ Ивана Грознаго, перенесенный нами въ соотвѣтствующій отдѣлъ. Пѣсня напечатана въ Сборникѣ Кирѣевскаго въ полномъ видѣ, въ Вып. VI, стр. 102—103, съ помѣткой: Записана 20 августа 1833 г. въ с. Воронки, Звенигородскаго уѣзда, Московск. губ.

1) Слова борца (Б.).

Владимирской губерніи.

84.

Какъ у насъ было во святой Руси,
Во святой Руси въ каменно́й Москвѣ,
Была радость великая:
Ужъ какъ царь-то женился,
Сударь царъ Иванъ Васильевичъ;
Онъ взялъ государыню за себя
Молодую черкашенину,
Марью Темрюковну;
Онъ и много приданаго за ней взялъ:
Тридцать три города,
Девяносто бояръ съ нею взялъ.
Онъ и сдѣлалъ почетный пиръ,
Созвалъ князей, бояръ
И всякихъ могучихъ господъ.
Ужъ какъ былъ въ пиру шуринъ большой,
Молодой-то черкашенинъ
Мастрюкъ Темрюковичъ,
Государевъ шуринъ большой.
Онъ такую рѣчь говоритъ:
«Я три земли обошелъ,
«Я трехъ борцовъ поборолъ,
«По себѣ борца не нашелъ:
«Ужъ и дайте-ко мнѣ борца
«У себя въ каменной Москвѣ
«Царь Ивана Васильевича!»
Что возговоритъ бояринъ большой,
Князь Никита Романовичъ:
«Ужъ и вотъ я къ царю побѣгу,
«Вотъ я царю доложу,
«Царь Ивану Васильевичу.

«Ужъ ты гой еси, царь государь,
«Царь Иванъ Васильевичъ!
«Во твоемъ почетномъ пиру
«Ужъ какъ гости всѣ пьютъ, ѣдятъ,
«Ужъ и всѣ проклажаются,
«Всѣ тобой поношаются [1]),
«Царь Иванъ Васильевичемъ.
«Какъ одинъ гость ни ѣстъ, ни пьетъ,
«Молодой-то черкашенинъ
«Мастрюкъ Темрюковичъ,
«Твой, сударь, шуринъ большой.
«Онъ такую рѣчь говоритъ:
«Я три земли обошелъ,
«Три борца поборолъ,
«По себѣ борца не нашелъ:
«Ужъ и дайте-ко мнѣ борца
«У себя въ каменной Москвѣ!»
Что возговоритъ царь государь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
«Ужъ ты гой еси, бояринъ большой,
«Князь Никита Романовичъ!
«Ты поди по всей Москвѣ,
«И по всѣмъ-то по улицамъ,
«И по всѣмъ переулочкамъ,
«Да кричи во всю голову,
«Что ни есть въ головѣ голосу,
«Чтобы чуть [2]) было во всеё Москву».
Ходилъ онъ по всей Москвѣ,
И по всѣмъ-то по улицамъ,
И по всѣмъ переулочкамъ,
И кричалъ во всю голову,

1) Т. е. «величаются, похваляются» своимъ щедрымъ хозяиномъ — царемъ (Бережковъ).

2) Слышно (Б.).

Что ни есть въ головѣ голосу,
Чтобы чуть во всеё Москву.
Изъ Никитскія улицы
Выходили два братеничка,
Они оба Андреевичи.
Ужъ какъ первый-то Митинька,
Митинька Андреевичъ,
На лицо онъ ни младъ, ни старъ,
Ростомъ онъ ни малъ, ни великъ;
Онъ на ножку припадываетъ,
Онъ усы поразглаживаетъ,
Усы за уши закладываетъ.
Онъ такую-то рѣчь говоритъ:
«Какъ не быть бы мнѣ въ пиру у царя
«Во опалѣ великоей.
Что возговоритъ бояринъ большой,
Князь Микита Романовичъ:
«Ужъ и вотъ я къ царю побѣгу,
«Ужъ и вотъ я царю доложу,
«Царь Ивану Васильевичу:
«Ужъ ты гой еси, царь государь,
«Царь Иванъ Васильевичъ!
«Я ходилъ по всей Москвѣ,
«И по всѣмъ-то по улицамъ,
«И по всѣмъ переулочкамъ,
«И кричалъ я во всю голову,
«Что ни есть въ головѣ голосу,
«Чтобы чуть во всеё Москву.
«Изъ Никитскія улицы
«Выходили два братеничка,
«Они оба Андреевичи.
«Ужъ какъ первый братъ Митинька,
«Онъ Никита Андреевичъ,
«На лицо-то онъ ни младъ, ни старъ,

«Онъ и ростомъ ни малъ, ни великъ,
«Онъ на ножку припадываетъ.
«Онъ усы порозглаживаетъ,
«Усы за уши закладываетъ.
«Онъ такую-то рѣчь говоритъ:
«Что не быть бы мнѣ въ пиру у царя
«Во опалѣ великоей».
Что возговоритъ царь государь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
«Да лише бы его силушка взяла,
«Да еще бы ему Богъ пособилъ,
«Да еще бы ему Спасъ поручилъ!»
Какъ проходитъ Митинька
Мимо государева дворца;
Что увидѣлъ, усмотрѣлъ
Молодой-то черкашенинъ
Мастрюкъ Темрюковичъ,
Государевъ шуринъ большой:
«Что не этотъ-ли борецъ?
«Я его до рукъ не допущу!
«Я поставлю его на голову,
«Спущу цвѣтно платье съ ногъ на голову!»
Онъ зѣло разгорается,
Изъ стола подымается,
Изъ-за скатерти браныя,
Изъ-за ѣствы сахарныя;
Онъ и три стола подломилъ,
Онъ и три скамьи повалилъ,
Девяносто бояръ задавилъ.
Ужъ и тутъ, дескать, Митинька
Онъ не больно испужается,
По маленьку исправляется:
Онъ на ножку припадываетъ,
Онъ усы поразглаживаетъ,

Усы за уши закладываетъ.
Сходилися они середь двора царскаго,
При всѣхъ князьяхъ, боярѣхъ,
При самомъ государѣ царѣ.
Ужъ и взялъ, дескать, Митинька,
Взялъ за могучи плеча
Мастрюка Темрюковича,
Да поставилъ его на голову,
Спустилъ цвѣтно платье съ ногъ да на голову.
Что увидѣла, узрила
Молодая черкашенина
Марія Темрюковна:
«Ужъ вотъ я къ царю побѣгу,
«Вотъ я царю доложу,
«Царь Ивану Васильевичу:
«Ужъ ты гой еси, царь государь,
«Царь Иванъ Васильевичъ!
«Мужика надо повѣсити
«Что на рылехъ высокіихъ,
«Перекладахъ дубовыихъ».
Что возговоритъ царь государь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
«Мужика-то я пожалую, —
«Я полаты бѣлокаменными;
«Мужика буду знать, почитать,
«Мужика буду жаловать,
«Ужъ я ради почетныхъ пировъ,
«Еще для ради почетныхъ гостей,
«Еще для ради заносчивыхъ»...

Записана въ с. Бережкѣ, Юрьевскаго у., Владим. губ., М. Бережковымъ отъ дѣвицы духовнаго званія Катерины Алексѣевны Бережковой и издана въ статьѣ М. Бережкова: «Еще нѣсколько образцовъ народн. истор. пѣсенъ, записанныхъ во Влад. губерніи». Нѣжинъ, 1895, стр. 12—16.

Орловской губерніи.

85.

Люди вы, люди мои,
Люди вы старые мои,
Старички стародавные,
У васъ бороды широкія,
У васъ разумы расхожіе!
Раздоборы раздабарывали,
Разговоры разговаривали
Про Ивана Царя Васильевича.
Какъ Иванъ Царь Васильевичъ
Сколько селъ проѣзжалъ,
Сколько городовъ присходилъ, —
По себѣ борца не нашелъ,
Кто бы Кострюка поборолъ,
Да кто бы Темрюльевича.
Какъ выискались два брата,
Два брата, два братеника,
Два Андрея два Андреевича,
Они дѣти-то Кулашниковы,
Они по двору похаживали,
Они полы заворачивали.
Какъ схватился съ нимъ бо́льшій братъ,
Они возилися осенній день,
Изъ утра да и до вечера:
Какъ никто никого не одолѣлъ,
Какъ никто никого не обороль.
Какъ схватился съ нимъ ме́ньшій братъ,
Онъ ударилъ объ сыру́ землю̀:
Какъ сырая земля стогнула[1]),

1) Застонала.

Какъ на ёмъ шкура лопнула,
Сапожки-то съ ногъ свалились,
Чулочки-то съ ногъ скатились.
Какъ увидѣла сестрица-то его,
Да Марья Темрюльевна,
Выходила она на новое крыльцо,
Закричала громкимъ голосомъ своимъ:
— Ты мужикъ, ты мужичій сынъ,
— Ты мужикъ, кровопивцовъ сынъ![1]
— Хотя бы ты Кострюка поборолъ,
— Хотя бы ты Темрюльевича,
— Ты бъ его не до смерти билъ:
— Я бъ тебя пожаловала
— Городами съ пригородочками,
— Еще селы-то съ приселочками,
— Пятьдесятъ бы бояриновъ дала,
— Шестьдесятъ бы татариновъ дала,
— Шестьсотъ бы донскихъ козаковъ.
— Что ни лучшихъ удалыхъ молодцовъ. —
Захотѣлося жениться ему,
Онъ и бралъ изъ иныхъ городовъ,
Онъ и бралъ изъ иной земли,
Молодую черкашенку,
Марью Темрюльевну.
Какъ и сдѣлалась пирушичка,
Пирушичка немалинькая.
Какъ и всѣ гости съѣхались,
Одного гостя нѣту-ти,
Какъ и нѣту гостя милаго,
Моего шурина (милаго) любимаго,
Братца-то родимаго.

---

1) По мнѣнію Безсонова, передѣлано изъ «крапивныя сѣмена». См. въ другихъ варіантахъ.

««Какъ Иванъ Царь Васильевичъ!
««Ты пожалуй намъ степные города,
««Чтобъ намъ пить-ѣсть безденежно,
««Торговать бы намъ безпошлинно.
Какъ Иванъ царь Васильевичъ:
«Не позорь ты ни меня, ни себя,
«Ни молодецкой бодрости своей».
Онъ садится повыше всѣхъ.
Наѣдается попрежде всѣхъ.
Онъ ни пьетъ, ни ѣстъ, ни кушаетъ,
Бѣла лебедя не рушаетъ:
На Ивана царя гнѣвъ держитъ.....

Напечатана въ «Пѣсняхъ Кирѣевскаго». Вып. VI, стр. 176—178 съ помѣтами: Кирѣевская Слободка [Орловск. губ.], записана отъ Никитушки. Пѣсня сильно спутана.

Курской губерніи.

86.

Какъ у насъ въ прошломъ году,
При царю Иванъ Васильевичу,
Какъ выскочилъ донской казачекъ,
Вонъ изволилъ себѣ свататься.
Вонъ и высваталъ себѣ червонйцу,
Молодую полковнйцу.
Понемножко приданаго берётъ:
Семсотъ донскихъ казаковъ,
А три тысячи завдалыхъ молодцовъ.
«Ахъ братъ ты мой, братецъ мой!
Не по моему ты бо́решься,
Не по моему хватаешься.

А дай-ка-ся я возьмусь,
А дай-ка-ся я поборюсь!»
Вонъ хватилъ поперекъ живота,
Вонъ ударилъ объ сырую мать землю, —
Сыра землюшка воздо́хнулася,
На нёмъ шкурочка разлопнулася.

Записана въ с. Верхо-Стужнѣ, Старооскольскаго у., Курской губерніи. Напечатана П. В. Шейномъ въ сборникѣ: Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.». Т. I, стр. 298, № 1017.

Черниговской губерніи.

87.

Ой хто жъ того нязнавъ,
Якъ бѣлый свѣтъ наставъ?
Якъ и солнушко взойшло,
Якъ и ярки мѣсячко,
Якъ и частыя звѣздочки
Якъ и тцемныя хма́рычки,
Якъ и сильныя до́жчачки?
Якъ царь да сыновъ пожанивъ,
Якъ царь дочарей поотдавъ?
Сяврукъ на весельли бывавъ,
Сяврукъ и горелки пивавъ,
Сяврукъ позыва́тымъ бывавъ.
Якъ пошовъ жа то Сяврукъ —
Семсотъ городовъ пройшовъ,
Семсотъ казаковъ созвавъ,
Семсотъ да бояриновъ,
Семсотъ да татариновъ,
Семсотъ полковъ доньскихъ казаковъ.
Якъ крикнувъ то Сяврукъ,
Якъ свиснувъ то сильно́й,

Да на свой дворъ широкъ,
Да на свой тцерямъ високъ.
Якъ бѣгатзь къ яму борци,
Изъ борцовъ да на выборца,
Якъ да удалыя Калужанци,
По мáтушци Марнинины сыны;
Яны усики зажимаючи,
И сапóжаньки подцягиваючи,
И чулочики подвязиваючи.
Ухативъ жа то Сяврукъ
Ёнъ наибольшаго брата,
Якъ за лѣвое плячó,
Якъ за правую пàшку,
Якъ за тонкую рубашку;
Якъ подзнявъ жа то повыша сябе,
Якъ ударивъ жа пониже сябе,—
Земля стряхнýлася,
Вода спляснýлася,
Москва улякнýлася,
Яго пуговици полóпалися,
И пяцелики потрескалися,
И жалýдки повискочили,
И пячонки повикатились;
По колянки въ землю убивъ.
Охъ што жана яго, Сяврýшаница
Бѣло-удалая чаркáшаница
Яна по двору ходзя,
Бѣлы рýчанки ломя.
Якъ пойшло-жа то Сяврýшиница
Бѣло-удалая чаркáшаница,
Семь сотъ городовъ пройшла
По сябѣ борца не найшла.

Записана учительницей нар. училища въ дер. Чертовичѣ, Суражскаго у., Черниговской губ. Напечатана П. В. Шейномъ въ его сборникѣ: «Матеріалы

для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Т. II, стр. 178—179, № 84.—П. В. Шейнъ сопровождаетъ пѣсню слѣдующимъ примѣчаніемъ: «По характеру и по всѣмъ пріемамъ былевого стиля видно, что эти стихи составляютъ только начало былины, созданной на сѣверѣ Россіи и занесенной въ Черниг. губ., въ весьма древнюю эпоху вольными или невольными выселенцами или побродягами великорусскими. Жаль, что нашъ отрывокъ прерывается на самомъ интересномъ мѣстѣ»...

Калужской губерніи.

88.

Какъ у насъ было при старомъ при царю,
При Ивану-то Васильевичу,
Онъ задумалъ женитися,
Онъ беретъ изъ иной земли,
Онъ и Марью Диміюрьевну.
Онъ и всѣхъ гостей созвалъ,
Одного гостя не звалъ,—
Свово шурина любимова,
Кастрюка-то Диміюрьевича.
Пріѣзжалъ онъ опослѣ всѣхъ,
Онъ садился повыше всѣхъ,
Хлѣба-соли не кушаетъ,
Бѣла лебедя не рушаетъ,
Борца попрашиваетъ.
Ино вышли два братца,
Два Андрея два Андреевича,
Ужъ собою они малёшеньки,
У нихъ ноги коротёшеньки,
У нихъ бороды до пояса висятъ,
Усы за уши закладываютъ,
Борца попрашиваютъ,
Ухватилися, водилися
Со вечеру до полуночи,
Съ полуночи до бѣла свѣта:

Ужъ я ли взялъ его въ охапочку,
Ударилъ объ сыру́ землю̀:—
Мать сыра земля дрогнулася,
Свѣтло платьице раздернулося,
Бѣло тѣлецо разлопалося.

Напечатана въ «Пѣсняхъ Кирѣевскаго», Вып. VI, стр. 170—171, съ помѣтой: записана отъ семидесятилѣтней старухи въ с. Слобода, Боровскаго у.. Калужской губерніи.

Калужской губерніи.

89.

Охъ у насъ, у насъ, у насъ,
Какъ у насъ было при первомъ царѣ,
При царѣ, царѣ, царевичѣ,
При Ивану Васильевичу,
При блаженной памяти его.
Захотѣлося жениться ему.
Онъ и бралъ войной за себя
Настасью[1]) Земзюрьевну,
Земземелью Земзюрьевну,
Зем-зем-зюрьевну.
«Охъ, какъ всѣ-то гости съѣхалися,
Охъ, одного гостя нѣту,
Какъ нѣтъ моего гостя милаго,
Мово шурина родимаго».
Онъ пріѣхалъ послѣ всѣхъ
И садился повыше всѣхъ.
Охъ, возговорилъ царь-государь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
«Охъ, ты гой еси Кострюкъ-Вострюкъ!

1) Обмолвка вм. Марьи, см. дальше.

Хлѣба-соли ты не кушаешь,
Бѣла лебедя не рушаешь,
На кого ты лихо думаешь?
На меня ли, на меня ли, на царя,
Иль на вѣру православную?»
— «Сколько сколько я земель произошелъ,
По себѣ бойца и не нашелъ».—
Охъ возговорилъ царь государь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
«У насъ, у насъ есть бойцы,
Удалые молодцы,
Они люди Калашниковы,
Они дѣти Заложниковы».
Они пò торгу похаживаютъ,
Рукавицы натягиваютъ,
Усы зà уши закладываютъ.
Приходили на царскій дворъ,
Кричали громкимъ голосомъ своимъ:
«Высылай, высылай намъ бойца,
Высылай удалого молодца!»
Услыхалъ Кострюкъ-Вострюкъ,
Онъ триста скамеекъ повалилъ,
Пятьсотъ брюхановъ задавилъ,
Полтораста донскихъ казаковъ побилъ.
Какъ Гришуха-то маленькій,
А Петрушка коротенькій, —
Подхватилъ онъ пониже себя,
Приподнялъ онъ повыше себя,
Да какъ вдаритъ объ мать сыру землю,—
Какъ мать сыра земля дрогнула,
Кострюково брюхо лопнуло.
Выходила сестра его Марья:
«Какой ты мужикъ, мужикъ!
Крапивное ваше сѣмячко.

Много, много васъ на свѣтъ уродилося!
Ты какую бѣду учинилъ,
Кострюка брата до смерти убилъ!»

Записана А. Дешинымъ въ Калужской губ. и доставлена Этнограф. Отдѣлу И. О. Л. Е. А. и Э. въ Москвѣ В. Ласкинымъ. Болѣе точныхъ указаній мѣста и времени записи нѣтъ. Напечатана мною въ статьѣ «Къ Пѣснямъ объ Иванѣ Грозномъ». см. Этногр. Обозрѣніе, кн. LXII, стр. 41—42.

Калужской губерніи.

90.

Ахъ люди, люди старые,
Старики вы стародавніе,
Вы послушайте, что я буду сказывати,
Разговоры разговаривати,
Что про нашего про свѣтъ-то царя,
Про царя-то Ивана Васильевича.
Какъ нашъ царь холостъ былъ,
Васильевичъ не женатый былъ:
Онъ бралъ изъ чужой земли, —
Молоду младу черкасьевну,
Ахъ и свѣтъ Марью Тимрюзьевну.
Онъ и много приданаго взялъ —
Городовъ съ пригородками,
Что и селки съ приселками;
Онъ много гостей зазывалъ.
Какъ всѣ-то гости съѣхались,
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ:
Ахъ и нѣтъ гостя любимаго его,
Да жены брата роднаго.
Пріѣхалъ онъ апослѣ всѣхъ,
А садится повыше всѣхъ,

Что за тѣ столы дубовые,
За тѣ скатерти браныя
А за яства сахарныя.
Хлѣба-соли онъ не кушаетъ,
Бѣла лебедя не рушаетъ,
Онъ и лихо-то думаетъ,
Что на нашего на свѣтъ-царя,
На царя Иванъ Васильевича.
Возговоритъ Кострюкъ-Мострюкъ:
«Сколько я земель проходилъ,
«Сколько я городовъ проѣзжалъ, —
«Не сыскалъ по себѣ борца, бойца,
«Не сыскалъ по себѣ удала молодца».
Нашъ царь разсердился,
Свѣтъ Васильевичъ разгнѣвался,
Онъ и вышелъ на красно крыльцо,
Онъ и гаркнулъ по всей каменной Москвѣ:
«Вы сходитеся, борцы, бойцы,
«Вы сходитеся удалые молодцы!»
Какъ сошлися, борцы, бойцы,
Какъ сошлися удалые молодцы,
Ахъ и свѣтъ дѣти Калашниковы.
На ногахъ они низешеньки,
Во плечахъ широкошеньки,
Они бороды расчесываютъ,
Они усики разглаживаютъ,
На ножку прихрамливаютъ,
На носокъ приговариваютъ.
Возговоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Выходи-тко Кострюкъ-Мострюкъ!
«Есть у меня борцы, бойцы,
«Есть у меня удалые молодцы».
Какъ сталъ вставать Кострюкъ-Мострюкъ,
Полтораста скамей свалилъ, —

А триста господъ задавилъ.
Онъ схватился и съ старшимъ братомъ:
Они водилися день до вечера.
Возговоритъ меньшій братъ:
«Ахъ! ты братъ, ты братъ мой родной!
«Не теряй своего купечества.
«А еще къ тому молодечества!
«Ты подай-ка мнѣ, борцу, бойцу,
«Ты подай-ка мнѣ, удалому молодцу!» —
Онъ и сталъ его обхватывати,
Да повыше себя взмахивати,
Онъ ударилъ объ сыру мать-землю.
Сыра мать-земля дрогнула,
На немъ тѣло бѣло лопнуло,
А сапожки сами съ него свалилися.
Возговоритъ молода, млада Черкасьевна,
Ахъ свѣтъ Марья Тимрюзьевна:
«Ты мужикъ, ты мужичій сынъ,
«Подкрапивныя твои сѣмены!
«Ты не билъ бы объ сыру мать-землю,
«Ты снялъ бы зеленъ кафтанъ
«И сафьянные сапожонки,
«Ты пустилъ бы его тѣлешомъ-нагишомъ».
Возговоритъ царь-государь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ и чѣмъ дѣти васъ жаловати,
«Городами ли, пригородками,
«Или золотой казной?»
Возговорятъ свѣтъ-дѣти Калашниковы:
«Не жалуй насъ, царь-государь,
«Ни городами, ни пригородками,
«Ни золотой казной,
«Вели намъ торговать бездашно, безпошлинно».

Напечатана въ «Былевыхъ пѣсняхъ» П. В. Шейна въ 1877 г. въ «Чт-

ніяхъ въ И. О-вѣ Исторіи и Древн. Росс.», кн. III, стр. 53 и слѣд., съ помѣтой: «Калужск. губ., сообщ. А. П. Глинкой». Болѣе точныхъ указаній мѣста и времени записи нѣтъ.

Смоленской губерніи.

91.

Вохъ вы, люди, люди старыя,
Мужуки вы прувуслаўныя,
Охъ, вы братцы, да вы слушайтя,
Во што я буду и-и-сказывати,
Разгаворы разгаваривати:
Во што была при старому царю,
При царю Ивану Васильевичу,
При блаженный яго памяти.
Якъ задумалъ царь жанитца сябѣ,
Іонъ изволилъ іонъ и сватат**и**ся,
Маладую іонъ черкасиницу,
Іонъ и первую амператарницу,
Іонъ и Марію Диментьевну.
Іонъ и многа приданага бяреть:
Гарады́ съ пригаро̀дачками,
Яще сёлы и съ присёлачками,
О деревни и съ памѣщичками;
Іонъ и многа да іонъ пивушка варилъ,
Іонъ и многа зелена вина курилъ,
Іонъ и многа іонъ гастей запрасилъ,
Іонъ и многа князей пазазвалъ.
Уси гости пазъѣхались,
Уси князи пасабралися,
За столики насажалися,
За столики за тесовенькіе,
За скатерти за набѣльчатыя;
Аднаго жъ таго и нѣтути

Да и большига и шурина.
Пріѣзжаить іонъ апослѣ ўсихъ,
Іонъ садитца павыше ўсихъ,
Хлѣба-соли іонъ ня кушаеть,
Бѣла лебядя ня рушаеть,
Зелена вина и ў ротъ ня берёть,
Толька жостка выхваляетца.
Якъ скочеть нашъ царь-государь
На сваё красна крылечушка,
Якъ и свиснеть на Волгу-ряку,
А сы Волги на Острахню,
Сы Острахни въ камянную мать Маскву,
Съ камянноії мати Масквы на тихой жа Донъ:
— «Сабирайтесь съ татаръ и съ быяръ,
Яще сы Данскихъ казаковъ,
Яще да съ найлучшихъ маладцовъ,
Яще сы дваровыхъ людей!»
Выхадили два брата Андреи да ії Андреевичи:
Яны сами-то малёшеньки,
На калѣнушкахъ низёшеньки,
На языкѣ пришяпётываютъ,
Аднинъ на аднаго паглядываютъ,
Усы за усы [1]) закладываютъ.
Якъ узялся жъ и меньшій братъ,
Якъ и скочеть чрезъ семьдесятъ сталоў,
Іонъ и семьдесятъ татариныў убилъ летучи:
— «Охъ, и съ кѣмъ толька сохвачусь,
Охъ, и съ кѣмъ толька я побарюсь,
Сваей силушки правѣдуюсь?»
Якъ и хватить іонъ за правую руку,
Метанёть яго объ землю:
На имъ платьица палопалась,

1) *Уши?*

И сапажонки попалопались,
И шатанёнки далой спалзли.
Выхадила й Марья Дементьевна,
Выхадила на крылечушка,
Выхадила са високага терема,
Гаварила славечушка:
— «Ты, мужикъ, ты мужичій сынъ,
Ты, крапиўныя сѣмечка!
Ой, и многа бъ тябе сѣилась,
Да и мала урадилася!
Што не брать было за правую руку,
Не метать было объ землю,
Не марать было платьтя твѣтныга,
Не пазорить лица бѣлага!»

Записана В. Н. Добровольскимъ отъ 70-ти лѣтняго старика Тимофея Григорьева Михалёва. въ с. Даньковѣ. Смоленскаго уѣзда и напечатана въ «Смоленскомъ Этнограф. Сборникѣ». Ч. IV. стр. 609—610. М. 1903 г.

НАБѢГЪ КРЫМСКАГО ХАНА.

Московская.

92.

А не си́льная ту́ча зату́чилася,
А не си́лніи гро́мы гря́нули:
Кудѣ ѣ́детъ соба́ка Кры́мской царь? [1])
А ко си́лнему ца́рству Моско́вскому:
«А ны́нѣчи мы поѣ́демъ къ каменно́й Москвѣ,
А наза́дъ мы поѣ̀демъ, Рѣза́нь возмѐмъ».
А какъ будутъ они (у) Оки́ рѣки́,
а тутъ они ста́нутъ бѣлы́ шатры́ роста́вливать.

1) Девлетъ-Гирей. сжегшій Москву въ 1571 г. и разбитый въ набѣгѣ 1572 года кн. Михайломъ Воротынскимъ.

«А ду́майте вы ду́му съ цѣла́ ума́:
Кому́ у насъ сидѣть въ каменно́й Москвѣ,
а кому́ у насъ въ Володи́мерѣ,
а кому́ у насъ сидѣть въ Суздалѣ,
а кому́ у насъ держа́ть Рѣзань ста́рая,
а кому у насъ въ Звени́городѣ,
а кому́ у насъ сидѣть въ Новѣгородѣ?»
Выхо́дитъ Диви́-Мурзы́ сынъ Ула́новичъ:
— «А еси́ госуда́рь нашъ, Кры́мской царь!
— а тобѣ́, госуда́рь, у насъ сидѣ́ть въ каменно́й Москвѣ,
— а сыну твоему́ въ Володи́мерѣ,
— а пле́мнику твоему́ въ Суздалѣ,
— а сро́дичу въ Звени́городѣ,
— а боя́рину коню́шему держа́ть Рѣза́нь Ста́рая,
— а меня́, государь, пожа́луй Но́вымъ - го́родо̀мъ:
— у меня́ лежа́тъ тамъ свѣтъ - добры - дни ба́тюшка,
— Диви-Мурза́ сынъ Ула̀новичъ». —

* *
*

Прокли́четъ съ небе́съ Госпо́день гласъ:
«и́но еси́ соба́ка, Кры́мской царь!
«то́ ли тобѣ́ царство не свѣ́домо̀?
«а еще есть на́ Москвѣ се́мьдесятъ Апо́столовъ,
«опри́шенно Трехъ Святи́телей;
«еще е́сть на Москвѣ правосла́вной царь!»

* *
*

Побѣжа́лъ еси́, соба́ка, Кры́мской царь,
не путе́мъ еси́ — не доро́гою,
не по зна́мени не по че́рному!

Пѣсня была записана русскимъ книжнымъ человѣкомъ для англійскаго священника Ричарда Джемса, жившаго въ 1619 г. въ Москвѣ при англійскомъ посольствѣ и проведшаго зиму 1619—1620 гг. въ Холмогорахъ. Перепечатана нами изъ Вып. II, 1 стр. 12—14 «Памятниковъ стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVIII столѣтій», издан. подъ ред. П. Симони Спб. 1907. Ударенія въ текстѣ разставлены акад. Ѳ. Е. Коршемъ.

ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ У СЕРПУХОВА ВЪ 1572 г.

Нижегородской губерніи.

93.

Царь Иванъ Васильевичъ
Копилъ силушку ровно тридцат лѣтъ,
Накопилъ силы сорокъ тысячей,
Накопилъ силушку, самъ въ походъ пошелъ.
Черезъ Москву рѣку переправилса;
Не дошодши города Серпуха,
Становился онъ въ зеленыхъ лугахъ,
При алыхъ свѣтахъ, при лазоревыхъ;
Сталъ онъ силушку переглядывать:
Князьямъ-бояромъ переборъ пришолъ,
Енераламъ всѣмъ, федьмаршаламъ.
Одново изъ нихъ тутъ не лучилося,
Што ни лучьшево слуги вѣрново,
Максима, сына казачьево,
По прозванью-ту Красношшокова.
Сказали царю про Мишиньку:
««Измѣнилъ теѣ, царю бѣлому,
««Придался онъ къ хану турецкому,
««Ко шишиморѣ деревенскому,
««Онъ прельстилса на ёво золоту казну,
««На то ли на платье на свѣтное,
««На тѣхъ ли на сорочинычокъ,
««По нашему — на красныхъ дѣвушекъ»».
По утру-ту было, на зоринькѣ,
На восходѣ красново солнышка,
Не ясенъ соколъ по горамъ леталъ,
Ни бѣлой кречатъ перепархивалъ,
Наша-тъ Мишенька съ полону ѣдетъ,

На турецкомъ чёрномъ шахматѣ[1]),
Везетъ съ собой двѣ сумы переметныя;
Въ сумахъ-ту сидятъ сорочиночки,
Турецкаго хана двѣ дочери.
Не доѣхавши до шатра, самъ съ коня слѣзалъ.
Не дошедши до царя, сталъ низко кланяться:
«Здравствуй, батюшка, православный царь!
«Не вели меня скоро кàзнити,
«Прикажи мнѣ слово молвити:
«Здравствуй, батюшка, православный царь.
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
«Со славнымъ городомъ со Серповымъ!
«Возми ты у меня двухъ полоняночекъ,
«Турецкаго хана двухъ дочерей!»

Записана свящ. Е. Фаворскимъ въ 40-хъ годахъ въ с. Павловѣ, Нижегор. губ. Напечатана въ «Памятникахъ великорусскаго нарѣчія». Спб. 1855. стр. 23—25; перепечатана П. Безсоновымъ въ «Пѣсняхъ Кирѣевскаго». Вып. VI, стр. 190—191.

Астраханской губерніи.

94.

1 Запѣвъ. При давнымъ-то было, при давнымъ-то было давнехонько.
Хоръ. При старымъ-то было старехонько.
2 З. При царѣ-то было
Х. При Иванѣ Грозномъ Васильевичѣ,
При блаженной его памяти,—
3 З. Его памяти.
Х. Какъ грозенъ, грозенъ Иванъ Васильевичъ, —
Какъ копилъ онъ силушку тридцать лѣтъ.

---

1) Ошибка вмѣсто «бахматѣ» (Б.).

4 Запѣвъ. Онъ копилъ тридцать лѣтъ.
Хоръ. Накопилъ онъ силушки — ей смѣты нѣтъ.
Накопивши силу, сталъ полки полчить,—

5 З. Сталъ полки онъ полчить.
Х. Ополчивши полки, самъ въ походъ пошелъ.
Не дошедши до Оки, становиться сталъ,—

6 З. Становиться онъ сталъ.
Х. Не въ своихъ мѣстахъ, во иныхъ онъ мѣстахъ,
Во иныхъ мѣстахъ заповѣданныхъ,—

7 З. Заповѣданныхъ.
Х. Онъ на травушкѣ сталъ на муравушкѣ
И на тѣхъ цвѣточкахъ лазоревыхъ,—

8 З. На лазоревыхъ.
Х. Начиналъ да онъ смѣту дѣлати
Генералушкамъ да фельдмаршаламъ,—

9 З. Онъ фельдмаршаламъ.
Х. Одного-то тутъ не случилося,
Что не лучшаго его воина.

10 З. Нѣтъ его воина,
Х. Того воина Краснощекова;
Измѣнилъ-то онъ царю-батюшкѣ,

11 З. Какъ царю-батюшкѣ.
Х. Измѣнилъ-то онъ службу царскую:
Передался султану турецкому,—

12 З. Султану турецкому.
Х. Какъ прельстился на злато, на серебро,
На его-ли слова все ласковыя,—

13 З. Слова ласковыя.
Х. На ясырочковъ[1]) на молоденькихъ,
На молоденькихъ, на хорошенькихъ,—

14 З. На хорошенькіихъ.
Х. Ни ясенъ соколъ въ перелетъ летитъ,
Краснощековъ-сынъ въ перебѣгъ бѣжитъ,—

---

1) Плѣнницъ.

15 Запѣвъ. Въ перебѣгъ онъ бѣжитъ.
Хоръ. Онъ на добромъ своемъ — конѣ-коникѣ,
Онъ на славномъ конѣ своемъ боцманѣ, —
16 З. Славномъ боцманѣ [1]).
Х. Подъѣзжаетъ онъ ко бѣлу шатру,
И слѣзаетъ-то онъ со добра коня,—
17 З. Со добра онъ коня.
Х. Никому его не приказываетъ,
Ни къ чему его не привязываетъ,—
18 З. Не привязываетъ.
Х. А самъ-то входитъ во бѣлой шатеръ,
Богу молится, низко кланяется, —
19 З. Низко кланяется.
Х. Самому царю на особицу:
«Ужъ ты здравствуй, здравствуй, православный царь,—
20 З. Православный царь!
Х. Здравствуй, батюшка, Иванъ Васильевичъ!
Поздравляю тебя со побѣдушкой,—
21 З. Со побѣдушкою.
Х. Со побѣдушкой — славнымъ городомъ, —
Славнымъ городомъ, со Серпуховымъ, —
22 З. Да со Серпуховымъ.
Х. Ужъ какъ всталъ-то, всталъ православный царь,
Со свово сходилъ онъ мѣста царскаго,—
23 З. Мѣста царскаго.
Х. Ужъ какъ бралъ-то онъ Краснощекова,
Бралъ за правую его рученку,
24 З. Его рученку.
Х. Цѣловалъ его промежъ очей ясныихъ,
Сажалъ правѣй свово мѣста царскаго.

Записана въ Дурновской станицѣ отъ С. А. Чернышева и др. и въ Пичужинской ст. отъ И. И. Киктева и др. Напечатана въ сборникѣ А. А. *Догадина* «Былины и пѣсни Астраханскихъ казаковъ». Вып. I. стр. 5—6. Астрахань 1911 г.

---

1) Искажено вм. *бахмата*.

Терской области.

95.

Грозенъ царь былъ Иванъ Васильевичъ.
Онъ сидѣлъ сидьма ровно тридцать лѣтъ;
Накопилъ онъ силы сорокъ тысячей,
Накопивши силушку, во походъ пошелъ.
Онъ велъ силу свою не дорогою,
Все темнымъ лѣсомъ, братцы, черной грязью,
Подводилъ онъ силу къ Кадаргѣ-рѣкѣ;
Черезъ Кадаргунъ-рѣченьку онъ переправлялся,
Переправившись, онъ останавливался
Да на томъ онъ мѣстѣ на прекрасномъ
И на той онъ травкѣ — на муравушкѣ,
Да на тѣхъ онъ цвѣтикахъ на лазоревыхъ.
Сталъ по силушкѣ король расхаживать,
Свою армію онъ пересматривать:
Всѣмъ князьямъ-боярамъ переборъ пошелъ,—
Одного-то князя не случилося,
Все Михайлушки, братцы, Михайловича,
По прозванью его Гагарина:
Передался онъ, братцы, князю Рымскому,
Князю Рымскому, царю нерусскому,
Не за ту ли онъ казну — за золото,
За тѣ камушки онъ драгоцѣнные. —
Не ясенъ ли соколъ въ перелетъ летитъ:
Какъ Михайлушка на конѣ скачетъ;
Подъѣзжалъ онъ, братцы, ко бѣлу шатру,
Всѣмъ князьямъ боярамъ почтенье отдалъ,
Самому царю на колѣни упалъ:
— «Поздравляю тебя съ новымъ городомъ!»

Записана въ ст. Умаханъ-Юртовской, Грозненскаго Округа, Терской области и сообщена учителемъ Умаханъ-Юртовскаго станичнаго училища В. Кикотемъ въ ред. «Сборника Матеріаловъ для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа», гдѣ и напечатана въ 1893 г., въ Вып. XV, отд. 1. стр. 331—332.

ОСАДА ПСКОВА ПОЛЬСКИМЪ КОРОЛЕМЪ.

Олонецкой губерніи.

96.

Степанъ, Степанъ земли Полоцкой,
Собака царя Крымскаго!
Нафаляется собака на три городы:
На первый на городъ, на Полоцкой градъ,
На другой на городъ, на Великіе Луга,
На третій на городъ, на Обской градъ.
Ёнъ Великіе Луга проходомъ шелъ.
Подъ Обской градъ посла послалъ, —
Самолучшаго поганаго татарина.
Приходилъ ёнъ ко той ко стѣнѣ городовыя,
Онъ и крѣпко кричалъ зычнымъ голосомъ,
Что и всѣ во городѣ услышали:
Вси нѣмцы, французы примудрые,
И тѣ же воеводы московскіе.
И отвицяютъ воеводы московскіе:
«Что не даемъ мы вамъ граду безъ бою,
И безъ бою, безъ драки великія,
Безъ того кровопролитія немалыя;
Уповаемъ на Пресвятую Богородицу,
Не дастъ вамъ собакамъ на поруганіе!»
Тутъ сидятъ три милые братцы названые:
Михайло Скопинъ сынъ Васильевъ князь,
Борисъ Петровичъ Шереметевъ князь,
Микита Вольхонской Романовичъ князь.
Тутъ собака и поворотъ держалъ на Чуренгу рѣку,
Къ Степану королю, къ самолучшему татарину.
И вынимаетъ онъ съ главы колпакъ земли греческой,
И поклоняется собакѣ до сырой земли:
«Ужь ты ахъ же ты, батюшко Степанъ король!

Ходилъ я подъ Обской градъ,
Ко той ко стѣнѣ пришелъ городо́выя;
Я и крѣпко кричалъ зычнымъ голосомъ,
Что и всѣ во городи услышали,
Всѣ нѣмцы, французы премудрые
И тѣ же воеводы московскіе.
Отвицяютъ воеводы московскіе:
— Не даемъ мы вамъ городу, безъ бою,
Безъ бою, безъ драки великіи,
Безъ того кровопролитія немалаго:
Уповаемъ на Пресвятую Богородицу;
Не дастъ вамъ, собакамъ на поруганіе. —
Тутъ сидятъ три милые брателка названые:
Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ князь,
Борисъ Петровичъ Шереметевъ князь,
Микита Вольхонской Романовичъ князь.
Тутъ я и поворотъ держалъ».
Степану королю да за преку пришло,
Да за тую досаду сердецьную,
За тую рану кровавую.
Заправлялъ онъ пушецки свои боевыя,
О двѣнадцати ядерышкахъ свинцевыхъ,
Наbeралъ собака силы по три тьмы и по три тысяци,
И поѣхалъ собака на Обской градъ,
Становился собака за три поприща
До самой Матери Пресвятой Богородици,
И наводитъ собака по семи золотымъ маковицямъ.
Обернулося ядерышко свинцевое,
А Степану королю въ груди черныя.
Вся сила поганая ослѣпнула,
И стала она промежъ собой сичь и сичь,
Не осталось силы и на сѣмяна.

Записалъ учитель Сойдинскаго училища Константинъ Макліоновъ отъ крестьянина деревни Сойды. Вытегорскаго уѣзда. Олонецкой губ. Дементія Ти-

моисеева. Напечатана акад. Л. Н. Майковымъ въ 1885 г. въ «Филологическомъ Вѣстникѣ» и перепечатана въ «Живой Старинѣ» годъ XV-й (1906 г.). Вып. 3-й. отд. 2, стр. 129—130.

Симбирской губерніи [1]).

97.

Копилъ-то король. копилъ силушку.
Копилъ-то онъ, собака, двѣнадцать лѣтъ,
Накопилъ-то онъ силушки — смѣты нѣтъ,
Много, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячъ по́лковъ.
Накоплёмши онъ силы, на Русь пошёлъ.
Онъ на Русь пошёлъ, на три города.
На три города, на три стольные:
На первый на городъ — на По́лотскій,
На другой-то на городъ — Вели́ки Луки,
На третій — на батюшку на Опсковъ градъ.
Онъ и Полотскій городъ мимоходомъ взялъ,
А Вели́ки Луки онъ насквозь прошёлъ.
Подходилъ онъ подъ батюшку подъ Опсковъ градъ,
Становился, собака, въ зелёныхъ [2]) лугахъ,
Садился онъ, собака, во зо́лотъ стулъ,
Смекалъ-то силушку по́ три дни,
По́ три дни и по́ четыре:
Много ли силушки у́было,
А много ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорокъ ротъ,
А прибыло силушки сорокъ полковъ.

---

1) Эта былина объ осадѣ Пскова Баторіемъ. совпадаетъ въ своемъ теченіи съ былиною объ осадѣ Волока Ламскаго Сигизмундомъ. Первоначально она была напечатана П. В. Кирѣевскимъ въ «Денницѣ» 1831 года. И. П. Сахаровъ ее подправилъ и дополнилъ чертами изъ эпохи Ивана; мы приведемъ эти поддѣлки. (Безсоновъ).

2) Въ рукописи П. В. К. «въ зелёныхъ» (Б.).

Тутъ-же онъ, собака, возрáдуется:
«Охъ вы гой еси, мои скорые хожáтели,
«Скорые хожатели и скорые поспѣшáтели!
«Мечи́тесь скоро въ зеленыѐ луга,
«Въ зеленыѐ луга государевы[1])!

. . . .

«Бери свовò кона бахмута[2]),
«Поѣзжай во батюшку во Опсковъ[3]) градъ:
«Во городъ въѣзжай — не спрашивай,
«Ко дворỳ подъѣзжай — не докладывай,
«Во палаты восходи — не бей челомъ,
«Клади ярлыки на дубóвы столы».
За столами сидитъ воевода царёвъ,
Карамышевъ Семёнъ Константиновичъ[4]):
««Охъ ты гой еси, воевода царёвъ,
««Карамышевъ Семёнъ Константиновичъ!
««Отдай городъ Волокъ[5]) безъ бою,
««Безъ бою и безъ драки великія,
««Безъ того уголовія смертнаго!
««Я на первомъ часỳ возьму Опсковъ[6]) градъ,
««На другіемъ часỳ стану чистити,
««На третьемъ часỳ стану столъ становить,

---

1) Здѣсь долженъ быть пропускъ. Прим. П. В. К.—Здѣсь-то, по нашему мнѣнію. надламывается былина и переходитъ въ другую, объ осадѣ Волока (хотя и вставлено имя Пскова. Ходкевича и т., т. е. смѣшаны двѣ былины). — Сахар. такъ дополнилъ пропускъ:

Посылаетъ онъ воеводу своего,
А самъ крѣпко наказываетъ (Б.).

2) Малорослая крѣпкая лошадь. —

3) Сахар. «во Псковъ».

4) Сахар. сообразно съ примѣчаніемъ П. В. Кир., исправилъ (и ниже): «Шуйскій князь Иванъ Петровичъ». —

5) «Названіе Волока», какъ замѣчалъ П. В. К., «вмѣсто Пскова, здѣсь очевидно взято изъ другой пѣсни, вѣроятно похожей на эту содержаніемъ и напѣвомъ». Сахар. исправилъ: «Опсковъ». —

6) Сахар. «Псковъ».—

««Стану пить, веселиться, прохлàдитися [1]);
««Князей твоихъ, бояръ всѣхъ въ полóнъ поберу,
««Донскихъ козаковъ всѣхъ подъ мечъ преклоню,
««А тебя, воеводу, казнить буду!»»
Возгóворитъ воевода царёвъ,
Карамышевъ Семёнъ Константиновичъ:
— Блудёнъ [2]) сынъ, король съ королевичемъ,
— Съ паномъ гетмáномъ Хотенóвичемъ [3])
— И съ воинскимъ конёмъ Вороновичемъ!
— Не отдамъ я тебѣ города [4]) безъ бою,
— Безъ бóю и безъ драки великія,
— И безъ того уголовія смертнаго! —
Какъ со вечера солдаты [5]) причащалися,
Со полýночи ружья чистили,
Ко бѣлòй зорѣ, какъ кýры пропѣли [6]),
Не тучà съ тучёй сходилася [7]),
Не зоря съ зорёй [8]) сомыкáлася,
Сходилися два войска, два великія,
Бѣлаго царя съ королевскіимъ.
Тутъ ѣздитъ — разъѣзжаетъ удáлый - добрый мóлодецъ,
Еще тотъ ли же воевода царёвъ,
Карамышевъ Семёнъ Константиновичъ.
Кому у насъ на бою, братцы, Божья помочь?
Помогъ Богъ воеводѣ московскому,
Карамышеву Семёну Константиновичу:

---

1) Сахар. «прохлажатися» (Б.).

2) Въ рукописи съ перемѣною *у* на *я*, *ё* на *и*. —

3) Такъ въ рукописи, съ замѣткою П. В. К., что это «очевидно испорченное имя Хоткевича»; въ печати стоитъ сіе послѣднее; у Сахар. «Хотковичемъ». —

4) Въ рукописи и у Сахар. «городъ». —

5) У Сахар. исправлено: «ратные». —

6) Въ рукописи «попѣлись», а въ печати исправлено уже по догадкѣ П. В. К. («пропѣлись»). Сахаровъ печатаетъ «пропѣли»: доказательство, что его пѣсня не особая, а передѣлка напечатанной. —

7) Сахар. «сходилася». —

8) Такъ и у Сахарова, а въ рукоп. «съ зорёю». —

Побилъ[1]) силу королевскую,
Всѣхъ ла́тничковъ, сипо́вщичковъ,
Кольчужничковъ, барабанщичковъ.
На силу король самъ-третéй убѣжалъ,
Бѣгучи̂ онъ, собака, заклинается:
«Не дай, Боже, мнѣ во Руси бывать,
«Ни дѣ́тямъ моимъ и ни вну́чатамъ,
«И не вну́чатамъ, и не пра́внучатамъ!».

Записана Языковымъ въ Сызрани Симбирск. губ. Напечатана первоначально П. В. Кирѣевскимъ въ «Денницѣ» 1834 г., перепечатана П. Безсоновымъ въ «Пѣсняхъ», собранныхъ П. Кирѣевскимъ. Вып. VI. стр. 187—190.

ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Архангельской губерніи.

98.

Какъ у насъ было въ каменной Москвѣ,
У Грознаго царя Ивана Васильевича
Столованьице было — пированье, почестный пиръ
На многіе князи и бо́яра.
Бѣлый день идетъ къ вечеру,
Батюшка Грозный царь веселъ сталъ.
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Что же у меня въ бесѣдѣ никто ничѣмъ не хвастаетъ,
«Не хвастаетъ, не похвалится?»
Одинъ бояринъ хвасталъ чистымъ серебромъ,
Другой бояринъ хвасталъ краснымъ золотомъ,
Третéй бояринъ хвасталъ скатнымъ жемчугомъ.
Не золота трубочка востру́била,
Не серебряна сиповочка возы́грала,

---

1) Сах. «побить». — О.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ слово вымолвилъ:
«Не дѣломъ вы, братцы, хвастаетесь,
«Не добромъ вы, братцы, похваляетесь:
«Злато-серебро не о̀ткупа,
«Скатенъ жемчугъ не о̀борона,
«Чистый бисеръ не заступа,
«Какъ я, Грозенъ царь, чѣмъ похвастаю.
«Вывелъ я измѣну изо́ Пскова,
«Вывелъ я измѣну изъ каменной Москвы,
«Казанское царство мимоходомъ взялъ,
«Царя Семіона подъ миръ склонилъ,
«Снялъ я съ царя порфиру царскую,
«Привезъ порфиру въ каменну Москву,
«Крестилъ я порфиру въ каменной Москвѣ,
«Эту порфиру на себя наложилъ,
«Послѣ этого сталъ Грозный царь!»
Тутъ проговорилъ его родимый сынъ:
— Ахъ ты батюшка, Грозный царь,
— Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ!
— Гдѣ тебѣ вывести измѣну изо̀ Пскова,
— Гдѣ тебѣ вывесть измѣну изъ каменной Москвы?
— Можетъ быть, измѣна за столомъ сидитъ,
— Пьетъ-ѣстъ съ тобой съ одного блюда. —
Говоритъ же Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Покажи мнѣ, гдѣ измѣна за столомъ сидитъ?»
Отъ молода царевича на то отвѣта нѣтъ.
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ой вы гой еси, палачи московскіе!
«Вы сказните младаго царевича,
«Выньте изъ груди сердце съ печенью,
Принесите мнѣ на пока́занье!»
Всѣ палачи пріужа́хнулись:
Одинъ Алешка Малютинъ,
Скурлатовъ сынъ не ужа́хнулся,

Скочилъ Алешка изъ застольица,
Выводилъ младаго царевича,
Причита̀лъ Алешка Скурлатовъ сынъ:
««Много казнивалъ князей и бояръ,
««Не казнивалъ рода царскаго:
««Пойти, сказнить младаго царевича!»
Снималъ съ него Але́шка платье цвѣтное,
Надѣвалъ на него платье черное,
Посадилъ его на добра коня;
Младый царевичъ напередъ ѣдетъ,
Алешка Скурлатовъ позадѐ ѣдетъ,
Острый палашъ на плечѣ держи́тъ.
Перепала скорая вѣсточка
Дядѣ Никитѣ Романову.
Дядюшка былъ труденъ-боленъ,
Труденъ-боленъ, — объ одной ногѣ,
Рази́лся [1]) онъ скоро на конюшій дворъ,
Обсѣдлалъ своего добра коня,
Ухватилъ съ собой конюха любимаго,
Поѣхалъ скоро на чисто поле,
И кричитъ-зычитъ громкимъ голосомъ:
— Воръ, собака, Малюта Скурла́товъ сынъ!
— Отдай мнѣ-ка младаго царевича,
— Сказни конюха моего любимаго,
— Вынь изъ груди сердце съ печенью
— И свези царю на показанье! —
Алешка Скурлатовъ послушался,
Отдалъ ему младаго царевича,
Сказнилъ конюха его любимаго,
Вы́нялъ изъ груди сердце съ печенью
И привезъ Царю на показанье.
Ото сна встаетъ царь Иванъ Васильевичъ, пробужается,

1) Бросался (Б.).

Своего сына онъ хватается,
Своего сына Дмитрія царевича.
Прознавъ дѣло, рвется и мечется,
И говоритъ таковы рѣчи:
«Ой вы, слуги мои вѣрные!
«Вы зачѣмъ меня не у́няли,
«Вы зачѣмъ попустили на дѣло окаянное?»
Отвѣчаютъ ему слуги вѣрные:
««Ой ты батюшко, Грозный царь,
««Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ!
««Не посмѣли мы перечить тебѣ,
««Убоялися мы твоего гнѣва скораго!»»
Услышалъ царь Иванъ Васильевичъ
Радость-веселіе у Никиты Романова;
Грозному царю за бѣду стало,
За бѣду стало за великую;
Ухватилъ онъ копьё острое,
Бѣжитъ къ дядѣ Никитѣ Романову.
Во хоромахъ у Никиты Романовича пиръ на ве́село
Учу́лъ онъ у своихъ гостей:
««Бѣжитъ»», говорятъ, ««царь Иванъ Васильевичъ,
««Во рукѣ держитъ копье острое,
««Бѣжитъ прямо къ нему, къ Никитѣ Романову»».
Не досугъ Никитѣ гостей чевствовать:
Бросился онъ на крылечко стекольчато,
Въ стрѣту ладитъ царю Ивану Васильевичу.
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Аль ты радъ, Никита Романовичъ,
«Моему несчастью великому,
«Аль ты веселишься казни сына моего любимаго?»
Замахнулъ онъ копье острое, —
Тялъ въ ногу Никитѣ Романовичу.
Отвѣтъ держитъ Никита Романовичъ:
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!

— Погляди-ко ко мнѣ во большой уголъ! —
Поглядѣлъ царь во большой уголъ, —
Увидѣлъ сына своего, Дмитрія царевича:
Сидитъ веселъ и здоровъ во большомъ углу.
Царь нашелъ въ томъ радость великую,
Закурили на радостяхъ зелена вина,
Заварили на радостяхъ меду пьянаго,
Пировали на радостяхъ почестный пиръ.

Записана А. Харитоновымъ въ Шенкурск. у. Арханг. губ. и доставлена П. Кирѣевскому В. И. Далемъ. Напечатана въ «Пѣсняхъ», Вып. VI, стр. 98—101.

Архангельской губерніи.

99.

Какъ у насъ было въ каменнòй Москвѣ,
У гвознаго царя Ивана Васильевича,
Столованье было — пированьице, почестный пиръ
На многіе князья — на бояра.
Бѣлой день идетъ къ вечеру;
Батюшко Грозный царь веселъ сталъ.
Говоритъ же Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Что жь у меня въ бесѣдѣ никто ничѣмъ не хвастуетъ?»
Одинъ бояринъ хвастуетъ чистымъ cе́ребромъ,
Другой похвасталъ чистымъ бисеромъ,
Третій похвасталъ скатнымъ же́мчугомъ.
Говоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Злато - серебро не отку́па,
«Чистый бисеръ не оборона,
«Скатенъ жемчугъ не засту́па
«Чѣмъ я, Грозный царь Иванъ Васильевичъ, похвасту́ю?

«Вывелъ я измѣну изъ Обска[1]),
«Вывелъ измѣну изъ каменной Москвы,
«Казанское царство мимоходомъ взялъ,
«Царя Семёна подъ миръ[2]) склонилъ,
«Снялъ съ царя порфиру царскую,
«Привелъ я порфиру въ каменнў Москву.
«Крестилъ я порфиру въ каменнȯй Москвѣ,
«Эту порфиру на себя поло́жилъ,
«Послѣ того я сталъ пресвитеръ-царь,
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!»
Тутъ проговоритъ его родимый сынъ:
— Ахъ ты батюшко, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Гдѣ тебѣ вывести измѣну изъ Обска,
— Гдѣ тебѣ вывести измѣну изъ каменнȯй Москвы!
— Можетъ быть, измѣна за столомъ сидитъ,
— Пьётъ-ѣстъ-кушаетъ съ одного блюда.—
Говоритъ же Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Говори мнѣ, гдѣ измѣна за столомъ сидитъ?»
Отъ молодаго царевича на то отвѣта нѣтъ.
Говоритъ же Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ой вы гой еси, палачи московскіе!
«Сказните молодаго царевича,
«Выньте сердце съ пе́ченью,
«Принесите мнѣ на показанье!
Всѣ палачи пріужа́снулись,
Одинъ Алёша Малютинъ,
Скурлатовъ сынъ не ужа́снулся,
Вскочилъ Алёша изъ за стола,
Выводилъ молодаго царевича.
Говоритъ Алёша Малютинъ сынъ:
««Много ка́знивалъ я князей-бояръ.

1) Изъ Пскова.
2) Писано по скобленному; обыкновенно: «подъ мечъ». (Б).

««Не казнивалъ рода царскаго:
««Пойти, сказнить молодаго царевича!»
Снималъ съ него платье цвѣ́тное
Надѣвалъ на него платье черное,
Посадилъ его на добра коня.
Молодой царевичъ напередъ ѣдётъ,
Алёша Малютинъ позади ѣдётъ,
Вострый палашъ не плечѣ везетъ.
Перепала скорая вѣсточка
Дядѣ Никитѣ Романову:
Дядюшка былъ трудёнъ-болёнъ,
Трудёнъ-болёнъ, — объ одной ногѣ.
Бросился онъ скоро на конюшной дво́ръ,
Обсѣдлалъ своего добра̀ коня,
Ухватилъ скоро конюха любимаго,
Поѣхалъ скоро на чисто̀ полё,
И кричитъ зычнымъ-громкимъ голосомъ:
— Воръ, собака, Малюта Скурлатовъ сынъ!
— Отдай мнѣ-ка младаго царевича,
— Сказни конюха любимаго,
— Вынь сердце у его съ печенью,
— Свези царю на пока́занье! —
Алёша Малютинъ послушался,
Отдалъ онъ молодаго царевича,
Сказнилъ конюха любимаго,
Вынялъ сердце у его съ печенью,
Повезъ къ царю на пока́занье.
Отъ тоски встаетъ царь Иванъ Васильевичъ,
Своего сына онъ хватается,
Своего сына Дмитрія царевича
Прознавъ дѣло, рвётся-ме́чется
И говоритъ таковы рѣчи:
«Ой вы слуги мои вѣрныё!
«Вы зачѣмъ меня не у́няли,

«Вы зачѣмъ попустили на дѣло окаянное?»
Отвѣчаютъ его слуги вѣрные:
««Ой ты батюшка нашъ, Грозный царь,
««Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ!
««Не посмѣли мы перéчить тебѣ.
««Не посмѣли разговáрить твои рѣчи царскія.
««Убоялися мы твоего гнѣва скораго»».
Онъ услышалъ радость, веселіе,
У дяди у Никиты Романова: —
Грозному царю за бѣду стало,
За бѣду стало за великую;
Ухватилъ онъ копье óстроё,
Бѣжитъ къ дядѣ Никитѣ Романову.
Въ хоромахъ у Никиты Романовича
Пиръ на весело.
Учýлъ онъ у своихъ гостей:
««Бѣжитъ»», говорятъ, ««Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
««Въ рукѣ держитъ копье востроё,
««Бѣжитъ прямо къ ему, къ Никитѣ Романову»».
Не досугъ Никитѣ гостей чествовать:
Онъ бросился на крыльцо стекольчато,
Въ стрѣту ладитъ царю Ивану Васильевичу.
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Аль ты радъ, Никита Романовичъ,
«Моему несчастью великому?
«Аль ты веселишься,
«Что я сказнилъ своего сына любимаго?»
Замахнулъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Свое копьё вóстроё,
Тяпъ въ ногу Никитѣ Романовичу.
Отвѣтъ держитъ Никита Романовичъ:
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Погляди-ко ко мнѣ въ большой уголъ. —
Поглядѣлъ онъ въ большой уголъ, —

Увидалъ сына своего Дмитрія царевича:
Сидитъ здравъ и невредимъ у дяди въ большомъ углу.
И нашелъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Въ этомъ радость великую.

Записана (не безъ подправокъ) адмир. Кузмищевымъ въ Шенкурск. у., Арханг. губ. Напечатана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. Кирѣевскимъ». Вып. VI, стр. 94—97.

Архангельской губерніи.

100.

Ай мнѣ сьпѣть мнѣ ка стари́нушку старинную,
Шьто старинную старинушку, бывалую
Про того-ли сьпѣть царя, царя москоського,
Про Ивана-та сьпѣть всё про Васильевича.
Какъ во матушки-то было въ камянно́й Москвы,
А у Грозного царя было Ивана-свѣтъ Васи́льёвича,
Заводилась у ево́ бесѣдушка всё тихая,
Ай вѣдь тихая бесѣдушка смиренная;
Тутъ заводилсэ у царя-та всё поцесёнъ пиръ,
Поцесёнъ-отъ пиръ да тутъ на весь на міръ:
Ай на тѣхъ-ли на князей, гостей торговыихъ,
Ай на сильнихъ на могуціихъ бога́тырей.
Ай вѣдь вси тутъ на пиру-ту напивалисе;
Пьютъ они, ѣдятъ, да сами кушаютъ,
Ай вѣдь бѣлиньку лебедочку всё рушаютъ;
На пиру-ту они всѣ-то, всѣ захвастали;
Ай богатой-отъ хвастатъ золотой казной,
Какъ бога́тырь-отъ хвастатъ могучо́й силой,
Ай какъ глупой-отъ хвастатъ молодой жоной,
Ише мудрой-отъ хвастатъ всё родной сестрой.

Говоритъ-то Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ,
По полатушки-то самъ-собой похаживатъ:
«Мнѣ похвастать разьвѣ мнѣ, да ца́рю Грозному.
Я могу-то всё могу да я похвастать-то;
Ненапрасно буду хвастать, такъ я зьдѣлаю:
Я повыведу измѣну исъ Чернигова,
Я повыведу измѣнушку исъ Кiева,
Я повыведу измѣнушку изъ матушки исъ камянно́й Москвы».
Говорятъ ёму смѣлы́ да всё сьмѣлёшенько,
Не боятьце-то Грозно́го-то царя всё бѣлого.
Говорили-ти князья всё во одно слово:
— Ужъ ты гой еси, нашъ Грозной царь Иванъ Васильёвицъ!
Ты не выведёшь измѣнушку изъ Новго́рода.
Не вывесьти измѣнушки тебѣ исъ Кiева,
Да не вывесьти тибѣ изъ матушки исъ камянно́й Москвы;
Ишше тотъ у насъ, у насъ выведётъ измѣнушку,
Шьчо вѣдь выведётъ да изъ Новго́рода,
Онъ повыведётъ у насъ да всё исъ Кiева,
Онъ повыведётъ у насъ изъ матушки исъ камянно́й Москвы—
И которо-то вѣдь цядышко твоё любимоё:
Онъ теперь вѣдь всё подлѣ тобя сидитъ,
Ишше тотъ-ли младъ Өёдоръ-отъ Ивановичъ.
Не потухнётъ-то свѣшша вѣдь наша воску-ярова;
Ай на комъ загоритъ наша свѣшша-та воскоярова.
Зацаритъ у насъ царёмъ вѣдь Өёдоръ, всё царевиць младъ,
Ай царевиць младъ Өёдоръ — свѣтъ Ивановиць;
У насъ всё тогда въ Москвѣ-то будетъ похорошому.
Розгрубилось у царя-то ретиво́ серьцо,
Ретиво ево серьцо, всё кровь горячая;
Выбѣгаетъ Грозёнъ царь Иванъ Васильёвиць,
Выбѣгаетъ онъ скоренько на красно́ крыльцё,
Онъ крыцитъ-то своимъ да зыцьнимъ голосомъ:
«Вы бѣгите, вы идите ко мнѣ вы крутёхонько,
Палачи вы всѣ мои всё немило́сьливы».

Палачи-ти всѣ вѣдь тутъ да испугалисе,
По домамъ они скоренько розьбѣга́лисе,
На крѣпки́ они замки всё замыкалисе:
Тольке тутъ не убоялсэ единъ онъ тутъ,
Ай по имени Малю́та сынъ Скурла́тьевъ былъ.
Ёнъ бѣжитъ-то всё къ царю всё не съ упа́дкою:
«Почему ты эдакъ каркашь. ты всё Грозной царь,
Ище Грозной ты царь Иванъ Васильевичъ?
Ты крыцишь-то, ты крыцишь да непопутьнёму»?
Говоритъ-то Грозной царь Иванъ Васильевичъ:
— Ты поди, поди, Малюта всё Скурлятовъ ты,
Ты поди прямо въ полаты ко мнѣ царьскія,
Ты бери, бери единую жемцюжину,
Ты еди́наго моёво цяда милого
Шьчо по́ имени Ѳёдора Ивановича;
Ты возьми поди ево за рученьку за правую,
Поведи ево на по́лё на Кули́ково,
Ойми́-ко ты со спички саблю вострую,
Отсѣки по плець его да буйну голову,
Принеси ко мнѣ всё сабельку кровавую. —
Онъ вѣдь бралъ ево за руцењку за правую.
Ай приходитъ скоро царь въ полатушки свои во царьскія.
Ай во царскія полаты бѣлокамянны;
Тутъ заплакали многи́ да люди добрыя,
На пиру-ту всѣ кнезья да всѣ вѣдь бо́яра:
«Шьчо потухла-то свѣшша вѣдь воску ярова,
Укатилась скацёна́ наша жемцюжинка,
Ай не стало-то на царсьви вѣдь царевиця
Ай того-ли Ѳёдора у насъ Ивановича!»
Надѣвали тотъ народъ, да люди добрыя
Они чёрное всё платьичо, печальнёё.
Ай во ту-ту вѣдь пору́ было́, во то время,
Увидалъ-то тутъ какъ всё вѣдь изъ окошоцька
Любимой-отъ ево всё милой дядюшка

Ишше тотъ ли князь Никитушка Романовиць;
Онъ не самъ хошъ увидалъ, да услыхалъ-то онъ:
Донесьли-то ему да кня́зья, бо́яра.
Отдавалъ онъ молодого-то взамѣнъ своёго ключничка.
Отнималъ-то онъ любимаго племянницька,
Шьчо того-ли онъ Ѳёдора Ивановича;
Онъ берётъ ево за рученьку за правую.
Онъ чѣлуётъ всё въ ево уста саха́рныя:
«А вѣдь тотъ ли вамъ кусъ да не вамъ кушати!»
Отьсѣкали-то у мла́дого у клюцьницька,
Отсѣкали-то ево да буйну голову,
Привезли ко царю саблю́ кровавую.
Воротилъ-то дядюшка племянницька,
Онъ избавилъ-то его отъ сьмерти скорыя,
Онъ отъ скорой ево сьмерти отъ напрасною.
Собираётъ князь Микитушка Романовичъ,
Собираётъ для племянничка почесёнъ пиръ;
Всё палитъ-то онъ исъ пушокъ беспрестанно тутъ.
Какъ изъ мелкого оружья безуты́шно-то.
Ай у Грозного царя Ивана-та Васильёвича
Ище пушки у ево всё — не по старому,
Шьчо изъ мелкого оружья обсѣкаитьце;
Посылатъ-то онъ скоры́хъ пословъ скорёхонько:
«Вы зовите моево вы шурина,
Моево вы шурина любимого,
Вы того зовите-ко Микиту всё Романовича:
Онъ вѣдь пусьть придётъ, меня въ печали-то посмотритъ-то,
Онъ посмотритъ меня да посѣтитъ пушшяй».
Тутъ приходятъ къ ему да такъ скоры́ послы:
«Ты пойдемъ, пойдемъ, Микита - князь Романовичъ!
Ай зовётъ нашъ Грозенъ царь Иванъ Васильёвичъ».
Тутъ пошолъ-то онъ да такъ скорёшенько;
Приходитъ онъ ко Грозному царю Иванъ-Васильёвичу.
Говоритъ-то Грозной царь Иванъ Васильёвиць:

«Шьчо же милой ты, любимой мой ты шуринъ-отъ,
Ай-ли тотъ ли Никита-свѣтъ Романовицъ!
У тя пушки-ти палятъ да всё постарому,
Всё постарому палятъ у тя, попрежному,
А изь мелка оружья́ не обсѣкаютце;
Ты не знаёшь про меня разьвѣ незгодушки,
Про моёго ты про мла́дого царевиця,
Про того-ли ты про Ѳёдора Ивановича?
Какъ одна была у мня скачо́ная жемчужинка,
А одна была снали́вна сла́дка ягодка;
Ай свалиласе у мня, да укатиласе —
Шьчо единъ-отъ у меня да сынъ любимой мой,
Ише тотъ-ли у мня Ѳёдоръ-отъ царевиць младъ,
Шьчо царевиць у мня младъ да свѣтъ-Ивановиць!».
Говоритъ-то ёму шуринъ-отъ любимой-отъ
Ише тотъ-ли Никита - свѣтъ Романовиць:
— У миня-то, всё любимой ты вѣдь зеть ты мой,
У мня всё идётъ постарому, попрежному,
У мня всё-то дѣло дѣлаитце подосе́льнёму:
Ай поце́сёнъ у мня пиръ идётъ наве́сели,
Шьчо навесели идётъ у мня на радосьти:
Безуты́шно мы палимъ да въ пушки всё,
У мня мелко оружьё не обсѣкаитьце;—
Шьчо пріѣхалъ вѣдь ко мнѣ всё небывалой гось,
Небывалой ко мнѣ гось да долго-жда́ной-отъ
Шьчо по имени вѣдь Ѳёдоръ - свѣтъ Ивановиць,
Ай любимой мой милой всё племяньницёкъ. —
Говоритъ-то Грозенъ царь Иванъ Васильёвиць:
«Ты любимой мой, ты шуринъ, ты Никита-свѣтъ Романовиць!
Ай обрадовалъ теперь моё да ретиво́ серьцо,
Воротилъ ты у миня сына единого,
Ай того ли у мня мла́дого царевиця
Ай по имени Ѳёдора Ивановиця,
Дорогую ты мою круглу жимцюжинку,

Виноградную наливну сладку ягодку.
Мла́дого ты Өёдора царевиця!»

Записана А. В. Марковымъ въ д. Нижняя Золотица, Арханг. губ., на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря отъ Аграф. Крюковой. См. «Бѣломорскія былины». № 37. стр. 190—194.

Архангельской губерніи.

* 101.

Безъ отця, безъ матушки живутъ люди,
Безъ роду, безъ племени бога́тѣютъ;
Безъ Божьей милосьти жить не́можно.
Когда восіяло сонцё красноё,
Когда уродилсэ, братцы, свѣтёлъ мѣсець,
Тогда воцярилсэ нашъ-отъ грозенъ цярь,
Ише грозенъ hосударь Иванъ Васильёвиць.
Ише здумалъ туто цярь подъ Казань подходить.
Казаньсько́ онъ цярсьтво мимоходомъ бралъ,
Казаньска́ царя онъ со степе́ни збилъ,
Съ его снялъ порфиду златоцярськую.
Заводилсэ у ёго поцесьтенъ пиръ
На всихъ на кня́зей, на бога́тырей.
Ише вси на пиру напивалисе,
Ише вси на пиру росхвастались:
Ой, хвастатъ богатой богачесьтвомъ,
А другой хвастатъ добры́мъ конёмъ,
Безумной хвастатъ молодой женой,
Неразумной хвастатъ родимо́й сестрой.
Какъ похвастатъ грозенъ цярь Иванъ Васильёвиць.
Онъ похвастатъ своей силушкой богатырьскою:
«Я вздумалъ подъ Казань подходить;

«Казаньское царьство мимоходомъ бралъ,
«Казаньска́ царя со степе́ни збилъ,
«Съ его сынялъ порфиду златоцярськую,
«Я повывелъ измѣну изъ Цернигова,
«И повывелъ я измѣну изъ Данилова».
«Возго́воритъ Ѳёдоръ Ивановиць:
— Ты повывелъ измѣну изъ Цернигова
— И повывелъ измѣну изъ Данилова,
— А не вывелъ ты измѣны изъ каменно́й Москвы. —
Онъ зглянетъ на Ѳёдора мутны́мъ око́мъ,
Онъ скрыцитъ на Ѳе́дора яры́мъ сердцёмъ:
«Ты дай-ко мнѣ да виноватого».
Тутъ сидитъ-то Ѳёдоръ дай выдумыватъ:
«Мнѣ на брата сказать — будё брата жаль,
«На сусѣда сказать, дакъ цюжа крофъ пролить,
«А на себя сказать — мнѣ виновату быть.
«Сказать мнѣ на брателка родимого,
«На того Микитушку Романовиця».
— Сидитъ виноватой за еднымъ столомъ,
— Онъ ужъ пьётъ-ѣсъ да съ одного блюда,
— Съ одного блюда дай одной ложецькой. —
Онъ скрыцялъ грозенъ царь яры́мъ сердцёмъ:
«Ой же, пановя, улановя,
«Ишше тѣ палаци немило́сьливы,
«Вы берите Ѳёдора за бѣлы́ руки,
«Увозите его во чисто́ полё».
Вси палаци да испугалиси,
Вси по за́столью захоронилиси;
Одинъ Малюта не пугаитце,
Не пугаитце да й не поло́хаитце,
Ишше тотъ Малюта Воскуратовиць.
Онъ назды́мывалъ камоцьку мелкотравцяту,
Онъ бралъ Ѳёдора за бѣлы́ руки,
Увозилъ Ѳёдора въ чисто́ полё.

Узнала его матушка родимая,
Пришла къ Микиты Романовицю:
«Какъ потухла зоря раноутрянна,
«Погасиласи свѣця воску ярого!»
Тутъ не множко Микита розговаривалъ;
Онъ надёргивалъ сапожки на босу́ ногу,
Накидывалъ шинель на одно плецё,
Надѣвалъ шляпу да на одно ушко,
Бралъ коня да необсѣ́длана,
Необсѣ́длана да необуздана,
Ѣдетъ Микита по цисту́ полю,
Онъ рукой машотъ дай голосо́мъ крыцитъ:
«Ой же вы, народъ да православныя!
«Ишше дайте дорожному дороженьку,
«Розодвиньтесь-ко вы на двѣ сторонушки».
Вси Микитушку послушали,
На двѣ стороны вси роздвинулись, —
Ино ѣдетъ Микита во цисто́ поле,
Онъ рукою машетъ дай голосо́мъ крыцитъ:
«Ой же ты, Малюта Воскуратовиць!
«Ужъ ты этотъ кусокъ съѣшь, дакъ и подависьсе;
«Тебѣ тѣмъ кусоцькомъ задавитисе,
«Тебѣ той кровью захлебнутисе!»
У Малюты серцё дрогнуло,
Пала сабля на сыру́ землю́,
Думаетъ Малюта, шшо послы пришли.
Онъ бралъ Ѳёдора за бѣлы́ руки,
Посадилъ Ѳёдора на добра́ коня.

У ихъ завелось молебство въ церквы: вси идутъ въ платьи...

Ишше ѣхалъ Микита въ камену́ Москву.
Выбиралъ у вдовы сына на одно лицё
Со тѣмъ ли со Ѳёдоромъ царевицёмъ;
Дали денежекъ пятьсотъ рублей.

И превёзъ Микита брателка родимого,
Онъ ведётъ брателка во Божью́ церковь.
Говорятъ народъ православныя:
«Што же ты, Микита сынъ Романовиць?
«Вси идутъ народъ въ цёрномъ платьици,
«А ты идёшь въ свѣтломъ платьици?»
Онъ поблизку́ подвигаетце,
Понизёхоньку поклоняитце:
«Есь ли виноватому да прошшеньицё,
«Прошшеньицё да й блаһословленьицё?»
— Есь ли, нѣтъ, да взять не́откудь. —
«Ешше есь ли виноватому прошшеньицё,
«Прошшеньицё да й блаһословленьицё?»
— Тебя Бохъ просьтитъ, Микитушка, не знаю въ цёмъ.—
Бралъ онъ брата за бѣлы́ руки,
Выводилъ за стоецьки[1]), во Божью́ церкву.

Грозной царь приказалъ убить Θёдора и принесьти голову на показъ. Ему принесьли голову вдовиного сына. Когда цярь увидѣлъ своего сына живого, у ихъ наця́лсэ пиръ наве́сели.

Записана А. В. Марковымъ въ 1909 г. въ д. Гридинѣ, Кемск. у., Арханг. губ., отъ крестьянки Августы Ивановой.

---

* Архангельской губерніи.

102.

Когды восіяло соньцё красноё,
Тогды воцярилсы грозёнъ цярь,
Грозёнъ цярь Иванъ Васильёвиць.
И задумалъ цярь подъ Казань пойти,

---

1) По объясненію пѣвицы, на средину.

И Казаньскоё цярьство мимоходомъ взять
И казаньского цяря со престола снять,
Снять съ ёго корону цярьскую.

Потомъ пиръ завёлсы у ёго; на пиру онъ и захвасталъ:

«Я вывелъ измѣнушку изъ Казань-града
«И вывелъ изъ Тульского, изъ Тобульского,
«И вывелъ измѣну изъ Нова́града:
«Ешше выведу изъ Чернигова».

Старшей сынъ его поперечилъ:

— Ты вывелъ измѣну изъ Казань-града.
— А не вывелъ изъ Тульского, изъ Тобульского. —

Младшей сынъ милостивъ былъ.... и помиловалъ.. «Подай мнѣ виноватого», говоритъ царь. Братъ-то и озябъ:

— На́ брата сказать — брата жаль;
— На́ друга сказать — цюжа крофъ пролить. —
Пришло сказать на брата родимого,
На того Ѳёдора цяревичя.

И россердилсо грозенъ цярь, скричялъ: «Возьмите моего сына, везите его

«Ко теѣ́ ко плахи ко кленовыи,
«Ко теѣ́ ко ляги[1]) ко кровавыи
«Рубить-казнить съ плечь буйну голову».

Всѣ испужались. Малюта Вошкуратьёвичь поднялъ руки на́роды на цярьскіи, увозилъ Ѳёдора цяревичя. Вси няньки, мамки испужалиси,

Побѣжали къ Микитушки къ Романовичю,
Ко тому дядюшки любимому:

---

1) Ляга — озерцо среди болота. А. М.

«Ужъ ты дядюшка, Микита князь Романовичъ!
«Ужъ ты сьпишь, лежишь, высыпаишьси,
«Ничего не знашь, не вѣдаешь:

Какъ не стало на Руси племянника твоего любимого, Ѳёдора царевичя. Тутъ со сна пробужалсэ Микита князь Романовичь;

Са́пожки одѣлъ на босу ножку,
Сертучокъ броси́лъ на одно плечё,
Шляпочьку броси́лъ на одно ушко,
Прямо садилсы на добра́ коня
И прямо поѣхалъ по городу.

Стоитъ народъ толпамы.

«Ой же вы, народъ православныи!
«Пропусьтите князя Микиту Романовичя».

Выѣхалъ на чистое поле;

Шляпою машетъ, голосо́мъ кричитъ:
«Ахъ ты сукинъ сынъ, Малюта сынъ Шкуратьевичь!
«Поднялъ руки на́ роды на царьскіи;
«Етотъ колачь сьѣшь, дакъ подависьсе!»

Пріѣхалъ. Малюта саблю опусьтилъ. Ѣзьдили по посельницямъ, искали тако же лицё, молодого юношу. Купили, голову сказьнили, привезьли кь царю. Прошло колько времени. Пиръ завёлсэ. Царю стало жалко сына. Микита говоритъ: «Есь ли прошшенье виноватому?.. Смотри, не пятьсе»... Тутъ пиръ завёлсэ и вза́больне́й[1]).

Записана А. В. Марковымъ въ 1909 г. въ д. Гридинѣ, Кемскаго у., Арх. губ., отъ крестьянина Ивана Матв. Мяхнина.

---

1) Настоящій, дѣйствительный. А. М.

Архангельской губерніи.

103.

Откуль восіяло сонцо красноё[1])
Да катилосе по небу по ясному;
Да тогда воцарилса нашъ грозной цярь
Да нашъ грозной царь да Иванъ Васильёвицъ.
Да лишь успѣлъ царь-государь на царство стать,
Лишь успѣлъ цярь-государь зацярствовать, —
Заводилось пированьицо, почестёнъ пиръ,
Да на всихъ-то князей, на всихъ-то на бо́яровъ,
На всихъ руськихъ могуцихъ богатырей,
Да на всихъ поленицъ да на удалыихъ,
Да на всихъ палацей да немилосливыихъ.
Да ище вcѣ на пиру да напивалисе,
Ище вси на чосномъ наѣдалисе:
Ище вси на пиру да приросхвастались:
Да иной хвастаетъ сабелькой вострою,
Да иной хвастаетъ палицой тяжолою,
Да иной смѣткой, удацею богатырскою,
Да иной вѣть хвастатъ золотой казной,
Да безумной-отъ хвастатъ молодой жоной,
Неразумной-отъ хвастатъ родимой сёстрой,
Да разумной-отъ хвастатъ отцомъ — матушкой.
Да одинъ сидитъ Добрынюшка Ивановицъ,
Да (не) ѣстъ, ни пьётъ, ницимъ не хвастаётъ.
«Что же ты, Добрынюшка Ивановицъ,
«Да не ѣшь, ни пьешь да ницимъ ни хвастаёшь?
«Да теперь я царь-государь похвастаю,
«Да я повывёлъ три измѣнушки великія:

1) «Эту старину А. И. Лейновой пѣла «Марѳа Вахрамѣева, 90 л., слѣпая», отъ которой она ее выучила» (Григ.).

«Да ужъ я перву измѣнушку изъ Лопского[1]),
«Ужъ я другу измѣнушку изъ Тотарьского,
«Ужъ я третю изъ матки камянной Москвы».
— Да теперицу измѣнщикъ за однымъ столомъ,
— Съ одного блюда ѣстъ да со мной кушаётъ,
— Съ одного-то коньця цвѣтно платьё ношаётъ; —
— Мнѣ на братьця сказать, да мнѣ-ка брата жаль,
— На себя мнѣ-ка сказать, да головы отстать,
— Да скажу лутше на братца на родимого
— Да на младого на Ѳёдора Ивановица. —
Да тутъ не синоё морё сколыбалосе, —
Да царьское серце розгорѣлосе.
Да скрычалъ вѣть тутъ цярь да во первой наконъ:
«Ужъ вы ой еси, вси князя́, вси бо́яра,
«Да вси руськіи сильніи богатыри,
«Да ище вси палачи да немилосливыи!
«Да вы берите-тко да младого цяревиця,
«Скоро младого Ѳёдора Ивановиця
«За ёго ли за рученьки за бѣлыи,
«За ёго ли за персни злацоныя;
«Вы бериты ёго во полё во Куликово
«Да ко той ли ко плашеньки ко липовой,
«Да ко той ли ко ляги кровавые,
«Да срубить у него да казнить голову,
«Положить бы главу да на золото́ блюдо;
«Принесите передъ оци, оци царскіи,
«Цярскіе оци королевскіи».
Да бояра вси да утули́лисе;
Палаци вси тутъ да схорони́лисе:
Да какъ большой палацъ кроитсе за среднёго,
А середнёй-отъ хоронитсе за ме́ньшого,
Отъ меньшо́го палацця царю отвѣту нѣтъ.

1) Вѣроятно искажено: *изо Пскова.*

Да скрыцалъ тутъ вѣть цярь во второй наќонъ:
«Ужъ вы ой еси, князя, вси бо́яра.
«Да вси сильны могуци бога́тыри,
«Ище вси палаци да немило́сливы!
«Да вы берите да мла́дого царевица,
«Скоро младого Өёдора Ивановица
«Да за ёго ли за рученьки за бѣлыи,
«Да за ёго ли за персни за злачоныи;
«Вы берите ёго во по́лё во Кули́ково
«Да ко той ли ко плахи ко липовой,
«Да ко той ли ко ляги кровавые,
«Да срубить у ёго́ да буйну го́лову,
«Положите главу да на золото блюдо;
«Принесите передъ оци, оци царскіе».
Да бояра вси да утулилисе;
Палаци эты вси да схорони́лисе:
Да какъ большой-отъ хоронитсе за середнёго,
Да середнёй-тотъ хоронитсе за ме́ньшого,
Отъ меньшого палаца царю отвѣту нѣтъ.
Да скрыцалъ тутъ вѣдь царь во третей наконъ:
«Ужъ вы ой еси, князи, вси бояра,
«Да вси сильни могучи богатыри,
«Да ище вси палачи да немилосливы!
«Да берите-тко младого да царевица,
«Ско́ро мла́дого Өёдора Ивановиця
«За ёго ли за рученьки за бѣлыи,
«За ёго ли за персни за злацоные;
«Вы вёдите ёго во полё во Кули́ково
«Да ко той ли ко плашеньки ко липовой,
«Да ко той ли ко ляги кровавыи
«Да сказнить скоро буйную го́лову,
«Положите главу да на злато́ блюдо̀,
«Принесите передъ оци, оци царскіе,
«Царскіе оци королевскіе».

Да бояра вси вѣть да утулилисе;
Палаци вси-ты схоронилисе:
Да какъ большой-отъ хоронитсе за середнёго,
Середнёй-тотъ хоронитсе за меньшого,
Отъ меньшого палаця царю отвѣту нѣтъ.
Да изъ того ли изъ угла изъ две́рного
Да со той ли со скамеецки со дубовыи
Да повыскоцилъ Малютушка, Скулатовъ пёсъ:
«Да какъ это дѣло не на́шоё;
«Да какъ нашо-то дѣло поднацельноё,
«Подначальноё дѣло повелённоё:
«Да ищо що намъ велятъ, то и дѣлаёмъ.»
Да какъ вѣть тутъ бралъ скоро младого царевиця
Да какъ младого Ѳёдора Ивановиця
За ёго ли за руцьки за бѣлыи,
За ёго ли за персни злачоные.
Да повели ёго во полё, полё Куликово
Да ко той ли ко плахи ко ли́повой,
Да ко той ли ко ляги кровавыи
Да казнить скоро буйну голову,
Принести передъ оци, оци царскіи.
Да прознала тутъ цариця вѣрная
Да какъ вѣрная цариця православная;
Сапогъ-отъ надѣвала на босу́ ногу,
Кунью шубу надѣвала на одно плецо,
Бѣжала она къ братёлку родимому
Да какъ старому Микиты Романовцю.
Да не спрашивала у воротъ приворотниковъ,
Да не спрашивала у дверей придверниковъ.
Она крес-отъ кладётъ да по писаному,
Да поклонъ-тотъ ведётъ по уцоному,
Да цоломъ онъ бьётъ на вси стороны,
Она здравствуётъ Микиту Романовица:
«Ужъ ты здравствуёшь, Микита Романовицъ!

«Да вѣть не стало въ неби солнышка красного,
«Да потухла зоря да раноутрянна,
«Да погасла свѣца да воску ярова, —
«А не стало у насъ младого цяревица,
«Скоро младого Ѳёдора Ивановица:
«А увели ёго во полё Кули́ково,
«Да ко той ли ко плашеньки ко липовой,
«Да ко той ли ко ляги кровавыи,
«Да срубить у ёго да бу́йну го́лову».
Тутъ Микитушка дѣла не росчухивалъ,
Да садитъ онъ госьюшку, вѣть чостуётъ:
«Ты садись-ко, моя госья небывалая,
«Небывалая ты госья долгожданная;
«Да какъ звать тебе госью — не дозватисе,
«Да какъ ждать тебя госью — не дождатисе:
«Да теперецу, госьюшка, сама пришла
— Во́цю[1] ли ты Микита, насмѣха́исse?
— Не знашь моёй незгодушки, не вѣдаёшъ:
— Да не стало вѣть въ небѣ солнышка красного,
— Да потухла зоря раноутронна,
— Да погасла свѣща воску ярова, —
— Да не стало у насъ младого цяревиця,
— Скоро младого Ѳёдора Ивановича:
— Увели ёго во полё Куликово
— Да ко той ли ко плашеньки ко липовой,
— Да ко той ли ко ляги кровавыи,
— Да ко той ли ко сабельки ко вострые
— А да сказнить у ёго да буйну голову,
— Положить главу да́ на золото́ блюдо
— Принести передъ оци, оци царскiи. —
Микитушка дѣла не росцюхивалъ,
Да садитъ онъ гостюшку да чостуётъ:

[1] Во очiю (Григ.).

«Да ты садись-ко, ты госья небывалая,
«Небывалая госья, долгожданная;
«Да какъ ждать тебе госью—не дождатисе,
«Да какъ звать тебе гостью—не дозватисе;
«Да теперечу, госьюшка, сама пришла».
— Да воцью́ ли ты, Микита, насмѣхаиссе?
— Да не знашь нашоі̆ незгодушки, не вѣдаёшъ:
— Да вѣть не стало въ небѣ солнышка красного,
— Да потухла зоря раноутроння,
— Да погасла свѣща да воску ярого, —
— Да не стало у насъ младого царевиця
— Да скоро младого Ѳёдора Ивановиця:
— Увели ёго во полё во Куликово
— Да ко той ли ко плашки ко липовой,
— Да ко той ли ко ляги кровавыи,
— Да ко той ли ко сабельки ко вострыи
— Да казнить у ёго да буі̆ну го́лову. —
Да Микитушка да дѣло приросчухивалъ;
Да сапогъ-отъ надѣвалъ на босу ногу,
Ку́ню шубу надѣвалъ онъ на одно плечо,
Цорну шляпу надѣвалъ да на одно́ ухо;
Ужъ онъ бралъ холопушка вѣрного
Да какъ вѣрного холопа безъизмѣнного:
Да выходилъ онъ Микита на конюшонъ дворъ,
Ужъ онъ бралъ вѣть коня да самолу́чшого,
Садилса Микита на добра коня:
Да какъ видѣли Микитушку сѣдуцись,
Да не видѣли Романовиця поѣдуцись, —
Во цистомъ-то поли да курёва стоитъ
(Курёвы-то есь народы — люди добрые).
Онъ скрыцалъ тутъ Микита зыцнымъ голосомъ:
«Ужъ вы ой еси, народа (*такъ*) — люди добрыи!
«Да вы роздаі̆тесь на вси на цетыре на сторонушки
«Да проѣхать вѣть мнѣ Микиты во цисто полё

«Да достать мнѣ-ка Өёдора во живóти».
Да какъ скрычалъ тутъ Микита зыцнымъ голосомъ:
«Сынъ ты собака, похвалиссе,
«Да не похвалиссе, Скурлатовъ пёсъ, подáвиссе».
Да проѣхалши Микита во цисто полё,

всунулъ холопа, а племянника взялъ. Голову казненнаго холопа принесли на царскія очи. Царь сначала кручинился, а потомъ отправился въ церковь. Туда явился и Микита съ племянникомъ, котораго и показалъ царю. Тогда царь сказалъ ему: «бери, Микита, много злата-серебра». Но тотъ отвѣтилъ: «мнѣ не нать много злата-серебра» и просилъ только, чтобы тотъ, кто убѣжитъ въ его село, былъ неприкосновененъ. Царь позволилъ.

Записана А. Д. Григорьевымъ въ Колежмѣ на Поморьѣ Арханг. губ. отъ Авдотьи Ильиничны Лейновой. Напечатана имъ въ сборникѣ: «Архангельскія былины и историческія пѣсни», собранныя А. Д. Григорьевымъ въ 1899—1901 гг. т. I, № 16, стр. 66—71.

Архангельской губерніи.

104.

Было у насъ да во Царѣ-градѣ;
Да не было ни дядины, не вотцины,
Да жылъ какъ былъ прозвитель царь,
Прозвитель-отъ царь Иванъ Вáсильевиць.
А была семья его любимая,
Ишша былъ у его только бóльшой сынъ,
А и большой сынъ Өёдоръ Ивановиць.
Говорылъ какъ онъ таково слово:
«Що по етому мосту по Калинову
«А много было и хожоно,
«А много было и ѣжжоно,
«А горя́цей крови много пролито».
Ишша тутъ царю за бѣду стало
А за ту круцинушку великую.

Онъ крыцитъ-зыцитъ громкимъ голосомъ:
«Ушъ вы, эхъ, палаци немилосливы!
«Вы берите царевиця за бѣлы руки,
«Вы ведите царевиця во цисто полё
«Вы ко той ко плахи ко липовой,
«Вы рубите его да буйну голову
«Вы на той на плахи на липовой».
Ишша всѣ палаци испужалисе,
Ишша всѣ палаци устрашилисе.
Какъ единъ пала́ць не устра́шилса,
Тутъ Скорлютка воръ, Скорлатовъ сынъ.
Онъ берётъ царевиця за бѣлы руки,
Онъ ведётъ царевиця во цисто полё
Онъ ко той ко плахи ко липовой.
А во ту пору, во то времецько
Перепахнула вѣ́стка за рѣку Москву
А во тотъ жа во Кіёвъ градъ
А къ тому же вѣть ко дядюки,
А къ тому же Микиты Родомановицю:
«Ушъ ты ой еси, нашъ дядюшка,
«Ушъ ты же Микита Родомановиць!
«Ушъ ты знаёшъ ле, про то вѣ́даёшъ:
«Какъ помёркло у насъ соньцё кра́сноё,
«А потухла звѣзда поднибесная, —
«Какъ погибъ царевиць за рѣкой Москвой
«А и бальшой-о Өёдоръ Ивановиць?»
Ишша тутъ же вѣть какъ вѣть дядюшка,
Ишша тотъ жа Микита Родомановиць,
Онъ вѣть скацё съ постелюшки съ мягкою;
Онъ одѣлъ какъ сапошки на босу ногу,
Онъ хватилъ толу́пъ за единъ рукафъ;
Онъ крыцитъ-зыцитъ зысьнымъ голосомъ:
«Ушъ вы ой еси, мои конюхи!
«Подводите мнѣ и добра́ коня».

Онъ вѣть скоро скацётъ па добра́ коня,
Онъ вѣть гонитъ тутъ во всю голову:
«Разодвиньтесь-ко да вы наро́дъ Божей».
Онъ засталъ Скорлю́тку на за́махи:
«Ты Скорлютка воръ, ты Скорлатовъ сынъ!
«Ты не за свой гужъ ты прима́исьсе;
«А кабы тѣ гужомъ подавитисе».
Онъ берётъ царевицю за бѣлы руки,
Онъ садилъ царевицю на добра коня;
Онъ самъ коня въ поводу повёлъ,
Говорылъ таково слово:
«Ты Скорлютка воръ, ты Скорлатовъ сынъ!
«Ты поди, Скорлютка, во цисто полё,
«А сруби у тотарина буйну го́лову;
«Ты приди къ царю, — на столъ клади,
«Ишша самъ говори таково слово:
«— Ишша то дѣло у насъ здѣлано,
«— Ишше та роботушка сроблена. —»
Онъ пошёлъ вѣть тутъ во цисто полё,
Онъ срубилъ у тотарыну буйну голову.
Онъ пришёлъ къ царю, — саблю на столъ кладётъ:
«Ты прозвитель царь Иванъ Васильевицъ!
«У насъ то вѣть дѣло нынь здѣлано,
«У насъ та роботушка сроблена.»
Зажалѣлъ какъ тутъ прозвитель царь,
Зажалѣлъ какъ онъ своего сына,
Ишша большого Ѳёдора Ивановиця;
Ишша самъ говорилъ таково слово:
«А какъ по́ вори да по Гога́рыни
«Ишша много есь какъ жало́бныхъ тутъ,
«А по моёмъ по сыни по Ѳёдори
«Некого́-то нѣту жало̀бного».
Приходила панафида шесьнедѣльняя,
А прозвитель царь Иванъ Васильевиць

А похо́дитъ онъ поминать сына
А и большо́го Ѳёдора Ивановиця.
А идётъ вѣть онъ мимо Кіёвъ градъ,
Мимо дя́дево-то подво́рьицё
А у дядюшки и за *(такъ)* пиръ такой,
Ишша що тако за весельицё?
А скрыцялъ какъ тутъ прозвитель царь,
Онъ скрыцялъ вѣть тутъ громкимъ голосомъ:
«Ушъ ты ой еси, мой дядюшка!
«Ишше що у тя и за пиръ такой,
«Ишше що у тя и за весельицё?
«Ты не знаёшъ, ле не вѣдаёшъ:
«А помёркло у насъ соньцё красноё,
«А потухла звѣзда подьнебесная,—
«Какъ погипъ царевиць за Москвой рѣкой,
«Ишша большой-о(тъ) Ѳёдоръ Ивановиць?
«Какъ выходитъ тутъ его дядюшка,
Ишша тотъ жа Микита Родомановиць;
Онъ выходитъ тутъ на красно крыльцё.
Говорылъ какъ тутъ прозвитель царь:
«Ушъ ты ой еси, ты мой дядюшка!»
Ишша ткнулъ копьёмъ во пра́ву ногу:
«Ишша що у тя и за пиръ такой,
«Ишша що у тя за висельицё?
«Ты не знаёшъ, ле не вѣдаёшъ:
«А помёркло у насъ соньцё красноё,
«А потухла звѣзда поднебесная,—
«А погипъ царевиць за Москвой рѣкой,
«Ишша большой сынъ Ѳёдоръ Ивановиць?»
Говорытъ какъ тутъ его дядюшка,
Ишша тотъ же Микита Радомановиць:
«Ушъ ты ой еси, мой племянницёкъ,
«А прозвитель царь Иванъ Васильевиць!
«Ушъ ты хошъ,—цѣмъ тобя обрадую,

«Тибя большимъ-то сыномъ Ѳёдоромъ.
«Ишша Ѳёдоромъ тибя Ивановицёмъ.»
Онъ выводитъ царевиця на красно крыльцё.
Зрадова́лса тутъ прозвитель царь:
Онъ берётъ тутъ вѣть своего сына,
Онъ берётъ его за бѣлы руки;
Онъ цѣлуетъ въ уста во сахарны жа:
Ишша самъ говорылъ таково слово:
«Ушъ ты ой еси, ты мой дядюшка!
«Ишша цѣмъ тобя буду жаловать?
«У тя злата-та, серебра не менѣ́ моего!»
Они пиръ средили, пировать стали.

Записана А. Д. Григорьевымъ въ Пинежскомъ краѣ, въ д. Шатогоркѣ, Арх. губ. отъ кр. Марьи Дмит. Кривополѣновой. См. Арх. былины и ист. пѣсни № 115, т. I, стр. 357—361.

Архангельской губерніи.

105.

Узнала царица благовѣрная [1]);
Надѣла сапогъ на одну ногу,
Надѣла куныо шубу на одно плецо,
Надѣла церну шляпу на одно ушко̀;
Побѣжала она къ братцу родимому.
Она у дверей предверницковъ не спрашивала.
У воротъ приворотницковъ не спрашивала;
Она бьётъ вѣть целомъ, низко кланяетсе:
«Здорово ты, братець родимые,
«Да Микитушка Романовицъ!
«Ты не знашъ вѣть незгодушки, не вѣдаёшь:
«Да не стало въ небѣ солнышка красного,

1) Начала сказательница пропѣть не могла. (Григ.)

«Да потухла зо́ря раноутрення,
«Погасла свѣща воску ярого,—
«Да не стало у насъ царевица,
«Скоро младого Ѳедора Ивановица:
«Увезли вѣть ёго во чисто полё,
«Ко той ли ко плашки ко липовой,
«Да ко той ли ко ляги [1]) крова́вые
«Да рубить-снеть съ плечъ буйну голову,
«Положить вѣть на блюдо на царьскоё,
«Принести предъ ясны оци царьскіе».
Микитушка вѣть не росчюхивалъ,
Да садилъ вѣть гостюшку, чёстовалъ:
«Да звать тебе гостю, — не дозватисе,
«Да ждать тебѣ гостю, — не дождатисе;
«Теперечу, гостюшка, сама пришла».
— Вочью́ ли, Микита, насмѣхаешьсе?
— Не знашь мойей невзгодушки, не вѣдаешь:
— Не стало въ небѣ солнышка красного,
— Потухла зоря раноутрення,
— Да погасла свѣща воску ярова, —
— Да не стало у насъ младого царевица,
— Скоро младого царевица Ѳёдора Ивановица:
— Увезли вѣть его во цисто полё,
— Да ко той ко плашки ко липовой,
— Да ко той ли ко ляги кровавыи
— Рубить-казнить вѣть съ плецъ буйну голову.
— Положить ей на блюдо на золото
— И принести передъ оци, оци царскіе. —
Микитушка дѣла не росцюхивалъ,
Садитъ онъ вѣть госьюшку, чёстыватъ:
«Ты садись-ко вѣть, госья небывалая,
«Небывалая госья, долгожданная,

1) «Ляга» — см. стр. 273 Примѣчаніе 1.

«Долгожданная госья, долгозваная,
«Да какъ звать тебѣ госью, — не дозватисе,
«Ждать, — не дождатисе;
«А теперечу, госьюшка, сама пришла».
Тутъ спроговоритъ царица благовѣрная:
«Ужъ ты ой еси, братецъ родимыи!
«Ты не знашь вѣть незгодушку, не вѣдаешь:
«Не стало въ небѣ солнышка красного,
«Потухла зоря раноутрення
«Да погасла свѣща воску ярова, —
«Да не стало у насъ младого царевица,
«И скоро младого Ѳедора Ивановица:
«Увезли ёго вѣть во цисто полё,
«Да ко той ли ко плашки ко липовой,
«Да ко той ли ко ляги кровавыи
«Да рубить-казнить съ плецъ буйну голову,
«Положить ей на блюдо на золото
«И принести передъ оци, оци царскіе».
Микитушка дѣла не росцюхивалъ,
Да садилъ вѣть госьюшку, всё цоставалъ:
«Ты садись, садись, госья небывалая,
«Небывалая госья, долгожданая
«И долгожданая госья, многозваная:
«Да какъ звать тебе госью, — не дозватисе,
«Ждать тебя госью, — не дождатисе:
«Да теперечу, госьюшка, сама пришла».
— Ужъ ты ой еси, братецъ родимые,
— Ужъ ты ой еси, Микитушка Романовичъ!
— И ты не знашь вѣть незгодушки, не вѣдаешь:
— Не стало въ небѣ вѣть солнышка красного,
— И потухла зоря раноутрянна,
— Да погасла свѣща воску ярова, —
— Да не стало у насъ младого царевица,
— Скоро младого Ѳёдора Ивановица:

— Увезли его во полё Куликово,
— Да ко той ли ко плашки ко липовой,
— Да ко той ли ко ляги кровавые,
— Да ко той ли ко сабли ко вострыи
— Да рубить-казнить съ плецъ буйну голову,
— Положить вѣть на блюдо на золото,
— Принести передъ оци, оци царскіе. —
Микитушка дѣло приросцюхивалъ,
Надѣвалъ онъ сапогъ на одну ногу,
И надѣвалъ онъ кунью шубу на одно плечо,
И надѣвалъ онъ чорну шляпу на одно ухо,
Да садился Микита на добра коня:
Да какъ видѣли Микитушку сѣдуцись,
Да не видѣли удалого поѣдуци, —
По чисту-то полю курева стоитъ.
Пріѣзжалъ тотъ Микита во чисто полё,
Сревѣлъ тутъ Микита во всю голову:
«Ужъ вы есь, народъ - люди добрыи!
«Ужъ вы ой есь, палаци немилосливы!
«Ужъ вы дайте Микитушки дороженьку
«Да ко той ли ко плашки ко липовой,
«Да ко той ли ко ляги кровавые,
«Да ко той ли ко сабли острые,
«Гдѣ рубятъ-казнятъ буйну голову».

(Дальше не помнитъ),

Записана А. Д. Григорьевымъ въ деревнѣ Колежмѣ, Кемскаго уѣзда, Архангельской губ. отъ крестьянки Праск. Вас. Посниковой. См. «Арханг. былины» и пр. Т. I, № 12, стр. 55—58).

Архангельской губерніи.

106.

Когда воцарился нашъ-ле грозной царь,
Але грозной-ле царь Иванъ Васильевичъ,
Тогда синё-ле море да пріютишилось,
Але щука ле рыба въ глубину ушла.
А со той-ле со радости великоей,
А завелса у царя да нонь почесенъ пиръ.
Але пиръ-отъ идётъ во славу Божію,
Але солнышко катится ко западу,
У ихъ пиръ-отъ идётъ да о полупира,
Але столъ-отъ идётъ да о полустола,
Але царь-отъ и ходитъ нонь въ полухмеля;
Выходитъ кабы царь на середка полъ,
Говоритъ кабы царь да таковы слова:
«Ужъ ковда я воцарился нынь хозяиномъ,
Ужъ я выведу измѣну нынь изъ Кіева,
Але выведу измѣну изъ Питера,
Изъ самой-ле изъ матки каменной Москвы».
Кабы всѣ тутъ на пиру да пріюмолкнули,
Але всѣ на чесномъ да пріюдрогнули,
А большой-отъ хоронится да среднего,
Але средней хоронитсе да меньшого,
Ужъ отъ меньшого большому отвѣту нѣтъ.
А ставалъ-де Өедоръ на рѣзвы ноги,
Подходилъ онъ-де къ батюшку родителю:
«Ужъ ты ой еси, родитель мой-де батюшко,
Але грозной-царь Иванъ да царь Васильевичъ!
Намъ не вывести измѣнушку изъ Кіева и Питера
Изъ самой-де изъ матки да каменной Москвы».
А на то-ле какъ царь да осержантце,
Говоритъ нашъ царь да таковы слова:

— Ужъ вы ой еси мои-ле строги палачи!
Ужъ берите-ко вы Ѳёдора за бѣлы руки,
А за хороши перстеньки злаченыя,
Ужъ ведите его да во чисто полё,
А ко той-де нонь плахи ко дубовоей,
А ко той-де ко рели ко высокоей,
Гдѣ-ка веситсе петелка шелковая. —
А во ту-же пору было, во то времё,
У грознаго-то царя Ивана Васильевича,
По прозванью Малюта былъ строгой палачъ,
А строгой-де палачъ, да онъ немилостивой,
Ужъ ставалъ-то-ле Малюта на рѣзвы ноги,
Подходилъ то Ѳеодору царевичу,
Говорилъ-то Малюта да таково слово:
«Кабы царски-то слова назадъ не ворочаютъ,
Если царя кабы намъ да не послушати,
А тогда-де своя голова подставити».
Кабы бралъ онъ Ѳёдора за бѣлы руки,
А за хороши-де перстеньки злачены,
Ужъ повёлъ-то наслѣдника изъ полаты вонъ;
Не несутъ молодца да ноги рѣзвыя,
Только катется изъ глазъ да гарючи слезы.
Ужъ пошелъ-де народъ весь изъ полаты вонъ,
Провожать-ле какъ Ѳедора царевица;
Але Ѳедоръ съ народомъ-онъ прощаитсе:
«Ужъ простите-ко, прощайте, да люди добрыя!
Ужъ прости-ко, прощай, да каменна Москва!
Не живать мнѣ-ка будетъ на бѣломъ свѣти,
Не слыхать мнѣ больше будетъ мнѣ четья-пѣтья,
А четья-де пѣтья мнѣ-ка поповского,
Але красного звону да колокольного.
Ужъ ведутъ-де ка Ѳёдора ныньце по полю.
А не близко его да не далеко-ле,
Разстояніе всего да за три попрыща,

А идётъ за имъ толпа народа великая,
А сопровожаютъ-де Ѳёдора царевица.
Ко его-де ко щасью ко великому
Кабы ѣздитъ богатырь право по полю,
По прозванью Микита сынъ Романовицъ.
Ужъ и на поли-де тамъ да народъ стоитъ,
Ужъ народъ-де стоитъ, больша толпа валитъ.
Поворотилъ-де Микита коня доброго,
Ужъ промежъ онъ собой да думу думаетъ,
Думу думатъ Микита, розговоръ ведётъ:
«Ужъ кого-ли придаваютъ должно быть казни,
Не могу-ле я застать да право живого,
Але живого застать, отъ смерти избавити».
Прогонилъ-то Микита скоро на скоро,
Соскочилъ онъ, Микита, да со добра коня,
На краю у народа нечё не спрашиватъ,
Ужъ не спрашиватъ, нечѣмъ онъ не докучаитсе,
А въ середку Микита да пробираетце,
Могутой своей народъ да онъ розваливатъ.
Отъ Микиты народъ весь уклоняитсе,
А пробралса богатырь во середоцьку,
Ужъ завидѣлъ Микита да сынъ Романовицъ,
Ужъ валятъ кабы Ѳёдора царевица,
А на ту-ле какъ бабу на дубовую,
У палаця-де ’саблей да рука поднята,
Отрубить-де хотятъ да буйну голову;
А схватилъ-то Микита да строга палаця,
А схватилъ онъ его да за черны кудри:
«Ужъ-ты воръ-де, Малюта, нонь строгой палачъ!
У кого-то отрубить хошь буйну голову?»
Говоритъ-то Малюта тутъ строгой палачъ:
— Ужъ я голову рубить хоцю не своимъ умомъ,
По указу-ле я да восудареву,
По приказу-ле я да енералову.—

Говоритъ-то Микита да таково слово:
«Ужъ на мѣсто наслѣнника-де Өедора,
Положить надо пса да на бабу тутъ,
Отрубить-де у пса да буйну голову,
Окровавить-де надо да саблю вострую,
Принести-де саблю да царю Грозному,
Царю Грозному-де ей на посмотрѣньичо».
Говоритъ-то Микита да сынъ Романовичъ:
— «Ужъ вы ой еси, да всѣ да люди добрыя!
Ужъ нехто эту измѣну да вы не сказывайте,
А я самъ ему объявлю право Грозну-царю,
Але пиръ намъ-ле будетъ больше старого».
Понесли тогда саблю да самому царю,
Самому-же царю да право Грозному,
Ужъ приносятъ саблю на посмотрѣньичо.
Ужъ схватилса тогда да нашъ-ле Грозной-царь,
Кабы тутъ-ле нашъ царь да запечалилса,
Говорилъ нашъ-ле царь да таково слово:
«Ужъ вы ой еси мои да всѣ опричники,
А опричники мои да право царскіи!
А садитесь-ко всѣ на свои занятія,
А пишите-ко всѣ скоры естафеты,
Розошлемъ кабы пошты нонь по всей земли,
А по всей восударевой по вотчины,
А по всѣмъ-де церквямъ, по всѣмъ молебнамъ-же,
Поминать штобы моего нынь наслѣнника,
А наслѣнника моего, право Өёдора».
А пошолъ-то Иванъ да во Божью церковь,
Кабы собралъ онъ весь чинъ церковной-же,
Кабы пѣть панафиду да за покойного.
А стоитъ-де ка’ царь на правомъ крылосѣ,
Со слезами поминатъ онъ, со умыльныма,
А приходитъ ему да доброй молодецъ,
По прозванью-ле Микита сынъ Романовичъ,

Але царь-отъ стоитъ уливаитце,
Уливаитце слезами онъ горючима,
А Микита стоитъ, да онъ подлѣ царя,
Онъ подлѣ царя стоитъ да умыляитце.
Ужъ завидѣлъ Микиту право Грозной-царь,
Говоритъ-то-де царь да таково слово:
«Ужъ кака-ты пришла да за невѣжа-же,
Передъ светыма иконами улыскаишсе [1])? —
Кабы люди слезами да уливаютсе,
Але ты-де стоишъ да усьмихаишсе.
Говоритъ-то Микита да сынъ Романовицъ:
— Я надъ чѣмъ кабы буду да право плакати?
Але пса вѣдь ужъ мнѣ оплакивать?—
Уже звёлъ тутъ-де очи да право Грозной-царь:
«Але што ты говоришь, да нынь каки слова!»
Говоритъ-то Микита самому царю:
— Ужъ отрубили мы у пса да буйну голову,
Окровавили-де новую саблю вострую,
Принесли-де тебѣ на посмотрѣньичо,
Ужъ оставили твоего сына Өёдора.—
Говоритъ-то-де нашъ да право Грозной-царь:
«Те спасибо, Микита сынъ Романовиць!
Награжу я наградой тя великою,
Покажи только моего да сына Өедора».
Ужъ пошли они тогда да изъ Божьей церкви,
А назадъ домой въ палаты да право царскіе;
Ужъ приводятъ тогда царскаго наслѣдника,
А наслѣнникъ отъ смерти понь избавленной,
Кабы тѣмъ-де Микитушкой Романовымъ.
Кабы завидѣлъ его да ныньце Грозной-царь,
А бы бралъ молодца да за бѣлы руки,
А за хороши-де перстеньки злаченыи,
Прижималъ-де его да къ ретиву серчу,

[1]) Улыскаться — *насмѣхаться.*

Чѣловалъ его въ уста сахарныи,
Говорилъ-то-ле царь таковы слова:
«А спасибо-же, Микита да сынъ Романовицъ!
Ты избавилъ моего чада милого,
Ты избавилъ его отъ смерти напрасноей».
А со той кабы радости великоей,
Завели они пиръ да больше старого,
Пировать они стали во славу Божію.

Записана Н. Е. Ончуковымъ на Печорѣ въ с. Усть-Цыльмѣ. Арханг. губ., отъ кр. Дмитр. Карпов. Дуркина и напечат. въ Сборникѣ «Печорскія былины», Спб.. 1904 г. подъ № 49, стр. 204—209.

Архангельской губерніи.

107 [1]).

«Былъ въ Москвѣ человѣкъ — волшебникъ, писалъ руками и ногами; написалъ грамоту - письмо и положилъ въ церковь за икону, передъ которой государь прикатитця, дакъ стоитъ у службы. Царь Иванъ Васильевичъ прикатилса въ церковъ, увидѣлъ письмо, взялъ и положилъ въ корманъ. Прочиталъ послѣ — Новгородъ отказыватца прочь отъ его, и дѣти всѣ прочь отъ его. Царь разсердилса и сталъ казнить людей занапрасно. Когда царь казнилъ въ Москвѣ, Өедоръ царевичъ пожалѣлъ народъ и сказалъ: «Бѣжите въ уличи громлёныя, туды царь не воротитце». Старшо́й братъ это услышелъ, да за столомъ на пиру и сказалъ на Өедора, что Өедоръ измѣнникъ. Когда царь ходилъ по городу и казнилъ, зашолъ въ келью ко старцу, исп попросилъ. Старецъ принёсъ царю голову щучью, а царю оказалась голова кобылья: «Што ты, старецъ - гологу́зъ! Не

---

1) «И. Г. Марковъ плохо зналъ эту старину и, совсѣмъ отказавшись спѣт ее, согласился передать словами. Началъ онъ простымъ разсказомъ, а затѣм перешелъ на стихи. Я счелъ за лучшее сохранить буквально ту именно форму въ какой «Иванъ Васильевичъ» вылился у И. Г. Маркова» (Ончуковъ).

подобаетъ хрестіанину кобылятину ись, я вѣдь царь». Старецъ крестомъ оградилъ, евилась голова шшучья, и говоритъ: — лучше-бы тибѣ кобылятины найстисе, нечѐмъ неповинную кровь лить. — Изъ Москвы, изъ Нова-града въ то времѐ много бѣжало народу, тогда и на Печору засѣлились изъ Нова-града, наша деревня Бѣдовая, Голубкова тоже и другіе».

Прикатилса нашъ царь государь,
Во свои палаты бѣлокаменны,
И доспѣлъ онъ пиръ,
Сталъ онъ ходить по полу кирпищету
Изъ рѣчей самъ выговаривалъ:
«Я ходилъ по матушкѣ каменной-Москвы,
Выводилъ я измѣну изъ матушки каменной-Москвы,
Вывелъ я измѣну изъ матушки каменной-Москвы».
Сидитъ сынъ и говоритъ:
— Хоть ходилъ ты по матушки каменной-Москвы,
Выводилъ измѣну изъ матушки каменной-Москвы,
Не могъ ты вывести измѣну изъ матушки каменной Москвы.
Измѣньщикъ у тебя за столомъ сидитъ.—
Строго приступилъ царь къ нему:
«Скажи кто, а не то я казню тебя?»
— Онъ измѣньщикъ[1]), онъ объ измѣньщикахъ плакалса.
Онъ измѣньщикамъ снаровливалъ. —
Втапоры Грозной царь Иванъ Васильевичъ
Выскакивалъ вонъ на уличу,
На прекрасно на крылечушко,
Крычалъ громкимъ голосомъ во всю голову,
Чтобы чуть было по всей Москвы:
«Ужъ вы ой еси, палачи немилостивы!
Вы идите ко дворцу государеву».
Вси палачи приразбѣгались,

1) При этомъ старшій царевичъ показалъ на младшаго Ѳедора (Ончуковъ).

Собака Малютка Скурлатовъ сынъ,
Тотъ собака на дворъ идётъ.
Бралъ Ѳедора за бѣлы руки,
За его персни за злачёныи,
Повёлъ на полё Куликово,
Ко той ко плахѣ ко липовой,
Казнить Ѳёдора смертной ка́зенью,
Смертной ка́зенью позорною.
Рѣчистой езыкъ вынеть теменёмъ,
Ретивоё сэрцо промежу́ плечьми.
Скоро-то вѣска перепа́дывала
Ко дядюшки Роману Никитевичу;
Бралъ-то дядюшка любимого конюха,
Ѣдётъ по полю по чистому,
Крычитъ, зычитъ во всю голову:
«Ты ой есь, собака Скурлатовъ сынъ!
Не поступай на роды на царскія,
Не казни ты Ѳедора царевича,
Ѳедора царевича Ивановича,
Отдамъ я тибѣ любимого конюха,
Казни ты любимого конюха».
Малюта взялъ любимого конюха,
Казнилъ смертной ка́зенью, позорною,
Рѣчистой езыкъ вынелъ теменёмъ,
Ясныя очи вонъ косичами,
Ретиво сэрцо промежду плечми.
Втопоры дядюшка царёвъ
Старъ Микита Романовичъ,
Пріѣхалъ съ любымъ племенникомъ,
Во свои полаты бѣлокаменны.
У дядюшки Микиты Романова
Пошолъ топере пиръ навесело.
Пошолъ-то нашъ грозной Иванъ Васильевичъ,
Пошолъ во Божью церковь

Пѣть панифиды упокойныя,
По своёму по сынѣ любимому,
По Ѳедорѣ Ивановичѣ.
Случилосе итти мимо дядюшки Романова,
Пиръ идётъ у дядюшки навесело.
Остоялса нашъ грозной царь Иванъ Васильевичъ:
«Што у тебя идётъ пиръ навесело?
Смѣшалася вѣра — каменна Москва,
Потухла свѣця, свѣця мѣсная,
Подпала звѣзда поднебесная,
Не стало у насъ на царсвѣ царевича,
Царевича Ѳедора Ивановича!»
Говоритъ старъ Микита Романовичъ:
— Живой нашъ царевичъ Ѳедоръ Ивановичъ:
Я оддалъ своего любимого конюха
Казнить смертною казнью позорною. —
Воротилса нашъ царь Иванъ Васильевичъ,
Пошолъ у царя пиръ навесело.
Топере пошолъ дядюшка царевъ въ Божью церковъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Пѣть по конюхѣ панафиды упокойныя.

Записана Н. Е. Ончуковымъ въ д. Бѣдовой, Пустозерской волости, Арханг. г., отъ кр. Павла Григ. Маркова. См. «Печорскія былины», № 92, стр. 370—372.

Олонецкой губерніи.

108.

Когдажь-то возсіяло солнце красное,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Заводилъ онъ свой хорошъ почестный пиръ:

Всѣ на почестномъ напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
«Я повынесъ царенье изъ Царя-града,
«Царскую порфиру на себя одѣлъ,
«Царскій костыль себѣ въ руки взялъ,
«И повыведу измѣну съ каменной Москвы!»
Съ - по тыя было палаты бѣлокаменной
Какъ не красное солнышко катилося,
А не скатный жемчугъ разсыпается,
Ходитъ маленькой Иванушко царевичъ-государь,
Испроговоритъ онъ таково слово:
— Что не вывести измѣны съ каменной Москвы:
— Сидитъ-то измѣна за однимъ столомъ,
— Исъ [1]) - пьетъ измѣна одни кушанья,
— Платьица носитъ одноцвѣтныя,
— Сапожки на ножкахъ одноличныя. —
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ужъ ты маленькой Иванушко, царевичъ-государь!
«Ты подай же измѣнщика мнѣ на очи:
«Я измѣнщику голову срублю».
Испроговорилъ Иванушко царевичъ государь,
Глупымъ дѣтскимъ разумомъ промолвился:
— Какъ на братца сказать, такъ мнѣ братца жаль,
— На себя мнѣ-ка сказать, такъ мнѣ-ка живу не бывать;
— Буде сказать мнѣ на братца своего,
— На того на Ѳедора Ивановича. —
— Ей ты, государь родной батюшка!
— Когда жъ мы брали съ тобой Царскій градъ,
— Ты-то ѣхалъ по краечку,
— Я-то ѣхалъ по другому,

1) Ѣсть.

— А братецъ мой ѣхалъ по середочки.
— Напередъ пословъ онъ поразсылалъ,
— Чтобы удалые поразбѣгались.
— А малые по кувыркъ-травы разваляліся,
— А старые при домахъ оставалися.
— Теперичу измѣна вся повыстала. —
Разгорячился Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Скричалъ же своимъ зычнымъ голосомъ:
«Ай вы ей, палачи немилостивы!
«Вы возьмите-ка Өедора Ивановича
«За тыя за ручки за бѣлыя,
«За тые за перстни за злаченые,
«Сведите-ка Өедора въ чисто поле
«На тое болотцо на Житное,
«На тую на плашку на липову,
«Отрубите ему буйну голову!»
Во тую ли пору, во то время
Всѣ палачи поразбѣгались,
Которые разумны, растулялися[1]),
Остался воръ Малютушка Скуратовъ сынъ.
Самъ говорилъ таково слово:
«Я много казнилъ царей, царевичей,
«Безъ счету королей, королевичей,
«И тебя Өедора не спущу!»
Берегъ его за ручки за бѣлыя,
За тые за перстни за злаченые,
Повелъ Өедора въ чисто поле
На тое болотцо на Житное,
Срубить Өедору буйну голову.
Услыхала Авдотья Романовна,
Его государыня родна матушка,
Она чеботы обула на босу ногу,

1) Попрятались (Б).

Кунью шубоньку одѣла на одно плечо,
Побѣжала на горку на Вшивую [1])
Ко своему ко братцу ко родимому,
Ко тому Никиты Романовичу.
Срѣтаетъ братецъ ей родимый,
А самъ говоритъ таково слово:
«Что же ты, сестрица, не въ покрутѣ [2]),
«Въ одной ты шубы черныхъ соболей?»
Говоритъ Авдотья Романовна:
— Ты ей же, братецъ мой родимый,
— Ты ей, Никита Романовичъ!
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— Нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Того жъ де Ѳедора Ивановича;
— Повелъ воръ Малютушка Скуратовъ сынъ
— На тое болотцо на Житное,
— На тую плашку на липову,
— Срубить Ѳедору буйну голову. —
Какъ тотъ Никита Романовичъ,
Онъ кидается, скоро бросается,
Беретъ узду въ руки тесмянную,
Одѣвалъ на мала бурушка-кавурушка,
Садился скоро на добра коня,
Не на сѣдлана, не на уздана,
Городомъ ѣдетъ, голосомъ крычитъ,
Голосомъ крычитъ, самъ рукой машетъ:
«Ты ей, воръ, Малютушка Скуратовъ сынъ!
«Не казни-ка ты молодого царевича,
«Ты не тѣмъ ли кусомъ самъ задавишься».
Малютка, того не пытаючи,
Беретъ Ѳедора за желты кудри,

---

1) Извѣстная мѣстность въ Москвѣ; нынѣ *Швивая горка* (Б.).
2) Отъ *крутиться* — рядиться.

Клонитъ на плашку на липову,
Хочетъ срубить буйну голову.
Наѣхалъ Никита Романовичъ,
Смахнулъ саблей востроей,
Отнесъ Малютки буйну голову,
За него поступки неумильные.
Онъ бралъ, де, Ѳедора Ивановича,
Увозилъ на горку на Вшивую.
Сегодни день былъ суботній,
Завтрѣ день воскресный де,
Ѣхать намъ ко ранной ко заутрени.
Какъ тотъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Какъ нѣтъ жива молодаго царевича,
Сокрутился онъ во платье во опальное,
Заложилъ лошадей вороныхъ
Подъ ты [кареты] подъ черныя,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
А тотъ Никита Романовичъ
Со тыя со великія радости
Одѣлъ на себя платье цвѣтное,
Платье цвѣтное, самолучшее,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ три-четыре стороны,
А Ивану Васильевичу въ особину:
«Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
«Со своей со любимой семьёй,
«Со молодой со Авдотьей со Романовной,
«Со своима со малыма дѣтушкамы,
«Со тымъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
«Со тымъ Иваномъ Ивановичемъ!»
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ты ей же, шуринъ мой любимый,

— Ты ей, Никита Романовичъ!
— Знать, ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Того де Ѳедора Ивановича:
— Увелъ воръ Малютушка Скуратовъ сынъ
— На тое болотцо на Житное,
— На тую на плашку на липову,
— Срубить де ему буйну голову. —
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
«Со своею съ молодой семьёй,
«Съ молодой Авдотьей Романовной,
«Со своима со малыма дѣтушкамы,
«Со тыимъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
«Со тыимъ Иваномъ Ивановичемъ!
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ты ей же, шуринъ мой любимый,
— Ты ей, Никита Романовичъ!
— Знать. ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Того жъ де Ѳедора Ивановича:
— Увелъ воръ Малютушка Скуратовичъ
— На тое болотцо на Житное,
— На тую на плаху на липову,
— Срубить де ему буйну голову. —
Третій разъ говоритъ Никита Романовичъ:
«Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
«Со своею любимой семьёй,
«Со молодой Авдотьей Романовной,
«Со своима со малыма со дѣтушкамы,
«Со тыимъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
«Со тыимъ Иваномъ Ивановичемъ!»
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ты ей же, шуринъ мой любимый,

— Ты ей же, Никита Романовичъ!
— Знать, ты надо мной насмѣхался!
— Отстою какъ я раннюю заутреню,
— Прикажу тебѣ Никиты голову срубить. —
Самъ говоритъ таково слово:
— Какъ по ворахъ было по разбойникахъ,
— По разбойникахъ по ворахъ есть заступщики:
— По моемъ было рожономъ по дитятки,
— По немъ не было никакой заступушки! —
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Бываетъ ли грѣшному прощенье-то?»
— Хоть бываетъ прощенье, да теперь взять негдѣ. —
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Что не отрублена буйна голова
«Тому жъ де Ѳедору Ивановичу,
«А отрублена буйна голова
«Тому Малюты Скуратову».
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ кидается скоро, бросается
Ко тому ко Никиты ко Романовичу,
Беретъ его за ручки за бѣлыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя,
Самъ говоритъ таково слово:
— Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскори пожаловать?
— Дать тебѣ села со приселкамы,
— Али дать города съ пригородкамы,
— Али дать тебѣ золотой казны? —
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Есть у меня золотой казны,
«Есть городовъ съ пригородкамы,
«И есть и селъ со приселкамы,
«То мнѣ молодцу не похвальба;
«А ты дай-ка мнѣ Микитину вотчину:
«Хоть съ петли уйди, хоть коня угони,

«Хоть коня угони, хоть жену уведи,
«Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину, —
«Того добраго молодца Богъ проститъ».
Онъ пожаловалъ Микитиной его вотчиной:
Хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
Хоть коня угони, хоть жену уведи,
Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину, —
Того добраго молодца Богъ проститъ.
Тутъ вѣкъ про Микиту старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

Записана П. Н. Рыбниковымъ отъ Абрама Евтихіев. Чукова (по прозванію Бутылка), крестьянина д. Горка, Пудожгорскаго погоста, Римской вол., Повѣнецкаго у., Олонецкой губ. См. «Пѣсни», собран. П. Н. Рыбниковымъ, т. I^2, № 31, стр. 212—218 (Сравн. Гильфердингъ, № 153).

Олонецкой губерніи.

109[1]).

На Страшнòй было недѣлѣ, во великъ четверкъ,
Во матушкѣ было каменной Москвы,
И кушалъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Со князмы и съ думныма боярамы,
Со своима рожоныма со дѣтушкамы,
Со Иваномъ со Ивановичемъ
И съ Ѳедоромъ со Ивановичемъ.
И проговоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Повынесъ я порфиру царскую изъ Царя-града,
«И повывелъ я измѣну съ каменной Москвы,
«Ужъ я выведу измѣну изъ Новà-города!

1) Съ поправками К. Романова — (Грузинскій).

Говоритъ Иванушко Ивановичъ:
— Свѣтъ-государь, мой батюшка!
— Повывелъ ты измѣну съ каменной Москвы,
— А не повывести измѣны съ Нова-города:
— Твоя-то измѣна за столомъ сидитъ,
— Ѣстъ-пьетъ измѣна съ одного судка,
— А платьице держитъ съ одного плеча,
— А думаетъ дума за единое. —
Не синее море всколыбалося,
Не сырые боры разгоралися,
Распылался Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же ты, Иванушко Ивановичъ!
«Доказывай измѣну за столомъ сидючись!»
Тутъ Иванушко Ивановичъ пораздумался:
— Мнѣ на братца сказать, братца жаль;
— На себя сказать, мнѣ живу не бывать.
— А столько не жаль братца, сколько себя. —
— Свѣтъ-государь, мой батюшка!
— А которой улицей ты ѣхалъ, батюшка,
— Всѣхъ сѣкъ, и кололъ, и на колъ садилъ;
— И которой улицей я ѣхалъ,
— Всѣхъ сѣкъ, и кололъ, и на колъ садилъ;
— А которой улицей ѣхалъ Ѳедоръ Ивановичъ,
— Онъ писалъ ярлыки милостивые

---

2) Разнорѣчія:

А во нынѣшнемъ въ Новѣ-градѣ
Собиралось пированьице-почестенъ пиръ
На многихъ князей, на думныхъ бояръ.
Красное солнышко идетъ на вечерѣ,
А почестенъ пиръ идетъ навеселѣ.
Проговоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Я вывелъ измѣну съ каменной Москвы,
«Я вывелъ измѣну со Астрахани:
«Ужъ я выведу туманъ со синя моря,
«Ужъ я выведу измѣну съ Нова-города!»

— И кидалъ по улицамъ новогородскіимъ[1]). —
Распылался Грозный царь Иванъ Васильевичъ
На свои на сѣмена на царскія,
На свое рожоное на дитятко,
На того ли Өедора Ивановича,
Закричалъ онъ зычнымъ голосомъ:
«Ай же вы, палачи немилосливые!
«Берите-тко Өедора Ивановича
«За него за ручки за бѣлыя,
«За него за перстни за злаченые,
«А ведите-ка его на болото на Житное,
«Отрубить ему буйну голову!»
Всѣ за столомъ призамолкнули:
Меньшій хоронится за большаго,
Большій хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго малъ отвѣтъ живетъ.
За тымъ за столомъ за дубовыимъ
Сидѣлъ Малютушка Скурлатовъ сынъ;
Сталъ онъ говорить таково слово:
«Ай же, Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«А моя-то работушка ко мнѣ пришла!» —[2])
Схватилъ онъ Өедора Ивановича
За него за ручки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
И повелъ его на болото на Житное,
Ко той ли плашкѣ ко липовой,
Срубить ему буйну голову. —
За тымъ столомъ за дубовыимъ

---

1) — И кидалъ по улицамъ новогородскіимъ:
— Ай же вы, мужики Новогородскіе!
— Копайте-ка погреба глубокіе
— Отъ моего государя отъ батюшка,
— Отъ моего братца отъ родимаго,
— Вы садитесь во погреба глубокіе!» —

2) Въ палачи вызвался Чурилушка Опленковъ сынъ.

Сидѣла родима его матушка
Хороша Настасья Романовна;
Скочила она на рѣзвы ноги,
Шубоньку надѣла на одно плечо,
Бѣжала ко братцу ко родимому,
Хорошу Микиты Романовичу.
Она плачетъ горючмы слезмы,
А братецъ сидитъ за столомъ за дубовымъ,
Ѣстъ-пьетъ, проклажается.
Проговоритъ Микитушка Романовичъ:
«Чего ты плачешь горючмы слезмы?»
— Ай же ты, братецъ мой родимый!
— Ѣшь ты пьешь, проклажаешься,
— Надъ нами невзгодушки не вѣдаешь:
— Пала звѣзда поднебесная,
— Погасла свѣча мѣстная,
— Не стало у насъ краснаго солнышка,
— Не стало у насъ Ѳедора Ивановича, —
— Повелъ его Малюта Скурлатовъ сынъ
— На тое болото на Житное
— На тую на казень на смертную. —
Молодой Микитушка Романовичъ
Не крестилъ своего личика бѣлаго,
Не закрывалъ кушаньевъ сахарніихъ,
Скочилъ изъ-за стола за дубоваго,
Скричалъ же зычнымъ голосомъ:
«Ай же вы, слуги мои вѣрные,
«Сѣдлайте-ка коня богатырскаго!»
Онъ шапку надѣвалъ на одно ухо,
Халатъ надѣвалъ на одно плечо,
Скоро садился на добра коня
И поѣхалъ на болото на Житное,
Ко той ко плашкѣ ко липовой,
Ко той ко казени ко смертныя.

Лежитъ Ѳедоръ Ивановичъ
На той на плашкѣ на липовой,
Пораспраўлены его ручки бѣлыя,
Призаперты очи ясныя[1]).
Пріѣзжаетъ Микитушка Романовичъ,
Скоро сходилъ со добра коня,
И хваталъ Ѳедора Ивановича:
«Ай же, любимый мой племничекъ,
«Теперича тебѣ не къ суду пришло!»
Садилъ его на добра коня,
Единой рукой коня ведетъ,
А дру́гой рукой его держитъ.
Привозилъ его во высокъ теремъ
И ладитъ пойти ко завтрени ко раннія,
Ко Христосьской ко заутрени[2]).
И приходитъ ко завтрени ко раннія,

---

1) Онъ ѣдетъ, голосомъ кричитъ, рукой машетъ:
«Ай же ты Чурилушка Опленковъ сынъ!
«Не твой кусъ какъ съѣшь, такъ подавишься,
«А не съѣшь куска, не подавишься!»
Какъ пріѣхалъ ко плашкѣ бѣлодубовой:
Его-то любимый крестничекъ
Привязанъ на плашку бѣлодубову,
Столько топоръ спустить, голова срубить.

2) А садились они на добра коня:
Самъ-то садился къ головы лицомъ,
А его садилъ къ головы хребтомъ
Личикомъ въ одно мѣсто со крестничкомъ.
Привозилъ его во высокъ теремъ.
А тое дѣло дѣлалось
Во Страстную пятницу Христосьскую;
И стоять будетъ во церкви соборныя
У заутрени Христосьскія во платьицахъ опальныихъ.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Всѣмъ князьямъ-боярамъ выговаривалъ:
«По ворѣ по Гагаринѣ заступъ было:
«А по царскихъ родахъ и нѣтъ никого!»
Только отстоитъ обѣдню Христосьскую,
Будетъ рубить князьямъ-боярамъ головушки.

Ко Христосьской ко заутрени;
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ на три на четыре на сторонушки,
Проздравляетъ Грознаго царя Ивана Васильевича:
— Проздравляю тебя, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своима рожоныма со дѣтушкамы,
— Со Иваномъ со Ивановичемъ
— И со Ѳедоромъ Ивановичемъ!—
Проговорилъ Грозной царь Иванъ Васильевичъ:
«Пала звѣзда поднебесная,
«Погасла свѣча мѣстная:
«Нѣтъ жива рожонова дитятка,
«Молода Ѳедора Ивановича!»
Говоритъ Микитушка Романовичъ:
— Проздравляю тебя, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своима рожоныма со дѣтушкамы,
— Со бо́льшимъ Иваномъ Ивановичемъ
— И со меньшимъ Ѳедоромъ Ивановичемъ!—
«Ай же ты, шуринъ мой любимый!
«Развѣ тебѣ-ка-ва не свѣдома незгодушка?
«Не стало у насъ Ѳедора Ивановича!»
Заходитъ шуринъ со бѣла лица,
Бьетъ челомъ, покланяется:
— Ты здравствуешь, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своима рожоныма со дѣтушкамы,
— Со большимъ Иваномъ Ивановичемъ
— И со меньшимъ Ѳедоромъ Ивановичемъ:
— Есть Ѳедоръ Ивановичъ во живности. —
Поглянулъ Грозный царь тухлымъ[1]) окомъ,
Закричалъ громкимъ голосомъ:
«Ай же вы, слуги оружейные!

1) Потухшимъ, мутнымъ.—(Б.).

«Подите съ Микитой Романовичемъ
«Ко его ко терему высокому:
«Если есть Өедоръ Ивановичъ во живности,
«Буду Микитушку жаловать;
«Если нѣтъ Өедора Ивановича во живности,
«Будетъ казень смертная для Велика дня».
Приходилъ Микита Романовичъ во высокъ теремъ,
Говорилъ онъ таково слово:
— Ай же ты, Өедоръ Ивановичъ!
— Пойдемъ ко завтрени ко раннія,
— Ко Христосьскія ко заутрени.—
Проговорилъ Өедоръ Ивановичъ:
«Ай же ты дядюшка Микита Романовичъ!
«Страшно мнѣ другожды родитися:
«Къ своему ко батюшку явитися».
Проговоритъ Микита Романовичъ:
— Сказана намъ казень смертная для Велика дня. —
Походитъ Өедоръ Ивановичъ
И приходитъ во церкву соборную
Ко той Христосьской заутрени[1]).
Увидѣлъ Грозной царь Иванъ Васильевичъ,
Взялъ его за бѣлы́ руки
И цѣловалъ во уста во сахарнія,
Самъ говорилъ таково слово:
«Ай же ты, Микитушка Романовичъ!

---

1) Проговоритъ Микита Романовичъ:
— Ай же, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— А бываетъ ли грѣшному прощеньице,
— Бываетъ ли грѣшному бласловленьице?—
Воспроговоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«А былъ бы кто, помиловалъ;
«А зналъ бы за что, пожаловалъ!»
Пошелъ Микитушка къ себѣ домой,
Накрутилъ-то Өедора Ивановича
Во платьица во самоцвѣтныя,
Привелъ его во Божью церкву́.

«Чѣмъ тебя пожаловать,
«Краснымъ ли золотомъ, чистымъ ли серебромъ,
«Городамы ли съ пригородкамы,
«Селамы ли со приселкамы,
«Господамы ли со крестьянамы?
Проговоритъ Микита Романовичъ:
— Не надо мнѣ-ка-ва чистаго серебра,
— Не надо мнѣ-ка-ва краснаго золота,
— Городовъ съ пригородкамы,
— И селъ со приселкамы,
— И господъ со крестьянамы;
— А дай мнѣ Микитину вотчину:
— Кто коня уведетъ, кто жену украдетъ,
— Столько бывъ ушелъ въ Микитину вотчину,
— А всѣмъ было бы прощеньице. —
И пожаловалъ его Микитиной вотчиной:
Кто коня уведетъ, кто жену украдетъ,
Столько бывъ ушелъ въ Микитину вотчину.
Того Богъ помиловалъ,
А государь во вины проститъ.

Записана П. Н. Рыбниковымъ въ Кижахъ отъ кр. Леонтія Богданова съ разнорѣчіями Козьмы Романова. «Козьма Романовъ всей былины не помнилъ: ее заводилъ Леонтій Богдановъ изъ деревни Середки, а Козьма Романовъ только поправлялъ, гдѣ, по его мнѣнію, было нужно: оттого здѣсь языкъ не такъ ровенъ, какъ въ прочихъ былинахъ». См. Рыбниковъ, I², № 55.

Олонецкой губерніи.

110.

Когда воцарился грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Тогда онъ полонилъ славное Ообское[1]),
Полонилъ Ообское и еще и Новгородъ
И самъ на пиру расхвастался:

---

1) Псковъ.

«Вывелъ я измѣну съОобскаго,
«И вывелъ измѣну съ Новагорода,
«Да надо вывести измѣну съ каменной Москвы».
Говоритъ ему меньшой сынъ,
Младой Иванушка Ивановичъ:
— Пустымъ ты, батюшка, расхвастался:
— Не вывелъ измѣны съ Ообскаго,
— Да и не вывелъ измѣны съ Новагорода,
— Да не вывести и съ каменной Москвы:
— Со измѣною и ѣшь, и пьешь,
— И думу думаешь за однимъ столомъ.—
Тутъ скрычалъ Иванъ Васильевичъ:
«Подай измѣну на очь,
«А не подашь измѣны на очь,
«Отсѣку у тебя буйну голову,
«Не дамъ живота ни на малый часъ».
Тутъ Иванушко задумался:
Сказать на князя иль боярина,
Пролить кровь напрасная;
А сказать на братца на родимаго
На младшаго Ѳедора царевича:
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Которыми улицами ты ѣхалъ, батюшка,
— Тѣми улицами кура не пила;
— И которыми ѣхалъ Малюта Скурлатовичъ,
— И тѣми улицами кура не пила;
— А которыми ѣздилъ Ѳедоръ Ивановичъ,
— Задергивалъ рѣшетки желѣзныя
— И подпись подписывалъ,
— Что улицы казнены и раззорены;
— А остались тѣ улицы не казнены, не раззорены.—
Скрычалъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Гдѣ мои палачи немилостивы?
«Возьмите младаго Ѳедора царевича,

«Ведите за Москву рѣку,
«Ко плахи ко липовой, ко сабли ко востроей».
Повелъ его Малюта Скурлатовъ сынъ
За матушку за Москву рѣку,
Ко плахѣ ко липовой, ко саблѣ ко востроей.
Не бѣлая лань пробѣгала вдоль по городу,
Пробѣгала царица благовѣрная,
Въ бѣлой тоненькой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
Ко своему братцу родимому,
Ко князю Никитѣ Романовичу.
Князь Никита Романовичъ за столомъ сидитъ.
Сидитъ, хлѣбъ-соль кушаетъ,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ты зачѣмъ, гостья не звана идешь?—
А она говоритъ таково слово:
«Ты братецъ мой родимой,
«Князь Никита Романовичъ!
«Потухла зоря раноутрення,
«Поблекло наше красно солнышко:
«Повелъ Малюта Скурлатовъ сынъ
«Младаго Өедора царевича за Москву рѣку
«Ко плахѣ ко липовой, ко саблѣ ко востроей,
«Отсѣчь ему буйну голову».
Князь Никита Романовичъ
Выскочилъ изъ-за дубова стола
Черезъ дубовый столъ,
Дернулъ чоботы на босу ногу,
Кинулъ шляпу на одно ухо,
Кунью шубку за рукавъ схватилъ,
Бѣжалъ на конюшій дворъ,
Взялъ коня самолучшаго,
Сѣлъ не на уздана, не на сѣдлана,
Поѣхалъ вдоль по городу за Москву рѣку,

Голосомъ крычитъ, шляпой машетъ онъ:
— Стойте, народъ, сторонитеся,
— Дайте путь-дорогу широку
— Ѣхать за матушку Москву рѣку,
— Ко плахѣ ко липовой, ко саблѣ ко востроей.—
И крычитъ черезъ Москву рѣку, Малютѣ Скурлатову:
— Не за кусъ, собака, хватаешься:
Что съѣшь, тѣмъ и подавишься!—
У Малюты сердце испужалося,
Правая рука застоялася,
Лѣвая нога задрожалася.
Пріѣхалъ князь ко плахѣ ко липовой, ко саблѣ ко востроей,
Скочилъ онъ со добра коня,
Поднималъ младаго Ѳедора царевича
Со плахи со липовой, за ручку за правую,
Цѣловалъ его въ уста во сахарныя,
А самъ отдалъ Малютѣ Скурлатову
Конюха своего любимаго,
Который былъ лицо въ лицо и плечо въ плечо,
И единъ волосъ съ волосомъ ладились.
Билъ Иванъ Васильевичъ въ колоколъ во казненный,
Чтобъ идти въ церковь въ черныхъ платьяхъ всѣмъ.
Князь Никита Романовичъ
Надѣлъ на себя и на племянника
Красны платья лучше всѣхъ.
Подошелъ къ Грозному царю Ивану Васильевичу,
Билъ челомъ, его здравствовалъ:
— Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своей любимой семьей,
— И со думя ясными соколами-сыновьями
— И со всѣма князьямы и боярамы!—
Говоритъ Грозной царь Иванъ Васильевичъ:
«Князь Никита Романовичъ!
«Перво былъ ты мнѣ старый другъ,

«Теперь сталъ ты мнѣ старый песъ.
«Таки-ль-то надо мной незгоды не вѣдаешь,
«Не вѣдаешь незгоды, али надсмѣхаешься?»
Говорилъ Никита Романовичъ:
— Живетъ ли виноватому прощеньице? —
Говоритъ ему Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Радъ бы простить, да негдѣ взять!»
Вывертывалъ Никита Романовичъ
Младаго Ѳедора царевича:
— Вотъ тебѣ любезный сынъ,
— Младый Ѳедоръ царевичъ. —
«Князь Никита Романовичъ!
«Прежде былъ ты мнѣ старый другъ,
«А теперь роденъ батюшка.
«Городовъ ли тебѣ надо съ пригородками,
«Аль казны тебѣ несчетной однозолотной?»
Говоритъ ему князь Никита Романовичъ:
— Городовъ мнѣ не надо съ пригородками,
— А казны есть своей про себя.
— А дай мнѣ вотчину Микитину,
— Чтобы слыла-была вотчина Микитина
— Отнынѣ и до вѣку:
— Кто коня угонитъ, въ мою вотчину ушелъ бы, —
— Того и Богъ проститъ.
— Кто жену уведетъ чужую, въ мою вотчину ушелъ бы, —
— Того и Богъ проститъ.
— Кто голову убьетъ, да въ мою вотчину уйдетъ, —
— Того Богъ бы простилъ. —
Тутъ далъ Грозный царь вотчину,
Котору онъ хотѣлъ.

Записана П. Н. Рыбниковымъ отъ кореляка крест. д. Каменины Повѣнецкаго у. Олон. губ. Василія Лазарева. См. Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, т. II². стр. 31—35, № 108.

Олонецкой губерніи.

111.

Когда возсіяло на небѣ красное солнышко,
Когда становилася звѣзда подвосточная,
Тогда воцарился Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Тутъ забиралъ столованье-почестный пиръ,
Сбиралъ онъ всѣхъ князей, всѣхъ бояриновъ (сенаторовъ) думныхъ,
Вельможъ, купцовъ богатыихъ, поляницъ да удалыихъ,
Сильныхъ-могучихъ богатырей.
Пошло у нихъ столованье-почестный пиръ.
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на почестномъ наѣдалися,
Всѣ похвальбами похвалялися.
Кто чѣмъ хвастаетъ,
Кто чѣмъ да похваляется:
Инный хвастаетъ несчетной золотой казной,
Инный хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Инный хвастаетъ добрымъ конемъ,
Инный хвастатъ славнымъ отечествомъ,
Инный молодымъ молодечествомъ,
Умный-разумный хвастатъ старымъ батюшкомъ,
Старымъ батюшкомъ да старой матушкой,
Безумный дуракъ хвастаетъ молодой женой.
Какъ царь по полатушки похаживатъ,
Царь да выговариватъ:
«Ай же вы, князя и бояра (сенаторы) думные,
«Вельможи, купцы богатые, поляницы удалыя,
«Сильные-могучіе богатыри!
«Всѣ вы у меня на честномъ пиру,
«Всѣ вы у меня пьяны-веселы,
«Всѣ вы у меня похвальбами похвалялися.
«Я какъ, царь, похвастаю:

«Повывелъ измѣну изъ Казани, Рязани и изъ Астрахани,
«Повывелъ измѣну изъ Чернигова,
«Да повывелъ измѣну изъ Нова-города,
«Какъ повыведу измѣнушку изъ каменной Москвы!»
За тыма столами дубовыми, за скамейками окольнима,
За ѣствами за сахарныма, за напитками медовыма,
Сидѣлъ его сынъ да любезный Иванъ да Ивановичъ.
Говоритъ онъ таковы слова:
— Ай же, свѣтъ-государь мой батюшка,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Небылицей ты, государь, хвастаешь,
— Небылицей похваляешься. —
Тутъ стемнѣлъ царь какъ темна ночь,
Зревѣлъ царь какъ левъ да звѣрь:
«Сказывай, собака, про измѣну великую!»
Ты на братца скажешь, такъ братца не видать.
На себя ты скажешь, то свою головку потеряешь[1]).
Тутъ-то Иванъ да на двѣ бѣдушки попалъ,
Тутъ-то Иванъ да пораздумался:
— Жаль-жаль братца, — да не такъ какъ себя...
— Ай же, свѣтъ-государь мой батюшка,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Какъ сидитъ измѣна за однымъ столомъ,
— Пьетъ да ѣстъ измѣна съ одного мѣста,
— Носитъ платье одного сукна
— Небылицей, царь, ты хвастаешь,
— Небылицей, государь похваляешься:
— Повывелъ ты измѣну изъ Казани и Резани и изъ Чернигова,
— Не могъ повывести измѣны изъ Нова-города,
— Подавно не вывести измѣны изъ каменной Москвы!
— Потому тебе не вывести:

---

1) Это дума самого пѣвца, про себя (Г.).

— Когда мы были во Новѣ-городѣ,
— Которыми мы съ тобою улицами ѣхали,
— Сѣкли-рубили до единаго;
— Которыми улицами ѣхалъ мой старый дядюшка,
— Старый дядюшка Никита Романовичъ,
— Тоже сѣкъ да рубилъ до единаго;
— На воротахъ мы записи повыписали,
— По угламъ номера выставливали,
— Что эти улицы плѣненныя-казненныя,
— А которыми улицами ѣхалъ твой сынъ,
— А мой братецъ Өедоръ Ивановичъ,
— Такъ сѣкъ изъ пяти и десяти головы гусиныя,
— На воротахъ записи подписывалъ
— На углахъ номера повыставлялъ.
— Тутъ была измѣна великая! —
Выходилъ тутъ царь да на крутой крылецъ,
Скрычалъ какъ царь да громкимъ голосомъ:
«Гдѣ мои палачи немилостивы?
«Берите Өедора Ивановича за бѣлы руки,
«Ведите на то болото на Житное,
«На ту плаху на дубовую,
«Отрубите ему голову буйную,
«Предайте ему смерть да скорую!»
Вси палачи да разбѣжалися,
Другъ за друга туляются и окучаются[1]),
Большій за средняго, средній за меньшаго,
Съ меньшаго отвѣту нѣтъ.
Тутъ скрычалъ царь второй наконъ:
«Гдѣ мои палачи немилостивы?
«Берите вы Өедора Ивановича за бѣлы руки,
«Ведите на то болото на Житное,
«На ту на плаху дубовую,

---

1) Окучаться отъ корня кут — скрываться (Г.).

«Отрубите ему буйну голову,
«Предайте ему смерть да скорую!»
Вси палачи да разбѣжалися,
Другъ за друга туляются и окучаются,
Большій за средняго, средній за меньшаго,
Съ меньшаго отвѣту нѣтъ,
Потому что за царскіе роды приняться не осмѣлятся.
Скрычалъ какъ царь наконъ третій:
«Гдѣ мои палачи немилостивы?
«Берите вы Ѳедора за бѣлы руки,
«Ведите на то болото на Житное,
«На ту на плаху дубовую,
«Отрубите ему буйну голову,
«Предайте вы ему смерть да скорую!»
Какъ во томъ ряду во гостиноемъ,
Во той во лавкѣ во угольныя,
Стоялъ малая-Малюта Стенька[1]) воръ Скурлатовъ сынъ,
Торговалъ онъ товарами заморскима;
Услышалъ голосъ Грознаго царя Ивана Васильевича, —
Онъ на Ѳедора Ивановича сердитъ-то былъ, —
Запиралъ онъ да свою лавочку,
Шелъ и бралъ Ѳедора за бѣлы руки,
За бѣлы руки да за златы перстни,
Выводилъ онъ Ѳедора на крутой крылецъ,
Скидывалъ онъ платья цвѣтныя,
Надѣвалъ платья опальныя,
Садилъ во (корету) во темную,
Повезъ его на то болото на Житное,
Ко той ко плахѣ дубовыя.
Была служанка, дѣвка вѣрная,
Бѣжала во спальну во теплую
Къ царицѣ благовѣрноей,

1) Примѣшано имя Стеньки Разина (Б.).

Ко Настасьи Романовной,
Скрычала громкимъ голосомъ:
«Ай же, царица благовѣрная, Настасья Романовна!
«Спишь-усыпаешься, надъ собой невзгоды не чаешься:
«Померкло наше красно солнышко,
«Потухла звѣзда подвосточная!
«Воспалился Грозный царь Иванъ Васильевичъ
«На свои на царскія на сѐмена,
«На своего на сына любезнаго,
«На Ѳедора Ивановича,
«Приказалъ его отвезти на то болото на Житное,
«На ту на плаху дубовую;
«Какъ повезъ его малая-Малюта Степька воръ Скарлатовъ сынъ».
Она вставала на рѣзвы ноги,
Какъ надѣвала на ноги
Однѣ тоненьки чулочки безъ чоботовъ,
На плеча надѣвала одинъ дорогой накидничекъ,
Подвязалася она платкомъ она шелковымъ,
Побѣжала она по матушки каменной Москвы,
Къ старому братцу Никиты Романовичу.
Бѣжитъ она по матушки каменной Москвы,
Крычитъ да громкимъ голосомъ:
«Розодвинься, народъ православныій,
«Дайте мѣстечка немножечко царицы благовѣрныя!»
А народъ-то волнуется-дивуется:
«Куда бѣжитъ царица благовѣрная?»
Какъ прибѣжала она къ братцу родимому,
Никитѣ Романовичу,
Приходила въ его палаты бѣлокаменныя,
Господу Богу не молилася,
На всѣ стороны да не клонилася,
Сама говорила таковы слова
Братцу родимому Никитѣ Романовичу:
«Ай же ты, старая курва, сѣдатой песъ!

«Пьешь-ѣшь-кушаешь и прохлаждаешься,
«Надъ собой невзгоды не чаешься!»
— Ай же, сестрица родимая,
— Благовѣрная царица Настасья Романовна!
— Чѣмъ тебя пріобидѣлъ царь,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ?
— Что я захочу, то и сдѣлаю:
— Потому — у меня сидитъ тридцать россійскихъ могучихъ богатырей
— И сидитъ у меня дружина хоробрая. —
Она говоритъ таковы рѣчи:
«Какъ воспалился Грозный царь Иванъ Васильевичъ
«На свой-то сéмена на царскія
«На Ѳедора Ивановича,
«Повезъ его малая-Малюта Стенька воръ Скурлатовъ сынъ
«На то болото на Житное,
«На ту на плаху дубовую».
Какъ вставалъ старый Никита Романовичъ на рѣзвы ноги,
Говорилъ какъ самъ таковы слова:
— Ай же, любезный конюхъ мой!
— Ступай-ка ты скорымъ-скоро, скорымъ нá скоро,
— Ступай на стойлы конныя,
— Бери-ка ты моего добра коня,
— Не сѣдлай, не уздай ты добра коня,
— Выводи-ка ты на широкій дворъ. —
Какъ самъ онъ надѣвалъ шубу на одно плечо,
Какъ кладывалъ онъ шляпу на одно ухо,
Бралъ немилаго постельника подъ полу подъ правую,
Выбѣжалъ онъ скоро на широкъ на дворъ,
Самъ садился скоро на добра коня,
Поѣхалъ скоро по матушки по славной каменной Москвы,
Самъ шляпой машетъ и голосомъ крычитъ:
— Розодвиньтесь-ка народъ православныій,
— Дайте мнѣ мѣстечка немножечко,

— Проѣхать старому Никитѣ Романовичу
— По матушкѣ славной каменной Москвы! —
Какъ сталъ подъѣзжать ко болоту ко Житному,
Увидѣлъ, какъ поваленъ племничекъ да крестничекъ
На тую плаху на дубовую;
У малаго-малюты Стеньки вора сына Скурлатова
Заздынута рука правая, здынута сабля кровавая;
Спрашивалъ у Өедора Ивановича:
«На кого ты оставишь молоду жену,
«Кому оставишь песчетну золоту казну?»
Какъ тутъ закрычалъ старый Никита Романовичъ
Громкимъ голосомъ во всю голову:
— Съѣшь волкъ пса, такъ и выгалкнешь! [1]) —
Какъ увидѣлъ тутъ малая-Малюта
Стенька воръ Скурлатовъ сынъ,
Увидѣлъ ѣдучись стараго Никиту Романовича на добромъ конѣ,
Не смѣлъ спустить руки правыя, сабли кровавыя,
Отсѣчь буйныя головы.
Тутъ наѣхалъ старый Никита Романовичъ,
Соскочилъ онъ съ добра коня,
Какъ взималъ онъ племничка да крестничка,
Взималъ со плахи со дубовыя,
Кидалъ немилаго постельничка
На плаху на дубовую:
И отсѣкли ему буйную голову,
Окровавили саблю кровавую.
Тутъ говорилъ Өедоръ Ивановичъ,
Говорилъ крестному батюшку:
«Ай же ты, крестный мой батюшка,
«Никита Романовичъ!
«Что жъ намъ будетъ отъ батюшка,
«Грознаго царя Ивана Васильевича?»

1) Выглотнешь, выблюешь (Б.).

Говоритъ тутъ Никита Романовичъ:
— Ай же ты, любезный мой крестничекъ!
— Что будетъ надъ моей-то головкой надъ старою,
— Моя головка при старости,
— А твоя головка при младости! —
Тутъ поѣхали во матушку во славну каменну Москву.
Какъ тутъ малая-Малюта Стенька воръ Скурлатовъ сынъ,
Представилъ онъ передъ царскими окошками
Свою-то саблю кровавую;
Какъ увидѣлъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Повѣшану саблю кровавую,
Самъ какъ говорилъ да таковы слова:
«По ворахъ — по разбойникахъ есть заступники,
«Есть заступники-помошники крѣпкіе,
«А по насъ, по сѣменахъ царскiихъ, не находится!»
[Побликовалъ] онъ указы строгіе
По матушки каменной Москвы,
Приказалъ завѣсить окна сукномъ чернымъ,
А по церквамъ велѣлъ служить онъ,
Служить обѣдни по печальному.
У собора Успенскаго, у Ивана Великаго,
Зазвонили обѣдни воскресенскія.
Тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Всѣмъ велѣлъ надѣть онъ платья черныя,
Платья черныя, все печальныя.
Старый Никита Романовичъ
Надѣвалъ шубу — которой лучше нѣтъ,
Племничку и крестничку тоже надѣвалъ
Платья — которыхъ лучше нѣтъ;
Пошли они къ обѣдни воскресенскія,
Приходили во соборъ да во Успенскій.
Тутъ старый Никита Романовичъ
Становился онъ подлѣ Грознаго царя Ивана Васильевича,
Племничка-крестничка бралъ подъ полу подъ правую,

Самъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Клонится на всѣ четыре стороны,
Грозному царю Ивану Васильевичу въ особину
Съ царицей Настасьей Романовной:
— Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своей царицей благовѣрною,
— Со своими со царскими со сѐменами! —
Какъ тутъ говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Говоритъ таковы слова:
«Ай же ты, старая курва, сѣдатый песъ!
«Развѣ ты про незгоду не знаешь и не вѣдаешь,
«Развѣ тебѣ да неизвѣстно было,
«Аль ты надо мной да насмѣхаешься?
«Выду отъ обѣдни воскресенскія,
«[Публикую] я указы да строгіе,
«Съ господъ со всѣхъ и князей
«Со живыхъ скуры сдеру,
«А съ тебя, старая курва,
«Скуру сдеру и на свѣтъ не выпущу!»
Второй наконъ онъ опять проздраствовалъ:
— Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своей царицей благовѣрною,
— Со всѣми со царскими со сѣменами! —
Какъ тутъ говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Говоритъ таковы слова:
«Ай же ты, старая курва, сѣдатый песъ!
«Развѣ ты про незгоду не знаешь и не вѣдаешь,
«Развѣ тебѣ да неизвѣстно было,
«Аль ты надо мною надсмѣхаешься?
«Выйду отъ обѣдни воскресенскія,
«[Публикую] я указы все строгіе,
«Что со всѣхъ господъ, со всѣхъ князей
«Со живыхъ скуры сдеру,

«А́ съ тебя, старая курва,
«Скуру сдеру и въ волчью зашью!»
Опять поздравствовалъ онъ и въ третій наконъ:
— Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своей царицей благовѣрною,
— Со всѣми со царскими со сѣменами
— И съ Ѳедоромъ Ивановичемъ! —
Тутъ онъ выпущалъ изъ-подъ полы изъ-подъ правыя,
Становилъ передъ Грознаго царя Ивана Васильевича.
Тутъ говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же, шуринъ мой любезныій,
«Старый Никита Романовичъ!
«Не знаю я, чѣмъ тебя пожаловать?
«Аль тебя жаловать селы съ приселами,
«Города съ пригородками,
«Улицы съ переулками,
«Аль тебя несчетной золотой казной?
Говоритъ Никита Романовичъ:
— Мнѣ не надобно селъ съ приселами,
— Городовъ съ пригородками,
— Улицъ съ переулками
— И мнѣ не надо несчетной золотой казны;
— А дай ты мнѣ Никитину вотчину и улицу:
— Кто голову убьетъ да коня уведетъ,
— По той улицѣ уведетъ,
— Того и Богъ проститъ. —
«Вотъ тебѣ, Никита, улица,
«Своя тебѣ отчина пожаловапа!
«А Ѳедора Ивановича вмѣсто себя,
«Вмѣсто себя я царемъ поставлю!»
Тутъ простоялъ онъ обѣдню воскресенскую,
Бралъ Ѳедора Ивановича за бѣлы руки,
Повелъ въ свои палаты во царскія,
А также вслѣдъ себя велъ

Стараго Никиту Романовича, шурина любезнаго.
Пришелъ онъ въ свои палаты во царскія,
Тутъ забиралъ для нихъ столованье-почестный пиръ,
Многихъ сбиралъ онъ князей-бояръ,
Вельможъ, купцовъ богатыихъ, поляницъ удалыихъ
И росейскихъ могучихъ богатырей,
Для-ради своего сына любезнаго,
Ѳедора Ивановича,
И стараго Никиты Романовича.
Дунай, Дунай,
Болѣ вѣкъ не знай!

Записана П. Н. Рыбниковымъ отъ кр. дер. Новинка на Сумозерѣ, Андрея Пантелѣева Сорокина, въ Пудожск. вол., Олонецкой губ. См. «Пѣсни, собр. Рыбниковымъ», т. II^2, № 136, стр. 263—273.

Олонецкой губерніи.

112.

А й когда-жде возсіяло солнце красное
А на томъ было на нёбушкѣ на ясноемъ,
Какъ въ ты́ пору теперичку
Воцарился нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ.
Онъ повывелъ тутъ измѣну изъ Казань-града,
Онъ повывелъ тутъ измѣну изъ Рязань-града,
Онъ повывелъ-то измѣнушку изо́ Пскова,
А й повынесъ онъ царенье изъ Царя-града,
А царя-то Перфила онъ подъ мечъ склонилъ,
А царицы-то Елены голову̀ срубилъ,
Царскую перфиду на себя одѣлъ,
Царскіи костыль да себя въ руки взялъ.
Заводилъ же онъ почестный пиръ,

А на князей пиръ, на бо́яръ пиръ,
А на всихъ гостей да званыхъ браныихъ.
Вси же на пиру да напивалиси,
Вси же на пиру да поросхвастались,
Поросхвастался прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ:
«Я повывелъ тутъ измѣну изъ Казань-града,
«Я повывелъ тутъ измѣну изъ Рязань-града,
«Я повывелъ-то измѣнушку изо́ Пскова,
«А й повынесъ я царенье изъ Царя-града,
«А царя-то Перфила я подъ мечъ склонилъ,
«А царицы-то Елены голову́ срубилъ,
«Царскую перфилу на себя одѣлъ,
«Царскіи костыль да себя въ руки взялъ.
«Я повывелъ нунь измѣну съ Новгородчины,
«Я повыведу измѣну съ каменно́й Москвы».
Ходитъ тутъ Иванушко царе́вичъ го̃суда́рь,
Самъ же испрого́воритъ:
— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ!
— Не повывести измѣны съ каменно́й Москвы:
— За однымъ столомъ измѣна хлѣба кушаетъ,
— Платьица-ты носитъ одноцвѣтныи,
— А сапожки-ты на ножкахъ одноличныи. —
Мутно е́го око помутилоси,
Царско его сердце загорѣлоси.
«Ай же ты Иванушко царе́вичъ го̃сўдӑрь!
«А подай-ко мнѣ измѣнщика да на́ очи,
«Я теперичку измѣнщику да голову́ срублю!»
Ходитъ тутъ Иванушко царе́вичъ го̃сўдӑрь,
Самъ Иванушко да испрого́воритъ:
— Я же глупымъ да разумомъ промолвился.
— На себя сказать, такъ живу не́ бывать,
— А й на братца ска́зать — братца жаль,
— А и жаль братца̀ не та́къ какъ себя....

— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,
— Ай родитель нашъ же батюшко!
— Ты-то ѣхалъ уличкой,
— Иныхъ билъ, казнилъ да иныхъ вѣшалъ ли,
— Достальніихъ по тюрьмамъ садилъ.
— Я-то ѣхалъ уличкой,
— Иныхъ билъ, казнилъ да и́ныхъ вѣшалъ ли,
— Достальніихъ по тюрьмамъ садилъ;
— А серёдечкой да ѣхалъ Ѳёдоръ да Ивановичъ,
— Билъ, казнилъ да и́ныхъ вѣшалъ ли,
— Достальніихъ по тюрьмамъ садилъ,
— Напередъ же онъ указы да по́розсылалъ,
— Чтобы малыи да порозбѣгались,
— Чтобы старыи да ростулялиси...
— А нунечку теперечку
— Вся измѣнушка у насъ да вдругъ повыстала. —
Мутно е́го око помутилоси,
Его царско сердце разгорѣлоси:
«Ай же палачи вы немило́сливы!
«Вы возьмите-тко нунь Ѳёдора Иванова
«За ты̀й за рученьки за бѣлыи,
«За ты̀й перстнѝ да за злаченыи,
«Вы сведите Ѳёдора да во чисто́ поле
«На тоѐ болотце да на житное,
«На тую̀ на плаху да на липову,
«А срубите Ѳёдору да буйну голову
«За его поступки неумильніи».
Сидятъ тутъ палачи да немило́сливы,
Большей тулится за средняго,
Средній тулится за меньшаго,
А й отъ меньшаго-то братцу вѣкъ отвѣту нѣтъ.
Сидитъ маленькій Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ:
— Ай прегрозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Много я казнилъ князей князевичевъ,

— Много королей да королевичевъ,
— Нунь да Ѳёдору я не́ спущу. —
Бралъ тутъ Ѳедора Иванова
За тый за рученьки за бѣлыи,
За тый перстни́ да за злаченыи,
Велъ же Ѳёдора въ чисто́ поле
На тоѐ болотцо да на Житное,
На ту̀ю на плаху да на липову.
А и Марѳа-та Романовна
Кинулась она въ одной рубашки бе́зъ костыца[1]
А въ однихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
А накинула тутъ шубку соболиную,
Черныхъ соболей да шубку во пятьсотъ рублей,
А й бѣгомъ бѣжитъ на горочку на Вшивую
Къ тому братцу ко родимому,
Ко Микитушкѣ Романову.
Прибѣгала тутъ на горочку на Вшивую
Къ тому братцу ко родимому,
Ко Микитушкѣ Романову, —
Не спрашиватъ тутъ у дверей придверничковъ,
У воротъ да приворотничковъ,
А прочь взашѐй она да всихъ отталкиватъ.
А й придвернички да приворотнички
Они вслѣдъ идутъ да жалобу́ творятъ:
«Ай Микитушка Романовичъ!
«Да твоя-то есть сестрица да родимая,
«Что ли Марѳа-та Романовна,
«А й бѣжитъ она не въ по́крути,
«Надъ тобой она да надсмѣхается,
«Всихъ же насъ да вза́шей прочь отталкиватъ».
Говоритъ же тутъ Никитушка Романовичъ:
— Что же ты, сестрица да родимая,

1) Костычъ — родъ сарафана.

— Что бѣжишь, надъ нами надсмѣхаешься,
— Нашихъ вза́шей прочь отталкиваешь?—
Тяжелешенько она да поросплакалась
А Микитушки Романову розжалилась:
«Ай ты братецъ ты родимыи
«Да Никитушка Романовичъ!
«Я ли надъ тобой да надсмѣюхаюси,
«Али ты же надо мной да надсмѣхаешься,
«Али надъ собой незгодушки великіи не вѣдаешь,
«Али надъ собой да нунѣ на́до мной,
«Надъ сестрицей да родимою?
«Твоего-то племничка,
«Племничка да крестника,
«Али Ѳёдора Иванова,
«Увели́ его да во чисто́ поле
«На тоѐ болотце да на Житное,
«На туѝ на плаху да на липову,
«Срубить Ѳёдору да буйну голову
«За него поступки неумильніи».
Старыи Никита да Романовичъ
Бросилъ онъ кафтанъ да на одно плечо,
Кинулъ шляпу на одно ухо,
Тяпнулъ въ руки саблю вострую,
Онъ садился на коня да не на сѣдлана,
Не на сѣдлана коня да не на уздана,
Онъ садился на коня однимъ стегномъ,
Городомъ-то ѣде голосо́мъ крычитъ,
Голосо́мъ крычитъ да самъ шляпо́й машетъ:
— Ахъ ты маленькой Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ!
— Не клони-тко нунь же Ѳёдора Иванова
— На ту было на плаху да на липову,
— Не руби-тко Ѳёдору да буйной го́ловы
— За его поступки неумильніи.
— Срубишь же ты Ѳёдору да буйну голову,

— Не тотъ же ку́сокъ съѣшь а самъ подавишься,
— Не тотъ же сто́канъ выпьешь самъ закле́кнешься́. —
А не спрашиватъ Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ,
Клонитъ Ѳёдора Иванова
А скрычалъ же тутъ Микитушка Романовичъ:
— Ай ты Ѳёдоръ да Ивановичъ!
— Не клони-тко своей буйныи ты го́ловы,
— Царскій родъ на казени не ка́знится. —
А не сталъ же Ѳёдоръ да сдаватися,
А не сталъ клонить своей да буйной го́ловы
А на тую онъ на плаху да на липову.
А розъѣхался Микитушка Романовичъ
А къ тому же палачу да немило́сливу,
Къ малому Малютѣ да Шкурлатову.
Не клонилъ же онъ Малютки да Шкурлатова
На тую на плаху да на липову,
Какъ сма́хне онъ да саблей вострою,
Онъ отсѣкъ Малютки буйну голову
За него поступки неумильніи,
Что зачимъ везе на казень царскій родъ.—
А срубить-то ему буйну голову.
Онъ бралъ Ѳёдора было Иванова
За тыи за рученьки за бѣлыи,
Цѣловалъ въ уста его саха́рніи,
Посадилъ его на добра́ коня,
На свое садилъ было да на право́ стегно,
По́везъ Ѳедора Иванова
А на ту было на горочку на Вшивую
А къ тому было къ подворьицу Микитину.
Севодни братцы день суботніи,
Завтра день да воскресеньицо,
Имъ итти-то ко Божьей церкви.
А ставалъ же тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ
Онъ по утрышку ранехонько,

Умывается онъ да бѣлехонько,
Снаряжается онъ хорошохонько,
Одѣвае платья опалёныи,
Ко́ней подпрягаютъ воронёныихъ.
А й поѣхалъ тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ поѣхалъ ко заутрени.
А ставае тутъ Микитушка Романовичъ
А й по утрышку ранехонько,
Умывается онъ да бѣлехонько,
Снаряжается онъ хорошохонько,
Одѣвае платья красныи,
Ко́ней подпрягаютъ все же рыжіихъ,
Кареты подпрягаютъ золоченыи;
Пріѣзжае онъ да тутъ же ко заутренки.
Испрого́воритъ Микитушка Романовичъ:
— Здравствуй ты, прегрозныи сударь царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своей да любимо́й семьей
— А со Мареой-то Романовной,
— Да со Ѳёдоромъ Ивановымъ,
— Со Иваномъ-то Ивановымъ! —
Говоритъ же тутъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай ты старыи Никита да Романовичъ,
«Ай ты шуринъ да любимыи!
«Ты незгодушки не вѣдаешь,
«Надо мной великою незгодушки:
«Твоего-то племничка,
«Племничка да крестничка,
«Что ли Ѳёдора Иванова,
«Нѣту Ѳёдора во живности».
Старыи Микитушка Романовичъ
Снова тутъ его да онъ проздравствовалъ:
— Здравствуй ты, прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,

— Со своей да любимо́й семьей
А со Марѳой-то Романовной,
— Да со Ѳёдоромъ Ивановымъ,
— Со Иваномъ-то Ивановымъ. —
Говоритъ же нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты старыи Никита да Романовичъ!
«Что же въ рѣчи ты не вчуешься,
«Самъ ты къ рѣ́чамъ да не примешься?
«Твоего то племничка,
«Племничка да крестничка,
«Нѣту Ѳёдора во живности».
Говоритъ же тутъ Микитушка да въ третій разъ:
— Здравствуй ты, прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ.
— Со своей да любимо́й семьей
— А со Марѳой то Романовной,
— Да со Ѳёдоромъ Ивановымъ,
— Со Иваномъ-то Ивановымъ. —
Мутно е́го око помутилоси,
Царско е́го сердце разгорѣлоси.
Отвѣчае тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты старый песъ Микитушка Романовичъ!
«Надо мною знать Микита надсмѣхаешься?
«Выдемъ отъ великодённыи заутрени,
«Прикажу теби Микита голову́ срубить».
Тяжелешенько туть царь да поросплакался:
«По ворахъ да по разбойничкахъ
«Е заступнички да заборонщички, —
«По моёмъ рожоноёмъ по дитятки
«Не было нунь да заступушки,
«Ни заступушки, ни заборонушки!»
Говоритъ же тутъ Микитушка Романовичъ:
— А бываетъ ли тутъ грѣшному прощеньицо? —
«А бываетъ тутъ да грѣшному прощеньицо,

«Того грѣшнаго да негдѣ взять».
Говоритъ было Микитушка во дру́гой разъ:
— А бываетъ ли тутъ грѣ́шному прощеньицо?—
«А бываетъ тутъ да грѣшному прощеньицо,
«Того грѣшнаго да негдѣ взять».
Говоритъ же тутъ Микитушка да въ третій разъ:
— А прости-тко того грѣшнаго. —
«Того грѣшнаго нунь Богъ проститъ,
«Того грѣшнаго нунь негдѣ взять!»
Отвѣчаетъ тутъ Микитушка Романовичъ:
— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ!
— Не отрублена да Ѳёдору да буйна го́лова,
— А отрублена Малюткѣ да Шкурлатову
— За него поступки неумильніи,
— Да зачимъ же и́де казнить царскій родъ:
— Царскій родъ на казени не казнится.—
Говоритъ же нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты старыи Микитушка Романовичъ,
«Ай да шуринъ да любимыи!
«Что теби Микитушка пожаловать?
«Города ли теби дать да съ пригородками,
«Али села дать да со приселками,
«Али силушки тобѣ-ка-ва по надобью,
«Али золотой казны тобѣ-ка-ва по надобью,
«Али добрыхъ ко́моней тобѣ-ка-ва по надобью?»
Отвѣчаетъ тутъ Микитушка Романовичъ:
— Не надо мнѣ-ка городовъ да съ пригородками,
— Не надо мнѣ-ка селъ да со приселками,
— Мнѣ-ка силушки по надобью,
— Золотой казны по надобью,
— Добрыхъ ко́моней по надобью:
— Золота казна у мо́лодца не держится[1]),

1) Т. е. не издерживается.

— Добра ко́мони у мо́лодца не ѣздятся.
— Дай-ко мнѣ Микитину да отчину.
— Хоть коня угони, хоть жену ўведи,
— Хоть каку ни е побѣдушку да сдѣлай ли,
— Да въ Микитину да отчину́ уйди,
— Того добраго же мо́лодца да Богъ простилъ.—
А й прегрозный царь Иванъ Васильевичъ
Далъ Микитину да отчину.

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ отъ крест. д. Горки Пудожгорскаго погоста, Повѣнецк. у., Олон. г. Пет. Калинина. «Онежскія былины» I^2. № 13, стр. 147—155.

Олонецкой губерніи.

113.

Когда возсіяло солнце красное
На тое на небо на ясное,
Тогда воцарился грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Коею улицей ѣхалъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Тутъ кура̀ не́ поетъ;
Коею улицей ѣхалъ Иванушко Ивановичъ,
Тутъ кура̀ не́ поетъ;
Коею улицей ѣхалъ Малюта Скурнатовичъ,
Тутъ кура̀ не́ поетъ;
Коею улицей ѣхалъ Ѳёдоръ Ивановичъ,—
Сказывалъ онъ улицы казненыи,
А вси ты улицы не казненыи,
Становилъ онъ живыхъ мертвыми.
Собирался тутъ почестенъ пиръ,
Вси на пиру наѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру росхвастались.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходитъ по полатѣ бѣлокаменной,
Чешетъ бороду и голову,
Самъ говоритъ таково слово:
«Вывелъ я измѣну изо́ Пскова,
«Вывелъ я измѣну съ каменно́й Москвы,
«Вывелъ я измѣну изъ Низова!»
Изъ за того стола бѣлоду́бова,
Изъ-за тыя скамейки кленовыя
Испрого́воритъ Иванушко Ивановичъ:
— Свѣтъ государь нашъ батюшко,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Не вывести измѣны съ каменной Москвы:
— Таперича измѣна за столомъ сидитъ,
Она́ съ нами ѣстъ да пьетъ да кушаетъ,
— Съ нами бѣлого лебедя рушаетъ.—
Его царское сердце возгорѣлося:
«Дай-ка измѣну мнѣ на́ очи!
«Отсѣку я ему буйную голову!»
Ему на̀ друга сказать да на боярина,
Пролить да будетъ кровь понапрасному.
Пришло сказать на братца родимаго,
На́ того на Ѳёдора Ивановича:
— Коей улицей ѣхалъ Ѳёдоръ Ивановичъ,
— Сказывалъ онъ улицы казненыи,
— Вси ты улицы не казненыи
— Становилъ онъ живыхъ все мертвыма.
Тутъ его царско сердце возгорѣлося:
«Ай же вы палачи немило́сливы!
«Возьмите-тко вы Ѳёдора Ивановича
«За его за ручки за бѣлыи,
«За его перстни за злаченыи,
«Отсѣките ему буйную голову!»
Большій туляется за меньшаго,

Меньшій туляется за средняго,
А отъ средняго и отвѣту нѣтъ.
Испрого́воритъ Малюта Скурнатовичъ:
— Дѣлать намъ дѣло повелѣное,
— Сказать намъ слово говореное. —
Взяли Ѳёдора царевича
За его за ручки за бѣлыи,
За его за перстни за злаченыи.
Справилась тутъ Настасья Романовна
Ко своему братцу Никитѣ Романовичу.
У ней чоботы на ножкахъ безъ чулочиковъ.
Испрого́воритъ Никита Романовичъ:
«Что это за чудо удивилоси,
«Незваная та гостья пѣша́ пришла?»
— Ѳёдора царевича жива нѣту,
— Твоего любимаго племянничка! —
Тутъ Никита Романовичъ
Взялъ коня себи неосѣдлана,
Неосѣдлана, необуздана,
Онъ шапкой машетъ и голосо́мъ крычитъ:
«Ай же палачи немило́сливы!
«Съѣдитѐ вы этотъ кусъ и подавитесь.
«Подьте-тко на царевъ кабакъ,
«Прибирайте мо́лодца лицё въ лицё,
«Лицё въ лицё и плечо въ плечо,
«Отсѣките ему буйную голову».
Тутъ палачи немило́сливы
Прибрали молодца лицё въ лицё,
Лицё въ лицё и плечо въ плечо,
Отсѣкли ему буйную голову.
Тутъ Микита Романовичъ
Надѣваетъ платье что ни лучшее.
Пріѣзжаетъ къ Грозному царю Ивану Васильвичу.
Бьетъ челомъ на всѣ четыре на стороны,

Грозному царю Ивану Васильевичу въ особину.
Испрого́воритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ужъ ты старая собака сѣдатый песъ!
«Али ты надо мною насмѣхаешься,
«Аль не знаешь моей незгодушки великоей?
«Я въ медвѣдно зашью и кобелямъ скормлю».
Испрого́воритъ Никита Романовичъ:
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Кака̀ твоя незгодушка великая?—
«Ѳёдора царевича жива нѣту,
«Твоего любимаго племянничка».
Испрого́воритъ Никита Романовичъ:
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Ѳёдоръ царевичъ въ зелено́мъ саду гуляетъ
— И бьетъ челомъ на всѣ на четыре стороны
— А грозному царю Ивану Васильевичу въ особину. —
Тутъ испрого́воритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же ты Никита Романовичъ:
«Города ль возьмешь съ пригородками,
«Аль безъ счету возьмешь золотой казны?»
Испрого́воритъ Никита Романовичъ:
— Не надъ мнѣ-ка ни городовъ съ пригородками,
— И не надъ мнѣ-ка золотой казны.
— Напиши ты тое слово: кто въ Микитину отчину ушелъ,
— Того и Богъ унесъ!

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ на Масельгѣ, Повѣнецк. у., Олон. г. отъ кр. Степана Койбина. «Онежскія былины», т. I^2, № 25, стр. 199—202.

Олонецкой губерніи.

114.

Когда воцарился Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Тогда возсіяло на небѣ солнышко,

Тогда рыбы вси на глубь сошли,
Тогда сбѣжали звѣри въ лѣса тёмныи,
Мы сидѣли да были по конécъ польцà,
Мы ѣли да пили по конéцъ стольцà:
Да вы слушайте братцы послухайте,
Я скажу старину стародавную,
Стародавную старинушку бывалую,
Какъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Снарядилъ ли войско подъ Казань-то городъ,
Тамъ стояло-то войско подъ Казань де городомъ
Не много не мало семь-то годовъ».
Да проговóрилъ пушкарь да таково слово:
— Да ты Грозный царь Иванъ Васильевичъ![1]
— Подкопать бы намъ подкопы глубокіе
— И подъ эты подъ стѣны городовыи,
— Закатить бы намъ бочки съ зельёмъ лютыимъ,
— Начинить бы намъ бочки черныимъ порохомъ,
— И зажгать бы намъ свѣчи воскóвыи
— Во эты во руцы во бѣлыи,
— За эты за стѣны да за дубовыи. —
Во рукахъ-то свѣщи догорѣются,
Надъ стѣнами да ничево вѣдь не дѣется.
«Ай же пушкарь да ты обманываешь!»[2]
— Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Ты позволь слово сказать да словцо вымолвить:
— Во рукахъ-то свѣщи да оны ясно горятъ[3]. —
Не успѣлъ ли пушкарь да слова вымолвить,
Трёснули башенки треугольніи,
Разорвало стѣны городовыи,
И зашло тутъ войско во Казань-то городъ,
Да повынесли знамéна со Казáнь городà,

Разнорѣчія: 1) Позволь слово сказать да слово вымолвить;
2) И проговорилъ пучкарь да таковò слово:
3) — А за стѣнами свѣщи оны не ясно горятъ. —

Да повынесли порфилу-ту царскую,
Изъ-за этого стола да изъ-за окольнёго.
Какъ грозной царь Иванъ Васильевичъ
Ёнъ по свѣтлоей по свѣ́тлици похаживаетъ,
Ёнъ сапогъ о сапогъ поколачиваётъ,
Да самъ онъ го́ворилъ таково слово:[1]
«И нунь заведу я почестенъ пиръ
«И на многихъ на князей на бояръ,
«И на русскихъ могучихъ бога́тырёвъ,
«И на всихъ поляницъ на удалыихъ.
«Я повыведу измѣну нунь съ каменной Москвы,
«Я повыведу измѣну со Нова́ города
«Я повыведу измѣну да й со Опского,
«Я повыведу измѣну да й со Ва́стракани».[2]
Да прогово́рилъ тутъ грозной царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же ты Ѳедоръ да Ивановичъ!
«Да садись-ко на коня да й богатырскаго
«И со этыма поспѣхамы богатырскима.
«Поѣзжай-ко ты да великой Москвой,
«Каменно́й Москвой да ты великою,
«Старыхъ и малыхъ конёмъ топчи,
«Русскихъ могучихъ бога́тыревъ саблёй руби,
«Да ты не дѣлай-ко измѣны въ каменно́й Москвы».
Да поѣхалъ ли-то Ѳедоръ да Ивановичъ
Старыхъ и малыхъ конёмъ не топталъ,
Русскихъ могучихъ бога́тырёвъ саблёй не рубилъ,—
Онъ-то дѣлалъ измѣну-ту въ каменно́й Москвы.
Пріѣзжаетъ онъ ко двору да тутъ ко царскому,
И ко этому столу да княженецкому,

---

1) «Ай вы, русскія могучіи бога̀тыри,
«Ай же поленйцы удалыя!

2) «И повынесъ я знамена со Казань города̀,
«И повынесъ я порфиду да царьскую
«Съ за этого стола да съ за окольнаго».

И отворяе ворота да онъ-то на́ пяту,
Онъ и крестъ-то кладётъ да и по писа́ному,
Онъ и поклонъ-то ведётъ да й по учоному,
И на двѣ на три на четыре на сторонки поклоняется,
Ивану-то Васильевичу дѣлаетъ поклонъ-то въ особину.
Тутъ какъ станетъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
И на свои-то да рѣзвы́ ноги,
И самъ говоритъ да во всю голову:
«Ай вы русскіи могучіи богатыри,
«Ай же вы пояницы удалыи!
«Я повынесъ-то знаме́на съ Каза́нь города,
«Я повынесъ ли порфилу-то царскую
«А зъ-за этого стола да зъ-за окольняго,
«Я вывелъ ли измѣну съ каменной Москвы,
«Я вывелъ ли измѣну со Нова города,
«Я вывелъ ли измѣну вѣдь со Опского,
«Я вывелъ ли измѣну и со Ва́стракани».
Какъ сидятъ тутъ воры да й Гагарины [1]):
— А ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Да твоя-то измѣна за столомъ сидитъ,
— И твоя-то измѣна на тебя глядитъ [2]).—
Ёнъ кликнулъ Потанюшка Курлатова.
Какъ средней-то тулится за большаго,

---

1) И проговорятъ таково слово:
2) Сталъ то грозный царь Иванъ Васильевичъ
На свои да на рѣзвы ноги,
Крикнулъ онъ да во всю голову.
«Ай же ты, Малютченко Потанюшка Курлатовъ сынъ!
«Бери-тко ты Ѳедора Ивановича
«За этыи за рученьки за бѣлыи,
«За этыи за перстни злаченыи,
«И веди его на поле на чистое,
«На ту ли то на плаху на дубовую,
«Отруби ты ему буйну голову
«И придать смерть ему напрасная,
«Вынять сердце со печенью».

Какъ меньшей-то тулится за средняго,
Говоритъ Потанюшка Курлатовъ сынъ:
«А видно мни да ко судьбы пришло».
Да беретъ-то Ѳедора Ивановича,
Да беретъ-то Скурлатовъ за рученки за бѣлы,
За этыи берётъ ли за перстни злаченыи,
Да поводитъ на поле на чистоё,
На ту ль-то на плаху на дубовую,
Отрубить-то ему да буйна го́лова,
И придать смерть ему напрасная,
И вынять сердце со печенью.
И взяла тутъ Настасья Романовна
И стала на свои да на рѣзвы́ ноги,
Надѣвала черéвички на босу ногу,
Кладывала она шубу соболину на одно плечо,
И шла-то къ стару казаку да къ Никиты Романовичу.
И крест-отъ кладётъ по писаному,
Поклон-отъ ведётъ по учоному,
И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется
Да стару́ казаку Микиты Романовичу
Она дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину:
— Ай ты старой казакъ Микита Романовичъ!
— Да ты пьёшь да ѣшь да проклаждаешься,
— А надъ нами ты незгодушки не вѣдаёшь.
— Нѣтъ-то у насъ сына да любимаго
— Ѳедора Ивановича.
— Взялъ ли Малюченка Потанюшка Курлатовъ сынъ
— И взялъ ли за рученки за бѣлыи
— И за этыи за перстни злачёныи,
— И свёлъ ли на полё на чистоё,
— На ту ль-то на плаху дубовую,
— И отрубилъ-то ему да буйну голову,
— Да придалъ-то смерть ему напрасную,
— Да вынялъ сердце со печенью.

— И нѣтъ твоего крестнаго любимаго
— И Ѳедора да Ивановича. —
Да проговоритъ старо́й казакъ Микита Романовичъ:
«Долго долго не пекало красно солнышко — двѣнадцать лѣтъ,
«Не бывала-то Настасья Романовна
«У стара́ казака Микита Романовича».
Онъ сталъ ли старо́й казакъ Микита Романовичъ
И на свои сталъ на рѣзвы́ ноги
И надѣвае босовички на босу ногу,
И надѣвае сертукъ да на одно плечо,
И онъ кидалъ колпакъ да на одно ухо.
Онъ берётъ-то коня да й богатырскаго,
Онъ садится на коня да й богатырскаго,
Онъ крикнулъ тутъ во всю голову:
«Ай же, народъ, сторонитесь вы!
«Старыхъ и малыхъ конёмъ стопчу,
«Русскихъ могучихъ бога́тыревъ саблёй срублю».
Далъ народъ улицу широку да вѣдь продо́лговату,
Каменно́й Москвой ѣхать да великою.
И онъ выѣхалъ на поле да й на чистое,
Онъ и крикнулъ тутъ да во всю голову:
«Ай ты Малюченко Потанюшка Курлатовъ сынъ!
«Да ты съѣшь этотъ кусъ, да подавишься,
«Да ты выпьешь эту чару, — захле́бнешься».
Да пріѣхалъ ли Микита да Романовичъ
Да ко этой ко плахѣ ко дубовою,
И досталъ-то онъ Ѳёдора Ивановича,
И досталъ-то его да вѣдь во живности.
Онъ сходитъ съ коня да ї богатырскаго,
Онъ берётъ-то Скурлатова за́ волосы,
Онъ кидае Скурлатова о плаху о дубовую
И отрубилъ-то ёму да буйну голову,
Да придалъ смерть да напрасную,

Да вынялъ сердце со пе́ченью.
И севодня дѣется пятница великая,
Завтра буде субота христовская,
И садился тутъ staро́й казакъ Микита Романовичъ
На своего ли коня да богатырскаго
А со этыимъ ли со Ѳедоромъ Ивановичемъ
И привёзъ его въ полату богатырскую[1]).
И въ эту въ суботу во христовскую
Какъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
Розыслалъ-то онъ афишки по вси́мъ сторонамъ
И по своимъ-то слугамъ да вѣдь подданнымъ[2]):
— Да вы по́йдете къ заутреной христовою[3]),
— Вы надѣньте одежду роспечальную,
— И нѣтъ-то у мня сына да любимаго
— И Ѳёдора да вѣдь Ивановича.
— Да свёлъ ли Скурлатовъ на чи́сто поле
— И отрубилъ-то ему да буйну голову,
— И придалъ ему смерть напрасную,
— Да вынялъ сердце со печенью. —
Да пришли эты слуги ёго вѣрныи
И пришли эты слуги ёго подданны,
Да пришли-то во церковь во Божію,
Да ко этой заутреной христовою,
И надѣта одежда роспечальная.
Да приходитъ staро́й казакъ Никита Романовичъ[4])
Онъ крест-отъ кладётъ по писа́ному

1) Къ стару казаку Никитѣ Романовичу

2) По своимъ слугамъ вѣрныимъ,
По своимъ слугамъ подданыимъ:
«Ай же вы, мои слуги вѣрныи,
«Ай же вы, мои слуги подданныи!

3) Во этую во церковь во Божію.

4) Во эту во церковь во Божію,
Надѣлъ одёжу самолучшую.

И поклон-отъ ведётъ по ученому,
И на двѣ на три на четыре стороны покланяется,
И Грозному царю да вѣдь Ивану Васильевичу
Онъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Да вѣдь самъ гóворилъ да таково слово:
— Да ты здравствуй-ко Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своёй семьёй да со моёй сестрой,
— Да со тымъ ли со яснымъ со соколомъ
— Да со Өедоромъ да Ивановичемъ! —
Ёнъ повéрнется Грозный царь Иванъ Васильевичъ
И загляне на него да немилы́мъ окомъ[1]):
«Какъ былъ бы ты, собака, не въ церкви не въ Божьею,
«Я не далъ бы собакѣ на часъ жи́вота».
Какъ скаже старóй казакъ Микита Романовичъ:
— Да живётъ ли грѣшному прощеньицо,
— Да живётъ ли грѣшному благословеньицо? —
«Я простилъ бы да вѣдь некого,
«Я помиловалъ бы да негдѣ взять».
И повéрнется старой казакъ Микита Романовичъ
Да со этой церкви да со Божьею,
Во свою ль-то онъ полату богатырскую,
Говоритъ-то тутъ Өедору Иванычу:
— Ай ты мой крестничокъ да мой любимой ты!
— Я досталъ ли-то у Грознаго царя у Ивана да Васильевича,
— Я досталъ ли у него да вѣдь прощеньицо,
— Я досталъ ли у него да вѣдь благословеньицо.
— Да ты ставай-ко вѣдь по утрушку ранёхонько,
— Умывайся-тко да ты бѣлёхонько,
— Утирайся-тко да вѣдь сухохонько,
— Убирайся ты да хорошохонько,
— Да мы пойдемъ-то вѣдь во церковь да во Божьюю.

---

1) На стара казака Никиту Романовича,
И самъ проговоритъ ему да таковò слово:

— И ко этоей заутреной христовою [1]).—
И пришли оны во церковь да во Божьюю,
Да крестъ оны кладутъ да по писаному,
Да поклонъ ведутъ оны да по ученому,
И на двѣ на три на четыре стороны поклоняются
И Грозному царю да вѣдь Ивану Васильевичу
Оны дѣлаютъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Да проговоритъ старой казакъ Микита Романовичъ:
— Да ты здравствуй-ко, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со моеёй сестрой да со своеёй семьеёй
— Да со тымъ ли со яснымъ со соколомъ
— Да со Ѳёдоромъ со Ивановичемъ!—
Да повéрнется Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Да къ стару́ казаку Никиты Романовичу,
Онъ берётъ его за рученки за бѣлыи,
И берётъ-то за перстни за злачоныи,
И цѣлуе во уста да во сахарныи,
Да вѣдь самъ говорилъ и таково слово:
«Ай же ты, старой казакъ Микита Романовичъ!
«Да чимъ тебя нá скори пожаловать:
«Городамы ли тебя и пригородкамы,
«Али ли силою тебя да вѣдь великою,
«Али золотой казной да вѣдь безсчетною? [2])»
— Ай же ты Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Мни не надо городовъ съ пригородкамы,
— Мни не надо-то вѣдь силы богатырскою,
— Мни не надо золотой казны безсчотною,
— И у меня-то всего того своегó вѣдь есть.
— Мни пожалуй-ко, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,

---

1) Сталъ-то Ѳедоръ Ивановичъ по утрышку ранешенько,
Умывался онъ бѣлёшенько,
Утирался онъ сухохонько,
И убирался онъ хорошѐхонько.

2) И прогòворитъ старой казакъ Никита Романовичъ:

— Да вѣдь на́ скори Микитину отчину:
— И кто какой грѣхъ-то сдѣлаетъ
— Кто въ Микитину отчину уйдетъ, того Богъ простилъ.—
Тутъ пожаловалъ ли грозный царь Иванъ Васильевичъ
Какъ на крути́[1]) Микитину отчину
Да стару казаку Микиты Романовичу.
Да старинушки и славу́ поёмъ.

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ въ Петербургѣ 8 сент. 1871 года отъ кр. д. Боярщины, Кижской волости, Олон. г. Вас. Петр. Щеголенка. Онежскія былины т. II^2 № 129, стр. 356—363. Разнорѣчія приведены по пересказу того же сказителя, записанному Гурьевымъ и напечатанному Е. В. Барсовымъ въ «Памятникахъ народнаго творчества въ Олонецкой губерніи». Спб. 1873, стр. 78—85.

Олонецкой губерніи.

115.

У Грознаго царя Ивана Васильевича
Былъ у его поче́стенъ пиръ
На всихъ на князей на бояръ,
На руськіихъ могучіихъ богатыревъ.
Красное солнце на́ вечери,
Почестенъ пиръ у нихъ на́ весели,
Вси на пиру пьяны ве́селы.
Спрого́воритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Повывелъ я измѣну со Нова̀города,
«Повывелъ я измѣну съ каменной Москвы.
«Повывелъ я измѣну и со Кіева».
Спрого́ворилъ его а’ще меньшій сынъ:
— Ай же ты батюшка родимый мой!
— Хоть повывелъ ты измѣну со Кіева,
— Хоть повывелъ ты измѣну со Нова̀города,

---

1) На скори.

— Хоть повывелъ ты измѣну съ каменной Москвы,
— А е у тебя измѣна подъ правы́мъ плечомъ.
— Какъ я которой ѣхалъ улицей,
— Я казнилъ чисто на чисто.
— Дядюшко какъ ѣхалъ улицей,
— Тоже казнилъ чисто на чисто.
— А братецъ какъ ѣхалъ улицей,
— Тотъ казнилъ чисто не на̀ чисто:
— Впереди себя послалъ скори̇̀ гонця,
— Чтобы мужики новгородскія
— По погребамъ они бы охитялися,
— А желѣзными бы доскамы задвигалися.
— Онъ казнилъ чисто не на̀ чисто.—
Тутъ царское сердце расходилося.
Хмельнымъ умомъ, да пьянымъ разумомъ,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Говоритъ онъ да таково слово:
«Ай палачики́ немило́сливыя!
«Ведите мо'го сына бо́льшаго
«За тое болото за Житное,
«На тую доску на липову,
«Завѣсьте ему ясныя очушки,
«Сѣките ему буйную голову».
Тутъ вси на пиру испужалися
Тутъ вси на пиру разбѣжалися.
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почостнаго,
Выходитъ воръ Малютка Скурлатовъ сынъ.
Взялъ его сына бо́льшаго
За его за ручки за бѣлыи,
За его за перстни злаченыи,
Повелъ за болото за Житное,
На тую доску на липову,
Отсѣчь ему буйная головушка.

Прознала его матушка родная,
Прознала Анна Романовна.
Чоботы надернула на босы ноги,
Шубу накинула на одно плечо,
Прибѣжала къ братцу къ Микитѣ Романовичу.
Идетъ скоренько на высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому.
Спроговори братецъ, Микита Романовичъ:
— Неждáна гостьица ко мни́ пришла! —
Спрогóвори Анна Романовна:
«Ай же ты братецъ Микита Романовичъ!
«Ты-ль надо мною надсмѣхаешься?
«Али ты надо мной надрываешься?
«Аль надо мной невзгоды не вѣдаешь?
«Не стало у меня вѣдь сына бóльшаго,
«Мóлода Өедора Ивановича,
«Свелъ воръ Малютка Скурлатовъ сынъ
«За тое болото за житное,
«На тую доску на липову,
«Завѣсить ему ясныя очушки,
«Сѣчь его буйная головушка».
Тутъ Микита Романовичъ
Скорёшенько ёнъ тутъ исправился:
Чоботы надернулъ на босы ноги,
Шубу накинулъ на одно плече,
Колпакъ накинулъ на одно ухо,
Палъ на коня не на сѐдланаго,
Колпакóмъ махалъ, голосóмъ кричалъ:
— Не казните-тко вы сына царскаго! —
Пріѣхалъ за болото тутъ за Житное
Къ той доски онъ къ липовой.
Положенъ Өедоръ Ивановичъ на тую дощечку на липовую,
Завѣшены ясныя очушки,

А не сѣчена буйная головушка.
Тутъ хватилъ его за ручки за бѣлыи,
Выздынулъ съ дощечки онъ съ липовой.
Вора Малютка сына Скурлатова
Положилъ на дощечку на липову,
Завѣсилъ ему ясныя очушки,
Ссѣкъ ему буйную головушку.
Племянника на коню везетъ,
А самъ за конёмъ онъ и вслѣдъ идетъ.
Дѣло дѣялось въ Христовскую во пятницю,
Въ Христовъ день пошли ко заутрени.
Идетъ Никита Романовичъ въ церковь Божію,
Ко той Христовской ко заутрени,
Самъ идетъ, племянника подъ полой ведетъ.
Пришелъ къ царю Ивану Васильевичу:
— Что же ты, братецъ, царь Иванъ Васильевичъ, прикручинился.
— Что же ты припечалился? —
Спроговоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же ты, братецъ, Микита Романовичъ!
«Толи́-ль надо мной надсмѣхаешься,
«Аль надо мной невзгоды не вѣдаешь?
«Не стало у меня сына бо́льшаго,
«Мо́лода Ѳедора Иванова.
«Свелъ Малюта воръ Скурлатовъ сынъ
«За тое болото за Житное,
«На тую доску на липову,
«Завѣсилъ ему ясныя очушки,
«Ссѣкъ ему буйную головушку.
А спрого́вори Микита Романовичъ:
— Ай же ты, братецъ, царь Иванъ Васильевичъ!
— Мнѣ можно съ мертва жива сдѣлати! —
Прого́воритъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Вѣкъ того на сёмъ свѣтѣ не водится,
«А живой съ мертваго не ро́дится.

«Кто мнѣ-ка-ва съ мертва жива́ сдѣлалъ,
«Я бы половину отдалъ своего государствія!»
Спрогово́ри Микита Романовичъ:
— Мнѣ-ка-ва не надо ни злата, ни серебра,
— Ни половины твово государствія,
— А только сдѣлай Микитину отчину:
— Кто голову сдѣлаѐ, у́йде въ Микитину отчину, того Богъ
[проститъ,
— Кто коня угонитъ, у́йде въ Микитину отчину, того Богъ
[проститъ. —
Записали записи великіи,
Показалъ ему сына бо́льшаго.
Тутъ царь Иванъ Васильевичъ
Взялъ сына бо́льшаго за ручки за бѣлыя,
Цѣловалъ его въ уста сахарныи.

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ отъ крестьянки д. Конды, Сѣнногубской волости, Олон. г., Домны Вас. Суриковой. «Онежскія былины», т. II^2, № 142, стр. 420—424.

Олонецкой губерніи.

116.

(см. Рыбниковъ, № 31).

Когда-то возсіяло солнце красное,
На тоёмъ-то небушкѣ на ясноемъ,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Заводилъ онъ свой хорошъ почестный пиръ:
Вси-то на пиру да наѣдалися
Вси-то на почестномъ напивалися
И вси на пиру порасхвастались.
Иный хвастаетъ села со приселками,
А иный хвалитъ города съ пригородками,
Иный хвалится да золотой казной,
Умный хвалится родной матушкой,

Безумный хвастаетъ молодой женой.
Изъ-за того стола да изъ-за дубова
Не золота звонка труба вытрубила,
Испроговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Испроговорилъ онъ таково слово:
«Есть и мнѣ царю теперь похвастати:
«Я повынесъ-то царенье изъ Царя-града,
«Царскую перфиру на себя надѣлъ,
«Царскій костыль я себѣ въ руки взялъ,
«И повыведу измѣну съ каменной Москвы!»
Съ-по тыя было палаты бѣлокаменной
Тутъ не красное-то солнышко каталося,
А не скатный жемчугъ разсыпается,
Ходитъ маленькой Иванушко царевичъ-государь,
Сынъ говорилъ да таково слово:
— Ты эй государь мой родной батюшка,
— Не вывести измѣны съ каменной Москвы:
— Сидитъ-то измѣна за однимъ столомъ,
— Исъ[1])-пьетъ измѣна одни кушанья,
— Платьи носитъ одноцвѣтныя
— Да сапожки на ножкахъ одноличныя. —
Тутъ не мутное око помутилося
Его царское сердце разгорѣлося
И сговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты маленькой Иванушко, царевичъ-государь!
«Ты подай мнѣ измѣнщика да на очи:
«Я измѣнщику голову срублю».
Испроговорилъ Иванушко царевичъ-государь:
— Ужъ я глупымъ-то разумомъ промолвился:
— Какъ на братца мнѣ сказать, такъ мнѣ-ка братца жаль,
— На себя мнѣ-ка сказать, такъ мнѣ-ка живу но быватъ;
— А буде сказать мнѣ на братца своего,

---

1) *Ѣстъ.*

— На того на Өедора Ивановича.
— Ей ты, государь родной батюшка!
— Когда жъ мы брали съ тобой царскій градъ,
— Когда ты-то ѣхалъ да по краечку,
— А я-то ѣхалъ да по другому,
— А братецъ мой ѣхалъ по середочки.
— Мы съ тобою, государь, да все ѣхали,
— Мы все казнили, да все вѣшали,
— А Өедоръ братецъ ѣхалъ по середочкѣ,
— Напередъ пословъ да онъ поразсылалъ,
— Чтобы удалые да поразбѣгались,
— А которые по кувыль-траву да разваляліся,
— А которые при домахъ оставалися.
— Теперичу измѣна вся повыстала. —
Тутъ не мутное око помутилося,
Ево царское сердце разгорѣлося:
«Ай вы эй, палачи да немилóстивы!
«Вы возьмите-ка Өедора Ивановича
«За тыя за рученьки за бѣлыя,
«За тые за перстни за злаченые,
«Сведите-ка Өедора въ чисто поле
«А на тое болотцо-то на Житное,
«А на тую на плашку на липову,
«Отрубите ему буйну голову
«За него поступки неумильные!»
Тутъ всѣ палачи поразбѣгались
Которые разумны, растулялися,
Одинъ остался Малютка воръ Скуратовъ сынъ.
А самъ говорилъ таково слово:
««Я много вѣдь казнилъ царей, царевичевъ,
««Я безъ счету королей, да королевичей,
««А тебя-ко-ва я Өедора да не спущу!»»
Онъ беретъ его за ручки за бѣлыя,
За тые за перстни да за злаченые,

Повелъ Ѳедора да въ чисто поле
На тое болотечко на Житное,
На тую плашечку на липову
Срубить Ѳедору да буйну голову
За него поступки неумильные.
Во тую ль было пору да во то время
Услыхала Авдотья Романовна,
Его государыня да родна матушка,
Она чеботы обула да на босу ногу,
Кунью шубу-ту одѣла на одно плечо,
Побѣжала-то на горку да на Вшивую,
А ко своему ко братцу ко родимому,
Ко тому Никиты-то Романовичу.
А срѣтатъ ю братецъ-отъ ей родимый,
А самъ говоритъ таково слово:
«Что же ты, сестрице, да не въ покрутѣ,
«А въ одной ты шубы черныхъ соболей?»
Говоритъ Авдотья да Романовна:
— Ты ей же, братецъ мой родимыя!
— Знать ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Тотъ воръ Малютка Скуратовъ сынъ
— На тое болотцо да на Житное,
— На тую плашку на липову,
— Срубить Ѳедору буйну галову. —
Онъ кидается, скоро бросается,
Беретъ узду въ руки тесмянную,
Бѣжалъ на конюшню на стоялую,
Одѣвалъ на мала бурушка да кавурушка,
Садился скоро на добра коня,
Не на сѣдлана, да не на уздана,
Городомъ ѣдетъ и да голосомъ кричитъ,
Голосомъ крычитъ, да самъ рукой машитъ:
«Ты ей, воръ, Малютка Скуратовъ сынъ!

«Ты не тотъ кусъ съѣшь, самъ задавишься,
«Не казни-тка мла́да царевича,
«Ай тогожъ-де Ѳедора Ивановича».
Малютка того и не пытаючи,
Беретъ Ѳедора да за желты кудри,
Клонитъ на плашку на липову,
Хочетъ срубить да буйну голову.
А наѣхалъ Никита да Романовичъ,
Смахнулъ своей саблей да востроей,
Отнесъ Малютки буйну голову,
За него поступки неумильные.
А онъ взялъ, де, Ѳедора Ивановича,
Увозилъ на горку да на Вшивую.
Сегодня день былъ суботнія,
Завтра день да воскресный де,
Ѣхать намъ ко ранной ко заутрени.
Какъ тотъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Что нѣтъ жива молодаго царевича,
Сокрутился онъ во платье во опальное,
Заложилъ лошадей да вороненыихъ
Подъ ты кареты подъ черныя,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
А тотъ Никита да Романовичъ
Заложилъ онъ лошадей да все рыжіихъ,
Одѣлъ на себя платье цвѣтное,
Платье цвѣтное, самолучшее,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ три-четыре стороны,
А Ивану Васильевичу въ собину:
«Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
«Со своей со любимо́й семьёй,
«Съ молодой со Авдотьей со Романовной,

«Со своима со малыма со дѣтушкамы,
«Съ тыимъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
«Со тыимъ со Иваномъ Ивановичемъ!»
Исговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ай ты же, шуринъ мой любимыя,
— Ты ей, Никита да Романовичъ!
— Знать ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Ай того де Ѳедора Ивановича:
— Вѣдь увелъ воръ Малютка Скуратовъ сынъ
— На тое болотцо да на Житное,
— Да на тую на плашку да на липову
— Срубить Ѳедору буйну голову
— За него поступки неумильные. —
Въ другой говоритъ Никита Романовичъ:
«Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
«Со своею съ молодой семьёй,
«Съ молодой Авдотьей со Романовной,
«Со своима съ малыма съ дѣтушкамы,
«Со тыимъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
«Со тыимъ Иваномъ Ивановичемъ!»
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ты ей же, шуринъ мой любимыя,
— Ты ей, Никита Романовичъ!
— Что же ты въ рѣчи да не вчуешься?
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Тогожъ де Ѳедора Ивановича:
— Увелъ воръ Малютка Скуратовичъ
— На тое болотцо да на Житное,
— Ай на тую на плашку да на липову,
— Срубилъ Ѳедору буйну голову
— За него поступки неумильные.
Третій разъ говоритъ Никита Романовичъ:
«Ты здравствуй, Грозный Иванъ Васильевичъ,

«Со своею любимой семьёй,
«Со молодой Авдотьей Романовной,
«Со своима со малыма со дѣтушкамы,
«Со тыимъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
«Со тыимъ Иваномъ Ивановичемъ!»
Тутъ не мутное око помутилося,
Его царское сердце разгорѣлося:
— Ахъ ты ей же, шуринъ мой любимыя,
— Ахъ ты ей же, Никита Романовичъ!
— Знать, ты надо мной насмѣхаешься!
— Отстою какъ я раннюю заутреню,
— Прикажу тебѣ Никиты голову срубить. —
И самъ заплакалъ горькимъ дяктелемъ:
— Какъ по ворахъ было по разбойникахъ,
— По разбойникахъ по ворахъ есть заступщики;
— По моемъ рожоное по дитятки,
— По тоёмъ Ѳедорѣ Ивановичѣ
— По немъ не было никакого заступушки! —
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Бываетъ ли грѣшному прощенье-то?»
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Хоть бываетъ-то прощенье, те́перь взять негдѣ. —
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Не отрублена есть Ѳедору да буйна голова,
«А отрублена да буйна голова
«А тому Малюты да Скурлатову».
Тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ кидается скорб, бросается,
Не кидается за Ѳедора Ивановича,
Кидался за Никиту за Романовича,
Беретъ его за ручки за бѣлыя
Цѣлуетъ во уста во сахарныя,
Самъ говорилъ таково слово:
— Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскори пожаловать?

— Ты эй же шуринъ мой любимыя,
— Дать тебѣ села со приселкамы,
— Али дать города съ пригородкамы,
— Али дать тебѣ да золотой казны?
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Есть у меня села со приселкамы,
«А и то мнѣ молодцу не похвальба;
«Есть у меня города съ пригородкамы,
«А и то мнѣ молодцу не похвальба,
«Есть у меня и золотой казны,
«И то мнѣ молодцу не похвальба:
«А ты дай-ка мнѣ Микитину да вотчину:
«Что хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
«Хоть коня угони, хоть жену уведи,
«Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину,
«Того добраго-то молодца да́ Богъ проститъ».
Онъ пожаловалъ Микитиною его вотчиной:
Что хоть съ петли уйди, да хоть коня угони,
Хоть коня угони, да хоть жену уведи,
Столько ушелъ бы въ Микитину да вотчину,
Того добраго-то молодца да Богъ проститъ.
Тутъ вѣкъ про Микиту старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ отъ кр. Абр. Евтих. Чукова (Бутылка), изъ д. Горки, Пудожгорск. вол., Повѣнецк. у. «Онежск. былины», т. II^{2}, № 153, стр. 502—509.

Олонецкой губерніи.

117.

Московско царство все смутилося,
Царско сердце разгорѣлося.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходи по полатѣ бѣлокаменной,
Бѣлыма руками помахивайтъ,
Копьемъ на ворота самъ подписывайтъ:
«Вывелъ я измѣну-ту изо́ Пскова,
«И вывелъ я измѣну изъ Ту́рскова,
«Но могъ вывести измѣны съ каменной Москвы.
«Всѣ въ Москвѣ люди были ка́зненныи,
«А нее́динова людей въ Москвѣ не ка́знено».
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходи по полатѣ бѣлокаменной,
Бѣлыма руками помахивайтъ,
Копьемъ на ворота самъ подписывайтъ:
«Вывелъ я измѣну-ту изо́ Пскова,
«И вывелъ я измѣну изъ Ту́рскова,
«Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы.
«Кто измѣнулъ въ каменной Москвѣ,
«Дайте мнѣ на́ руки измѣнщика!»
И пронзитъ государь тако третій разъ.
Московско царьство все смутилося,
Царско сердце разгорѣлося.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходи полатѣ бѣлокаменной
Бѣлыма руками помахивайтъ,
Копьемъ на ворота самъ подписывайтъ:
«Вывелъ я измѣ́ну-ту изо́ Пскова,
«И вывелъ я измѣну изъ Ту́рскова,
«Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы.
«Всѣ въ Москвѣ были люди казненыи,
«И не е́динова людей въ Москвѣ не ка́знено.
«Дайте-ко мнѣ на руки измѣнщика,
«Кто измѣну́лъ въ каменной Москвѣ!»
Всѣ палачи поразбѣгались,
Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ

Выскакивалъ въ полату бѣлока́менную.
— Я-то вѣдь вѣдаю измѣнщика!
— Измѣну́лъ у насъ въ каменной Москвѣ
— Мла́дой царь Ѳеодоръ Ивановичъ! —
Тутъ злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
Взялъ Ѳеодора за́ руки,
За тѣи за ручки за бѣлыя,
А'що за перстни́ за злаченыи,
Повелъ на боло́то на житницу
Къ этой ко казени ко смертноей.
Ево родитель матушка
Побѣжала къ Микитѣ Романовичу.
Не крести́тъ она лица бѣлаго,
Не молится чудну образу,
Сама говорила таково́ слово:
«Ай же Микита Романовичъ,
«Братецъ ты мой родимыій!
«Ѣшь и пьешь и тѣшишься,
«Надъ собой незгоды не вѣдаешь:
«Твоего любезнаго племницка
«Давно его и жива нѣтъ.
«Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
«Увелъ на болото на житницу
«Къ тоей ко казени ко смертноей,
«Ко этой ко кончинѣ ко послѣднеей».
Этотъ Микита Романовицъ
Скоро скочилъ изъ-за дубова́ стола,
Шубу надѣлъ рукавомъ на́ голову,
Скочилъ въ конюшню бѣлоду́бовую,
Тамъ взялъ жеребчика неѣзжанаго,
И не ѣзжана жеребчика и не сѣ́дланаго.
Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
Буде на болотѣ на житницѣ.
Держитъ онъ Ѳедора за руки,

Самъ говоритъ таково слово:
— Ужъ ты мла́дой царевицъ Өедоръ Ивановицъ!
— Скажи-ко ты мнѣ, попровѣдай-ка:
— Нынече смерть тебѣ скорая,
— Теперь кончина тебѣ послѣдняя.
— Кому оставишь золоты́ ключи,
— Кому ты оставишь золоту́ казну,
— Кому оставишь платье цвѣтное,
— Кому оставишь всѣхъ добры́хъ коней? —
— Говорилъ ему младой царевицъ Өедоръ Ивановичъ:
«Ужъ ты злой Малюта сынъ Скуратьевичъ!
«Да былъ бы я на твоей бѣло́й груди,
«Не спрашивалъ бы твоей золотой казны,
«И не спрашивалъ бы твоихъ золоты́хъ ключи,
«И не спрашивалъ бы твое платье цвѣтное,
«Отрубилъ бы тебѣ буйну го́лову!»
А й же Микита Романовичъ
Ѣхалъ по да́лечу чисту́ полю,
Рукой махалъ и голосомъ кричалъ:
— Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ!
— Не́ убей любезнаго племницка,
— Не твой е кусъ, да не тебѣ и съись.
— Хо́те буде и съѣшь, да подавишься,
— Да хоте буде и глонешь, да заклекну́ться будётъ. —
Будетъ онъ на болотѣ на житницѣ,
Взялъ онъ Өедора за руки,
За тѣ за ручки за бѣлыя,
А'що за перстни за злаченыя,
Цѣловалъ во уста во саха́рнiи,
И поѣхали они къ каменно́й Москвѣ.
Эта темная ночка она на прохо́дъ прошла.
Этотъ Микита Романовичъ
Встаетъ онъ по утру ранешенько,
Пошелъ къ грозному царю ко Ивану ко Васильевичу

Подъ его косивчато окошечко.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Тоже встаетъ по утру ранешенько,
Сѣлъ онъ подъ косивчато окошечко,
Жалешенько самъ порасплакался:
— Потухла заря свѣтло-вечорная,
— Не видать ни краснаго солнышка,
— Младого царевича Ѳедора Ивановича.
— Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
— Увелъ на болото на житницу,
— Ко тыей ко казени ко смертныя
— Къ этой кончинѣ ко послѣднеей! —
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Надѣвалъ платьице опальное,
Сбералъ онъ поповъ и протопоповъ всѣхъ.
Пошли во церковь во Божію
Слу́жить молебены великіе.
Этотъ Микита Романовичъ
Надѣвалъ онъ платьице что лучшее,
И пошелъ во церковь во Божію.
Взялъ онъ любезнаго племницка
Оставилъ на крылечкѣ бѣлодубовыемъ,
При́шелъ во церковь во Божію.
Взглянулъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
На этого на Микиту Романовича,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ужъ ты старый собака, сѣдатый пёсъ!
— Такиль ты надо мною надсмѣхаешься?
— Иль надъ собою незгоды не вѣдаешь?
— Твоего любезнаго племничка
— Давно его и жива́ нѣту!
— Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
— Увелъ на болото на житницу,
— Ко тыей ко казни ко смертноей,

— Ко этой кончинѣ ко послѣднеей. —
Говорилъ Микита Романовичъ:
«Ай же ты Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Не вели-ко ты́, сударь, меня скоро́ казнить.
«Только вели мнѣ государь слово вымолвить:
«Что тому буде, кто жива найдетъ?»
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Я дамъ тому села со приселками,
— Да дамъ города съ пригородками,
— И дамъ золотой казны по на́добью.
— Перво мѣсто̀ подли́ меня,
— И дру̀гое мѣсто проти́въ меня,
— А третье гдѣ тому и на́добно. —
Этотъ Микита Романовичъ
Скочилъ на крылечко бѣлоду̀бово,
Взялъ онъ Ѳедора за руки,
Своего любезнаго пле́мницка,
Привелъ во церковь во Божію.
Взглянулъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
На своего́ сына любезнаго,
Самъ онъ говорилъ таково слово:
— Ай же ты Микита Романовичъ!
— Братецъ ты мой богоданныій!
— Я дамъ тебѣ села со приселками,
— И дамъ города съ пригородами,
— И дамъ золотой казны по на́добью
— Перво мѣсто подли́ меня,
— Дру̀гое мѣсто противъ меня,
— Тре́тье гдѣ тебѣ и надобно! —
Говорилъ Микита Романовичъ:
«Не надобно мнѣ селъ съ присёлками,
«Не надобно городовъ съ пригородками
«Да не надо и золотой казны по надобью.
«Только дай-ко Микиты тако́во слово:

«Кто голову убьетъ, или жону уведетъ,
«Того у Микиты и Богъ проститъ».

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ въ с. Горскомъ 1-го іюля 1871 г. отъ слѣпого кр. д. Кокориной, въ Мелой губѣ, Кижской вол., Олон. г., Іева Еремѣева. «Онежскія былины», т. II², № 165, стр. 579—584.

Олонецкой губерніи.

118.

Какъ подъ славную да каменну Москву
И бысть напущеніе великое
И на Грознаго царя Ивана Васильевица.
Изъ иной земли, изъ Золотой орды,
Наѣзжаетъ молодой нахвальщичекъ,
И со той ли со силой невѣрною,
И со тѣмъ ли со войскомъ со татарскіимъ,
А й самъ онъ мо́лодый нахвальщикъ похваляется:
«А я всю землю русскую наскрозь пройду
«И каменну Москву я въ плѣнъ возьму».
И какъ услышалъ эту по́хвалу
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Призываетъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Своихъ трехъ сыновъ любимыихъ,
Испроговоритъ да таково слово:
— А гой же вы мои дѣточки любимыя!
— И вы берите-тко золотой казны да сколько надобно,
— И вы берите-тко войска сколько надобно,
— Поѣзжайте вы да во чисто поле,
— И поразите вы молода нахвальщика. —
И принимаются тутъ дѣти царскія,
И что ль за тое ли за дѣло ратное.
И собираютъ войска полки великіе,
И отправляются они да во чисто полё.
И наказываетъ имъ да родный батюшко,

Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Вы поѣдете вѣдь дѣти во чисто поле,
— Станете бить рубить вы силу на выпашку,
— И не оставляйте на улици ни курици;
— И на воротахъ вы кровью подписывай,
— Какъ плѣнены эти улици Өедоромъ царевицемъ.
— Какъ плѣнены эти улицы Василіемъ Ивановичемъ.—
Выѣзжаютъ добры молодци во чисто поле,
И начали сражаться супротивъ войска невѣрнаго,
И начали рубить тутъ силу татарскую,
И не оставляютъ па улици ни курици,
На воротахъ они кровью подписыватъ:
Какъ плѣнены эти улицы Василіёмъ царевичемъ.
И какъ увидѣлъ Василій царевичъ надъ своимъ братомъ,
А что дѣлаетъ мой братъ родной измѣну великую:
И побѣдили они тутъ все войско татарское.
И какъ ѣдутъ они съ побѣдой въ камениу Москву,
И бьютъ челомъ да своему родиму отцу,
И бьютъ челомъ ему да до сырой земли:
«Какъ съ побѣдою тебѣ нашъ Грозный царь,
«Многолѣтно здравствовать тебѣ, Васильевичъ!»
Ай тутъ вѣдь Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Какъ беретъ своихъ онъ трехъ сыновъ,
За бѣлы руки да за златы перстни,
И онъ цѣлуётъ ихъ да во уста во сахарныи.
И какъ садилъ онъ ихъ за столики да за кленовыи,
И за тѣя ли за скатерти за бѣлобраныя,
И начинается у Грознаго почестной пиръ.
Всѣ ли на пиру сидятъ да полны[1]) веселы.
Всѣ на пиру да напивалися,
Еще какъ всѣ на пиру да наѣдалися,
И всѣ на пиру да порасхвастались.

1) Вмѣсто: *пьяны*.

И чтоль похвасталъ Грозный царь своей защитою.
— Какъ повыведу измѣнушку-ту я изъ Кіева,
— И повыведу измѣну изъ Чернигова,
— Не повыведу измѣнушку да съ каменной Москвы.—
Испроговоритъ его да родной сынъ,
Ай родной сынъ Василей царевичъ младъ:
«Ай не повывести измѣнушки будетъ изъ Кіева,
«И не повывести измѣны изъ Чернигова,
«И не повывесть измѣны съ каменной Москвы:
«Ужъ какъ первая измѣна за столомъ сидитъ,
«Изъ одной она чашечки ѣстъ и пьетъ,
«И платьице-тоноситъ одного сукна,
«Одного сукна да одного швеца.
«Ужъ какъ на́ брата сказать, такъ брата жаль,
«А какъ по́ брати сказать — себѣ напрасна смерть».
Какъ скричалъ сзычалъ да громкимъ голосомъ
И Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ай гой же вы сорокъ па́лачовъ да немилосливыхъ!
— И вы возьмите скоро моего сына,
— И чтоль того ли Ѳе́дора царевича,
— И выведите-тко-сь на поле Ку́ликово,
— И что на тую лягу на кровавую,
— И что на тую ли на плаху на дубовую,
— И отсѣките-тко у него по плечъ да буйну голову,
— И положите его да буйну голову
— И что на тое ли на копьице на вострое,
— И принесите его да буйну голову,
— И сопротиво моихъ палатъ да бѣлокаменныхъ,
— И сопротиво ли окошечка косявчета,
— И сопротиво ли моего зеркала хрустальнаго.—
И какъ услышала его да родна матушка
И честна царица Омельфа Тимоѳеевна,
И какъ не кукушка по городу прорыскала,
И что ль царица скоро по городу пробѣ́жала,

И ко тому ли братцу къ двуродимому,
И ко тому ли ко Никитушку Романову.
Приходила она во гридни свѣтлыя,
Ай она крестъ-то кладётъ да по писаному,
И поклонъ тотъ ведетъ да по учéному:
«И тебѣ хлѣбъ да соль, да добрый молодецъ,
«И мой ли ты вѣдь братецъ двуродимыя!
«Ѣшь ты пьешь да проклаждаешься,
«И надъ собой же ты незгодушки не вѣдаешь.
«Какъ укатается изъ глазъ да красно солнышко,
«Увозятъ у меня да чада милаго,
«И твоего ли племника любимаго,
«Ай на тое ли болото на Куликово,
«И что ль на тую ли на плаху на дубовую,
«И какъ на тую ли на лягу на кровавую,
«И хощутъ отрубить по плечъ да буйну голову».
Чуть ли выслушалъ глаголы сестры двуродныя,
И поскорешенько Никита снаряжается,
Посмѣлешенько Романовичъ да отправляется,
А й обуваетъ онъ чебóтики да на босу ногу,
И кунью шубоньку бросаетъ на одно плечо,
И турью шапочку метаетъ на одно ухо,
И выходилъ Никитушка да на конюшенъ дворъ,
И чтоль беретъ Никитушка уздечику тесмяную,
Ай выбираетъ Никитушка коня да чтоль не ѣзжана,
Ай отправляется Никита во чисто поле.
Столько видѣли добра молодца вѣдь сядучись,
И какъ не видѣли Никитушки поѣдучи.
Въ чистомъ поли да курева стоитъ,
Куда падаютъ копыта лошадиныи,
И тутъ становятся колодцы ключевой воды,
А кой поспѣлъ уйти дакъ тóго Богъ унесъ,
А кой не поспѣлъ уйти, того конемъ топталъ.
И пріѣзжаетъ Никита въ поле Куликово,

И закричалъ Никита громкимъ голосомъ:
— Ай ты стой-ко-сь, палачъ да немило́сливый,
— Ай ты маленькой Малютушка Шкуратьевичъ!
— И ужъ ты съѣшь кусокъ да самъ подавишься.—
Ай выпадаетъ сабля со правой руки,
Ай у того ли палача да неми́лослива.
И отрубилъ у палача да буйну голову,
И чтоль положилъ его да буйну голову,
И тутъ принесъ его да буйну голову
И сопротивъ полатъ да бѣлокаменныхъ,
И сопротиво ли окошечка косявчета,
А й сопротиво ли то зеркала хрустальнаго.
И вѣдь тутъ какъ Грозный царь да запечалилсо,
Запечалилсо царь да закручинилсо.
Подаетъ сигналъ онъ по всёй Москви,
Чтобы сбирались народъ да православныи,
И поминать его да чада милаго,
И одѣли бы они платьё печальноё.
И какъ собрались народъ люди православныи,
И приходили народъ да во Божью церкву,
Приходили они во томъ ли платьѣ во опальноёмъ,
Какъ Никитушка Романовичъ пріѣхалъ въ платьѣ драгоцѣнноемъ,
И за собой привезъ онъ е́го чада милаго,
И самъ становился онъ да супротивъ царя,
А племника поставилъ позади себя.
Испроговоритъ да таково слово
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«А гой же ты, старцище удальцище,
«И ты Никитушка Романовичъ!
«Развѣ ты надо мной да надсмѣхаешися,
«Какъ пришелъ ты да во Божью церкву,
«И какъ пришелъ ты въ платьѣ драгоцѣнноемъ?
«Весь народъ то люди въ платьицѣ опальноёмъ».

Испроговоритъ Никита таково слово:
— А гой же ты Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Есть ли грѣшнику да тамъ прощеніе,
— Ай виноватому да покаяніе?—
«И какъ простилъ бы я, да то́го негдѣ взять».
И подаетъ тутъ въ руки Грозному цару Ивану Васильевичу
Своего ль ему да чада милаго,
Чада милаго, дитя любимаго,
И что ль того ли Өедора царевица,
И какъ беретъ онъ чада за бѣлы руки,
За бѣлы́ руки да за златы перстни,
Цѣлуетъ его во уста да во сахарнія.
Испроговоритъ Никитѣ таково слово:
«А гой же ты старикъ Никитушка Романовичъ!
«Ты бери-тко-съ отъ меня да каменья драгоцѣннаго,
«И города ты бери съ пригородками
«И села ты бери да чтоль съ приселками,
«И ты бери деревни со крестьянами».
Испроговоритъ Никита таково слово:
— И мнѣ не надо твоёй да золотой казны,
— И мнѣ не надо твоего да каменья драгоцѣннаго,
— И не надъ твоихъ градо́въ да съ пригородками,
— И не надо мнѣ твоихъ селъ да со приселками,
— И не надо мнѣ-ка-ва деревёнъ да со крестьянами,
— Только дай-ко мнѣ-ка-ва, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Дай-кось мнѣ ты всю отчину:
— И кто что сдѣлалъ и сбѣжитъ, такъ того Богъ унёсъ.

Записана А. Ө. Гильфердингомъ 17 іюля 1871 г. въ д. Тайгеницѣ на Выгозерѣ отъ кр. Өедора Никитина. «Онежскія былины», т. II[2], № 175, стр. 631—637.

Олонецкой губерніи.

119.

А у насъ было братцы во каменнóй Москвѣ,
У Грознаго царя Ивана Васильевича,
Собранъ былъ да великій пиръ
На многи на князи на бояры.
Вси на пиру наѣдалиси,
Вси на пиру напивалиси.
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Я повывелъ измѣнушку изъ Кіева,
«Я повывелъ измѣну изъ Чернигова,
«А повывелъ я измѣну изъ Пскова,
«А й повыведу измѣну съ каменнóй Москвы».
Зъ-за того стола да бѣлодýбова,
Изъ этой скамеечки яровчатой,
Ставалъ поднимался удалой добрый молодецъ,
А по имени Иванъ да Ивановичъ.
Ставалъ молодецъ, выговаривалъ:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— А не вывелъ ты измѣнушки изъ Кіева,
— А не вывелъ ты измѣны изъ Чернигова,
— Да не вывелъ ты измѣны изó Пскова,
— А не вывести измѣны съ каменнóй Москвы,
— А измѣнушка твоя за столомъ сидитъ,
— За столомъ сидитъ да во глаза глядитъ,
— Она платьице носитъ одного швеца,
— Ѣстъ-то пьётъ да съ óдной чàшечки. —
Испроговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ты скажи скажи, моё дитятко,
«Это кто такова измѣнушка?»
А й восплачется Иванушко Ивановичъ:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,

— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Мнѣ на братца сказать, дакъ братца жаль,
— А на себя сказать, дакъ живу́ не быть.
— Которой улицей ѣхалъ я съ тобой,
— Мы грѣшничковъ били всё вѣшали;
— А которой улицей ѣхалъ братецъ мой,
— Онъ грѣшныхъ не билъ, а миловалъ,
— Давалъ ерлычки потаенные,
— Велѣлъ виновнымъ укрытися. —
Испроговоритъ Грозный Иванъ Васильевичъ:
«А й же вы татара безбожныи,
«А й же вы палачи немило́сливы!
«Вы берите-тко моего сына Ѳёдора
«За бѣлы руки да желты кудри,
«Отвезите-тко во чисто́ поле,
«Ко этому болоту Кули́кову,
«Ко этой ко плахѣ ко липовой,
«А ко той ко сабли ко вострою.
«Отрубите-тко Ѳедору голову
«За его за измѣнушку великую».
Тутъ палачи испугалися,
Грознаго гласу убоялися,
Среднiй тулялся за стараго,
А старшiй тулялся за младшаго,
А отъ младшаго во-все й отвѣту нѣтъ.
И всѣ говорили едино́ слово:
— Послушай-ко Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Намъ нельзя поднять руки татарскiя,
— На твои на роды на царскiя. —
А одинъ малый Малютка Шкуратовичъ,
Онъ бралъ Ѳедора за руки,
Выводилъ его на широкiй дворъ,
Посадилъ его во карету темную,
А повезъ его во чисто полё,

Ко этому болоту Куликову,
Да й ко этой ко плахѣ ко липовой,
И ко этой ко сабли ко вострыя.
Видитъ царица россійская,
Молода Мароа Романовна,
Что бѣда её пристигла неминуема.
Она чоботы одѣла на босу ногу
И шубоньку бросала на одно плечо,
А й бѣжала царица каменной Москвой
Ко милому братцу родимому,
Ко этому Никитѣ Романову.
Не чорная куночка прорыскала,
Свѣтъ-государыни пробѣгнула.
А й увидѣлъ тутъ Никита Романовичъ,
Выбѣжалъ Никитушка на широкъ дворъ
И самъ говорилъ таково слово:
«Ты послушай-ко, сестрица родимая,
«Молода ты Мароа Романовна,
«А какимъ тебя вѣтрушкомъ закинуло?»
Отвѣтъ держитъ Мароа Романовна:
— Ты послушай-ко, родимый мой брателко,
— Старый Никита Романовичъ!
— Какъ не стало у тебя да старша племничка,
— Старша племничка, любима крестничка.
— А увезъ его Малютушка въ чисто полё
— Отрубить у него буйну голову.
Тутъ кидался Микитушка Романовичъ
На свою онъ конюшню богатырскую.
Онъ бралъ себѣ жеребчика неѣзжана,
Неѣзжана жеребчика, некладана,
Сѣдлалъ, уздалъ Никита, приговаривалъ:
«А й же вы народъ да люди добрыи,
«Вы сусѣдушки мои порядовныи!
«Дайте торну путь дорожку широкую,

«Чтобы старому мощно́ проѣхати».
Только видѣли Ми́китушку сѣдучи,
А не видѣли Романовича ѣдучи:
Только пыль пылитъ да дымъ столбомъ валитъ.
Повыѣхалъ Никита во чисто поле,
Увидалъ онъ Малютку Шкуратова.
Не доѣдучи болота Кули́кова,
Закричалъ тутъ Никита громкимъ голосомъ:
«Ай же ты, сукинъ-сынъ, молодой щенокъ Малютка Шкуратовъ,
«И не тотъ стаканъ выпьешь ты заклекнешься,
«А съѣшь наше мясо да и задавишься».
Наѣхалъ Микитушка Романовичъ,
Отрубилъ у Шкуратова голову.
Бралъ онъ любимаго племничка,
Посадилъ его на добра коня,
Привозилъ тутъ Никита во полатушку.
Отправлялся ко Грозному царю Ивану Васильевичу,
Бьетъ онъ челомъ да и поклоняется:
«Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
«Со своей ты съ любимой семьёй,
«Съ любимой семьей да съ молодой женой!»
Испроговоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ты послушай-ко, Микита Романовичъ!
— Али ты надо мной да надсмѣхаешься,
— Или вовсе про незгодушку не вѣдаёшь,
— Какъ не стало у тебя да старша племничка,
— Любимаго хрестничка а моего сына Ѳедора.
— Увезъ его Малютка въ чисто поле
— Отрубить у его буйну голову. —
Испроговоритъ Микита Романовичъ:
«Ты послушай-ко, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Есть ли грѣшнику покаяніё,
«А виноватому бываетъ ли прощеніе?»

— А было бы оно, теперь негдѣ взять.—
«А не отрублена Ѳедору голова,
«А отрублена Малютѣ Шкуратову».
— Ай же ты, Микита Романовичъ!
— За твою за услугу великую,
— Ты бери города съ пригородками,
— Ты бери сёла со присёламы,
— И сколько надо бери золотой казны,
— А представь ты мнѣ Ѳедора пре́дъ меня. —
Говоритъ ему Никита Романовичъ:
«Мнѣ не надо городовъ съ пригородками,
«И не надо мнѣ-ка сёлъ со присёлкамы,
«Да не надо твоей золотой казны,
«Только дай ты мнѣ Микитину отчину.
«Хошь коня угони, хошь жену уведи,
«Хошь убей голову — уйди только въ Никитину отчину:
«Который ушелъ, того Богъ унесъ,
«А застали — повѣсили, тому судъ пришелъ».

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ 15 Іюля 1871 г., въ Тайгеницѣ, отъ кр. съ Выгозера Ѳедора Захарова. «Онежскія былины», т. II, № 183, стр. 657—662.

Олонецкой губерніи.

120.

Какъ во матушкѣ было въ каменной Москвы,
Да у Грознаго царя Ивана Васильевича,
А было пированьё почестной пиръ.
Всѣ на пиру напивалисе,
Всѣ на пиру наѣдалисе,
Грозный царь тотъ Иванъ Васильевичъ ста́лъ на весели:
Ходитъ онъ по гридни столовыи,
Говоритъ-то царь таково слово:
«Да повывелъ я измѣну со̊ Кіева,

«Да повывелъ я измѣну изъ Чернигова,
«Да повывелъ я измѣну изъ Нова́-города,
«А повыведу измѣну съ каменной Москвы».
А говоритъ его сынъ тутъ любезный Ѳедоръ Ивановичъ:
— Ахъ батюшко Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Не повывести измѣны съ каменной Москвы.
— А твой тотъ сынъ любезныи Иванъ-то Ивановичъ,
— Онъ уважатъ-то боярамъ московскіимъ,
— Онъ-то творитъ великія милости. —
Тутъ-то Грозный царь Иванъ Васильевичъ да розретивился:
«Вы ведите-тко Ивана Ивановича,
«Да на тое-то на поле на Житное,
«А отсѣките вы Ивану буйну голову».
Какъ доносили эту вѣсточку на̀-скори
Да его-то вѣдь царици благовѣрныи,
Анны доносили Романовной:
— Ай же ты, царица Анна Романовна!
— Ѣшь ты пьешь да проклажаешься,
— Про великую незгодушку не вѣдаешь.
— А твой тотъ мужъ любезныи,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Отпускалъ твоего-то сына любимаго Ивана Ивановича
— А на тое на поле на Житное,
— Да на тую-то на плаху кровавую,
— А велѣлъ ему отсѣчь буйну голову. —
Тутъ ли-то царица благовѣрная
А кидала она шубу на одно плечо,
А бѣжала-то она по Москвы городомъ,
Она голосомъ кричитъ-то какъ въ трубу трубитъ:
«А міръ крещеный, народъ-то вы добрыи!
«Дайте путь-дорожку широкую
«А бѣжать-то мнѣ къ Микиты Романовичу».
Какъ прибѣжала къ Микиты Романовичу:
«Ай же ты мой милой брателко,

«А старый князь Микита Романовичъ!
«А ѣшь ты пьешь проклажаешся,
«Про великую незгоду не вѣдаешь.
«А твоего-то племянника любимаго,
«А Ивана Ивановича
«Увели его на поле на Житное,
«А на тую-то плаху кровавую,
«Да велѣно отсѣчь-то буйну голову».
А й тутъ-то Микита Романовичъ
Онъ скоро садился на добра коня,
Не на уздана коня онъ, не на сѣдлана,
Онъ ѣдетъ Москвой-то вѣдь городомъ:
— А й вы люди, народъ добрыи!
— Дайте путь-дорожку широкую
— Ѣхать на поле на Житное,
— Да на тую-то плаху кровавую,
— Да застать въ живыхъ любимаго племянника,
— Да Ивана застать мнѣ Ивановича. —
Тутъ указъ читаютъ оны царскіи
А читаютъ указъ государевъ-отъ,
А заздынута у палача-то сабля острая.
Закричалъ тутъ Микита громкимъ голосомъ:
— Ахъ ты, маленькой Малютушка Скурлатовъ сынъ!
— Съѣшь ты, собака, самъ подавишься,
— Моего-то ты любимаго племянника.
Тутъ-то маленькой Малютушка Скурлатовъ сынъ,
Да кладалъ онъ саблю вострую да во сыру землю,
Во сыру землю тупымъ концёмъ,
А на вострой конецъ накололся самъ.
Прискакалъ тутъ Микита Романовичъ,
Онъ бралъ своего любимаго племянника да за бѣлы́ руки,
Цѣловалъ во уста да во сахарніи́,
Да садился Микита на добра коня,
Полагалъ племянника подъ пазуху,

Да поѣхалъ Микита въ свою вотчину.
А поутру-то ранымъ ранешенько,
Да проспался Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Сдѣлалъ онъ указъ государевой,
Чтобы князи и бояра,
Вси купци да мѣщана богатыи
А ходили бы оны въ платьяхъ-то опальныихъ.
Да не ходитъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Не къ заутрены онъ ходитъ, не къ обѣднѣ онъ.
Въ воскресенье пришолъ онъ во Божью церковь,
А пришолъ онъ во платьяхъ опальныихъ,
А старый князь Микита Романовичъ,
Да надѣлъ онъ платья что ни лучшіи,
Да приходитъ-то Микита во Божью церкву,
Онъ крёстъ тотъ кладё по писаному,
А поклонъ тотъ ведётъ да по учёному,
Онъ поклонъ тотъ ведё самъ и здравствуетъ:
— Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своима со любезныма со дѣтушкамы:
— Здравствуй съ Ѳедоромъ Ивановичемъ,
— Да съ Иваномъ ты здравствуй Ивановичемъ!—
Говоритъ ёму Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«А й ты старый князь Микита Романовичъ!
«Во глазахъ ли ты, Микита, насмѣхаешься,
«Да не стало вѣдь у насъ-то Ивана Ивановича».
Онъ ему говоритъ и второй наконъ:
— Здравствуй-ко ты, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Да со своима со любезныма со дѣтушкамы:
— Да ты съ Ѳедоромъ Ивановичемъ,
— Да съ Иваномъ ты здравствуёшь Ивановичемъ!—
Говоритъ ему Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты старый князь Микита Романовичъ!
«Да давай-ко ты мнѣ Ивана Ивановича теперь на лицо».
А тутъ-то старый князь Микита Романовичъ,

Выводилъ-то онъ своего любезнаго племянника,
Да съ-подъ шубы выводилъ онъ соболиныи.
— На-тко ты, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Своего тутъ ты сына любимаго,
— Да Ивана Ивановича.—
А й тутъ-то вѣдь Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Обрадѣлъ[1]) онъ своего-то сына любимаго,
Говоритъ онъ Микиты Романовичу:
«Ахъ ты старый князь Микита Романовичъ!
«А й чѣмъ тебя, Микиту, буде жаловати:
«Города-ты мнѣ-ка дать тебѣ съ приселками,
«Али села-ты мнѣ дать тебѣ великіи?»
Говоритъ ему старый князь Микита Романовичъ:
— Ахъ ты, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Мнѣ не надобно городовъ съ пригородками,
— Мнѣ не надобно селъ-то съ присёлками,
— А ты сдѣлай-ко указъ мнѣ-ка царскій,
— А дай ты мнѣ Никитину отчину:
— Кто голову убьётъ, кто коня уведётъ,
— Кто коня уведётъ, да кто бабу уведётъ,
— А не было бы ни иску, ни отыску,
— Того Богъ проститъ. —

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ 7 августа 1871 г. на Водлозерѣ въ д. Куганаволакѣ, отъ кр. Ив. Григ. Захарова, изъ д. Пога на Водлозерѣ. «Онежскія былины», т. III^{2}, стр. 25—29, № 201.

---

1) Т. е. обрадовался (Г.).

Олонецкой губерніи.

121.

Когда же возсіяло солнце красное
На тую ли на землю свято-русскую,
Тогда же воцарился нашъ Грозныя царь,
Грозныя царь Иванъ Васильевичъ,
На тую на землю Свято-русскую.
Тогда же собиралъ онъ почестенъ пиръ.
Вси ли на пиру напивалисе,
Вси ли на пиру похвалялисе:
Умной фастатъ отцемъ матерью,
Безумной фастатъ молодой женой,
Глупой фастатъ добрымъ конемъ.
Говоритъ Грозныя царь Иванъ Васильевичъ:
«А вывелъ я измѣну изъ Опского,
«Да вывелъ я измѣну изъ Казаньскаго,
«А вывелъ я измѣну съ Астраканьскаго,
«Да вывелъ измѣну съ Новáгорода,
«Да выведу измѣну съ каменной Москвы,
«Всю неправду со святой Руси».
Подъ его подъ ручкой подъ правою
Сидитъ млады Иванъ тотъ Ивановичъ,
Подъ его подъ ручкой подъ лѣвою
Сидитъ младый Өедоръ Ивановичъ.
Воспроговоритъ Иванъ тотъ Ивановичъ:
— Батюшко Грозныя царь Иванъ Васильевичъ!
— А вывелъ измѣну изъ Опского,
— Да вывелъ измѣну изъ Казаньскаго,
— А вывелъ измѣну съ Астраканьскаго,
— Да вывелъ измѣну съ Новáгорода,
— Не вывести измѣну съ каменной Москвы,
— А всёй-то неправды со святой Руси.
— У тебя измѣнщикъ за однимъ столомъ,

— Ѣздилъ по царьству Россійскому,
— По тому государьству Московскому,
— Улицу казнилъ онъ десятую,
— Въ де́сятой казнилъ онъ десятаго,
— Больше голову пѣтуньюю,
— Все ерлуки онъ подписывалъ.
— Въ той улицы больше (пѣту́ны не поютъ)[1]),
— Въ той улицы больше щепотью не молится.
— Не могъ вывести измѣны изо Пского,
— Не могъ вывести измѣны изъ Скопскаго
— Не могъ вывести измѣны изъ Казаньскаго,
— Не могъ вывести съ Востраканьскаго,
— Не могь вывести измѣны съ Нова-города,
— Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы,
— Всей неправды со святой Руси. —
Грозно царь роспаляется,
Скочитъ царь на рѣзвы ноги,
Говоритъ ли царь таково слово:
«Ай палачи немилосливыи!
«Берите-тко Ѳедора Ивановича
«За его за ручки за бѣлыи,
«За его за перстни злаченыи,
«Накиньте камочику черную,
«Бросьте въ телѣгу ордынскую,
«Везите за мать Москву бѣлокаменну,
«На тое болото на Житноё,
«На тую на плаху кровавую,
«Отсѣките измѣнщику голову».
Вси палачи розбѣжалисе,
Вси палачи роскакалисе,
Большой-отъ хоронится за средняго,
Средней-отъ хоронится за меньшаго,

1) Такъ при первоначальномъ сплошномъ распѣвѣ. (Г.).

А отъ меньшаго стало да отвѣту нѣтъ.
Грозно царь роспаляется,
Говоритъ ли царь таково слово:
«Ай палачи немилосливыи!
«Берите Ѳедора Ивановича
«За его за ручки за бѣлыи,
«За тыи за перстни злаченыи,
«Накиньте камочику черную,
«Бросьте въ телѣгу ордынскую,
«Везите за мать Москву бѣлокаменну,
«На тое болото на Житное
«На тую на плашку кровавую,
«Отсѣките измѣнщику голову».
Изъ-за того стола за нижайшаго
Выходитъ маленькой Малютка Скурлатковъ сынъ,
Беретъ онъ Ѳедора Ивановича
За его за ручки за бѣлыи,
За его за перстни злаченыи,
Накинулъ камочику черную,
Бросилъ въ телѣгу ордынскую,
Повезъ за мать Москву бѣлокаменну,
На тоё болото на Житное,
На тую на плаху кровавую,
Отсѣчь измѣнщику голову.
Молодая Марья Романовна
Скочила она на рѣзвы ноги,
Чобота обула на босу ногу,
Шубу одѣвала на одно плечо,
По крылечку спущалась полегошеньку,
По улушку бѣжала поскорешеньку,
Прямо къ Микиты Романовичу
Во тую полату гряновитую.
Крёстъ-то кладетъ по писаному,
Поклонъ-то ведётъ по учоному,

Бьетъ челомъ, покланяется
На вси на четыре на стороны,
Братцу Микиты Романовичу въ собину.
Говоритъ братецъ Микита Романовичъ:
— Что же за чудо за чудное,
— Что же за диво за дивноё,
— Не звана пришла гостья, не приказывана?
Говоритъ Марья Романовна:
«А й братецъ Микита Романовичъ!
«Потухла свѣча наша мѣстная,
«Закатилось наше красное солнышко,
«Не стало млада Ѳедора Ивановича,
«Увезъ маленькой Малютка Скурлатковъ сынъ
«На тоё болото на Житноё,
«На тую на плашку кровавую,
«Отсѣкётъ ему буйную голову».
Скочилъ Микита на рѣзвы ноги,
Чоботы обулъ на босу ногу,
Армякъ надѣвалъ на одно плечо,
Шляпу кладывалъ на одно ухо,
Онъ бѣжитъ на конюшню стоялую,
Беретъ добра коня учоного.
Садился на добра коня не сѣдлана,
Ѣде по мать Москвы бѣлокаменной,
Шляпою маше, голосомъ кричитъ:
— Ай же народъ, люди добрыи!
— Дайте мѣста немножечко
— Коню пройти, меня провезти,
— Скоро ѣхать за мать Москву бѣлокаменну
— На тоё болото на Житное,
— Ко тыи ко плашки кровавыи,
— Застать любезнаго племянника.—
Увидѣлъ маленькой Малютка Скурлатковъ сынъ,
Закричалъ Микита во всю голову:

— Ты не ѣшь-ко, собака, куса сахарня,
— Хоть съѣшь, собака, подавишься.—
Повернулъ копье во матушку сыру землю
Маленькой Малютка Скурлатковъ сынъ,
Самъ падáетъ на вострóй конецъ.
Тутъ Скурлатковы славы́ поютъ.
Подъѣзжаетъ Микита Романовичъ
Къ этой ко плашкѣ кровавыи,
Беретъ нонь любезнаго племянничка
За его за ручки за бѣлыи,
За тыи за перстни злаченыи,
Кладыватъ его подъ правую пазушку,
Везётъ онъ въ полату бѣлокаменну,
Во свой домъ за гряновитыи.
Прошло тому времечки круглой годъ.
Вспомнилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
Своего Ѳедора Ивановича,
Сдѣлалъ указы онъ грозныи
По всему по царьству Россійскому
По тому ли государьству Московскому,
Къ этыи обѣдни воскресенскіи,
Къ этыи заутрени Христовскіи,
Шли бы въ платьицахъ опальніихъ.
Молодой Микита Романовичъ
Надѣваё платьё что ни лучшеё,
Кладывáетъ любезнаго племянничка,
Кладывáе подъ правую пазушку,
Идётъ онъ къ обѣдени христовскіи,
Крёстъ онъ кладётъ по писаному,
Поклонъ ведётъ по учёному,
Бьетъ онъ челомъ, покланяется
На вси на четыре на стороны,
Грозному царю Ивану Васильевичу въ собину:
— Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,

— Со своима сѣменамы царскима,
— Со своей любезной семеюшкой:
— Со молодымъ Иваномъ Ивановичемъ,
— Со молодымъ Ѳедоромъ Ивановичемъ,
— Со молодой со Марьей Романовной! —
Воспроговоритъ царь таково слово:
«Кабы былъ ты не Микита не Романовичъ,
«Отсѣкъ бы тебѣ буйну голову».
Здравствуетъ Микита во второй наконъ:
— Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевпчъ,
— Со своима сѣменамы царскима,
— Со своей любезной семеюшкой:
— Со молодымъ Иваномъ Ивановичемъ,
— Со молодымъ Ѳедоромъ Ивановичемъ,
— Со молодой со Марьей Романовной! —
Говоритъ царь таково слово:
«А й же ты Микита Романовичъ!
«Подай скоро Ѳёдора Ивановича.
«Не подашь ты Ѳедора Ивановича,
«Отсѣку тебѣ буйну голову».
Молодой Микита Романовичъ
Вынимаетъ Ѳедора Ивановича
Изъ этыи правыи пазушки.
Говоритъ Грозныя царь Иванъ Васильевичъ:
«А й ты Микита Романовичъ!
«Чимъ тебя буде жаловать
«За твои подарки великіи:
«Города ли тебѣ съ пригородкамы,
«Деньгамы ль золотой казной,
«Али платьицомъ тебѣ цвѣтныимъ,
«Али пожаловать добрымъ конёмъ?»
Отвѣчаетъ Микита Романовичъ:
— Не надо городовъ съ пригородкамы,
— И золота казна у м'ня не тощится,

— Цвѣтное платьё не дёржится,
— Добрые кони не ѣзжены.
— Пожалуй Микитину улицу:
— Кто голову убьё, кто жону уведётъ,
— Въ Микитину отчину зайдетъ, того Богъ проститъ. —

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ 6 августа 1871 г., на Водлозерѣ, отъ кр. Трофима Ив. Суханова, съ Охтомострова, на Водлозерѣ. «Онежск. Былины», т. III^2, стр. 55—61, № 209.

Олонецкой губерніи.

122.

Когда возсіяло красно солнышко,
На наше ясно нá небо,
Тогда нацарился грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Ёнъ царей казнилъ по-царскіе[1]),
Царя Симіона съ мѣста снялъ,
Отнялъ клюху ли его царскую
И снялъ порфиру королевскую.
На ту на пору, на то время
Хорошъ появился почестной пиръ,
На многіе на князей на бояровъ,
На русскіе могучихъ богáтырей.
Всѣ на пиру ли пьяны веселы,
Да никто на пиру ничимъ не хвастае.
Да то грозный царь Иванъ Васильевичъ
Да ходитъ по ґридни столовые,
Таковы слова ёнъ выговариватъ:
«Да вывелъ измѣну изó Пскова,

1) По царски.

«Я вывелъ измѣну изъ Ско́псково,
«И вывелъ измѣну изъ Нова-города,
«Изъ матушки вывелъ каменной Москвы».
Ставатъ изъ-за бо́льшаго стола большо́й-отъ сынъ,
Большо́й сынъ Иванъ Ивановичъ:
— Батюшко грозный царь сударь милосливъ!
— Дай одно слово мнѣ-ка молвити,
— За одно слово не повѣсити.
— Только есть у насъ измѣнщикъ за однѣмъ столомъ:
— На князя сказать напрасной грѣхъ,
— На барина сказать напрасна смерть,
— На братца сказать братца тошно жаль,
— На себя сказать пожальчѣе всѣхъ.
— Братецъ-отъ Ѳёдоръ Ивановичъ
— Да по матушкѣ ѣздилъ каменной Москвѣ,
— Свои-ты подписи подписывалъ,
— Твои подписи похѣривалъ,
— Прибилъ указы ко всѣмъ столбамъ. —
На ту пору на то времечко,
Будто сине море вскулыбалосе,
Богатырско сердцо разгорѣлосе,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Да ходитъ по гридни столовые,
Таковое слово ёнъ выговариватъ:
«Да есть ли во пиру ли таки мастеръ,
«Казнить бы вѣшать роды царскіе,
«Царски роды государскіе?»
Вставатъ изъ-за меньшаго стола Малюта-та Шкурлаткинъ сынъ,
Говорилъ Малюта таково слово:
— Ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Дай указъ да за своей рукой,
— Да за до́рогой печатью государевой,
— Казнить буду вѣшать роды царскіе,

— Царски роды государскіе.—
Даватъ указъ и за своей рукой
И за дóрогой печатью государевой,
Да казнить-то вѣшать роды царскіе.
По тому по утру по ранному,
И до выхода тёпла краснаго солнышка,
Берётъ воръ Малюта-та Шкурлаткинъ сынъ.
Да того ли Ѳёдора Ивановича
За рученьки бралъ за бѣлые,
И за кудéрышка бралъ его за желтые.
Повелъ во полё во чистое,
Къ тому ли болоту къ Кули́кову,
На ту на казень на смертную.
И бы́ла у Ѳёдора матушка,
Обувала башмаки на босу ногу,
Шла къ братцу къ Никиты Романовичу.
«Братецъ Никита Романовичъ!
«А спишь и незгоды не вѣдаёшь.
«Надо мной несчастьё состоялосе,
«Не стало сына одинакаго,
«Твоего ли крестника любимаго.
«Увёлъ Малюта во чистó полё,
«Къ тому болоту Кули́кову,
«На ту на казень на смертную,
«Да хочётъ отрубить буйну голову».
Не много Никита розговаривалъ,
А скочилъ Никита скоро-нá-скоро
Обувалъ сапоги на босý ногу,
Одѣвалъ ёнъ шубу соболиную,
Наклáдалъ шляпу пуховую,
Берётъ узду свою мѣдную,
Да идё на конюшню стоялую,
Берё жеребца да не ѣзжалаго,
Не ѣзжалаго да не сѣдлáного,

Несѣдла́наго только́ узда́ного.
Только видѣли Никиту саждаючи,
Не видали Никиты поѣзжаючи,
Только столбъ стоитъ во чистомъ поли.
У вора Малюты-та Шкурлаткина
Лѣва ножка откинута,
Правая рука заздынута.
А й скричалъ Никита громкимъ голосомъ:
— А й же Малюта-та Шкурлаткинъ сынъ!
— Не твоя воръ ѣства не тебѣ воръ ѣсть,
— А съѣси́ собака кусъ подавишься,
— Теперь тебѣ вору живу не быть.—
У вора Малюты-та Шкурлаткина,
Лѣвая нога́ его оглезнула,
Права́я рука его одрогнула,
Выпадала у Малюты сабля вострая.
Пріѣхалъ Никита Романовичъ,
Да берётъ своего крестника любимаго,
Да посадилъ ево ли на добра коня,
Да повёзъ ево ли въ каменну Москву.
Стоитъ Малюта пороздумалсе:
«Да какъ я молодецъ теперь къ царю пойду».
Взялъ кобеля ли мелединскаго,
Отрубилъ кобелю ёнъ буйну голову
И вынялъ сердцо со печенью,
Подносилъ на подносы на серебряны.
Идётъ къ грозному царю Ивану Васильевичу,
Говорилъ царь таково слово:
— А й Малюта-та Шкурлаткинъ сынъ!
— Да что же отъ сердца пе́сей духъ пахнё?—
Говорилъ Малюта таково слово:
«Онъ закону-то былъ не нашево,
«Порядку былъ не хорошаго,
«Оттово ли отъ сердца песей духъ пахнё».

Да прошло тово времени цѣлой годъ,
Да на ту ли заутрину христовскую,
Приказалъ грозной царь Иванъ Васильевичъ
Обрядиться всѣмъ въ платье опáльнеё,
Поминать-то Өедора Ивановича.
Да тотъ Никита Романовичъ
Одѣвае платье ёнъ цвѣтноё,
Со каменьёмъ да драгоцѣннымъ,
И пришолъ во церкву соборную
Да бьетъ челомъ поклоняется:
— Здравствуй Грозной царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своимá ли дѣтями одинакима:
— И со тѣмъ ли Иваномъ Ивановицомъ,
— И со тѣмъ ли Өéдоромъ Ивановицомъ! —
Говорилъ царь таково слово:
«Да ты старая собака сѣдатой пёсъ!
«До вочью́ ты мною насмѣхаешься
«По ворахъ и по розбойникахъ.
«Много потучиковъ и попецельщиковъ
«По моёмъ по сыни по Өедори,
«Не потучики не были, ни попечальщики».
Отстоялъ заутрину христовскую,
Да привёлъ къ обѣдени христовскiё,
Показалъ ли сына одинакова,
Да того ли Өёдора Ивановича.
Говорилъ царь таково слово:
«Да кто скраде своруе голову убьётъ,
«Да ступайте въ Микитину вотчину».

Записана А. Ө. Гильфердингомъ 11 августа 1871 г. на Кенозерѣ, отъ кр. Мих. Ив. Тряпицына, изъ д. Усть-поча у Кенозера. Онежскія былины III³, стр. 280—285, № 244.

Олонецкой губерніи.

123.

Грозной Царь Иванъ Васильевиць
Подвелъ то онъ войско подъ Казань-городъ;
Стояло войско подъ Казань-городомъ
Не много, не мало, ровно семь годовъ.
Спрого́воритъ пушкарь таково́ слово:
Ай же Грозной Царь Иванъ Васильевиць,
Подкопаемъ по́дкопы глубо́кіи
Подъ эты стѣны городо́выи.
Подкопали по́дкопы глубо́кіи
Подъ эты стѣны городовыи.
Зажигали о́ны свѣци во бѣлыи руки́, —
Тутъ треснули боцьки съ зельемъ лю́тыимъ,
Роскатилися стѣны городо́выи;
Зашло-то это войско во Казань-городъ.
Тутъ Грозной Царь Иванъ Васильевиць
Онъ завелъ то на веселье почестенъ пиръ.
Вси на пиру напивалиси,
Още вси на пиру да пьяны ве́селы;
Вси на весельи порасхвастались,
Инной-отъ хвастаётъ кресьянамы,
Инной хвастаётъ боярамы;
Умной тотъ хвастатъ отцёмъ — матерью,
А безумной тотъ хвастатъ молодой жоной.
Още съ за́ того стола, да съ за око́льного,
Съ за́ того съ за мѣста съ за бо́льшого
Выхо́ди Грозной Царь Иванъ Васильевиць,
Выходитъ то онъ да порасхвастался:
Я повыведу измѣну съ каменно́й Москвы,
Я повынесу перфилу со Исай-города.
Още съ за́ того стола съ за око́льного,

Съ за́ того съ за мѣста съ за ме́ньшого
Выходитъ Иванъ сударь Ивановиць:
Ай же Грозной Царь Иванъ Васильевиць,
Съ намы то измѣна за столомъ сидитъ,
Ужь онъ ѣстъ да пьетъ съ одного судна́,
А кафтанъ съ намы носитъ одного сукна,
Ужь онъ думу съ намы думать заеди́ною.
Тутъ не си́нёе морё сколыбалоси,
Ай не сы́рой боръ да разгоряетця,
Разгорѣлоси сердецюшко царськоё:
Ай же вы слуги королевськіи,
Ай же палаци да немило́сливыи,
Вы берите скоро Өедора Ивановиця
За его за руценьки за бѣлыи,
За его за персни злацёныи,
Вы ведите-ко пода́лецё въ цистбе полё,
Ай на тое то болото, на житноё,
Ай на тую то на плаху на липовую,
Отсѣките-тко ему да буйну голову.
Большо́й тотъ туляется за ме́ньшого,
Меньшо́й тотъ туляется за бо́льшого,
Тутъ повыскоцилъ Потанюшка Скурлатовъ сынъ,
Бралъ скоро Өедора Ивановиця
За его за руценьки за бѣлыи,
А связали-то ему да руцьки бѣлыи,
А сковали-то ему да ножки рѣзвыи,
Повели на болото на житное,
А на тую-то на казень на смертную,
Тутъ узнала ёго ро́дная матушка,
Тутъ узнала Офимья Романовна,
Она шубоньку одѣла на одно плецё,
Она цёботы обула на босу́ ногу́,
Она скоро бѣжала тутъ у́лицамы,
Ай скорѣе-то того да переулкамы;

Прибѣжала-то ко братцю Микиты Романовицю:
Ай же ты старой козакъ, Микита Романовиць,
Ѣшь ты да пьешь, проклажаешься,
А въ моéмъ доми невзгодушки не вѣдаёшь,
Какъ не стало-то въ Москвы красна солнышка,
Не стало ý насъ Ѳедора Ивановицвя;
Ай увелъ его Потанюшка Скурлатовъ сынъ
Ай на тоё-то болото на житноё,
Ай на тую-то на плаху на липовую,
Онъ хотѣлъ ему отсѣць да буйну голову.
Скоро тутъ Никита поворотъ дёржи́тъ,
Скоро тутъ Романыць поворóтился,
Приходитъ онъ во стайню во кóнную,
Взялъ-то жеребцика неѣ́зжаного,
Ай надѣлъ-то на него сбрую недéржаную,
Взялъ то онъ плетоцьку несви́станную,
Не воротамы онъ ѣхалъ, церезъ тынъ скакалъ;
Ѣдетъ онъ пода́лецё въ цистóё полё,
На то болото на житное,
Онъ шашкой машё, голосóмъ крыцитъ:
Ай же ты Потанюшка Скурлатовъ сынъ,
Если съѣшь кусокъ, дакъ ты подависьсе
А не съѣшь куска, дакъ не подависьсе.
Онъ и бралъ скоро Ѳедора Ивановиця
За ёго за руценьки за бѣлыи,
За ёго за персни злацёныи,
Цѣловалъ ёго въ уста да во саха́рныи;
Садилися оны да на добры́хъ коней,
Пріѣзжали къ Микиты Романовицю
А въ ёго полаты бѣлокаменны.
Тутъ Грозной царь Иванъ Васильевиць
Похóдитъ къ заутренни христовськоёй,
Онъ надѣлъ на сéбя платьицё цёрное,
Цёрное платьицё, пецяльноё.

Ай похо́дитъ Микита Романовиць,
Надѣлъ на се́бя платьицё свѣтлоё,
Свѣтлое платье, по ихъ лучше нѣтъ;
Ай приходятъ оны въ церькву во́ Божью;
Ай заходитъ Никита Романовиць,
Зашелъ-то онъ зятю со лѣва́ бока:
Здравствуй зять со своёй семьей,
Со своёй семьей, да со моёй сестрой,
А со двýмы со ясныма со со́коламы!
Съ первымъ съ Иваномъ Ивановицёмъ,
Съ другимъ со Θедоромъ Ивановицёмъ!
А взглянулъ на ёго Царь да кривы́мъ окомъ:
Таки́-ль ты, Микита, надсмѣхаесься?
Таки́-ль ты, Микита, надлыгаесься?
Таки́-ль тебѣ дѣло не извѣсноё?
Ай заходитъ Микита со права́ бока:
Здравствуй зять со своёй семьей,
Со своёй семьей, со моёй сестрой,
Со двýмы со ясныма соколамы!
А взглянýлъ на ёго Царь да кривы́мъ око́мъ:
Таки́-ль ты, Микита, надсмѣхаесься?
Таки-ль ты, Микита, надлыгаесься?
Таки-ль тебѣ дѣло не извѣсноё?
Я тебя, Микита, головý срублю,
Грозной Царь, Иванъ Васильевиць,
Живетъ-ли грѣшному прошшеньицо?
Живетъ-ли виновату благословеньицо?
— Ай простилъ бы то я, да, полно, не́кого;
Благословилъ бы то я, то́го не́гдѣ взять!
Скоро тутъ Микита поворотъ держи́тъ,
Скоро тутъ Романыць поворо́тился,
Зашелъ онъ въ полату бѣлока́менну,
Бралъ онъ Θедора Ивановиця,
Приводилъ во церькву во Божію.

Тутъ Грозной Царь Иванъ Васильевиць
Бралъ скоро Өедора Ивановиця
За его то за руцьки за бѣлыи,
Цѣлуетъ во уста да во сахарныи,
Ай же ты, Микита Романовиць,
Ты бери-тко отъ меня хошь улицямы,
Ты бери-тко отъ меня хошь переулкамы,
Городамы хошь съ пригородкамы!
— Мни не надобно съ тибя да мни не улицямы,
Мни не надобь съ тибя съ переулкамы,
Только дай мнѣ-ка одну въ Москвы Микитину улицю.

«Кто обкрался, да обворовался, да въ Микитину улицю зашелъ, тому Богъ проститъ» — въ досю́льны времена така пословиця жила.

Записана Ө. М. Истоминымъ въ д. Оятевшиной, Петрозаводск. у., Олон. губ. Напечатана въ сборникѣ «Пѣсни русск. народа», собраны въ гг. Архангельской и Олонецкой въ 1886 г. С.-Пб. 1894, стр. 46—50.

Олонецкой губерніи.

124.

Во той то было въ каменной Москвы,
У Грозново цяря Ивана Васильевиця,
Завѐлся, завѐлся поцестенъ пиръ;
Ай вси на пиру наѣдалисе,
Вси на пиру напивалисе,
Ай вси на пиру приросхвасталисе.
Ай спрогóворитъ Грозной цярь Иванъ Васильевиць:
«А я повывелъ измѣнушку изъ Кіева,
Я повывелъ измѣнушку изъ Це́рнигова,
Я повывелъ измѣнушку изъ Нова́-города,
Я повывелъ измѣнушку изъ каменнóй Москвы!»

Ай спрогóворитъ среднёй-отъ сынъ Иванъ Ивановиць:
— Ай свѣтъ, государь, ты нашъ батюшка,
Грозной-отъ цярь Иванъ Васильевиць!
Не повывести измѣнушки изъ Кіева,
Не повывести измѣны изъ Цернигова,
Не повывести измѣны изъ Новá-города;
Ай измѣнушка за столомъ сидитъ,
За столомъ сидитъ, все во глаза гледитъ;
А ѣстъ онъ, пьетъ видь съ одного съ тобой
А пи́тья-то вси видь медвяныи,
А ѣствы-то вси сахарныи;
А платьиця носитъ одного сукна,
Одного сукна, одного швеця;
А мнѣ по братѣ сказать, — мнѣ-ка брата жаль.
На себя сказать, — голова мнѣ-ка съ плець.
А ѣхали мы съ тобой коей улицёй,
Ай грѣшниковъ казнили, все вѣшали,
Ай братецъ-то Θедоръ Ивановиць
А ѣхалъ то онъ коей улицёй,
Дáвалъ грѣшникамъ ярлы́цьки потáйные. —
А его цярьськое сердцё разгорѣлоси,
Его ясны очи помитуцились;
Ай самъ говоритъ таково словó:
«Ай же вы, сорокъ палацёвъ немилóсливыхъ,
Ай вы возьмите моего видь сына Θедора,
Ай вы ведите-ткось во тое его во цистó поле.
Ко той-ли ко плахи дубовые,
Ко той-ли ко ляги кровавые,
Ай отсѣките у его проць буйну голову!»
Говорятъ тутъ сорокъ палацёвъ немилóсливыхъ:
— Ай Грозной цярь, Иванъ Васильевиць!
Ай какъ мы смѣемъ наложить видь руки татарьскіе
На тыи на роды на цярьскіи. —
Ай вси палаци розбѣжалисе,

Одинъ-ли Малюта Шкуратовиць не́ бѣжалъ,
Ай взялъ онъ Ѳедора за бѣлы́ руки́,
За бѣлы́ руки́, злацены́ персни́,
Ай повелъ его во цисто́ поле,
Ко той-ли ко плахи дубовые.
Ай видитъ цяриця: — бѣда пришла,
Бѣда пришла неминуцяя.
Не куноцька по городу спрорыснула,
Цяриця съ по городу спробе́гнула,
Ко тому-ли ко братцю Микитѣ Романовицю.
Приходитъ во палату бѣлокаменну,
Ай крестъ кладетъ по писа́ному,
Поклоны ведетъ по уцэному;
Сама говоритъ таково́ слово́:
«Ай, братецъ Микита Романовиць,
Сидишь ты за столамы бѣлоду́бовыма,
Ѣшь ты, пьешь, проклаждаишься,
Надъ собою незгодушки не вѣдаёшь:
Ай закатилось нашо красное солнышко,
Померкла звѣзда подвостоцьная:
Не стало моего сына Ѳедора,
Твоего видь любимого племницька,
Ай племницька любимого хрестницька;
Увелъ-ли Малюта Шкуратовиць
Во тае-ль его во цисто́ поле,
Ко той-ли ко плахи дубовые!
Выскакивалъ Микита Романовиць
Изъ за тыхъ зъ за столовъ бѣлоду́бовыхъ;
Надѣваетъ кунью шубоньку на одно плецё,
Пухову́ шляпу на одно ухо́,
Цёрны цёботы на босу ногу;
Беретъ онъ узду видь тесмянную,
Беретъ сивушка-бурушка́ неѣзжена,
Неѣзжена все некладена.

А видли добра молодця сядуци,
Не видли удáла поѣдуци.
Кто ушелъ, того Богъ унесъ,
Кто не ушелъ, того конемъ топталъ;
Засталъ Малюту Шкуратовиця
А самъ говоритъ таковó слóвó:
«Не тебѣ бы было наше мясо ись!»[1])
Ай наѣхалъ, — отсѣкъ у его проць буйну голову:
Ай бралъ любимого племницька,
Ай племницька, любимого хрестницька
За бѣлы руки, злацены́ персни,
Цѣловалъ во уста во сахарніи,
Садилъ его на добра коня,
Привозилъ во свою полату бѣлокаменну.
Ай Грозныя царь Иванъ Васильевиць
Розослалъ онъ знать по всимъ мѣстамъ, по всимъ градáмъ,
По всёй земли святоруськоёй:
Ай поминать своего сына Ѳедора
Во тыихъ во платьяхъ пецяльныихъ.
Ай Микита Романовиць
Походитъ онъ во Божью церькву́,
Ай надѣвае онъ платьице цвѣ́тное,
Ай цвѣ́тное платье што ни лучшее.
Приходилъ онъ во Божью́ церькву́,
Становился онъ поряди́ царя,
Ай Грозного Ивана Васильевиця.
Ай спрогóворитъ Грозныя царь Иванъ Васильевиць:
«Ай же ты, Микита Романовиць,
Развѣ видь ты надо мной насмѣхаешься:
Ай вси люди́ пришли во платьи во церноемъ,
Во церноемъ платьи, пецяльноемъ,
Ай ты пришелъ видь во платьи во цвѣ́тноемъ?»

---

1) Ѣсть.

Ай спрогбворитъ Микита Романовиць:
— Ай Грозныя царь Иванъ Васильевиць,
А есть-ли грѣшному прощеньицо?
Ай бываетъ-ли мертвому покаяньицо? —
Ай спрогбворитъ Грозныя царь Иванъ Васильевиць:
«Ай было бы грѣшному прощеньицо,
Да того негдѣ взять;
Ай бываетъ мертвому покаяньицо!»
Микита Романовиць
Становилъ онъ любимого племницька,
Ай племницька, любимого хрестницька,
Супротивъ его бцей царьскіихъ.
Ай Грозныя царь Иванъ Васильевиць
Бралъ своего сына Өедора
За бѣлы́ руки, золоцёны персни,
Цѣловалъ во уста во сахарніи,
Ай самъ говоритъ таково слово:
Ай же ты, Микита Романовиць,
Цимъ тебя видь все жаловать:
Города-ль тибѣ набъ съ пригородами,
Аль несчэтной надобъ золотой казны,
Ай силы войска надо великои? —
Ай спрогбворитъ Микита Романовиць:
«Ай Грозныя царь Иванъ Васильевиць,
Не надоть силы-войска великои,
Не надо несчэтной золотой казны,
Не надоть городовъ съ пригородкамы,
Ай только дай-ко Микитину вотцину:
Кто ушелъ, того Богъ унесъ».

Записана Ө. М. Истоминымъ въ д. Габъ-Наволо́къ на Выгозерѣ, Повѣнецк. уѣзда, Олон. губ. Напечатана имъ въ сборникѣ: «Пѣсни русск. народа» и проч. С.-Пб. 1894, стр. 51—54.

Олонецкой губерніи.

125.

Туръ да олень за горы ушли,
Зайцы, лисицы по кустикамъ.
Какъ не сине море сколыхалося,
Царское сердце расходилося.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Чтобъ завѣдывали городами и вывели измѣну —
Большой сынъ Иванъ Ивановичъ
Въ каменнòй Москвѣ,
Среднiй Дмитрiй Ивановичъ изо Пскова,
А меньшой Ѳедоръ Ивановичъ изъ Нова-города.
Возговорилъ старшiй сынъ Иванъ Ивановичъ:
Батюшка, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Повывелъ ты измѣну съ каменной Москвы,
Повывелъ другую изо Пскова,
А не вывелъ ты измѣны изъ Нова-города.
Ѳедоръ то Ивановичъ благой былъ,
Онъ сказалъ: ай же вы, мужики новгородскiе,
Вы идите во теплу сторонушку.
Какъ царское сердце уходится,
Придите назадъ и вѣкъ жить будете.
А самъ-то копьемъ подписывалъ:
Всѣ казнены и повѣшены.
Какъ царское сердце расходилося —
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Закричалъ своимъ громкимъ голосомъ:
Ай же вы, палачи немилостивы,
Вы возьмите Ѳедора Ивановича за желты кудри,
Вы сведите на то на болото на жятное,
Отсѣките ему буйну голову,
Принесите сѣкиру кровавую.

Услыхала его матушка Авдотья Романовна,
Выскочила на однихъ чулочкахъ безъ чеботовъ,
Кинула шубейку на право плечо,
Побѣжала она къ братцу родимому,
Ко Никитѣ Романовичу;
Какъ на пяту дверь отворилася,
Возговоритъ Никита Романовичъ:
Что это за чудо счудовалося,
Что это за диво сдивовалося —
Незванная гостьица пѣшкомъ пришла?
Возговорила Авдотья Романовна:
Ай же ты, братецъ Никита Романовичъ,
Ты ѣшь да пьешь, прохлаждаешься,
А не вѣдаешь надъ собой невзгодушки —
Какъ нѣтъ моего моего сына любимаго,
А твоего любимаго крестничка-племяничка,
Взялъ то Ѳедора Ивановича Малюта Скуратовъ-сынъ,
Онъ взялъ его за желты кудри,
Повелъ на болото на житное,
На тую плаху дубовую —
Отсѣчь ему буйну голову,
Принести царю сѣкиру кровавую. —
Какъ Никита Романовичъ вскакивалъ
Изъ-за стола изъ-за дубоваго,
Выходилъ онъ на широкій дворъ,
Говорилъ онъ слугамъ вѣрнымъ:
Вы сѣдлайте ко коня скоро-на-скоро!
Ай же ты, конюшко вѣрный,
Одѣвайсе во платье во черное,
Да прощайсе со бѣлымъ свѣтомъ!
Ѣдетъ Никита Романовичъ,
Шляпой машетъ, голосомъ кричитъ:
Сторонитесь, люди добрые.
Повыѣхалъ на раздолье на широкое,

Закричалъ своимъ громкимъ голосомъ:
Ай же ты, Малюта Скуратовъ сынъ,
Ты съѣшь этотъ кусъ да подавишься.
Пріѣхалъ Никита Романовичъ
На то на болото на житное,
Положенъ Ѳедоръ Ивановичъ на плаху дубовую,
Закрытъ тонкимъ бѣлымъ полотномъ.
Тотъ ли Малюта Скуратовъ сынъ
Натачивалъ большое ножище-кинжалище.
Пріѣхалъ Никита Романовичъ
Да и взялъ Ѳедора Ивановича,
А конюха и оставилъ тутъ.
Взялъ онъ Ѳедора Ивановича,
Цѣловалъ во уста во сахарные.
А какъ царское сердце уходилося,
Стало жаль любимаго сына Ѳедора Ивановича.
— Кто бы могъ изъ мертва жива сдѣлати,
Далъ бы я города съ пригородками,
Села да съ приселками,
Злата серебра долюби, а скатна жемчуга досыти.
Приходитъ Никита Романовичъ:
Здравствуешь, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Здорово-ль мои крестники-племянички здравствуютъ?
Большой да Иванъ да Ивановичъ,
А середній Дмитрій Ивановичъ
А меньшой Ѳедоръ Ивановичъ?
Возговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
Аль ты надо мной надсмѣхаешься,
Аль ты надо мной надругаешься?
Аль ты не знаешь, аль ты не вѣдаешь?
Вѣдь нѣту Ѳедора Ивановича.
Тотъ ли Малюта Скуратова сынъ
Отсѣкъ ему буйну голову,
Принесъ сѣкиру кровавую.

Кто бы могъ изъ мертва жива сдѣлати,
Далъ бы я города съ пригородками,
Далъ бы я села съ приселками,
Злата-серебра долюби, скатна жемчуга досыти.
Возговорилъ Никита Романовичъ:
Мнѣ не надо городовъ съ пригородками,
Мнѣ не надо селъ да съ приселками,
Мнѣ не надо ни злата, ни серебра, ни скатна жемчуга,
Только дай мнѣ Никитину вотчину:
Кто уйдетъ въ Никитину вотчину,
Того и Богъ проститъ.
Какъ привелъ онъ Өедора Ивановича,
Не за сына кидается
Грозный царь Иванъ Васильевичъ —
За Никиту Романовича,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя,
Что могъ изъ мертва жива сдѣлати.

Записана Вас. Өед. Хотьковскимъ въ с. Горка, Петрозаводск. у., Олон. губ., отъ кр. М. А. Фроловой. Взята нами изъ рукописнаго труда г. Хотьковскаго «Историко-бытовыя условія жизни Олонецкаго края по даннымъ народно-литерат. старины» (1912—1913 гг.). Приложеніе № 6.

126.

Грозной царь Иванъ Васильевиць
Сидѣлъ за столамы дубовыма,
За ѣствамы сахарнима, за питьямы медвяныма,
Говорилъ то ёнъ таковы слова:
Мы повывели измѣну съ каменной Москвы.
Сидитъ то Өедоръ Ивановиць,
Говоритъ то ёнъ таковы слова:
Измѣнницёкъ да за столомъ сидитъ,

Ёнъ ѣсъ то пье да съ одного судна,
Ёнъ сапожки шье да одного козла,
Рукавици шье ёнъ церныхъ мурманокъ.
Царю то слово въ запреку пришло,
Въ запреку пришло въ за великую.
Ёнъ скрыцялъ палацёвъ немилосливыхъ.
Большой палаць крадецце за середнёго,
А середнёй крадецце за меньшого,
А отъ меньшого отвѣту нѣтъ.
Беретъ то палаць немилосливой,
Беретъ царевиця за ёго за руцьки за бѣлыи,
За его за персни злацёныи;
Приводитъ то ёго на тоё болотцё на житноё,
На тую на плашку на липову.
Ёго то родная матушка
Слышитъ слова не веселыи,
Ко серцю не пріятныи,
Скопила ёна на рѣзвы ножки,
Побѣжала въ Микитину вотцину,
Ко своёму братцю ко родному,
Бѣжитъ ёна по городу — народъ-отъ роздвигаецце,
Какъ весной водыця розливаецце,
Прибѣжала ёна къ своему братцю къ родному,
Крёсъ кладе по писаному,
Поклонъ веде по уценому.
Сидитъ то братецъ родной,
Ѣсъ да пье, проклаждаецце.
— Ай же, братецъ родной,
Сидишь ѣшь да проклаждаесся,
Не знаешь ты незгоды великіи:
Вецёръ по вецеру по позному
Воспалилсэ Грозной царь Иванъ Васильевиць
На того на сына на меньшого,
На Өедора (?) Ивановиця,

На твоего кресницька любимого —
Приказалъ палацямъ немилосливымъ
Свести на тоё болотцё на житное,
На тую на плашку на липову
Отсиць ёму буйна голова,
Показать ему сабля вострая окровавлёна.
Скоцилъ то Микита на рѣзвы ножки,
И справлялсэ ёнъ поскорёшенько,
Выходилъ то ёнъ на широкъ дворъ
И взималъ то уздицю тясьманную,
Садилсэ ёнъ на добра коня
И взималъ то любимого постельницька,
Пріѣждялъ то ёнъ да на тоё болотцё на житное,
Сидитъ розбойникъ на грудяхъ у царевиця,
Сидитъ ёнъ да повыспрашиватъ:
Ай же, Өедоръ Ивановиць,
Кому накажешь золоту казну,
Кому накажешь серебрянну,
Кому накажешь платьё чвѣтноё,
Кому накажешь сапожки сафьянныи,
Кому накажешь шапку мурманку,
Кому накажешь со правой руки злацёнъ перстенъ?
Говоритъ то Өедоръ Ивановиць:
Ай же ты палаць немилосливой,
Кабы я то былъ да на твоихъ грудяхъ —
Нецёго бы я не выспрашивалъ,
Нецёго бы я не высказывалъ,
Я бы дѣлалъ дѣло повѣленое.
У палаця глаза съ кровью помутилисе,
Занесъ ёнъ саблю вострую;
А Микитушка Романовиць
Хватилъ любимого кресницька,
Подсунулъ ёнъ любимого постельницька;
Отсѣкъ палаць тутъ голову любимому постельницьку,

Принесъ то ёнъ саблю вострую окровавлену.
Царь тотъ въ утри пробуждаецце,
Увидѣлъ — виситъ сабля вострая окровавлёна,
Говоритъ царици благовѣрныи:
Ай же ты, цариця благовѣрная,
Здорово-ль наша каменна Москва,
Здорово-ль наши стрѣльчи-пальчѝ,
Здорово-ль наши сахарніи съ тобой сѝмяна?
Говоритъ ёна да таковы слова:
Не здорово наши съ тобой сѝмяна.
Говоритъ то ёнъ да таковы слова:
По ворамъ да по разбойницькамъ
Е заступщицьки-пецяльщицьки,
А по нашимъ сахарніимъ сѝмяцькамъ
Нѣтъ раступщицьковъ-пецяльщицьковъ.
Приказалъ ёнъ звонить поуп̀алому
Къ обидни въ колокóлъ, коёго хуже нѣтъ,
Приказалъ идти въ платьицяхъ, коихъ хуже нѣтъ,
А Микитушка справляецце
Во платьицяхъ, коихъ лучше нѣтъ.
Сокруцялъ ёнъ кресницька во платьиця во чвѣтныи
И приходилъ во черковь соборную,
Самъ шелъ во черковь соборную,
А оставлялъ кресницька во паперти соборною;
Самъ крёсъ кладē да по писàному
Поклонъ ведē да по уцёному,
Царю ёнъ восòбину.
Взглянулъ грозной царь Иванъ Васильевиць:
— Ай же ты надо мной да надсмѣхаессе!
Вынималъ ёнъ ножицекъ булатныи
И кидалъ ёнъ въ Микиту Романовиця,
Попадалъ то ножъ во кирпицьной мосъ.
Говоритъ Микита таковы слова:
— Ай же, грозной царь Иванъ Васильевиць.

Не можно-ли круцины на радось сбить!
Говоритъ то царь Иванъ Васильевиць:
Кабы хто мою круцину на радось сбилъ —
Не зналъ бы того цимъ пожаловать.
Микитушка Романовиць приходилъ ёнъ во паперть соборную,
Взималъ кресницька въ бѣлы руки,
Приводилъ ёго во черковь соборную.
Грозной царь Иванъ Васильёвиць
Не берецце за сына любимого,
А берецце за Микиту Романовиця:
— Ай же, Микита Романовиць,
Бери у меня до полуцарства,
И города — ты бери съ пригородкамы,
И сёла бери со присёлкамы,
Говоритъ Микита таковы слова:
— Не надо мнѣ городовъ съ пригородкамы,
Не давай ты сёловъ съ присёлкамы,
Дай-ко мнѣ свою ты власъ и свой же судъ:
Хто сдѣлатъ дѣло уголовное:
Хто коня украде, или жёну уведē
И придē въ Микитину вотцину —
Того и Богъ проститъ.
И далъ ёму свой судъ Иванъ Васильевиць.

Записана В. Ѳ. Хотьковскимъ въ д. Ижгоры, Ничиж. вол., Пудожск. у., Олонецкой губ., отъ кр. Т. А. Фешевой. Взята нами изъ рукописнаго труда г. Хотьковскаго «Истор. бытовыя условія жизни Олонецкаго края, по даннымъ народно-литературной старины». Приложеніе № 15 (1912—1913 гг.).

Олонецкой губерніи.

127.

Грозный царь Иванъ Васильевъ розстарѣўся. Ну потомъ сбераў поўный перъ, ну, потомъ стаў выкликать: хто чимъ буде хвастай. Умный хвастаў о́тцёмъ, матерью, безумный молодой женой, а Грозный царь Иванъ Васильевъ: «Чимъ буду я хвастать?» самъ сиби говоритъ. Ну и потомъ хвастаэтъ: «Вотъ я повывеў измѣну изъ Кіева, повывеў измѣну изъ Церьнигова, повывеў измѣну изъ Нова́-города». Потомъ говоритъ: «Повывеў измѣну съ каменно́й Москвы». За́ столомъ дубовымъ сынъ еγо родно́й сидитъ, самъ говоритъ: «Татенька, вывеў ты измѣну изъ Церьнигова, да вывеў измѣну изъ Кіева, да изъ Новагорода, а не вывеў измѣны съ каменной Москвы» (сынъ отчю скажетъ). Приказаў взять сына за кудри за жоўтыи, свести на болото Жытнея, а сказнить царевичу головушку. Ну потомъ бо́льшей (ихъ было три брата) туляэтця за среднеγо, а средній туляэтця за меньшоγо, а отъ меньшоγо и отвѣту нѣтъ (отвѣтить не смиў). А съ за́ стола дубовоγо скачетъ мальчишка Скурла̀товъ сынъ: «Я сказню царевичу головушку». Прослышала ро́дна еγо маменька, Марөа Романовна, потомъ не ложылась въ покой, а пошла въ о́дной рубашки къ брату жаловатьця и бе́съ пояса и безъ чеботовъ, бе́зо всего, въ о́дныхъ цюло́чкахъ, и приходила въ Божью черьковь, кресъ кла́ла по писаному, поклоны вела́ по ученому, братьцю кланялась въ со́бину. «Ай же ты братецъ родимый, ѣшь ты пьёшь, проклаждаэшься, надъ собой незгоды не вѣдаэшь, когда выпала звѣзда подвостоцьная, затухла заря рано-утреняя (заря уты́хла), розстариўся нашъ грозный царь». И ужъ повторять стала, росказывать брату, — онъ не быў на́ перу. «Грозный царь Иванъ Васильевъ за́бералъ почестенъ перъ, говоритъ, вси на перу́ напивались, вси на перу најидались, вси на перу поросхвастались, умный хвастаў отьчёмъ матушкой, безумный хвастаў молодой женой, а Грозный царь Иванъ Васильевъ похвастаў измѣной великой: «повывеў я, говоритъ, измѣну изъ

Церьнигова и изъ Кеéва и изъ Новáгорода, повывеў измѣну съ каменнóй Москвы; а блáдый Ѳёдоръ Ивановичъ сказаў отчю насупротивъ, говоритъ: «вывеў изъ Церьнигова измѣну и изъ Кіева и изъ Новагорода, а съ каменнóй Москвы измѣны вывести нé могъ». Потомъ она и говоритъ брату, што онъ велѣў, отець-то, трёмъ братьямъ: «сведите еγо на болото на Жытьнее и казните царевицю головку». Братъ то ей, Никита Романовиць, скоциў со стула дубовоγо, книги бросаў недоцитанныи, шубоньку бросаў на однó плецё, шляпоньку кидаў на однó ухо, чóботы обуваў на босý ногу, шапкой машетъ, голосóмъ крычитъ: «Не твой то кусъ, да не тиби и ϳись, ай же, мальчишка Скурлатовъ сынъ! а съϳишь этотъ кусъ да подавишся». Прибѣгаэтъ на болото на Житьнеэ ко этой ко плахи дубовой, онъ тяпнуў Малютку зá волосы, бросаў Малютку о сырý землю, съ головы до пятки кожа лопнула. Взяў онъ бладоγо царевиця за еγо за руцьки за бѣлыи, за персни́ за злачоныи, чёловаў еγо въ устá во сахарніи и прибраў въ своэ мѣсто туды, гди онъ самъ жывётъ. Тутъ приходитъ къ самой заутрени Христоськой. Грозный царь Иванъ Васильевъ приказаў въ опальнемъ платьи прити всимъ въ черьковъ, потомъ этотъ Микита Романовиць, еγо шуринъ, значитъ, одѣваэтця во цвѣтно платье. Ну, и вси пришли въ опальнемъ платьи въ Христоську заутреню, а этотъ Микита Романовиць одѣўся во платье во цвѣтноэ. Пришоў въ черьковъ, кресъ клаў по писáному, поклонъ клаў по учоному и потомъ еγо, значитъ, съ сыномъ... «Здрасьвуй, Грозный царь Иванъ Васильевъ, здрасьвуй съ рожоныма дѣтушкамъ, со бладыимъ Ѳёдоромъ Ивановичемъ», повториў эще, котороγо избавиў отъ смерти, тымъ и проздравляэтъ, а отець промоўчаў, значитъ, ни́чеγо на мѣсто не сказаў, и опеть Микита Романовиць второй разъ говоритъ: «Грозный царь Иванъ Васильевъ, здрасьвуй со семеюшкой и со рожоныма дѣтушкамъ и со бладыимъ Ѳёдоромъ Ивановичемъ». Онъ отворотиўся самъ и говоритъ: «Ай же ты, Микита Романовиць, што-же нáдо мной насмѣхаэшся, а развѣ нáдъ собой незгоды не вѣдаэшь, што нѣтъ жива любимоγо племянника, а я сказню́ тиби, Микитушка,

головушку, если не представишь сюды Ѳёдора царевиця». — Ну, потомъ этотъ Микита Романовиць приказаў племяннику прити въ черьковъ. Вотъ этотъ Ѳёдоръ Ивановичъ пришоў въ черьковъ, кресъ клаў по писаному, поклонъ вёў по учоному, а батюшку кланяўся въ собину. «Здрасьвуй, родный мой татенька, Грозный царь Иванъ Васильевъ!» Грозный царь Иванъ Васильевъ говоритъ Микиты Романовицю шурину своэму: «Злата-ль тиби надо или се́ребра, што отъ смерти збавиў сына еɣо (такъ!)?» А и спрогóворитъ Микитушка ёму Романовиць: «Мни ни нужно ни злата ни се́ребра, отдай только Микитину отчину назадъ». (Онъ сёстру какъ взяў, такъ и óтчину óтобраў у шурина). Ну, тутъ оны съ нимъ померились, отчину назадъ отдаў, а то всё забранка у нихъ шла съ нимъ.

Пересказъ пѣсни съ почти разложившимся стихомъ. Записанъ въ д. Палтегѣ, Петрозаводскаго у., Олонецкой губ., отъ женщины среднихъ лѣтъ А. А. Шахмаровымъ. Напечатанъ въ сборникѣ Н. Е. Ончукова «Сѣверныя сказки» (С.-Пб. 1908) подъ № 125, стр. 299—301.

Изъ западной Сибири (?).

128.

[Никите Рамановичу дано село Пребраженское].

Да в старые годы прежния во те времена первоначальныя когда воцарился царь г҃дрь а грозны царь Иванъ Васильевичь что взялъ онъ царство Казанское Симеона царя во полонъ полонилъ с царицею со Еленою выводилъ онъ измену ис Киева что вывелъ измену из Нова города что взялъ Резань взялъ и Астрахань а ныне у царя в каменной Москве что пиръ идетъ у него навеселе а пиръ идетъ про князеи про бояръ про велможы гости богатыя про техъ купцовъ про сибирскиехъ какъ будетъ летнѣетъ день в половина дня смиренна беседушка || навеселе а все тута князи бояра и все на пиру напивалися промежъ собою оне

расхвасталися а силной хвастаетъ силою богатаетъ хвастаетъ богатествомъ злата труба в царстве протрубила прогласилъ царь Г҃дрь слово выговорилъ а глупы бояра вы неразумныя а все вы безделицой хвастаетесь а смею я царь похвалитися похвалитися и похвастати что вывелъ измену я из Киева да вывелъ измену из Нова города а взялъ я Резань взялъ и Астрахань в полатахъ злата труба протрубила прогласилъ в полатахъ царевичь молодой что меншеи Федоръ Ивановичь а грозной царь Иванъ Васильевичь не вывелъ измены в каменнои Москве что есть у насъ в каменной Москве что три болшия боярина а три Годуновы изменники за то слово царь спохватается ты гои еси чадо мое милое что меншеи Федоръ Ивановичь скажи мне про трехъ ты бояриновъ про трехъ злодеевъ изменниковъ первова боярина в котле велю сварить другова боярина велю на колъ посадить третьева боярина скоро велю сказнить ответъ держитъ тутъ царевичь молодой что меньшеи Федоръ Ивановичь а грознои царь Иванъ Васильевичь ты самъ про нихъ знаешъ и ведаешъ про трехъ болшихъ бояриновъ про трехъ Годуновыхъ изменниковъ ты пьешъ с ними ешъ съ еднова блюда единую чарой с ними требуешъ то слово царю не взлюбилося то слово не показалося не сказалъ онъ изменниковъ по имени ему тута за беду стало, || за великую досаду показалося скрычалъ онъ царь зычнымъ голосомъ а ест ли в Москве немилостивы палачы возмите царевича за белы ручки ведите царевича со царскова двора за те за вороты москворецкия за славную матушку за Москву за реку за те живы мосты калиновы къ тому болоту поганому ко топи ко луже кровавыя ко тои ко плахе белодубовой а все палачи испужалися что все в Москве разбежалися единъ палачь не пужаетца единъ злодей выступаетца Малюта палачь сынъ Скурлатовичь хватя онъ царевича за белы ручки повелъ царевича за Москву за реку перепахнула вестка нерадошна во то во село в Романовское в Романовское во боярское ко старому Никите Романовичу нерадошна вестка кручинная аи гои еси сударь мои дядюшка ты старои Никита Романовичь а

спишъ лежишъ опочивъ держишъ али те Никите мало можется над собою ты невзгоды не ведаешъ упала звезда поднебесная потухла въ соборе свеча местная не стало царевича у насъ в Москве а меншева Федора Ивановича много Никита не выспрашиваетъ а скоро метался на широкой дворъ скричалъ онъ Никита зычнымъ голосомъ а конюхи мои приспешники ведите наскоре добра коня неседленова неуздонова скоро де конюхи металися подводятъ наскоре добра коня садился Никита на добра коня за себя онъ Никита любимова конюха хватилъ поскакалъ за матушку Москву за реку а шапкои машетъ головои качаетъ кричитъ онъ реветъ || зычнымъ голосомъ народъ православнои не убеитеся даите дорогу мне широкую настигъ палача онъ во полу пугя не дошедъ до болота поганова кричитъ на ево зычнымъ голосомъ Малюта палачь сынъ Скурлатовичь не за своиской кусъ ты хватаесься а этимъ кусомъ ты подавися не переводи ты роды царския говоритъ Малюта немилостивой палачь ты гои Никита Романовичь а нашета дела повеленое али палачу мне самому быть сказнену а чемъ окровенить саблю вострую что чемъ окровенить руки руки белыя а с чемъ притить къ царю предъ очи предъ ево очи царския о^твечаетъ Никита Романовичь Малюта палачь сынъ Скурлатовичь сказни ты любимова конюха моево окровени саблю вострую замараи в крове руки белыя свои а с темъ поди к царю предъ очи передъ ево очи царския а много палачь не выспрашиваетъ сказнилъ любимова конюха ево окровенилъ саблю вострую заморалъ руки белыя свои а прямо пошелъ к царю предъ очи подмастерья ево голову хватилъ идутъ к царю предъ очи ево царския въ ево любимою крестовою а грозны царь Иванъ Васильевичь завидевши сабелку вострую а востру саблю кровавую тово палача немилостива потом же увиделъ и голову у нихъ а гдека стоялъ онъ и тута упалъ что резвы ноги подломилися что царски очи замутилися что по три дня ни пьетъ не есть народъ християне православныя положили любимова конюха на те || на телеги на ординския привезли до Ивана Великова где кладутца цари и царевичи где ихъ роды роды царския завсегда звонятъ

во царь колоколъ а старой Никита Романовичь хватя онъ царевича на добра коня посадилъ увесъ во село свое Романовское в Романовское и боярское не пива ему варить не вина курить а пиръ пошолъ у него на радостяхъ а в трубки трубятъ по ратному борабаны бъютъ по воинскому у тои у церкви соборныя збиралися попы и дьяконы а все веть причетники церковныя о^{т}певали любимова конюха а втапоры пригодился царь а грозны царь Иванъ Васильевичь а трижды земли на могилу бросилъ с печали царь по царству пошелъ по темъ широкимъ по улицамъ а те бояра Годуновые идутъ с царемъ сами подмолвилися ты грозны царь Иванъ Васильевичь у тебя кручина несносная у боярина пиръ идетъ навеселе у старова Никиты Романовича а грозны царь онъ и крутъ добре послалъ посла немилостивова что взять его Никиту нечестно к нему пришолъ посолъ ко боярину в домъ взялъ Никиту нечстно повелъ привелъ ко царю предъ ясны очи не дошедъ Никита поклоняетца о праву руку до сыру землю а грозны царь Иванъ Васильевичь а в правои руке держитъ царской костыль а в левои руке держтъ царско жезло по нашему сибирскому востро копье а ткнетъ онъ Никиту в праву ноги пришилъ ево ко сырои земли а самъ онъ царь приговариваетъ велю я Никиту || в котле сварить в котле сварить либо на колъ посадить на колъ посадить скоро велю сказнить у меня кручина несносная а у тебя боярина пиръ навеселе к чему ты Никита в доме добре радошенъ али ты Никита какой городъ взялъ али ты Никита корысть получилъ говоритъ онъ Никита не с упадкою ты грозны царь Иванъ Васильевичь не вели мене казнить прикажи говорить а для того у мене пиръ навеселе что в трубочки трубятъ па ратному в барабаны бъютъ по воинскому утешаютъ млада царевича что меншева Федора Ивановича а много царь не выспрашиваетъ хватя Никиту за праву руку пошелъ в палаты во боярския о^{т}воряли царю на пету вошелъ в палаты во боярския поднебестна звезда ушъ высоко взашла в соборе местна свеча затеплялася увиделъ царевича во болшомъ месте в болшомъ месте в переднемъ угле под местными иконами беретъ онъ царевича за белы ручки а грозны

царь Иванъ Васильевичь целовалъ ево во уста сахарныя скричалъ онъ царь зычнымъ голосомъ а чемъ боярина пожаловати а старова Никиту Романовича а погребъ тебе злата серебра второе тебе питья разнова а сверхъ того грамата тарханная кто церкву покрадетъ мужика ли убьетъ а хто у жива мужа жену уведетъ и уидетъ во село во боярское ко старому Никите Романовичу и тамъ быть имъ не в выдоче а было это село боярское что стало село Преображенское по той по грамоте тарханныя отныне ана словетъ ї до веку.

См. Сборникъ Кирши Данилова, издан. И. Публ. Библ. подъ ред. П. Н. Шеффера. С.-Пб. 1901, стр. 138—142.

Новгородской и Пермской губерній.

129.

Прикажи, Господи, намъ старину сказать,
Старину сказать да стародавную,
Стародавную старинушку-бывалую,
Про того царя Ивана да Васильевича.
У того царя Ивана да Васильевича,
Заводилася бесѣда тиха-смирная,
Собиралися князи-бояра да со всѣхъ сторонъ,
Князи-бояра да вся удалая поляница.
Они пьютъ-то да хлѣба кушаютъ,
Во полу-пирѣ да хлѣба рушаютъ,
Во полу-пирѣ да прирасхвастались,
Иной хвастаетъ-да кони добрые,
Другой хвастаетъ да золотой казной,
Третій хвастаетъ да молодой женой.
А Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ
По полатушкѣ похаживаетъ:
«Ужъ вы гой еси, князи и бояра!

«Ужъ вы хвастаете небылью-небылицею!
«Ужъ чѣмъ я, Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ,
«Чѣмъ же я, добрый молодецъ, похвастаю?
«Я похвастаю да я измѣною:
«Ужъ какъ выведу я измѣнушку изъ Кіева,
«Ужъ какъ выведу я измѣнушку изъ Нова-города,
«Ужъ я выведу измѣнушку изъ матушки каменной Москвы!»
Тѣ князи-бояре да ему рѣчь говорятъ:
««Ужъ не вывести тебѣ измѣнушки изъ Кіева,
««И не вывести измѣнушки изъ Нова-города,
««Да изъ матушки да каменной Москвы!
««А тотъ выведетъ ту измѣнушку,
««Кто за однимъ съ тобой столомъ сидитъ,
««За столомъ сидитъ да хлѣба кушаетъ,
««Милой сынъ твой Өедоръ Ивановичъ!»»
На то Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ осержается,
И выходилъ онъ да на красно крыльцо,
И кричитъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ,
Своимъ пилатамъ да немилостивымъ.
И тѣ пилатушки да испужалися,
По каменной Москвѣ да разбѣжалися;
Одинъ Малюта Скуратовъ да не устрашился,
Онъ бѣжитъ къ нему скоро на очи,
Прибѣжавъ къ нему низко кланялся:
— Ужь ты гой еси, Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ!
— На что ты горы-гаркаешь,
— На что меня кликъ-кликаешь?
«Ужь ты гой еси, Малюта Скуратинокъ!
«Возьми моего сына милаго за бѣлы руки его,
«За бѣлы руки, за златы перстни,
«И поведи его на то поле на Куликово,
«Ко той ямѣ да кровавыя,
«Ко той доскѣ да ко дубовыя,
«Снеси ему да буйну голову,

«Принеси мнѣ сабельку кровавую!»
И онъ взялъ его за бѣлы руки,
И повелъ его во чисто поле да во Куликово.
Увидалъ его любезный шуринъ Никита Варламовичъ,
Онъ садился на добра коня,
И посадилъ за себя молодаго клюшничка,
Погналъ на то поле на Куликово
И кричитъ онъ зычнымъ голосомъ:
— Ужь ты гой еси, Малюта Скуратинокъ!
— Не твой кусъ, да не тебѣ и кушати!
— Ужь ты на-тко да насытися
— Моимъ молодымъ клюшничкомъ! —
Онъ взялъ ему, клюшничку, срубилъ буйну голову,
И понесъ-то сабельку кровавую
Ко тому царю Ивану Васильевичу.
А у Грозна царя Ивана Васильевича,
И пиръ пошелъ да не на веселѣ,
Въ барабаны били да не на радости,
Не на радостяхъ, да не по старому.
Изъ пушекъ палятъ да не по прежнему,
А изъ мелкаго оружія — да обсѣкается.
А у его любимаго шурина Никиты Варламовича,
У него пиръ-то идетъ да по веселому.
Въ барабаны бьютъ да все по старому,
А изъ пушекъ палятъ да все по прежнему,
А изъ мелкаго оружія утиху нѣтъ.
Посылаетъ къ нему Грозенъ Царь
Иванъ Васильевичъ скорыхъ пословъ:
«И приведите мнѣ любезнаго шурина Никиту Варламовича».
И привели его, Никиту Варламовича, къ нему на дворъ:
— На что же ты меня, любезный зятюшка,
— Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ, требуешь?
«Къ чему радошенъ, да къ чему радъ,
«Мой любезный шуринъ, Никита Варламовичъ?

«Моему-то развѣ безвременьицу?
«У меня одна была жемчужина, и та скатилася:
«И пиръ у тебя идетъ по веселому,
«Въ бабарабаны у тя бьютъ да все по старому,
«Изъ пушекъ-то палятъ все по прежнему,
«Изъ мелкаго оружія не утихается!»
— Ужь ты гой еси, Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ!
— Есть въ гостяхъ небывалый гость,
— Небывалый гость — Ѳедоръ Ивановичъ. —
«Гой ты еси, мой любезный шуринъ,
«Мой любезный шуринъ, Никита Варламовичъ!
«Обратилъ ты мое да ретиво сердце,
«Взвеселилъ мою да буйну голову,
«Воротилъ ты мнѣ мою жемчужину!»
И пошелъ у него пиръ да по веселому,
Въ барабаны били да все по старому,
Изъ пушекъ палятъ да все по прежнему
Изъ мелкаго оружія не утихается. —

Напечатана въ «Пѣсняхъ Кирѣевскаго», В. VI, стр. 66—69, съ помѣтами: «Записана Ст. П. Кораблевымъ». «Поется въ Новгородск. и Пермск. губ.».

Томской губерніи.

130.

Когда возсіяло солнце красное,
Тогда воцарился нашъ грозный царь,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ.
Такова царя грознѣе не было.
И было у него столованье-почестный пиръ,
На многихъ князей, бояровъ
И на всю поленицу удалую,
И на всю дружину на храбрую.

Во полупиру бояры напивалися,
Въ полукушанье наѣдалися.
Царь по гридницѣ похаживатъ,
Бѣлыми руками помахиватъ,
Могучими плечами поворачиватъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
— «Гой еси, мои князья, бояры,
Славные могучіе богатыри!
Пьете вы, ѣдите, проклажаетесь,
Ничѣмъ вы, бояры, не похвастаете.
Я вывелъ измѣну изъ трехъ городовъ:
Изъ первова города — изо Пскова,
Изъ второва города — Новагорода,
Изъ третьей-то матушки каменной Москвы.
Казанское царство подъ мечъ склонилъ,
Царя Константина въ полонъ полонилъ».
И сидитъ тутъ его чадо милое,
По имени Өедоръ царевичъ младъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
— «Гой еси, нашъ батюшко, царь-государь,
Хвастаешь ты, царь батюшко, небылью:
Не могъ ты вывести измѣны въ каменной Москвѣ,
Измѣна у тебя за столомъ сидитъ».
Тутъ-то царю за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Знималъ онъ свою саблю вострую
Выше своей буйной головы,
Самъ говоритъ таковы слова:
— «Гой еси ты, Өедоръ-царевичъ младъ,
Скажи мнѣ измѣнника на имя,
Покажи мнѣ измѣнника на очи.
Скажешь ты мнѣ измѣнника — скоро сказню,
Не скажешь, — самово сказню,
И предалъ тебя казненью разному:

Языкъ тебѣ выну теменемъ,
Ясныя очи косицами,
Ретиво сердце скрозь едно ребро».
И проговоритъ тутъ Ѳедоръ-царевичъ младъ:
— «Ты гой еси, нашъ царь-батюшко,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ!
Прости ты меня — дѣтину глупова,
Не съ мудрости я слово вымолвилъ.
Пьете, ѣдите съ однова блюда,
И цвѣтно платье носите съ однова плеча».
Тутъ царю за бѣду стало,
За великую обиду показалося,
Зычитъ онъ, кричитъ зычнымъ голосомъ:
— «Гой еси вы, мои слуги вѣрные,
Злые палачи и немилостивы!
Берите-ка вы Ѳедора-царевича
За тѣ бы за ручки за бѣлыя,
За тѣ ли за перстни злаченые,
И ведите его въ дально-чисто поле
И во то раздолье Трепетово
И кладите на плаху бѣлодубову
И предайте ево казненью разному:
Языкъ ему выньте теменемъ,
И ясные очи косицами,
Ретивое сердце скрозь едно ребро,
Отсѣките ему буйну голову;
Окровените мнѣ саблю вострую.
И всѣ палачи испужалися,
Одинъ палачъ не устрашился,
Молодой Малюта, воръ Скурлатовичъ;
И беретъ онъ Ѳедора-царевича
За тѣ бы за ручки, за бѣлыя,
За тѣ ли за перстни, за злаченые,
И ведетъ его во дально чисто поле,

Во то раздолье Трепетово.
Скоро вѣсточка перепахнула,
Во то во село во Микитино,
Ко тому ко Микитѣ ко Романовичу,
Тутъ-то Микита испужается,
На одну ногу сапогъ надѣлъ,
На другую ногу не успѣлъ надѣть;
На одно плечо кафтанъ надѣлъ,
На друго плечо не успѣлъ надѣть;
И бѣжитъ скоро на красно крыльцо,
Зычитъ, кричитъ зычнымъ голосомъ:
— «Гой еси, мои любезные конюхи!
Хватайте мнѣ добра коня ступи́счата,
Не науздывайте, не осѣдлывайте!»
Скоро скакалъ на добра коня,
Самъ говоритъ таковы слова:
— «Гой еси, мои слуги вѣрные!
Кто де умретъ за роды за царскіе?»
Изобрался у него любезный клюшничокъ:
Я де умру за роды царскіе.
Садитъ его за себя на добра коня
И бѣжитъ онъ во дально чисто поле
И во то раздолье Трепетово,
Ко той ко плахѣ бѣлодубовой,
Зычитъ, кричитъ онъ зычнымъ голосомъ:
— «Гой еси ты, воръ Малюта сынъ Скурлатовичъ.
Чтобы тебѣ, собакѣ, этимъ кусомъ подавитися!»
Сдергиваетъ онъ Ѳедора-царевича
И кладетъ онъ своево слугу вѣрнова
На тое плаху бѣлодубову;
И даютъ ему казненье разное:
Языкъ ему вынули теменемъ,
Ясныя очи косицами,
Ретивое сердце скрозь едно ребро;

И отсѣкъ ему Малюта буйну голову,
И окровенилъ онъ свою саблю острую,
И понесъ ее къ царю Ивану Васильевичу.
И садитъ Микита Ѳедора-царевича
На своево на добра коня,
Везетъ его во свое село,
И сдѣлалъ онъ въ своемъ селѣ радости:
Пылко и ярко въ барабаны бьютъ,
Заунывно сыпóвки возыгрываютъ,
И добро въ большой колоколъ благовѣстятъ.
Услышалъ нашъ батюшко царь-государь,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ:
У меня несчастье великое,
А у Микиты радости великія.
И садился онъ на своего добра коня,
Побѣжалъ къ Микитѣ въ село,
И береть съ собой копье вострое
И увидѣлъ Микита своего царя
Во то окошечко стекольчато
И бѣжитъ онъ скоро на красно крыльцо,
И встрѣчáтъ царя Ивана Васильевича.
И царь проткнулъ ему копьемъ праву ногу,
Самъ говоритъ таковы слова:
— «Что у тебя, Микита, за радости?
Пылко у те, ярко въ барабаны бьютъ,
Заунывно сиповки возыгрываютъ
И добро въ большой колоколъ благовѣстять?
А у меня несчастье великое:
Порѣшилъ я свое чадо милое».
— «А тѣ у меня радости великія,
У меня сидитъ небывалый гость».
Проговоритъ тутъ грозенъ царь,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ:
— «Скажи ты мнѣ гостя на имя,

Покажи мнѣ гостя на очи».
И проговоритъ Микита Романовичъ:
— «Да простишь ли свое чадо милое,
Молодова Ѳедора Ивановича?»
— «Я бы радъ простить, да теперь негдѣ взять.
Выводи же ты мнѣ гостя на очи,
Скажи мнѣ ево на имя».
Выводитъ тутъ Микита Романовичъ
Молодова Ѳедора Ивановича
Изъ той палаты бѣлокаменной,
Самъ говоритъ таковы слова:
— «У меня де умеръ за роды царскіе
Любезный мой вѣрный клюшничекъ».
Тутъ-то царь на великихъ радостяхъ
Сталъ суды судить, законъ устанавливать:
Кто де хоть мужика убьетъ,
Да къ Микитѣ въ село прибѣжитъ,
Тому вина прощена будетъ.

Записана С. И. Гуляевымъ въ Барнаулѣ, со словъ кр. Леонтія Тупицына. Напечатана мною въ статьѣ «Историческія пѣсни изъ Сибири»; см. Извѣст. Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. IX (1904 г.), кн. 1, стр. 2—7.

Томской губерніи.

131.

Въ славномъ городѣ — въ каменной Москвѣ,
У царя Ивана Васильевича
Было пированье-почестный пиръ,
Было столованье княженецкое
На многихъ князей, бояръ,
На русскихъ могучихъ богатырей,
На всю поленицу удалую.

Вполпьяна бояре напивалися,
Вполсыта бояре наѣдалися,
Стали бояре хвастати.
Кто хвастаетъ животомъ своимъ,
Кто хвалится конемъ своимъ,
Кто хвалится молодой женой.
Говоритъ на то православный царь:
— «Вы, друзья мои, братцы-товарищи,
Есть и мнѣ чѣмъ похвастати:
Вывелъ я измѣну изъ Шахова,
Вывелъ измѣну изъ Ляхова,
Вывелъ измѣну изъ Чернигова,
Вывелъ измѣну изъ Новгорода,
Вывелъ измѣну въ каменной Москвѣ;
Не будетъ измѣны вѣкъ и по вѣкъ».
Проговорилъ его чадо милое
По имени Θедоръ Ивановичъ,
Говоритъ, какъ въ трубу трубитъ:
— «Гой еси, батюшко, православный царь,
Всей Россіи царь, Иванъ Васильевичъ,
Небылью ты хвастаешь,
Небылицей похваляешься:
Не вывелъ ты измѣны изъ Шахова,
Не вывелъ измѣны изъ Ляхова,
Не вывелъ измѣны изъ Чернигова,
Не вывелъ измѣны изъ Новгорода.
Не вывелъ измѣны въ каменной Москвѣ;
Будетъ измѣна вѣкъ и по вѣки».
Скоро скакалъ православный царь,
Скоро скакалъ на рѣзвы ноги.
Самъ беретъ его за бѣлы руки,
Самъ скоро его спрашиваетъ:
— «Ты, гой еси, чадо милое,
По имени Θедоръ Ивановичъ,

Скажи ты измѣну скорѣе на имя,
На имя и по изотчеству».
— Не могу я тебѣ измѣны сказать,
На имя и на изотчество:
Первая измѣна за столомъ сидитъ,
Вторая измѣна на столъ сбира́тъ,
Третья измѣна тебѣ пить подаетъ».
На это царь разгнѣвался,
Разгнѣвался и вымолвилъ:
— «Палачи вы немилостивы!
У кого на царскій родъ руки поднимутся,
Отсѣчь ему буйну голову?»
Всѣ князья и бояре испугалися,
Со пиру они разбѣгалися;
Остался Васька Скурлатовъ воръ,
Говоритъ, какъ въ трубу трубитъ:
— «У меня на царскій родъ руки поднимутся
Отсѣчь ему буйну голову.
Наше дѣло повѐлѣное,
Слуша́мъ слова говореныя,
Что прикажутъ, то и дѣлаемъ».
Беретъ его за бѣлы руки,
Ведетъ его на широкій дворъ,
Садитъ его въ карету дубовую,
Везетъ его во чисто поле
Къ тому колку березову,
Къ тому болотичку Куликову,
Къ той плахѣ бѣлодубовой
Отсѣчь ему буйну голову.
Не ласточка перелетываетъ,
Не косатая перепархиваетъ,
Его матушка Афросинья Романовна
Бѣжала къ братцу Никитѣ Романовичу,
Что къ Никитѣ Романовичу:

— Ты, братецъ Никита Романовичъ,
Ночесь то мнѣ мало спалось,
Мало спалось, много видѣлось;
Привидѣлся сонъ — сновидѣньицо:
Взошло бы красно солнышко и померкнуло,
Передъ образомъ свѣча потухнула,
Упала бы звѣзда подвосточная,
Не стало въ царствѣ царевича,
По имени Ѳедора Ивановича;
Увезли его во чисто поле,
Къ тому ли колку березову,
Къ тому болотичку Куликову,
Къ той плахѣ бѣлодубовой
Отсѣчь ему буйну голову».
Скоро скакалъ Никита Романовичъ,
Скакалъ скоро на рѣзвы ноги;
Бѣжитъ онъ на конюшенъ дворъ,
Хватаетъ коня добраго,
Сѣдла́тъ, подпругъ не подтягиватъ
Беретъ своего любимаго ключничка,
Везетъ его во чисто поле,
Ко той плахѣ бѣлодубовой,
Кладетъ любимаго клюшничка
И беретъ любимаго племянничка,
Говоритъ таковы слова:
— «Гой еси ты, Васька Скурлатовъ воръ,
Что другу налилъ, не выпей самъ».
Посадилъ своего любимаго племянничка,
Посадилъ на добра коня,
Ведетъ коня подъ губу.
Привезъ племянничка къ себѣ домой
И сдѣлалъ веселый пиръ.
— «Гой еси ты, православный царь!
Ты находишься въ кручинѣ тоскѣ,

А твой шуринъ пьетъ, увеселяется,
Самъ похваляется,
А съ тобою думы не думаетъ».
Призываетъ онъ своего шурина,
Проткнулъ ему ногу саблею,
Говоритъ таковы слова:
— «Какія тебѣ радости,
Что ты хвастаешь, похваляешься,
А со мной думы не думаешь?»
Возговоритъ Никита Романовичъ:
— «Какъ мнѣ теперь не радоваться,
У меня гость въ гостяхъ».
— «Какой у тебя гость въ гостяхъ?»
— А котораго лучше въ свѣтѣ нѣтъ,
Мнѣ такого гостя ждать не дождатися. —
Тому царь Иванъ Васильевичъ обрадовался
Не устыдилъ своего лица бѣлаго,
Вынималъ онъ бѣлый платъ,
Завертывалъ рану кровавую;
И приказывалъ схватить Ваську Скурлатова,
Привязать ко хвосту конииому,
И пустить коня во чисто поле.

Записана на Сузунскомъ заводѣ, Барнаульскаго округа, Томской губ., со словъ старика Епанешникова. Переписана и помѣщена С. И. Гуляевымъ въ его сборникѣ, откуда напечатана мною въ статьѣ «Историческія пѣсни изъ Сибири». См. Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. IX (1904 г.), кн. 1, стр. 7—11.

Нижегородской губерніи.

132.

Грозенъ былъ воинъ чарь нашъ батюшка,
Первый чарь Иванъ Васильевицъ:
Сквозь дремуцій лѣсъ съ войскомъ-силою
Онъ прошелъ въ страну Татарцкую,

Себѣ чарство взялъ Казаньское,
Господарство Астраханьское,
Вывелъ Перѳила изъ Нова-города,
Не вывелъ измѣну въ каменной Москвѣ.
То чарское серче разгоралося
Пусче огня, пусче полымя.
Вотъ сказалъ онъ рѣцью громкою:
«У меня есть, дзе, всяки мастеры,
«Есть такіе разны дохтуры!»
Но всѣ пряцются, старый за малаго,
И хоронятча малый за стараго;
А одинъ изъ нихъ лишь не прятсчется,
То Малютка, палацъ, то Гурбатовъ сынъ:
«Ну пойди-ка сюда, гой, Гурбатовъ сынъ!
«Сослужи-ка, не бось, службу вѣрную,
«Службу вѣрную, неизмѣнную:
«Во палаты ступай въ чарски каменны,
«Взявъ чаревица тамъ за церны кудри,
«Распоясни съ него шелковой поясъ,
«Золотой перстень сними съ правой руки,
«Отведзи самого на Москву на рѣку,
«Впрямь на мѣсто на то — мѣсто Лобное,
«И на плаху на ту на липову,
«И сними тамъ съ него буйну голову,
«А мнѣ къ явкѣ подай саблю вострую,
«Саблю вострую въ горюцій его рудзѣ!
И увидзѣлъ то Ѳедоръ Ивановицъ,
Ѳедоръ Ивановицъ Пожарской сынъ,
Изъ косясчита изъ окошецка;
Пропустивши Чаря вдоль по уличѣ,
Вдоль по уличѣ, вдаль отъ церема,
Какъ воскликнетъ онъ ко Гурбатову:
— Ой ты гой, Гурбатовъ палацъ!
— Не за свой ты кусъ принимаешся,

— Самъ кусомъ такимъ подавишся! —
И Пожарской позвалъ слугу вѣрнаго,
— Слугу вѣрнаго, свово стряпцаго,
Свово стряпцаго, что не лудцава,
Что не лудцава, свово клюцника:
— На, сними, — онъ пробалъ, съ него голову.
— Снеси саблю къ Чарю въ горюцій рудзѣ,
— А къ чаревицю не прицаствуйся. —
Вотъ на утро Чарь Иванъ Васильевиць
На поминки собралъ поголовно народъ:
Онъ бояръ повелѣлъ во медвѣжны вшивать,
Во медвѣжны вшивать, по Москвѣ рѣкѣ пусцать,
А потомъ приказалъ во кули зашивать,
Во кули зашивать, по Москвѣ жь рѣкѣ пусцать,
Что чаревица не засцѣняли.
Вотъ съѣзжаются всѣ въ плацьѣ церныимъ,
Въ плацьѣ церныимъ, во пецальныимъ,
А ѣдзетъ одзинъ Өедоръ Ивановиць,
Өедоръ Ивановиць Пожарской сынъ,
Пожарской сынъ во нарядзѣ чвѣтномъ,
Во нарядзѣ чвѣтномъ, въ яркомъ золоцѣ,
И кони его всѣ обряжены,
Всѣ обряжены, что не лудція,
А веселье въ самомъ такъ и свѣтитча.
Вотъ увидзѣлъ его Чарь Иванъ Васильевиць,
Какъ воскликнетъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ой ты гой еси, Өедоръ Ивановиць,
«Өедоръ Ивановиць Пожарской сынъ!
«Аль объ горѣ моемъ ты не свѣдался,
«Что срядитча посмѣлъ словно въ радостный пиръ?
А Пожарской сынъ отвѣцяетъ Чарю:
— Я батюшка Чарь, все въ отлукѣ гулялъ,
— Все въ отлукѣ гулялъ за охотою,
— И поймалъ сокола, цто не лудцава,

— Цто не лудцава, цеѣ ближнява,
— То сына цеѣ ро́днаго. —
И возрадовался Чарь, и отвѣтилъ ему:
«Ужь ты гой еси, Өедоръ Ивановиць,
«Өедоръ Ивановиць Пожарской сынъ!
«Вѣдь не мнѣ бы Чаремъ, а цеѣ должно быть:
«Ты умѣлъ соблюсци чарски се́мены!

Напечатана въ Этнограф. Сборникѣ И. Р. Геогр. Общества, Вып. V. Смѣсь. стр. 28—30. Записана со словъ крестьянина села Кужендѣева, Ардатовск. у., Нижегородск. губ. Попытка сохранить особенности мѣстнаго говора неудачна и невыдержана. Стихъ кое-гдѣ возстановленъ по соображеніямъ записавшаго. Много литературныхъ поправокъ. Другая запись той же пѣсни изъ с. Спѣшкова, Княгининскаго уѣзда той же губ. напечатана въ пѣсняхъ собранія П. И. Якушкина, см. Лѣтописи русск. лит. и древн., т. II, отд. 1, стр. 117—119, № IX. Первая запись (Ардатовск. у.) перепечатана Безсоновымъ въ «Пѣсняхъ собран. Кирѣевскимъ», Вып. VI, стр. 77—80, съ помѣткой: отъ В. И. Даля; записалъ Реймерсъ со словъ крестьянина. Еще одинъ списокъ этой же пѣсни находится въ рукописной статьѣ архим. Макарія «О послѣднемъ походѣ царя Іоанна Вас. Грознаго противъ Казани въ 1552 г. черезъ Ардатовскій и Арзамасскій уѣзды Нижегородск. губ.», доставленный авторомъ въ 1849 г. въ И. Русск. Геогр. Общество и хранящійся въ Архивѣ О-ва (папка XXIII, 75). Мѣсто записи не указано. По замѣчанію автора статьи, пѣсню эту можно слышать въ Ардатовск. и Арзамасскомъ уу., Нижег. губ., особенно въ селеніяхъ, коими проходилъ Иванъ IV со своимъ войскомъ.

Симбирской губерніи.

133.

Середь было царства россійскаго,
Середь государства московскаго,
Стояли палаты бѣлокаменныя
Вѣдь нашего батюшки, Грознаго царя.
Собиралося пированьицо честное
Про всѣхъ про князей-бояръ,
Про сильныхъ-могучихъ богатырей:
Они пили-ѣли-проклажалися,
Промежду себя похвалялися;

Богатое-тъ хвалится богатествомъ,
А сильное-тъ силушкою.
Возговоритъ нашъ Грозный царь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
«Ой вы еси, князи-бояре,
«Сильные-могучіе богатыри!
«Чѣмъ-то это вы хвалитесь,
«Чѣмъ-то вы это прехваляетесь?
«Богатство-то вамъ отъ меня пришло,
«А силушку-то вамъ Богъ далъ!
«Вы бы похвалились своей мудростью,
«Своей мудростью, перемудростью!
«Какъ я, государь, подъ Казань подходилъ,
«Подкопъ подводилъ подъ Булатъ-рѣку,
«Подкопъ подводилъ подъ Казань подъ рѣку,
«Подъ самую стѣну бѣлокаменную,
«Подъ угольну башню, порховную казну,
«Закатывалъ бочки дубовенькія,
«Со зѣльемъ со лютымъ, со зѣльемъ со порохомъ,
«Затепливалъ свѣчки воскуяровыя:
«Догарали свѣчечки до бочечекъ вплоть,
«Разрывало бочечки дубовенькія,
«Разметало стѣны бѣлокаменныя!
«Казанскихъ Татаръ со стѣны всѣхъ пометалъ,
«Симеона царя во полонъ себѣ взялъ,
«Вывелъ измѣнушку изо всей земли,
«Вывелъ измѣну изъ Казани города
«Вывелъ измѣнушку изъ каменнóй Москвы,
«Всѣ селы-деревни ко своимъ рукамъ привелъ!»
Возговоритъ молодой царевичъ,
Молодой царевичъ Өедоръ Ивановичъ:
— Охъ ты гой еси, батюшка,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Не прикажите меня скоро казнить,

— Прикажите слово вымолвить:
— Не вывелъ ты измѣну изо всей земли,
— Не вывелъ ты измѣну изъ Казани города!
— Измѣнщика-тъ твой предъ тобой стоитъ,
— Съ тобой рѣчи говоритъ
— Хлѣбъ твой — соль кушаетъ,
— А лихо на тебя думаетъ. —
Воскликнулъ-возгаркнулъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Есть ли у меня злые палачи,
«Злые палачи, немилостивые?
«Берите молода царевича,
«Ѳеодора Ивановича,
«За его за ручушки за бѣлыя,
«За кудерушки за русые,
«Ведите далече въ чисто поле,
«Во Кочково-то и во Куликово-то,
«На то озеро зыбучее,
«Снимите съ него буйну голову долой,
«По самыя плечи по могучія,
«И воткните на вострой штыкъ,
«Поставьте передъ окошками царскими,
«Передъ моими очами ясными!»
Тутъ всѣ палачи перепугалися,
Всѣ грозные разбѣжалися.
Одинъ, де, б . . . . . . сынъ,
Малютка Скурлаткинъ сынъ,
Беретъ молода царевича
За ручушки бѣлыя,
За кудерушки за русые,
Онъ хочетъ съ него буйну голову снять,
По самыя плечи по могучія.
Возговоритъ молодой царевичъ,
Молодой царевичъ Ѳеодоръ Ивановичъ:

«Охъ ты гой еси, Малютка Скурлюткинъ сынъ!
«Не за свой ты кусъ принимаешься,
«Самъ ты этимъ кусомъ подавишься,
«Самъ ты этимъ кусомъ попѐрхнешься
«Есть у меня скорые послухи!
«Кидайтеся-бросайтеся къ дѣдушкѣ моему.
«Къ любимому царскому дядюшкѣ,
«Къ модѣ[1]) Никиту Романовичу!»
Скоро тутъ послухи кидалися,
Докладывали дядюшкѣ,
Модѣ Никитѣ Романовичу,
Модà Никита Романовичъ
Выходилъ изъ палатъ бѣлокаменныхъ
На крылечушко на высокое,
Въ одной тоненькой сорочушкѣ безъ поясу,
Въ однѣхъ шолковыхъ чулочкахъ безъ чоботовъ.
Воскрикнулъ своимъ громкимъ голосомъ:
— Ой вы гой еси, конюхи, подконюшнички!
— Давайте два коня что не лучшія! —
Онъ бралъ съ собой клюшничка-ларешничка,
Поѣхалъ онъ въ далече-чисто поле,
Во Кочково-то, во Куликово-то,
На то озеро зыбучее.
Онъ крикомъ-то кричитъ-не докричивается.
А свистомъ-то свиститъ-не досвистывается:
— Охъ ты гой еси, лютой палачь,
— Малютка Скурлюткинъ сынъ!
— Не за свой ты кусъ принимаешься,
— Этимъ кусомъ самъ подавишься,
Этимъ пойлицомъ попѐрхнешься! —
Отдаетъ своего клюшничка-ларешничка,
Онъ съ клюшничка-то буйную голову снялъ,

1) Модѣ, модà изъ *молодъ. молода.* согласован. съ именемъ «Никита». (Безс.).

По самыя плечи могучія,
И воткнулъ на вострый штыкъ,
Поставилъ передъ окошками царскими,
Передъ его очами ясными.
По утру ранымъ ранехонько,
На зоринькѣ бѣлой увидѣлъ нашь Грозный царь,
Царь Иванъ Васильевичъ,
Буйную голову на вострымъ штыкѣ.
Растужится-расплачется нашь Грозный царь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
«Какова змѣя лютая,
«И та не поѣдаетъ своихъ чревъ:
«А я съѣлъ-сгубилъ своего дѣтища,
«Молода-зелена царевича,
«По имени Ѳеодора Ивановича!»
Велѣлъ заводить по городу звоны колокольные,
И приказалъ служить молебны частые,
Велѣлъ по городу носить платья все печальныя.
И случилось ему итти-ѣхать мимо своего дядюшки,
Модà Никиты Романовича:
У дядюшки его пиръ идетъ на весело,
Онъ въ трубычки трубитъ, въ литавры бьетъ.
Воскрикнулъ тутъ нашь Грозный царь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
«Есть ли у меня злыя палачи?
«Берите моего дядюшку нé честью,
«За ручушки бѣлыя,
«За кудерушки русые,
«Ведите его ко мнѣ въ палаты бѣлокаменныя!»
Какъ онъ перступилъ, дядюшка
Въ палаты бѣлокаменныя,
Пришилъ онъ копьемъ ногу правую
Къ половицѣ ко дубовой,
Пришимши ногу правую

Къ половицѣ ко ду́бовой,
Сталъ его спрашивать:
«Охъ ты гой еси, дядюшка,
«Мода̀ Никита Романовичъ!
«Что у тебя за пиры, за проклады,
«Въ трубычки ты трубишь и въ литавры бьешь?
«Не знаешь ты горя моего великаго,
«Горя великаго, кручинушки царской?»
Возговорилъ дядюшка,
Мода̀ Никита Романовичъ:
— Охъ ты гой еси, Грозный царь,
— Царь Иванъ Васильевичъ!
— Не прикажи ты скоро меня казнить,
— А прикажи слово выговорить:
— Твоя кручина у моей бѣлой груди лежитъ. —
Тутъ воскрикнулъ нашъ Грозный царь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
«Есть у меня лѣкари и доктуры?
«Лѣчите дядюшкѣ ногу правую,
«А съ Малютки Скурлюткина
«Снимите съ живаго шкуру!»

Напечатана въ «Пѣсняхъ Кирѣевскаго», Вып. VI, стр. 61—66, съ помѣтою: записана А. М. Языковымъ въ с. Станичномъ, Симбирской губерніи.

Симбирской губерніи.

134.

У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Стояли палаты бѣлокаменныя:
Полы́ во палатахъ бѣлорыбицывые.
Столы во палатахъ бѣлоду́бовые,

Разбстланы скатерти браныя,
Поставлены яства сахарныя.
За тѣми столами за дубовыми
Сидитъ же нашъ батюшка Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ;
Онъ и пьетъ и ѣстъ-прохлажается,
Онъ и хвалится-восхваляется:
«Сдержалъ же я землю свято-русскую!
«Скрѣпилъ же я мать каменну Москву!
«Я вынулъ измѣну изъ Нова-города,
«Изъ Новаго Города Низовскаго!»
Возгбворитъ царевичъ его:
— Ахъ ты батюшка нашъ, Грозный царь!
— Ты пьёшь и ѣшь-прохлажаешься,
— Ахъ ты хвалишься-похваляешься:
— Сдержалъ же я землю Свято-русскую,
— Скрѣпилъ ты мать каменну Москву,
— Вынулъ измѣну изъ Нова-города;
— Не вынешь измѣны изъ палатъ своихъ! —
На то сударь царь осержается;
Выходилъ же онъ на красёнъ крылецъ,
Закричалъ же онъ громкимъ голосомъ:
«Вы пошлите моихъ грозныхъ палачёвъ,
«Берите царевича за бѣлы руки,
«Ведите его ко новымъ рѣлямъ,
«Ко новымъ рѣлямъ, къ петлѣ шёлковой!»
Упала звѣзда поднебесная,
Угасла свѣча воску яраго:
Не стало мово царевича,
Царевича Ѳёдора Ивановича!

Напечатана въ «Пѣсняхъ Кирѣевскаго», Вып. VI, стр. 60—61, съ помѣткой: доставлена Языковымъ, Симбирск. губ.

Симбирской губерніи.

135.

. . . .

«Послушайте, Марья Демругъевна!
«Теперича я вывелъ измѣнушку изо всей земли,
«А Казанское царство къ себѣ приклонилъ».
А былъ у ихъ единъ чадо милый, Ѳедоръ Ивановичъ:
— Охъ ты еси, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Хоша ты вывелъ измѣну изо всей земли,
— А не вывелъ измѣнушку изъ свова дому:
— Твоя измѣнушка предъ тобою стоитъ,
— Съ тобою рѣчи говоритъ,
— Единое платье носитъ одноцвѣтное
— И единое кушанье кушаетъ сахарное. —
На то же Грозный царь прогнѣвался,
И бралъ же свово сына за праву за̀ руку,
И вывелъ онъ его на новъ-красенъ крылецъ,
Возго̀ворилъ онъ громкимъ голосомъ:
«Да есть ли здѣсь грозные палачики?
«Взяли бы моего сына,
«И повели бы его на поле Кулическое[1]),
«Привязали бы его ко плахѣ дубовое,
«И сняли бы съ него буйну голову!
Всѣ палачики испужалися,
Со царскаго двора разбѣжалися,
Оставался одинъ Малютка, Скурлатовъ сынъ:
И бралъ его сынъ[2]) за руку;
Повелъ его на поле Кулическое.
И увидѣлъ его царскій дядюшка, Микита Романовичъ:
— Охъ ты Малютка! Не за тѣ ты столы сажаешься,
— Не за тѣ кушанья принимаешься:
— Сходи же, Малюта, на псарный дворъ,

1) Куликово.—

2) Его, сына царскаго, или: бралъ его, царевича, Скурлатовъ сынъ. (Б.).

— И возьми-ка же пса немалаго,
— И сними съ него голову,
— И принеси имъ въ кровѣ саблю вострую[1])!
«Охъ вы есть[2]), мои сенаторы,
«Да князья и бояре!
«Пріѣзжайте вы въ соборъ, церковь Божью,
«И служите вы молебны обчіе, печальные,
«О моемъ сынѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ,
«И надѣвайте черную одежу печальную!»
Всѣ пріѣхали [министры], князья и бояре,
И въ соборъ, церковь Божію,
И въ одежѣ всѣ въ черную-печальную,
И служили всѣ молебны обчіе, печальные.
А царскій дядюшка, Микита Романовичъ,
Надѣвалъ одежду [форменну],
И приказалъ служить молебны за здравіе.
Обернулся намъ[3]) Грозный царь:
«По чему же ты, сватъ, радоваешься,
«За чѣмъ ты заказывалъ молебны за здравіе?»
— По тому-то я заказывалъ молебны за здравіе,
— Что представлю вамъ сына въ живности.—
И бралъ онъ [за ефесъ] саблю вострую,
Протикалъ онъ ему ногу правую.
Возговоритъ громкимъ голосомъ:
«Подайте мнѣ перваго дохтура,
«Залѣчалъ бы ему ногу въ три часа!»

Вторая часть сводной пѣсни, первая половина которой содержитъ сюжетъ «Кострюка». См. выше № 78. Перепечатана въ «Пѣсняхъ Кирѣевскаго», Вып. VI. стр. 111—113 изъ сборника П. В. Шейна, см. Чтенія въ И. Общ. Исторіи и Древн. Росс. 1877, кн. III, стр. 50 и слѣд. Записана Шейномъ въ выселкѣ Александровкѣ, Карсунскаго у., Симбирск. губ.

---

1) За симъ слѣдуютъ рѣчи царя. (Б.).
2) «Гой вы еси» или «есте». (Б.).
3) Нашъ?

Симбирской губерніи.

136.

При началѣ каменной Москвы,
Начинался тутъ нашъ Грозный царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ.
Онъ два царства покорилъ себѣ,
Астраханское, Казанское,
Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Полонилъ царя съ царицею.
Тутъ царь Грозный похвалиться сталъ:
«Еще кто бъ вывелъ измѣнушку
Изъ матушки каменной Móсквы?»
Какъ возговоритъ Малюта врагъ:
Въ вѣкъ не вывести измѣнушки
Изъ матушки каменной Москвы:
Твой измѣнникъ супротивъ тебя,
Пьетъ и ѣстъ онъ съ одного стола,
Парчу носитъ съ одного плеча!»
Какъ возговоритъ нашъ Грозный царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ:
«Вы князья мои и бояре!
Вы подите во высокъ теремъ,
Во палаты мои царскія,
Вы возьмите тамъ царевича,
Совлеките золоту парчу,
Отведите во чисто поле
И предайте его злой смерти!»
Всѣ бояре испугалися,
Другъ за друга хоронилися;
Малый прячется за стараго,
Старый прячется за малаго.
Какъ одинъ только Малюта врагъ
Не пугается, не прячется:

Онъ идетъ въ палаты царскія,
Беретъ за руку царевича,
Совлекаетъ золоту парчу,
И ведетъ его въ чисто поле,
Гдѣ онъ хочетъ его злѣ казнить.
Какъ на ту пору бояринъ нашъ,
Князь Романъ сударь Романовичъ,
Онъ сидитъ, князь, во честномъ пиру,
Пьетъ и ѣстъ онъ — проклажается.
Прискакалъ къ нему скорой посолъ:
«Охъ ты гой еси, бояринъ нашъ.
Князь Романъ сударь Романовичъ!
Ты сидишь здѣ во честно̀мъ пиру,
Пьешь и ѣшь ты — проклажаешься,
А того, сударь, не вѣдаешь:
Упадетъ звѣзда восточная,
И угаснетъ свѣчка бѣлая,
Не станетъ у насъ царевича, —
Врагъ Малюта его злѣ казнитъ».
Какъ возговоритъ бояринъ нашъ,
Князь Романъ сударь Романовичъ:
— Приведите клячу тощую,
Клячу тощую, водовозную! —
Пріѣзжаетъ во чисто поле,
Беретъ за воротъ Скуратова:
— Охъ ты гой еси, Малюта врагъ!
Не за свой ты кусъ примаешься,
Этимъ кусомъ ты подавишься! —
Онъ беретъ съ собой царевича
И отвозитъ его въ свой теремъ.
Какъ на утріе нашъ Грозный царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ
Отдавалъ вездѣ строгой приказъ,
Чтобы всѣ князья и бояре

Одѣвались въ платье черное,
Собирались во большой соборъ,
Слушать утреннее пѣніе,
Панихиду по царевичѣ.
Всѣ бояре испугалися,
Въ черно платье наряжалися,
Во большой соборъ сбиралися.
Какъ одинъ только бояринъ нашъ,
Князь Романъ сударь Романовичъ,
Надѣвалъ онъ платье цвѣтное,
Пріѣзжалъ онъ во большой соборъ,
Привелъ за руку царевича
И поставилъ на правой крылосъ.
Увидалъ его нашъ Грозный царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ:
«Охъ ты гой еси, бояринъ мой,
Князь Романъ сударь Романовичъ!
Иль ты хочешь гнѣва царскаго,
Той опалы государевой?
Всѣ князья мои и бояре
Въ черно платье наряжалися,
Во большой соборъ сбиралися,
Слушать утреннее пѣніе
Панихиду по царевичѣ:
Только ты одинъ, Романовъ князь,
Не послушалъ воли царскія,
Наряжаешься во цвѣтно платье!
Или ты того не вѣдаешь:
Упала звѣзда восточная
И угасла свѣчка бѣлая,
Не стало у насъ царевича?»
Какъ возговоритъ бояринъ нашъ,
Князь Романъ сударь Романовичъ:
— Охъ ты гой еси, нашъ Грозный царь,

Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Прикажи не панихиду пѣть,
А заздравное молебствіе:
Твой царевичъ еще цѣлъ и здравъ! —
Какъ возговоритъ нашъ Грозный царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ:
«Охъ ты гой еси, бояринъ мой,
Князь Романъ сударь Романовичъ!
Чѣмъ за вѣрность наградить тебя?
Или мнѣ тебѣ полцарства дать?»
Какъ возговоритъ Романовъ князь:
Не изъ злата я служу тебѣ
И полцарства мнѣ не надобно:
За мою ли службу вѣрную
Мнѣ предай въ руки Скуратова! —

Напечатана П. Безсоновымъ въ «Пѣсняхъ Кирѣевскаго». Вып. VI, стр. 90—93, съ помѣтой: «Симбирскъ, запис. П. И. Юрьевымъ». По разъясненію Безсонова, пѣсня представляетъ «обратную передѣлку сочиненія И. Дмитріева («Карманный пѣсенникъ» 1796 г. Ч. III, «Пѣсни былевыя» № 1) среди народа». Дмитріевъ же передѣлалъ эту пѣсню, занесенную въ пѣсенники Чулковскій и Новиковскій. По нѣкоторымъ деталямъ разсказа и выраженіямъ Симбирская пѣсня, по нашему мнѣнію, подходитъ къ тексту «Новѣйшаго, полнаго и всеобщаго пѣсенника», изданнаго въ 1818 г. въ Петербургѣ (Ч. III). Вѣроятно и записавшій пѣсню въ Симбирскѣ не оставилъ свою запись безъ подправокъ.

Саратовской губерніи.

137.

Въ старые годы, прежніе,
При зачинѣ каменной Москвы,
Зачинался тутъ и Грозный царь,
Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ.
А втапоры у царя былъ почестный столъ,
Почестный столъ, пированье великое

Про всѣхъ про князей про бояръ,
Про гостиныхъ людей. купцовъ сибирскiихъ.
А и столъ былъ во полу-столѣ.
А и пиръ былъ во полу-пирѣ.
Гости царскiе на веселѣ,
Стали они промежду себя похвалятися:
Сильный хвалится своею силою,
Богатый хвалится своимъ богачествомъ.
Не золотая трубонька вострубливала,
Не серебряна сиполица возъигрывала,
Возговорилъ Грозный царь,
Иванъ сударь Васильевичъ:
«Ужъ какъ я ли могу похвалитися,
«Что и взялъ я Казанское царство,
«Рязань городъ, славну Астрахань,
«Ужъ и я ли вывелъ измѣну изо Пскова,
«Изо Пскова и изъ Нова-города!»
Какъ возговоритъ младой царевичъ:
— Ой ты гой еси, государь, царь Иванъ Васильевичъ!
— Что и взялъ ты царство Казанское,
— Рязань городъ, еще Астрахань,
— Ужъ ты вывелъ измѣну изо Пскова,
— Изо Пскова и изъ Новагорода,
— Да не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы:
— Еще есть у насъ въ Москвѣ измѣнникъ.
— Во твоихъ ли государевыхъ палатахъ,
— Онъ и ѣстъ съ тобой съ одного блюда,
— Съ одного плеча носитъ платье цвѣтное! —
Какъ и тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ догадается,
Онъ гнѣвомъ великимъ воспаляется,
Закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
«А и кто есть у меня слуги вѣрные!
«Берите царевича за бѣлы руки,
«Ведите царевича за Москву рѣку.

«Ко тому ли болоту стоячему,
«Ко той ли лужѣ кровавои,
«Ко той ли плахѣ поганои!»
Какъ тутъ всѣ князья-бояре испужалися,
Всѣ вѣрные слуги по Москвѣ разбѣжалися.
Оставался одинъ злодѣй Малюта,
Что Малюта злодѣй Скурлатовичъ:
Онъ беретъ царевича за бѣлы руки,
И ведетъ его за Москву рѣку,
Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавои,
Ко той ли плахѣ поганои.
Распровѣдалъ про то большой бояринъ,
Что честной Никита свѣтъ Романычъ;
Онъ садится на добра̀ коня,
На добра̀ коня неѣзжаннаго,
И онъ скачетъ за матушку за Москву рѣку,
И онъ машетъ шапкой бархатной,
Самъ кричитъ зычнымъ голосомъ:
— Ой, народъ православный, разступися,
— Люди добрые, сторонитеся,
— Давайте мнѣ, боярину, дорогу! —
Прискакалъ Никита свѣтъ Романычъ
Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавои,
Ко той ли плахѣ поганои,—
Вырываетъ царевича у Малюты,
У Малюты злодѣя Скурлатовича,
Онъ беретъ его за бѣлы руки,
Приводитъ его на царскій дворъ.
А тутъ Грозный царь,
Иванъ сударь Васильевичъ взрадова̀лся,
Онъ на шеюшку царевичу кидался,
А Никитѣ свѣтъ Романычу поклонялся:

«А и чѣмъ мнѣ тебя, Никита, жаловать,
«А и какъ мнѣ тебя, Романычъ, чествовать?
«Ты бери у меня, что вздумаешь,
«Со конюшни ли что ни лучшаго коня
«Съ царскихъ плечь моихъ шубу кунію,
«Золотой ли казны сколько надобно!»
Какъ возговоритъ честной бояринъ;
Что честной Никита свѣтъ Романычъ:
— Ой ты гой еси, государь, царь Иванъ Васильевичъ.
— Мнѣ не надобенъ твой добрый конь,
— Мнѣ не надобна твоя шуба кунія,
— Не хочу я твоей золотой казны:
— Дай ты мнѣ только Малюту Скурлатова,
— Повели мнѣ его, сударь, казнити! —

Напечатана въ «Русскихъ народныхъ пѣсняхъ», собранныхъ въ Саратовской губ. А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровымъ подъ № 3. См. Лѣтописи русск. литературы, т. IV, отд. 2, стр. 19—21. Точнаго обозначенія мѣста записи нѣтъ. Перепечатана П. Безсоновымъ въ «Пѣсняхъ Кирѣевскаго». Вып. VI, стр. 80—83.

Московской губерніи.

138.

Грозный царь Иванъ, сударь, Васильевичъ,
Созывалъ онъ почёстный пиръ,
Всѣхъ князьёвъ и господъ бояръ;
И хвалился Грозный царь,
Иванъ, сударь, Васильевичъ:
«Взялъ я Казань, взялъ и Астрахань,
Взялъ Великій скобы Новгородъ[1]),

---

1) Это сочетаніе, по недослышкѣ, образовалось изъ словъ: «Взялъ великъ Опсковъ и Новгородъ» (Безсоновъ).

Вывелъ измѣну изъ каменнóй Москвы!»
Его сынъ и возгóворитъ:
— Ты родимый мой тятинька,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
Не во гнѣвъ бы твоей милости!
Не хвались ты, мой тятинька:
Взялъ ты Казань, взялъ и Астрахань,
Взялъ Великій скобы Новгородъ, —
Не вывелъ измѣну изъ каменнóй Москвы.
Что измѣна-то съ тобой за однимъ столомъ,
За однимъ столомъ пьётъ и кушаетъ,
Бѣла лебедя рýшаетъ,
Съ одного блюда, съ одной ложечки! —
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ужъ и какъ же намъ свовó сына известь?»
Выходилъ онъ на нóвое крыльцо,
Закричалъ онъ громкимъ гóлосомъ своимъ:
«Ино есть ли у меня палачи,
Палачи-то удáлы молодцы́,
Чтобъ срубили сыну голову
Да по самыя по плечики,
По его бы по могучія,
Положили бъ на серéбряно блюдо,
Принесли бы къ государю во дворецъ!»
Не успѣлъ онъ слова молвити,
Ужь гдѣ нé взялся стремéнный стрѣлецъ,
Онъ садился на несѣдлаго коня,
Онъ и гонитъ Никитской улицей
Ко Никитѣ ко Романычу:
«Вы раздайтесь, люди добрые:
За мной дѣло государево!»
Онъ идётъ-отъ дверей отпихиваетъ,
Всѣхъ слугъ-прислугъ отпы́риваетъ,
Отъ дверей отдвигиваетъ:

«Отойдите, слуги вѣрные:
За мной дѣло государево!»
Онъ стои́тъ-то — Богу молится,
Богу молится, самъ рѣчь говоритъ:
«Ты Никита Романовичъ!
Что ты крѣпко спишь — не про́снешься?
Ты не знаешь горя великаго:
Что потухла воску яраго свѣча,
Что померкло солнце красное,
Что померкли звѣзды восточныя,
Что не стало твово́ крестничка,
Нашего мла́даго царевича!
Повезли его на Боло́тичко,
На Боло́тичко, на Житный дворъ,
Чтобъ срубить-то ему голову
Да по самыя по плечики,
По его ли по могучія!»
А Никита Романовичъ.
Онъ скорёхонько просыпается,
Въ лёгку одёжу одѣвается,
На босы́ ножки въ сапо́жки обувается,
Онъ садится на несѣдлаго коня,
Онъ и гонитъ Никитской улицей
На Болотичко, на Житный дворъ:
— Вы раздайтесь, люди добрые:
— За мной дѣло государево! —
Никто за топоръ не прима́ется,
У всѣхъ руки отымаются;
Ужь какъ взя́лся-приня́лся Малютушка,
Что Малюта Разкурлатовъ сынъ.
Онъ ударилъ его по бѣлу́ лицу:
— Ты Малюта Разкурлатовъ сынъ!
Не за свой ты кусъ хватаешься,
Этимъ кусомъ ты подавишься!

Ино кто хочетъ за царя умереть?
Того Господи избавитъ отъ грѣховъ,
Отъ грѣховъ, отъ муки вѣчныя!—
Ужь и вы́искался стреме́нный стрѣлецъ:
«Я хочу за Царя умереть!»
Тутъ срубили ему голову
Да по самыя по плечики,
По его ли по могучія;
Положили на сере́бряно блюдо,
Понесли къ государю́ во дворецъ.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Выходилъ онъ на Кра́сное крыльцо:
«Что собакѣ собачья смерть!»[1]
Во Свѣтлое Воскресеньице
Разослалъ указъ по всей Москвѣ,
По всѣмъ городамъ, по всѣмъ деревнямъ:
Что зау́тра, въ Свѣтло Воскресеніе,
Приходили бъ люди добрые,
Приходили бы ко за́втренѣ
Они всѣ бы въ платьяхъ черныихъ
Они всѣ бы во кручи́нныихъ.
А Никита Романовичъ,
Ужъ онъ поцвѣтнѣе всѣхъ надѣлъ.
Онъ стоитъ — Богу молится.
Что выходятъ отъ зау́трени
Поздравляетъ его съ праздничкомъ
И со мла́дыимъ царевичемъ.
«Охъ ты кумъ, кумъ любезный мой!
Что жь ты мною насмѣхаешься,
Надо мною наругаешься?
У меня послѣ обѣденки

---

1) Слова Ивана съ краснаго крыльца, куда онъ вышелъ вглянуть на принесенное (Б.).

Всѣмъ боярамъ переборъ будетъ,
Стану казнить, стану вѣшати:
А тебѣ, кумъ, пе́рва пе́телька!»
Послѣ завтрени разослалъ онъ указъ
По всей Москвѣ, по всѣмъ городамъ,
По всѣмъ городамъ, по всѣмъ деревнямъ,
Приходили бъ люди добрые,
Приходили бъ въ платьѣ чёрныемъ,
Они всѣ бы во кручинныемъ;
А Никита Романовичъ
Еще поцвѣтнѣй того надѣлъ.
Онъ стоитъ — Богу молится,
Мла́даго царевича подъ полой держитъ,
Какъ выходятъ отъ обѣденки,
Поздравляетъ его съ праздникомъ
И со мла́дыимъ царевичемъ.
«Охъ ты кумъ, кумъ любезный мой!
Ужь и какъ же мнѣ тебя назвать будетъ?
Али дядюшкой, али батюшкой?
Ино будь же ты мнѣ бо́льшій братъ!»

Первая половина сводной пѣсни, вторую половину которой, содержащую сюжетъ «Кострюка», см. выше № 83. Напечатана въ «Пѣсняхъ Кирѣевскаго», Вып. VI, стр. 102—106, съ помѣтами: «Звенигородск. уѣзда, Воронки; записана 1833, августа 20».

Владимирской губерніи.

139.

У насъ было во матушкѣ въ каменной въ Москвѣ,
У царя было Ивана Васильевича,
Былъ у него почетный пиръ,
Было у него столованія великое:

Съѣзжались князья и боляра,
Сильные-могучіе богатыри,
И вся поленица удалая.
Пиръ на полу-пирѣ,
А столъ на полу-столѣ,
Полъ-сыта бояры наѣдались,
Полъ-пьяна боляры напивались,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ распотѣшился,
Самъ по палатушкамъ похаживалъ,
Во красное окно поглядывалъ,
Черныя кудри разчесывалъ частымъ гребешкомъ,
Самъ говоритъ таковыя словеса,
Онъ сказалъ боярамъ: «Пейте и проклажайтеся,
«Ничѣмъ собою не похвалитеся:
«Вывелъ я измѣны изъ своей земли,
«Вывезъ Перфила изъ Царя-града!»
Да иной о немъ дрогнули,
И царство ужаснулися,
Не знаютъ отвѣта дать:
Большой за малаго хоронится,
А малаго за большимъ давно не знать.
Выходитъ-выступаетъ Великій Князь,
Молодой Иванъ Ивановичъ,
Самъ говоритъ такія словеса:
— Отселя[1]) мой родной батюшка,
Грозной мой царь Иванъ Васильевичъ!
Поизволите ль слово молвить,
Не вели за слово повѣсить,
Не будь опалитъ за мои словеса:
Помнишь ли и памятуешь ли,
Какъ стояли подъ городомъ и по Донскія[2])

1) Вѣроятно вмѣсто «гой еси» (Б.).
2) Испорчено вмѣсто «подъ Псковомъ» (Б.).

Много мы силы потратили:
Была у насъ измѣнушка великая
Отъ твоего сына порожденнаго
Отъ молода Ѳёдора Иванова. —
Грозенъ царь опаляется
На своего сына порожденнаго Ѳёдора Ивановича:
«У мене ли не стало ли грозныхъ полачей?»
Сходилось полачей всё десятками,
Сходилось полачей и полуторами,
Не знаютъ полачи, какъ отвѣту дать:
Большой за малаго хоронится,
А малаго за большимъ давно не видать.
Выходитъ-выступаетъ малая Малютка Скураткинъ сынъ.
Говоритъ такія слова:
«У меня ли руки подымутся
На ваши ли роды на царскіе,
Не дрожитъ моя рука со вострой саблей!»
Взялъ онъ Ѳедора Ивановича за бѣлыя руки,
За тѣ ли перстни позолочоныя,
Скоро повелъ за̀ Москву рѣку,
Ко этому мѣсту ко Лобному,
Ко этой плахѣ ко липовой,
Грознами казнити казнями,
Очи вынимать косицами,
Языкъ вырѣзать изъ темени.
По сѣнямъ по новымъ по косящатымъ,
Не красное солнышко покатилось на̀ земли,
Проходила тутъ царица благовѣрная
Ко своему брату любезному,
Къ молоду къ Микитѣ Романовичу:
«Вотъ мой милой братецъ,
Микита Романовичъ!
Что спишь — не проснешься,
Ничего ты не знаешь ли?

Какъ упала звѣзда поднебесная,
Погасла свѣча мѣстная,
Не стало у насъ царевича
Ѳедора Ивановича:
Сейчасъ повели за Москву рѣку,
Ко тому ли мѣсту ко Лобному,
Ко той плахѣ ко липовой,
Разными казнити казнями».
Скоро вставалъ на рѣзвыя ноги,
Сапоги надѣвалъ на босыя ноги,
Шубу надѣвалъ рукавомъ на плечо,
Шапку надѣвалъ блиномъ на главу,
Садился на коня не на сёдланаго,
Скоро поскакалъ за Москву рѣку,
Ко тому ли мѣсту ко Лобному,
Ко той ли плахѣ ко липовой,
Самъ скричалъ громкимъ голосомъ
И шапкою машетъ:
— Богъ того помиловалъ
Царь государь его жаловаетъ!
И ты, малая Малютка, Скураткинъ сынъ,
Не за свой ты кусъ принимаешься,
Этимъ кусомъ самъ подавишься! —
Ткнулъ онъ Малютку во бѣлую грудь,
И Малютка на ногахъ не устòяла,
И живъ не бывалъ.
Взялъ онъ Ѳедора Ивановича за бѣлыя руки,
И повелъ онъ на широкій дворъ,
Во свою палату бѣлую каменную:
Посадилъ на стулъ позолоченой.
Не долгое время помѣшкамши,
Ударили къ обѣднѣ ко ранней.
Иде тутъ батюшка
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,

На немъ платье жь троворное и нерадошное;
Богу молится и покланяется,
А самъ горючіимъ слезы заливается.
Ѣдетъ тутъ свѣтлѣйшій князь,
Молодой Микита Романовичъ,
На немъ платье паратное;
Молится, покланяется и самъ улыбается,
Говоритъ царю на усобинку:
— Здравствуй, нашъ государь,
Царь Грозной Иванъ Васильевичъ!
Поздравляю васъ съ двумя сынами:
Съ первымъ — Иванъ-Ивановичемъ,
Съ другимъ — Ѳедоромъ-Ивановичемъ! —
Грозный царь опаляется
На своего шурина Микиту Романовича:
«Или ты мною насмѣхаешься,
Или ты не знаешь и не вѣдуешь,
Что упала звѣзда поднебесная,
Угасла свѣча мѣстная,
Не стало молода царевича
Ѳедора Ивановича?
Скоро повели за Москву рѣку,
Ко мѣсту ко Лобному,
Ко той ли плахѣ ко липовой,
Грозными казнити казнями,
Очи вынимать косицами,
Языкъ вынимать изъ темени!»
Возговоритъ свѣтлѣйшій князь,
Молодой Микита Романовичъ:
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Твой сынъ у меня сидитъ,
— Во моихъ палатахъ бѣлыхъ — каменныхъ,
— Жалобу творитъ на своего брата любезнаго,
— На молода Ивана Ивановича,

— «Что привелъ меня къ смерти напрасной!» —
Грозенъ царь возрадовался:
«Ой еси, свѣтлѣйшій князь!
«Чѣмъ тебя жаловать?
«Ой[1]) тебя пожаловать — треть земли,
«Или золотой казной, или городомъ,
«Или крестьянами, или Москвою?»
— Не надобно мнѣ ни треть земли,
— Ни каменной Москвы,
— Пожалуй мене тримѝ улицами,
— Первою улицею Арбатскою,
— Второю улицею Никитскою,
— Третью улицу — Месницкую:
— Кто взойдетъ въ нихъ,
— Не было[2]) не взыску, ни вынемки.—

Напечатана въ «Пѣсняхъ» Кирѣевскаго, Вып. VI, стр. 55—59, съ помѣтой: «Владимирск. губ., Константиновская волость».

Изъ Новиковскаго Пѣсенника.

140.

Когда зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался и грозной царь,
Что Грозной царь Иванъ сударь Васильевичъ.
Какъ ходилъ онъ подъ Казань городъ,
Подъ Казань городъ и подъ Астрахань:
Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Полонилъ царя и съ царицею;
Выводилъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Нова-города.

---

1) То есть: «Ой ли, о ли» (Б.).
2) Не было-бъ (Б.).

И тутъ ли царь похваляться сталъ,
Что вывелъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Нова-города:
«Ахъ, какъ бы вывести измѣну изъ каменной Москвы!»
Что взговоритъ Малюта злодѣй Скурлатовичъ:
«Ахъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Не вывесть тебѣ измѣнушки до вѣку:
Сидитъ супротивникъ супротивъ тебя,
Онъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда,
Цвѣтное платье носитъ съ одного плеча!»
И тутъ царь догадается,
На царевича злобно осержается,
Что возговоритъ Грозной царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ вы гой еси, князья и бояра!
Вы берите царевича подъ бѣлы руки,
Поведите во палату особую,
Вы снимайте съ него платье цвѣтное,
Надѣвайте на него платье черное,
Поведите его на болото жидкое,
На тое ли лужу поганую,
Вы предайте его скорой смерти!»
Всѣ бояре испугалися,
Изъ палаты вонъ разбѣжалися,
Большой за меньшова хоронятся;
Одинъ остался Малюта злодѣй:
Онъ бралъ царевича за бѣлы руки,
Повелъ во палату особливую,
Снималъ съ него платье цвѣтное,
Надѣвалъ на него платье черное,
Повелъ на болото на жидкое,
Что на ту ли лужу поганую.
Провѣдалъ слуга Никиты Романыча,
Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакалъ къ Никитѣ Романычу,

Какъ кричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Гой еси, батюшка, Никита Романовичъ!
Ты пьешь и ѣшь — прохлаждаешься,
Надъ собой кручинушки не вѣдаешь:
Упадаетъ звѣзда поднебесная,
Угасаетъ свѣча воску ярова, —
Не становится у насъ млада царевича!»
Никита Романовичъ испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачетъ на болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую;
Ударилъ онъ Малюту по щекѣ:
— Ты Малюта, Малюта Скурлатовичъ!
Не за свой ты кусъ примаешься:
Ты этимъ кусомъ подавишься! —
Онъ бралъ царевича за бѣлы руки
И повелъ его куда надобно.
Что возговоритъ Грозной царь:
«Ахъ вы гой еси, князья мои и бояре!
Надѣвайте на себя платье черное,
Собирайтеся ко заутренней,
Слушать по царевичѣ понихиду:
Я васъ, бояре, всѣхъ въ котлѣ сварю».
Всѣ бояре испугалися,
Надѣвали они платье черное,
Собиралисъ ко заутренней,
Слушать по царевичѣ понихиду.
Пріѣхалъ Никита Романовичъ,
Нарядился въ платье цвѣтное,
Привелъ съ собой млада царевича
И поставилъ за дверьми сѣверны.
Что взговоритъ Грозной царь:
«Ахъ ты гой еси, Никита Романовичъ!
Что въ глаза ли ты мнѣ насмѣхаешься?

Какъ упала звѣзда поднебесная,
Что угасла свѣча воску яраго:
Не стало у меня млада царевича!»
Что возговоритъ Никита Романовичъ:
— Ахъ ты гой еси, надежда, православный царь!
Мы не станемъ пѣть по царевичѣ понихиду,
А станемъ пѣть молебенъ заздравный мы! —
Онъ бралъ царевича за бѣлу руку,
Выводилъ изъ-за сѣверныхъ дверей.
Что возговоритъ Грозной царь:
«Ты Никита, Никита Романовичъ!
Еще чѣмъ мнѣ тебя пожаловать?
Или тебѣ полцарства дать,
Или тебѣ золотой казны сколько надобно?»
— Ахъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Не надо мнѣ полцарства, ни золотой казны.
Только дай ты мнѣ злодѣя Скурлатова:
Я сведу на то болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую.—
Что возговоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Еще вотъ тебѣ Малюта злодѣй,
И дѣлай съ нимъ, что хочешь ты!»

Перепечатана П. Безсоновымъ («Пѣсни» Кирѣевскаго, Вып. VI, стр. 83—86) изъ Новиковскаго Пѣсенника 1780 г. Ч. II, № 121, стр. 135—138, съ замѣчаніемъ, что въ Новиковскій пѣсенникъ пѣсня эта была взята изъ Чулковскаго (1770 г. Ч. II, № 121, стр. 167), въ которомъ она «замѣтно уже нѣсколько подправлена противу народнаго склада и языка (стр. 83, Примѣч.). Дальнѣйшая литературная передѣлка, принадлежащая И. И. Дмитріеву, была записана въ народѣ въ Симбирскѣ, см. выше № 136.

———

ГРОЗНЫЙ МОЛИТСЯ ПО УБИТОМЪ СЫНѢ.

Астраханской губерніи.

141.

1 Запѣвъ. (Эхъ-да) Собирается нашъ православный царь
Хоръ. Да онъ ко заутрени
Ко тому-ли свѣту, свѣту-свѣтику,
Ивану Великому.
2 З. (Эхъ-да) Какъ становится нашъ православный царь
Х. Да онъ на своемъ мѣстѣ.
Какъ становится нашъ православный царь
У праваго клироса.
3 З. (Эхъ-да) Ужъ какъ молится нашъ православный царь
Х. Ивану Великому.
Ужъ онъ молится нашъ православный царь,
Да онъ низко кланяется.
4 З. (Эхъ-да) Какъ позадь-то его все бояре-князья,
Х. Они остановилися.
Какъ промежъ-то себя ухмыльнулися,
Князья усмѣхнулися.
5 З. (Эхъ-да) Ужъ какъ гнѣвно на нихъ православный царь
Х. Да онъ оглядается.
«И чему то, чему вы, бояре-князья, чему больно радостны?»
6 З. (Эхъ-да) Иль не знаете вы, иль не вѣдаете,
Х. Горя-то великаго?
Знать не вѣдома-то вамъ кручинушка
Безысходна царская.
7 З. (Эхъ-да) Какъ угасла-то свѣча мѣстная;
Х. Закатилась-то звѣзда,
Поднебесна моя, свѣтла звѣздонька:
Не стало младъ царевича.

Записана А. А. Догадинымъ въ станицахъ: *Пичуженской* отъ И. А. Прокопова, А. Капустина и др. и *Александровской* — отъ В. И. Мельникова и др. Напечатана въ сборникѣ: «Былины и Пѣсни» Астраханскихъ казаковъ, для однороднаго хора. Собралъ и на ноты положилъ А. А. Догадинъ. Подъ редакціей Н. С. Кленовскаго, Вып. I. Астрахань. 1911, № 13, стр. 13.

ПРАВЕЖЪ И МОЛОДЕЦЪ И КАЗНА МОНАСТЫРСКАЯ.

Томской губерніи.

142.

Ишшо сколько я, добрый молодецъ, не гуливалъ,
Что не гуливалъ я, добрый молодецъ, не нахаживалъ,
Такова я чуда-дива не нахаживалъ,
Какъ нашелъ я чудо-диво въ градѣ Кіевѣ:
Середи торгу́-базару, сѐредь площади,
У того было колодичка глубокова,
У того было ключа-то подземельнова,
Что у тоі̆ было конторушки Румянцовой,
У тово было крылечка у пери̇льчата,
Ужъ какъ бьютъ-то добра молодца на правежѣ,
Что на правежѣ ево бьютъ,
Что нагова бьютъ, босова и безъ пояса,
Въ однихъ гарусныхъ чулочкахъ-то, безъ чеботовъ;
Правятъ съ молодца казну да монастырскую.
Изъ-за горъ-то, было горъ, изъ-за высокіихъ,
Изъ-за лѣсу-то было, лѣсочку, лѣсу темнова,
Что не утренняя зорюшка знаменуется,
Что не праведное красно солнышко выкатается:
Выкаталась бы тамъ ка̇рета красна золота,
Красна золота карета — государева;
Во каретушкѣ сидѣлъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ.
Случилось ему ѣхать посередь торгу́.
Ужъ какъ спрашивалъ надёжа православный царь,
Ужъ какъ спрашивалъ доброва молодца на правежѣ:
Ты скажи, скажи, дѣтина, правду-истину,
Ишшо съ кѣмъ ты казну кралъ, съ кѣмъ разбоі̆ держалъ?
Если правду ты мнѣ скажешь, я пожалую,
Если ложно ты мнѣ скажешь, я скоро сказню:

Я пожалую тя, молодецъ, въ чисто̀мъ полѣ,
Что двумя тебя столбами да дубовыми,
Ужъ какъ третьей перекладинкой кленовою,
А четвертой тебя петелькой шелковою.
Отвѣча'тъ ему удалый добрый молодецъ:
Я скажу тебѣ, надёжа православный царь,
Я скажу тебѣ всю правду и всю истину,
Что не я то казну кралъ, не я разбой держалъ,
Ужъ какъ крали воровали добры молодцы,
Добрые молодцы казаки.
Случилось мнѣ, молодцу, идти часты́мъ полёмъ,
Я завидѣлъ, въ чистомъ полѣ сырой дубъ стоитъ,
Сырой дубъ стоитъ въ чистомъ полѣ, крековистый;
Что пришолъ я, добрый молодецъ, къ сыру дубу́,
Что подъ тѣмъ было, подъ дубомъ, подъ крековистымъ,
Что казаки онѣ дѣлъ дѣлятъ;
Они дѣлъ дѣлили, дуванъ дуванили;
Подошелъ я, добрый моло̀децъ, къ сыру́ дубу́,
Ужъ какъ бралъ-то я сырой дубъ посередь его,
Я выдергивалъ изъ матушки сырой земли,
Какъ отряхивалъ коренья о сыру землю̀.
Ужъ какъ тутъ-то добры молодцы испугалися,
Со дѣлу они, со дувану, разбѣжалися,
Одному мнѣ золота казна досталася,
Что не много и не мало — сорокъ тысячей,
Я не въ кладъ-то казну кладъ, животомъ не звалъ,
Ужъ я клалъ тоё казну во большой-отъ домъ,
Во большой-отъ домъ, во царёвъ кабакъ.

Доставлена С. Н. Гуляевымъ изъ заводовъ Локтевскаго и Сузунскаго. Напечатана въ «Памятникахъ великорусскаго нарѣчія», С.-Пб., 1855 г., стр. 131—133. Перепечатана П. Безсоновымъ въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ». Вып. VI, стр. 197—199.

Томской губерніи.

143.

Какъ у насъ то было, братцы, на святой Руси.
На святой Руси, въ каменной Москвѣ:
Тутъ я, матушка, жилъ во семи клѣтяхъ,
А въ восьмую клѣть сверху заглядывалъ.
Что въ восьмой клѣти стоятъ образы;
Передъ образами свѣчи теплятся,
Пречестная вдова Богу молится,
Жалобу творитъ на свое чадо милое:
«Тебѣ Богъ судья, тебѣ, милой сынъ,
На што ты бралъ золотую казну,
Золотую казну монастырскую?»
— Воровали казну донски ка̀заки,
Увозили казну во сырой боръ;
Дѣлили казну на девя́ть паевъ,
Десятому, добру молодцу, не досталось.
Тутъ молодцу за бѣду стало:
Выдергивалъ сырой дубъ и съ кореньями,
И разганивалъ онъ донскихъ ка̀заковъ,
Что по батюшку, по чисту̀ полю;
Доставалась вся ему золота казна.

Записана въ 60-хъ годахъ С. Гуляевымъ въ Барнаульскомъ уѣздѣ. Напечатана въ статьѣ В. Ѳ. Миллера: «Историческія пѣсни изъ Сибири» см. Извѣстія Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ. т. IX, кн. 1. стр. 72—73.

Симбирской губерніи.

144.

Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,

Середи́-то торгу, братцы, среди площади,
Тутъ бьютъ добраго молодца на правежѣ,
Нагого-босаго и разутаго.
Поставили его на бѣлъ — горючь камень:
Стоитъ молодецъ — самъ не трёхнется,
Русы его кудри не воро́хнутся,
Лишь изъ глазъ горючи̂ слёзы.
Лучило́ся тутъ ѣхати
Самому царю православному,
Грозному царю Ивану Васильевичу.
Какъ возговоритъ царь Иванъ сударь Васильевичъ:
«Охъ вы гой еси, бурмистры-цѣловальнички!
«За что вы пытаете добраго молодца,
«Нагого-босаго и разутаго,
«Поставя его на бѣлъ-горючь камень?
«Стоитъ молодецъ — самъ не тря́хнется,
«Русы его кудри не воро́хнутся,
«Только катятся изъ глазъ горючи слёзы
«По бѣлому лицу по румяному?»
Тутъ возго́ворятъ бурмистры-цѣловальнички:
««Охъ ты гой еси, нашъ батюшка, православный царь,
««Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ!
««Пытаемъ мы съ него золоту́ казну,
««Золоту́ казну, платье цвѣтное,
««Не много, не мало, — сорокъ тысячь»»
Возговоритъ тутъ православный царь:
«Охъ ты гой еси, добрый мо́лодецъ!
«По чему тебѣ золота̀ казна доставалася
«И какъ она тебѣ приходила?»
Возговоритъ добрый мо́лодецъ:
— Охъ ты гой еси, нашъ батюшка, православный царь,
— Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ!
— Была у меня дубиночка вязо́венькая,
— И клалъ я дубиночку на плечико,

— Ходилъ я, добрый мóлодецъ, по чисту полю,
— По чисту полю, по темну̀ лѣсу:
— Нашелъ я воровъ-разбойниковъ.
— Тутъ-то они дуванъ дуванили[1]),
— Золотую казну дѣлили мѣрою,
— А цвѣтное платье дѣлили ношами:
— Тутъ-то я ее отбилъ у нихъ. —
Возговоритъ православный царь,
Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ:
«Куда ты дѣвалъ эдаку золоту казну?»
Возговоритъ добрый молодецъ:
— Точилъ я ее все по домамъ по питейнымъ,
— А поилъ я все голь кабацкую,
— А цвѣтное платье — одѣвалъ все нашихъ босыихъ. —
Возговоритъ православный царь:
«Охъ вы гой еси, бурмистры-цѣловальнички!
«Заплатите ему за каждый ударъ по пятидесяти рублей,
«А за безчестіе заплатите ему пять сотъ рублей.

Напечатана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ». Вып. VI. стр. 194—195, съ помѣткой: Симбир. г. Сызрань.

Самарской губерніи.

145.

Изъ-подъ цвѣтика да каменной Москвы,
Каменной Москвы да земляной тюрьмы,
Какъ изъ той ли тюрьмы да ведутъ мóлодца,
Ведутъ молодца да вѣдь ко вѣшанью.
Идетъ мóлодецъ — да самъ не кáчнется,
Его буйная головушка не тря́хнется,
Его русые кудерки не шелóхнутся,

1) Дѣлали привалъ и дѣлили добычу.

Во рукахъ-то онъ несетъ да воскову свѣчу,
Бѣлы рученьки да воскомъ залило.
Какъ на встрѣчу ему да православный царь;
Еще сталъ государь его распрашивать:
«Ты скажи-ко, скажи мнѣ, добрый молодецъ,
«Скажи, съ кѣмъ ты воровалъ,
«Съ кѣмъ разбой держалъ?»
— Ужь ты батюшка да благовѣрный царь.
— Я не самъ-то воровалъ, не самъ разбой держалъ:
— Воровали-то твои да Донски ка́заки,
— Донски ка́заки да все каза́ченьки,
— Все казаченьки дуванъ дуванили,
— Дуванъ дуванили да казну дѣлили,
— Казну дѣлили да казну-денежки:
— Ужь какъ я ли, молодецъ, при томъ случьѣ былъ,
— При томъ случьѣ былъ, да все па́ю просилъ;
— Ужь какъ мнѣ-то, молодцу, да паю не́ дали.....
— Всѣ казаченьки да испугалися,
— По низкимъ мѣстамъ да разбѣжалися,
— По низкимъ мѣстамъ да по болотичкамъ:
— Одному-то мнѣ казна досталася. —

Напечатана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ». Вып. VI, стр. 54—55, съ помѣткой: «Самарскій край» и у В. Варенцова въ «Сборникѣ пѣсенъ Самарскаго края». С.-Пб., 1862 г., стр. 233—234.

ПОЖАЛОВАНІЕ КАЗАКОВЪ ТЕРЕКОМЪ.

Терской области.

146.

Не сизы орлы клохчутъ,
Не сѣрые гуси возголо̀сятъ,
Они пить и ѣсть хотятъ, —
Гребенскіе наши козаки

Предъ царемъ говорятъ,
Передъ грознымъ царемъ
Иваномъ Васильевичемъ:
«Ахъ ты, батюшка нашъ, надёжа
Православный государь!
Ты чѣмъ насъ порадуешь
Чѣмъ пожалуешь?»
— Подарю васъ, козàченьки,
Рѣкою вольною, —
Что не быстрымъ Терекомъ
Горыновичемъ,
Что отъ самаго Гребня
До синяго моря,
Что до синяго моря
До Каспійскаго. —

Мѣсто записи и время неизвѣстно. Напечатана Безсоновымъ въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», Вып. VIII, стр. 310, съ указаніемъ, что пѣсня взята имъ изъ рукописнаго сборника, доставленнаго ему С. М. Любецкимъ.

Терской области.

147.

Ни сѣра(ы)и гусюшки
Фъ поли гагочуть,
Ни сиза(ы)и арлы
Пы(а) надъ небисью клокчуть —
То грибянскіи казаки
Пиритъ царемъ гутарють,
Пиритъ Грознымъ царемъ,
Ивана(ы)мъ Висиличимъ.
Ани сы(а)маму царю —
Надёжи гы(а)варять:

«Ой ты — батюшка нашъ,
«Пры(а)ваславнай царь,
«Чѣмъ ты насъ падаришь?
«Чѣмъ пажалуишь?»
— «Пы(а)дарю я васъ казачиньки,
«Ды пажалую
«Рякой вольна(ы)ю —
«Терика(ы)мъ Гарынычимъ,
«Атъ самы(а)ва грябня,
«Да синява моря,
«Да Каспицкы(а)ва».

Записана Д. Еланскимъ въ станицѣ Терской; напечатана въ Сборникѣ Матер. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа, 1908 г., Вып. XXXIX, Отд. 2, стр. 50—51. «Старинныя пѣсни Терскихъ казаковъ».

Терской области.

148.

Кы(а) къ ва поли вѣтры дуютъ
И дубровушки шумять!
Ды(а) ни сизаи арлы клычуть,
Па надъ небисью ани лятучи;
Ни сѣраи гусюшки кагачуть,
Па натъ плёсами ани сидючи.
Кы(а) къ расплакались малатцы казачиньки,
Пиритъ бѣлымъ царемъ
Ани стаючи,
Пиритъ Грознымъ царемъ —
Иваномъ Васильевичемъ:
«Ды(а) ты, батюшка,
«Ты нашъ царь-надёжа,
«Ды(а) ты православнай гасударь,

«Ни изволь ты насъ
«Казнить-вѣшати,
«Позволь рѣчь намъ гаварить.
«Ты, бывалача, насъ, царь-надёжа,
«Многа даривалъ
«Многа жаловалъ.
«А таперича ты,
«Нашъ царь-надёжа,
«Ничѣмъ ты насъ
«Ни пажалавалъ.
«Па(ы) дари ты насъ,
«Ды(а) пажалуй
«Тихимъ Донамъ
«Са(ы) вяршинами
«Са(ы) большимы
«Са(ы) притоками».

Записана Д. Еланскимъ въ станицѣ Терской; напечатана въ «Сборникѣ Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», 1908 г., Вып. XXXIX. Отд. 2, стр. 4—5. «Старинныя пѣсни Терскихъ казаковъ».

СМЕРТЬ ИВАНА ГРОЗНАГО.

Архангельской губерніи.

149.

Ише было-то во матушки во нашой въ каменнóй Москвы
Какъ у насъ во дворьци у царя бѣлого,
Царя Грознаго Ивана у Васильевиця:
Приходила тутъ ему да скора смерть,
Скора-та смерть-матушка престрашная.
Ишé сталъ-то онъ Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ поне-
Розболѣлсэ-то онъ тутъ скорешенько. [мáгивать,

Въ головяхъ-то у ёго стоитъ Ѳёдоръ-отъ цяревиць младъ,
Во ногахъ-то сидитъ Настасья царевна;
Сидятъ они, слéзно уливаютце.
Говоритъ имъ Грозной царь Иванъ Васильевичъ:
«Ужъ ты милой мой младой цяревиць, младъ!
Какъ когда-то я помру, да когды Богъ велитъ,
Вы полóжьте-тко мнѣ-ка въ гробъ-отъ, мнѣ,
Положьте-ко вы да мой-отъ стрáшонъ мець;
Понесутъ-то моё да тѣло бѣлое, —
Православны-ти люди всё ужáхнутце,
Вси солдатушки тутъ да припросплацютьце.
Хошь и звали меня да всё я — Грозной царь,
Пожалѣютъ-то меня да вси солдатушки:
Какъ до ихъ-то я былъ, да всё не грозной былъ,
Всё не грозной былъ, да всё я милосьливъ,
Всё я милосьливъ да всё я жалосьливъ».
Какъ во ту пору было, во то время,
Понесли царя да во Божью́ церьковь.
Вси иду́тъ солдаты, слéзно плáцютъ-то,
Во полкахъ солдаты прицитаютъ тутъ.
Какъ единъ солдатъ-отъ на цясахъ стоялъ,
На цясахъ стоялъ да слéзно плакалъ онъ;
Какъ ударили да въ большой колоколъ,
Говорилъ солдатъ да таковы рѣци:
«Росьпрѣкрасно ты да моё дéревцё
Моё деревцё да кипарисноё;
Ужъ ты ягодка моя смородинка,
Виноградная да моя сладкая!
Ты когды росла да когда вызрѣла,
Во каку пору да ты повыросла,
Во какó же лѣто ты повы́здрѣла?
Ты розы́ньсе-ко да мать сыра земля!»
Онъ приплакиватъ, самъ выговариватъ:
«Ты роскройсе-ко, да дорога парця!

Ты возстань-ко, сѣдь, да православной царь,
Православной царь да царь ты бѣлой нашъ,
Царь ты бѣлой нашъ Иванъ Васильёвицъ!
Ты востань, востань да ко солдату мнѣ,
Ко солдату мнѣ всё къ новобраному;
Посмотри-ко ты да на солдатика:
Во слёзахъ стою да слово молвлю я,
Въ возрыданьици да рѣць говóрю я;
Какъ реву-ту я, да какъ рѣка течéтъ,
Говорю-ту я, да какъ вѣдь громъ гремитъ.
Ужъ ты стань, востань да посмотри на насъ,
Посмотри на насъ да ты на тѣ полки,
Шьчо на тѣ полки всё на солдацькія,
На свою-то ты да на арьмéюшку:
Хорошо у тя они уря́жоны;
Они вси у насъ да во фрунтý стоятъ,
Они вси стоятъ да оружьѝ дёржáтъ,
Оружья́ держатъ да во своихъ рукахъ
Во своихъ рукахъ да по своимъ полкамъ,
По своимъ полкамъ да по уце́ньицямъ,
По уце́ньицямъ — да ко войны́ уцятъ,
Ко войны уцятъ, да во походъ пойдутъ,
Во походъ пойдутъ, — да они вси ревуть:
Споминаютъ всё да царя бѣлого,
Шьто того-ли царя Ивана да Васи́льёвиця»[1]).

Записана А. В. Марковымъ въ 1898 г. въ с. Нижняя Зимняя Золотица на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря отъ Аграфены Крюковой, перенявшей пѣсню отъ своего двоюроднаго брата, племянника матери, родомъ изъ с. Стрѣльны. «Бѣломорскія былины», № 38, стр. 194—195.

---

1) Записана со словъ, такъ какъ сказательница не рѣшилась пѣть эту старину, говоря, что не совсѣмъ хорошо ее знаетъ. Собир.

Симбирской губерніи.

150.

Какъ ударили въ Москвѣ въ большой колоколъ,
Только слышно то было по всей каменной Москвѣ
[И по всей арміи, и по всей конной гвардіи]:
Еще померъ-то у насъ православной царь,
Православной царь Иванъ Васильевичъ.
««Сдѣлаемъ ему гробокъ купарисовой,
««Саванокъ-то сошьемъ миткалиновый,
««Мы схоронимъ царя за Москвой рѣкой!»»

Записана П. В. Шейномъ, отъ Максима Щербакова въ дер. Козловкѣ, Буинск. у. Симб. губ. Напечатана въ III-мъ томѣ Чтеній въ О. Л. И. и Д. Р. 1877 г., стр. 58; перепечатана П. Безсоновымъ въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ». Вып. VI, стр. 205.

Саратовской губерніи.

151.

Ужь ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
Изъ за облачка выкатаешься,
Черной тучей закрываешься?
У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ, въ золотомъ Кремлѣ,
У Ивана было у Великаго,
У Михайлы у Архангела,
У собора у Успенскаго,
Ударили въ большой колоколъ.
Раздался звонъ по всей матушкѣ сырой землѣ;
Соѣзжалися всѣ князья-бояре,

Собиралися всѣ люди ратные,
Во Успенскій соборъ Богу молитися.
Во соборѣ-то во Успенскіимъ,
Тутъ стоялъ новъ кипарисовъ гробъ:
Во гробу-то лежитъ православный царь,
Православный царь, Иванъ Грозный Васильевичъ.
Въ головахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
У креста лежитъ корона его царская,
Во ногахъ его вострый грозный мечь.
Животворящему кресту всякій молится,
Золотому вѣнцу всякій кланятся,
А на грозенъ мечь взглянетъ, — всякъ ужахнется.
Вокругъ гроба горятъ свѣчи восковыя,
Передъ гробомъ стоятъ все попы-патріархи,
Они служатъ-читаютъ память отпѣваютъ,
Отпѣваютъ память царю православному,
Царю Грозному Ивану Васильевичу.

Записана въ Саратовѣ А. Н. Пасхаловой. Напечатана въ «Памятникахъ великорусск. нарѣчія» въ Прибавл. къ Извѣст. 2 Отд. Имп. Акад. Наукъ 1852—1857 г. г. С.-Пб. 1855, стр. 152—153. Примѣч. собирательницы: «Старикъ который сказывалъ мнѣ эту пѣсню въ первый разъ припоминая ее только, дѣлалъ слѣдующее перемѣщеніе послѣ словъ «лежитъ православный царь Иванъ грозный Васильевичъ» — онъ продолжалъ: вокругъ гроба горятъ свѣчи восковыя и пр. — до «царю грозному Ивану Васильевичу», и потомъ уже начиналъ: «въ головахъ у него животворящій крестъ и кончалъ пѣсню словомъ «всякъ ужахнется». Въ другой же разъ онъ сказалъ мнѣ эту пѣсню въ томъ порядкѣ, въ какомъ она здѣсь написана. Не ручаюсь этотъ или тотъ правильнѣе. Старику уже измѣняетъ память П.». Перепечатана въ «Пѣсняхъ» Кирѣевскаго, Вып. VI, стр. 206—207. Тотъ же текстъ съ незначительными разнорѣчіями см. въ Сборн. Костомарова и Мордовцевой въ Лѣтоп. русск. литер. и древн., т. IV, Отд. 2, стр. 22.

Тульской губерніи.

152.

Охъ вы горы, горы крутыя!
Охъ вы гóловы златыя православныхъ церквей!
Охъ косящеты окошки царскихъ теремòвъ!

Какъ во теремѣ живётъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ:
Онъ грозёнъ, батюшка, и милостивъ,
Онъ за правду милуетъ, за неправду вѣшаетъ.
Ужь настали годы злые на московскій народъ,
Какъ и сталъ православный царь грознѣй прежняго:
Онъ за правду — за неправду дѣлалъ кбзни лютыя.
Какъ восплачется народъ русскій на Грознаго царя:
Переставился Грозный царь на восьмидесятомъ году,
А сынъ его Ѳёдоръ сталъ Русью управлять.

Напечатана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», Вып. VI, стр. 205, съ помѣтой: «Тульской губ. Чернскаго у. отъ старухи».

ПЛАЧЪ ВОЙСКА.

Симбирской губерніи.

153.

У Ивана было у Великаго
У собора было у Успенскаго,
У честнòй — славной заутрени,
Молодой сержантъ на часахъ стоитъ,
На часахъ стоитъ, Богу молится,
Горючмѝ слезмѝ заливается:
«Ты возмой-возмой, туча грозная,
«Ты пролей-ка часть-силенъ дождичекъ
«Примочи-ка ты мать сырỳ землю!
«Разступись-ка ты, мать сырà земля,
«На четыре ты на всѣ стòроны!
«Раскройся-ка, гробовà доска,
«Распахнись-ка ты, бѣлъ-тонкòй саванъ,
«Ты возстань, возстань, православный царь,
«Царь Иванъ Васильевичъ!

«Погляди-ка ты на свою силу:
«Твоя силушка утомлённая,
«Утомлённая, некормлёная,
«Твой любимый полкъ во походъ пошёлъ,
«Во походъ пошёлъ подъ Казань городъ».
Подъ Казанью мы подъ городомъ,
Мы стояли подъ нимъ восемь лѣтъ,
А копали мы земляной подкопъ,
Земляной подкопъ ужь мы семь годовъ.
Ужь мы другъ дружку тутъ обманывали
Со татарами мы незна́мыми.
Выходилъ-то изъ городу младъ татарченокъ,
Онъ указывалъ, гдѣ подкопъ копать,
Гдѣ подкопъ копать подъ Казань рѣку̀,
Подъ тоё казну подъ порхо́вую.
Подкопали мы подкопы подъ тѣ бо́чечки,
Подъ тѣ бочечки и подвалики,
Гдѣ стои́тъ у нихъ порхова̀ казна;
Мы закатывали подъ свой подкопъ
Сорокъ бочекъ ужь мы по́роху;
И хотѣли мы татарченка повѣсить,
Мы за тѣ слова за глупыя;
Ужь мы думали, что татарченокъ насъ обманываетъ;
Мы зажгли свѣчу воску яраго аршинную,
А фитиль зажгли на бочечкахъ поларшинный:
А татарченокъ умаливалъ:
««Вы постойте-ка, не вѣшайте:
««Я вамъ сказывалъ правду-истину»».
Не успѣлъ онъ всѣхъ словъ сказать, Казань начало рвать;
Ужь и начали татарченка казной жаловать.

Напечатана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», Вып. VI. стр. 210—211, съ помѣтой «Симбирск. губ.».

———

Симбирской губерніи.

154.

Ужь ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
Ужь ты свѣтишь, мѣсяцъ, во всю темную ночь:
Освѣти-ка, мѣсяцъ, каменну Москву!
Въ каменной-то Москвѣ, во святой Русѣ,
У собора было у-во Спленскаго,
Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
На часахъ-то стоитъ, Богу молится,
Богу молится, самъ слезно плачетъ:
«Понесите съ горъ, буйны вѣтры,
«Разнесите, вѣтры, всѣ желты пески!
«Разступись, матушка сыра земля,
«Вскройся, гробова доска,
«Распахнись-ка, бѣлъ-тонкой саванъ,
«Ты возстань, возстань, православный царь,
«Православный нашь царь, Иванъ Васильевичъ!
«Ужь вся-то Москва на потрясъ пошла,
«Ужь всѣ-то полки во походъ пошли
[«Ужь первый-то полкъ пошелъ Семеновскій,
«А другой-то полкъ пошелъ Измайловскій,
«Третій пошелъ Петропавловскій.
«Ужь всѣ-то купцы перепугалися,
«На синее моречке разбѣжалися,
«На легкія лодочки побросалися»].

Записана П. В. Шейномъ отъ Н. Картавенка въ Симбирск. губ. Карсунск. у. с. Усть-Урень. Напечатана Шейномъ въ «Чтеніяхъ О. Л. И. и Д. Р. 1877 г., кн. III. стр. 59. Перепечатана П. Безсоновымъ въ «Пѣсняхъ, собран. П. В. Кирѣевскимъ», Вып. VI, стр. 212.

Астраханской губерніи.

155.

1 Запѣвъ. Ужъ ты свѣтлое
Хоръ. Наше красно солнышко.
2 З. Красно солнышко.
Х. Ужъ ты свѣтишь, солнышко,
Во весь долгій день.
3 З. Свѣти во весь день.
Х. Освѣти ты, солнышко,
Москву каменну.
4 З. Москву каменну.
Х. Во Москвѣ то каменной,
Во Святой Руси.
5 З. Во Святой Руси.
Х. У собора то было
У Успленскаго.
6 З. У Успленскаго.
Х. Молодой казакъ съ ружьемъ
На часахъ стоитъ.
7 З. На часахъ стоитъ.
Х. Богу молится
Самъ-то слезно плачетъ.
8 З. Самъ слезно плачетъ.
Х. Приговариватъ.
Ты подуй, буёнъ вѣтеръ!
9 З. Подуй, буй-вѣтеръ.
Х. Ты развѣй, развѣй,
Вѣтеръ, пески желтые.
10 З. Пески желтые.
Х. Разступись ты, матушка,
Мать-сыра земля!
11 З. Мать-сыра земля.
Х. Расколися, вскройся-ты,

Гробова доска!
12 З. Гробова доска.
Х. Распахнися, бѣлый саванъ,
Полотнянный!
13 З. Бѣлъ-полотнянный
Х. Ты возстань, возстань
Ты нашъ, православный царь!
14 З. Православный царь.
Х. Православный царь,
Царь, Иванъ Васильевичъ!
15 З. Ты нашъ, батюшка!
Х. Ты взгляни, взгляни
На свою-то силушку.
16 З. Свою силушку
Х. Твоя силушка
Скоро во походъ пойдетъ.
17 З. Во походъ пойдетъ.
Х. Какъ подъ тотъ-то славный
Казань, Казань городъ.

Записана А. А. Догадинымъ въ станицахъ Дурновской отъ Чернышевыхъ и А. Н. Исаева, Сѣроглазинской отъ А. М. Дѣдова и Пичуженской отъ А. А. Горшенева въ 1902—3 гг. Напечатана въ сборн. А. А. Догадина «Былины и Пѣсни Астраханскихъ казаковъ», Вып. I, стр. 14—15, 1911 г.

Терской области.

156.

Кы(а) къ ва матушки-Расеюшки,
Ва(ы) Расеюшки, кримяной Масквѣ,
У крыльца та дварца царскава
Часавой стаить, кы(а) къ свяча гарить,
Слезна плачить, приговариваить:

«Вы падуйтя, вѣтры буйнаи,
«Па(ы)шатнитя горы кру́таи,
«Лиса́ темнаи;
«Разнаситя, вѣтры,
«Царскаю магилушку.
«Ты вастань, нашъ батюшка,
«Грознай царь Иванъ Василивичъ,
«Па(ы) сматри-ка ты
«На(ы) сваю Расеюшку,
«Па(ы)сматри на сваю армеюшку:
«Стаить ана ни па-стараму,
«Стаить ана ни па-прежниму:
«Ушь усы-та, бародушки,
«Всѣ павыбриты,
«Кудри длиннаи паапстрижины».

Записана Д. Еланскимъ въ станицѣ Терской, напечатана въ сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа. Вып. XXXIX. Отд. 2, стр. 5, 1908 г. «Старинныя пѣсни Терскихъ казаковъ».

ЕРМАКЪ.

Олонецкой губерніи.

157.

Какъ сбирались казаки на крутъ бережокъ,
Ахъ доньски, гребеньски, запорожскіи,
Запорожски казаки и все были яицкіи.
Ахъ атаманъ былъ у донскихъ у казаковъ.
Ой изъ Тихаго Дону Ермакъ былъ Тимоѳеевичъ,
А есаулъ былъ у донскихъ у казаковъ
Ахъ со Двины Остафей Лаврентьевичъ.
Какъ садились казаки на легки стружки,
А й на легки стружки сѣли на мелки повозки,

Какъ грянули размахнули внизъ по Волги рѣки.
Ахъ еще будутъ казаки о полу онѣ п̆ути,
О полупути пути будутъ противъ Охтучи рѣки,
Ахъ супротивъ того кустышка ракитоваго,
Супротивъ того лужечка ай зелёного.
А сверху внизъ было по матушки по Камы рѣки,
А по Камы рѣки легка лодочка плыветъ,
Ахъ со лютымъ со зéльёмъ съ чернымъ порохомъ,
А со страшной казной государевой.
А й на казны-то сидитъ тутъ грозёнъ посёлъ,
Ахъ по имени Семёнъ Констянтиновичъ,
Констянтиновичъ Семéнъ сидитъ Корамышéвичъ.
Ахъ какъ немношечко времечки миновалосе,
Ахъ какъ лунула пушечка мѣдная,
Ахъ какъ разбила эту лодочку коломянку,
А какъ убило посла государева
Корамышева Семена Констянтиновича.
«Ахъ мы не ладно мы два брателка удумали,
Какъ убили мы посла государева,
А золотой казны намъ немношко доставалосе,
Доставалосе казны намъ же по три тмы,
А й по три тьмы доставалось по три тысячи.
Какъ куды же мы братцы воровать теперь пойдемъ?
А й намъ во Казань городъ итти намъ убитымъ быть.
Намъ во Вostракань итти быть повѣшеннымъ.
Ахъ пойдемте-тко, братцы, въ каменну Москву.

(Дальше не помнитъ).

Записана А. Н. Гильфердингомъ въ Олонецкой губ., въ дер. Пога на Водлозерѣ, 7 авг. 1871 г., отъ крест. Ив. Григ. Захарова, 82 лѣтъ. Напечатана въ сборникѣ «Онежскія былины», т. III, № 202.

Изъ Западной Сибири (?).

158.

На славной Волгѣ реке, на верхнеи изголове,
На Бузане острове,
На крутомъ красномъ берегу,
На желтыхъ расъсыпныхъ пескахъ,
А стояли беседы что беседы дубовыя,
Исподернуты бархотомъ;
Во беседачкахъ тутъ сидели атаманы казачия,
Ермакъ Тимофеевичь, Самбуръ Андреевичь,
Анофреи Степановичь:
Ане думашкȣ думали за единое,
Какъ про дело ратное про дабычу казачею.
Что есаулъ ходитъ по кругу по донскому енцкому,
Есаулъ кричитъ голосомъ во всю бунну голову:
«Аи вы гои еси, братцы, атаманы казачия!
«У насъ кто на море не бывалъ,
«Морскои волны не видалъ,
«Не видалъ дела ратнова человека кровавова,
«Ѿ желанье те Богу не маливали:
«Астантеся таковы молодцы на Бузане острове!»
И садилися молодцы во свой струги лехкия,
Оне грянули молодцы внизъ по матушке,
Волге реке,
По протоке по Ахтубѣ;
А не ярыя гоголи на сине море выплыли,
Выгребали тутъ казаки середи моря синева;
Противъ матицы острова лехки струги выдергивали,
И веселечки разбрасывали, маиданы раставливали,
Ковры раздергивали, ковры те сорочинския,
И беседы дубовыя, подернуты бархатомъ;
А играли казаки золотыми тавлеями,
Дорогими вольящетыми.

Посмотрятъ казаки оне на море синея, —
Атаву зеленова ѿ дуба крековистова,
Какъ бы бель забелелася будто черзь зачернелася,
Забелилися на корабляхъ парусы полотняныя
И зачернелися на море тутъ двенадцать кораблей:
А бегутъ тутъ по морю
Славны гости турецкия со товары заморскими.
А увидели казаки те карабли червленыя,
И бросалися казаки на свой струга лехкия,
А хватали казаки орȣжье долгомерное
И три пушечки медные,
Напущалися казаки на двенатцать караблей,
Въ три пушечки гунȣли аружъемъ вдругъ грянули:
Турки гости богатыя,
На корабляхъ ѿ тово испужалися,
В сине море металися,
А те товары заморския
Казакамъ доставалися,
Аи двенатцать караблей.
А на техъ карабляхъ одна не пужалася, —
Душа красная девица,
Молода Урзамовна мурзы дочи турскова.
Что зговоритъ девица Урзамовна: — не тронте менѣ казаки,
— Не губите моеи красоты,
— Аи вывезите менѣ казаки,
— К силну царству московскому государству роспскому,
— Приведите казаки менѣ в веру крещеную. —
Не тронули казаки душу красну девицȣ,
И посадили во свой струги лехкия.
Аи будутъ казаки на протоке на Ахтубе,
И стали казаки на крутомъ красномъ берешку,
Маиданы раставливали, маиданы те терския,
Ковры сорочинския, а беседы раставливали,
А беседы дубовыя, подернуты бархотомъ,

А столы дорогъ рыбей зубъ;
Ан кушали казаки тутъ оне кушанье разное,
И пили питья медяныя, питья все заморския.
И будутъ казаки на великихъ на радостяхъ,
Со добычи казачия, —
Караулы ставили, караулы крепкия, ѿхожия,
Сверху матки Волги реки,
И снизу таковыя жъ стоятъ, —
Запилися молодцы а все оне до единова.
А втапоры и во то время на другой стороне
Становился стоять персицкой посолъ,
Коромышевъ Семенъ Костянтиновичь,
Со своими солдаты и матрозами.
Казаки были пьяныя, а салдаты не со всемъ умомъ,
Напущалися на нихъ дратися ради корысти своея.
Ведалъ ли не ведалъ о томъ персицкой посолъ,
Какъ у нихъ драка сочинилася, —
В той было драке персицкова посла
Салдатъ пятьдесят человекъ,
Техъ казаки прибили до смерти,
Толко едва осталися три чл҃вка,
Которыя могли убежать на карабль,
К своему послу сказывати.
Не разобралъ тово дела персицкой посолъ,
О чемъ у нихъ драка сочинилася,
Послалъ онъ сто чл҃вкъ,
Всю ту правду розспрашивати.
И темъ салдатамъ показалися,
Что те люди стоятъ недобрыя:
Зачали с казаками дратися.
Втапоры говорилъ имъ болшой атаманъ,
Ермакъ Тимоѳѣевичь:
«Гой вы еси салдаты хорошия, слуги царя верныя!
«Почто с нами деретеся, корыст ли ѿ насъ получите?

Тутъ салдаты безумныя на ево слова не здавалися,
И зачали дратися боемта смертныемъ,
Что дракою некорысною.
Втапоры доложился о томъ большои есаулъ,
Стафеї Лаврентьевичь:
«Гой вы еси, атаманы казачи!
«Что на^{м} съ ними делати?
«Салдаты упрямыя лезутъ къ намъ,
«З дракою въ глаза?»
И на то ево слова большои атаманъ,
Ермакъ Тимофѣевичь
Приказалъ ихъ до смерти бити
И бросати в матку Волгу реку.
Зачали казаки съ ними дратися,
И прибили ихъ всехъ до смерти,
Толко из нихъ единъ ушолъ капра^{л} астровскои,
И прибежавши на свои карабль *к* послу персицкому,
Семену Костянтиновичу Коромышеву,
Сталъ обо всемъ ему росказавати,
Кака у нихъ с казаками драка была.
И тотъ персицкои посолъ не размышлилъ ничего,
Подымался онъ со всею гвардию своею
На техъ донскихъ казаковъ;
Втапоры жъ подымалися атаманы казачия,
Ермакъ Тимофѣевичь, Самбуръ Андреевичь,
И Анофреи Степановичь:
И стала у нихъ драка великая и побоища смертное.
А отаманы казачия сами оне не дралися,
Толко своимъ казакамъ цыкнули:
И прибили всехъ салдатъ до смерти,
Ушло ли не ушло з десятокъ чл҃вкъ,
И в тои же драке убили самово посла персицкова,
Семена Костянтиновича Коромышева.
Втапоры казаки все животы посла персицкова

Взяли себѣ платье цветное,
Клали въ гору Змеевую.
Пошли оне, казаки по протоке по Ахтубе,
Вверхъ по матушке Волге реке;
Аи будутъ казаки у царства астраханскова,
Называетца тутъ Ермакъ со дружиною
Купцами заморски^{мі};
А явили в таможне товары разныя,
И с техъ товаровъ платили пошлину
В казну государеву,
И теми своими товарами
Торговали бе^{з} запрещения.
Темъ старина и кончилась.

Перепечатана нами съ раздѣленіемъ на стихи изъ сборника Кирши Данилова, изданіе Имп. Публ. Библіотеки, подъ редакціей П. Н. Шеффера (1901), стр. 44—47.

Изъ Западной Сибири.

159.

Во славномъ понизовомъ городе Астрахане,
Противъ пристани матки Волги реки,
Сходилися ту^{т} удалы добры молодцы,
Донския славны атаманы казачия,
Ермакъ Тимофѣевичь, Самбуръ Андреевичь,
И Анофреи Степановичь
Ї стали оне во единои кругъ,
Какъ думати думушкȣ за единое,
Со крепка ума с полна разȣма.
Атаманъ говорилъ донскимъ казакамъ,
По имени Ермакъ Тимофѣевичь:
«Аи вы гои еси, братцы, атаманы казачия!
«Некорыстна у насъ шутка зашȣчена:

«Гуляли мы по морю синемȣ
«Ї стояли на протоке на Ахтȣбе,
«Убили мы посла персицкова
«Со всеми ево салдатами и матрозами,
«Ї всемъ животомъ его покорыстовались;
«И какъ намъ на то будетъ ѿветствовать?
«В Астрахане — жить нелзя,
«На Волге жить — ворами слыть,
«На Яикъ итъти — перехотъ великъ,
«В Казань итти — грозенъ царь стоитъ,
«Грозенъ царь асударь Иванъ Васильевичь;
«В Москву итти — перехватанымъ быть,
«По разнымъ городам разосланымъ
«И по темнымъ тюрмамъ разсаженым.
«Поидемтя мы в Усолья ко Строгоновымъ,
«Ко томȣ Григорью Григорьевичу,
«К темъ господамъ к Вороновым:
«Возмемъ мы много свинцȣ-пороху и запасу хлебнова».
«И будȣтъ оне в Усолье у Строгонова,
Взяли запасы хлѣбныя, много свинцȣ-пороху,
И пошли вверхъ по Чюсовои рекѣ,
Где бы Ермаку зима зимовать.
Ї нашли оне печерȣ каменнȣ,
На тои Чюсовои рекѣ, на висячемъ болшомъ каменю;
И зашли оне сверхъ того каменю,
Опущалися в ту пещерȣ казаки,
Много не мало двесте чл҃вкъ;
А которые остались люди похужея на другои стороне,
В такую жъ оне печерȣ убиралися.
И тутъ имъ было хорошо зима зимовать.
Та зима проходит, весна настаетъ:
Где Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебренной реке;
Сталъ Ермакъ убиратися со своими товарыщами.

По Серебренной пошли, до Жаравля дошли,
Оставили оне туⷮ лотки коломенки:
На той Баранченской переволоке,
Одну тащили, да надселися тамъ еѣ и покинули.
И в то время увидели Баранчу реку, — обрадовались,
Поделали баты сосновыя и лотки набойницы,
Поплыли по той Баранче реке.
И скоро оне выплыли на Тагиль реку,
У тово Медведя камня, у Магницкова горы становилися;
А на дрȣгой стороне была у них плодбища:
Делали большия коломенки,
Чтобы можно имъ со всемъ убратися.
Жили оне тутъ казаки с весны до Троицова дни:
И были у ниⷯ промыслы рыбныя,
Темъ оне и кормилися.
И какъ имъ пȣть надлежалъ,
Со всемъ в коломенки убиралися,
И поплыли по Тагиль рекѣ;
Ан выплыли на Турȣ рекȣ,
И поплыли по той Тȣре реке въ Епанчȣ реку:
И тутъ оне жили до Петрова дни.
Еще оне тутъ управлялися,
Поделали людей соломенныхъ,
И нашли на нихъ платье цветное:
Было у Ермака дрȣжины три ста ч͠лвѣкъ,
А стало уже со теми болше тысячи.
Поплыли по Тоболь-рекȣ,
В Мяденски юрты приплыли:
Тутъ оне княска полонили неболшева,
Дабы показалъ имъ пуⷮ по Тоболь рекѣ.
Во техъ усьяхъ тоболскиехъ,
На взголове становилися,
И собиралися во единой крȣгъ,
И думали думȣшку крепкȣ заедино:

Какъ бы имъ приплыть к горе Тоболской той?
Самъ онъ, Ермакъ, пошолъ усьемъ верхнiемъ,
Самбуръ Андрѣвичь усьемъ среднiемъ,
Анофрей Степановичь усьемъ нижнiемъ,
Которая усья впала противъ самой горы Тоболския.
И выплыли два атамана казачия,
Самбуръ Андревичь і Анофрей Степановичь,
Со своими товарыщами на Иртышъ-реку,
Подъ самȣ высоку горȣ Тоболскȣю.
И тутъ у нихъ стала баталия великая
Со теми татары котовскими:
Татара в них бъотъ со крȣтой горы,
Стрелы летятъ какъ часты дожди,
А казакамъ взять не можно ихъ.
И была баталия целой день,
Прибили казаки техъ татаръ не мало число.
И томȣ татары дивовалися, —
Каковы руски люди крепкия,
Что ни едино убить не могутъ ихъ:
Каленыхъ стрелъ в нихъ какъ в снопики налеплено,
Только казаки все неврсдимы стоятъ;
И тому татара дивуютца иоипаче того.
В то же время пришолъ атаманъ Ермакъ Тимофѣевичь,
Со своею дружиною тою лукою Соȣксанскȣю;
Дошелъ до усья Сибирки реки,
И въ то время полонилъ Кучȣма царя татаръскова;
А первова княска поиманова,
Ӧпустилъ со известиемъ
Ко темъ татарамъ котовскиемъ,
Чтобы оне в драке с казаками помирилися:
«Уж де царя вашего во полонъ взяли
«Темъ атаманомъ Ермакомъ Тимофѣевымъ».
И таковы слова услыша, татара сокротилися,
И пошли к нему, Ермаку, с подарачками,

Понесли казну соболиную и бурыхъ лисицъ сибирскиехъ:
И принималъ Ермакъ у нихъ не о^т^сылаючи;
А на место Кучюма царя утвердилъ Сабанака татарина,
И далъ ему полномочие владеть ими.
И жилъ тамъ Ермакъ с Покрова
До зимнява Николина дня:
Втапоры Ермакъ шилъ шубы соболиныя,
Нахтармами вместе сшивалъ,
А теплыя мехи наверхъ обоихъ сторонъ;
Таковышъ маиеромъ и шапки шилъ.
И убравши Ермакъ со всемя казаки,
О^т^езжалъ в каменну Москву,
Ко грозному царю Ивану Васильевичу.
И какъ будетъ Ермакъ в каменной Москве,
На канунъ праздника Христова дня,
Втапоры подкупилъ в Москве
Болшова боярина Никиту Романовича,
Чтобы доложилъ об немъ царю грозному.
На самой праздникъ Христовъ день,
Какъ изволилъ царь г҃дрь и҃ти о҃ заутрени,
Втапоры доложилъ об нихъ Никита Романовичь:
««Что де атаманы казачия,
««Ермакъ Тимоѳѣевъ с товарыщи,
««Къ твоему царскому величеству с повинностью пришли,
««И стоятъ на Красной площади»».
И тогда царь государь
Тотчасъ велелъ пред себя привести
Тово атамана Ермака Тимоѳѣева,
Со темя ево товарыщи.
Тотчасъ ихъ ко царю представили
В техъ шубахъ соболиныехъ;
И тому царь удивляетца,
И не сталъ болше спрашивати,
Велелъ ихъ разослать по ѳатерамъ,

До тово часу, когда спросятца.
Втапоры царю праздникъ радошенъ былъ,
И было пирование почестное,
На великихъ на радостяхъ,
Что полонилъ Ермакъ Кучума царя татарскова
И вся сила покорилася тому царю грозному,
Царю Ивану Васильевичу.
И по прошествіи того праздника,
Приказалъ царь государь
Тово Ермака пред себя привести.
Тотчасъ ихъ сабрали
И ко царю представили.
Вопрошаетъ тутъ ихъ царь г҃дрь:
«Гои ты еси, Ермакъ Тимофѣевъ сынъ!
«Гдѣ ты бывалъ, сколко по воли гулялъ
«И напрасныхъ душъ губилъ,
«И какимъ случаемъ татарскова
«Кучума царя полонилъ,
«И всю ево татарскую силу
Подъ мою власть покорилъ?
Втапоры Ермакъ пред грозным царемъ на колени палъ,
И писменное известие обо всемъ своемъ похождени подавалъ,
И притомъ говорилъ таковыя слова:
— Гои еси, волнои царь, царь Иванъ Васильевичь!
Припошу тебе, асударь, повинность свою:
— Гуляли мы, казаки, по морю синему,
— И стояли на протоке на Ахтубе;
— И в то время годилося мимо йти послу персицкому,
— Коромышеву Семену Костянтиновичу,
— Со своими салдаты и матрозами;
— И оне напали на насъ своею волею,
— И хотели от насъ поживитися;
— Казаки наши были пьяныя, а салдаты упрямыя,
— И тутъ персицкова посла устукали

— Со теми ево салдаты и матрозами. —
И на то царь г҃дрь не прогневался,
Ноипаче умилосердился,
Приказалъ Ермака пожаловати.
И посылалъ ево в ту сторону сибирскую,
Ко темъ татарамъ котовскиемъ,
Брать с нихъ дани-выходы в казну государеву.
И по тому приказу государеву,
Поехалъ Ермакъ Тимоѳѣевичь
Со своими казаками в ту сторону сибирскую.
И будетъ онъ у техъ татаръ котовскиехъ,
Сталъ онъ ихъ наиболше
Под власть государеву покоряти,
Дани-выходы без апущения выбирати.
И годъ другой тому времени поизойдучи,
Те татара збузтовалися,
На Ермака Тимоѳѣева напущалися,
На той большой Енисѣе реке.
Втапоры у Ермака были казаки разосланы
По разнымъ далнымъ странамъ,
А при немъ толко было казаковъ —
На дву коломенкахъ,
И билися-дралися с татарами время не малое.
И для помощи своихъ товарыщевъ,
Онъ Ермакъ похотелъ перескочити
На другую свою коломенку,
И ступилъ на переходню обманчивую,
Правою ногою посколзнулся онъ,
И та переходня с конца верхнева
Подымалася и на ево опущалася,
Розшибла ему буину голову
И бросила ево в тое Енисею-быстру реку:
Тутъ Ермаку такова смерть случилась.

Перепечатана нами съ раздѣленіемъ на стихи изъ сборника Кирши Данилова, изд. Имп. Публ. Библіотеки подъ ред. П. Н. Шеффера (1901), стр. 47—51.

Томской губерніи.

160.

Что понижс было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
На крутомъ на красномъ бережечкѣ,
Собирались тутъ казаки, люди вольные,
Становилися казаки во единый кругъ,
Они думали бы думушку заединую:
«Что кому изъ насъ, братцы, атаманомъ быть,
— Атаманомъ быть, есауломъ слыть?
Атаманомъ будетъ Ермакъ сынъ Тимофеевичъ,
Сауличкомъ Никита, сынъ Романовичъ. —
Поднимали они сходеньки дубовыя,
Распускали они паруса полотнянны,
И поплыли вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ.

Записана въ 60-хъ годахъ С. Гуляевымъ на Локтевскомъ заводѣ; напечатана въ статьѣ В. Ѳ. Миллера: «Историческія пѣсни изъ Сибири», Изв. Отд. русск. яз. и словесности Имп. Академіи Наукъ, т. IX (1904 г.), кн. 1, стр. 1—25.

Енисейской губерніи.

161.

Какъ далече, далече[1]),
На синіимъ моричке —
Не ясны соколы солеталися
Собиралися, соѣзжалися
Добрые молодцы.
Они думали — гадали
Думу крѣпкую:

---

1) Далече — въ смыслѣ — давно.

«Што кому изъ насъ, ребятушки,
Атаманомъ быть,
Атаманомъ быть,
Эсауломъ слыть»?
Атаманомъ быть —
Ермакъ сынъ — Тимофеичу,
Эсауломъ слыть
Ванюхи, знать, Колечушку.
Какъ возговоритъ тутъ
Добрымъ молодцамъ
Ермакъ, сынъ Тимофевичъ:
«Еще полно намъ, ребята,
На мори стоять,
На мори стоять, ребята,
Здѣсь разбой держать!
Не пора-ли намъ, ребята,
Отправлятися —
Во тоё же ли
Во матушку —
За добычушкой —
За добычушкой —
Во Рассіюшку.

Записана А. Александровымъ со словъ крестьянина с. Рыбнаго — на Ангарѣ — Дмитрія Козырева въ 1893 году. Напечатана въ «Живой Старинѣ» 1897 г., Вып. 1, стр. 103.

Области Войска Донского.

162.

«Пойдемте мы, братцы, на Куму рѣку:
«На Кумѣ рѣкѣ зимовать будемъ,
«Мы подѣлаемъ балаганы камышевые,
«Разъѣзды имѣть будемъ дальніе,

«Да того-то мѣстечка до урочнаго,
«До того-то кургана высокаго,
«Мы будемъ бить, братцы, куницъ-лисицъ,
«Куницъ-то, лисицъ и черныхъ соболей».
Погодя немножко на единый часъ,
Не буря шумитъ и не громъ гремитъ,
Отъ царя къ Ермаку (курьеръ) бѣжитъ,
Прибѣгаетъ къ Ермаку Тимоѳеевичу,
Подаетъ онъ указы государевы.
Принималъ Ермакъ указы, самъ вычитывалъ,
Прочитавши указы, рѣчь возговорилъ:
«Я тебя, посланничка, не слушаю,
«А я самъ къ царю на отвѣтъ пойду».
Надѣваетъ Ермакъ свою кунью шубу,
Подпоясываетъ сабельку булатную,
А шапочку вздѣваетъ, молодецъ, трухмёночку
Идетъ Ермакъ вдоль по улицѣ,
У куньей шубы полы развѣваются,
Князья-то бояры удивляются,
Что хорошъ-пригожъ молодецъ уродился.
Тутъ сталъ государь его распрашивать:
— Не ты ли Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
— Не ты ли воровской Донской атаманушка?
— Не ты ли гулялъ тамъ по синю морю,
— Не ты ли разбивалъ мои корабли? —
Тутъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
«То-то я-то Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
«То-то я-то казачій атаманушка,
«То-то я-то гулялъ по синю морю,
«То-то я-то разбивалъ корабли:
«Но корабли были не орлёные,
«Не орлёные были, не таврёные,
«Не платили государю дани-пошлины
«За всѣ за годочки, за всѣ прошлыя».

— И за эту бѣду тебя Богъ проститъ:
— Заслужи ты, Ермакъ, мнѣ службу вѣрную,
— Возьми ты, Ермакъ, мнѣ Казань городъ! —

Точное мѣсто и время записи неизвѣстно. Перепечатана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», Вып. VII, прилож., стр. 48—49, изъ «Сборника Донскихъ казачьихъ пѣсенъ» Е. Савельева. 1866 г.

Область Войска Донского.

163.

(Поется четырьмя голосами).

Ой какъ проходитъ, ребята, лѣта теплая,
Настаетъ-то зима, зима холодная.
Да и гдѣ же мы, братцы, зимовать будемъ?
На Яикъ итить городъ — переходъ великъ,
А па Волгу итить намъ — тамъ ворами слыть.
Подъ Казань итить городъ — тамъ самъ царь стоитъ,
Какъ и Грознай та царь Иванъ Васильевичъ:
Какъ и мнѣ, Ермаку то, быть повѣшану,
А и вамъ, казакамъ то, переловленнымъ,
Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсажанымъ.
Мы пойдемтя, ребята, да поклонимся,
Да подъ власть то царю мы покоримся!»
Собираются, братцы, къ самому царю.
Убираетца Ермакъ то, одѣваетца:
Онъ и шубочку беретъ да на опашачку,
Да сахвяны сапожки всё на босу ногу,
Куныо шапочку беретъ Ермакъ подъ мышачку;
Да идетъ то Ермакъ къ самому царю,
Къ самому-то царю, царю Грозному.
Онъ идетъ-то Ермакъ — самъ не трохнетца,
Ево черная кудри не ворохнутца.

Да и падалъ Ермакъ да на колѣночки.
Да не мѣдная трубочка вострýбила,
Да не Грознай бы царь рѣчи возговорилъ:
— «Ну, не ты ли, Ермакъ, былъ Тимоѳеевъ сынъ,
Ну, не ты ли донской, воровской атаманушка?
Ну, не ты ли гулялъ по чисту полю,
Да по чисту полю, по синю морю?
Да не ты ли разбивалъ всё бусы̀ - корабли,
Все бусы - корабли, корабли турецкіе?»
— Разбивалъ, государь, я бусы - корабли
Все бусы̀ - корабли тѣ не орлёнаи,
Не орлёны корабли, да не клеймёнаи!
Отслужу я тебѣ службу, службу важнаю:
Ты позволь, государь, мнѣ Казань городъ взять!
А возьму я Казань городъ ровно въ три часа,
Да и чѣмъ ты мене, царь, будешь жаловать?
Вотъ и взялъ Ермакъ сумку, сумку старческаю,
Надѣлъ платьица, братцы, платья ветхая,
Ну пошелъ въ Казань городъ да за милостыней,
Побирался онъ, братцы, христорадничалъ.
Запримѣтилъ Ермакъ тамъ пороховуя казну,
Да и съ тѣмъ-то вернулсы кы товаришшамъ;
Ускричалъ, узгичалъ онъ громкимъ голосомъ:
— «Ой вы, братцы, вы, братцы, атаманы молодцы!
Вы копайтя ровъ, братцы, подъ казну порохову́.
Вотъ и вырыли ровъ донскіе ко́заки.
Какъ поставилъ свѣчу Ермакъ воску ярава,
Во боченокъ поставилъ полнай съ порохомъ,
А другуя то поставилъ, гдѣ съ царемъ самъ сидѣлъ;
Да сказалъ то Ермакъ царю Грозному:
— «Какъ свѣча догоритъ — я Казань городъ возьму!»
Догорѣла свѣча тамъ воску ярава,
Поднялась вы Казани туча черная.
Какъ и крикнулъ Ермакъ казакамъ донскимъ,

Все донскимъ, гребенскимъ, да яиковскимъ:
— «Ой, вы, братцы, вы, братцы, атаманы молодцы!
Вы бѣгите въ Казань городъ да скорёхуньки,
Вы гонитя басурмановъ всѣхъ изъ города,
Не берите во полонъ вы ни одной души, —
Какъ и плѣнъ казакамъ донскимъ не надобенъ.
Вотъ и взялъ атаманъ Ермакъ Казань городъ.
Да за то то царь жаловалъ ево княземъ,
Подарилъ Ермаку онъ славнай, тихай Донъ.
До со всѣми рѣками, сы проточинами.
Какъ возго̀ворилъ Ермакъ да казакамъ донскимъ:
— «Мы пойдемте на тихай Донъ спока́емся!
Нежанатаи, братцы, переженимся!»

Записана на хуторѣ Кременскомъ, Быстрянской станицы области Войска Донского. Напечатана въ сборникѣ «Пѣсни Донскихъ казаковъ, собранныя въ 1902—1903 гг. А. М. Листопадовымъ и С. Я. Арефинымъ». Вып. I. Обработанъ для печати А. М. Листопадовымъ. Изд. Войска Донского. М. 1911 г., подъ № 21, стр. 41—42.

Область Войска Донского.

164.

(Поется на три голоса).

1 Ой на степѣ, степѣ да, на дикой то степѣ да на Сараговской
Тамъ стоялъ то, стоялъ да, на дикой то степѣ тонкай бѣлай шатеръ.
2 Ой какъ никто къ нему да, кы бѣлому шатру не пріѣжживалъ,
Да ни коннава, да ни пѣшава слѣду не было.
3 Ой, какъ пріѣхали да кы бѣлому то шатру, да князья крымскаи,
Князья крымскаи да кы бѣлому по шатру они межгородскаи.
4 Ой, какъ ишто бывалъ да кы бѣлому то шатру Ицланберъ то мурза.
Онъ пріѣхалъ къ шатру Ицланберъ то мурза на добро̀мъ то конѣ.

5 Ой, на добро̀мъ конѣ да Ицланберъ то мурза своемъ сивогривенькомъ;
Онъ пріѣхалъ мурза да кы бѣлому то шатру — сталъ съ коня слѣзать.
6 Ой, онъ слезаетъ съ коня да, Ицланберъ то мурза сталъ привязывать.
Онъ привязывалъ Ицланберъ то мурза, никому не сказавалъ.
7 Ой, какъ и входитъ онъ да, Ицланберъ то мурза, вы бѣлой то шатеръ.
Онъ и черную да, Ицланберъ то мурза шляпу скидавалъ,
8 А онъ со всѣми князьями, сы боярами самъ поздраствалсы, —
Какъ съ однимъ то бы съ казакомъ Ермакомъ не здоро̀вкалсы
9 Ай, какъ и тутъ-то казакъ, что Ермакъ господинъ онъ разсѐрдилсы.
Онъ разсѐрдилсы да, что казакъ то Ермакъ крѣпко разгнѣвалсы,
10 А онъ встаётъ, встаётъ, нашъ казакъ то Ермакъ сы постелюшки:
— «Охъ и штой-то пришла да за чучела она за диковина?
11 А что и входитъ въ шатёръ да со всѣми людьми все здоровкаетца,
Какъ съ однимъ то со мной, съ казакомъ Ермакомъ, онъ не здравствуетца?
12 Ай, вотъ и взялъ Ермакъ то Ицланбера мурзу за головушку,
Да срубилъ то ему нашъ казакъ то Ермакъ буйную голову.

Записана въ ст. Малодѣльской, Донской области, въ 1902—3 гг. Напечатана въ І-мъ выпускѣ сборника «Пѣсни Донскихъ казаковъ, собранныя въ 1902—1903 гг. А. М. Листопадовымъ и С. Я. Арефинымъ». М. 1911, подъ № 17, стр. 35—36.

Область Войска Донского.

165.

Ай, да на славной было, братцы, да на рѣ... да на рѣчушкѣ,
Ай, да на славной было, братцы, на Камы... на Камы́шинкѣ,
Ай, собиралися тамъ, братцы, люди во... люди вольная, —
Ай, всё донскіе, гребенскіе, казаки яи́... все яи́цкіе.
Ай, собирались они братцы, во еди... во единай кругъ
Ай, во кругу то стоятъ, они думу ду... думу думаютъ:
— Ахъ, ну кому то изъ насъ, братцы, й-атама... й-атаманомъ быть?
— Ай, старику Ермаку, сыну Тимофе... Тимофевичу!
Ахъ ну, старикъ то Ермакъ, братцы, не глупой, не глупой казакъ!
Ахъ ну, ёнъ рѣчь говоритъ, ровно во трубу, во трубу трубитъ!
Ахъ, не золо́тенькая трубочка востру́... ну востру́била,
Ай, какъ Ермакъ то старикъ, братцы, рѣчь возго́... рѣчь возго́ворилъ:
— «Ахъ ну, проходитъ у насъ, братцы, лѣта тё... лѣта тёплая,
Ахъ, наступаетъ[1]) у насъ зимушка холо... ну, холодная, —
Ахъ ну, идѣ жа, братцы, зиму зимовать, зимовать будемъ?
Ахъ, на Яикъ то итить, братцы, переходъ, переходъ великъ,
Ай, на тихо́й Донъ итить, братцы, намъ вора... намъ ворами слыть,
Ай, какъ ворами то слыть, — намъ быть перело... переловленымъ,
Ай, да по крѣпкимъ тюрьма́мъ[2]) намъ быть поразсо́... поразсо́жанымъ.
Ахъ ну, пойдемтя-ка мы, братцы, на Куму́, на Куму́ рѣку!
Ахъ, на Кумѣ́ то рѣкѣ тамъ и зѐмли во... земли во́льная!

---

1) Вар. — «Ахъ заступаетъ».
2) Вар. — Ахъ по тюрьма́мъ либо городамъ.

Ай, на Кумѣ́ то рѣкѣ растутъ лѣса тё... лѣса тёмнаи!
Ахъ, мы пороемтя тамъ, братцы, себѣ я... себѣ я́мушки,
Ай, мы подѣлаемъ тамъ сабѣ балага... балаганушки,
Ай ну, устроимъ себѣ, братцы, мы каза... мы каза̀рмушки.
Ахъ, вотъ и тамъ то, братцы, зиму зимовать, зимовать будемъ!
Ай ну, поѣдемтя мы, братцы, на й-охо... на й-охотушку,
Ахъ, да на Ку́мскаи, братцы, на верши... на вершину́шки: —
Ахъ, какъ и будемтя мы, братцы, бить куницъ, бить куницъ, лисицъ,
Ахъ, мы куницъ-то, лисицъ ещё чёрныхъ со̀... чёрныхъ со̀болей;
Ахъ, да мы ку́ничіи пошьёмъ сабѣ ша... куньи шапочки,
Ахъ ну, лиси́чіи мы, братцы, сабѣ шу... ли́сьи шубочки,
Ахъ, соболёвенькаи всё сабѣ сапо... всё сапо̀жачки!»

Записана въ ст. Малодѣльской. Напечатана въ «Пѣсняхъ Донскихъ казаковъ, собранныхъ въ 1902—1903 гг. А. М. Листопадовымъ и С. Я. Арефинымъ». Вып. I, стр. 36—37, № 18.

Область Войска Донского.

166.

На усть было матушки Волги рѣки
Собирались казаки охотники
Донскіе казаки сы яицкими;
Атаманушка былъ у казаковъ
Ермакъ сынъ Тимофеевичъ,
Есаулушка былъ у казаковъ
Съ тихаго Дона донской казакъ
Тотъ Гаврюшка сынъ Лаврентьевичъ [1]);
Ермакъ возговоритъ, какъ въ трубу вострубитъ:

---

1) Варіантъ: «Асташка сынъ Лаврентьевичъ». Въ большинствѣ пѣсенъ этотъ знаменитый сподвижникъ Ермака названъ Асташкою.

-- «Вы други мои, донскіе казаки,
«Донскіе, гребенскіе сы яицкими!
«Вы слушайте, други, послушайте,
«Вы думайте, други, подумайте:
«Проходитъ, други, лѣто теплое,
«Настаетъ зима холодная —
«И гдѣ-то мы, други, зимовать будемъ?
«На тихій Донъ итить — переходъ великъ,
«А на Яикъ пойтить — такъ ворами слыть,
«А подъ Казань грести — государь стоитъ,
«У государя силы много множество,
«Немного, немало — сорокъ тысячей,
«Тамъ намъ, казакамъ, быть половленнымъ,
«По темнымъ темницамъ поразсоженнымъ,
«А мнѣ, Ермаку, быть повѣшенымъ
«Надъ самой матушкой надъ Волгой рѣкой!»
Тутъ не черныя черни зачернѣлися,
Не бѣлые снѣжочки забѣлѣлися,
Зачернѣлись лодки коломенки,
Забѣлѣлись парусы бязинные,
Тутъ казаки поиспужалися,
По темнымъ лѣсамъ разбѣжалися,
Одинъ оставался атаманушка —
Тотъ Ермакъ сынъ Тимофеевичъ;
Онъ рѣчь говоритъ, какъ въ трубу трубитъ:
«Ой вы други мои, донскіе казаки!
«Донскіе, гребенскіе сы яицкими!
«А что-жь вы, други, попужалися?
«По темнымъ лѣсамъ разбѣжалися?
«Это ѣдетъ (поѣдетъ) къ намъ посланникъ царевъ.
«Садитесь вы въ лодки коломенки,
«Забивайте кочеты кленовые,
«Накладывайте весельца еловыя,
«Гряньте, погряньте вверхъ по Волгѣ рѣкѣ,

«По матушкѣ Волгѣ подъ Казань городъ,
«Я самъ къ царю на отвѣтъ пойду,
«Я самъ государю отвѣчать буду!»
Приставали къ крутому, красному бережку,
Выкидали потопчины[1]) дубовые,
Выходили на крутъ красный бережокъ,
Тутъ-то Ермакъ убирается,
Тутъ-то Тимофеевичъ снаряжается,
Вздѣваетъ сапожки сафьяновые на босу ножку,
Кармазинную черкесочку на опашечку,
Соболиную шапочку на правой бочекъ;
Идетъ Ермакъ къ самому царю,
Къ тому шатру полотняному,
Идетъ Ермакъ отряхается,
А государь глядитъ въ окно улыбается.
Пришолъ Ермакъ къ самому царю,
Сталъ государь его спрашивать:
— «Хорошъ, пригожъ молодецъ народился,
«Въ три ряды черны кудри завивалися,
«На каждой кудринкѣ по жемчужинкѣ.
«Не ты ли Ермакъ Тимофеевичъ?
«Не ты ли воровской атаманушка?
«Не ты ли ходилъ, гулялъ по синю морю?
«Не ты ли разбивалъ бусы-корабли?
«Тизичьи[2]), мужичьи, мои государевы?»
Ермакъ говоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
«Батюшка, надежда, свѣтъ великій государь!
«Не вели казнить, вели рѣчь говорить:
«Мы не воры были, не разбойники,
«А мы были — морскіе охотники,
«Ходили, гуляли по синю морю
«Немного, немало, ровно тридцать лѣтъ,

1) Потопчины — мостки.
2) Тизики или тезики — одно изъ татарскихъ племенъ (?).

«Разбивали мы бусы-корабли,
«Тизичьи, мужичьи, государевы,
«Которые были не орленые,
«Признавали мы ихъ за фальшивые:
«Коли-бъ они были государевы,
«На нихъ бы были орлы двухглавые,
«А то они — не гербованные!»
Государь возговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
«Хорошо Ермакъ на суду стоялъ,
«Хорошо передъ государемъ отвѣтъ держалъ,
«Но ой! ты удалый добрый молодецъ,
«Ермакъ сынъ Тимофеевичъ!
«Достань ты мнѣ славный Казань городъ,
«Возьми у меня силы сколько надобно!»
Ермакъ возговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
«Батюшка, надежда, свѣтъ великій государь!
«Не надо мнѣ твоей силы многа множества,
«Прикажи итти съ донскими казаками охотниками,
«А ты подойди со своею арміею
«Подъ славный подъ Казань городъ,
«А я на бѣлой зарѣ двери растворю
«И армію въ городъ пущу!»
— «Ой мой удалый добрый молодецъ,
«Ермакъ сынъ Тимофеевичъ!
«Какъ знать войтить въ Казань городъ?»
Ермакъ возговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
«Батюшка, надежда, свѣтъ великій государь!
«Если рыть подкопы глубокіе подъ Казань городъ,
«Закатить боченки зелья лютаго,
«Поставлю тебѣ двѣ свѣчи воску яраго
«И поставлю часоваго своего надежнаго,
«Донскаго казака, есаулушку любимаго —
«Ты узнаешь, какъ въ Казань городъ войтить,
«Какъ догорятъ двѣ свѣчи воску яраго!»

Скликаетъ Ермакъ Тимофеевичъ донскихъ казаковъ:
«Ой вы, донскіе казаки, охотники,
«Вы донскіе, гребенскіе сы яицкими!
«Садитесь вы въ лодочки коломенки,
«Гряньте, погряньте вверхъ по Волгѣ рѣкѣ
«Въ тотъ славный Казань городъ,
«Къ тому повелителю казанскому!»
Пріѣзжаетъ Ермакъ въ Казань городъ,
Встрѣчаютъ его жители казанскіе,
Берутъ Ермака подъ бѣлы руки,
Ведутъ къ повелителю казанскому
Во тѣ палаты бѣлокаменныя;
Видитъ повелитель, радуется,
Ермаку Тимофеевичу низко кланяется,
Беретъ Ермака за праву руку,
Ведетъ въ палаты бѣлокаменныя,
Сажаетъ за столы дубовые,
За скатерти шелковыя,
Ставитъ яство сахарное,
Пойло ставитъ разнопьяное.
Тутъ Ермака повелитель началъ просить:
«Ой ты, Ермакъ сынъ Тимофеевичъ!
«Помоги отстоять Казань городъ!
Ермакъ возговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
«Могу отстоять, когда послушаешь—
«Я займу мѣста притинныя,
«Поставлю свои караулы крѣпкіе
«Надъ пушками долгомѣрными
«И буду стрѣлять отъ царя бѣлаго!
«Ой вы, мои донскіе казаки,
«Занимайте мѣста притинныя,
«Становите свои караулы крѣпкіе
«Надъ тѣми воротами уѣздными,
«Переворачивайте пушечки долгомѣрныя

«Во славной во Казань городъ,
«Отбивайте со вратахъ засовы желѣзные,
«Поставьте знамечко царя бѣлаго!»
На бѣлой зарѣ на утренней
Воску яраго свѣчи догораютъ,
Глубокіе подкопы разрываются,
Стѣны каменныя разваливаютъ;
Царя бѣлаго армеюшка во врата убирается,
Нашъ бѣлый царь радуется,
Входитъ въ славный во Казань городъ,
Впередъ — Ермака государь здравствуетъ:
«Поздравляю тебя, Ермакъ Тимофеевичъ, съ радостью!»
«А тебя, государь, поздравляю съ побѣдою!»
Беретъ государь Ермака за праву руку,
Ведетъ по славному городу Казанскому,
Выходитъ государь во чисто поле,
Разставляетъ шатры полотняные,
Призываетъ Ермака Тимофеевича;
Государь зговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
«Ой ты удалой мой, добрый молодецъ,
«Ермакъ сынъ Тимофеевичъ!
«Чѣмъ ты хочешь, тѣмъ буду жаловать:
«Селами или подселками,
«Или великими городами, помѣстьями?»
Ермакъ возговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
«Батюшка, надежда, свѣтъ великій государь!
«Не жалуй ты меня городами, подселками
«И большими помѣстьями —
«Пожалуй ты намъ батюшку тихій Донъ
«Со вершины до низу, со всѣми рѣками, потоками,
«Со всѣми лугами зелеными
«И съ тѣми лѣсами темными!».

Эта огромная пѣсня «писана со словъ казаковъ Багаевской станицы Федота Филиппова Цыганкова и Алексѣя Савельева Фарапонова». Помѣтка сдѣлана на

очень старинной рукописи, доставленной собирателю А. А. Леоновымъ. Напечатана А. П. Пивоваровымъ въ «Донскихъ казачьихъ пѣсняхъ», 1885 г., стр. 13—18.

Область Войска Донского.

167.

«Какъ проходитъ, братцы, лѣто теплое,
«Настаетъ, братцы, зима холодная
«И гдѣ-то мы, братцы, зимовать будемъ?
«На Яикъ намъ пойтить — переходъ великъ,
«А за Волгу пойтить — намъ ворами слыть,
«Намъ ворами слыть, быть половленнымъ,
«По разнымъ по тюрьмамъ поразсоженнымъ,
«А мнѣ, Ермаку, быть повѣшену.
«Какъ вы думайте, братцы, да подумайте,
«Меня, Ермака, вы послушайте!»
Ермакъ говоритъ, какъ въ трубу трубитъ:
«Пойдемте мы, братцы, подъ Казань городъ!
«Подъ тѣмъ ли подъ городомъ самъ царь стоитъ,
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
«Онъ стоитъ, братцы, ровно три года
«И не можетъ онъ, братцы, Казань городъ взять.
«Мы пойдемте, братцы, ему поклонимся
«И подъ власть его ему покоримся!»
Какъ пришолъ Ермакъ къ царю на колѣна сталъ,
Какъ возговоритъ царь Ермаку казаку:
«Не ты ли, Ермакъ, воровской атаманушка?
«Не ты ли разбивалъ бусы-корабли мои военные?»[1]).
— «Я разбивалъ, государь, бусы-корабли,
«Бусы-корабли не орленые, не клейменые!

---

1) Бусà—корабли—буса собственно тоже, что дубъ, т. е. небольшая лодка, долбленая изъ одного дерева, съ набивными изъ досокъ бортами (Полевой. Учебная русская хрестоматія).

«Отслужу я тебѣ, государь, службу важную:
«Ты позволь мнѣ, царь, Казань городъ взять,
«А возьму я Казань ровно въ три часа.
«Да и чѣмъ меня будешь жаловать?»
Какъ надѣлъ Ермакъ сумку старческую,
Платье ветхое, все истасканное
Не (?) пошолъ Ермакъ въ Казань за милостыню
Побираться, христарадничать,
Запримѣтилъ тамъ Ермакъ пороховую казну
И съ тѣмъ вернулся онъ къ товарищамъ.
«Ой вы, братцы мои, атаманы молодцы!
«Да копайте вы ровъ подъ пороховую казну!»
Скоро вырыли глубокій ровъ донскіе казаки.
Какъ поставилъ тамъ Ермакъ свѣчу воску яраго
Во боченокъ ли поставилъ полный съ порохомъ,
А другую онъ поставилъ, гдѣ съ царемъ сидѣлъ.
И сказалъ Ермакъ царю Грозному:
«Догоритъ свѣча — я Казань возьму!»
Догорѣла свѣча — въ Казани поднялося облако!
Какъ крикнетъ Ермакъ донскимъ казакамъ,
Донскимъ казакамъ, гребенскимъ и яиковскимъ:
«Ой вы, братцы мои, атаманы молодцы!
«Вы бѣгите въ городъ Казань скорехонько,
«Вы гоните изъ города вонъ всѣхъ басурманъ,
«Не берите вы въ полонъ ни одной души:
«Плѣнъ донскимъ казакамъ не надобенъ!»
Ермакъ тремя стами казаками городъ взялъ,
Городъ взялъ онъ Казань и царю отдалъ,
Избавилъ Ермакъ войско царское отъ урона,
За то царь пожаловалъ Ермака княземъ[1])

1) Въ Степенной книгѣ сказано: « . . . а къ Ермаку повелѣ Государь написати не атаманомъ, но княземъ Сибирскимъ». Также названъ Ермакъ и въ рукописной сибирской лѣтописи, находящейся въ библіотекѣ Тобольской семинаріи.

И наградилъ его медалью именною,
Да подарилъ Ермаку славный, тихій Донъ
Со всѣми его рѣчками и проточками.
Какъ возговоритъ Ермакъ донскимъ казакамъ:
«Пойдемте, братцы, на тихій Донъ, покаемся,
«Неженатые, братцы, всѣ поженимся!»
. . . .

Перепечатана изъ «Часоваго», издававшагося Ф. К. Траилинымъ, въ сборникѣ «Донскихъ казачьихъ пѣсенъ» А. Пивоварова, стр. 11—12.

Область Войска Донского.

168.

На степи было на Саратовской,
Пониже города Саратова,
Повыше города Камышина
Собирались казаки охотники
Донскіе, гребенскіе и яицкіе,
Во кругу стоятъ думу думаютъ,
А среди ихъ круга казачьяго
Тамъ Ермакъ стоитъ Тимофеевичъ,
Кунья шуба на немъ на распашечку,
Пола правая въ пятьсотъ рублей,
Пола лѣвая близу тысячи,
Всей-то шубѣ той цѣны нѣту.
Вотъ казакъ Ермакъ рѣчь возговоритъ:
«Ой вы, братцы, атаманы молодцы!
«Проходитъ лѣто, лѣто теплое,
«А зима-то наступаетъ холодная,
«Гдѣ-то мы, братцы, зимовать будемъ?
«Вы подумайте, братцы, подумайте,
«Да меня, Ермака, послушайте:

«На Яикъ намъ итить — переходъ великъ,
«На тихой Донъ итить — ворами слыть,
«Я хотѣлъ бы вверхъ по Волгѣ итить —
«Пойдемъ-ка, братцы, подъ Казань городъ:
«Подъ нимъ Грозный царь стоитъ
«У него-ли тамъ много силушки,
«Онъ семь лѣтъ стоитъ подъ Казанію,
«Онъ семь лѣтъ стоитъ, не возьметъ ее!»
Тутъ подумавши въ походъ пошли,
Не дойдя Казани становилися,
«Станьте, братцы, вы побудьте тутъ,
«Я, Ермакъ-казакъ, къ царю пойду,
«Я пойду къ нему, поклонюсь ему,
«Разскажу про наше житье-бытье
«И скажу ему, какъ городъ взять.
«А повѣситъ меня — знакъ вамъ дамъ,
«А приметъ меня — по васъ пошлю!»
Вотъ идетъ Ермакъ къ царю Грозному,
Принимаетъ его царь за товарища
И сажаетъ его возлѣ себя,
Посадивши сталъ распрашивать:
«Ты кто такой и отколь взялся?
Тутъ Ермакъ ему сталъ разсказывать:
«Не одинъ я пришолъ, а съ товарищи,
«Теперь, государь, позволь лишь мнѣ,
«Разскажу тебѣ, какъ городъ взять?
«Только сроку дай мнѣ день одинъ,
«А теперь, царь, успокойся ты,
«Какъ не сдѣлаю того — повѣсь меня!»
Царь послушался, отпустилъ его,
Вотъ онъ ждетъ день до вечера,
Не дождавшись сомнѣваться сталъ:
«Знать Ермакъ-казакъ обманулъ меня,
«Какъ онъ воромъ былъ и остался воръ!»

Не успѣлъ Грозный слово вымолвить,
Затряслась земля, всколебалася,
Стѣны градскія разрушаются,
Казаки въ Казань ворываются,
А орда изъ ней убирается;
Царь въѣзжаетъ во Казань городъ,
Онъ тамъ хвалится, прославляется.
Вотъ Ермакъ къ нему является:
— «Чѣмъ, Ермакъ, тебя пожаловать?»
— «Ты отдай, государь, намъ тихой Донъ
«Снизу до̀ верху, сверху до̀ низу,
«Съ его рѣками и вершинами!»

Сообщено генераломъ Ив. Ив. Красновымъ атаману Хомутову. Напечатана А. П. Пивоваровымъ въ «Донскихъ казачьихъ пѣсняхъ», С.-Пб., 1885 г., стр. 18—20.

Уральская область.

169.

Какъ на Волгѣ-рѣкѣ, на Камышинкѣ,
Тутъ живутъ казаки, люди вольные,
Донскіе, гребенскіе со яицкими,
У казаковъ — атаманушка,
По имени Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ.
Не золота его трубочка вострубила,
Не звонкая, не громкая его рѣчь возговорила,
Говорилъ-то нашъ Ермакъ Тимофеевичъ:
— «Ужъ вы слушайте, братцы, послушайте,
Дайте мнѣ, Ермаку, думушку придумати:
Проходитъ у насъ лѣто теплое,
Наступаетъ зима холодная,
Еще гдѣ же намъ зиму зимовать?
Намъ на Волгѣ быть — все ворами слыть,
На Яикъ идти — переходъ великъ,

Подъ Казань идти — Грозный царь стоитъ,
Грозенъ царь, Иванъ Васильевичъ;
У него много силы - арміи,
Не мало, не много — сорокъ тысячей.
Не идти ли, братцы, намъ на Иртышъ-рѣку?
Мы возьмемъ, братцы, Тоболъ городъ
И пойдемъ къ царю съ повинною,
Возьмемъ топоръ со плахою».
Ловилъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Своего наилучшаго коня,
Вздѣвалъ свою уздечку тесьмяную,
Накладывалъ потники бѣлы-бумажные,
И накладывалъ свое сѣделице черкасское,
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ, —
Не для красы, а для крѣпости;
Садился Ермакъ на своего добраго коня
И поѣхалъ къ царю своему съ повинною;
Пѣшкомъ идетъ Ермакъ, свою силу ведетъ,
Онъ идетъ потихоньку и почастехоньку,
Подъѣзжаетъ онъ къ широку дворцу,
Къ широку дворцу царскому,
Ко крылечку окрашенному.
Онъ слѣзъ, Ермакъ, съ добра коня,
Потихохоньку и почастехоньку,
Онъ пошелъ, Ермакъ Тимофеевичъ,
Во царски бѣлыя палатушки.
Онъ идетъ, Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Потихохоньку и почастехоньку,
Онъ взошелъ во царски бѣлы во палатушки:
«Ты здорово, батюшка нашъ, православный царь,
Иванъ, сынъ Васильевичъ!
Я пріѣхалъ къ тебѣ, Ермакъ, съ повинною:
Я шатался, мотался, Ермакъ,
По чисту полю и по синю морю,

Разбивалъ я, Ермакъ, бусы-корабли [1]).
И татарскіе и басурманскіе,
А больше — корабли государевы:
Государевы корабелички безъ примѣтушекъ,
Безъ царскаго герба!
Да возговорилъ нашъ батюшка, православный царь:
— «Ужъ вы, гой еси, князья, бояре
И думные мои боярушки!
Еще что мнѣ дѣлать надъ Ермакомъ,
Иль казнити, или вѣшати?»
Да возговорилъ одинъ думчій бояринъ:
— «Еще мало намъ Ермака казнити вѣшати».
Да возговорилъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
— «Злодѣй бояринъ, не царскій думчій!
Безъ суда хочешь меня казнити, вѣшати!»
Богатырская его сила подымалася
И богатырская его кровь разгоралася:
Вынималъ Ермакъ изъ своихъ ноженъ саблю вострую —
Буйная голова отъ плечъ могучихъ отвалилася
И по царскимъ палатамъ покатилася.
Ермакъ въ бѣдѣ сидитъ, бѣдой крутитъ;
А другіе боярушки испугалися,
Изъ царскихъ палатушекъ разбѣжалися,
А царская персона перемѣнялася.

Записана І. И. Желѣзновымъ отъ урядника Якова Любина, Круглоозернской ст. Напечатана съ его рукописи Н. Г. Мякушинымъ въ «Сборникѣ Уральскихъ казачьихъ пѣсенъ», С.-Пб. 1890 г. Отд. II, стр 21—23.

---

1) Бусы-корабли, собственно то же, что дубовые корабли, т. е. небольшія лодки, долбленыя изъ одного дерева, съ набитыми изъ досокъ бортами. М.

Уральская область.

170.

Какъ на Волгѣ — на рѣкѣ, да на Камышинкѣ,
Казаки, братцы, живутъ, люди вольные:
Все донскіе, гребенскіе со яицкими,
У казаковъ былъ, братцы, атаманушка,
Ермакомъ звали Тимофеевичемъ.
Не злата труба, братцы, вострубила имъ,
Не она звонка взговорила рѣчь —
Взговорилъ рѣчь Ермакъ Тимофеевичъ:
— «Ой вы, братцы, казаки, вы послушайте,
Да мнѣ думушку попридумайте:
Какъ проходитъ у насъ лѣто теплое,
Наступаетъ, братцы, зима холодная.
Куда, братцы, мы зимовать пойдемъ?
Намъ на Волгѣ жить — все ворами слыть!
На Яикъ идти — переходъ великъ!
На Казань идти — Грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь стоитъ все не милостивый.
Онъ послалъ на насъ рать великую,
Рать великую — въ сорокъ тысячей;
Такъ пойдемъ-же, братцы, да возьмемъ Сибирь!»

Напечатана съ рукописи Н. Ф. Савичева въ «Сборникѣ Уральскихъ казачьихъ пѣсенъ» Н. Г. Мякушина, С.-Пб. 1890 г., стр. 21—23.

Уральская область.

171.

На рѣкѣ, на рѣчкѣ, братцы,
Было на Камышинкѣ:
Собиралися, соѣзжалися
Люди вольные,

Что донскіе, гребенскіе казаки
Со яицкими;
Атаманомъ былъ у нихъ
Ермакъ — душа,
А по отечеству Тимофеевичъ.
Вотъ онъ рѣчь говоритъ,
Какъ въ трубу трубитъ:
— «Вы подумайте, ребятушки,
Да подумайте,
Да меня, Ермака-казака,
Вы послушайте:
Вотъ проходитъ у насъ, братцы,
Лѣто теплое,
Наступаетъ-то у насъ
Зимушка холодная.
Да мы гдѣ же эту зимушку
Зимовать будемъ?
На Яикъ - городъ идтить —
Тамъ самъ царь стоитъ,
Тамъ самъ Грозный царь, —
Иванъ Васильевичъ.
А на тихомъ Дону быть —
Намъ ворами слыть».

Перепечатана изъ Кавказскаго Вѣстника, 1883 года, № 27 въ «Сборникѣ Уральскихъ казачьихъ пѣсенъ» Н. Г. Мякушина, С.-Пб. 1890 г. Отд. II, стр. 24—25.

Уральская область.

172.

Шатался, мотался Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Онъ шатался, мотался по чисту полю,
По чисту полю, Ермакъ, да по синю морю,
Разбивалъ же, Ермакъ, всѣ бусы - корабли:

Татарскіе, армянскіе, басурманскіе,
А и больше того — корабли осударевы!
Осударевы кораблики безъ примѣтушекъ,
Да безъ царскаго они безъ ербычка.
Возговорилъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
— «Ой вы, гой еси, мои братья - товарищи,
Вы морскіе, удалые разбойнички!
Еще гдѣ мы зиму зимовать будемъ?
Намъ на Волгѣ жить, братцы, все ворами слыть,
На Яикъ идти — переходъ великъ.
Идти-ль намъ, не идти — на Иртышъ рѣку:
Мы съ Иртышъ-рѣки возьмемъ Тоболъ - городъ,
Тоболъ - городъ возмемъ бѣлой грудію,
Бѣлой грудію возьмемъ, безъ свинца, безъ пороха,
Безъ свинца, безъ пороха, съ камчатной одной плеткою,
И поѣдемъ мы къ царю съ повинною,
Поведемъ ему свои буйны головы,
Во правой рукѣ повеземъ топоръ - плаху».
Ермакъ Тимофеевичъ ловилъ себѣ добра̀-коня,
Добра коня, что ни лучшаго,
Добра коня, богатырскаго,
Надѣвалъ на него узду тесьмяную,
Накладывалъ потнички бѣлы - бумажные,
Накидывалъ сѣделице черкасское,
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Не для красы — для крѣпости.
Садился-де Ермакъ на добра̀-коня,
На добра̀-коня, Ермакъ, на иноходаго.
Передомъ ѣдетъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Ужъ онъ ѣдетъ, ѣдетъ потихохоньку,
Ужъ онъ ѣдетъ, ѣдетъ посмирнехоньку;
Подъѣзжаетъ онъ къ широку дворцу,
Къ широку дворцу, да ко царскому,
Ко крылечку подъѣхалъ ко крашенному.

Какъ слѣзъ Ермакъ со добра̀-коня
И пошелъ Ермакъ въ царскія палатушки.
Ужъ идетъ-де онъ безъ докладушекъ,
Идетъ Ермакъ потихохоньку, посмирнехоньку.
Какъ вошелъ Ермакъ во палатушки,
Во свѣтлыя царски залушки
Возговорилъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
— «Здорово ты, нашъ батюшка, православный царь,
Православный царь ты, Иванъ Васильевичъ,
Со своими князьями и боярами!
Узнаешь ли Ермака ты, сына Тимофеевича?
Я пріѣхалъ къ тебѣ со повинною,
Привезъ тебѣ свою буйну голову,
Во правой рукѣ — топоръ - плаху.
Я шатался, я мотался по чисту-полю,
По чисту-полю, по синю-морю,
Разбивалъ я, Ермакъ, бусы̀ - корабли:
И татарскіе, и армянскіе, и басурманскіе,
А и больше твои, осударевы,
Осударевы кораблики безъ примѣтушекъ,
Да безъ царскіихъ они безъ ербычковъ».
Возговорилъ нашъ батюшка, привославный царь:
— «Ужъ вы, гой еси, мои князья - бояры,
И вы, думчіе мои сенаторушки,
Еще что намъ съ Ермакомъ будетъ дѣлати?
Иль казнить его, или вѣшати,
Иль во всѣхъ винахъ его простити?
Иль велѣть ему Казань, Астрахань взять?»
Возговоритъ-де одинъ бояринъ-то,
И старшій думчій - сенаторушка:
— «Ой ты, гой еси, батюшка, православный царь!
Еще мало намъ Ермака казнить — вѣшати».
Тутъ возговоритъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
— «Ой ты, гой еси, ты врешь, собака!

Безъ суда, безъ допроса хочешь Ермака вѣшати!»
Богатырская сила въ немъ разгоралася,
Богатырская кровь въ немъ подымалася,
Вынималъ онъ изъ колчана саблю вострую,
Онъ срубилъ, смахнулъ боярину буйну голову;
Буйная его головушка отъ плечъ отвалилася,
Да по царскіимъ залушкамъ покатилася.
А и царская картина пермѣнилася,
А и думскіе сенаторы испугалися
И по царскимъ заламъ разбѣжалися.
Возговорилъ нашъ батюшка, православный царь:
— «Ермакъ во бѣдѣ сидитъ, бѣдой кутитъ,
Еще что намъ надъ Ермакомъ дѣлати?»
Ни одинъ князь отвѣту не далъ;
Во всѣхъ винахъ прощалъ его
И только Казань, да Астрахань взять велѣлъ....

Перепечатана изъ Библіотеки для чтенія, 1861 г. № 3. въ «Сборникѣ Уральскихъ казачьихъ пѣсенъ» Н. Г. Мякушина, С.-Пб. 1890 г. Отд. II, стр. 25—27.

Терской области.

173.

Какъ на рѣчкѣ, на рѣкѣ, было на Камышинкѣ, —
Собирались казаки-друзья, они всѣ охотнички:
Кизлярскіе, гребенскіе, они все со семейными.
Командиромъ у нихъ былъ, братцы,
Что Ермакъ Тимоѳеевичъ;
Ужъ рѣчи онъ говорилъ, братцы,
Какъ въ трубу трубилъ:
— «Ужъ вы слушайте, братцы,
Вы, Ермака ли меня послушайте!

Какъ проходитъ у насъ, братцы,
Лѣто теплое;
Наступаетъ у насъ, братцы,
Зима холодная;
А и гдѣ же мы, братцы, будемъ
Эту зиму зимовать?
На Уралъ, братцы, пойдемъ —
Переходъ великъ;
На круты горы пойдемъ —
Намъ живымъ не быть;
Во Кизляръ городъ пойдемъ —
Мы домой зайдемъ».

Записана учительницей Е. Бутовой въ станицѣ Бороздинской, Терской области, Кизлярскаго округа. Напечатана въ Сборникѣ Матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа, Вып. VII, 1889 г., стр. 109, Отдѣлъ I.

Терской области.

174.

Думайтя, рябятушки, падумайтя,
Думу крѣпкаю,
Какъ ни сизыи арлы
Ка(ы)[1]) саколикамъ са(ы)ляталися,
Са(ы)яжжалися мазурушки —
Все пярсицкаи:
Ани стара(ы) и, старадавніи,
Биспачпартна(ы) и.
Изъ тумы-та тумовъ[2]), мазурушки,
Чирнаславскаи, приражонаи.

---

1) Гласный, поставленный въ скобкахъ рядомъ, показываетъ, что слово произносится двояко.

2) Изъ тумы тумовъ — старинное выраженіе: издавна-то давно.

Са(ы)яжжалися мазурушки
На высокъ курганъ.
Ста(ы)навилися мазурушки
Ва(ы) ядинай крухъ;
Ани думали, падумавали
Думу крѣпкаю
За(ы) ядинаю.
«Ды(а) каму бы изъ насъ,
«Ребятушки,
«Атаманамъ быть?»
— «Атаманамъ быть,
«Рябятушки,
«Ярмаку-казаку
«Ярмаку-казаку
Тимафеивичу».
Ярмакъ-казакъ,
Рябятушки,
Рѣчь возговорить:
«Ды(а) вы слухайтя,
«Послухайтя,
«Што я буду га(ы)варить.
Полна намъ, рябятушки,
«Пить да гулять,
Полна бражничать!
«Ни пара ли ба намъ
«Успакоица,
«На сине море намъ,
«Рябятушки,
«Времь — отправица!»
На синемъ-та мори,
Рябятушки.
На острави
Легка лодачка,
Ана плавала, васплавала,

Калыхалася,
Къ астравочику прибивалася,
Ни сиребриная трубачка
Намъ вострýбила:
«Ды(а) пара намъ,
«Рябятушки,
«Ва(ы) походъ итти,
«Ва(ы) походъ итти
«Ды(а) Сибирь па(ы)карать.
«А и вотъ намъ,
«Рябятушки,
«Быть павѣшанымъ;
«А када жа мы,
«Рябятушки,
«Ды(а) Сибирь па(ы)каримъ,
«То за эта насъ,
«Рябятушки,
«Царь прастить, памилаваить —
«Царь прастить насъ,
«Рябятушки,
«Всѣхъ пажалаваить».

Записана Д. Еланскимъ въ станицѣ Терской. Напечатана въ «Сборникѣ Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа». Вып. 39 (1908 г.). Отд. II, стр. 1—3. «Старинныя пѣсни Терскихъ казаковъ».

Терской области.

175.

На(ы) ряки, братцы,
Бы́ла на Камышанки:
Сы(а)биралися, сы(а)яжжалися
Люди вольнаи.

То данскіи, грибянскіи казаки
Сы(а) яицкими.
Атаманамъ у нихъ былъ
Ярмакъ-казакъ,
Пы(а) атечиству —
Тимафеивичъ.
Ни сиребриная трубачка
Ваструбить —
Ярмакъ рѣчь вазгаварйть:
«Вы думайтя, рябятушки,
«Падумайтя,
«Ды(а) мине — Ярмака,
«Паслухайтя:
«Вотъ праходить
«У насъ, братцы,
«Лѣта теплая,
«Наступаить та у насъ
«Зимушка халодная.
«А идѣ жа эту зимушку
«Зимовать будимъ?
«На Яикъ-горатъ итти —
«Приприхотъ вяликъ;
«На Казань-горатъ итти —
«Тамъ самъ царь стаить,
«Самъ Грознай царь,
«Иванъ Василивичъ;
«А на тихамъ Дану быть —
«Намъ варами слыть».

Записана Д. Еланскимъ въ станицѣ Терской, напечатана въ «Сборн. Матеріаловъ для описанія мѣстн. и плем. Кавказа». Вып. 39 (1908 г.), отд. II, стр. 3. «Старинныя пѣсни Терскихъ казаковъ».

Терской области.

176.

На зарѣ-то было — на зорюшкѣ,
На зарѣ-то было на утренней,
На восходѣ солнца яснаго
Все денеченька прекраснаго,
Высоко звѣзда на небѣ восходила,
Выше лѣса, выше темнаго,
Выше садика зеленаго.
На турецкой было земелюшкѣ,
За султанскими воротами,
Тамъ стояла темна темница.
Во темницѣ — добрый молодецъ,
Да Ермакъ — казакъ Тимофеевичъ;
Онъ сидѣлъ тамъ не годъ, не два года,
Просидѣлъ тамъ онъ тридцать три года.
Запустилъ онъ свою бородушку
Ниже пояса шелковаго;
Завились его русы кудри до плечушекъ.
Во темницѣ — двери мѣдныя,
А запорочки — всѣ желѣзныя.
Во замочкѣ-то — полтора пуда,
А во ключикѣ — тридцать три фунта.
Какъ возговорилъ Ермакъ-казакъ:
«Ты, султанъ мой, султановичъ,
Ты, султановское величество!
Отпусти меня на волюшку;
Я всю Турцію повырублю,
А тебя, султанъ, во полонъ возьму».

Записана П. Семеновымъ въ станицѣ Слѣпцовской, Владикавказскаго округа. Напечатана въ «Сборн. Матеріал. для описан. мѣстн. и плем. Кавказа». Вып. 15 (1893 г.), стр. 83.

Симбирской губерніи.

177.

Не ясные соколики солеталися,
Не персидскіе мазуры собиралися,
Они думали-гадали думу крѣпкую,
Думу крѣпкую за единую:
«А кому-то намъ, ребяты, атаманомъ быть,
«Атаманомъ быть, есауломъ слыть?
«Атаманомъ быть Степанушкѣ,
«Есауломъ слыть Никитушкѣ.
Есаулъ рѣчь взговорилъ, — во трубу вострубилъ,
Атаманъ рѣчь взговорилъ, — во свирѣль взыгралъ:
«Какъ не полно намъ, ребяты, на моряхъ стоять,
«Не пора ли намъ, ребятушки, во Россіюшку итти?
«Какъ подъ городомъ подъ Казанью стоитъ бѣлый царь,
«Стоитъ бѣлый царь, царь Иванъ Васильевичь:
«Онъ не годъ стоялъ, не два года,
«Онъ стоялъ ровно семь годовъ:
«Не взявши Казань горюетъ, хочетъ прочь итти.
«Пойдемте-ка, ребятушки, на подмогушку,
«На подмогушку въ Волгу матушку!
«Еще какъ-то намъ, ребята, города пройти?
«Астраханское славно царство пройдемъ съ вечера,
«А Царицынъ городочикъ во глухую полночь.
«А Саратовъ славный городъ на бѣлой зарѣ,
«Вольской и Хвалынской средь бѣла дня,
«Сызрану и Самарѣ не поклонимся,
«Въ Жегулевскіихъ крутыхъ горахъ остановимся;
«Мы вобьемъ-ка приколушки пихтовые,
«Мы чалики зачалимъ шелковыя,
«Мы сходенки положимъ кипарисовыя,
«Мы сойдемте-ка, ребята, на сухой берегъ,
«Мы взойдемте-ка, ребята, на крутой берегъ,

«Поглядимъ-ка, ребята, съ горы подъ гору,
«Разобьемте-ка, ребятушки, три суденушка,
«Мы пошлемте-ка, ребятушки, записочки
«Царю Ивану Васильевичу:
«Возьму городъ Казань въ три часа!»

Напечатана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ». Вып. VI, стр. 23—24, съ помѣтою «Симбирск. губ. С. Языково».

Симбирской губерніи.

178.

«Не полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять,
«Не пора ли намъ, братцы, возвратитися?
«Подъ Казанью городочкомъ стоитъ
«Бѣлый царь Иванъ Васильевичъ:
«Мы пойдемте-ка на помочь къ нему!
«Мы Астрахань городочекъ пройдемъ съ вечера,
«А Саратовъ городочекъ на бѣлой зарѣ,
«А Самарѣ городочку мы поклонимся,
«Въ Жигулевскихъ горахъ мы остановимся:
«Шатрики раскинемъ шелковые,
«Приколочки поставимъ дубовые,
«Сядемте, братцы, позавтракаемте,
«По рюмочкѣ мы выпьемъ, — поздраствуемъ,
«По другой мы выпьемъ, — пѣсни запоемъ,
«Погуляемъ да въ путь пойдемъ
«Подъ Казань городокъ!»

Напечатана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», Вып. VI. стр. 24—25, съ помѣтою: «Сызрань».

Симбирской губерніи.

179.

Далече-далече, во чистомъ полѣ,
Еще подалѣ, на синёмъ морѣ
На синёмъ морѣ, на возморьицѣ,
Выплывали-выгребали добры молодцы,
Славные мазурушки персидскіе.
Становилися добры молодцы на зеленый лугъ,
Сходилися добры молодцы во единый кругъ,
Думали крѣпку думу за единую:
«Кому-то у насъ, братцы, атаманомъ быть?
«Атаманомъ быть Ермохѣ Тимоѳеичу,
«Есауломъ быть Никитѣ Иванычу»».
По кругу Ермакъ похаживаетъ,
Козакамъ добрымъ молодцамъ приказываетъ:
«Пойдемте-ка, робята, во Казань городъ;
«Подъ городомъ Казанью стоитъ бѣлый царь.
«Онъ стоялъ семь годовъ,
«На восьмомъ годочкѣ хочетъ прочь итти:
«Пойдемте, робята, поклонимся бѣлому царю!
«Казанскому губернатору не покоримся,
«Саратовску губерню съ вечера пройдемъ,
«Царицынъ городочекъ во глуху полночь,
«Въ Жигуляевскихъ горахъ остановимся,
«Остановимся, расположимся».

Напечатана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ. Вып. VI, стр. 26—27, съ помѣтою: «Симбирск. губ. с. Головино, доставлена Н. М. Языковымъ».

Симбирской губерніи.

180.

Далече-далече, во чистомъ полѣ,
А еще того подалѣ,—на синемъ морѣ,
На синемъ морѣ на Каспійскіемъ
Не ясные соколы солеталися,
Сходились-собирались добры молодцы,
Заславные музурушки персидскіе.
Они думали думу крѣпкую за единую,
Выбирали они атаманушку походнаго.
Атамана-тъ говоритъ, какъ въ трубу трубитъ,
А есаула-тъ говоритъ, какъ во свирѣль игратъ.
«Ой вы гой еси, друзья-братья, товарищи!
«Надобно намъ, братцы, атаманушку
«И надобно, дороднымъ, есаулушку:
«Атаманомъ быть Никитушкѣ Романычу,
«Есауломъ слыть Ермилѣ Тимоѳеичу.
«Не полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять,
«Не пора ли намъ, дороднымъ, на свѣжу воду,
«На свѣжую воду — на Волгу, на Волгу матушку?
«И станемъ разбивать бусы-карабли,
«Бусы-карабли и лодки легкія».

Записана П. М. Языковымъ въ с. Головинѣ, Симбирской губ. Напечатана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», Вып. VI, стр. 27—28.

Симбирской губерніи.

181.

Какъ далече было — далѣ, во чистомъ полѣ,
А еще того подалѣ на синемъ морѣ,
Какъ на славномъ морѣ было на Каспійскіемъ,
Вотъ не ясны тутъ соколы слеталися,

Собиралися морзорушки каспійскіе,
Еще стары бродяги безпашпортные,
Безпашпортные хайлы, да все разбойнички.
Они думали тутъ думушку за единое:
«Да кому, де, изъ насъ, братцы, атаманомъ быть,
«И кому изъ насъ, удалы, есауломъ слыть?
«Атаманомъ быть Ермакъ-сынъ — Тимофеевичу,
«Есауломъ слыть Никитѣ-сынъ — Иванычу».
Атаманъ-то говорилъ, какъ въ трубу трубилъ,
Есаулъ-то говорилъ, какъ въ свирѣль игралъ:
«Еще полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять,
«Не пора ли намъ, удалы, воротитися
«Какъ во славную во нашу мать Россіюшку?
«Астрахань мы городочекъ съ вечера пройдемъ,
«А Царицынъ городочекъ на бѣлой зарѣ,
«Мы Самарѣ городочку тутъ поклонимся,
«Въ Жигулевскихъ мы горахъ жить остановимся».

Доставлена П. И. Юрьевымъ, напечатана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», Вып. VI, стр. 28—29, съ помѣтою: «Городъ Симбирскъ».

Самарской губерніи.

182.

На морѣ стояли разбойнички семь годовъ,
Разбивали они суда-корабли,
Что армянски, татарски и купечески.
Они думали-гадали думу крѣпкую за единое:
«А кому у насъ, ребята, атаманомъ быть?
«Атаманомъ быть Ивану Тимоѳеевичу,
«Есауломъ быть Никитушкѣ Васильевичу.
«А и какъ-то намъ будетъ города пройти?
«Славну Астрахань-то мати пройдемъ съ вечера,

«А Саратовъ и Дубовку на бѣлой зарѣ,
«Мы Самарѣ городишку не поклонимся,
«Въ Жигулинскихъ горахъ остановимся;
«Какъ мы колышки вколотимъ кленовые,
«А причалами причалимся шелковыми,
«Атаманушка Иванушка сведемъ подъ руки,
«Есаулушко Никитушка и самъ сойдетъ».

Напечатана въ «Пѣсняхъ П. В. Кирѣевскаго», Вып. VI, стр. 29, и съ незначительными измѣненіями въ сборникѣ Пѣсенъ Самарскаго края, составл. В. Варенцовымъ, стр. 229.

Саратовской губерніи.

183.

Какъ далеченько, далеченько во чистомъ полѣ,
Да еще того подалѣй — на синёмъ морѣ,
Какъ на синемъ морѣ было на Каспійскіимъ,
Что на славномъ было островѣ на Персидскіимъ,
Собиралися музуры, добры молодцы.
Они думушку гадали всѣ великую,
Думу крѣпкую гадали за единую:
«Вотъ кому изъ насъ, ребятушки, есауломъ слыть?
«Вотъ кому изъ насъ, ребятушки, атаманомъ быть?
«Атаманомъ быть Ермилу Тимоѳеичу,
«Есауломъ слыть Никитушкѣ Романычу».
Атаманъ-то рѣчь возговоритъ, что въ трубу трубитъ,
Есаулъ-то рѣчь возговоритъ, какъ въ свирѣль игратъ:
«Не пора ли намъ, ребята, со синя моря,
«Что па матушку на Волгу, на быстру рѣку?
«Еще какъ-то намъ, ребята, города пройти?
«Астраханское славно царство пройдемъ съ вечеру,
«А Царицынъ городочикъ во глуху полночь,

«А Саратовъ на бѣлой зарѣ,
«Мы Самарѣ городочку не поклонимся,
«Въ Жигулёвскихъ горахъ мы остановимся:
«Вотъ мы чалочки причалимъ все шелковыя,
«Вотъ мы сходенки положимъ все кедровыя,
«Атаманушку сведемъ двое подъ руки,
«Есаулушка, ребятушки, — онъ самъ сойдетъ».
Какъ возговоритъ нашъ батюшка атаманушка:
«Еще какъ-то намъ, ребята, Казань городъ брать?
«Вотъ подъ городомъ Казанью стоитъ бѣлый царь,
«Стоитъ бѣлый царь, Иванъ сударь Васильевичь,
«Онъ не много и не мало стоитъ — семь годовъ,
«Онъ подкопушки подкапывалъ все на семь верстъ,
«Калены стрѣлы пускалъ безсчётныя:
«Мы пойдемъ-ка же, ребята, на подмогу къ нимъ!»

Записана А. Н. Пасхаловою въ Саратовѣ. Напечатана въ «Памятникахъ великорусск. нарѣчія» въ Прибавл. къ Извѣст. 2 Отд. Имп. Акад. Наукъ 1852—1857 г. г. С.-Пб. 1855, стр. 146—147. Перепечатана въ «Пѣсняхъ П. В. Кирѣевскаго», Вып. VI, стр. 25—26.

Саратовской губерніи.

184.

А далечинько, далечинько было во чистомъ полѣ,
Какъ ещё того подаличе было на синёмъ морѣ,
На Чернославскомъ было славномъ островѣ, —
Какъ ни ясные соколики солеталися,
Собиралися, соѣзжалися вотъ всѣ добрые молодцы,
А да ни старые кабёлики (каблы) безпаспортные,
Соѣзжалися, собиралися все музурушки —
Всё музурушки, ребятушки, были всё персидскіе —
Соѣзжалися, собиралися на зелёный лугъ,
Становилися добры молодцы во единый кругъ.

Они думали, братцы, гадали думу крѣпкую,
Думу крѣпкую, ребятушки, заединую:
«Да кому-то у насъ, братцы ребятушки, во большихъ быть,
Ай да кому-то у насъ, братцы ребятушки, есауломъ слыть?»—
Атаманомъ быть, братцы ребятушки, все Никитушкѣ да Романовичу,
Есауломъ слыть, братцы ребятушки, все Ермольюшкѣ да все Тимофеевичу.
Атаманушка рѣчь возговорилъ, что въ трубу вострубилъ,
Есаулушка рѣчь возговорилъ, что въ свирѣль заигралъ.
«Мы пойдемъ-те, братцы ребятушки, сойдемъ-те въ Волгу матушку,
Мы пойдемъ-те, братцы ребятушки, подъ Казань-городъ;
Подъ Казанью городомъ стоитъ бѣлый царь,
Мы пойдемъ-те, братцы ребятушки, мы ему подсобимъ-те,
Мы подсобимъ-те своему батюшкѣ, мы ему поможемъ-те,
Астраханско ново царство пройдемъ съ вечера,
Царицынъ городочикъ да во глуху полночь,
Какъ саратовскую губернію пройдемъ на бѣлой зарѣ,
Мы Самарушкѣ своей матушкѣ покоримся,
Въ Жигулевскихъ горахъ пріостановимся.
Какъ надѣлаемъ мы сходушки всё кленовыя,
Атаманушку, своего батюшку, сведёмъ подъ руки,
Есаулушка, все нашъ батюшка, онъ и самъ сойдетъ,
Онъ и самъ сойдётъ нашъ батюшка и насъ всѣхъ сведётъ».

Пѣсня записана отъ крестьянъ: И. А. Бабушкина, М. К. Токарева и В. Л. Мальцева; 19 ноября 1895 года. Напечатана въ сб. «Былины историч. военныя разбойн. и воровск. пѣсни, запис. въ Саратов. губ. М. Е. Соколовымъ». Петровскъ, 1896 г., стр. 9—10.

Астраханской губерніи.

185.

1 Запѣвъ. Какъ на славныхъ было на степяхъ Саратовскихъ.
Хоръ. Что пониже было города Саратова, Саратова.
2 З. Что пониже было города Саратова.
Х. А повыше было города Камышина, Камышина.
3 З. А повыше было города Камышина.
Х. Собирались тутъ казаки — люди вольные.
4 З. Собирались они, братцы, во единый кругъ.
Х. Что волжскіе-то, донскіе и гребенскіе.
5 З. Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
Х. Есаулъ у нихъ Асташка, сынъ Лаврентьевичъ.
6 З. Они думали думушку все единую.
Х. Ужъ какъ лѣто-то проходитъ, лѣто теплое.
7 З. А зима-то настанетъ, братцы, холодная.
Х. Какъ и гдѣ-то намъ, ребята, зимовать будетъ?
8 З. На Яикъ-ли намъ иттить — да переходъ великъ:
Х. А на Волгѣ-ли ходить намъ — все ворами слыть:
9 З. Подъ Казань городъ иттить — да тамъ самъ царь стоитъ:
Х. Какъ самъ-ли грозный царь-то Иванъ Васильевичъ.
10 З. У него тамъ силы войска много множество;
Х. И тебѣ-то Ермаку быть тамъ повѣшену:
11 З. А намъ, братцы, казакамъ — быть переловленнымъ.
Х. Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсаженнымъ.
12 З. Какъ не золотая трубонька вострубила.
Х. Не серебряна свирѣлушка возговорила:
13 З. Рѣчь возговорилъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
Х. «Гой вы думайте-ли, братцы, вы подумайте.
14 З. И меня вы, Ермака, братцы, послушайте.
Х. Зазимуемте мы, братцы, всѣ въ Астрахани:
15 З. А зимою то мы, братцы, поисправимся.

Х. А какъ явится, начнется весна красная,
16 З. Мы тогда-то, тогда, братцы, во походъ пойдемъ.
Х. Мы заслужимъ передъ грознымъ царемъ вину свою, свою.
17 З. Какъ гуляли-то, братцы, по синю морю,
Х. Что по синю морю, моречку Хвалынскому:
18 З. Разбивали-то мы, братцы, бусъ корабли,
Х. Какъ и тѣ-то корабли, братцы, неорленые.
19 З. Какъ убили-то мы посланничка царскаго,
Х. Ужъ того-то мы посланничка персидскаго.
20 З. Какъ во славномъ было городѣ во Астрахани;
Х. На широкой-ли, на ровной было площади;
21 З. Собиралися казаки во единый кругъ;
Х. Они думали думушку во единую.
22 З. Какъ зима-то ужъ проходитъ все холодная;
Х. Какъ и лѣто настаетъ, братцы, лѣто теплое;
23 З. Ужъ пора то намъ во походъ иттить.
Х. Рѣчь возговорилъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
24 З. «Ой вы гой еси, ребята, добры молодцы!
Х. Ужъ вы дѣлайте-ка лодочки коломенки;
25 З. Забивайте-ка вы кочета еловые;
Х. Накидайте-ка бабанчики сосновые.
26 З. Мы поѣдемте, ребята, съ Божьей помощью;
Х. Мы грянемъ, ребята, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ;
27 З. Перейдемъ-ка мы, ребята, горы крутыя;
Х. Доберемся мы до царства басурманскаго;
28 З. Завоюемъ-ка мы, братцы, царство Сибирское;
Х. Покоримъ его мы, братцы, царю бѣлому;
29 З. А царя-то мы Кучума во полонъ возьмемъ.
Х. Какъ за то-то государь-царь насъ пожалуетъ.
30 З. Я тогда-то пойду, братцы, ко бѣлу царю;
Х. Принесу я царю бѣлому повинную,
31 З. «Ой-ты гой еси, надежа-православный царь!
Х. Не вели меня казнить, вели рѣчь говорить.

32 З. Какъ и я то ли, Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
Х. Какъ и я то воровской душа-атаманушка:
33 З. Какъ и я то ли гулялъ вѣдь по синю морю:
Х. Что по синю морю, морю Хвалынскому:
34 З. Какъ и я то-ли разбивалъ бусы-корабли;
Х. Какъ и тѣ то корабли были неорленые.
35 З. А теперича, надежа-православный царь,
Х. Приношу я тебѣ буйную головушку;
36 З. А съ буйной головой и царство сибирское.
Х. Рѣчь возговоритъ надежа-православный царь:
37 З. Какъ и грозный то царь, самъ Иванъ Васильевичъ.
Х. «Ой, ты гой-еси, Ермакъ сынъ Тимофеевичъ!
38 З. Я прощаю тебя да и съ войскомъ твоимъ;
Х. Я прощаю-ли тебя за твою службу,
39 З. Что за службу-ли твою ко мнѣ за вѣрную;
Х. Я жалую тебѣ весь нашъ тихій Донъ!

Записана А. А. Догадинымъ въ 1902—3 гг. въ Александровской станицѣ отъ Л. В. Блинова, въ Царицынской станицѣ отъ П. М. Гончарова и др. Напечатана въ сборникѣ «Былины и пѣсни Астраханскихъ казаковъ» А. А. Догадина. Вып. I, № 11, стр. 10—12.

Астраханской губерніи.

186.

1 Запѣвъ. Какъ на рѣчкѣ было
Хоръ. На рѣкѣ было Камышинкѣ, Камышинкѣ.
2 З. Какъ тамъ жили проживали
Х. Люди вольные, свободные, свободные!
3 З. Казаченьки волжскіе,
Х. Гребенскіе да донскіе, да донскіе.
4 З. У казаковъ атаманушка
Х. Да Ермакъ-то Тимофеевичъ, Тимофеевичъ.
5 З. Не звонка-то труба,
Х. Не громка рѣчь возговорила, возговорила.

6 З. Говорилъ-то атаманъ,
Х. Самъ Ермакъ-то Тимофеевичъ, Тимофеевичъ.
7 З. Ужъ вы слушайте-ка
Х. Ребятушки! Дайте думушку мнѣ одумати.
8 З. Какъ проходитъ лѣто теплое,
Х. Настаетъ зима холодная, холодная.
9 З. Ужъ и гдѣ то намъ, ребята,
Х. Зимушку-то долгу зимовать, зимовати?
10 З. Намъ на Волгѣ быти?
Х. Намъ на Волгѣ все ворами слыть, ворами слыть.
11 З. На Яикъ иттить намъ?
Х. На Яикъ-то переходъ великъ, переходъ великъ.
12 З. Подъ Казань иттить намъ?
Х. Тамъ стоитъ Иванъ Васильевичъ, Грозный царь.
13 З. У него то много силушки,
Х. Силушки той сто сорокъ тыщъ, сто сорокъ тыщъ.
14 З. Иттить — не иттить намъ
Х. На Иртышъ рѣку великую, на сибирскую.
15 З. Мы возьмемъ-то въ полонъ,
Х. Возьмемъ въ полонъ Тобольскъ городокъ, славный городъ.
16 З. А какъ взямши городъ,
Х. Пройдемъ къ царю да поклонимся, воспокаимся.

Записана А. А. Догадинымъ въ 1902—3 гг. въ Пичуженской станицѣ отъ П. П. Киктева и др. Напечатана въ сборникѣ «Былины и пѣсни» Астраханскихъ казаковъ», собралъ А. А. Догадинъ, Вып. I, № 10, стр. 9—10.

Астраханской губерніи.

187.

1 Запѣвъ. Какъ далече
Хоръ. Было во чистомъ полѣ, во раздольицѣ.
2 З. Во раздольи-
Х. цѣ, на славномъ было морѣ Каспійскіимъ.

3 З. Какъ не сизы-
Х. е орлы, орелики солеталися.
4 З. Разудалень-
Х. кіе добры-молодцы соѣзжалися.
5 З. Они дума-
Х. ли крѣпкую думушку за единую.
6 З. И кому-то
Х. Изъ насъ атаманомъ быть, есауломъ слыть?
7 З. Атаманомъ
Х. Быть Ермилушкѣ, податаманьемъ—Степанушкѣ.
8 З. Атаманъ-то
Х. Батюшка говоритъ-то, какъ въ трубу трубитъ.
9 З. Есаулъ-то
Х. Батюшка говоритъ-то, что свирѣль игратъ.
10 З. Ужъ не полно-
Х. ли, ребятушкамъ, по морямъ гулять, гулять?
11 З. Не пора-ли
Х. Намъ, ребятушкамъ, намъ-то воспокаяться?
12 З. Какъ пойдемъ-ка
Х. Мы ребятушки, пойдемъ на Святую Русь.
13 З. Какъ пойдемъ-ка
Х. Мы на матушку Волгу, на быструю рѣку.
14 З. Слышно было
Х. Подъ Казанью городомъ стоитъ бѣлый царь.
15 З. Стоитъ бѣлый
Х. Государь-царь, Иванъ Грозный Васильевичъ.
16 З. Онъ, не взявши
Х. Славный Казань городокъ, хочетъ прочь иттить.
17 З. Какъ пойдемъ-ка
Х. Мы, ребятушки, пойдемъ на подмогу царю.
18 З. Только какъ-бы
Х. Намъ, ребятушки, города проминути?
19 З. Какъ минуемъ
Х. То царство Астраханское со вечеру.

20 З. Енотаевскъ
Х. И Царицынъ городокъ во глуху полночь,
21 З. А Камышинъ
Х. Городочекъ-то пройдемъ на бѣлой зарѣ.
22 З. Славный городъ
Х. Саратовъ пролетимъ мы середь бѣла дня.
23 З. А Самарѣ
Х. Городочку-то мы и не поклонимся.
24 З. Во горахъ-то
Х. Жигулевскіихъ мы тутъ пристановимся,
25 З. Мы подвалимъ
Х. И забьемъ-ка приколушки серебряны.
26 З. Мы зачалимъ
Х. Чалочки къ приколушкамъ-то шелковыя.
27 З. Мы положимъ
Х. На берегъ сходенки все кипарисовыя.
28 З. На бережку
Х. Раскинемъ палаточки полотнянныя.
29 З. Атаману-
Х. шку мы, батюшку, на бѣлыхъ рукахъ снесемъ.
30 З. Есаулъ-то нашъ
Х. Господинъ, ребятушки, онъ и самъ сойдетъ.
31 З. Какъ посломъ-то
Х. Пошлемъ атаманушку къ царю бѣлому.
32 З. Къ царю батюш-
Х. кѣ, Ивану Грозному Васильевичу.

Записана А. А. Догадинымъ въ 1902—3 гг. въ Александровской станицѣ отъ Л. В. Блинова, Д. П. Забурунова и др. Напечатана въ сборникѣ «Былины и пѣсни Астраханскихъ казаковъ» А. А. Догадина, Вып. I. № 9, стр. 7.

Астраханской губерніи.

188.

1 Запѣвъ. Какъ на морѣ было
Хоръ. На синіимъ на Каспійскимъ,
На усть матушки на Волгѣ, на быстрой рѣкѣ.
2 З. Какъ на славномъ было
Х. На островѣ Шимашинскіимъ
Не сизые-то орлы-то солеталися.
3 З. Какъ не ясные тамъ
Х. Соколики собиралися.
Въ легкихъ лодочкахъ добры молодцы соѣзжалися.
4 З. Соѣзжалися тамъ,
Х. Тамъ молодцы во единый кругъ.
Они думали-гадали крѣпкую думушку.
5 З. «Ужъ кому-то изъ насъ,
Х. Ребятушки, атаманомъ быть?
И кому-то есауломъ, братцы, изъ насъ слыть;
6 З. Атаманомъ то быть,
Х. Ребятушки, у насъ Стенюшкѣ,
Есауломъ-то слыть Никитушкѣ Романычу.
7 З. Середи-то круга
Х. Казацкаго атаманъ вставалъ.
Какъ онъ рѣчь-то громкимъ голосомъ возговаривалъ.
8 З. Какъ въ трубу словно онъ,
Х. Въ трубу словно онъ вострубливалъ.
«Ужъ и полно намъ, ребята, намъ разбой держать.
9 З. Не пора-ли то намъ,
Х. Ребятушки, на Святую Русь,
На матушку-Волгу, Волгу, на быстру рѣку!
10 З. Слышно было-то мнѣ,
Х. Подъ городомъ подъ Казанію
Стоитъ русскій бѣлый царь всего семь годовъ.

11 З. Поплывемте-ка мы,
Х. Ребятушки помочи ему,
Царю бѣлому, Ивану Васильевичу.
12 З. Ужъ какъ Астрахань-то
Х. Городъ мы пройдемъ со вечера,
А Царицынъ городокъ мы — во глухую полночь.
13 З. Во Саратовъ придемъ,
Х. Ребятушки, на бѣлой зарѣ.
Подъ Казанью остановимся, расположимся.

Записана А. А. Догадинымъ въ 1902—3 гг. Пичуженской станицѣ, отъ И. Д. Болдырева и др. Напечатана въ сборникѣ «Былины и пѣсни Астраханскихъ казаковъ» А. А. Догадина, Вып. I, № 8, стр. 6.

189.

Какъ на Волгѣ на рѣкѣ, на Камышенкѣ,
Живутъ казаки, люди вольные,
Донскіе, гребенскіе со яицкими.
У казаковъ атаманушка,
По имени Ермилъ сынъ Тимоѳеевичъ.
Не золота его трубочка вострубила,
Ни звонкая, ни громкая его рѣчь возговорила,
Говорилъ-то нашъ Ермилъ Тимоѳеевичъ:
«Ужь вы слушайте, братцы, послушайте,
«Дайте мнѣ, Ермилу, думушку придумати:
«Проходитъ у насъ лѣто теплое,
«Наступаетъ зима холодная,
«Еще гдѣ же намъ, казакамъ, зиму зимовать?
«Намъ на Волгѣ быть — все ворами слыть,
«На Яикъ итти — переходъ великъ,
«Подъ Казань итти — Грозенъ царь стоитъ,
«Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ:

«У него много силы — арміи,
«Не мало, не много, — сорокъ тысячь.
«Итти ль, не итти ль, братцы, намъ, —
«На Иртышъ рѣку:
«Мы возьмемъ, братцы, Тоболь городъ
«И пойдемъ къ царю съ повинною
«Возьмемъ топоръ съ пикою».
Ловилъ Ермилъ сынъ Тимоѳеевичь
Своего не лучшаго[1]) коня,
Вдѣвалъ свою уздечку тесмянную,
Накладывалъ портники[2]) бѣлы бумажны,
И накладывалъ свое сѣдельцо черкасское,
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Не для красы, а для крѣпости,
Садился Ермилъ на своего добра коня,
И поѣхалъ къ царю своему съ повинною.
Пѣшкомъ идетъ Ермилъ — свою силу ведетъ.
Онъ идетъ потихохоньку и почастехоньку;
Подъѣзжаетъ онъ къ широку дворцу,
Къ широку дворцу къ царскому,
Ко крылечику окрашенному:
Онъ слѣзъ, Ермилъ, съ добра коня,
Потихохоньку и почастехоньку,
Онъ пошелъ, Ермилъ,
Во царски бѣлыя полатушки,
Онъ идетъ, Ермилъ сынъ Тимоѳеевичь,
Потихохоньку и почастнехоньку[3]);
Онъ взошелъ во царски бѣлы во палатушки:
«Ты здорово, батюшка нашь, православный царь,
«Иванъ сынъ Васильевичь!
«Я пріѣхалъ къ тебѣ, Ермилъ, съ повинною.

---

1) Ни лучшаго, самаго лучшаго.
2) Потники.
3) Почастехоньку.

«Я шатался-мотался, Ермилъ,
«По чисту полю и по синю морю,
«Разбивалъ я, Ермилъ, бусы-корабли,
«И таксырскіе и бусурманскіе,
«А больше корабли государевы,
«Государевы карабелички безъ примѣтушекъ,
«Безъ царскаго герба».
Да возговорилъ нашъ батюшка, православный Царь:
— Ужь вы гой еси, князья-бояре
— И думные мои боярушки!
— Еще что̀ мнѣ дѣлать надъ Ермиломъ:
— Иль казнити, иль вѣшати? —
Да возговорилъ одинъ думчій бояринъ:
««Еще мало намъ Ермила
««Казнити-вѣшати!
Да возговорилъ Ермилъ сынъ Тимоѳеевичь:
«Злодѣй бояринъ, не царскій думчій!
«Безъ суда хочешь меня казнити-вѣшати!»
Богатырска его сила подымалася
И богатырская его кровь разгоралася,
Вынималъ Ермилъ изъ своихъ ноженъ саблю острую:
Буйна голова отъ плечь могучихъ отвалилася
И по царскимъ палатамъ покатилася.
Ермакъ въ бѣдѣ сидитъ, бѣдой крутитъ,
А думчіе боярушки испугалися,
Изъ царскихъ палатушекъ разбѣжалися,
А царская хорантина[1]) перемѣнялась.

Напечатана въ «Пѣсняхъ», собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, Вып. VI, стр. 36—38. Мѣсто записи не указано.

1) Вѣроятно хорунжіе.

190.

Какъ на славныхъ черноморскихъ островахъ
Собиралися охотники, люди вольные,
Становилися охотники во единый кругъ,
Они думали думушку единую:
— Кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
— Атаманомъ быть Ермаку Тимоѳеевичу.
А Ермакъ говоритъ, что труба трубитъ:
«Вы думайте, ребятушки, подумайте,
«А меня, Ермака, вы послушайте:
«Какъ проходитъ у насъ, братцы, лѣто теплое.
«Настаетъ у насъ, братцы, зима холодная.
«А и де то мы, ребята, зимовать будемъ;
«На Яикъ намъ идти — переходъ великъ,
«А на Волгу идти — ворами слыть,
«Ворами слыть, переловленнымъ быть,
«И по разнымъ городкамъ поразосланнымъ,
«И по разнымъ тюрьмамъ поразсаженнымъ,
«А и мнѣ, Ермаку, быть повѣшену».
Тутъ то Ермакъ нову рѣчь возговоритъ:
«Полно намъ, ребятушки, здѣсь вольничать,
«Пора намъ и время испокаиться;
«Пойдемъ мы, ребята, подъ Казань городъ,
«А слышно, братцы, стоитъ тамъ Грозный царь.
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
«А какъ намъ, ребята, города пройти?
«Астраханскую губернію ввечеру пройдемъ,
«Черноярскій городокъ во глуху полночь,
«А Камышенку пройдемъ, кочета вспоютъ,
«А Царицынъ городокъ на бѣлой зарѣ,
«А самой Волгѣ-матушкѣ поклонимся,
«Какъ придемъ мы, ребята, подъ Казань городъ,

«Мы явимся, ребята, къ самому царю.
«Ты, батюшка-надежа православный царь,
«Не казни Ермака со казаками, —
«Мы отслужимъ тебѣ впредь правдою,
«И возьмемъ тебѣ Казань городъ въ три часа».
Тогда подкапывалъ у города онъ стѣны каменны,
Онъ закатывалъ подъ стѣны бочки съ порохомъ.
И взялъ-то тутъ Ермакъ Казань городъ.
Тутъ Ермаку царь рѣчь возгово̀рилъ:
— Чѣмъ тебя, Ерма́къ, дарить, чѣмъ жаловать
— За твою службу, за вѣрную? —
«Вы не жалуйте меня генералушкой,
«Не хочу я вашей золотой казны,
«А пожалуйте меня рѣкой Дономъ,
«Прикажите заселить людьми вольными.
«И назваться донскими имъ казаками».

Мѣсто записи не указано. Сообщена И. Купріяновымъ ред. «Русской Старины». Напечатано въ «Русской Старинѣ» въ 1872 г., т. VI, стр. 702.

191.

Какъ на славныхъ на степяхъ было саратовскихъ.

(Казацкая).

Какъ на славныхъ на степяхъ было саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались тутъ казаки-люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ,
Что донскіе, гребенскіе и яицкіе.
Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Есаулъ у нихъ Асташка, сынъ Лаврентьевичъ.
Они думали думушку все единую:

Ужъ какъ лѣто-то проходитъ, лѣто теплое,
А зима-то настаетъ, братцы, холодная;
Какъ и гдѣ-то намъ, ребята, зимовать будетъ?
На Яикъ-ли намъ иттить — да переходъ великъ;
А на Волгѣ-то ходить — намъ все ворами слыть.
Подъ Казань городъ итти — да тамъ самъ царь стоитъ.
Какъ самъ-ли грозный царь, онъ Иванъ Васильевичъ.
У него тамъ силы-войска много-множество.
Да тебѣ-то, Ермаку, быть тамъ повѣшену.
А намъ, братцы, казакамъ, быть переловленнымъ.
Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсаженнымъ.
Какъ не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная рѣчь громко возговоритъ,—
Рѣчь возговоритъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
Гей, вы думайте-ли, братцы, вы подумайте,
И меня вы, Ермака, братцы, послушайте:
Зазимуемте мы, братцы, въ Астрахани,
А зимою-то мы, братцы, поисправимся,
А какъ вскроется, начнется весна красная,
Мы тогда-то, други братцы, во походъ пойдемъ.
Мы заслужимъ передъ грознымъ царемъ вину свою:
Какъ гуляли-то мы, братцы, по синю морю.
Что по синю морю, по морю Хвалынскому:
Разбивали-то мы, братцы, бусы, корабли.
Какъ и тѣ корабли, братцы, неорленые.
Мы убили-ли посланничка не царскаго.
Какъ того-то мы посланничка персидскаго!
Какъ во славномъ было городѣ, въ Астрахани.
На широкой ли, на ровной было площади,
Собиралися казаки во единый кругъ,
Они думали думушку все единую:
Какъ зима-то ужъ проходитъ все холодная,
Какъ и лѣто настаетъ, братцы, лѣто теплое,
Да пора уже намъ, братцы, во походъ иттить.

Рѣчь возговоритъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
Ой вы, гой еси, ребята, добры молодцы,
Накидайте вы бабанчики сосновые;
Мы поѣдемте, ребята, съ Божьей помощью,
Мы пригрянемъ, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ.
Перейдемте-ка мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства басурманскаго.
Завоюемъ-ка мы, братцы, царство сибирское,
Покоримъ его мы, братцы, царю бѣлому,
А царя-то мы Кучума во полонъ возьмемъ;
И зато-то государь-царь насъ пожалуетъ.
Я тогда-то пойду, братцы, ко бѣлу-царю,
Принесу я царю бѣлому повинную;
Ой ты, гой еси, надежда — православный царь!
Не вели меня казнить, вели рѣчь говорить:
Какъ и я то-ли, Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Какъ и я то воровской донской атаманушка,
Какъ и я то вѣдь гулялъ-ли по синю морю,
Что по синю морю, морю Хвалынскому,
Какъ и я то разбивалъ вѣдь бусы, кóрабли,
Какъ и тѣ то корабли все неорленые
А теперича, надежда-православный царь,
Приношу я тебѣ буйную головушку
И съ буйной головой царство сибирское!
Рѣчь возговоритъ надежда-православный царь,
Какъ и грозный-то царь, самъ Иванъ Васильевичъ:
Ой ты, гой еси, Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ!
Я прощаю тебя, да и со войскомъ твоимъ;
Я прощаю-ли тебя за твою службу,
Что твою-ли службу ко мнѣ, за вѣрную,
И я жалую тебѣ весь славный тихій Донъ.

Сборникъ солдатскихъ, казацкихъ и матросскихъ пѣсенъ, Вып. I, 100 пѣсенъ. слова собралъ Н. Х. Вессель. съ голоса на ноты положилъ Е. К. Альбрехтъ. № 91. С.-Пб. 1875 г. Мѣсто записи не указано.

МИХАИЛЪ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

Архангельской губерніи.

192.

Поѣжаетъ Скопи́нъ-отъ, да князь-отъ Михайло Васильёвичъ,
Поѣжаетъ Скóпинъ-отъ за Москву-рѣку.
На наказываетъ Скопи́ну-ту родна матушка,
Родна матушка ему, ему молода жона:
«Ужъ ты душенька Михайло да ты Васильёвичъ,
Ужъ ты тотъ-ли князь да Скóпинъ-отъ!
Ты не ѣзьди, Скопи́нъ, да за Москву-рѣку:
Тамъ поставятъ тебя-то-вѣдь не на пиръ зовутъ.
Не на пиръ тибя зовутъ-то, не пировать съ тобой.
Они тебя — держать всё хресьника
У того-то у князя у московського.
Ты одёржишь своёго хошь восприіемьника».—
Говоритъ ёму родна-та да ево матушка
«Ты не пей-ко-се, у ихъ да зелёна вина,
Ты не кушай-ко у ихъ всё ѣсвы сахáрныя:
Да уходитъ тебя кума, да доць Малю́тьёва».
Онъ не слушаётъ наказу-ту рóдной матушки,
Рóдной матушки наказу-ту, молодой жены;
Поѣжаётъ-то Скóпинъ-то князь Михайло — свѣтъ Васильё-вичъ,
Онъ берётъ, берётъ коня-та всё богатырьского,
Онъ уѣхалъ за матушку за Москву-рѣку.
Пріѣжаетъ ко князю-ту ко московському;
Да стрѣчяютъ Скопинá-та князя Михайла Васильёвича.
Да стрѣчаютъ ево на широкой свѣтлой улици.
Приглашаютъ ево всё' почéсёнъ пиръ,
Да идётъ-то Скопи́нъ-князь Михайло Васильёвичъ.
Онъ идётъ-то да ничево-то всё не думаётъ;
Одёржалъ же онъ своéго всё восприіемника.

Собираётъ князь на радосьти тутъ почесёнъ пиръ,
Онъ почесёнъ-отъ пиръ да онъ на весь на міръ:
На своихъ-то на князье́й да онъ на бо́яровъ,
Для того-то собиратъ больше Скопина́-кума́,
Для того-ли-то князя Михайла Васильёвича,
Да садитъ онъ ево всё во большо́ мѣсто,
Во большо́ ево мѣсто да ише всё къ собѣ.
Ише тутъ вѣдь бояра всё зло подумали;
Розговорили они да всё княгиню тутъ,
Насыпа́ли въ стоканъ ёму зелья лютого;
Подносила кума всё ему крестовая.
Выпиваётъ Скопи́нъ, ничево не думаётъ;
Загорѣло у ево скоро ретиво́ серьцо;
Выходилъ-то онъ вѣдь скоро исъ цёсна́ пиру,
Говорилъ-то онъ кумы-то своей крестовою:
«Ужъ ты гой еси, кума ты моя крестовая!
Опоила ты, всё ты меня, безбожниця,
Опоила меня ты да зѐльёмъ лютыимъ,
Ты злодѣйка-кума, ты да зьмѣя лютая,
Зьмѣя лютая ты, да дочь Малю́тина,
Доць Малютина ты, да всё Скурлатова!
Отьвези ты миня, да кумъ крестовой мой,
Ко своей-то[1]) отьвезти меня къ ро́дной матушки.
Ишше я-то на васъ-то да зла не думаю:
Уходила миня кума-злодѣйка зла,
Да злодѣйка-та зла, да доць Малютина».
Уѣжаётъ онъ скоро да къ ро́дной матушки,
Къ родной матушки, къ своей-то онъ къ молодой жоны́;
Ише тутъ-то заходитъ-то во полатушки
Ко своей-то ко родимой да онъ ко матушки.
Онъ зашолъ-то самъ слéзно да уливаитце,
Онъ всеміpно во своихъ грѣхахъ всимъ онъ каелса,

1) Т. е. моей, Скопина. Собир.

Ище тутъ-то зъ души́ онъ скоро́ представилсэ:
Да згорѣло у ёго-то тутъ ретиво́ серьцо.

Записана А. В. Марковымъ въ 1899 г. на Терскомъ берегу Бѣлаго моря въ Нижней Зимней Золотицѣ, отъ кр. А. М. Крюковой, напеч. въ сбор. «Бѣломорскія Былины», 1901 г., стр. 196—197, № 39.

Архангельской губерніи.

194.

... «Да и много Скопи́нъ да по землямъ бывалъ [1]),
Кабы много Скопинъ городовъ биралъ,
Да не взявши отъ города не отъѣжживалъ,
Не боялся Скопинъ да дваццети полковъ,
Дватцети пети полковъ, да полковъ тысечныхъ;
Да Малю́тина князя во служенье бралъ,
Да Малюту Скурлатьевну во служаноцьки,
Чашки-ложки, я, мыть, да повареноцьки».
Да и это Малюты да за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
Побѣжала Малюта да дочь Скурлатьевна:
«Охъ ты ой еси солнышко Владимеръ — князь!
Ты повѣрь, ты повѣрь мнѣ золоты ключи,
Ты повѣрь, ты повѣрь мнѣ кованы ларьци,
Ты позволь мнѣ сходить да во темны погребы,
Ты позволь мнѣ налить цяру зелена вина,
Да вчера мы вѣдь съ кумушкомъ кумилисе,
Да сегодни вѣдь хресника проздравить надь».
Говоритъ-то вѣдь солнышко Владимеръ — князь:
— Охъ ты ой еси Малюта дочь Скурлатьевна!
Да повѣрены тебѣ золоты ключи,

---

1) Только съ этихъ словъ знаетъ Ѳ. Чуркина старину про Скопина, такъ-же какъ и многіе другіе сказатели Устьцылемской волости. Въ Пустозерской волости эту старину знають сначала.

Да повѣрены тебѣ да темны погребы. —
Побѣжала Малюта дочь Скурлатьевна
Наливала она цяру зелена вина
Наливала не малу, да полтора ведра,
Да положила она тутъ зелья лютаго
Да положила она сала змѣиного,
Да подноситъ Скопину, сыну Ивановичу,
Поближешинько она да придвигаитсе,
Понижешинько она да покланяитсе:
«Охъ ты ой есь Скопинъ да сынъ Ивановиць!
Ужъ ты выкушай цяру да зелена вина».
По краямъ-то у цяры да ровно ключъ кипитъ,
По середкѣ у цяры ровно огонь горитъ.
Да беретъ-то Скопинъ цяру единой рукой,
Да и самъ-де за цярой выговариватъ:
«Охъ вы ой есь, дружинушка хоробрая!
Вы хоробрая дружина да заговорная!
Ужъ вы руськіе могуціе богатыри!
Ужъ какъ пить мнѣ-ка цяра — живому не быть,
А не пить мнѣ-ка цяра дакъ виновату быть.
Ужъ я выпью какъ цяру да зелена вина,
Вы тащыте меня да вонъ на улицу,
Посадите меня вы на добра коня,
Привежите меня да ко добру коню,
Спроводите коня да ко свою двору,
Пусть и знатъ про меня да родна матушка».
Кабы выпилъ Скопинъ цяру зелена вина, —
Покатилася съ плечъ буйна головушка,
Да свалилася она да на широку грудь,
Кабы ниже она стала могуцихъ плецъ.
Тутъ увидѣли руськіе богатыри,
Потащили его да вонъ на улицу,
Посадили его да на добра коня,
Привезали его да ко добру коню,

Спроводили коня да ко свою двору,
Ко свою двору, высоку терему.
Какъ увидѣла матушка родимая,
Какъ и ѣдетъ Скопинъ да сынъ Ивановичъ,
Да выскакивала она да на красно крыльцо,
Да стрѣцяла она сына сердецьного:
«Охъ ты ой есь Скопинъ да сынь Ивановичъ!
Да дитя ты мое, дитя родимое,
Да ты цядо мое, цядо мое сердечное,
Ужъ ты што-же нынь ѣдешь да не по старому.
Не по старому ты ѣдешь, да не по прежному,
Повѣся ты держишь да буйну голову,
Потопя ты держишь да оци ясныя,
Потопя ты ихъ держишь да въ мать сыру землю».
Говоритъ-то Скопинъ да сынъ Ивановиць:
— Охъ ты ой еси матушка родимая!
Матера ты Омельфа Тимофеевна!
Ужъ я былъ у князя да на чесномъ пиру,
Прибезчестилъ молоду да дочь Скурлатьевну,
Воспромолвилъ-же я да нынь такую рѣць:
«Ужъ я много Скопинъ по землямъ бывалъ,
«Ужъ я много Скопинъ да городовъ биралъ,
«Да не взявши отъ города не отъѣжживалъ,
«Не боялся Скопинъ да двадцети полковъ,
«Двадцети нети полковъ, да полковъ тысечныхъ,
«Да Малютина-князя во служенье бралъ,
«Да Малюту Скурлатьевну во служаноцьки».
Подавала она мнѣ цяру зелена вина,
Не великую не малу, да полтара ведра,
Да положила она тутъ зелья лютого,
Да положила она тутъ сала змѣиного,
Да и выпилъ я цяру да зелена вина.
Охъ ты ой еси матушка родимая!
Да бѣжи ты скоре нынь по попа-отця,

По попа-де, отця, да по духовного,
У меня есть на душѣ да три тежкихъ грѣха».
Розорвала тутъ матушка родимая,
Да и вси тутъ, всѣ пуинки шолковыя,
Да снимала она его со добра коня,
Побѣжала старуха да скоро-нáскоро,
Привела она попа-отця духовного,
Да сказалъ онъ ему да три тежкихъ грѣха,
Да заключился у его тутъ говорунъ-языкъ.
Кабы тутъ-де старухи да за бѣду стало,
За великую досаду да показалосе,
Заскакивала она да на добра коня,
Да гонила она да въ стольной-Кіевъ-градъ,
У воротъ она не спрашиватъ приворотничковъ,
У дверей она не спрашиватъ придверничковъ,
Заѣждяетъ она на улицу широкую,
Да въ крылечко клюкой стала поколачивать:
«Да подай-ко, подай, князь, виноватого,
Ужъ и худо потребилъ дитя сердечного,
Какъ того-же Скопина сына Иванова:
Наливала Малюта цяру зелена вина,
Не велику не малу, полтора ведра,
Да положила она тутъ зелья лютаго,
Да положила она сала змѣиного».
А и тутъ Малюта нынь на юходъ ушла.
А садился тутъ солнышко да за дубовой столъ,
Онъ писалъ ерлыки да скоры грамоты,
Разсылалъ онъ по городу по Кіеву,
Розыскать Малюту дочь Скурлатьевну.
А на то-де старуха была догадлива,
А сама-де старуха въ сугонъ поѣхала,
Да выдернула она ныньце сырой дубъ,
Уколотила она Малюту доць Скурлатьевну [1]).

1) Отсюда, сказала мнѣ Ѳ. Чуркина, она пѣла старину въ первый разъ, но какъ поютъ другіе, прежде слыхала.

А увидѣла старуха да стара-ма́тера,
Какъ слетѣлись-де ныньце два ворона,
А одинъ-то-ле воронъ да царя бѣлого,
А другой отъ-де воронъ да царя черного,
Они бьются-дерутся, пуще ратятся,
Ни которой другого побѣдить не могутъ нынь.
А змолилса-ле воронъ да царя бѣлого:
«Помоги-ты мнѣ старушка, да стара бабушка,
Потребити мнѣ вѣдь ворона, мнѣ вѣдь черного,
Ужъ я сдѣлаю тебѣ добро великое».
Да натегивала старуха ныньце тугой лукъ,
Зарежала-то стрѣлоцьку калёную,
Да подстрѣлила ворона невѣрного.
Да слеталъ ныньце воронъ по живу воду,
Да и отдалъ старухѣ, да старой бабушкѣ;
Помаза́ла она сына ныньце любимого,
Помаза́ла она его во первой наконъ,
Помазала она его во другой наконъ,
Да плеснула она ему на бѣло личо,
Стрепенулса Скопинъ да сынъ Ивановичъ;
Кабы тутъ-де Скопинъ да пробужаитсе,
Отъ великого сну да просыпаитсе;
Да скакалъ-то Скопинъ на рѣзвы ноги:
«Ужъ я долго-де спалъ, да всё пора ставать».

Записана Н. Е. Ончуковымъ въ 1902 г. въ д. Чуркиной, Устьцылемской волости, отъ кр. Θ. Е. Чуркиной. Напечатана въ сб. «Печорскія былины». 1904 г. стр. 33—36.

Архангельской губерніи.

195.

Во стольнёмъ во городи во Кіеви,
У ласкова князя у Владимера,
Заводился пиръ, право, почесенъ столъ;

Розоставили столики дубовыя,
Настелили тонки новобранны скатерти,
Розоставили питья-ѣства сахарныя;
Собиралися всѣ они, съѣжжалися,
Да къ солнышку батюшку на почесенъ пиръ.
Они пьютъ-ле, пируютъ трои суточки,
Да всѣ на пиру стали пьянёшеньки,
Да всѣ на чесномъ стали веселёшиньки,
Да всѣ на пиру да приросхвастались:
Первой-отъ-ле хвастатъ золотой казной,
Другой-отъ-ле хвастатъ чистымъ серебромъ,
Юмнотъ-ле хвастатъ старымъ ётцомъ,
Старымъ-ле ётцомъ, старой матушкой,
Безумной-ле хвастатъ молодой жоной
И иной удачей молодецкоей,
А да хвасталъ Скопинъ да доброй молодецъ:
«Ужъ я много, Скопинъ, да по землямъ бывалъ,
Ужъ я много, Скопинъ, да городовъ биралъ,
Я не бравши-ле города не проѣжживалъ,
А Малюту-короля да во полонъ его взялъ,
У Малютныхъ дочерей, на грудяхъ лежалъ,
Опускалъ я руки ниже до пуповья,
А ищэ того пониже-вѣдь до чéрева».
Услыхала тутъ вѣдь зла дочка Малютисна,
А эти ей рѣци да не по разуму,
За великую ей досаду показалосе,
Какъ выходитъ на гриню на столовую,
Подходитъ ёна' солнышку Владимеру,
Близешинько она,' солнышку подвигается
Низешинько она солнышку поклоняется,
Тихо-смирну свою рѣчь она выговариватъ:
«Ужъ ты ой еси, солнышко Владимеръ князь!
Ты позволь-же мнѣ-ка да слово вымолвить,
Ты не будешь-ле меня за слово казнить,

Отсылати-ле миня въ ссылки дальніе?»
Говоритъ ей вѣдь солнышко Владимеръ-князь:
— Говори-же ты нонь да што те надобно,
Я не буду тебя да за слово казнить,
Отсылать я не стану въ ссылки дальніе. —
Говоритъ тутъ Малютисна таково слово:
«Ты позволь-же мнѣ отмѣрять, цару зелена вина,
А поздравить надо нынь да люба кресника».
Говоритъ ей вѣдь солнышко Владимеръ-князь:
— Ты мѣряй-же цару зелена вина. —
А брала ёна пашечку серебрену,
А спускаласе во погребы глубокія,
Да намѣрила она цару зелена вина,
Невелику, немалу полтара ведра,
Ищэ клала коренья, да зелья лютого;
Загорѣлосе во царѣ да во серебреной,
Середи-то есь цары да есь пламё мецётъ,
По бокамъ-то есь цары да искры сыплютсе;
Выходитъ на гриню да на столовую,
Выноситъ ёна цару да зелена вина,
Выноситъ ёна цару правой рукой,
Во лѣвой рукѣ выноситъ своё цядо милое,
Подходитъ она ко столикамъ дубовымъ,
Подходитъ' Скопину сыну Михайлову,
Близешинько ёна' ему подвигаетца,
Низешинько сама ему поклоняется:
«Ужъ ты ой есь, Скопинъ да сынъ Михайловъ!
Поздравить надо намъ любима кресника».
Говоритъ тутъ Скопинъ да сынъ Михайловичъ:
— А выпить мнѣ та цара — живому не быть,
А не выпить мнѣ цара — виновату быть. —
А гледятъ-ле смотрятъ всѣ руськи богатыри,
Среди-то есь цары да то пламё мецётъ,
По бокамъ-то есь цяры искры сыплютсе;

Онъ понадѣялся на силу на могучую,
На свою-ле удачу да богатырскую,
Онъ пьётъ эту цару да за единой духъ.
Сидитъ тутъ Скопинъ скоро непостарому,
Непостарому Скопинъ сидитъ, непопрежному,
Повеся онъ свою доржитъ буйну голову;
Скакалъ-ле со лавки, съ дубовой доски,
Черезъ ти ищэ столики дубовыя,
Онъ падалъ на середу кирпищатъ полъ:
Да на то были руськи-те богатыри,
Скочилъ ищэ старъ-казакъ Илья-Муромецъ,
Подхватилъ онъ Скопина да за праву руку,
А скочилъ тутъ Добрынюшка Никитичъ: бладъ,
А Добрыня-то хватилъ его за лѣву руку,
Поставили они его на рѣзвы ноги,
Надѣвали на его его шубу куньюю,
Они клали его право пуховъ калпакъ,
Выводили Скопина да вонъ на юлицу;
Его доброй-отъ конь стоитъ обузданой,
Онъ обузданной конь его, обсѣдланной,
Посадили его да на добра коня,
Отправили его да во своё мѣсто,
Поѣхалъ Скопинъ да непостарому,
Непостарому ѣдётъ, непопрежному,
Доѣжжаетъ до своего высока терема;
Увидала его матушка родимая:
«Да ѣдётъ дитя моё непостарому.
Одва-ле онъ винно на кони сидитъ».
Мѣталасе она вонъ на улицу,
Стрѣчала она удала добра молодца,
Сымала его да со добра коня,
Ужъ стала у его она вѣдь спрашивать:
«Ужъ ты ой еси, моё дорого дитя!
Што-же ты пріѣхалъ непостарому?

Але пиръ-отъ тебѣ быватъ непоюму?
Подносчики были быватъ невѣжливы?
А винны-те цары да не доходили?
Але пивны стоканы да не доносили?»
Говоритъ ей Скопинъ да таково слово:
— Ой еси, родима моя матушка!
Поди-ко за попами, за причетниками,
Да надо мнѣ скоре нынце покаетца.—
Да скоро привели поповъ, причетниковъ,
Да покаялся Скопинъ сынъ Михаиловичъ.
Повалили его на лавку на брущатую,
Повалили подъ иконы подъ святы его.
Немножко прошло да тутъ времицька,
Приставилса Скопинъ сынъ Михаиловичъ,
Да сдѣлали ему гробъ да право вѣчной домъ,
Наверхъ обтенули да хрущатой камкой,
Да хоронили Скопина сына Михаиловича,
Погребли, похоронили да добра молодца.
Брала мати книжоцьку волховную,
Посмотрѣла она книгу волховную,
Надѣвала на себя да шубу куньюю,
Отправлялась она' солнышку Владимеру,
Доѣжжаетъ она до солнышка Владимера,
Говоритъ ёна солнышку Владимеру:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимеръ князь!
Не на пиръ зовёшь, да не столовать право.
Зовёшь да ле ты ноньце всё опаиваш,
Опоилъ ты у миня да цядо милое,
Какъ того-ле Скопина сына Михаиловича».

Записана Н. Е. Ончуковымъ въ дер. Рощинскій Ручей, Устьцылемской волости, отъ кр. И. В. Торопова въ 1902 г. Напечатана въ сб. «Печорскія былины» 1904 г., стр. 251—254.

Архангельской губерніи.

196.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова у князя Владыміра,
Родилось у его да чадо милоё.
Съ той-же со радости великоей,
Завёлса ю князя-то почесенъ пиръ,
Пра многихъ князей да многихъ бояровъ,
Пра тихъ-же мѣщанъ'ся городовыихъ,
Пра тихъ же купцей людей торговыихъ,
Да всѣ на пиру пьяны-веселы,
Да всѣ на пиру потѣшаютце,
Ростѣшилса солнышко Владыміръ-князь,
Онъ пагуливалъ по гриденки па свѣтлоей,
По той-же по середы кирпичатой,
А рѣзвыма ногами ёнъ поступывалъ,
Бѣлыма руками прирозмахивалъ,
Изъ рѣцей-то Владыміръ выговаривалъ:
«Ты ой есь, княгина да мать Апраксія!
Намъ каго-же поставити въ кумушки?»
Говоритъ-то княгина мать Апраксія:
— Надь-бы съѣздить во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу прибогатую,
Позвать удала добра молацца,
А Скопина-ли Михаила сына Ивановича,
Его-же поставити во кумушки. —
«Кого-же послати въ Малу Галичу?»
— Послать намъ Добрынюшку Микитиця,
А Добрынюшка Микитиць онъ крестовой братъ,
А послушатъ Скопинъ своего крестовушка. —
Говоритъ-то нашъ солнышко Владыміръ-князь:
«Ожъ ты ой есь, Добрынюшка Микитиць бладъ!

Ты съѣзди во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу прибогатую,
Позови-ко юдала добра молоцца,
Ко князю его да всё во кумушки».
На то-де доброй молодецъ не ётслышалсэ,
Да сталъ-то Добрынюшка срежатисе,
Скоре-де того онъ сподоблеитце,
Уздаетъ, сѣдлаетъ коня доброго,
Ёнъ скоре́ садитца на добра коня,
Онъ поѣхалъ во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу прибогатую,
Ко тимъ-же ко теремамъ высокіемъ,
Ко тимъ же окошечкямъ косявчатымъ,
’тому-же крылечушку прекрасному.
Да скоро-де слазитъ доброй молодецъ,
Да скоро-де слазитъ со добра коня,
Да вяжотъ своего коня доброго,
’тому-же столбу да ко дубовому,
За то-же колечушко серебрено,
Заходитъ Добрыня на красно крыльцо,
Проходитъ Добрыня во новы сѣни,
Изъ новыхъ сѣней во гриню во свѣтлую,
Да молитце Добрыня Господу Богу,
Онъ и крестъ-отъ кладётъ да по писанному,
Онъ поклонъ-отъ ведётъ да по учёному,
Ёнъ кланятца на всѣ четыре стороны,
Сидитъ-то вѣдь тутъ право служаноцька:
«Не ты-ле Скопину родна матушка?»
— Я сижу-то его вѣрна служаноцька. —
«Да гдѣ-же Скопинова родна матушка?
— Проходи тамъ вперёдъ да во свѣтлу гриню.
Проходитъ Добрынюшка Микитицъ бладъ,
А молитца Добрыня Господу Богу,
Ёнъ крестъ-отъ кладётъ по писаному,

Поклонъ-отъ ведётъ по ученому,
Ёнъ кланетце на вси четыри стороны,
Сидитъ-то вѣдь тутъ право служаноцька:
«Не ты-ле Скопина родна матушка?»
— Проходи тамъ вперёдъ да во свѣтлу гриню. —
Проходитъ Добрынюшка Микитицъ бладъ,
Да молитца Добрыня Господу Богу,
Да кланятца на всѣ четыре стороны:
«Да здраствуй, мой званушко крестовой братъ!»
— Да здраствуй Добрынюшка крестовой братъ! —
Да скоро скочилъ да на рѣзвы ноги,
Берётъ-то его да за бѣлы руки,
Да хочетъ онъ дѣлать пиръ великія,
Да ради своего онъ крестовушка.
«Охъ ты ой есь, званой мой крестовушко!
Скопинъ-ле Михайло сынъ Ивановичъ!
Нельзя мнѣ сидѣти на чесномъ пиру,
Я посланъ тебѣ да на ускорую,
Ётъ ласкова князя отъ Владыміра,
Зовутъ-то тебя ёни во кумушки».
Приходитъ юдалой доброй молодецъ,
Скопинъ-ле Михайло сынъ Ивановичъ,
Ка сваей ко матушкѣ родимоей,
Ёнъ кланяетца ей да во рѣзвы ноги:
«Ой моя, маменька родимая!
Чесная вдова благочестивая,
Спусти мя во стольнёй славной Кіевъ-градъ,
А мнѣ дай благословенье великое».
— Не дамъ благословленье великое,
Итти тибѣ, ѣхать въ стольнёй Кіевъ-градъ,
А ты-же во хмелю да не сурядливой,
Тамъ злыя бояришка подмолвщики,
Касабрюхіе воры, подговорщики. —
Однако-же кланятца въ рѣзвы ноги:

«Ты ой моя, матушка родимая!
Чесная вдова благочестивая!
Ожъ не дашъ благословленья великого,
Поѣду-же, поѣду въ стольнёй Кіевъ-градъ».
Ёднако-же дала благословленьицо,
Съ буйной-де главы и до сырой земли,
Да стали молодцы да нынь срежатисе,
Скорей-же того да сподобляютце,
Уздаётъ, сѣдлаётъ коня доброго,
Онъ и скоре садицца на добра коня,
Да ѣдутъ во стольнёй славной Кіевъ-градъ,
Ко ласкову князю на почесенъ пиръ.
Окрестили, молитвили бладенеця,
Ставалъ-то Скопинъ да ёнъ во кумушки,
Со той-же Скурлатой со Малютиной,
Выходили ёни да изъ Божьей церквы,
Ко ласкову князю на почесенъ пиръ,
Да всѣ на пиру напивалисе,
Да всѣ на чесномъ да похваляютце,
Изъ ума-де Скопинъ да выпиваитце,
Во хмелю-де Скопинъ да похваляитце:
«Да много Скопинъ да по землямъ бывалъ,
Да много Скопинъ да городовъ биралъ,
Не боялса Скопинъ да сорока полковъ,
Сорока-де полковъ, да сорокъ тысецныхъ,
Я Малюту-царя да во полонъ биралъ,
Я Малютину дочь держалъ парукою,
Парукою держалъ я, полюбовницой,
На остаткахъ далъ князю во служеньицо».
И та-же Скурлата дочь Малютична,
Спускаетца она да во глубокъ погребъ,
Выносила-ле цару зелья лютого,
По краямъ-то-ле цары какъ ключи кипятъ,
На середка-де цары да огонь горитъ.

Онъ и пьетъ, Скопинъ, цару за единой духъ,
Скатилося съ плечъ голова какъ пуговица,
Сидитъ-то Скопинъ да не по прежному.
Подхватили Скопина сына Михайловича,
Да садили его да на добра коня,
Да везли-бы его къ матушкѣ родимоей;
Да встрѣчала его матушка, горько плакала,
Похоронила она сына своево любимого.
Да та его матушка родимая,
Да зла паленица преудалая,
Выходила ёна да вонъ на улицу,
Суредила ёна да коня доброго,
Да скоре садицца па добра коня,
Да ѣдётъ во стольнёй славной Кіевъ-градъ,
Ко тимъ же полатамъ княженевскіимъ,
Крычитъ подъ окошечкомъ косявчатыімъ:
«Подайте-тка мнѣ да виноватого!»
Отвѣчаютъ тамъ-де слуги вѣрныя:
— Виноватого въ домѣ не лучилосе,
Отлучилса виноватой во чисто полё. —
Ажъ тутъ Маривьяна поворотъ даётъ,
А ѣдётъ она да во чисто полё,
Выѣхала на горы на высокія,
Да зритъ-то, смотритъ да во вси стороны,
Завидѣла во полѣ шатёръ стоитъ,
Стоитъ-то шатеръ да чернобархатной,
Она ѣдетъ ко шатру какъ чернобархатну,
А берётъ-то-ле стрѣлочкю каленую,
Откинётъ у шатра да полу правую,
Да спитъ тутъ Скурлата дочь Малютична:
«Ставай-ко, Скурлата дочь Малютична!
Да полно те спать, право пора ставать».
Ото сну-то Скурлата просыпаитца,
Выходитъ ёна да вонъ на улицу,

Берётъ Маревьяна нынь востро копьё,
Втыкаетъ тупымъ концемъ въ сыру землю,
Берётъ-то Скурлату дочь Малютичну,
Посадила ей ж . . . й на востро копье,
Да тутъ-то Скурлаты смерть случилосе,
А оттуль Маривьяна поворотъ даётъ.

Записана Н. Е. Ончуковымъ въ 1902 г. въ селѣ Великая Виска, Пустозерской волости, отъ кр. А. И. Дитятева. Напечатана въ сборн. «Печорскія былины» 1904 г., стр. 321—325.

Олонецкой губерніи.

197.

Когда владѣлъ Москву Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Въ тую порушку, въ тое времячко
Обошла Москву Литва поганая.
Садился тутъ Скопинъ на добра коня,
Ѣхалъ Скопинъ онъ въ Новгородъ,
Служилъ заутрену Пречистой Богородицы,
На заутрену онъ положилъ пятьсотъ рублей,
На обѣдню полагалъ онъ цѣлу тысящу.
Собиралъ онъ мужиковъ Новогородскіихъ,
Говорилъ-то таковы слова:
«Ай же, мужики Новогородскіе!
«Собирайте-ка мнѣ силы сорокъ тысячей
«Повыгнать изъ Москвы Литва поганая».
Эти мужики Новогородскіе
Ему силушки собрали сорокъ тысячей.
Садился тутъ Скопинъ на добра коня,
Ѣхалъ съ силушкой великой къ каменной Москвы;
Становилъ онъ эту силушку въ чистомъ полѣ,
Самъ проѣхалъ по славной каменной Москвы,

Ко тому Микитушкѣ Романову,
Приходилъ къ нему въ палату бѣлокаменну,
Говорилъ-то онъ Микиты таковы слова:
«Ай же ты, Микитушка Романовичъ!
«Обошла Москву Литва поганая,
«Обовладѣла всѣ дворы княженецкіе
«И всѣ улицы стрѣлецкія.
«Привелъ-то я силушки сорокъ тысячей.
«Какъ бы намъ повыгнать изъ Москвы Литва поганая?»
Садился Микитушка на черленый стулъ;
Приклонилъ свою головушку къ сырой землѣ,
Очи ясныя втопилъ онъ во кирпиченъ мостъ,
Говорилъ Микита таковы слова:
— Ай же, молодость ты, моя молодость!
— Улетѣла отъ меня да во чисто̀ поле,
— Во чисто поле улетѣла яснымъ соколомъ!
— Ай же, старость моя, старость глубокая!
— Налетѣла ко мнѣ старость изъ чиста поля,
— Изъ чиста поля налетѣла чернымъ ворономъ,
— Садилась на плечика могучія! —
Становился Микита на рѣзвы ноги,
Палъ-то Микита о кирпиченъ мостъ,
Обернулся тонкіимъ бѣлымъ горносталемъ
И бѣжалъ-то онъ по славной каменной Москвы,
Забѣгалъ онъ въ магазеи въ оружейные,
Отъ оружій онъ замочки прочь выщалкивалъ.
Обвернулся Микита сѣрымъ волкомъ,
Бѣжалъ онъ на конюшни лошадиныя,
У коней всѣ глотачки повыторкалъ.
Тутъ Никитушка Романовичъ
Обвернулся тонкіимъ бѣлыимъ горносталемъ,
И бѣжалъ онъ тонкіимъ бѣлыимъ горносталемъ
По матушкѣ по славной каменной Москвы;
Прибѣжалъ въ свои палаты бѣлокаменны,

Палъ Никита о кирпиченъ мостъ,
Обернулся Микита добрымъ молодцемъ[1]),
Вшелъ-то Микита на широкій дворъ,
Бралъ добра коня онъ богатырскаго,
Бралъ коня да онъ засѣдлывалъ,
И садился Микита на добра коня,
Бралъ онъ въ руки палицу булатную,
И повыѣхалъ за славну каменну Москву,
Биться онъ съ Литвою со поганою......

(Не кончено).

Записана П. Н. Рыбниковымъ въ д. Середкѣ Кижской волости отъ Т. Г. Рябинина въ 1860 г. Напечатана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ», т. I, № 20, стр. 122. Изд. 2-е подъ ред. А. Е. Грузинскаго. М. 1909 г.

Олонецкой губерніи.

198.

Обошла Москву Литва поганая,
Да й садился тутъ Скопинъ да на добра́ коня,
Еще ѣхалъ-то Скопинъ да и во Новгородъ,
Онъ заутрену служилъ пречистой Богородицѣ,
На заутрену онъ положилъ пятьсотъ рублей,
На обѣдню полагалъ онъ цѣлу тысящу,

---

1) Въ другой разъ Рябининъ вставилъ здѣсь такіе девять стиховъ:

Говорилъ Микита таковы слова:
«Поѣзжай-ко, Скопинъ, во чисто поле
«Ко своей силушкѣ великія;
«Со своей силушкой великоей
«Подъѣзжай ко славной каменной Москвы,
«А я выѣду на своемъ добромъ конѣ,
«Повыведемъ поганцевъ съ каменной Москвы,
«Очистимъ дворы княженецкіе
«И всѣ улицы стрѣлецкія». — Ред.

Собиралъ ёнъ мужичковъ да новгородскіихъ,
Говорилъ ёнъ мужичкамъ да новгородскіимъ:
«Ай же мужички вы новгородскія!
«Соберите-тко мнѣ силушки сорóкъ тысящъ
«Да й повыгнать изъ Москвы Литва поганая».
Эты мужички да новгородскія
Собирали ёму силушки сорóкъ тысящъ;
Ѣхалъ-то Скопинъ да къ каменнóй Москвы
Со своима со войскамы со великима.
У Литвы Москва да попризáпята,
А й всѣ дóмы у Литвы да призаставлены,
А й оружьямы литовскима
Магазеи принаполнены,
Ему нéкакъ-то подъѣхать къ каменной Москвы.
А 'ще шолъ Скопинъ по славной каменнóй Москвы,
Приходилъ-то онъ ко князю ко московскому,
Ко тому къ Микитушкѣ къ Романову.
А'ще грозный царь Иванъ Васильевичъ
Во Москвы живетъ да ёнъ не весело
Онъ со этою царицей со московскою,
Да со тою со Настасьюшкой Романовой,
Енъ про нихъ дѣлà да и не вѣ́даётъ.
Говорилъ Скопин-отъ князю-то московскому:
«Ай же князь Микитушка Романовичъ,
«Разоритъ нашý Москву Литва поганая!»
Тутъ московской князь Микитушка Романовичъ
А й садился-то Микита на черленый стулъ,
Й онъ повѣсилъ свою буйную головушку
Да пониже плечъ своихъ могучіихъ,
Ясны очушки втопилъ онъ во кирпичной мостъ,
Говорилъ-то тутъ Микита таковы слова:
— Ай же молодость моя молóдая!
— Улетѣла отъ меня да й во чистó поле,
— Во чистó поле да яснымъ соколомъ!

— Ай ты старость ты моя да и глубокая!
— Налетала ты да изъ чиста́ поля,
— Изъ чиста́ поля да чернымъ ворономъ,
— Да й садилася ко мнѣ на плечка на могучіи! —
А й тутъ сталъ Микита на рѣзвы́ ноги,
А й то палъ Микита о кирпичной мостъ,
Обвернулся тонкимъ бѣлымъ горностальчикомъ,
Й онъ бѣжалъ по славной каменно́й Москвы,
Забѣгалъ онъ въ магазеи въ оружейные,
Отъ оружей всѣ замочки прочь повыщелкалъ:
Онъ бѣжалъ-то па конюшни лошадиныи,
У добры́хъ коней всѣ глодочки повыторкалъ;
Бѣжалъ онъ тонкимъ бѣлымъ горностальчикомъ
Во свою полату бѣлокаменну,
А й тутъ палъ Микита о кирпичной мостъ,
Обвернулся, сталъ Микита добрымъ мо́лодцемъ.
Выходилъ-то какъ Микита на широкой дворъ,
Отобралъ добра́ коня Микита богатырскаго,
Й онъ сѣдлалъ коня да богатырскаго,
Онъ повыѣхалъ на славну каменну́ Москву
Воевать съ Литвою со поганою.
Какъ пошла Литва погана по конюшнямъ лошадиныимъ,
Да у добры́хъ коней вси глодочки росторканы;
То пошли оны по тымъ славнымъ магазеямъ оружейныимъ,
Отъ оружей всѣ замочики отщолканы, —
То имъ нечѣмъ воевать да съ каменно́й Москвой.
А й поганая Литва она въ побѣгъ пошла,
А й очистили-то славну каменну́ Москву.
Еще тымъ эти̂ дѣла покончились.

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года отъ Трофима Рябинина въ Кижской волости. Напечатана въ «Онежскихъ былинахъ» т. II, стр. 156—158.

Олонецкой губерніи.

199.

Когда владѣлъ Москвою грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Тогда въ то́ю по́ру, въ тое времячко,
Ёнъ пошла Литва да въ каменну̀ Москву.
Тогда въ то́ю пору, въ тое времячко,
Тутъ садился же Скопи́нъ да й на добра коня.
А что ѣхалъ Скопи́нъ да ёнъ во Новгородъ,
На заутренную по̀лагалъ пятьсо́тъ рублей,
На обѣдню по̀лагалъ да̀ цѣлу тысячу.
Собиралъ онъ мужичковъ да й новгородскіехъ:
А'й же, мужички́ вы новгородскіе,
Вы сберите-тко мнѣ силушки сорокъ тысячъ
А повыгнать изъ Москвы Литву поганую.
Ящё тоже мужички да й новгородскіе
Ему собра̀ли силушки сорокъ тысячъ.
Тутъ садился же Скопинъ да й на добра коня,
Выѣзжалъ Скопинъ да й во чисто поле,
Становилъ онъ цѣлу армію въ чистомъ поли.
А что ѣхалъ Скопи́нъ да въ каменну Москву,
Къ своему-то онъ братцу̀ крестовому,
А къ тому й Микитушки й Романову.
Пріѣзжалъ-то онъ да й на широкъ на дворъ
Становилъ коня̀ да й посреди двора....

(Дальше не записано).

Записана въ Москвѣ въ 1894 г. отъ Олонецкаго сказителя крест. Ивана Тимофеевича Рябинина гг. А. С. Аренскимъ и Н. А. Янчукомъ. Напечатана въ «Этнограф. Обозрѣніи», кн. XXIII, стр. 147—148.

Вологодской губерніи.

200.

Прикажи, сударь-хозяинъ, Скопина просказать,
Скопина князя Михайла Васильевича!
Снаряжается Скопинъ въ каменну Москву,
Въ каменну Москву, да и во Шведскую,
Во Шведскую да во Нѣмецкую.
Ему матушка наказывала,
Молода жена наговаривала:
«Не ѣзди, Скопинъ, въ каменну Москву,
Не водись со князьями, боярами,
Со всею поленицею удалою,
Со Малютвой дочерью Курлатовой,
Съ Курлатовой Щербатовой,
Князя Дмитрія Петровича Шустовой женой».
Скопинъ своей матушки не слушаетъ;
Онъ самъ выходитъ на красно крыльцо,
Онъ самъ говорилъ таково слово:
«Есть ли у меня млады конюги,
Млады конюги, съ подканюшниками?
Походите на конюшну бѣлодубовую
По любимого по бахманца,
Сѣдлайте въ сѣдло черкайское,
Уздайте уздою тесмянною,
Подтягивайте подпругами шелковыми
Бѣлаго шелку шамахайскаго,
Застегивайте пряжками булатными
Не для-ради басы, ради крѣпости,
Ради крѣпости богатырскія!».
Сходилъ Скопинъ со краснаго крыльца
Со того крыльца княжескаго,
Садился Скопинъ на добраго коня
На любимаго на бахманца,

Поѣхалъ Скопинъ съ широкаго двора,
Онъ плеткой помахивалъ,
Золотой уздой побрякивалъ.
Пріѣхалъ Скопинъ въ каменну Москву
На ту площадь Красную
Къ тому собору Успенскому;
Скумился съ кумой крестовою
Малютвою дочерью Курлатовой
Съ Курлатовой Щербатовой,
Князя Дмитрія Петровича Шустовой женой.
У князя у Владимира
Былъ веселъ пиръ на радости.
Ахъ, бѣлой день ко вечеру,
Ахъ, солнышко катится ко запа́ду.
До полусыта бояра наѣдалися,
До полупьяна напивалися,
Между собой расхвасталися.
Первой-етъ бояринъ хвалится,
Онъ хвалится, похваляется:
«У меня много золотой казны».
Второй бояринъ хвалится,
Онъ хвалится, похваляется:
«У меня много скатнаго жемчюга».
Еще бояринъ хвалится,
Онъ хвалится, похваляется:
«У меня много добрыхъ коней».
Помолчавши, Скопинъ слово выговорилъ:
«Еще, пищики, бояра, послушайте:
А кто де Москву пріочистилъ всю,
Кто подѣлалъ улочки широкія,
Переулочки чистыи?»
За бѣду боярамъ слово показалося,
За досаду кумѣ объявилося,
Сама говорила таково слово:

«Позабыла я, кума, поподшивати,
Поподшивати, почествовати».
Еще говорила таково слово:
«Гдѣ вы, слуги мои вѣрные?
Скоро-борзо походите во питейной кабакъ,
Вынимайте мой золотой кабанъ,
Невеликъ немалъ, въ полтора ведра вина;
Влейте ведро зеленаго вина
Да полуведро зѣлья лютаго,
Поднесите бакалъ Скопину князю!»
Въ середи чары огонь горѣлъ,
По краямъ чары ключи кипятъ.
Принимаетъ Скопинъ единой рукой,
Выпиваетъ Скопинъ на единой духъ:
Какъ тутъ ясныя очи замутилися,
Бѣлыя ручки опустилися,
Рѣзвыя ножки подломилися,
Загорѣлося ретивое сердце, —
Садился Скопинъ на добраго коня
Не по старому, не по прежнему.
Какъ издалече-далече, изъ чистаго поля
Завидѣла его матушка,
Сама говорила таково слово:
«Не кума ли тя, дитятко, уподшивала,
Не крестовая ли тя, дитятко, учествовала?»
Черезъ три часа Скопинъ представился.
Мыли его тѣло бѣлое
Тремя водами ключевыми;
Пеленали его тѣло бѣлое
Во ту фату мелкотравчату;
Клали его тѣло бѣлое
Во ту колоду бѣлодубову;
Выносили его тѣло бѣлое
Ко свѣту Михаилу Архангелу

Во ту церковь соборную;
Хоронили его тѣло бѣлое
Со всѣми попами со дьяконами,
Со всѣми протопопы и архимандритами.

Списана г. Н. Ординымъ въ Сольвычегодскомъ у., изъ старой рукописной тетрадки. Напечатана въ «Живой Старинѣ» 1890 г., Вып. I, отд. II, стр. 3—5.

Изъ Западной Сибири.

201.

Какъ бы во сто дватцать седмомъ году,
В седмо[м] году восмои тысячи,
Аи деялось, учинилося:
Кругомъ силна царства московского
Литва обълегла со все четыре стороны,
Аи с нею сила, сорочина долгополая,
И те черкасы петигорские,
Еще ли калмыки с татарами,
Со татарами со башкирцами,
Еще чюкши с олюторами.
Какъ были припасы многие,
Аи царские и княженецкие,
Боярские и дворянские;
А нелзя ни про̃ти, ни проехати,
Ни конному, ни пешему,
И ни соколомъ вонъ вылетити
И из силна царства московскова
И великова государства рос̑икова.
А Скопинъ князь Михаила Васильевичь,
Онъ правитель царству московскому,
Обережатель миру крещеному

И всеи нашеи земли светоруския,
Что есенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы белой кречетъ вонъ выпархивалъ;
Выезжалъ воевода московскои князь Скопинъ
Князь Михаила Васильевичь,
Онъ походъ чинилъ ко Нову городу.
Какъ и будетъ Скопинъ во Нове граде,
Приезжалъ онъ Скопинъ на съезжеи дворъ,
Походилъ во избу во съезжую,
Садился Скопинъ на ременчетъ стулъ,
Аи беретъ чернилицу золотую,
Какъ бы въ не перо лебединое,
И беретъ онъ бумагу белую,
Писалъ ерлыки скоропицеты
Во свицкую землю саѯонскую,
Ко любимому брату званому,
Ко спицкому королю Карлосу.
А ѿ мудрости слово поставлено:
«Аи гои еси, мои названои братъ,
«А ты свицкіи король Карлусъ!
«Аи смилуися, смилосердися,
«Смилосердися, покажи милость,
«Аи даи мне силы на подмочь;
«Наше силно царство московское
«Литва облегла со все четыре стороны,
«Приступила сорочина долгополая,
«Аи те черкасы петигорския,
«Аи те калмыки со башкирцами,
«Аи те чюкши с олюторами,
«И не можемъ мы с ними управитца:
«Я зокладоваю три города руския».
А съ ерлыками посдалъ скорого почтаря,
Своего любимова шурина —
А таво Митрофана Фунтосова.

Какъ и будетъ почтарь в полувецкои орде
У честна короля, честнова Карлуса,
Онъ въезжаетъ прямо на королевскои дворъ,
А ко свицкому королю Карлусу;
Середи двора королевскова
Скочилъ почтарь со добра коня,
Везалъ коня к дубову столбу,
Сумы похватилъ, самъ во полаты идетъ;
Не зачемъ почтарь не земешкался,
Приходитъ во полаты белокаменну,
Росковыривалъ суммы, вынималъ ерлыки,
Онъ кладетъ королю на круглой столъ.
Принимавши, король роспечатоваетъ,
Распечаталъ, самъ просматриваетъ,
И печальное слово повыговорилъ:
«Ѿ мудрости слово поставлено
«Ѿ любимова брата названова,
«Скопина князя Михаила Васильевича,
«Какъ проситъ силы на подмочь,
«Закладываетъ три города руския».
А честны король, честны Карлусы
Показалъ ему милость великую,
Ѿправляетъ силы со трехъ земель:
Аи первыя силы-то свицкия,
А другия силы саѯонския,
Аи третия силы школския —
Тово ратнова люду ученова,
А не много, не мало — сорокъ тысячеи.
Прибыла сила во Новъ городъ,
Изъ Нова города в каменну Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина князя думушки прибыло.
А по утру рано-ранешонко
В соборе Скопинъ онъ заутреню ѿслужилъ,

Ѿслужилъ — самъ в походъ пошолъ,
Подымавши знаменье царские,
А на знаменье было написано
Чюденъ Спасъ со Пречистою,
На другои стороне было написано
Михаило и Гаврило архангелы,
Еще вся тута сила небесная.
В восточную сторону походомъ пошли —
Оне вырубили чють белоглазую
И ту сорочину долгополую;
В полуденную сторону походомъ пошли —
Прекротили черкасъ петигорскеихъ,
А не много дралися, скоро сами здались,
Еще ноне тутъ Малоросия;
А на северну сторону походомъ пошли —
Прирубили калмыкъ со башкирцами;
А на западну сторону и в ночь пошли,
Прирубили чюкши с олюторами;
А кому будетъ Божья помочь —
Скопину князю Михаилу Васильевичу:
Онъ очистелъ царство московскос
И велико г͠дръство росиское
На великиⷯ техъ на радостяхъ
Служили обедки с молебнаⷨ,
И кругомъ города ходили в каменнои Москвы;
Ѿслуживши обедни с молебнами,
И всю литоргию великую,
На великихъ ка радостяхъ пиръ пошеⷧ,
А пиръ пошелъ и великой столъ
И Скопина князя Михаила Васильевича
Про весъ православнои миръ,
И велику славу до веку поютъ
Скопину князю Михаилу Васильевичю.
Какъ бы малое время замешкавши,

Какъ и будетъ почтарь в полувецкои орде
У честна короля, честнова Карлуса,
Онъ въезжаетъ прямо на королевскои дворъ,
А ко свицкому королю Карлусу;
Середи двора королевскова
Скочилъ почтарь со добра коня,
Везалъ коня к дубову столбу,
Сумы похватилъ, самъ во полаты идетъ;
Не зачемъ почтарь не земешкался,
Приходитъ во полаты белокаменну,
Росковыривалъ суммы, вынималъ ерлыки,
Онъ кладетъ королю на круглой столъ.
Принимавши, король роспечатоваетъ,
Распечаталъ, самъ просматриваетъ,
И печальное слово повыговорилъ:
«Ѿ мудрости слово поставлено
«Ѿ любимова брата названова,
«Скопина князя Михаила Васильевича,
«Какъ проситъ силы на подмочь,
«Закладываетъ три города руския».
А честны король, честны Карлусы
Показалъ ему милость великую,
Ѿправляетъ силы со трехъ земель:
Аи первыя силы-то свицкия,
А другия силы саѯонския,
Аи третия силы школския —
Тово ратнова люду ученова,
А не много, не мало — сорокъ тысячеи.
Прибыла сила во Новъ городъ,
Изъ Нова города в каменну Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина князя думушки прибыло.
А по утру рано-ранешонко
В соборе Скопинъ онъ заутреню ѿслужилъ,

Ѿслужилъ — самъ в походъ пошолъ,
Подымавши знаменье царскіе,
А на знаменье было написано
Чюденъ Спасъ со Пречистою,
На другои стороне было написано
Михаило и Гаврило архангелы,
Еще вся тута сила небесная.
В восточную сторону походомъ пошли —
Оне вырубили чють белоглазую
И ту сорочину долгополую;
В полуденную сторону походомъ пошли —
Прекротили черкасъ петигорскеихъ,
А не много дралися, скоро сами здались,
Еще ноне тутъ Малоросия;
А на северну сторону походомъ пошли —
Прирубили калмыкъ со башкирцами;
А на западну сторону и в ночь пошли,
Прирубили чюкши с олюторами;
А кому будетъ Божья помочь —
Скопину князю Михаилу Васильевичу:
Онъ очистелъ царство московскоe
И велико Гдръство росиское
На велики[х] техъ на радостяхъ
Служили обедки с молебна[м],
И кругомъ города ходили в каменнои Москвы;
Ѿслуживши обедни с молебнами,
И всю литоргию великую,
На великихъ ка радостяхъ пиръ поше[л],
А пиръ пошелъ и великой столъ
И Скопина князя Михаила Васильевича
Про весъ православнои миръ,
И велику славу до веку поютъ
Скопину князю Михаилу Васильевичю.
Какъ бы малое время замешкавши,

Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

Напечатана въ Сборникѣ Кирши Данилова; изд. Имп. Публ. Библ. подъ ред. П. Н. Шеффера, стр. 115—118.

Томской губерніи.

202.

У ласкова князя Владиміра
Было столованье-почестный пиръ.
Собирались къ нему князья, бояры
И пили, гуляли, забавлялися.
Во полупиру бояры напивалися,
Въ полукушаньи наѣдалися.
Ласковый Владиміръ князь
По горенкѣ похаживаетъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Что вы, мои князья, бояры,
«Пьете, ядите, потѣшаетесь,
«Ничѣмъ бояры не похвалитесь?
И стали бояры хвалитися:
Одинъ бояринъ хвасталъ чистымъ серебромъ,
Другой бояринъ хвасталъ скатнымъ жемчугомъ,
Третій бояринъ хвасталъ краснымъ золотомъ,
Четвертый бояринъ хвасталъ золотой казной,
Пятый похвасталъ молодой женой,
Шестой похвасталъ своими дѣтьми,
Седьмой похвасталъ добрымъ конемъ,
Восьмой бояринъ похвасталъ высокимъ теремомъ.
Одинъ только бояринъ не хвастаетъ,
Михайло Скопинъ, сынъ Васильевичъ;
Встаетъ Михайло на рѣзвы ноги,

Самъ говоритъ таковы слова:
«Гой еси, батюшко Владиміръ князь!
«Бралъ я Малюту за черны кудри.
«Билъ я Малюту о сыру землю,
«За тое за измѣну за великую.
На пиру тутъ сидѣла Малютина дочь:
Наливала она чару зелена вина,
Во чару клала зелья лютова,
Подносила она куму крестовому:
«Выпей-ко чару, мой крестовый кумъ,
«Михайло Скопинъ, сынъ Васильевичъ!
«Насилу дождалась отъ тебя слова ласкова».
Принимаетъ чару единой рукой,
Выпиваетъ чару единымъ духомъ.
Схватило у Скопина сердце ретивое,
Надѣвалъ черну шляпу и вонъ пошелъ.
Садился Михайло на добра коня, —
Не можетъ Михайло на конѣ сидѣть;
Ѣдетъ онъ къ своему высоку терему,
Ѣдетъ на улицу на широку.
Увидала его матушка родимая
Скрозь окошечко косящато,
Скрозь оконепку стеклянную,
Бѣжитъ скоро на красно крыльцо
И встрѣчаетъ свое чадо милое:
«Ой ты, гой еси, мое чадо милое,
«Ты Михайло Скопинъ, сынъ Васильевичъ,
«Почто ты эдакъ упиваешься?»
Проговоритъ Михайло, сынъ Васильевичъ:
«Ой ты, гой еси, моя родима матушка,
«Не самъ я собою упиваюся,
«Напоила меня Малютина дочь:
«Наливала она чару зелена вина,
«Во чару клала зелья лютова,

«Подносила она куму крестовому,
«Сама говоритъ таковы слова:
«Выпей-ко ты, мой крестовый кумъ!
«Я прималъ чару единой рукой,
«Выпивалъ единымъ духомъ;
«И схватило у меня сердце ретивое.
«Тутъ Михайло не могъ на пиру сидѣть,
«И надѣлъ я черну шляпу, самъ вонъ пошелъ.
«Вышелъ я на улицу на широку,
«И садился я на добра коня,
«И не могъ я, матушка, на немъ сидѣть».

Записана въ 60-хъ годахъ С. И. Гуляевымъ въ Барнаулѣ со словъ крестьянина Л. Тупицына. Напечатана В. Ѳ. Миллеромъ въ статьѣ «Историческія пѣсни изъ Сибири». См. Извѣстія Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. IX, кн. 1-я, стр. 27—29.

Якутской области.

203.

Скопину то рано мати наговаривала:
— «Ты не ѣзди, Скопинъ, въ каменну Москву,
Не торгуйся съ купцами Саморонскими (sic)
Не бери ты товару саморонскаго,
Не кумися ты съ дочерью Малютиной!»
Не послушался Скопинъ родну матушку,
Ужъ поѣхалъ то Скопинъ во каменну Москву,
Подружился онъ съ купцами Саморонскими,
Покумился онъ съ дочерью Малютиной,
Покрестилъ то онъ сына Скурлатовыхъ.
— «Я чего кумъ сижу, къ кумѣ въ гости нейду?».
— «Я чего кумá сижу, кýма не потчиваю?» —
Подходила къ поставцу доморубленному,

Доставала она чару серебряную,
Наливала тое чару заморскимъ виномъ.
По краямъ тоя чары змѣи шипятъ,
По срединѣ той чары ключи кипятъ.
Принималъ Скопинъ чару единой рукой,
Выпивалъ то онъ чару па единый духъ.
Его бѣлыя ручки опустилися,
Его рѣзвыя ноги подломилися,
Его ясныя очи помутилися...
Выходилъ то Скопинъ на красно крыльцо,
Еще падалъ то Скопинъ на добра коня
Приносила его лошадь добрая
Во отцовскій домъ къ родной матушкѣ.
Выходила Скопина мать на красно крыльцо:
— «Въ старину то я Скопинушкѣ говаривала:
Ты не ѣзди, Скопинъ, во каменну Москву,
Не дружи ты съ дочерью Малютиной! —
Не послушалъ, Скопинъ, родну матушку,
Ужъ поѣхалъ ты, Скопинъ, въ каменну Москву,
Подружился ты съ дочерью Малютиной,
Ужъ и съѣла кума молодого Скопина,
Погубила злодѣйка добра молодца!
Не стоять ужъ Скопину на рѣзвыхъ ногахъ,
Ужъ и быть Скопину полоненному,
Во темной во могилѣ схороненному!»

Записана В. Н. Богоразомъ въ заимкѣ Черноусовой въ области Нижней Колымы со словъ мѣщанина Совикова, по прозвищу Кулдаря. Прислана въ Этногр. Отд. Имп. О-ва Л. Е. А. и Э. изъ Средне-Колымска въ 1895 г. Напечатана В. Ѳ. Миллеромъ въ статьѣ «Историческія пѣсни изъ Сибири», см. Извѣстія Отд. Рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. IX, кн. 1-я, стр. 33—34.

Якутской области.

204.

Скопинѣ-то матушка говаривала, — да
Виноградье красно-зеленое, — да [1]).
— Ты не ѣзди, Скопинъ, въ каменну Москву;
Не кумися ты съ дочерью Малютовою,
Не крести ты сына Скурлатова. —
Не послушался Скопина родной матери,
Поѣхалъ-то Скопина въ каменну Москву,
Покумился да съ дочерью Малютиной,
Окрестилъ сына Скурлатова,
Познакомился съ купцами богородскими,
Набралъ товару богородскаго.
— Я чего-то кумъ сижу, къ кумѣ въ гости нейду? —
Выходилъ-то Скопина на красно крыльцо,
Тутъ садился Скопина на добра коня,
Поѣхалъ-то Скопина въ каменну Москву.
— Я чего кума сижу, кума не потчую? —
Подходила-то къ шкафу бѣлозубчатому,
Вынимала-то чару въ полтора ведра.
Что чара-то была зелена вина,
По краямъ-то чары зміи сидять,
По среди-то чары ключи шипять,
Принималъ-то Скопина единой рукой,
Выпилъ-то Скопина единымъ духомъ.
Его буйная головка покатилася,
Его бѣлыя руки опустилися,
Его рѣзвыя ноги подломилися, — да
Виноградье красно-зеленое.

Пѣсня записана въ 1903 году г. Строжецкимъ въ г. Средне-Колымскѣ Якутской области отъ казаковъ безъ соблюденія особенностей мѣстнаго говора. Напечатана въ Трудахъ Музыкально-Этнограф. комиссіи состоящей при Этнограф. Отд. И. О. Л. Е. А. и Э., т. II (1911 г.) стр. 285. Напѣвъ ея, записанный фонографомъ, см. въ нотномъ приложеніи № 2, стр. 1.

---

1) Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

Симбирской губерніи.

205.

Какъ у князя было у Владиміра [1])
Пированьице было почестное,
Честно, хвально, больно радошно;
Крестили они тутъ млада вьюноша,
Того ли Алексѣя Алексѣича.
Какъ кумъ-атъ былъ князь Михайло Скопинъ,
А кума была подокстовая —
Акулина княгиня дочь Малюткина,
Тово-ли же рода Шуйскаго-Воротынскаго.
Они пили, ѣли, прохлажалися,
Между собой похвалялися;
Сильный хвалится своей силою,
А богатый хвалится богатствомъ своимъ [2]).

---

1) Какъ у князя было у Шуйскаго-Воротынскаго.

2) Князья-бояре своими вотчинами.
Одинъ изъ нихъ добрый молодецъ
Не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
Про то про все лихо думаетъ.
Какъ возговоритъ молодецъ
Таковую рѣчь:
«Вы слушайте-послушайте мою рѣчь:
«Когда Москва за Литвою была,
«Я въ то время подъ Литву подходилъ,
«Я въ то время всю Литву разорилъ,
«Я Шуйской родъ
«Воротынскаго хана
«Во полонъ къ себѣ взялъ».
Кумѣ это не стерпѣлося,
За досаду это показалося,
Закричала она громкимъ голосомъ:
«Охъ вы, няньки мои — мамки!
«Вы берите поскорѣе
«Золотые ключи,
«Вы мечитесь въ новы выходы,
«Отпирайте вы нѣмецкіе замки,
«Наливайте вы зеленаго вина.

Убогой хвалится божьей милостью,
Бояре хвалются крестьянами,
А купцы хвалются товарами.
Похваляется князь Михайло Скопинъ:
«Я Шуйской родъ весь въ полонъ возьму,
«Воротынской родъ весь выжгу-вырублю!»
На то ли кума осердилася,
Изъ бесѣды вонъ поднималася:
«Еще есть ли у меня лакеи, мои слуги вѣрные,
«Слуги вѣрные, сѣнны дѣвушки!
«Вы берите скоро золоты ключи,
«Пойдемте со мной въ темны выходы».
Брала кума меду сладкова,
Подбавляла она зелья лютова,
Подносила она своему куму подокстовому:
«Испей, кумонёкъ, изволь выкушать!»
— Испей-ка, кума, напередъ сама! —
«Коли кума́ прежде ку́ма пьетъ!»
Того ли кума́ испугалася,
Изъ рукъ чара выкаталася,
Отъ чары земля загоралася,
Въ огнѣ земля заметалася.
Вынимаетъ кумъ саблю вострую,
Снимаетъ съ кумы буйну голову.

Записана Языковымъ въ с. Ярыклѣ. Напечатано въ сборникѣ «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», Вып. 7, стр. 9—11.

«Мѣшайте вы зелье лютое,
«Подносите вы моему куму!»
— Изволь, куманёкъ, пить,
Изволь выкушать! —
«Ты пей, кума, напередъ сама».
— У насъ, куманёчекъ, такъ не водится! —
Какъ вынимаетъ кумъ саблю острую,
Онъ срубилъ кумѣ буйну голову.

Записана въ г. Симбирскѣ Д. А. Валуевымъ.

Терской области.

206.

Ни ва ма́тушки была ва Расе́юшки,
Ва Расеюшки была, въ каминно́й Масквѣ,
Што у ла́скава у князя у Влади́мира,
У со́лнушки, у сына Снисла́вича,
Тамъ сидѣла пиръ-бисе́душка пачотная,
Што чесна́я, хвальная, бо́льна радашпая.
Ани пью́тъ та гуляютъ, праклажда́юца,
Да мижду́ сабой баяри выхваля́юца:
Сильный хва́лица сваёй си́лаю
А багатый хвалица бага́читствамъ,
А убо́гій Божей ми́ластью.
Ади́нъ изъ нихъ ни хва́лица,
Ни хвалица Ставёръ, улыба́ица.
И вазго́варилъ Ставёръ такавы́jи слависа:
«Ахъ, вы, во́яси, князья бо́яри,
Си́льныjи магу́чиjи вы бо́гатыри!
Да нашли вы чѣмъ, бая́ри, выхваля́тися,
Да нашли вы чѣмъ, бая́ри, вилича́тися?
Кабы хто́ изъ васъ какой го́ратъ взялъ,
Каку си́лу атагналъ, силу нивѣрную;
Онъ Скурла́ку бы сабаку ва дику́ю степь загналъ,
Да сымалъ бы онъ сабаки буйну голову далой,
Надивалъ jиё на востру́ю на капьё,
Привазилъ jиё ва славный Кіевъ-гратъ
Да фсиму бы міру на диќо́вишу,
А князьямъ баярамъ на чудо́вишу».
Вотъ б. .ди Анютки за биду стала,

За вили́кую дасаду паказа́лася.
Фстава́ла Аню́тка са мѣ́стичка,
Са таво ли мѣ́ста са куми́нава,
Са таво ли сту́ла са вдави́нава,
Брала Аню́тка залату чару,
Наливала ва ча́ру зилинова вина,
Ва ча́рачку клала зелья лю́тава.
Па края́мь та ефтай чары змѣ́и лютыјі сапятъ,
Па среди́ни ефтай чары агонь-по́лымя гаритъ.
Паднаси́ла ефту ча́ру Ставру́ та Лавру,
Паднасила јиё Тимаѳе́ичу.
«Эхъ, ты вы́пій, Ставе́ръ та Лаве́ръ,
Да ты вы́кушай јиё, Тимаѳе́ивичъ!»
Какъ вазго́варилъ Ставе́ръ такавы́јі слависа:
«Эхъ, вы, вояси, князья-бо́яры,
Си́льныјі, магу́чијі вы бо́гатыри!
Если ни пи́ть ефту чару — мнѣ ни честь ни хвала,
Если вы́пить ефту чару — мнѣ живо́му ни быть.
А зна́ити, братцы, што я жини́лся,
А взялъ сибѣ маладу́ та жину ни у ва́съ ни у насъ,
Я взялъ та јиё въ каминной Масквѣ,
У ласкава у князя у Владимира,
У со́лнушки у Сниславича;
А взялъ я јиё са прида́ными.
Ва прида́ныјі взялъ три́цать три жирипца́,
Три́цать три жирипца́ да трицать три малатца́,
Ужъ какъ же́рибецъ падъ же́рипца,
А мо́ладецъ падъ мо́латца:
Наски во́стры, каблуки высаки
Да патъ ка́жнымъ каблучкомъ варабей пралититъ,
А чорная варо́на ни паве́рница.
Ни тибѣ́ ли, б. . ть Аню́тка, ефту ча́ру пить?
Ни тибѣ́ ли, б. . ть Анютка, и живо́й ни быть?»
Развирну́лъ онъ праву ру́ку,

Уда́рилъ изъ ефтаі̆ чары па бѣламу лицу [1]),
Загарѣлась на Анюткп цвѣтна пла́тица jиё [2]).

Записана М. Карпинскимъ въ ст. Червленной. напечатана въ «Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстн. и плем. Кавказа, Вып. XXII. 1897 г. «Русскій былевой эпосъ на Терекѣ», отд. III, стр. 38—39.

207.

Ино что у насъ въ Москвѣ учини́лося:
съ полу́ночи у насъ въ ко́локолъ звони́ли?
А росплá́чютца го́сти Москви́чи:
«А тепе́ре наши го́ловы заги́бли,
«что не ста́ло у насъ воево́ды,
«Васи́льевича князя Миха́йла!»
А съѣзжа́лися кня́зи-боя́ря супроти́во къ нимъ,
Мьстисло́вской князь, Вороты́нской,
и межу́ соббю они сло́во говорили;
а говори́ли слово, усмѣхну́лися̀:
«Высо́ко соколъ подня́лся,
«и о сыру́ матéру зе́млю уши́бся!»
А росплá́чютца Свѐцкие Нѐмцы:
«Что не ста́ло у насъ воево́ды,
«Васи́льевича кня̀зя Миха́йла!»
Побѣжа́ли Нѣмцы въ Но́въ-горо̀дъ,

---

1) Вмѣсто: «ударилъ палкой, кинжаломъ», въ Червленной говорятъ: «удариль изъ палки, изъ кинжала».

2) Варіантъ:

Да пать ка́жнымъ каблучкомъ вараб́ей пралититъ,
А чо́рная варо́на ни паве́рница.
Ушъ я взя́лъ та ефту чару зилино́ва вина,
Вылива́лъ та я Аню́тки ва бѣлу jиé лицо.
Загарѣлась на Анютки цвѣтна платица jиé.
Да тибѐ же, б..ть Аню́тка, ефту чару пить.
Да тибѐ же, б..ть бизбо́жница, и живой ни быть».

и въ Новѣ́-городѣ́ заперли́ся,
и мно́гой миръ-наро́дъ погуби́ли,
и въ Латы́нскую зе́млю превра́тили.

Напечатано П. Симони въ «Памятникахъ стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVIII столѣтій», Вып. II, 1. «Пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619—20 гг.», стр. 2—4.

208.

У князя было у Владиміра,
Было пированье почетное,
Ой кстили дитя княженецкое.
Ахъ, кто кумъ-тотъ былъ, кто кума была?
Ай кумо-тъ былъ князь Михайла Скопинъ,
Князь Михайла Скопинъ сынъ Васильевичъ,
А кума-та была дочь Скурлатова.
Они пили-ѣли, проклажалися,
Пивши, ѣвши похвалялися.
Выходили на крылечко на красное,
Ужь какъ учели похвалу чинить князья-бояра:
Одинъ скажетъ, «У меня много чистаго серебра»;
Другой скажетъ, «У меня больше красна золота».
А что взговоритъ князь Михайла Скопинъ,
Михайла Скопинъ сынъ Васильевичъ:
«Еще что́ вы, братцы, выхваляетесь?
«Я скажу вамъ не въ похвалу себѣ:
«Я очистилъ царство Московское,
«Я вывелъ вѣру поганскую,
«Я сталъ за вѣру христіянскую».
То слово кумѣ не показалося,
То крестовой не пондравилось:
Наливала она чару водки крѣпкія,
Подносила куму крестовому.

Самъ же онъ не пилъ, а ее почтилъ[1]:
Ему мнилось, она выпила,
А она во рукавъ вылила.
Наливала еще куму крестовому:
Какъ выпилъ князь Михайла Скопинъ,
Рѣзвы[2]) ноги подломилися,
Бѣлы руки опустилися.
Ужь какъ брали ево слуги вѣрные,
Подхватили ево подъ бѣлы руки,
Повезли ево домой къ себѣ.
Какъ встрѣчала ево матушка:
— Дитя мое, чадо милое!
— Сколько ты по пирамъ не ѣжжалъ,
— А таковъ еще пьянъ не бывалъ. —
«Ахъ ты гой еси, моя мать родная!
«Сколько я по пирамъ не ѣжжалъ,
«А таковъ еще пьянъ не бывалъ:
«Съѣла меня кума крестовая,
«Дочь Малюты Скурлатова!».

Напечатана въ сборникѣ «Пѣсни П. В. Кирѣевскаго»: Вып. 7. Приложенія, стр. 107—109; изъ Новик. пѣсен. изд. 2. М. 1782 г. ч. III, № 159.

209.

Что въ Москвѣ чудо учинилося.
Во Мартѣ, это было мѣсяцѣ,
При Царѣ Иванѣ Васильевичѣ.
Заперты пути дороженьки,
Закрыты торги ярмарки!
Одолѣла Литва поганая!

---

1) Потчивалъ, поднесъ.
2) Въ печати ошибочно: «Трезвы» Б.

Что въ Москвѣ воевода былъ
Скопинъ Михайло Васильевичъ.
Скопилъ онъ себѣ силу армію:
Не много не мало сорокъ тысячъ,
Онъ пошелъ къ Новуграду,
Входитъ въ храмъ Софіи премудрыя;
Служилъ молебны заздравныя;
У Спаса просилъ себѣ милости,
У Божьей матери себѣ помощи.
Еще въ то время, еще въ тѣ поры
Грозный Царь Иванъ Васильевичъ
Посылалъ воеводу Головина,
Своего зятя любимаго.
Головинъ приказа не ослушался;
Приходитъ на посольской дворъ.
Бралъ перо лебединое,
Чернилицу изъ Царя града
Писалъ ерлыки скорописныя
Къ Голстинскому Королю Карлусу.

. . . .

(отрывокъ).

Напечатано въ «Древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ» Сухановой. С.-Пб. 1840 г., стр. 33.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ. ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

Олонецкой губерніи.

210.

На насъ, братцы, Господи разгнѣвался,
На славное царство россійское,
На россійское царство, на московское:
Далъ Господи царя несчастливаго;

Называется собака прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Дмитріемъ,
Дмитріемъ царевичемъ московскіимъ.
Не успѣлъ воръ-собака воцаритися,
Похотѣлъ воръ-собака женитися
Не въ своей онъ Россіи, въ каменной Москвы,
Поженился воръ-собака во хороброй Литвы,
У Юрья-пана Сердобольскаго
На него на меньшей на дочери,
На той ли на Маринушкѣ Юрьевной.
Они свадьбу играли въ Филиповъ постъ,
Вѣнецъ принимали въ Миколинъ день, —
Миколы-то было въ пятницу.
Дошло-то это время до Великаго дня,
До Великаго дня, до Христова дня.
У того ли у Ивана у Великаго
Ударили въ большій во колоколъ:
Всѣ князи-бояра къ обѣдни пошли,
Ко тыя ко Христоськой заутрени, —
Воръ Гришка-разстрижка во мыльню пошелъ
Со душечкой съ Маринушкой со Юрьевной.
Всѣ князи-бояра Богу молятся, —
Воръ Гришка-разстрижка въ мыльны моется,
Со душечкой со Маринушкой блудъ творитъ.
Всѣ князи-бояра отъ обѣдни пошли,
Воръ Гришка-разстрижка съ мыльны идетъ
Съ душечкой съ Маринушкой со Юрьевной.
На Гришкѣ кафтанъ въ пятьсотъ рублей,
На Маринушкѣ саятъ въ цѣлу тысячу.
Выскакивалъ собака на крылечико на царское,
Закричалъ воръ-собака громкимъ голосомъ,
Чтобы было слышно по всей Руси,
По всей Руси, каменной Москвы,
Ко Юрью пану Сердобольскому.

Говоритъ воръ-Гришка таковы слова:
«Проходи-тко, Марина, въ палаты бѣлокаменны,
«Не молись-ко, Марина, чуднымъ образамъ,
«Ты не кланяйся, Марина, князьямъ-боярамъ,
«Проходи-то, Марина, за дубовый столъ,
«Кушай-рушай лебедь бѣлую.
«Послушай, Марина, что я говорю:
«Проживу буде я три часа,
«Проживу, Марина, тридцать лѣтъ;
«Не проживу буде я трехъ часовъ,
«Не прожить мнѣ-ка и трехъ годовъ».
Да еще тутъ господа всѣ Московскіе
Собирались господа во единый кругъ,
И думали думушку общую,
И придали Гришкѣ смерть скорую.

Пропѣвъ былину, сказатель пояснилъ, что Гришка просидѣлъ въ тюрьмѣ тридцать лѣтъ и въ это время нарочно заростилъ крестъ въ бѣлыя груди, чтобы походить на Дмитрія царевича. А у настоящаго царевича, какъ онъ родился, крестъ былъ въ бѣлой груди.

Записана П. Н. Рыбниковымъ отъ Ѳедотова (Дутикова) кр. д. Конды, Сѣнногубской волости въ г. Петрозаводскѣ 27 іюня 1863 года. Напечатана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ», т. I, стр. 379—381. № 67. Изд. подъ ред. А. Е. Грузинскаго. М. 1909 г.

Олонецкой губерніи.

211.

На насъ, братцы, Господь порозгнѣвался,
На славное царьство Российское:
Далъ намъ царя нечестливого;
Называется собака прямыимъ царёмъ,

А прямымъ царемъ да царемъ Митріемъ.
А царевицемъ Митріемъ Московськімъ:
Не успѣлъ воръ собака воцаритися,
Похотѣлъ воръ собака жанитися,
Не въ своей ли Россейской каменно́й Москвы,
Жанился воръ собака во храбро́й Литвы,
А у Юрья пана да Сердопольскаго,
На его ли на ме́ньшой на доцери,
А на той ли на Маріи на Юрьевной;
Оны свадьбу играли въ великъ-отъ постъ,
А вѣнецъ принимали въ Николинъ день,
Ай у насъ, братцы, Никола было въ пятницю.
Какъ дошло это дѣло до Велика дни,
До Великого дня, до Христова дни;
Да у того Іоанна Великіе
Ай ударили во бо́льшой во колоколъ;
Вси князи́, бояра къ обѣдни пошли,
Да которы ко христовськой заутренней;
Воръ Гришка розстрижка во мыльню пошолъ
Съ молодой жаной со Марьей со Юрьевной.
Вси князи́, бояра Богу молятся;
Воръ Гришка розстрижка въ мыльнѣ моется.
Да со той ли со Марьей со Юрьевной.
Вси князи́, бояра отъ обѣдни идутъ;
Воръ Гришка розстрижка со мыльней идё:
На Гришки кафтанъ во пятьсотъ рублей,
На Маринѣ солопъ да въ цѣлу тысяцю;
Онъ идетъ, воръ, на царьськое крылецицько.
Онъ крыцитъ воръ собака громкимъ голосомъ,
Штобы было да слышно въ храбру Литву,
Ко Юрью пану да Сердопольскому:
Ты поди, поди, Марина, за дубовой столъ,
Кушай, рушай-ко, Марина, лебедь бѣлыя.
Мое вѣрно, вѣрно, царьство концяетця!

А и Митрія убили въ каменно́й Москвы,
Его мощи хоронили подъ Божью́ церькву́.

Записана Ѳ. М. Истоминымъ отъ кр. дер. Оятевшины, Петрозавод. у. П. Г. Юховой въ 1886 г. Напечатана въ «Пѣсняхъ русскаго народа» Ѳ. М. Истомина и Г. О. Дютша. Изд. И. Р. Геогр. О-ва. С.-Пб., 1894 г., стр. 57—58, № 9.

Олонецкой губерніи.

212.

Да на что насъ Господь Богъ прогнѣвался,
Да сослалъ намъ Господь Богъ прелестника,
И вора Гришку ростригу Отрепьева.
И не упѣлъ онъ воръ собака на царство сѣсть,
И похотѣлъ воръ собака женитися,
И не у насъ въ Москвы на святой Руси,
Да во той во земли въ проклято́й Литвы.
Да у Юрья у пана орды польскіе,
Да берётъ онъ Маришку дочь Юрьевну.
Его свадьба была не въ указной день,
Да на вёшный праздникъ Миколинъ день,
Да бояра ты пошли ко заутрены:
Да Гришка съ Маришкой во ба́пну пошо̀лъ.
Да бояра ты идутъ отъ заутрены,
Да и Гришка съ Маришкой изъ ба́ины идё.
Да на Гришки-то шуба чернаго соболя,
На Маришки салопъ краснаго золота.
Говоритъ-де вдова благочесливая:
«Ужъ вы глупые бояра неразумные!
«Да убитъ нашъ царевичъ во Углицкомъ,
«Его мощи лежа въ каменной Москвы,
«Да въ томъ ли во соборѣ Архангельскомъ».
Да и тутъ-де бояра догодалися,
Да и скоро до Григорья добиралися.

Да и эта Маришка дочь Юрьевна
Обвернулась изъ окошка сорокою.
Да этотъ Гриша Отрепьевъ-отъ
Выпадалъ изъ окошка о сéреду,
О сéреду кирпичную убился и дó смерти.
Дунай, Дунай, болѣ впередъ не знай.

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ 16 августа 1871 года на Кенозерѣ отъ кр. И. Д. Калитиной. Напечатана въ «Онежскихъ былинахъ» т. III. № 236. Стр. 260—261.

Олонецкой губерніи.

213.

Ай, Гришка розстрига Отрепьевъ сынъ,
Не поспѣлъ воръ собака воцаритися
Захотѣлъ воръ собака женитися,
Не у князей бояръ въ каменнóй Москвы,
У того кóроля вь земляной Литвы.
Взялъ Гришка Маришку Королевичну,
Заводилъ законъ по своему:
Князи бóяра къ обѣдни шли,
А й Гришка съ Маришкою въ байну шолъ.
Князи бóяра отъ обѣдни шли,
А й Гришка съ Маришкой изъ бáйни идётъ.
У Іоанна Великаго,
У Софіи премудрыи
Приказалъ звонить въ пáбольшіи колоколъ.
Въ самый огромныи:
«Ко мнѣ-ка-ва ѣдетъ вѣдь дальній гость.
«Дальный гость ѣде любúмый тесть,
«Еще тотъ же король Политовскіи,
«Политовскіи король земли Пóльскіи,
«Ко мнѣ-ка во гостёбищо».

Михайла князь Скопинъ московскіи
Видитъ измѣнщика,
Садился Михайла на ременьчатъ стулъ,
Писалъ ёрлуки скорописчаты[1])
Ко тому королю Политовскому,
Политовскому королю ли Польскому:
— Политовскіи король земли Польскіи,
— Ты мой любимый тесть!
— Ты пошли-ко мнѣ силы сорокъ тысящей,
— Очистить своя каменна́ Москва. —
Сошли ёрлуки скорописчаты
Тому королю Политовскому.
Политовскіи король земли Польскіи
Посылае силы сорокъ тысящей.
Приходитъ тутъ сила польская
Въ ту Москву бѣлокаменну.
Стоитъ Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ
Противъ зеркала хрустальняго,
Держитъ книгу въ рукахъ волшебную,
Волхвуе Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ:
«Я стоялъ же Гришка нунь три́ годы,
«Простою я тридцать лѣтъ».
Заглянулъ въ окошко косевчато,
Обступила сила кругóмъ вокругъ,
Все сила съ копьями.
Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ
Думаетъ умомъ своимъ царскіимъ:
«Подѣлаю крыльица дьявольски,
«Улечу нунь я дьяволомъ».
Не поспѣлъ Гришка сдѣлать крыльицовъ,
Тамъ скололи Гришку розстрижку Отрепьева.

---

1) Калининъ объяснилъ, что Скопинъ писалъ въ Польшу эти подложныя письма отъ имени Самозванца нарочно для того, чтобы появленіемъ поляковъ въ Москвѣ возбудить бунтъ противъ Гришки.

Только тутъ Гришка царемъ бывалъ,
Только тутъ Гришка вѣдь царствовалъ.

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 г. отъ кр. П. Л. Калинина въ дер. Римъ на Пудожской Горѣ, 23 іюля. Напечатана въ «Онежскихъ былинахъ», т. I, стр. 156—157. № 14.

Олонецкой губерніи.

214.

Гришка разстрижка когда царѣлъ въ Расеи,
И онъ царѣлъ вѣдь во Росеи
До годоваго до владычнаго до праздника
До Христова дни.
Весь народъ да вѣдь пошолъ на службу на христовскую,
А Гришка да разстрижка со своею царицею Маришкой,
Мариной Ивановной, князя Литовскаго дочь,
Они не на службу христовскую пошли, —
Пошли въ парную баенку,
Въ чистую умывальню,
И парились они въ парной баенкѣ,
Умывались въ умывальной
Христовскую заутреню.
Идетъ народъ отъ службы отъ христовскоей,
А Гришка разстрижка идетъ да съ парной баенки
Со своею-то царицею со Мариною Ивановной,
Князя Литовскаго дочь.
И одѣвались они тутъ въ драгоцѣнныя платья,
И выходили они въ драгоцѣнныхъ платьяхъ
На гульбище на прихладище.
И у Гришки у разстрижки былъ въ чистóмъ поли
Храбрыій воинъ рыцарь Годуновъ,
И берегъ Гришку разстрижку.
И вдругъ со чистá поля приходитъ грамота,

Гришкѣ разстрижки со чиста́ поля:
Нѣтъ его защитчика во живности,
Отсѣчена ему да буйна голова.
И только Гришка царемъ бывалъ,
И только Марина Ивановна царицей была,
Рѣшили его жизнь сесвѣтную.

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 г. отъ кр. А. В. Сарафанова въ Леликовѣ, Кижской волости. Напечатана въ «Онежскихъ былинахъ» т. II, стр. 266—267. № 111.

Олонецкой губерніи.

215.

Господь-то на насъ поразгнѣвался
На славное царство Расейское,
На Расейское царство Московское.
Далъ намъ Господь царя несчастливаго,
Назвался собака воръ прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Митріемъ,
Царевичемъ Митріемъ Московскіимъ.
Не успѣлъ воръ собака вцаритися,
Похотѣлъ воръ собака женитися:
Не у насъ въ Росеи въ каменной Москвы,
Не въ каменно́й Москвы — въ хороброй Литвы,
У Юрья пана̀ Сердобольскаго,
На самой на меньшіей дочери,
На душенькѣ Маринѣ на Юрьевны.
Пиръ свадьбу играли въ Филипповъ постъ,
Вѣнецъ принимали въ Миколинъ день,
А Микола у насъ была въ пятницю.
Дошло это дѣло до Велика дни,
До Великаго дни до Христова дни.
У того ли у Іоанна-Великаго
Ударили въ бо́льшой во колоколъ.

Всѣ князи бояри къ обѣдни пошли,
Ко той ко Христовской ко заутрени,
Воръ Гришка-рострижка онъ въ мыльню идетъ.
Со душенькой Мариной со Юрьевной.
Князи бояря Богу молятся,
А воръ Гришка-рострижка въ мыльнѣ моется
Со душенькой Мариной со Юрьевной.
Князи бояра отъ обѣдни пошли,
Отъ той они Христовской заутрени,
Воръ Гришка-рострижка со мыльни идетъ
Со душенькой Мариной со Юрьевной.
На Гришкѣ тулупъ восемьсотъ рублей,
На Маринѣ салопъ въ цѣлу тысящу.
Выбѣгалъ воръ собака на царско крылечико,
Кричитъ воръ громкимъ голосомъ,
Чтобы было слышно къ королю въ Литву,
Къ Юрію пану Сердобольскому:
«Послушай Марина что я́ скажу,
«Послушай Марина что я́ говорю!
«Поди въ полату бѣлокаменну,
«Не бей челомъ княземъ боярамъ,
«Не кланяйся ты чуднымъ образамъ.
«Сѣдь, Марина, за дубовый столъ,
«Кушай рушай бѣлу́ лебедь,
«Проживемъ съ тобою можетъ тридцать лѣтъ».
«Прожить ли Маринѣ хоть три году —
«Не прожить намъ съ тобой Марина три́ часу»[1]).
Собирались господа, бояри московскіи,
Думали думушку обчую,
Приходили ко инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ.
— Инока Марѳа Ивановна!
— Вѣрно Господь на насъ разгнѣвался

1) «Это онъ видитъ въ окно», пояснилъ сказитель.

— Что далъ царя несчастливаго! —
«Неумны вы господа вси неразумны!
«Дмитрію царю вѣдь смерть при́дали,
«Голову рубили въ хоробро́й Литвы,
«А мощи хоронили подъ каменну́ церковь.
«А что Гришка-рострижка Отрепьевъ сынъ
«Сидѣлъ въ тюрьмѣ ровно тридцать лѣтъ,
«Заростилъ крестъ во бѣлы груди,
«Такъ назвался собака прямымъ царемъ,
«Прямымъ царемъ, царемъ Митріемъ,
«Царевичемъ Митріемъ Московскіимъ».
Тутъ господа бояре вси московскіи,
Собрались бояре въ одно́ мѣсто,
Гришкѣ-рострижкѣ смерть придали,
А его жену въ окно бросили.

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года отъ кр. д. Конды Сѣнногубской волости въ Леликовѣ. Напечатана въ «Онежскихъ былинахъ» т. II, стр. 424—426. № 143.

Новгородской губерніи.

216.

Што на насъ то, на насъ
Господь Богъ прогнѣвалсе.
Создалъ то, создалъ γосподь Богъ нами́сницка
Вору Гришку Отрепьева.
Не успѣлъ ли онъ воръ собака на цӑрьсво сись,
Захотѣлъ онъ воръ собака жонитися.
Бралъ то онъ не у князя было, не у барина,
Не у купцика у боγатово.
И не во нашей то во матушкѣ во каменной Москвѣ
Во той ли то было въ проклято́й Литвѣ,
У славнаго князя у Юрьева.

Прекрасну Маришку дось Юрьеву.
На Гришкѣ кошуля черно-соболева,
А на Маришкѣ кошуля черно-бархатна.
Вѣнцавсе онъ во Филиповъ посъ
На Филиповъ посъ, да на Миколинъ день.
Господа то бояра къ обиднѣ идутъ,
А воръ Гришка ростришка
Во мыльню пошолъ.
Господа то бояра от-обидни идутъ,
А воръ Гришка ростришка
Изъ мыльни идётъ.
Я процарьсвую три часа,
Такъ процарьсвую три дня,
Такъ процарьсвую тритцать лѣтъ.
Господа те бояра догадалисе,
Брали ево на копьица на вострые.

Записана отъ кр. Степ. Вас. Карпова. д. Большого Зарѣчья, Пунемской волости, Кирилловскаго у., Новгородской губ. въ іюнѣ, 1909. Б. и Ю. Соколовыми.

Новгородской губерніи.

217.

Въ седьмомъ году, въ восьмой тысяцѣ
Нарекаўсе воръ Гришка прямымъ царёмъ,
Прямымъ царёмъ, князёмъ Митріёмъ.
Садиўсе онъ воръ Гришка на три царьсва.
На первоё царьсво Московское,
На другое то царьсво Ильинское,
На третіе царьсво на Кіёвъ градъ.
Не успѣлъ онъ ростригa на царьсво систи,
И восхотилъ воръ Гришка онъ жонитися.
Не въ своей землѣ, а Сердопольскоей,

У тово ли пана у Юрью-пана Сердопольсково
На доцери Маринкѣ Юрьюрьевнѣ.
Онъ воръ Гришка рострига
Свадьбу играў въ Филипоў посъ,
Въ Филипоў посъ, да во Миколинъ день.
Миколинъ день князья бояра къ обиднѣ идутъ
А онъ воръ Гришка во мыльнюю
Съ той ли Маринкой Юрьюрьевной.
Тогда да господа да догадалисе —
Выбрали стрѣльца изъ подъ знаменья.
Онъ воръ Гришка догадаўсе.
Видитъ бѣду неминуцюю;
Запекаетъ ж. .у онуцею.
Выскакиваэтъ въ окно —
На копья на вострые.
И поташшыли ево въ болото Куликово.
Изсѣкли на куски, да на мелкіе,
Роскидали по тому ли, по полю по Куликову
Звѣрямъ на съѣденьице,
А птицамъ на клеваньице
Выбрали царя да Василья Шуйскаво.

Записана Б. и Ю. Соколовыми въ дер. Прокуфинской, Пунемской волости, Кирилловск. у., отъ кр. В. С. Суслова въ іюнѣ 1909 г.

Изъ Западной Сибири.

218.

Ты, Боже, Боже Спасъ милостивой!
К чему рано над нами прогневался —
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Злаго Растригу Гришку Атрепьева;
Уже ли онъ Растрига на царство селъ?

Называетца Растрига прямымъ царемъ,
Царемъ Димитриемъ Ивановичемъ Углецкимъ.
Недолго Растрига на царстве сиделъ,
Похотелъ Растрига женитися;
Не у себя то онъ в каменной Москве
Бралъ онъ Растрига в проклятой Литве —
У Юрья пана Седомирскова
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу безбожницу.
На вешней праздникъ Николинъ день,
В четвергъ у Растриги свадба была,
А в пятницу праздникъ Николинъ день
Князи и бояра пошли к заутрени,
А Гришка Растрига онъ в баню з женой;
На Гришки рубашка кисеиная,
На Маринке соянъ хрущетой камки.
А часъ-другой поизоидучи,
Уже князи и бояра ō заутрени,
А Гришка Растрига из бани з женой.
Выходитъ Растрига на Красной Крылецъ,
Кричитъ реветъ зычнымъ голосомъ:
«Гои еси, клюшники мои, приспешники!
«Приспеваите кушанье разное,
«Аи посное и скоромное;
«Заутра будетъ ко мне гость дорогой,
«Юрья панъ са паньею».
А втапоры стрелцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,
В Боголюбовъ монастырь металися
К царице Марѳе Матвѣевне:
«Царица ты Марѳа Матвѣевна!
«Твое ли ето чадо на царстве сидитъ,
«Царевичь Димитрей Ивановичь?»
А втапоры царица Марѳа Матвѣевна заплакала,

И таковы речи во слеза[х] говорила:
«А глупы стрелцы вы, недогадливы!
«Какое мое чадо на царстве сидитъ?
«На царстве у васъ сидитъ
«Растрига Гришка Атрепьевъ сынъ;
«Потеренъ мой сынъ царевичь Димитрей Ивановичь
«На Угличе ѿ техъ ѿ бояръ Годуновыехъ;
«Ево мощи лежатъ в каменной Москве
«У чȣдныхъ Сафей Премудрыя;
«У тово ли та Ивана Великова
«Завсегда звонятъ въ царь колоколъ,
«Соборны попы собираютца,
«За всякия праздники совершаютъ пона́фиды,
«За память царевича Димитрия Ивановича,
«А Годуновы[х] бояръ проклинаютъ завсегда».
Тутъ стрелцы догадалися,
Все оне собиралися,
Ко Красному царскому крылечку металися,
И тутъ в Москве збунтовалися.
Гришка Растрига дагадаетца,
Самъ в верхни чердаки убираетца
И накрепко запираетца;
А злая ево жена Маринка Безбожница,
Сорокою обвернулася
Ї ис полатъ вонъ она вылетела.
А Гришка Растрига втапоры догадливъ былъ,
Бросался онъ со техъ чердаковъ на копья вострыя
Ко темъ стрелцамъ удалымъ молодцамъ:
И тутъ ему такова смерть случилась.

Напечатано въ сборникѣ Кирши Данилова, стр. 43—44. Изд. Имп. Публ. Библ., подъ ред. П. Н. Шеффера. С.-Пб. 1901 г.

Тверской губерніи.

219.

1.

Ѣхала свадьба, семеры сани,
Семеры сани, по семеру въ сáняхъ,
Семеро пѣшками, а все съ бердышками,
Семеро верхами, а все съ мѣшками.
На встрѣчу той свадьбѣ попо-тъ Емеля.
Попо-тъ Емеля, крестъ на ремéни,
Крестъ на ремени полуторы сажени:
«А Боже вамъ въ помочь, духовныя дѣти,
«Духовныя дѣти, въ чужія-то клѣти,
«Въ чужія-то клѣти, молебны пѣти:
«Добро-то берите, а душь не губите».

Записана Турнинымъ въ Тверской губ. Напечатана П. Безсоновымъ въ Приложеніяхъ къ 7 вып. «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 119. № 1.

2.

Какъ во полѣ-полѣ
Во чистóмъ во полѣ,
Ай ли, да ой ли,
Во чистóмъ во полѣ,
Во чистóмъ во полѣ
Сбиралися воры.
Ай ли, да ой ли,
Сбиралися воры.[1])
Сбиралися воры,
Воры не чужіе,
Ближніе сосѣди.
Не много, не мало,
Ихъ семеро сáней.

---

1) Такъ идетъ припѣвъ и каждый слѣдующій стихъ поется трижды.

Во первыхъ-то саняхъ
Атаманы сами.
Во седьмыхъ-то са́няхъ
Сидитъ попъ Емеля,
У попа Емели
Крестъ на реме́ни,
Крестъ на ре́мени
Въ полторы сажени.
Батька благословляетъ,
Крестомъ ограждаетъ:
«Поѣзжайте, дѣти,
«Во чужія клѣти,
«А что ни добудете,
«Попа не забудете».
Попадья Олёна
На воду смотрѣла,
Ворамъ говорила:
— Не ѣздите, дѣти,
— Во чужія клѣти, —
— Будетъ вамъ невзгода,
— Будетъ непогода! —
Не слушались воры
Попадьи Олёны,
Сѣли — засвистали,
Коней нахлыстали.

Записана П. Безсоновымъ въ Тверской губ., Старицкаго у., отъ А. А. Панкина въ 1868 г. Напечатана въ Прилож. къ 7 вып. «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 199—121.

Нижегородской губерніи.

220.

Владыко Царю Вседержителю!
Да за што Ты на насъ, Господи, прогнѣви́лса?

Послалъ намъ, Господи, прелéсника,
Тово ли Гришку Отрепьева!
Онъ прельстилъ собака цѣлы три óрды:
Перва óрда — проклятá Литва,
А друга óрда — хана Крымсково,
Третья óрда — басурмáны Запорожскіе;
Онъ взмутилъ собака православну Русь.
Не успѣлъ онъ собака воцари́тиса,
Захотѣлъ собака женитиса;
Не у насъ-та онъ, братцы, беретъ въ каменнóй Москвѣ,
Онъ беретъ-же, братцы, въ проклятóй Литвѣ,
У тово ли у Юрья пана Сендофорсково,
Ту ли Маринку дочь Юрову.
Онъ и дѣлатъ сварьбу не въ удобной день,
На тотъ ли на празникъ на Николинъ день.
Всѣ князья-бóяря къ заутренѣ пошли,
А Гришка съ Маринкой въ баню пошолъ;
Всѣ князья-бояря отъ заутрени идутъ,
А Гришка съ Маринкой изъ бани идётъ,
На Гришкѣ одёжа чёрново сóболя,
На Маринкѣ одёжа рытово бархата.
Онъ восходитъ собака на красёнъ крылецъ,
Онъ воскрикнетъ собака громкимъ голосомъ.
«Ишша есь ли у меня кýхари и пóвары!
«Стряпали бы пóсно и скоромное:
«Пріѣдетъ ко мнѣ незваной гость,
«Незваной гость, любимой тесть».
Всѣ князья и бояря испужалиса,
Во Чудовъ монастырь набросалиса
Къ той ли нашой государынѣ:
««Ужь ты матушка наша государыня,
««Православная Олёна Михайловна!
««Твой-атъ сынъ на царство сѣлъ:
««А ведетъ сея не по царскому»».

Тутъ заплакала государыня горючи́ слезы́:
— Ужь вы глупые бояря — неразумные!
— Мой-атъ сынъ на Угличѣ убитъ,
— Лежитъ ёво мошши въ каменной Москвѣ,
— Въ тѣмъ ли соборѣ Михайла Арханьела. —

Записана свящ. Е. Фаворскимъ въ селѣ Павловѣ, Нижегор. губ. Напечатана въ «Памятникахъ великорусскаго нарѣчія», С.-Пб., 1855 г., стр. 43—45. Перепечатана П. А. Безсоновымъ въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», Приложенія къ 7-му вып. стр. 75—76. № 1.

Симбирской губерніи.

221.

Убили, убили царевича въ Угличѣ,
А мощи его явились въ каменной Москвѣ,
Во славномъ во соборѣ Архангельскомъ.
Ахъ Боже ты нашъ, Боже!
За что на насъ Господь прогнѣвался?
Сослалъ намъ Господь намѣстничка,
Что того ли вора Гришку Отрепьева.
Гришка Отрепьевъ незаправскій царь —
Признавалъ, узнавалъ его пятисотный стрѣлецъ...
Всѣ добрые люди идутъ къ заутрени,
А Гришка съ Маришкой въ баню идутъ.

Записана П. В. Шейномъ отъ крестьянина Цыплова, въ селѣ Усть-Уренѣ, Карсунскаго у. Напечатана въ Чтеніяхъ И. О. Исторіи и Древностей Россійскихъ при Моск. Унив. 1877 г., кн. III, стр. 59.

Симбирской губерніи.

222.

Выпала порошица
На талую землю.
Ой, съ Дону, съ Дону!

По той по порошицѣ
Ишелъ тутъ обозецъ,
Ой, съ Дону, съ Дону!
Не малъ, не величекъ —
Да семеро саней.
Ой, съ Дону, съ Дону!
Да семеро саней,
По семеро въ саняхъ.
Ой, съ Дону, съ Дону!
Во первыхъ-то саняхъ —
Атаманы сами;
Ой, съ Дону, съ Дону!
Во вторыхъ-то саняхъ —
Есаулы сами;
Ой, съ Дону, съ Дону!
А въ четвертыхъ саняхъ —
Разбойники сами;
Ой, съ Дону, съ Дону!
А въ пятыхъ-то саняхъ —
Мошенники сами;
Ой, съ Дону, съ Дону!
А въ шестыхъ-то саняхъ —
Дёрники сами.
Ой, съ Дону, съ Дону!
А въ седьмыхъ-то саняхъ —
Самъ попъ-атъ Емеля,
Ой, съ Дону, съ Дону!
Самъ попъ-атъ Емеля,
А крестъ на ремени,
Ой, съ Дону, съ Дону!
А крестъ на ремени,
Въ четыре сажени;
Ой, съ Дону, съ Дону!
Рукой бласловляеть,

Крестомъ надѣляетъ:
Ой, съ Дону, съ Дону!
Охъ вы дѣти, дѣти!
«Полѣзайте въ клѣти,
Ой, съ Дону, съ Дону!
«Головы рубите,
«А душъ не губите.
Ой, съ Дону, съ Дону!
«Если Богъ поможетъ,
«Попа не забудьте;
Ой, съ Дону, съ Дону!
«Если-жъ чортъ обрушитъ,
«Двора мово не зна(ва)йте!»
Ой, съ Дону, съ Дону!

Напечатана въ сборн. «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», безъ указанія лица, записавшаго ее. Вып. 7, стр. 20—21.

Симбирской губерніи.

223.

Собирался король на святую Русь,
Всѣмъ панамъ, всѣмъ griеновичамъ,
Со любезнымъ своимъ шуриномъ съ Вороновичемъ,
По утру спать ложился,
Ко полуночи пробудился;
Онъ со вечера росою умывался,
Онъ кавтанною полою утирался,
А Московскому Чудотворцу Богу молился,
И на всѣ четыре сторонки поклонился:
«Вы здорово ли, мои братцы, спали-ночевали?
«Одинъ-то я, доброй молодецъ, не здоровъ спалъ.
«Будто я хожу, доброй молодецъ, по край синя моря,

«Я правою ногою въ море оступился,
«А лѣвою рукою за древо схватился,
«За скропкое дерево, за крушину;
«Спасибо, мое скропкое дерево крушина,
«Да на томъ спасибо, что въ море не пустила».

Записана А. М. Языковымъ въ с. Станишномъ. Напечатана въ Приложеніяхъ къ 7 вып. «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», стр. 122—123.

Симбирской губерніи.

224.

Собирался король па святую Русь,
Не дошедши Москвы остановился за пять сотъ верстъ,
За пятнадцать верстъ городу Волоку,
Во уѣздѣ, селѣ Ѳедоровскимъ,
Во любимаимъ дворцѣ государевомъ.
Писалъ ерлыки скорописные,
Отсылалъ ерлыки въ каменну Москву
Ко тому ли къ воеводѣ Московскому,
Корамышину Семіону Костентиновичу:
«Охъ ты гой еси, воевода царевъ,
«Корамышинъ Семіонъ Костентиновичь!
«Ты отдай мнѣ Москву [1]) безъ бою,
«Безъ тово-ли кроволитья великаго».
Что отвѣтъ держитъ ему воевода царевъ:
— Ты б . . . . . сынъ, король и съ королевою!
— Не дошедши Москвы ты похваляться сталъ:
— Я силу твою конемъ потопчу,
— Кольчужниковъ и латниковъ всѣхъ въ полонъ возьму. —
За досаду королю показалося,
Взволновался король, самъ боемъ пошолъ:

---

1) Въ Былинѣ 6-го выпуска: «Волокъ».

Да на силу король самъ — третей ушолъ.
Бѣгучи король заклиналъ самъ себя:
«Не дай, Боже, ходить на святую Русь,
«Ни мнѣ королю, ни брату мому!»
И еще этимъ король обещестилъ самъ себя.
Дворянамъ-боярамъ — имъ выслуга,
А служивымъ солдатамъ — имъ жалованье,
Донскимъ казакамъ сукна на ковтанъ,
А намъ, молодцамъ, по стакану пивца:
Кто бы намъ поднесъ, мы бы выпили,
Хозяина съ хозяюшкой проздравствовали!

Записана А. М. Языковымъ въ с. Станишномъ. Напечатана въ Приложеніяхъ къ 7 вып. «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», стр. 121—122.

Саратовской губерніи.

225.

Въ шестомъ году въ восьмой тысячѣ
Въ нонѣшнемъ народѣ правда вывелась,
Все лилось въ народѣ лукавство великое.
Не лютая змѣя возвѣвалася,
Возвѣвалось лукавство великое.
Упало лукавство не на воду и не на землю —
Упало лукавство царю Дмитрію на бѣлу грудь.
Убили же царя Дмитрія въ гуляньѣ, на игрищахъ;
Убилъ же его Гришка Розстриженный,
Убимши его, — самъ на царство сѣлъ,
И не сколько царилъ — только семь годовъ.

Записана 19-го іюля 1872 г. Саратовской губерніи въ городѣ Хвалынскѣ отъ крестьянина Чернощекова, сообщена П. В. Шейномъ. Напечатана въ «Руской старинѣ» т. IX, 1874 г., стр. 200. Перепечатана съ пропускомъ стиховъ 4-го и 5-го въ Чтеніяхъ въ И. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ 1877, кн. III, стр. 59—60, въ Сборн. Шейна: Пѣсни былевыя.

Саратовской губерніи.

226.

Изъ-за Шведскія, изъ Литовскія изъ землюшки,
Выѣзжаетъ воръ-собачушка на добро́мъ конѣ,
На добро́мъ конѣ во чисто́ поле.
Становился воръ-собачушка подъ столицею,
Подъ столицею въ славномъ Рубежѣ.
Онъ разставливатъ бѣлъ-тонко́й шатеръ,
Разстилаетъ во шатрикѣ шелковой коверъ,
Разсыпаетъ на коврикѣ золоты́ бобы,
По бобамъ сталъ воръ-собачушка угадывати:
«Не казнятъ-то насъ и не вѣшаютъ,
«Ужь и много насъ жалованьемъ жалуютъ».
Садился воръ-собачушка на добра́ коня,
Онъ поѣхалъ воръ-собачушка во чисто́ поле,
Изъ чиста́ поля во царевъ дворецъ.
Подъѣзжаетъ онъ ко цареву дворцу,
Пріѣзжаетъ онъ на широкій дворъ,
Слѣзаетъ воръ-собачушка со добра́ коня,
Онъ сvово коня не привязыватъ,
Не привязыватъ, никому не приказыватъ.
Восходилъ воръ-собачушка на красенъ крылецъ,
Входилъ онъ воръ-собачушка во царевъ дворецъ,
Онъ самимъ боярамъ не кланятся
И самой государынѣ челомъ не бьетъ.
Онъ садился воръ-собачушка за дубовый столъ,
Вынимаетъ воръ-собачушка ярлыки на столъ,
По ярлыкамъ воръ-собачушка сталъ расписываться:
«Я самихъ же то бояръ во полонъ возьму,
«А съ самою царицею обвѣнчаюся».

Напечатана П. А. Безсоновымъ въ Приложеніяхъ къ 7-му выпуску «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 118—119.

Тульская губернія.

227.

Охъ, было у насъ, братцы, въ ста́рые го́ды, въ да́вніе вѣ́ки,
Въ давніе вѣки, при ста̀рыихъ при царяхъ,
Было время злое, пагубное.
Ужь настало то время злое при старомъ при царѣ Ѳёдорѣ Ивановичѣ;
Какъ преставился-то нашъ православный царь Ѳёдоръ Ивановичь,
Такъ досталась-то Россе́юшка злодѣйскимъ рукамъ,
Злодѣйскимъ рукамъ, боярамъ-господамъ.
Появилась-то изъ бояръ одна бу̀йна голова,
Одна буйна голова, Борисъ Годуновъ сынъ;
Ужь и этотъ Годуновъ всѣхъ бояръ — народъ надулъ.
Ужь и вздумалъ полоумный Россеюшкой управлять;
Завладѣлъ всею Русью, сталъ царствовать въ Москвѣ.
Ужь досталъ онъ и царство смертію царя,
Смертію царя славнаго, свято́го Димитрія царевича.
Какъ собралъ-то себѣ разбойникъ Годуновъ сынъ,
Собра́лъ проклятыхъ людей, злыхъ разбойниковъ;
Собравши ихъ, прокляту рѣчь имъ взго́ворилъ:
«Вы, разбойнички, удалы́е молодцы́!
«Вы подите, вы убейте Дмитрія царя!
«Вы придите и скажите: убили-ли царя?
«Сослужите вы мнѣ эту службу, сослужу я вамъ златомъ-се́ребромъ».
Ужь пошли прокляты люди, злы разбойники,
Пошли во святое мѣсто въ Угличь славный градъ,
Ужь убили тамъ мла́даго царевича Дмитрія свято́го
Ужь пришли-то и сказали Борису Году́ну.
Какъ услышалъ-то Борисъ, злу возрадовался.
Ужь и царствовалъ Борисъ ровно пять годовъ;

Умертвилъ себя Борисъ съ горя ядомъ змѣ́йнымъ,
Ядомъ змѣ́йнымъ, кинжаломъ вострымъ.

Напечатана П. А. Безсоновымъ въ сборн. «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», Вып. 7, стр. 2—3, № 2, съ помѣтою «Черн. у. село Соколы; пѣла старушка; 1834 года». Варіантъ присланъ г. Миняевымъ.

Тульской губерніи.

228.

Что у насъ было на святой Руси́,
На святой Руси, въ каменно́й Москвѣ,
Въ каменно́й Москвѣ, въ старомъ Симоновомъ монастырѣ:
Ужь и въ этомъ монастырѣ много братіи жило́,
Много братіи, все монахи, Богу вѣрные.
Что не знали всѣ монахи, чтобъ случилось съ ними то:
Оказался между ними одинъ невѣрный монахъ.
Ужь и этотъ-то монахъ царю, Богу измѣнилъ,
Царю Богу измѣнилъ, свою душу въ адъ пустилъ;
Какъ и вздумалось монаху злое дѣло сотворити,
Злое дѣло сотворити, свою душу погубити.
Какъ и выгнали монаха изъ святого монастыря:
«Ты поди, поди отъ насъ, недостоинъ жить у насъ!
«Поди вонъ изъ монастыря, и поди хочешь куды!»
Какъ и вышелъ-то Трепу́шкинъ изъ свято́го-то жилья.
Какъ ходилъ-то Григорій по большому городу́,
Какъ и сказывалъ всему народу: Димитрій царь-атъ живъ.
Что Димитрій царь-атъ живъ, что онъ самъ-то онъ и былъ.
Обманувши весь народъ, боясь ко́зни онъ отъ нихъ,
Удалился отъ Москвы во Польскія стороны́,
Во Польскія стороны́, ко вельможѣ къ сатаны́.
Ужь и взго́воритъ ему вельможа:
«Ты скажи, скажи дѣтина, отъ коей страны пришёлъ,
«Отъ коей страны, пришёлъ, чьего роду — племени?»

— Я пришёлъ отъ славной страны, отъ святой Руси́,
Отъ святой Руси́, у тебя по́мочи просить;
А родъ мой и племя Россійскій славный дворъ,
А отецъ мой былъ славный грозный царь Иванъ Васильевичь,
А матушка-то моя царица Настасья Романовна,
А я сынъ ихъ Димитрій Россійскій князь. —
Какъ повѣрилъ-то вельможа его ложнымъ словамъ,
И призна́лъ его вельможа Россійскимъ царёмъ,
И хотѣлъ отдать дочь свою Маринку замужъ за него,
И далъ ему вельможа въ помощь войска своего́.
Получивши-то Трепу́шкинъ въ помощь войска отъ Полякъ,
Онъ вступилъ-то съ польскимъ войскомъ во святую Русь;
А народъ-то безумный, устрашась войска его,
Устрашась войска его, призна́лъ его своимъ царёмъ.
Ужь немного-то Трепу́шкинъ поцарствовалъ въ Москвѣ:
Образу́мился народъ Московскій,
Сталъ искать себѣ настоящаго царя;
Сыскали настоящаго царя Василія Ивановича,
А разбойника Гришку стали мучить и казнить;
Мучили, казнили, буйну го́лову съ плечъ срубили.

Напечатана П. А. Безсоновымъ въ 7-мъ вып. «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ» съ помѣтою «Чернскаго у. с. Соколы». Стр. 3—4.

Тульской губерніи.

229.

Какъ бы́ло-то у насъ на свято́й Руси́,
На свято́й Руси́, въ каменно́й Москвѣ.
Бы́ло вре́мя вое́нное, вре́мячко мятежное,
Заполонила-то Москву погана Литва,
Погана Литва, проклята Польска сторона.
Какъ ужь жилъ тутъ поживалъ нечестивый Гужму́ндъ;
Жилъ онъ во святы́ихъ мѣстахъ,
Во святыихъ мѣстахъ, въ царскихъ Русскихъ терема́хъ.

Недолго продолжалась его́ Московска весёлая жизнь.
Недолго продолжалась, только много горя намъ накача́лось.
Многи Ру́сскіе бояре нечестивцу отдались,
Нечести́вцу отдались, отъ Христовой вѣры отреклись;
Ужь одинъ-то бояринъ, думный воеводушко, крѣпко вѣру защищалъ,
Крѣпко вѣру защищалъ, измѣнниковъ отгонялъ:
Ужь какъ думный воевода былъ Проко́фій Ляпуновъ.
Какъ Проко́фій Ляпуновъ ро́здалъ пи́сьмы гонцамъ,
Роздалъ письмы гонцамъ, и приказъ имъ приказалъ:
«Поѣзжайте вы, гонцы, на всѣ Русскіе концы,
«На всѣ Русскіе концы, во большіе города!
«Вы просите воеводъ идти съ войскомъ сюда,
«Свободить городъ Москву, защищать вѣру Христа».
Какъ узналъ-то Гжмундъ отъ своихъ измѣнниковъ бояръ,
Что разослалъ-то Ляпуновъ гонцовъ въ города́,
Гонцовъ въ города, просить воеводъ съ войскомъ сюда,
Разсердился, распалился нечестивый Гужмундъ;
Распалившись, велѣлъ воеводушку убить,
Того-ли воеводу Прокофья Ляпунова.
И убили злы измѣнники воеводушку.
Какъ и двинулись думны воеводы со большихъ городовъ:
Всѣ большіе города — Казань, Нижній — пришли съ войскомъ сюда,
Какъ и начали Русаки погану Литву колоть-рубить,
Погану Литву рубить, нечестиваго Гужмунда верёвкой душить;
Удушили, все нечестивое племя изъ Москвы повыгнали.

Записана отъ старухи въ с. Соколы́, Чернскаго у. Напечатана въ 7 вып. «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», стр. 17—18.

Орловская губернія.

230.

1.

Послѣ Покрова на первой недѣлѣ
Выпала пороша на талу землю;
По той по порошѣ ѣхала свадьба:
Семеро саней, по семеро въ са́няхъ,
Семеро верхами, всѣ съ бердышами,
Семеро пѣшками, всѣ съ палашами.
Встрѣчу той свадьбы шёлъ попъ Семёнъ —
Крестъ на ремени, полутора сажени.
«Богъ же вамъ въ помощь, духовныя дѣти,
«Красть-воровать, на разбоѣ стоять!»

2.

Съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ-за Дунаю!
Какъ ѣхала свадьба на семерыхъ саняхъ,
На семерыхъ саняхъ, по семеро въ саняхъ.
Съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ-за Дунаю!
А попъ-атъ Емеля, крестъ у него на ремени,
Крестъ у него на ре́мени, въ полторы сажени;
Съ Дону...
Онъ по полю ѣдетъ, имъ благословляетъ,
Имъ благословляетъ, кнутомъ погоняетъ!
Съ Дону...
«Дѣти мои, дѣти, давай свадьбу пѣти,
«Давай свадьбу пѣти, ступай, тетка въ клѣти!
Съ Дону...
«Коли Богъ поможетъ — меня не забудьте,
«Коли чортъ порушитъ — меня не клепите».
Съ Дону...

Записана г. Селивановскимъ въ Орловск. губ. Малоарханг. у.; напечатана П. А. Безсоновымъ въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», Вып. 7, стр. 19.

Рязанской губерніи.

231.

Какъ не изъ-за лѣсовъ-то дремучи́хъ стая вороновъ слеталася,
Сходился весь Московскій народъ на площадь Красную,
На тою ли площадь Красную, на Ивановскую.
Ужь на той ли на высокой колокольнѣ
Въ большой колоколъ зво́нили.
Охъ, и братцы, что-то у насъ дѣлается,
Ужь не чудо ли какое совершается?
Во дворцѣ что-то всѣ взволновалися,
Всѣ лакеи, всѣ прислужнички взсуетилися!
Ужь не бояре ли взбунтовалися,
Ужь не злыя ли собаки повзбѣсилися,
Ужь и живъ ли нашъ православный царь,
Православный царь Василій Ивановичь?
Ужь и что, братцы, во дворцѣ его не видно,
Что косящеты окошечки всѣ завѣшаны?
Какъ и взго́воритъ въ народѣ удалой молодецъ:
«Охъ, вы братцы, вы не знаете бѣды — горести,
«Что царя нашего Василья злы бояре погубили,
«Злы собаки погубили, во Сибирь его послали;
«А ужь сдѣлали царемъ какова басурмана,
«Что Петрушку самозванца злаго боярина!»
Ужь всѣ люди перьпугалися,
Въ разны стороны побросалися.

Записана въ с. Зимёнки, Зарайскаго у. Напечатана въ «Пѣсняхъ П. В. Кирѣевскаго», Вып. 7, стр. 17.

Тамбовской губерніи.

232.

Снаряжался православный царь Михайло во дорожку,
Какъ во дальнюю дорожку въ Астраханску;

Снарядился онъ со воинствомъ,
Все съ полками со стрѣлецкими;
Распростился онъ съ царицею,
Благословилъ онъ малыхъ дѣтушекъ.
Распрощавшися, царица горько всплакала,
Всплакавши, слово молвила:
«Воротися, православный царь Михайло, поскорѣе!
«Привези свое здоровье малымъ дѣтушкамъ,
«Привези ты мнѣ царицѣ жизнь долговѣчную!»
Распростился царь Михайло со боярами,
Распростился со всѣмъ при́четомъ,
И поѣхалъ православный царь Михайло на воеваньице,
Что къ тому-ли ко большому городу ко Астрахани.
Подъѣзжаетъ царь Михайло къ крѣпкимъ каменнымъ стѣнамъ,
Какъ увидѣлъ царь Михайло сила - рать больша́ стоитъ;
Посылаетъ царь Михайло въ силу ратную гонца:
«Ты ступай, гонецъ, въ силу ратную, узнай —
«Ужь и чьё это войско подъ стѣнами стоитъ?»
Воротился гонецъ со ратной стороны,
Какъ и взговоритъ гонецъ православному царю:
«Эта сила - рать недобрая —
«Все злодѣи бунтовщики Буруцкіе».
Какъ и двинулось войско православное;
Ужь какъ билися, рубилися трое суточекъ,
На четвертыя они въ городъ взошли,
Свободили славный градъ отъ злыхъ буйныхъ враговъ,
Отъ злыхъ буйныхъ враговъ, все Буруцкихъ бунтовщиковъ.

Записана въ с. Соколовка, Моршанскаго у. Напечатана въ сборн. «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», Вып. 7, стр. 24—25.

Калужской губерніи.

233.

Какъ въ старомъ-то было городѣ,
Во славномъ и богатомъ Нижніемъ,
Какъ ужь жилъ тутъ поживалъ богатый мѣщанинъ,
Богатый мѣщанинъ Кузьма Сухорукій сынъ.
Онъ собралъ-то себѣ войско изъ уда́лыхъ молодцовъ,
Изъ уда́лыхъ молодцовъ Нижегородскихъ купцовъ:
Собравши ихъ, онъ рѣчь имъ взго́ворилъ:
«Охъ, вы гой еси товарищи, Нижегородскіе купцы!
«Оставляйте вы свои домы,
«Покидайте вашихъ жёнъ, дѣтей,
«Вы продайте все ваше злато-серебро́,
«Накупите себѣ вострыихъ копіёвъ,
«Вострыихъ копіёвъ, булатныхъ ножей,
«Выбирайте себѣ изъ князей и бояръ удало́ва молодца,
«Удалова молодца воеводушку;
«Пойдемъ-ко мы сражатися
«За матушку за родну землю,
«За родну землю, за славный городъ Москву:
«Ужь заполонили-то Москву проклятые народы Поля́ки злы!
«Разобьемъ ихъ, много перевѣшаемъ.
«Самого́-то Сузмунда короля ихъ въ поло́нъ возьмёмъ;
«Освободимъ мы матушку Москву отъ нечестивыхъ Жидовъ,
«Нечестивыхъ Жидовъ, Поля́ковъ злыхъ!»
Ужь какъ выбрали себѣ солдатушки, молодые ратнички,
Молодые ратнички Нижегородскіе купцы,
Выбрали себѣ удало́ва молодца́,
Удало́ва молодца воеводушку,
Изъ славнаго княжескаго роду —
Князя Димитрія по прозванію Пожарскаго.
Ужь повелъ ихъ славный князь Пожарскій
За славный Москву-городъ сражатися,

Съ нечестивыми Жидами — Поляками войной брáнитися.
Ужь привелъ-то славный князь Пожарскій своихъ храбрыхъ воиновъ,
Привелъ ко Московскіимъ стѣнамъ;
Становилъ-то славный князь Пожарскій своихъ добрыхъ воиновъ
У Московскіихъ у крѣпкихъ стѣнъ;
Выходилъ-то славный князь Пожарскій передъ войско свое,
Какъ ужь взгóворилъ онъ своимъ храбрыимъ воинамъ:
«Охъ, вы гой еси храбрые солдатушки,
«Храбрые солдатушки, Нижегородскіе купцы!
«Помолимся мы на святыя на врата на Спаскія,
«На пречистый образъ Спасителя!»
Помолившись, дѣло начали.
Какъ разбили, проломили святыя врата,
Ужь взошли-то храбрые солдатушки въ бѣлокаменный Кремль,
Какъ и начали солдатушки Полякóвъ колоть, рубить,
Колоть, рубить, въ большія кучи валить;
Самогó-то Сузмунда въ полонъ взяли,
Въ полонъ взяли, руки-ноги ему вязали,
Руки-ноги вязали, буйну голову рубили.
Собралися всѣ князья, бояре Московскіе,
Собралися думу думати.
Какъ и взгóворютъ старшіе бояре, воеводы Московскіе:
«Вы скажите, вы бояре, кому царёмъ у насъ быть?»
Какъ и взгóворютъ бояре, воеводы Московскіе:
«Выбираемъ мы себѣ въ цари
«Изъ бояръ боярина славнаго —
«Князя Дмитрія Пожарскаго сына».
Какъ и взгóворитъ къ боярамъ Пожарскій князь:
«Охъ, вы гой еси бояре, воеводы Московскіе!
«Не достоинъ я такой почести отъ васъ,
«Не могу принять я отъ васъ царства Московскаго.

«Ужь скажу же вамъ, бояре, воеводы Московскіе:
«Ужь мы выберемъ себѣ въ православные цари
«Изъ славнаго, изъ богатаго дому Романова —
Михаила сына Ѳёдоровича».
И выбрали себѣ бояре въ цари Михаила сына Ѳёдо́ровича.

Записана отъ старухи 70-ти лѣтъ въ с. Слобода. Боровскаго у. Напечатана въ 7 вып. «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», стр. 21—23.

Калужской губерніи.

234.

Что-же вы, ребя́тушки, призаду́малися,
Призаду́малися, прикручи́нилися?
Или вы, ребятушки, каку слышали печа́ль?
Какъ и взго́воритъ дѣти́на добрый мо́лодецъ:
«Иль не знаешь ты, дѣтина, горя нашего?
«Переста́вился во полу́ночи Василій царь,
«И не зна́емъ топе́рь и не вѣ́даемъ — кому́ царемъ у насъ быть!»
Какъ взго́воритъ дѣтина добрый мо́лодецъ:
«Позабу́дьте, бра́тцы, горе о́бщее!
«Не возвратить намъ царя бѣ́лаго,
«Не оплакать его ду́шу добрую!
«Но скажу вамъ, братцы, вѣсточку новую:
«Ужь бояры воево́ды намъ выбрали царя
«Изъ сла́внаго бога́таго роду Рома́нова —
«Михайла сына Ѳёдоровича».

Записана въ Боровскомъ у. Напечатана въ сборн. «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», Вып. 7, стр. 24.

235.

Ѣхали обозы
Да пятеро са́ней:
Съ Дону, съ Дону на Дунай![1])
Во первыихъ са́няхъ
Разбойники сами:
Во вторыихъ саняхъ
Есаулы сами:
Во третьихъ во саняхъ
Атаманы сами:
Во четвертыхъ саняхъ
Да Гришка съ Маринкой.
Во пятыхъ во саняхъ
Одинъ попъ Емелько,
Крестомъ благословляетъ
А самъ восклицаетъ:
«Ступайте вы, дѣти,
Во чужія клѣти!
Если Богъ поможетъ,
Попа не забудьте,
Если чортъ обрушитъ,
Попа не клепайте».

Мѣсто и время записи не извѣстны. Напечатана Безсоновымъ въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», Вып. VIII, стр. 311, съ указаніемъ, что взята имъ изъ рукописнаго сборника, доставленнаго С. М. Любецкимъ.

236.

Не вихрь[2]) крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится;
То орелъ летитъ[3]) поднебесью
Зорко[4]) смотритъ онъ на Москву рѣку,

---

1) Припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.
2) Что не вихрь.
3) То летитъ орелъ.
4) Быстро.

На палатушки бѣлокаменны,
На сады ея зелёные [1]),
На златой дворецъ стольна города.
Не лютая змѣя возвывалася,
Возвывался собака булатный ножъ,
Упалъ онъ ни на воду, ни на землю,
Упалъ онъ царевичу на бѣлу грудь,
Да тому ли царевичу Димитрію;
Убили же царевича Димитрія,
Убили его на Углищи,
На Углищи на игрищи, [2])
Ужь какъ въ томъ дворцѣ черной ноченькой.
Коршунъ свилъ гнѣздо съ коршунятами!
Ужь какъ тотъ орелъ Димитрій царевичь [3]),
Что и коршунъ тотъ Годуновъ Борисъ;
Убивши царевича, самъ на царство сѣлъ,
Царилъ же онъ, злодѣй, ровно семь годовъ [4]).
Не вихрь [5]) крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится,
То идетъ грозный Божій гнѣвъ [6])
За православную Русь [7]):
И погибъ коршунъ на гнѣздѣ своемъ [8])
Его пухъ прошелъ по поднебесью,
Проточилась кровь по Москвѣ рѣкѣ.

Напечатана П. Безсоновымъ въ сборн. «Пѣсни, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», Вып. 7, стр. 1—2, № 1. Съ помѣтою «1-ый (варіантъ) присланъ В. И. Далемъ»; мѣсто записи не указано.

---

1) На зеленые.
2) 8—15 ст. нѣтъ.
3) Дмитрій русской царь.
4) 20—21 ст. нѣтъ.
5) Что не вихрь.
6) То идетъ грозой православный царь.
7) На святую Русь, свою отчину.
8) На своемъ гнѣздѣ.

237.

Ты Боже мой, Боже, Спасъ милостивой,
Владыко Царю Вседержителю!
За что насъ Господь Богъ прогнѣвался,
Какъ спустилъ на насъ великъ тяжкой грѣхъ.
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Вора Гришку Ростригу Отрепьева?
Прелстилъ онъ, воръ-собака, три земли,
Первого прелстилъ короля въ Литвѣ,
Другаго прелстилъ — землю Полскую,
Третье силно царство Московское.
Не успѣлъ воръ-собака на царство сѣсть,
Поизволилъ воръ-собака женитися:
Ни у князя онъ беретъ, не у боярина,
Не у насъ онъ беретъ въ камяннóй Москвѣ,
Беретъ воръ-собака въ проклятóй Литвѣ,
Проклятой Литвѣ, у Юрья пана Стредомірского,
Беретъ онъ Маринку дочь Юрьеву.
А свадба была на вешней праздникъ,
На вешней праздникъ Миколинъ день:
Миколинъ день былъ въ пятницу,
А у Гришки свадба въ четвертокъ была;
Стали благовѣстить къ заутринѣ,
У святаго Михайла Архангела,
Гдѣ кладутся цари благовѣрныя,
Благовѣрныя, благочестивыя,
Бояра пошли ко заутринѣ,
Ко святому Михайлу Архангелу,
А Гришка Рострига въ баню пошелъ
Съ своею Маринкою дочь-Юрьевой;
Бояра идутъ отъ заутрини,
А Гришка Рострига изъ бани идетъ,
Шуба на немъ соболиная,
На Маринкѣ саянъ краснаго золота.

Входитъ на крылечко на Красное,
Вскричитъ онъ — взвопитъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли у меня пушкари!
«Свезите снарядъ-пушки за городъ,
«За тѣ ли вороты Серпуховскія:
«Завтрѣ у меня пиръ будетъ,
«Для ради тестя любимого».
Какъ пошелъ на крылечко на заднее,
Скрычитъ онъ — возвопилъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли у меня пóвары,
«Мои батюшковы приспѣшнички!
«Варите вы яству скоромную и посную.
«Скоромную ѣству — гуси — лебеди,
«А посную ѣству — рыбу бѣлую:
«Завтрѣ у меня пиръ будетъ,
«Ради тестя любимова,
«Про Юрья пана Стредомірскаго».
Скоромную ѣству самъ кушаетъ,
А посну ѣству роздачей даётъ;
А мѣстные иконы подъ себя стелетъ,
А чюдны кресты подъ пяты кладётъ.
И тутъ же бояра домышлялися,
И думны дьяки догадалися.
Бросалися-кидалися въ дѣвичей монастырь
Ко инокѣ къ Марѳѣ Ивановнѣ:
««Ты свѣтъ наша матушка,
««Инока Марѳа Ивановна!
««Прямой ли царь на царствѣ сидитъ,
««Твое дитя рожденное,
««Что Дмитрій Царевичь Углицкой?
««Только дѣлаетъ не по царскому:
««Скоромную ѣству самъ кушаетъ,
««А посную ѣству въ роздачи даётъ,
««А мѣстные иконы подъ себя стелетъ,

««А чюдны кресты подъ пяты кладётъ»».
Что зговоритъ наша матушка,
Инока Марѳа Ивановна:
— Вы глупы бояря-неразумные!
— Вѣсти́мо Богу (и) всей Земли,
— Что потерянъ князь Дмитрей на Угличѣ
— Ево мощи лежатъ въ комянно́й Москвѣ,
— У светаго Михайла Архангела,
— Гдѣ кладутца цари благовѣрные,
— Благовѣрныя благочестивыя). —

. . . .

Что зговоритъ наша матушка,
Что инока Марѳа Ивановна:
— Пріѣзжаетъ съ угрозою,
— Привозитъ наголо́ саблю вострую,
— Велитъ называти своимъ сыномъ,
— Княземъ Димитріемъ Царевичемъ Углицкимъ. —
И тутъ же бояря догадалися
И думныя дьяки домышлялися.
Выбирали себѣ дьяка думнова,
Того ли Петрушку Басманикова,
Посылаютъ въ полаты во царскіе,
Велятъ говорить не съ упадкою:
— Помнишь ли, Гришка, спомяту́ешь ли,
— Вмѣстѣ мы грамотѣ съ тобой училися,
— Во томъ монастырѣ во Чюдовѣ?
— Ты былъ, Гришка, чернымъ дьякономъ,
— А я былъ на крылосѣ псаломщикомъ.
Видитъ же Гришка (бѣду) неминучею,
Пошелъ въ Полаты во На́бережны,
Изъ Набережныхъ на Житной (дворъ).

. . . .

Напечатана П. А. Безсоновымъ въ Приложеніяхъ къ 7 вып. «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», стр. 67—72. № 1. Мѣсто записи не указано.

238.

Ты боже мой боже спасъ милостивой,
Владыко царю вседержителю[1]),
За что на насъ господь богъ прогневался,
Какъ[2]) спустилъ на насъ великъ тяшкой грехъ[3]),
[4]) вора гришку ростригу отрепьева;
Прелстилъ онъ воръ сабака три земли,
Первого прелстилъ караля въ литве,
Другаго прелстилъ землю полскую,
Третье силно царство московское.
Не успелъ воръ сабака на царство сесть,
Поизволилъ воръ сабака женитися[5]):
Ни у князя онъ беретъ не у боярина:
Не у насъ онъ беретъ в комянной москве,
Беретъ воръ сабака в проклятой литвѣ:
Проклятой литвѣ[6]), у юрья пана стредомирского[7])
Беретъ онъ маринку дочь юрьеву,
А свадба была на вешней праздникъ
Миколинъ день былъ в пятницу[8])
А у гришки свадба в четвертокъ была.
Стали благовестить к[9]) заутрине,
У святого михайла архангела,
Где кладутся цари благоверныя,
Благоверныя[10]) благочестивыя,

---

1) Болѣе поздней рукою поставлены ударенія: «Бóже, Спáсъ, царю́, вседержи́телю».

2) Зачеркнуто. —

3) Исправлено въ два стиха: «Спустилъ на насъ господи Великъ тяшкой грѣхъ».

4) Прибавлено: «тово ли вора». Ударенія: «вóръ сабáка».

5) Ударенія: «вóръ, жени́тся», послѣ «воръ» поставлена запятая.—

6) Оба слова зачеркнуты.—

7) Исправлено: «сендомирского».—

8) Исправлено такъ: «На вешней праздникъ. Миколинъ день. Миколинъ день былъ въ пятницу».

9) «Ко».—

10) Вставлено: «благоверныя цари благочестивыя».—

Бояра пошли ка[1]) заутринѣ,
Ко святому михайлу архангелу:
А гришка рострига в баню пошелъ,
С своею маринкою дочь юрьевой[2]),
Бояря идутъ от заутрини,
А гришка рострига из бани идетъ,
Шуба на немъ сабалиная,
На маринке саянъ краснаго[3]) золота,
Входитъ[4]) на крылечко на красное,
Вскричитъ онъ взвопитъ громкимъ голосомъ[5])
Есть ли у меня пушкари[6]),
Свезите снарядъ[7]) пушки за городъ
За те ли вороты серпуховския[8])
Завтре у меня пиръ будетъ.
Для ради тестя любимого,
Какъ пошелъ на крылечко на заднѣе,
Скрычитъ онъ возвопилъ громкимъ голосомъ,
Есть ли у меня поворы[9]),
Мои батюшковы приспешнички,
Варите вы яству скоромную, и посную,
Скоромную еству гуси лебеди,
А посную еству рыбу бѣлую,
Завтре у меня пиръ будетъ,
Ради тестя любимова,
Про юрья пана стредомирскаго[10]),

---

1) «Ко».—

2) Исправлено: «дочьей юрьевной».—

3) Зачеркнуто го.—

4) Исправлено: «онъ возходитъ ».—

5) Ударенія: «голосóмъ», а выше «золóта».

6) Третьею, новою рукою, но только не Калайдовича, прибавлено: «и затинщики».

7) Исправлено: «нарядъ».

8) Прибавлено: «за серпуховския».—

9) Т. е. пóвары, но исправлено не понявши: «повóры», т. е. воры, кот поворовываютъ.—

10) Оставлено неисправленнымъ.

Скоромную ества самъ кушаетъ,
А посну ества роздачей даіотъ[1]),
А местные иконы под себя стелетъ,
А чюдны кресты подъ пяты кладетъ:
И тутже бояра домышлялися,
И думны дьяки догадалися.
Бросалися кидалися в девичей монастырь:
Ко иноке к марфе ивановнѣ,
Ты свѣтъ наша матушка
Інака марфа ивановна,
Прямой ли царь на царстве сидитъ,
Твое дитя рожденное[2])
Что дмитри царевичь углицкой,
Толко дѣлаетъ не по царскому,
Скоромную ества самъ кушаетъ,
А посную ества в роздачи даіотъ.
А местные иконы под себя стелетъ[3])
А чюдны кресты под пяты кладіотъ,
Что зговоритъ наша матушка,
Инока марфа іваповна,
Вы глупы бояря неразумные,
Вестима богу[4]) всей земли,
Что потерянъ князь дмитрей на угличе,
Ево мощи лежатъ в комянной москвѣ,
У светаго михайла архангела,
Гдѣ кладутца цари благоверные:
Благоверныя благочестивыя,
Что зговоритъ наша матушка,

---

1) Писавшій хотѣлъ выразить: «даетъ».

2) Исправлено: «порожденное». —

3) Поставлены, какъ и въ другихъ мѣстахъ, ударенія особенныя: «Кушáетъ, стелéтъ«.

4) Здѣсь перегибъ бумаги посередкѣ въ четверо, отъ того образовалась скважина и конечно вытерто: и. —

Что инока марфа ивановна,
Приезжаетъ с угрозою,
Привозитъ[1]) нагало саблю вострую,
Велитъ называти своимъ сыномъ,
Княземъ димитриемъ царевичемъ углицкимъ.
И тутже бояря догадалися,
И думныя дьяки домышлялися,
Выбирали себе дьяка думнова:
Того ли петрушку басманикова,
Посылаютъ в полаты во царские,
Велятъ говорить не с упаткою,
Помнишли гришка спомятуешли,
Вместе мы грамоте с тобой училися
Во томъ монастыре во чюдове,
Ты былъ гришка чернымъ дьякономъ,
А я былъ на крылосе псаломщикомъ,
Видитъ же гришка не минучею,
Пошелъ в полаты во набережны,
Изъ набережныхъ на житной[2])
Гдѣ онъ упалъ и самъ пропалъ,
Отнынѣ и проклятъ до вѣку.

Напечатана П. А. Безсоновымъ въ приложеніяхъ къ 7, Вып. «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», стр. 62—66, съ указаніемъ, что найдена въ рукописяхъ К. Ѳ. Калайдовича. Мѣсто записи неизвѣстно.

---

1) «Привози́тъ».

2) Здѣсь кончается листочекъ, на слѣдующемъ конечно продолжалось: «дворъ». За симъ напечатанное курсивомъ приписала уже третья, помянутая новая рука: списала ли она со слѣдующаго листочка конецъ былины, или придумала отъ себя, не можемъ рѣшить; по крайности она пропустила слово дворъ; а въ варіантѣ былины конецъ другой.

239.

Выпадала пороша на талую землю
Охо-хо! князь Иваны!
Охо-хо! харлапаны!
По той порошѣ да ѣхала свадьба.
Да ѣхала свадьба и въ семерыхъ санѣхъ.
И въ семерыхъ санѣхъ по семеру въ санѣхъ.
Во первыхъ санѣхъ сидитъ попъ Емеля.
Сидитъ попъ Емеля, а крестъ на ремени.
А крестъ на ремени въ полторы сажени.
Обозъ объѣзжаетъ, крестомъ ограждаетъ
Кого ограждаетъ, тотъ ногами дрягаетъ.
Встрѣчали ту свадьбу въ Марьинской рощѣ.
Во Марьинской рощѣ, у красной сосны.
Вѣнчали ту свадьбу на Козьемъ болотѣ.
На Козьемъ болотцѣ, на курьемъ колѣнцѣ.
А дружка да свашка — топорикъ да плашка.

Изъ рукописнаго стариннаго нотнаго сборника, составленнаго въ царствованіе Елисаветы Петровны, принадлежащаго М. Д. Рябинцеву. Напечатана въ докладѣ М. Д. Рябинцева, читанномъ въ засѣданіи Костромской ученой архивной комиссіи 15 декабря 1895 года. См. Журналъ засѣданія Костромской губернской ученой Археологической Комиссіи 15 декабря 1895 г., стр. 16 и 17.

240.

Спла́четца мала пти́чка,
Бѣ́лая пелепе́лка:
«Охъ-ти мнѣ́ молоды́ горева́ти!
«Хотя́тъ сы́рой дубъ зажига́ти,
«Мое́ гнѣ́здышко разорити,
«Мои́ ма́лыи дѣ́ти побити,
«Меня́ пелепе́лку поима́ти».

Спла́четца на́ Москвѣ Царе́вна:
«Охъ-ти мнѣ́ молоды горева́ти,
«Что ѣ́детъ къ Мо́сквѣ измѣ́нникъ,
Ино Гри́ша Отре́пьевъ Ростри́га,
«Что хо́четъ меня́ полони́ти,
«А полони́въ меня, хо́четъ постри́тчи,
«Черне́ческой чинъ наложи́ти!
«Ино мнѣ постри́тчи ся не хо́четъ,
«Черне́ческого чи́ну не здержа́ти:
«Отвори́ти бу́детъ те́мна ке́лья,
«На до́брыхъ мо́лотцовъ посмотря́ти.
«Ино, охъ ми́лыи наши перехо́ды!
«А кому́ бу́детъ по ва́съ да ходити
«Послѣ ца́рского на́шего житья
«И по́слѣ Бори́са Годуно́ва?
«Ахъ, ми́лыи на́ши терёмы!
«А кому́ бу́детъ въ васъ да сѣ́дѣти
«По́слѣ ца́рьского на́шего жи́тия
«И по́слѣ Бори́са Годуно́ва?»

Напечатана въ Памятникахъ стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVIII столѣтій, изд. П. Симони. Вып. II. 1. «Пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619—20 гг. С.-Пб. 1907 г., стр. 5—7.

241.

А спла́четца на Москвѣ Царе́вна,
Бори́сова дочь Годуно́ва:
«Ино Бо́же, Спасъ милосе́рдой!
«За что́ наше ца́рьство загибло,
«За ба́тюшково ли согрѣше́нье,
«За ма́тушкино ли немоленье?
«Ахъ свѣ́ты вы, на́ши высо́кіе хоро́мы!

«Кому́ вами бу́детъ владѣ́ти
«По́слѣ на́шего ца́рьсково житья?
«А свѣ́ты, бра́ныи убру́сы!
«Бере́за ли ва́ми крути́ти?
«А свѣ́ты, золоты́ ширинки!
«Лѣ́сы ли ва́ми дари́ти?
«А свѣ́ты, яхонты-сере́шки!
«На су́чье ли васъ задѣва́ти, —
«По́слѣ ца̀рьсково на́шего житья,
«По́слѣ ба́тюшкова преставле́нья
«А свѣ́та Бори́са Годуно́ва?
«А что ѣ́детъ къ Мо́сквѣ Ростри́га,
«Да хо́четъ те́ремы лома́ти,
«Меня́ хочетъ, Царе́вну, поима́ти,
«А на Устю̀жну на Желѣ́зную отосла́ти,
«Меня́ хо́четъ, Царе́вну, постри́тчи,
«А въ рѣше́тчатой садъ засади́ти.
«Ино о́хъ - те мнѣ горе́вати:
«Ка́къ мнѣ въ те́мну ке́лью ступи́ти,
«У игу́меньи благослови́тца?»

Напечатана въ Памятникахъ стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVIII столѣтій, изд. П. Симони. Вып. II. 1. «Пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619—20 гг.». С.-Пб. 1907 г., стр. 10—12.

242.

Зра́довалося Ца́рство Моско́вское
И вся́ земля́ Свя́то - руская:
Умоли́лъ госуда́рь правосла́вной царь,
Князь вели́кі(й) Миха́йло Ѳе́доровичь.
А что ска́жутъ, вьѣ́халъ батюшко
Госуда́рь Ѳиларе́тъ Мики́тичъ,
Изъ неве́рной земли́ изъ Лито́вской;

Съ собо́ю онъ вы̀везъ мно́го князе́й-боя̀ръ,
Еще́ онъ вы̀везъ госуда́рева боя̀рина,
Князя Миха́йла Бори́совича Ше́ина.
Съѣзжа́лися мно́гіи кня̀зи-бояря,
(Кня̀зи-боя̀ра) и мно́гіе вла́сти,
Ко си́лнему ца́рству Моско́вскому:
Хотя̀тъ встрѣча́ть Ѳиларе́та Микитича,
Изъ сла́внаго града каменно́й Москвѣ́,
Не кра́сное со́лнце кати̇лося,
Поше́лъ госуда́рь правосла́вной царь,
Встрѣча̀ти своего́ ба́тюшка,
Госуда́ря Ѳиларе́та Мики́тича;
Съ госуда̀ремъ поше́лъ его дядюшка,
Ива́нъ Мики́тичъ боя̀ринъ
«Дай, Сподп, здоро́въ былъ госуда́рь мой ба́тюшко,
А ба́тюшко госуда́рь Филаре́тъ Ники́тичъ!»
А какъ бу́дутъ онѣ́ въ каменно́й Москвѣ́,
Не пошли́ онѣ́ въ хоро́мы въ царьскіе,
А пошли́ онѣ́ къ Пречи́стой собо́рной,
А пѣ́ти чесны́хъ моле́беновъ.
Благословлялъ своего ча̀да ми́лаго:
— И да́й Господи, здоро́въ былъ правосла́вной царь,
— Князь Вели́кій Миха́йлъ Ѳе́доровичъ,
— А ему́ здержа́ти Ца̀рьство Моско́вское
— И вся земля́ Свято-руская!

Напечатана въ Памятникахъ стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVIII столѣтій, изд. П. Симони. Вып. II. 1. «Пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619—20 гг. С.-Пб. 1907 г., стр. 7—9.

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ ПРИ ЦАРѢ АЛЕКСѢѢ МИХАЙЛОВИЧѢ.

Олонецкой губерніи.

243.

Во тоя было Москвы бѣлокаменной,
У того царя сударь Алексѣя Михайловича московскаго.
Выходилъ какъ онъ изъ божьей церкви,
Становился онъ на лобно сударь мѣсто,
На тую сударь зеленую дубраву,
Говорилъ онъ, надежа-государь-царь:
«Ай же вы, князи, думные бояра!
«Пособите государю дума думати,
«Надо думать крѣпка дума, не продумать.
«Мнѣ-ка пишетъ нынь король земли шведской:
«Онъ проситъ у насъ города Смоленца,
«Даваетъ ли намъ Хинскую землю.
«Отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
«Аль намъ за Смоленецъ постояти,
«Али намъ на Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ перво князь астраханскій,
Онъ-то близко къ государю становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ты, ай, сударь, надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ московской!
— Бласлови мнѣ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Во Смоленцѣ стрѣльцовъ нѣтъ нисколько,
— Во Смоленцѣ казны нѣтъ ни копейки:
— Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
— А возьмите у нихъ Хинскую землю! —
Государю тыя рѣчи не слюбилися.

Говорилъ сударь надежа-государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ московской:
«Вы, ай же, малы дѣтушки, солдаты!
«Пособите государю дума думати,
«Мнѣ-ка думать крѣпка дума, не продумати.
«Мнѣ-ка пишетъ нынь король земли шведской:
«Онъ проситъ у насъ города Смоленца,
«А даваетъ ли намъ Хинскую землю,
«Такъ отдать ли намъ Смоленецъ — не отдати,
«Аль намъ за Смоленецъ постояти,
«Аль намъ на Смоленецъ нанимати?
Выходилъ второй князь бухарскій,
Онъ-то близко къ государю становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ты, ай, сударь надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ московской!
— Бласлови мнѣ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Во Смоленцѣ стрѣльцовъ нѣтъ нисколько,
— Во Смоленцѣ казны нѣтъ ни копейки:
— Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
— А возьмемъ себѣ Хинскую землю. —
Государю тыя рѣчи не слюбилися.
Говорилъ сударь надежа-государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ московской:
«Вы, ай же, малы дѣтушки, солдаты!
«Пособите государю дума думати,
«Надо думать крѣпка дума, не продумать.
«Мнѣ-ка пишетъ нынь король земли шведской:
«Онъ проситъ у насъ города Смоленца,
«А даваетъ намъ Хинскую землю.
«Такъ отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
«Али намъ за Смоленецъ постояти,

«Али намъ на Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ князь Данила Милославской,
Онъ-то близко къ государю становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ты ай, сударь надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ московской!
— Бласлови мнѣ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленецъ есть строенье не литовско,
А Смоленецъ есть строеньице московско;
— Во Смоленцѣ есть стрѣльцовъ сорокъ тысячъ,
— Во Смоленцѣ казны есть, — смѣты нѣту:
— Не дадимъ мы туда города Смоленца,
— А не возьмемъ себѣ Хинскую землю!
Государю тыя рѣчи прилюбилисъ.
Говорилъ сударь надежа-государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ московской:
«Ты ай же, князь Данила Милославской!
«Мнѣ-ка чѣмъ тебя на скорѣ пожаловать,
«Я пожалую во Смоленцѣ воеводой».
Астраханскаго-то взялъ — повѣсилъ,
А бухарскому-то князю голову срубилъ.

Записана П. Н. Рыбниковымъ въ 1863 году въ Кижахъ, Петрозавод. у отъ кр. А. Е. Чукова изъ дер. Горка, Пудожгорскаго погоста, Римской волости, Повѣнецкаго у. Напечатана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ». Изд. 2-е подъ ред. А. Е. Грузинскаго, т. I. № 32. Стр. 218—220.

Олонецкой губерніи.

244.

Жилъ былъ государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской.
И выходитъ отъ ранной заутрени Христосьской,
И ставится на лобное мѣсто,

И на всѣ стороны государь поклонился,
Испроговорилъ надежа-государь-царь:
«Ай же вы, князи и бояра!
«Пособите государю дума думати,
«Дума думать, а и не продумать бы.
«Что наступаетъ король литовскій,
«Наступаетъ-то на городъ на Смоленецъ».
А изъ большихъ бояръ бояринъ выступаетъ,
Онъ близенько къ государю подходитъ,
Онъ низенько государю поклонился,
Испроговорилъ великій бояринъ:
— Ай же ты, государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ московской!
— Благослови словцо сговорити,
— А не прикажи-тко за слово меня сказнити:
— А Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Во Смоленцѣ силы нѣту, казны не бывало:
— Отдадимъ-ко мы городъ Смоленецъ
— Безъ бою, безъ драки великія
— И безъ большаго кроволитія. —
А къ тѣмъ рѣчамъ государь не принимался,
Испроговорилъ государь-царь:
«Ай же вы, князи и бояра!
«Пособите государю дума думати,
«Дума думать, и не продумать бы.
«Наступаетъ на Смоленецъ король литовскій,
«Станемъ ли за Смоленецъ постояти?»
Изъ середнихъ бояръ бояринъ выступаетъ,
Поблизенько къ государю подходитъ,
И низенько государю поклонился,
Испроговоритъ великій бояринъ:
— Ай же ты, государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ московской!

— Благослови мнѣ словцо сговорити,
— А не прикажите за словцо сказнити:
— А Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско
— Силы во Смоленцѣ нѣту, казны не бывало:
— Отдадимъ-ко мы городъ Смоленецъ
— Безъ бою, безъ драки великія,
— Безъ большаго кроволитья».
А къ тѣмъ рѣчамъ государь не принимался,
Испроговоритъ государь-царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московской:
«Ай же вы, князи и бояра!
«Пособите государю дума думати,
«Дума думать, а не продумать бы.
«Наступаетъ на Смоленецъ король литовскій,
«Станемъ ли за Смоленецъ постояти?»
Изъ меньшихъ бояръ бояринъ выступаетъ,
Поблизенько къ государю подходитъ,
И низенько государю поклонился,
Испроговоритъ меньшій бояринъ:
— Ай же ты, государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ московской.
— Благослови мнѣ словечко сговорити,
— А не прикажи за слово сказнити:
— А Смоленецъ есть строенье не литовско,
— А Смоленецъ есть строеньице московско,
— Во Смоленцѣ силы сорокъ тысячъ,
— Казна есть безсчетна:
— Надо намъ постоять за Смоленецъ,
— А не надо намъ отдавати.
Испроговоритъ слово государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ московской:
«Ты знаешь съ государемъ говорити:
«Поѣзжай-ко въ Смоленецъ воеводой,

«Постой за городъ Смоленецъ».
Этыхъ первыхъ двухъ бояриновъ
Приказалъ царь сказнити.

Записана П. Н. Рыбниковымъ отъ крестьянина Гаврилы Амосова въ д. Уная Губа, Пудожскаго уѣзда. Напечатана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ». Изд. 2-е подъ ред. А. Е. Грузинскаго, т. II, № 158, стр. 393—395.

Олонецкой губерніи.

245.

Посредѣ́-ль было Московскаго царства,
Середи было Россійска государства,
Какъ у свѣта у архангелы Михайлы,
У Ивана у великаго въ соборѣ,
Зазвонили во большой во колоколъ,
Всихъ князей бояръ къ обѣднѣ созывали.
Тамъ служили святый молебенъ.
Выходилъ нашá надежа государь царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ московской,
Становился государь на ровно мѣсто,
На всѣ стороны онъ поклонился,
Что ни злата труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенѣла,
Зговорилъ наша надежа государь царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:
«Ай же вы мои князья бояра!
«Пособите государю дума думать,
«Дума думать государю не продумать:
«А отдать ли мнѣ-то городъ Смоленецъ?»
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга,
Еще первыи бояринъ выступаетъ
Тимоѳей сударь Ивановичъ Казанской,

Поблизешеньку къ царю онъ становился,
Понизешеньку царю онъ поклонился.
— Ахъ ты, свѣтъ наша́ надежа государь царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:
— Бласлови-тко, государь, мнѣ слово молвить,
— Не возьми-тко мое слово во досаду,
— Не вели-тко скоро за́ слово казнити.
— А отдай-ко ты городъ Смоленецъ,
— А Смоленецъ-то городъ не крѣпокъ,
— Во Смоленцѣ золотой казны немножко,
— Не московскоё строеньицо, литовско. —
Государь-то вѣдь тѣмъ рѣчамъ не принялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ московскій.
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга
Еще другій бояринъ выступаетъ,
А Илья сударь Ивановичъ Хованской.
Поблизешенько къ царю онъ становился,
Понизешенько царю онъ поклонился.
«Ахъ ты, свѣтъ наша́ надежа государь царь,
«Алексѣй сударь Михайловичъ московскій!
«Бласлови-тко государь мнѣ слово молвить,
«Не возьми-тко мое слово во досаду,
«Не вели-тко скоро за́ слово казнити.
«Ты отдай-ко вѣдь городъ Смоленецъ
«А Смоленецъ-то городъ не крѣпокъ,
«Во Смоленцѣ золотой казны немножко,
«Не московскоё строеньицо, литовско».
Государь-то вѣдь тѣмъ рѣчамъ не принялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ московскій.
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга
Еще третій бояринъ выступаетъ
А Иванъ сударь Иванычъ Милославской.
Поблизешенько къ царю онъ становился,
Понизешенько царю онъ поклонился.

— Ахъ ты, свѣтъ наша́ надежа государь царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ московскій.
— Не отдай-ко ты вѣдь города Смоленца,
— А Смоленецъ-то вѣдь городъ очень крѣпокъ,
— Во Смоленцѣ золотой казны безчётно,
— Не литовское строеньице, московско! —
Тутъ проговоритъ свѣтъ наша надежа государь царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:
«Ай же ты храбрыи воинъ
«Иванъ сударь Иванычъ Милославской!
«А ты знаешь вѣдь съ царемъ и говорити,
«Поѣзжай туда во полки воеводой!»
А какъ тѣхъ бояръ велѣлъ да царь казнити.

Записана А. Н. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 г. въ іюлѣ м. въ Чолмужахъ отъ крестьянина И. А. Касьянова. Напечатана въ «Онежскихъ былинахъ» т. II, № 161, стр. 564.

Олонецкой губерніи.

246.

Во тоя было Москвы да бѣлокаменной,
Когда царствовалъ Алексѣй Михайловичъ московской
И выходилъ онъ сударь изъ Божьей церкви,
Становился онъ на лобно сударь мѣсто,
На тую сударь зеленую дубраву,
Говорилъ онъ надежа-государь царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ московской:
«Ай же вы, князи, вы бояра!
«Пособите государю дума думати,
«Надо думать крѣпка дума, не продумать.
«Мнѣ-ка пишетъ нынь король да земли Шведской:
«Онъ проситъ у насъ города Смоленца,
«А даваетъ ли намъ Хинскую землю,

«То отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
«Али намъ за Смоленецъ постояти,
«Али намъ на Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ перво князь вострахансkій,
Онъ поблизку государя становился,
А онъ понизку государю поклонился:
— Ахъ ты эй-ну надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ московской!
— Благослови мнѣ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Да во Смоленцѣ стрѣльцовъ вѣдь нѣтъ нисколько,
— Во Смоленцѣ казны вѣдь нѣтъ ни копѣйки:
— Отдаемъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
— А возмемъ ко себѣ Хинскую землю! —
Государю тыя рѣчи не влюбились.
Говорилъ надежа-государь-царь,
Онъ Алексѣй сударь Михайловичъ московской:
«Ахъ вы, эй же, малы дѣтушки, солдаты!
«Пособите государю дума думать,
«Надо думать крѣпка дума, не продумать.
«Мнѣ-ка пишетъ нынь король земли Шведской:
«А ужь онъ проситъ у насъ города Смоленца,
«А онъ даваетъ ли намъ Хинскую Землю.
«То отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
«Али намъ да за Смоленецъ постояти,
«Аль намъ да на Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ-ка второй князь бухарскій,
Онъ поблизку государя становился,
Да онъ понизку государю поклонился:
— Ахъ ты эй-ну надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ московской!
— Благослови мнѣ, государь, да слово смолвить:
— Что Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско;

— Да во Смоленцѣ стрѣльцовъ вѣдь нѣтъ нисколько,
— Да во Смоленцѣ казны нѣтъ вѣдь ни копѣйки.
— Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
— Мы возмемъ-ко себѣ Хинскую землю. —
Государю тыя рѣчи не влюбились.
Говорилъ надежа-государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ московской:
«Ахъ вы эй-же, малы дѣтушки, солдаты!
«Пособите государю дума думать,
«Надо думать крѣпка дума, не продумать,
«Мнѣ-ка пишетъ нынь король да земли Шведской:
«Онъ проситъ у насъ города Смоленца,
«А даваетъ ли намъ Хинскую землю.
«То отдать ли намъ Смоленецъ — не отдати,
«Да али намъ за Смоленецъ постояти,
«Да али намъ за Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ-ка князь Данила Милославской,
Онъ поблизку государю становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ахъ ты эй-ну надежа-государь-царь,
— Благослови мнѣ, государь, слово смолвить:
— Что Смоленецъ строенье не литовско,
— А Смоленецъ строеньице московско;
— А во Смоленцѣ казны есть, да смѣту нѣту:
— Ужъ мы станемъ за Смоленецъ постояти,
— Ужъ мы станемъ за Смоленецъ нанимати,
— Не дадимъ мы туда города Смоленца,
— А не возмемъ себѣ Хинскую землю! —
Государю тыя рѣчи прилюбились.
Говорилъ сударь надежа-государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ московской:
«Ахъ ты эй же князь Данило Милославской!
«Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскорѣ пожаловать,
«А я пожалую во Смоленецъ воеводой.

«Астраханскаго взялъ — повѣсилъ,
«А бухарскому-то князю голову срубилъ.

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года отъ крестьянина д. Горка, Повѣнецкаго у. А. Е. Чукова. Напечатана въ «Онежскихъ былинахъ» т. II, № 154, стр. 509.

Олонецкой губерніи.

247.

Посредѣ-ль было Московскаго царства,
Середи было Россійска государства,
Какъ у свѣта у Архангела Михайлы,
У Ивана у Великаго въ соборѣ,
Зазвонили во бо́льшой во колоколъ,
Всихъ князей бояръ къ обѣднѣ созывали;
Тамъ служили святые молебенъ.
Выходилъ наша надёжа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московской,
Становился государь на ровно мѣсто,
На всѣ стороны онъ поклонился.
Что не зо́лота труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенѣла,
Зговорилъ наша́ надёжа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московской:
Ай же вы мои кня́зья бояра!
Пособите государю дума думать,
Дума думать государю не продумать:
А отдать-ли мнѣ-то городъ Смоленецъ?
Изъ того-ли изъ боярскаго изъ круга,
Еще первыи бояринъ выступаетъ
Тимоѳей сударь Ивановичъ казанской,
Поблизёшенько къ царю онъ становился,
Понизёшенько царю онъ поклонился.

Ахъ ты свѣтъ нашá надёжа государь царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ московской:
Бласлови-тко, государь, мнѣ слово молвить,
Не возьми-тко мое слово во досаду,
Не вели-тко скоро зá слово казнити.
А отдай-ко ты городъ Смоленецъ,
Ты не трать-ко своей силы напрасно;
А Смоленецъ-то городъ не крѣпокъ,
Во Смоленцѣ золотой казны немножко,
Не московскоё строеньицо, литовско.
Государь-то вѣдь тѣмъ рѣчамъ не принялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ московской.
Изъ того-ли изъ боярскаго изъ круга
Еще другіи бояринъ выступаетъ
А Илья сударь Ивановичъ Хованской;
Поблизёшенько къ царю онъ становился
Понизёшенько царю онъ поклонился:
Ахъ ты свѣтъ нашá надёжа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московской!
Бласлови-тко, государь, мнѣ слово молвить,
Не возьми-тко мое слово во досаду,
Не вели-тко скоро зá слово казнити.
Ты отдай-ко вѣдь городъ Смоленецъ,
А Смоленецъ-то городъ не крѣпокъ.
Во Смоленцѣ золотой казны немножко,
Не московскоё строеньицо, литовско.
Государь-то вѣдь тѣмъ рѣчамъ не принялся
Алексѣй сударь Михайловичъ московской.
Изъ того-ли изъ боярскаго изъ круга
Еще третіи бояринъ выступаетъ
А Иванъ сударь Иванычъ Милославской;
Поблизёшенько къ царю онъ становился,
Понизёшенько царю онъ поклонился:
Ахъ ты свѣтъ нашá надёжа Государь Царь

Алексѣй сударь Михайловичъ московской!
Не отдай-ко ты вѣдь города Смоленца,
А Смоленецъ-то вѣдь городъ очень крѣпокъ,
Во Смоленцѣ золотой казны безсчётно,
Не литовское строеньицо, московско!
Тутъ проговорилъ свѣтъ наша надёжа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московской:
Ай же ты храбрыи воинъ,
Иванъ сударь Иванычъ Милославской;
А ты знаешь вѣдь съ царемъ и говорити!
Поѣзжай туда во пóлки воеводой!
А какъ тѣхъ бояръ велѣлъ да царь казнити.

Записана Ѳ. М. Истоминымъ въ 1886 году отъ кр. И. А. Касьянова. Космозерскаго погоста, Петрозаводск. у. Напечатана въ «Пѣсняхъ русскаго народа» собр. Ѳ. М. Истоминымъ и Г. О. Дютшемъ. С.-Пб. 1894 г. Стр. 55—56. № 8.

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПОДЪ РИГОЮ.

Изъ Западной Сибири.

248.

А под славнымъ было городомъ под Ригою
Что стоя царь г҃дрь по три годы —
Еще бывшеи Алеѯеи царь Михаиловичь.
Изволилъ царь г҃дрь нарежатися,
Нарежаетца царь государь в каменну Москву
Аи бывшеи Алеѯеи царь Михаиловичь.
Что по утру было рано ранешонко,
Какъ на светлой заре на утрени,
На восходе было краснова солнушка,
Какъ бы гуси-лебеди воскикали
Говорили салдаты новобраныя:

«А светъ г҃дрь, благовернои царь,
«Аи бывшеи Алеѯеи царь Михаиловичь!
«Ты изволишъ нарежатца в каменну Москву,
«Не оставь ты насъ бедныхъ под Ригою;
«Ушъ и такъ намъ де Рига наскучила,
«Она скучила намъ Рига напрокучила:
«Много холоду, голоду принели,
«Наготы, босоты вздвое того».
Что злата труба под Ригою протрубила,
Прогласилъ г҃дрь благоверной царь:
«Аи детушки, вы салдаты новобраные!
«Не однимъ вамъ Рига-та наскучила,
«Самому мне г҃дру напроскучила;
«Когда Богъ насъ принесетъ в каменну Москву,
«А забудемъ бедность, нужу великую.
«Аи выставлю вамъ погребы царския,
«Что с пивомъ, с виномъ меды сладкия.

Перепечатана нами съ раздѣленіемъ на стихи изъ Сборника Кирши Данилова; изд. Имп. Публичной Библіотеки подъ ред. П. Н. Шеффера. С.-Пб. 1901 г. Стр. 126—127.

УБІЙСТВО КНЯЗЯ КАРАМЫШЕВСКАГО.

Олонецкой губерніи.

249.

Былъ же славный князь да Карамы́шевско̀й,
Жилъ онъ покрай матушки Вятлы рѣки,
Ѣздилъ онъ по матушки Вятлы́ рѣкѝ,
Прибиралъ же себи мѣсто да любимоё,
А прибралъ себи мѣсто да любимоё
Покрай матушки было Вятлы рѣки;
Далъ за мѣсто онъ пятьсотъ рублей.

Признали тутъ же князи было бо́яра
Его мѣсто да любимоё,
Давали тутъ за мѣсто цѣлу тысящу.
И тотъ же князь да Карамышевской
Заводилъ же онъ тутъ да почестный пиръ,
На князей пиръ да онъ на бо́яръ пиръ
И на всихъ гостей да званыхъ браныихъ,
Пріѣзжаетъ тутъ Илья да кумъ же те́мныи,
Илья да кумъ же темныи розбойничёкъ,
Со своей было дружинушкой хороброю,
И съ Гришкой нынь съ Олешкой со Баскаковымъ,
На то же на велико пированіё
А на тотъ же на почестный пиръ.
Розсадилъ же было князь да Карамышевской,
Всихъ же розсадилъ по своимъ мѣстамъ,
Вси же ѣли, вси же пили тутъ да кушали,
Его бѣлую лебёдушку тутъ рушали.
А сидитъ Илья да кумъ же те́мныи,
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, да самъ не кушаетъ,
Его бѣлою лебёдушки не рушаетъ.
Ходитъ князь Иванъ да Карамышевской
По своимъ было полатамъ бѣлокаменнымъ,
И самъ же князь да испрогово́ритъ:
«Ай же ты Илья да кумъ же те́мныи,
«А кумъ же темныи розбойничекъ!
«Ты что не ѣшь, не пьешь, да не кушаёшь,
«Моей бѣлою лебёдушки не рушаешь?
«Ѣствы-ты мои теби не по́ уму,
«Али питьица мои ти не по разуму?
«Али чарою тебя да нунь прі́обнесли,
«Аль дуракъ — тотъ надъ тобой да насмѣялся ли,
«Али пьяница тебя да нунь прі́обозвалъ?»
— Ѣствы-ты твои да были по́ уму,
— Питьица твои были́ по разуму,

— Чарою меня тамъ не пріо́бнесли,
— Дуракъ надо мною не смѣялся ли,
— И пьяница меня да не пріо́бозвалъ. —
Ходитъ было князь да Карамышевской
И по тымъ же по полатамъ бѣлокаменнымъ.
Говорилъ же князь да Карамышевской:
«Твое сердце знать розбойничко,
«На кой день же ты головушки не у́бьешь ли,
«На то̀тъ же день не мошь ты живъ же быть».
Тутъ мутно е́го око помутилоси,
Розбойническое сердце розгорѣлоси
И съ кровью тутъ глаза да повернулиси,
Повыглянулъ на князя онъ же съ по́длобья.
Говоритъ же тутъ княгиня Карамышевска
Своему же было князю Карамышевску:
— Ай же князь да Карамышевской!
— Ты роздра́жилъ нунь Илью да ку́ма те́мнаго,
— Ку́ма те́мнаго розбойничка.
— Его мутное тутъ око помутилоси,
— А розбойничко тутъ сердце розгорѣлоси,
— А съ по́длобья на васъ да онъ повы́глянулъ. —
Говорилъ же тутъ да князь да Карамышевской:
«Зналъ же я розбойничка роздра́жити,
«Знаю я розбойничка утѣшити».
Шолъ же во глубокіи во по́греба,
На мису́ онъ клалъ да красна золота,
А на дру́гу кладыва́е чистаго тутъ се́ребра,
А на третьюю каменьевъ драгоцѣнныихъ.
Тутъ подноситъ онъ Илью̀ да ку́му те́мному,
Ку́му те́мному, розбойнику,
Эти честныи да да́рева.
Принимаетъ тутъ Илья да кумъ же темныи
Эти честныи подарочки,
Самъ ему да кланялся:

— Благодарствуешь да князь же Карамышевской
— За твои великіи подарочки.
— Ты не бойся-тко Ильи да ку́ма те́мнаго,
— Ку́ма те́мнаго розбойника,
— Со дружинушкой меня да со хороброю,
— Съ Гришкой нунь съ Олешкой со Баскаковымъ.
— Бойся-тко ты ноченьки нунь те́мныи,
— Темныи ты ноченьки осенніи. —
Князь же Карамышенской зраду́ется:
«Я зналъ же нунь розбойника роздра́жити,
Я умѣлъ же нунь розбойника утѣшити»
Съ той же со великою со радости,
Что утѣшилъ онъ да нунечку розбойника,
А того же нунь Илью да кума те́мнаго,
Тутъ до́пьяна же князь да напивается,
И до́ сыти же князь да наѣдается,
И самъ же тутъ же князь да поросхвастался
Своимъ тутъ мѣстомъ да любимыимъ:
«Я ѣздилъ нунь по матушки Вятлы́ рѣки,
«Прибиралъ же себи мѣсто я любимоё,
«Далъ же я за мѣсто нунь пятьсотъ рублёвъ,
«Князи же бояра мни давали цѣлу тысящу,
«Я не продалъ нунь да мѣста да любимаго».
Вси тутъ на пиру да наѣдалиси,
Вси же на честномъ да напивалиси,
Вси со пи́ру по домамъ да розбиралиси.
Тутъ уѣхалъ да Илья же кумъ да темныи,
А Илья же кумъ да темныи розбойничекъ,
Со своей было дружиной со хороброю.
Дожидается онъ ноченьки тутъ темныи,
Хоть бы темныи тутъ ноченьки осенніи,
И дождался тутъ онъ ноченьки да темныи,
Хоть бы темныи тутъ ноченьки осенніи.
Говорилъ же онъ дружинушки хороброю:

«Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы,
«Ай же вы дружинушка хоробрая!
«А поѣдемте-тко къ князю Карамышинску,
«Подъ его было подъ мѣсто подъ любимое».
Собиралиси тутъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы
Съ тымъ же нунь Ильéй да ку́момъ темныимъ,
Кумомъ темныимъ розбойникомъ.
Садились они въ лодочку коломенку,
Поѣзжали тутъ по матушки Вятлы́ рѣки,
Подъѣзжали тутъ подъ мѣсто подъ любимоё.
Прогряну́ла было лодочка коломенка
Да проскры́пали веселышка яровчаты
А подъ то было село да подъ любимое,
Подъ того ли было князя Карамышенска.
Говорила тутъ княгиня Карамышенска:
— Ай же князь Иванъ да Карамышенской!
— А подъ нашеё село любимое
— Пргряну́ла было лодочка коломенка
— А проскрыпну́ли веселышка яровчаты,
— Тутъ подъѣхалъ нунь Илья къ намъ кумъ да темныи,
— Кумъ же темныи, розбойничёкъ. —
Говоритъ же было князь тутъ Карамышевской:
«Не напился бы теперечку я допьяна,
«Не боялся бы Ильи да ку́ма темнаго.
«Кабы могъ я нунь ходить да на рѣзвыхъ ногахъ,
«Могъ носить въ рукахъ бы я черливый вязъ,
«Не боялся бы Ильи да ку́ма тéмнаго,
«Кума темнаго розбойника!»
Подъ окномъ же тутъ Илья все да повыслухалъ,
Говорилъ же Гришки нунь Олешкѣ да Баскаковымъ:
— Вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
— Берите-тко конецъ бревна да слягу бѣлую,
— И выставьте-тко двери вонъ со липиньёмъ. —
Тутъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы

Брали тутъ конецъ бревна да слягу бѣлую,
Ударили тутъ въ двери да со липпньёмъ
И выставили двери съ ободвереньей.
Приходитъ тутъ Илья же кумъ да темныи,
Кумъ же темныи, розбойничёкъ,
Приходитъ тутъ въ полаты бѣлокаменны,
Говоритъ же тутъ Илья да кумъ же темныи,
Кумъ же темныи, розбойничекъ:
«Вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
«Вы берите-тко копье да бурзамецкое,
«Вы сколите-тко нунь князя Карамышенска,
«А во той было во ложни да во тéпльи».
Говорили тутъ же Гришка да Олешка нунь Баскаковы:
— Ай не носятъ насъ да ножки рѣзвыи,
— А не здынутся да ручки наши бѣлыи,
— Что сколоть же нунь намъ князя Карамышенска
— А во той было во теплыи во ложеньки.
— Мы ѣли, пили, тутъ же кушали,
— Его бѣлую лебедушку тутъ рушали,
— Мы приняли да честныи подарочки
— Не можемъ мы сколоть нунь князя Карамышенска.
— Его мутное тутъ око помутилоси,
А розбойницкое сердце розгорѣлоси.
Какъ тяпне онъ копье да бурзамецкое,
И сололъ же тутъ онъ князя Карамышенска
А во той было во ложни да во тéплыи.
Говорилъ же тутъ Илья да кумъ же тéмныи,
Кумъ же темныи, розбойничёкъ:
«Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
«Вы сколите-тко княгину нунь за люлечкой».
Отвѣчаютъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы:
— Ай не носятъ насъ да ножки рѣзвыи,
— А не здынутся да ручки наши бѣлыи
— Да сколоть же намъ княгину да за люлечкой.

— Она му́жа тутъ да не учи́ла ли[1])
— Что роздра́жить Илью ку́ма те́мнаго.
Его мутное тутъ око помутилоси
А розбойницкое сердце розгорѣлоси,
И скололь же онъ княгину да за люлечкой.
«Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
«Вы возьмите-тко младенчика изъ люлечки,
«Рвите-тко младенчика да на двое».
Гришка тутъ Олешка да Баскаковы
Отвѣчали тутъ Ильи да ку́му те́мному:
— Ай не носятъ насъ да ножки рѣзвыи,
— А не здынутся да ручки наши бѣлыя,
— Что его нунь душенка безвинная,
— Не училъ же онъ да отца матери! —
Мутное тутъ око помутилоси,
Хоть розбойницко же сердце розгорѣлоси,
Выхватилъ младенчика изъ люлечки,
На ногу ступилъ, за дру́гую да дернулъ ли,
На двое младенчика порозорвалъ.
Тутъ пограбилъ онъ же князя Карымышинска,
Сóжгалъ тутъ же мѣсто да любимоё,
И уѣхалъ тутъ Илья да кумъ же темныи
Со своей было дружинушкой хороброю.
Съѣхалъ тутъ Илья да въ свой же домъ
Со своей было дружинушкой хороброю.
Мутно е́го око тутъ же мутится,
Розбойническое сердце роздѣляется:
Ѣхать мнѣ ко городу ко Кіеву
А й ко ласковому князю ко Владиміру,
А й убить же тамъ Василья сына Карамышинска.
Собралъ онъ дружины сорокъ тысячей,

1) Ли не имѣетъ здѣсь смысла вопросительнаго, а напротивъ, утвердительный, вмѣсто: не учила вѣдь.

Самъ розбойничекъ поѣхалъ да посланникомъ
А й ко солнышку къ Владиміру,
А й ко князю стольнё-Кіевску.
Пріѣзжае со дружинушкой хороброю,
Половину оставляе во чисто́мъ поли,
А съ другою пріѣзжае въ Кіевъ градъ.
Проситъ у Владиміра да войска безпощаднаго,
Онъ большаго проситъ кроволитія [1]).
Убоялся нашъ Владиміръ стольнё-Кіевской
Тутъ Ильи да кума темнаго розбойника,
Онъ просилъ къ себѣ во гридни во столовыи,
Во великое себѣ-ка во гостёбищо.
Пожелалъ же тутъ Илья да кумъ же те́мныи
Кумъ же темныи, розбойничёкъ,
Что ли къ солнышку къ Владиміру,
Что ль ко князю стольнё-Кіевску,
А во ты ли въ гридни во столовыи
Во великое гостёбищё
Со своей дружинушкой хороброю,
Съ Гришкой со Олешкой со Баскаковымъ.
Тутъ солнышко Владиміръ стольнё-Кіевской
Ставилъ онъ же столики дубовыи
И угащивалъ великіимъ гостебищемъ,
А садилъ Илью на мѣсто да на первое,
А садилъ во мѣсто да во бо́льшее.
Да разнощикъ былъ Василій да Ивановичъ,
Что ль любимыи его племя́нничокъ,
Племянничокъ да й крестничокъ,
Того князя Карамышевска его-то ро́дной сынъ.
Розносилъ онъ чару зелена вина
На томъ ли на великоемъ гостебищѣ.
Перву чару нёсъ онъ, не́ донесъ,

---

1) По объясненію пѣвца, это значитъ, что объявляетъ Владиміру войну.

А другую нёсъ же, пе́ренесъ,
А третьей чары Ильи не́ подалъ,
А и не́ подалъ розбойничку.
Мутно его око помутилоси,
А розбойничко тутъ сердце загорѣлоси,
Съ кровью тутъ глаза да повернулиси,
Съ пбдлобья да онъ повыглянулъ
На того было Василья на Иванова.
Самъ же тутъ Илья да испрогбворитъ:
«Ай ты солнышко Владиміръ стольнё-Кіевской!
«И какой у тя поставленъ да розносщичокъ,
«Перву чару нёсъ да къ намъ же не́ донесъ,
«А другу чару нёсъ да насъ онъ пе́ренесъ,
«А третьею-то чары намъ же не́ подалъ?
«А заводитъ онъ же бой драку́ великую,
«А большое онъ же съ вами кроволитіе».
Говоритъ же тутъ Владиміръ стольнё-Кіевской:
— Ай же ты любимыи племянничокъ,
— Ай Василей да Ивановичъ,
— Ты крестовое мое да было дитятко!
— А зачѣмъ же ты роздра́жилъ нунь Илью да ку́ма те́мнаго,
— Кума темнаго розбойника?
— За твои поступки неумильніи
— Прикажу ти голову́ рубить! —
Тяжеле́шенько тутъ онъ да поросплакался:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-Кіевской,
«Ты родитель мой же дѣдушка,
«Да крестовый мой же батюшко!
«Ты не носятъ да меня же ножки рѣзвыи,
«Да не здынутся мои же ручки бѣлыи
«Подать чары зелена вина.
«А й убилъ же онъ родителя нунь батюшка,
«Что ли князя Карамышенска,
«Твоего ли зятя да любимаго,

«А во той было во ложни да во те́плыи,
«А мою было родитель тутъ же матушку
«А твою было сестрицу да родимую,
«А скололь же онъ за люлечкой,
«Моего же было братца да родимаго
«А и вьюноша тутъ малаго,
«А онъ выдернулъ изъ люлечки,
«На ногу ступилъ, за дру́гую тутъ дернулъ ли,
«И на двоё его порозорвалъ!
«И видѣлъ бы Илью да я на ножики,
«А не то же поднести да ёму чару зелена вина,
«А тому Ильѣ да куму те́мному,
«Куму темному, розбойнику!»
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-Кіевской:
— Ай же ты крестово мое дитятко,
— Ай Василей да Ивановичъ!
— Буде мошь отлить ты кровь родительску,
— Буде мошь ты съ нимъ да нунь поправиться.
— Ты убей-ко нунь Илью да кума те́мнаго,
— Кума темнаго, розбойника. —
Мутно е́го око помути́лоси,
Богатырско сердце загорѣлоси,
Подскочилъ къ столамъ да онъ дубовыимъ,
Какъ ухватилъ онъ Илью да за желты кудри,
Здынетъ тутъ Илью да выше гѓловы,
Топнулъ онъ Илью да о кирпиченъ мостъ,
Повернулись тутъ глаза да вонъ косицами,
Какъ ухватитъ онъ его да тутъ же за ноги,
Взялъ же онъ розбойникомъ помахивать.
Выскочилъ Василей да на ши́рокъ дворъ,
Добирается до оси до телѣжныи,
До телѣжныи до оси до желѣзныи,
А тая́-то ёму мѣра по плечу пришла.
Взялъ же по той силушки помахивать,

Вся же сила тутъ его да розбѣжаласи,
Малыи да розбѣжалиси,
Старыи тутъ ростулялиси,
Вся та силушка назадъ ушла,
Вся же сила по своимъ мѣстамъ.
Забирается во гридни во столовыи
Что ль ко солнышку ко князю ко Владиміру.
— Благодарствуй ты любимыи племянничокъ,
— Ты племянничокъ да крестничокъ,
— Да Василей ты Ивановичъ!
— Отлилъ ты ему да кровь родительску
— Да тому было розбойничку,
— Да тому Ильи да ку́му те́мному.

Записано А. Н. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года отъ крестьянина д. Горка, Повѣнецкаго у. П. Л. Калинина. Напечатано въ «Онежскихъ былинахъ» т. I. № 10. Стр. 127—137.

Симбирской губерніи.

250.

Подымался съ Москвы большой бояринъ
Онъ на тихой Донъ Ивановичъ гуляти
Не доѣхавши тиха Дона становился:
Похвалялся всѣхъ козаковъ перевѣшать.
Козаки, братцы, тотчасъ догадалися,
Во единой кругъ они собиралися,
Середи круга становился царевъ бояринъ:
Онъ сталъ читать государевы указы.
Дочитался онъ до царскаго титула,
Козаки всѣ шапки поснимали,
А большой царевъ бояринъ шляпы не снялъ;
Отъ тово козаки взволновалися,
На боярина они бросалися,

Буйну голову ево срубили,
А бѣло тѣло въ тихой Донъ бросили.
И убивши, тѣлу говорили:
««Почитай ты, баринъ, государя,
««Не гордись ты передъ нимъ и не славься»».
Ко царю они съ повинной приходили:
««Ты гой еси, батюшка православной царь!
««Ты суди насъ праведной расправой,
««Повели надъ нами дѣлать, что изволишь,
««Ты воленъ надъ нашими буйными головами»».

Записана Языковымъ. Напечатана въ Приложеніяхъ къ 7-му выпуску «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 130—131.

Симбирской губерніи.

251.

Внизъ то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
Супротивъ то была устьица Самары рѣки,
Что плыветъ тутъ легка лодочка коломенка;
Что въ ло́донки сидитъ младъ посланникъ царевъ,
Карамышевъ князь Семенъ сударь Константиновичъ,
Въ лѣвой онъ рукѣ держитъ государевъ указъ,
А во правой рукѣ держитъ саблю острую.
Что по крутому, по красному бережку,
Что по желтому сыпучему песочку,
Что ходили тутъ — гуляли добрые молодцы,
Добрые молодцы гуляли, все донскіе казаки,
Все донскіе, гребенскіе, запорожскіе,
Да и славны казаки, братцы, яицкіе
Они думали крѣпку думушку за едино,
Что сказали всѣ словечушко во единый гласъ.
Становили они пушку, братцы, мѣдную,
Закатили въ нее ядрушко чугунное,
Что палили они въ лодочку коломенку:

Никого они въ лодочкѣ не ранили,
Только убили одного царскаго посланника.

Записана Языковымъ. Напечатана въ Приложеніяхъ къ 7-му выпуску «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 132—133.

---

* * *

252.

Ужъ не травушка въ чистомъ полѣ зашаталась,
Не муравая ко сырой землѣ приклонялась,
Подымается съ Москвы большой бояринъ,
Онъ на тихой Донъ на Ивановичъ гуляти.
Не доѣхавши онъ тиха Дону становился:
Похвалялся онъ козаковъ всѣхъ тамъ перевѣшать.
Во единой кругъ козаки тотчасъ собирались,
Посередъ круга становился царевъ бояринъ:
Онъ началъ читать государевы для нихъ указы.
Дочитался онъ до царскаго только титула,
Козаки тотъ часъ всѣ шапки тутъ поснимали,
А большоя-тъ царевъ бояринъ шляпы не снялъ;
Отъ тово-то всѣ козаки тотчасъ взволновались,
Разъярившись они на боярина вдругъ бросались,
Буйну голову отъ бѣла тѣла отрубили,
А бѣло тѣло во тихой онѣ Донъ бросали;
А убивши, они ево тѣлу говорили:
««Почитай ты, большой бояринъ, государя,
««Не гордися ты передъ нимъ, бояринъ, и не слався́».
Ко царю они съ повинною приходили:
««Ты гой еси, нашь батюшка, православной царь!
««Ты суди, государь, насъ праведной расправой,
««Повели надъ нами дѣлать, что изволишь,
««Ужь ты воленъ надъ нашими головами».

Напечатана въ Приложеніяхъ къ 7-му выпуску «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго» стр. 129—130 изъ «Старшаго пѣсенника Трутовскаго», ч. II.

---

* *
*

253.

Еще внизъ то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
Сопротивъ тово было устьица Самары рѣки,
Что плыветъ тутъ, выплываетъ лёгкая лодочка.
Легкая лодочка выплываетъ, братцы, коломенка:
Хорошо больно лёгкая лодочка изукрашена,
Серебромъ, златомъ лёгкая лодочка изнасѣчена;
Посередъ стоитъ лёгкоій лодочки знамя царское,
Что во лодочкѣ сидитъ младоій посланникъ царевъ.
Карамышевъ князь Семенъ сынъ Константиновичь.
Во правой рукѣ держитъ онъ государевъ указъ,
Во лѣвой рукѣ онъ держитъ саблю вострую.
Приставаетъ онъ ко крутому красному бережку.
Ко сыпучему ко крупному ли желту песку.
Козаки всѣ собираются во единой кругъ,
Становится младъ посланничекъ середи круга,
Козакамъ читаетъ посланничекъ государевъ указъ.
Козаки всѣ для указа шапки посняли.
Младъ посланничекъ не снимаетъ шляпы черныя.
Козаки тутъ всѣ въ минуту взволновалися,
И со всею его гордостію изъ стану выгнали.

Напечатана въ Приложеніяхъ къ 7-му выпуску «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго». стр. 131—132, изъ «Старшаго пѣсенника Трутовскаго», ч. I.

ВЫБОРЪ ЦАРЕМЪ АЛЕКСѢЕМЪ МИХАЙЛОВИЧЕМЪ НЕВѢСТЫ.

Астраханской губерніи.

254.

1 Запѣвъ. Какъ изволилъ то...
Хоръ. Нашъ православный царь
Изволилъ онъ по Москвѣ погулять.

2 З. Погулять.
Х. Какъ на-встрѣчу ему-то идетъ,
Самъ идетъ, самъ святѣйшій патріархъ.
3 З. Патріархъ.
Х. Онъ рукой-то своей царя,
Рукой правою свѣтъ-царя благословляетъ.
4 З. Благословляетъ.
Х. А еще патріархъ царя,
Крѣпко царя патріархъ спрашиваетъ.
5 З. Спрашиваетъ.
Х. Ты нашъ, православный царь,
Надежа-ли, наша, ты надежинька!
6 З. Ты надежа.
Х. Ты скажи, царь-батюшка, скажи
Всю правдыньку, ничего не утай!
7 З. Не утай.
Х. Ужъ на комъ-то, на комъ-то ты,
Надежинька, думаешь жениться?
8 З. Жену взять».
Х. «Ужъ я взять-то, я взять хочу
Нарышкина доченьку — Наташеньку».
9 З. Наташеньку.
Х. «Вѣдь графъ-то, графъ, Нарышкинъ-свѣтъ,
Не знатно онъ, не богато живетъ».
10 З. Онъ живетъ.
Х. «Мнѣ не надо богатства,
А нужна его доченька — Наташенька.

Записана А. А. Догадинымъ 1902—3 г. въ станицахъ Пичуженской отъ А. И. Прокопова и др. Александровской отъ Д. П. Забурунова и др. Напечатана въ «Былинахъ и пѣсняхъ Астраханскихъ казаковъ» А. А. Догадина, Вып. I, стр. 16. № 17. Астрахань. 1911.

ОСАДА СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

Архангельской губерніи.

255.

Во Москвы-то было, во царьсви,
Во прекрасномъ восударьстви,
Переборъ-то былъ боярамъ,
Пересмотръ-ôтъ бы̆лъ воеводамъ.
Изъ бояръ, бояръ выбирали,
Воеводу-ту поставляли,
Воеводу-ту непростого —
Ево роду же непростого:
Изъ бояръ князь-Салтыкова.
Воспрогóворитъ-то восударь-царь нашъ,
Алексѣй-сударь свѣтъ-Михайловиць:
«Ужъ ты гой еси, воевода!
Я пошлю тйбя̆, воевода,
Ко манáстырю святому
Ко игумену честнóму:
Стару вѣру-ту порушúте,
Стары книги истрибите
На огни вы вси сожгите».
Воспрогóворитъ воевода:
— Ужъ ты гой ĕсй, государь-царь нашъ,
Волексѣй ты судáрь-Михайловиць!
Какъ нельзя-то думой подумать
На святó вѣдь на это мѣсто,
На прекрасною Кенорію,
Шьчё на свéтовъ-то преподобныхъ
Соловецькихъ вѣдь цюдотворьцевъ. —
Воспрогóворитъ осударь-царь нашъ,
Алексѣй-отъ судáрь-Михайловиць:
«Ужъ ты гой еси, воевода!

Прикажу я тебе казнити,
Руки, ноги же отпилити,
Буйну голову отрубити».
Воевода та испугалсэ,
Самъ слезами же обливалсэ:
— Ужъ ты гой еси, государь-царь нашъ,
Алексѣй же суда́рь-Михайловиць!
Погоди ты миня пплити,
Ужъ (м)нѣ дай рѣць говорити:
Мнѣ-ка дай жё тѣ силы много,
Мнѣ стрѣльцовъ, борьцо́въ, салдатовъ. —
Шьчё садилсэ-то воевода;
Надалек'онъ, свѣтъ, отъѣхалъ,
Онъ росплакалсэ, самъ роздумалсэ:
«Хошь я смерть-ту-я пріиму же!
Онъ роздумалсэ воевода: —
Во пути будто рознемо́гсе;
Онъ назать скоро воротилсэ.
На то мѣсто-то накупа́лсэ
Изъ бояръ, бояръ князь Пеше́рской;
Шьчё садилсэ-то воевода
Онъ во лёгоньки стружо́цьки;
Потянули-то вѣтры буйны
Съ полудённую сторонку,
Уносило-то воеводу
Ко мана́тырю святому,
Ко игумену чесно́му,
Ка(къ) ко свѣ́тамъ-то преподобнымъ
Соловецькимъ же чудотворьцамъ.
Какъ стрѣлялъ, стрѣлялъ воевода
Во соборну-ту Божью церьковь,
Уронилъ-то тутъ воевода
Богородицу со престола.
Вси манахи-ти испугались,

По стѣнамъ-то вси побросались,
Въ одну келью-ту собирались,
Въ одно слово-то говорили:
Говорилъ-то всё игуменъ:
«Вы не бойтесь-ко, мои дѣти,
Не страшитесь-ко етой страсьти!
Мы постарому вѣдь отслужимъ, —
Съ Христомъ въ царсьтви съ имъ прибўдёмъ».
По грѣхамъ было сущнилось,
По тежкимъ грѣхамъ сотворилось:
Захотѣлъ-то вѣдь деревяга[1])
Въ светомъ озери (онъ) купатьце,
По вёревкамъ ц́ерезъ стѣну-ту опускатьце;
Ишше палъ етотъ грѣшникъ
Онъ на сы́ру-ту земьлю;
Онъ сломилъ свŏю̆ пра́ву руку,
Извихну́лъ свŏю̆ лѣву ногу.
Тутъ пришолъ къ ёмў воевода:
«Ты скажи-ко намъ сушшу правду:
Ище порохомъ-то ли довблёнъ манастырь,
Ишше пушками-то доволенъ ли,
Ишше крѣпосью-то крѣпокъ ли
Да людьми-то вѣдь онъ лю́дёнъ ли?»
Говорилъ-то тутъ деревяга:
— Онъ вѣдь крѣпосью-ту крѣпокъ,
Онъ людьми тольки не лю́дёнъ.
Попадите й вы зайдите
Дровяны́мъ-то въ стѣну окошкомъ[2]).—
Какъ зашолъ-то воевода,
Росказалъ какъ деревяга;
Онъ зац́ялъ тутъ воевода,

1) Мужикъ деревеньской, жилъ по обѣдамъ.

2) Окошко было закладено дровами, а то имъ ужъ не попасть въ стѣну (т. е. во внутренность стѣны).

Стару вѣру-ту порушилъ взялъ,
Стары книги-ти Божьи изорвалъ всё,
На огни ти онъ прижигалъ ихъ;
Всѣхъ манаховъ прирубили,
Въ сине море-то помётали
Надъ игуменомъ наругались:
Рѣцистъ языкъ у его отрѣжутъ, —
Черезъ ноць было тако цюдо:
Онъ вѣдь здѣлалсэ весь здравой;
Они взели его убили —
Какъ небесно царсво купили.
Во ту пору-ту, во то время,
Въ саму въ ту вѣдь въ тёмну ноцьку
Ишше къ нашому царю жо
Къ Олёксѣю-то свѣтъ-Михайловицю
Какъ приходятъ къ ёму два старьца,
Какъ хотятъ-то его убити,
Руки, ноги да отпилити;
Говорятъ ёму таки рѣци:
«Ужъ ты гой ёсй, государь-царь,
Олексѣй ты сударь-Михайловиць!
Не розорей-ко ты старой вѣры».
Посылатъ-то вѣдь царь же скоро,
Онъ гонцёвъ-то скоро, салдатовъ:
«Старой вѣры не розоряйте,
Вы вѣдь книгъ-то не розрушайте,
На огни-то не розжигайте,
Вы манаховъ-то не рубите».
Ище стрѣтили воеводу
Въ славномъ городи во Вологды.
Воевода-то розболѣлсэ,
Онъ въ худой-то боли сконцялсэ [1]).

1) Сгнилъ.

Государь-отъ, государь нашъ царь
Олексѣй-свѣтъ суда́рь-Михайловиць!
За воеводой собиралсэ,
Жисть своей жизнью сконцялсэ [1])
Понесли ёго въ Божью церковь, —
Потекло у ёго изъ у́шей-то,
Потекла у ёго всяка га́вря [2]);
Ишше уши-ти затыка́ли
Всё хлопцятой бѣлой бумагой [3]).

Записана А. В. Марковымъ въ Нижней Зимней Золотицѣ отъ А. М. Крюковой. Напечатана въ Сборникѣ Бѣломорскихъ былинъ; стр. 197—201. М. 1901 г.

Архангельской губерніи.

256.

Чьто во славномъ было царствѣ,
Во великомъ государствѣ
Переборъ былъ боярамъ,
Пересмотръ былъ воеводамъ;
Изъ бояръ, бояръ выбирали,
Воеводой поставляли;
Что есть выбрали воеводу,
Его роду непростого,
По фамильи Солтыкова,
Петра сына Алексѣевиця.

---

1) Когда я просилъ повторить эти слова, А. М. Крюкова пропѣла: «Онъ своёй-то жизнёй сконцялсэ». Собир.

2) Гной.

3) Пропѣвши эту старину, А. М. Крюкова разсказала слѣдующее: Царь Алексѣй Михайловичъ думалъ, что Никонъ — святой; чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, онъ велѣлъ ему надѣть башмаки, въ которыхъ было наколочено гвоздье. Никонъ поставилъ башмаки подъ кровать, а царю говорилъ, что онъ ходитъ въ нихъ невредимо. Тогда царь велѣлъ ему перемѣнить старую вѣру и поставить новую — неправую.

Посылали воеводу
Къ Соловецькимъ чудотворцамъ
Манастырь ихъ розорити,
Стару вѣру порушити
Стары книги изодрати
И огню ихъ придати,

(Далѣе приводится по рукописи, съ разнорѣчіями по записи со словъ)

Всѣхъ сътарцевъ прирубити
Ивсинѣе[1]) море пометати.
Что возговоритъ воевода
Съ великимъ плачемъ слезнымъ
Что нелзя того подумать
На святое то[2]) мѣсто
На прекрасною киновию.
Что возговоритъ государь царь
Алексей сударь Михайловичь!
Ты добро добро воевода
Я велю тебя казнити
Руки ноги отрубити
Збуйною[3]) голову отпилити.
Воевода ужасался
И[4]) слезами обливался
Погоди меня казнити
Прикажи речь говорити
Поручи мне силы[5])
Стрельцовъ буйцо[6]) исальдатовъ.

---

1) «Въ сине».
2) «Это».
3) «Буйну».
4) «Самъ».
5) Приб. «много».
6) «бóрцовъ».

Что садился воевода
Волехи да во лехвия стружечки [1])
Потянули ветры [2])
Со восточную сторонку
Приносило воеводу
Къ соловецкимъ чюдотворцемъ
Ко манастырю свѣто [3])
Ко игумену честному
Что стрелялъ воевода
Во соборную божию церковъ
Уронилъ воевода
Богородицу со престола
Все [4]) сътарцы испугалисъ
По стенамъ пометались
Водно место сбиралисъ
Водно слово говорили [5])
Во Москвѣ было во царстве
Въ грановитой во полаты
Отворялись отворялись царския двери
Воскрычали возопили
У васъ есть ли караули
Гонцы скоры бы посылали
Скорбее бе манастырь [6]) не розоряли
И [7]) старцевъ не рубили
И вѣры бы не рушили.
Что возговоритъ игуменъ
Вы духовный мой дѣти

---

1) «Во легошеньки стружочки».
2) Приб. «буйны».
3) «Ко манáстырю святому».
4) «Вси».
5) Пропущены 4 стиха, передающіе рѣчь старцевъ; см. стр. 199. Собир.
6) «Чтобы манастыря».
7) «Чтобы».

Уже стойте не здаватесъ
За христа бого умирайте.
амннь[1]).

Напечатана въ «Бѣломорскихъ былинахъ» А. В. Маркова, (1901 г.), стр. 470—472; изъ рукописи 1813 г. Устиньи Крюковой, найденной собирателемъ въ Нижней Золотицѣ у старухи; начало этой пѣсни въ рукописи оторвано и приведено со словъ владѣлицы рукописи.

Архангельской губерніи.

257.

Что было во царствѣ
Во московскомъ государствѣ:
Переборъ былъ боярамъ,
Пересмотръ воеводамъ,
Еще изъ бояръ бояръ выбирали,
Во воеводы сажали,
Что Петра сына Алексѣева
Роду непростого,
По фамиліи Салтыкова:
Посылали воеводу къ саловецкимъ чудотворцамъ
Манастырь ихъ разорити,
Стару вѣру порушити,
Старыя книги изодрати
И огню ихъ предати
И всѣхъ старцевъ прерубити
И всине море пометати.
Что возговорилъ то воевода,
Что нельзя сударь сотворити,
И невозможно подумати
На светое то мѣсто.

---

1) Старуха разсказывала, что московское войско стояло у монастыря 3 года, и взяло его только потому, что одинъ монахъ показалъ Салтыкову потайной ходъ. Собир.

Что возговоритъ государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ:
Ты, добро, воевода
Я велю тебя казнити
Руку ноги отрубити,
Буйну голову отпилити.
Погоди сударь казнити
Прикажи рѣчь говорити,
А дай же силы сударь много стрѣльцовъ,
Борцовъ и салдатовъ;
Что садился воевода
Во легонькіе стружечки:
Потянули буйны вѣтры,
Со полуденной сторонки,
Приносило воеводу
Къ монастырю ко святому,
Ко игумену чесному:
Что стрѣляетъ воевода
Во соборную божью церковь:
Уронилъ воевода Богородицу съ престола.
И все старцы испугались,
По стѣнамъ помѣтались
Водно мѣсто собирались.
Водно слово говорили:
И мы главы положимъ
Да по старому отслужимъ,
Вѣчно Богу слуги будемъ,
Съ нимъ во царствіи пребудемъ;
Во Москвѣ было во царствѣ,
Во Московскомъ государствѣ,
Во грановитоей во палаты,
Отворились церкви двери,
Воскричали возопили:
Уже есть ли у васъ караулы.

Гонцы скоры посылали
Бы скорѣе монастырь бы не разорили,
А старцевъ бы не рубили
А вѣру бы не рушили.
Что возговоритъ игуменъ —
Вы духовніи мои дѣти,
Ужъ вы стойте, не сдавайтесь,
За Христа Бога умирайте.
Аминь.

Списанъ Н. Ончуковымъ подъ такимъ заглавіемъ изъ тетрадки стиховъ, принадлежащей Анисьѣ Иван. Безумовой, въ дер. Устье, Пустозерской вол., Печорскаго у., она изъ рода Поповыхъ, что жили въ скиту на р. Индигѣ (см. ст. «Печорская старина». «Изв. Отд. русск. яз. и сл. И. А. Н.» т. X, кн. 2, стр. 345. Напечатана въ «Живой Старинѣ» 1907 г. Вып. III. Отд. II, стр. 80—81.

Пермской губерніи.

258.

(Безъ начала).

« . . . . ти,
«Прикажи рѣчь говорити.
«Дай же, сударь, силы много
«И стрѣльцо́въ, бо́йцовъ, салдатовъ».
Что садился воевода
И во легкія стру́жечки.
Потенули буйныя вѣтры
Со полуденной страны́-то;
Приносило воеводу
Къ монастырю̀ тому святому,
Ко игумену честно́му,
И ко Аврааму ко святому.
Что стрѣляетъ воевода
И въ соборную Божію церковь,

И ронилъ онъ воевода
Богоматерь со престола.
И всѣ старцы испугалися,
По стѣнамъ-градамъ[1]) пометались.
Во одно мѣсто збирались,
Во одно слово говорили:
«И мы головы положимъ,
«Вѣчно Богу слуги будемъ,
«Съ нимъ царствiѣ пребудемъ».
Во московскомъ было царствѣ:
Отворились царскiя двери;
Воскричали, возопили:
«Уже есть ли у насъ караулы?
«Посылали бы поскоряя,
«Монастырь бы не зорили,
«А и вѣру бы не рушили,
«А и старцовь бы не рубили».
Что возговоритъ игуменъ:
«Вы духовныя мои дѣти!
«Уже вы стойте, не здавайтесь,
«За Христа Бога умирайте».
Аминь.

Съ рукописи В. К. Еловикова, псаломщика единовѣрческой церкви въ с. Екатерининскомъ, Маркетовской вол., Осинскаго у., Пермской губ. Рукопись писана новымъ полууставомъ и содержитъ нѣсколько духовныхъ стиховъ книжнаго происхожденiя. Найдена А. В. Марковымъ въ Перми въ 1909 г.

Томской губернiи.

259.

Какъ у насъ было во царствѣ,
Въ Московскомъ государствѣ,

---

1) *Градъ* — стѣна, ограда (Срезневскiй).

Переборъ-де былъ боярамъ,
Переборы воеводамъ
Выбирали воеводу
Того роду не простова,
Господина Салтыкова —
Петра — сына Алексѣя.
Онъ садился воевода
Во легонькой во стружочекъ
Потянули вѣтры буйны
Съ полуденной со стороны;
Подносило воеводу
Къ тому мѣсту, ко святому,
Ко игумену честному.
Онъ стрѣлялъ бы, воевода,
Во соборну Божью церковь.
Уронилъ тутъ воевода
Богоматерь со престола.
Всѣ тутъ старцы испужались,
По стѣнамъ града метались,
Въ едно мѣсто собирались,
Въ едно слово говорили:
«Хоть мы головы положимъ,
А по старому послужимъ,
Слуги вѣрны Богу будемъ,
Съ нимъ во Царствіе прибудемъ.
Не вели, сударь, казнити,
Прикажи рѣчь говорити,
Этихъ старцевъ не казнити,
Въ сине море не метати».
Не глядя на нихъ, воевода
Всѣхъ тѣхъ старцевъ приказнили,
Въ сине море побросали.
Купцы-гости пріѣзжали,
Бьютъ челомъ они государю:

«Прикажи, царю, святыхъ собрать,
Во сыру землю предать,
Съ честью-правдой схоронить».

Записана С. Гуляевымъ въ Барнаулѣ со словъ крестьянки Фетиньи Тырышкиной, предки которой вышли изъ Архангельской губерніи. Напечатана въ статьѣ В. Ѳ. Миллера «Историческія пѣсни изъ Сибири» стр. 44—45. (Изв. О. р. я. и сл. И. А. Н. т. IX, кн. 1, стр. 1—79. 1904 г.).

Симбирской губерніи.

260.

При Москвѣ было при базарѣ
Собиралися бояре,
Выбирали же бояре
Изъ бояръ воеводу,
Ивана Петрова
Того роду Салтыкова;
Повели воеводу
Передъ царскіе очи.
Возговоритъ государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ:
«Охъ ты гой еси, воевода,
«Царёвъ большой бояринъ!
«Сослужи ты мнѣ службу:
«Сходи ко синю морю,
«Ко острову большому,
«Къ монастырю честнòму
«Прикажи ты всѣмъ старцамъ
«По новому молиться,
«Стару вѣру порýшить,
«Нову вѣру полюбить».
Возгòворитъ воевода,
Царёвъ большой бояринъ:
— Охъ ты гой еси, государь царь,

— Алексѣй сударь Михайловичь!
— Нельзя, сударь, подумать
— На мѣсто на святое. —
Государь царь опалился,
Воевода прогрѣшился.
Приказалъ государь царь
Во первомъ словѣ казнити,
Во другомъ повершити.
Возговоритъ воевода
Царёвъ большой бояринъ:
— Охъ ты гой еси, государь царь,
— Алексѣй сударь Михайловичь!
— Дай ты мнѣ много силы,
— Много силы на подмогу:
— Два полка пѣшихъ солдатовъ,
— Стрѣльцовъ два прихода. —
Пошелъ же воевода
По синему морю
Ко острову большому,
Ко монастырю честному.
Увидали же старцы:
««Еще что идетъ къ намъ за сила,
««Еще что это за войско?
««Не знай, идутъ молиться,
««Не знай, идутъ рубиться!»»
Выходили же старцы,
Они пушки заряжали,
Пыжами забивали,
Пускали же пушки
По верхъ той силы:
Чтобы силы не побити,
Царя не прогнѣвити.

Записана Языковымъ въ г. Сызрани. Напечатана въ сборникѣ «Калѣки перехожіе» П. Безсонова. Часть I. Вып. 3. М. 1861 г. стр. 675—678. № 157.

---

* * *

261.

Какъ во нашемъ было царствѣ,
Во Московскомъ государствѣ,
Переборъ былъ всѣмъ бояромъ,
Пересмотръ былъ воеводомъ:
Выбирали изъ большихъ большова,
Генерала Салтыкова,
Посылали его на службу
И за синія за мбря
Ко преподобнымъ отцемъ
Ко Изосимѣ, Саватію,
Къ монастырю тому святому,
Ко игумену честнбму,
Чтобы монастырь той разорити,
Старую вѣру порушити,
Всѣхъ монаховъ порубити
И архимандрита казнити.
Какъ возговорить воевода:
«О великій государь царь!
«Не могу я сего здѣлать,
«Не могу я сего подумать,
«Чтобы монастырь той разорити,
«Старую вѣру порушити».
Какъ возговоритъ государь царь:
— О добро жь ты, воевода!
— Повелю тебе казнити,
— Руки-ноги отрубити. —
Испугался воевода,
Испрошаетъ силы много:
«О великій государь царь!
«Погоди, царю, казнити,
«Прикажи мнѣ, царю,

«Достойну рѣчь говорити:
«Уже дай мнѣ силы много,
«Стрѣлцовъ, бойцовъ и салдатовъ».
Какъ садился воевода
Во легкія во ладія;
Доносила воеводу
Къ монастырю тому святому:
Какъ стрѣлялъ онъ воевода
Во святую соборную церковь;
Какъ ура́нилъ воевода
Въ Божію Матерь на престолѣ.
И всѣ старцы испугались,
По стѣнамъ старцы пометались,
Во одно мѣсто собирались,
Во одно слово говорили:
««Уже мы го́ловы полагаемъ,
««Мы по старому отслужимъ,
««И мы вѣчныя слуги Богу будемъ,
««И во царствіи съ нимъ пребудемъ»».
Какъ восто́нитъ [1]) государь царь:
— Уже есть ли караулы? —
Посылаетъ гонцы скоры,
Чтобъ догоняли поскорѣя,
Чтобы монастырь той не разорили,
Старую вѣру не рушили.
А монастырь той разорили
Старую вѣру поруши́ли
Всѣхъ монаховъ истребили
А иныхъ же порубили.

Изъ рукописнаго сборника В. А. Коробова, присланнаго изъ Коломны, напечатана П. Безсоновымъ въ сборникѣ «Калѣки перехожіе», ч. I, вып. 3, № 158, стр. 679—680. Москва 1861 г.

---

1) Возетонетъ.

* * *

262.

На Москвѣ было, на базарѣ,
Собиралися бояре;
Выбирали бояре
Изъ бояръ воеводу,
Выбирали Ивана Петрова,
Изъ того ли изъ роду Салтыкова,
Передъ царскія очи становили.
Какъ возговоритъ православный царь,
Алексѣй-то Михайловичъ,
Его царское величество:
«Охъ ты гой еси, большой бояринъ,
Ты любимый мой воеводушка!
Ты ступай-ка ко морю ко синему,
Ко тому острову ко большому
Ко тому къ монастырю ко честному,
Къ Соловецкому;
Ты порушь вѣру старую, правую,
Постановь вѣру новую, не правую».
Какъ возговоритъ большой бояринъ,
Любимый царскій воеводушка:
«Охъ ты гой еси, православный царь,
Алексѣй Михайловичъ,
Твое царское величество!
Нельзя объ томъ и подумати,
Нельзя объ томъ и помыслити:
Какъ порушить вѣру старую, правую,
Какъ поставить вѣру новую, неправую!»
Царь разозлился,
Царь распалился,
Воевода прогрѣшился.

Какъ возговоритъ большой бояринъ,
Любимый царскій воеводушка:
«Охъ ты гой еси, православный царь,
Алексѣй Михайловичъ,
Твое царское величество!...
Ужь и дай мнѣ силу не малую, не великую:
Сорокъ полковъ, да все тысячныхъ,
Сорокъ пушекъ, да все мѣдныхъ,
Зелья, пороху сколько надобно».
Какъ и было въ самый ли Петровъ-то день,
Какъ на синемъ было морюшкѣ,
На большомъ было на островѣ,
Во честномъ монастырѣ было
Отошла честна заутреня,
Пономарь звонилъ къ обѣденкѣ,
Честны старцы пѣли молебены;
Какъ бѣжитъ пономарь,
Неразумный звонарь:
«Охъ вы гой еси честны старцы!
Какъ идетъ сила не малая, не великая,
Сорокъ полковъ, да все тысячныхъ,
Сорокъ пушекъ, да все мѣдныхъ,
Зелья, пороху сколько надобно,
Да все войско православное,
Не то и́дутъ они ратиться,
Не то и́дутъ они молитися».
Охъ ты глупой звонарь,
Неразумный пономарь,
Да то войско православное,
Не идетъ оно ратиться
Идетъ оно молитися!
На ту пору пушкари были догадливы:
Брали ядрушко каленое,
Забивали во пушечку мѣдную,

Палили во тотъ во честной монастырь.
Въ Соловецкій.

Напечатана изъ записей П. И. Якушкина въ «Лѣтописяхъ русской литературы» изд. Н. С. Тихонравовымъ, т. I, стр. 129, № XIII, съ помѣтою: «Записано на чугункѣ 1858 г. марта, отъ орловскаго мѣщанина».

---

* * *

263.

Что во сильноемъ было царствѣ,
Во московскимъ государствѣ,
Переборъ былъ болярамъ,
Пересмотръ былъ воеводамъ,
Изъ бояръ ти вобирали,
Въ воеводы [1]) сажали
Князя Петра Алексѣева,
По фамиліи Салтыкова.
Посылаетъ государь царь
Ко Изосиму и Саватію,
Къ соловецкіимъ чудотворцамъ
Монастырь разорити,
Старую вѣру порудити
И всѣхъ старцовъ прерубити.
Какъ возговоритъ воевода:
«И нельзя, государь, подумать
На мѣсто святое,
На игумена честнова
Изосима Саватія,
Соловецкіевъ чудотворцовъ».
Государь царь прогнѣвался:

---

1) Въ рукописи: «Воеводы».

«Ты добро, добро, воевода;
Прикажу тебя казнити,
Руки ноги петерити
Буёную голову отрубити
Въ чистое поле пометати».
Воевода испужался:
«Не вели, государь, казнити,
Вели слово говорити:
Ты давая силы много
И стрѣльцовъ, и солдатовъ».
Какъ садился воевода
Въ легки онски корабельци,
Возставала же погода
Съ полуденной сторонки,
Приносила же погода
Къ монастырю святому,
Ко игумену честному,
Ко Изосиму Саватію
Соловецкимъ чудотворцамъ.
И стали они стрѣляти,
Стали ружія заряжати;
И стрѣляетъ воевода
Въ соборную Божію церковь,
Сбиваетъ воевода
Богородицу съ престола.
И всѣ старцы испужались,
Во едину церковь собирались,
Возлѣ стѣнъ они ходили
Сами Богу ся молились
И просили они сроку
На три дня на три нощи.
Монастырь разорили,
Старую вѣру порудили
И всѣхъ старцовъ прерубили,

Старыя книги изорвали,
Въ синее море пометали,
И во вѣки вѣковъ аминь.

Напечатана въ «Лѣтописяхъ русской литературы» изд. Н. С. Тихонравовымъ, т. III, отд. III, стр. 90—91, по раскольничьей рукописи начала XIX стол.

СМЕРТЬ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Симбирской губерніи.

264.

Что это у насъ, братцы,
Въ каменной Москвѣ пріуныло,
Что это пріумолкло?
Заунывно зазвонили
У Ивана у Великаго въ большой колоколъ,
Языкъ-атъ увивали чернымъ бархатомъ.
Всѣ князья, бояре догадались:
Они всѣ съ себя платье цвѣтное скидавали,
Наряжалися во платьице черное, печальное.
И что это у насъ, братцы,
Въ каменной Москвѣ пріумолкло?
Знать не стало у насъ въ каменной Москвѣ
Самодержавца батюшки царя бѣлаго.

Записана А. М. Языковымъ въ с. Станишномъ; напечатана въ Сборникѣ Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, вып. 7, стр. 47.

---

* * *

265.

Не сами тутъ двери растворялися,
Ужъ какъ шла тутъ царица со царевичемъ.

Со царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ;
Что плачетъ она, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ она, чтó волны бьются.
Ужь какъ возговоритъ царица:
«Охъ, ты гой еси, батюшка нашъ православный царь,
«Православный царь Алексѣй Михайловичь!
«На кого ты оставляешь свое величество?
«Кому ты вручаешь царство Московское?»
Въ головахъ тутъ стояли попы, дьяконы,
Не сами тутъ свѣчи загоралися,
Читали тутъ отходную;
Въ ногахъ стояли все бояра.
Ужь какъ взговоритъ православный царь
Алексѣй Михайловичь:
«Оставляю свое величество
«Я царевичу Петру Алексѣевичу;
«Вручаю я царство Московское
«Я боярину князю Голицыну».
Ужь тутъ православный царь переставился.

Напечатана въ Сборникѣ Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, вып. 7, стр. 45, безъ указанія, гдѣ и кѣмъ она записана.

---

* * *

266.

Во славной во старой во крѣпости, каменной Москвѣ
Тутъ шли-прошли два игумена, два монаха;
Дивовалися они, сумнѣвалися:
Что за чудо въ каменной Москвѣ, что за диковина?
Пріуныли всѣ въ каменной Москвѣ князья и бояре,
Купцы, братцы, богатые, всѣ вельможи;
Знать-то у насъ въ каменной Москвѣ нездорово,

Точно у насъ въ каменной Москвѣ неблагополучно,
Знать-то у насъ государя царя въ живѣ нѣту!
Случилось имъ идти мимо дворца государева:
Съѣзжаются къ государю царю князья, бояре,
Купцы, братцы, богатые, всѣ вельможи;
Строютъ ему гробницу золотую,
Унизанную крышечку жемчужну,
По уголошкамъ кладутъ камни драгоцѣнны.
Въ унывный большой колоколъ зазвонили,
Понесли государя царя хранити;
Во передъ несутъ гробницу золотую,
За гробницей идутъ попы, дьяки,
За попами идутъ архиреи,
За ними ведутъ милосерду государыню;
Подъ праву руку ведетъ большой сынъ,
А подъ лѣву ведетъ меньшой сынъ,
Утираетъ ей горючи слезы мила доченька.

Напечатана въ Сборникѣ Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, вып. 7, стр. 45—46; съ помѣтою «доставлено В. И. Далемъ».

---

* * *

267.

У насъ было, братцы, во святой Руси,
Во святой Руси въ каменной Москвѣ
Заунывные большіе колоколы зазвонили;
У насъ знать-то въ каменной Москвѣ
Нездорово за стѣной, стѣной бѣлокаменной.
Ужь и дѣлаютъ драгуны гробницу золотую,
Багрецовыми сукнами укрывали,
Полужоными гвоздями убивали.
Бѣлокаменная палата отворялась:

Напередъ-то идутъ попы, дьяконы и архиреи,
За ними несутъ гробницу золотую,
За гробницей идетъ младой юноша царевичь,
Въ слезахъ-то онъ слова не промолвитъ.

Напечатана въ Сборникѣ Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, вып. 7, стр. 46 безъ указанія, гдѣ и кѣмъ она записана.

СТРѢЛЕЦКІЙ БУНТЪ.

Архангельской губерніи.

268.

Выходила царица Марѳа Михайловна
На крутой Красный Крылецъ,
Шла по атласу, по бархату,
Приходила она ко соборной церкви,
Становилась она на паперти.
Не бѣлая лебедь воскликнула,
Что возговоритъ наша матушка,
Православная государыня:
«Еще есть ли у меня слуги вѣрные?
«Отпирали бъ церковь Божію!»
Она въ церковь входила,
Вошедъ Богу помолилася,
На всѣ стороны поклонилася,
На праву руку становилася:
«Ахъ ты батюшка, православный царь!
«Ничево-то ты не знаешь — не вѣдаешь,
«Что̀ у насъ въ Москвѣ учинилося:
«Стрѣльцы въ Москвѣ збунтовалися,
«Меня, царицу, не слушаютъ!»
Унимаютъ её князья-бояра:

««Ты не плачь, не плачь, наша матушка:
««Ужь и такъ сердце надорвалося,
««Царя-государя не поднять будетъ!»»

Напечатана въ Сборникѣ Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, вып. 6-й, стр. 209—210; съ помѣтою: «доставлена адмираломъ Кузьмищевымъ».

Московской губерніи.

269.

Что по сукну, по сукну ли багрецовому,
По тому ли сукну что по красному,
Ужь какъ шла тутъ царица благовѣрная,
Благовѣрная царица Марѳа Матвѣевна,
Въ Успенскій соборъ Богу молитися,
Своему царю поклонитися.
Подошла она къ гробницы бѣлой-аспидной,
Стала она плакать и рыдать,
И жалобно причитать:
«Встань ты — пробудись, Грозный царь,
«[Грозный царь] Иванъ Васильевичь!
«И ты што жь крѣпко спишь и не прóснешься?
«При тебѣ ли, при царѣ, войны не было,
«Безъ тебя ли, царя, учинилася:
«Стрѣльцы-бойцы подымаются,
«А меня ли, царицу, не слушаются».
Ужь стали унимать царицу князья-бояры:
««Ты не плачь, наша царица благовѣрная,
««Благовѣрная царица Марѳа Матвѣевна!
««Ужь тебѣ ли горемъ поле не насѣяти,
««Горючьми слезмѝ море не наполнити:
««Ужь царя-та тебѣ не поднять будетъ,
««Ужь какъ Грознаго царя Ивана Васильевича!»»

Напечатана въ Сборникѣ Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, вып. 6-й, стр. 208—209; съ помѣтою: «отъ старика 70-ти лѣтъ, московскаго мѣщанина».

Московская губернія.

270.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго
Изъ-за горъ было высокіихъ,
Не ясно́ солнце выката́лося,
Выходила тутъ благовѣрная царица,
Благовѣрная царица Маріа Матвѣевна,
По мосту̀-мосту̀ по каменому,
По сукну-сукну багрецовому:
Ужь какъ шла царица благовѣрная,
Благовѣрная царица Маріа Матвѣевна
Приходила она къ церкви соборноей,
Закричала она громкимъ голосомъ:
«Ужь и есть ли у церкви церковнички?
«Отпирали бы церковь соборную
«Что впущали бъ царицу благовѣрную!
Что входила царица въ церковь соборную,
На три стороны помолилася;
На четвёртую она только взо́зрѣла,
Какъ увидѣла гробницу бѣлу-каменную;
Закричала царица громкимъ го́лосомъ:
«Охъ ты гой еси, благовѣрный царь,
«Благовѣрный царь Иванъ Васильевичь!
«Что ты спишь крѣпко — не про́снешься?
«Безъ тебя всё царство помутилося,
«Всѣ стрѣльцы-бойцы взволновалися,
«Всѣхъ князей-бояръ въ тына̀хъ рубютъ,
«А меня-то, царицу, не слушаютъ!»
««Ахъ ты гой еси, царица благовѣрная,
««Благовѣрная царица Маріа Матвѣевна?

««Ужь и мы-то тебя слушаемся,
««Ужь и мы-то тебѣ повинуемся!»» [1].

Напечатана въ Сборникѣ Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, вып. 6-й, стр. 207—208; съ помѣтою: «отъ мѣщанки Татьяны Андреевны, запис. 7 сентября 1830 г.».

Тульской губерніи.

271.

По крыльцу-то, по крыльцу—крыльцу красному,
По сукну-то, по сукну — сукну багрецовому,
Шла-прошла наша матушка государыня,
Во соборную церковь молитися,
Ко святымъ мощамъ приложитися,
Государя царя причитать стала:
«Охъ ты, Грозный царь, Иванъ Васильевичь!
«Безъ тебя-то народъ взбунтовался,
«А на меня, царицу, взъѣдáлся!»

Записана въ Алексинскомъ уѣздѣ. Напечатана въ «Сборникѣ Пѣсенъ» П. В. Кирѣевскаго, вып. 6-й, стр. 209.

Архангельской губерніи.

272.

Ай вы, лѣса-ле мои, лѣсоцки, лѣса бывали темные;
Ай вы, куста-ле мои, кустоцики, были куста цастые;
Да станы-ле вы наши, станоцики, станы, были теплы;
Ай друзья, товаришши всё были вѣрные.

---

1) Относится къ бунту стрѣльцовъ. Царица Марѳа Матвѣевна вдова, супруга царя Ѳеодора Алексѣевича, умершая въ 1716 году. Примѣчаніе академика В. Ѳ. Миллера.

Ишше всѣ вы ноньче, лисочики, всѣ припасѣчены;
Ай-и, аи, ишшо всѣ наши теплы станочики приразорены;
Ай-и, аи, всѣ-то друзья, братья да товаришши всѣ припаиманы,
Ай-и, аи, всѣ-то поиманы мои товариши, они всѣ припосажены,
Ай-и, аи, всѣ-то посажены мои товариши, они всѣ приповѣшены [1])
Ай-и какъ да единъ-то изъ нихъ доброй молодецъ онъ не поиманъ былъ,
Ай-и онъ не поиманъ былъ доброй молодецъ, онъ не посажонъ былъ.
Ай-и прикачнулса вѣть онъ, пришатнулса доброй молодецъ,
Ай-и пришатнулса да прикачнулса ко Дону, всё ко тиху Дону.
Ай-и онъ выспрашивалъ на тихомъ Донѣ перевошшичковъ, онъ вѣть всё перевошшичковъ:
«Ишше есть ле у васъ на тихомъ Донѣ, братцы, всё перево(шш)ицьки?
«Ай-и переправьте миня добра молотца миня всё черезъ тихой Донъ».
Ай-и онъ переправилса доброй молодецъ онъ черезъ тихой Донъ,
Онъ переправилса нашъ доброй молодецъ, самъ вѣть тутъ канчаться сталъ:
«А вы да братцы мои да всё товаришши перевошшички!
«Вы положите-тко маё тѣло ай всё между трёхъ дорогъ:
«Между питерской, между московской да третьей славной кіевской;
«Ай-и въ зголовье вы поставьте всё животворяшшій крестъ,
«Ай-и во рѣзвы-то (ноги) да всё мине поставьте коня добраго,
«Ай-и во праву-ту руку мнѣ поставьте саблю вострую,
«Ай-и во лѣву-ту руку минѣ поставьте-тко минѣ копьё долгое:
«Ий кто да пойдетъ, кто всё мимо поѣдётъ, всё кресту помолится,

---

1) Предыдущіе стихи можно разсматривать какъ рѣчь или пѣсню самого Стеньки; къ сожалѣнію, связь ихъ послѣдующими стихами въ этомъ варьянтѣ довольно неуклюжа.

«На добра-та коня всякъ по(с)мотрятъ, всякъ обзарятся,
«Ай на востру саблю посмотрятъ, всѣ они устрашатся».

Записана въ 1900 году А. Д. Григорьевымъ въ Пинежскомъ у., въ с. Вѣегоры отъ кр. Е. Некрасова. Напечатана въ «Архангельскихъ былинахъ и историческихъ пѣсняхъ», собр. А. Д. Григорьевымъ, т. I, стр. 305—306.

Архангельской губерніи.

273.

Во славномъ было во городѣ во Астрахани,
Появился тутъ дѣтинушка, незнаемъ человѣкъ,
Незнаемъ, незнакомый изъ новыхъ городовъ.
Онъ по городу дѣтинушка погуливаетъ,
Плисовый кафтанъ на распашечку таскаетъ,
Синій шелковый кушакъ на правомъ па плечѣ,
Сѣрая шляпа пуховая на бойной головѣ,
Онъ по городу дѣтинушка погуливаетъ,
Онъ военнымъ услужителямъ челомъ парень не бьетъ,
А гражданскимъ обывателямъ не кланяется,
Астраханскому губернатору подъ судъ нейдетъ,
Подъ судъ нейдетъ, головы не гнетъ.
Услыхалъ нашъ губернаторъ про удалого молодца:
Ужъ вы слуги, слуги вѣрные мои,
Вы подите, приведите удалого молодца:
Какъ схватили молодца среди Волги рѣки,
Среди Волги рѣки на царевомъ кабакѣ;
Еще началъ губернаторъ его строго спрашивати:
Ты откуль, скажи, дѣтинушка, незнаемъ человѣкъ,
Ты казанецъ, аль рязанецъ, или астраханецъ,
Ты изъ-за моря купецъ иль купеческій сынокъ. —
А не тебѣ-ли, губернаторъ, строго спрашивати,
Да не мнѣ-ли, добру молодцу, отвѣтъ держать,

Я со матушки со Волги, со Камы рѣки,
Атамана Сеньки Разина сынъ;
Хотѣлъ-то мой батюшка сюды въ гости побывать,
Не умѣть тебѣ встрѣтить, умѣть подчивати,
Умѣть подчивати, низко кланятися.
Что за эти слова да посадили молодца,
Не далече, далече въ бѣлокаменну тюрьму.
Что по матушкѣ по Волгѣ, по Камы рѣки,
Легка шлюпочка скорешенько плыветъ,
Что во этой легкой шлюпкѣ Сенька Разинъ атаманъ:
Вы подайте-ка, ребятушки, съ правой руки воды,
Какъ во славномъ во городѣ во Астрахани,
Мое дитятко посажено сидитъ;
Погребайте-ка, ребятушки, по Волгѣ рѣкѣ,
Я гражданскому губернатору не стану челомъ бить,
Челомъ бить да кланятися,
Я гражданского губернатора въ полонъ сейчасъ возьму,
А своего дитятко къ себѣ возьму,
Астрахань городъ въ огонь спущу.

Записана въ г. Мезени бывш. студ. Петроградскаго У-та Л. М. Напечатана въ «Матеріалахъ по Этнографіи русск. населенія Архангельской губ., собранныхъ П. С. Ефименко, ч. 2, стр. 52.

Архангельской губерніи.

274.

Откуль взялса-проявился незнамой целовѣкъ,
Онъ цастымъ-цасто по городу похаживаетъ,
Церноплисовой кафтанъ да за единъ рукавъ таскалъ;
Сорывань(с)кой кушачокъ да въ его бѣлыхъ рукахъ,
Церна шляпа съ брусаментомъ на его желтыхъ кудряхъ.
Она (онъ) шефамъ офицерамъ не кланеитсе;
Востраканьскому губернатору целомъ онъ не отдаётъ,

Онъ целомъ не отдаётъ да всё подъ судъ его нейдётъ.
Взяли-брали молотьця да на царевы кабаки;
Становили молотьця да противъ бѣлого крыльця,
Противъ бѣлого крыльця, промъ[1]) губернацкаго лица.
Сталъ губернаторъ выспрашивати,
Сталъ выспрашивати да сталъ вывѣдывати:
«Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнамой целовѣкъ;
«Ужъ ты со Дону казакъ или казацькой сынъ?
«Ты казанецъ, ли рязанецъ, али вастроканецъ?»
Какъ отвѣтъ дёржитъ, дѣтинушка, незнамой целовѣкъ:
«Я не со Дону́ казакъ да не козацькой сынъ,
«Не казанецъ, не резанецъ, я не вастроканецъ, —
«Я со Ка́мы со рѣки да Сеньки Разина сынъ;
«Мой-отъ батюшка хотѣлъ да къ тобѣ въ гости побывать,—
«Ты умѣй его встрѣцять да умѣй цёстовати,
Умѣй цостовати да умѣй подчовати».
Посадили молотця да въ бѣлокамянны тюрьмы.
Що со Ка́мы со рѣки да со самой горьней стороны
Туть и былъ выплывалъ воров(с)кой атаманъ,
Вороськой атаманъ да Сенька Разинъ самъ.
Онъ спрогов(ор)илъ-спромолвилъ да ка(къ) въ трубу струбилъ:
«Ише што мнѣ, ребятушка, тошнымъ мнѣ тошно,
«Мнѣ тошны́мъ-тошно́ да пособить не́мошно?
«Зацерпните-тко воды да со правой стороны,
«Вы подайте-тко мнѣ воды да изъ правой изъ руки:
«Вѣрно, вѣрно, да мой сыноцекъ во неволюшки сидитъ,
«Во неволюшки сидитъ да въ бѣлокаменной тюрьмы;
«Ужъ вы гряньте-тко, ребята, да внизъ по Ка́мы по рѣки.
«Внизъ по Камы по рѣки да къ бѣлокаменной тюрьмы́;
«Бѣлокаменну тюрьму да всю по камню розберу,
«Съ востроканьского губернатора съ жива́ кожу сдеру́».

1) Такъ записано.

Ищé грянули ребята да внизъ да по Камы по рѣки,
Внизъ по Камы по рѣки да къ бѣлокаменной тюрьмы́.
Бѣлокаменну тюрьму да всю по камню розобралъ,
Съ востроканского губернатора съ жива́ кожу сдиралъ.

Записана А. Д. Григорьевымъ въ д. Почезерье, Пинежскаго у. въ 1900 г., отъ крестьянки М. П. Пашковой. Напечатана въ «Архангельскихъ былинахъ и историческихъ пѣсняхъ», т. I, ч. 2-я, стр. 214—215. М. 1904.

Архангельской губерніи.

275.

Негдѣ взялся-проявился да тутъ незнамой человѣкъ.
Онъ цестымъ-цесто по городу похаживаетъ,
Черной бархатной кафтанъ да онъ за единъ рукавъ таскалъ;
Полос[т]астой кушачекъ во его бѣлыхъ рукахъ,
Черна шляпа съ брусаментомъ на его русыхъ кудряхъ.
Онъ вѣть шефамъ-офицерамъ не кланитьсе
И астраканскому губернатору челомъ не отдаётъ.
И увидалъ тутъ молотца да губернаторъ со дварца,
Призывалъ тутъ молотца къ своему красну крылу:
«Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнамой человѣкъ;
«Ты ли со Дану казакъ или казацкой сынъ?
«Ле казанецъ, или резанецъ, или а́страканецъ?»
Тутъ отвѣтъ держитъ да дѣтинушка, незнамо(й) чалавѣкъ:
«Не казанецъ я, не резанецъ я, не астраканецъ, —
«Я со Камы да со рѣки, Стеньки Разина я сынъ;
«Мой батюшка-родитель хочетъ въ гости къ тебѣ побывать, —
«Ты умѣй его стрѣчать да умѣй потцевати,
«Умѣй потцевати, умѣй ты цёстовати».
Ишше тѣ ему слова да за бѣду ему пали;
Посадилъ тутъ молодца да въ бѣлокаменну тюрьму.

Внизъ по Камы по рѣкѣ да плывётъ лодочка грузна;
Що во эфтой-то да лодкѣ воровской тутъ атаманъ,
Воровской-отъ атаманъ да Сенька Разинъ-отъ самъ.
Онъ спрогов(ор)илъ-спромолвилъ, какъ въ трубу вос(т)рубилъ:
«Ишше што мнѣ-ка, ребятюшка, тошнымъ-тошно,
«Какъ тошнымъ-то мнѣ тошно да пособить-то неможно?
«Да зацерпните мнѣ да воды да со правой стороны,
«Мнѣ подай(те)-тко воды да исъ правой руки;
«Вѣрно знать, що мой (сынъ) во побѣдности сидитъ,
«Во побѣдности сидитъ да (въ) бѣлокаменной тюрьмѣ;
«Вы взгляньте-ко, ребята, да внизъ по Камы по рѣк(ѣ),
«Вы гряньте-ко, ребята, да внизъ по Камы по рѣк(ѣ),
«Внизъ по Камы по рѣкѣ да къ Астракану городу,
«Къ Астракану городу да къ бѣлокаменной тюрьмѣ:
«Бѣлокаменну тюрьму всю по камню разберу,
«Съ астраканскаго губернатора съ жива кожу сдеру».
Бѣлокаменну всю по камню да розбералъ,
Съ астраканскаго губернатора съ жива кожу сдералъ.

Записана А. Д. Григорьевымъ въ 1900 г. въ Пинежскомъ у., селеніе Вѣегоры, отъ крест. Е. Г. Некрасова. Напечатана въ «Архангельскихъ былинахъ и историческихъ пѣсняхъ». М. 1904 г., т. I, ч. 2-я, стр. 307—308.

Архангельской губерніи.

276.

Ай да во славномъ-то во Казани, ой во Ястрахани,
Проявился тутъ, да просвѣтился чужъ-незнаемъ-человѣкъ.
Ай да баско-де, хорошо-де онъ по городу похаживаетъ,
Ай да чернобархатной на ёмъ кафтанъ, да на роспашоцьку держалъ,
Ай да изорванцятъ-то новой кушачёкъ да по бѣлымъ грудямъ да везалъ,

Ай да съ бурзументомъ его черна шляпа на жолтыхъ его кудряхъ,
Ай да новобраны его перщаточки, ай да на бѣлыхъ рукахъ держалъ,
Ай да што зеленъ-то сафьянъ его сапожки, ай да на рѣзвыхъ его ногахъ.
Ай да баско-хорошо-де ёнъ по городу спохаживаётъ,
Ай да не штофамъ, онъ не ефицерамъ онъ не кланяитсе,
Онъ гражданьскому-то губернатору онъ челомъ ему не бьетъ.
Какъ увидѣлъ его да губерпаторъ со своего со крыльця,
Онъ да началъ-почалъ его губернаторъ зычно спрашивати:
«Ты откуль-же, какой-же ты дѣтинушка, незнаемъ-человѣкъ?
Ой да ты казанець, ты-ле нонь резанець, ты-ле астраханець?
А да отвѣчаетъ ему дѣтинушка-незнаёмъ человѣкъ:
— Не казанець я-то, не резанець, я не астраханець,
Я со матушки-то я со Камы, Стеньки Разина сынокъ.
Ой да по утру-то ранымъ-ранёшинько хотѣлъ батько спобывать,
Ой да ты умѣй тогда гостя встрѣцеть, умѣй потчовати. —
Ай да какъ за эти-ти его словеса да посадили молодца,
Ай да што во са́ди-то, во поса́ди, въ бѣлокаменну тюрьму.
Ай да што сидитъ-то молодечъ да не печалуитсе:
Ай да што по ютру-ту ранымъ раненько плывётъ шлюпоцька сверху,
Ай да на кормы-то сидитъ хозяинъ, ой да Сенька Разинъ атаманъ.

Записана Н. Е. Ончуковымъ въ 1901 г., въ с. Устьцыльмѣ отъ кр. П. Р. Поздѣева. Напечатана въ «Печорскихъ былинахъ», № 30, стр. 155. С.-Пб. 1904.

Олонецкой губерніи.

277.

Какъ во славномъ было го | роди во Вастракани
Проявился тамъ дѣти | нушка незнаемъ человѣкъ,

Какъ незнаемой дѣти | пушка, невѣдомой откуль.
Баско щепетно по Ва | стракани погуливаетъ.
Ужъ онъ штапамъ афице | рушкамъ не кланяется,
Вастраканскому губерна | тору челомъ ему не бьетъ.
А сапоженки на ножкахъ шел | комъ таченыи,
Черна шляпа на кудряхъ | и перщатки на рукахъ.
А й свой тотъ вишневой кафтанъ | на одномъ плечи таскалъ,
И какъ персидской кушачокъ | во бѣлыхъ рукахъ держалъ.
Какъ увидѣлъ молодца | губернаторъ скрычалъ:
«Вы сходите, приведи | те удалого молодца».
Еще сталъ-то губерна | торъ его спрашивати:
«А ты скажись скажись-ко, дѣти | пушка незнаемъ человѣкъ,
«Изъ тиху ли ты Дону казакъ | , аль казачей сынъ
«Аль ты съ нашего крѣпкаго го | рода изъ Вастракани».
Какъ проговоритъ дѣти | пушка незнаемъ человѣкъ:
— Изъ тиху-то я Дону не казакъ | , не казачей сынъ.
— Я не съ вашего крѣпкого го | рода, а изъ Вастракани.
— Я со Камы-то со рѣки | Сеньки Разина сынъ,
— Посулился мой-то ба | тюшко завтра въ гости къ намъ быть.
— Вы умѣйте-тко моего ба | тюшка кормить его поить,
— Вы кормить его поить | и честно жаловати.
Востраканьскому губерна | тору не слюбилися словеса.
«Еще есть-ли то при мнѣ | , а слуги вѣрны при собѣ,
«Вы сведите-тко молодца | въ бѣлокаменну тюрьму».
Взяли брали молодца за | желтыи волоса,
Повели его молодца | въ бѣлокаменну тюрьму,
Сверху внизъ было по ма | тушки по Камы по рѣки,
Что й по Камы по рѣки | легка лодочка пловётъ
Какъ на той-то на легкой лодкѣ а | таманъ воровской сидитъ,
Атаманъ воровской сидитъ | Сенька Разинъ тотъ сынъ,
— Еще что-то мнѣ, братцы ро́бя | тушка, тошнымъ стало тошно,
— Мнѣ тошнымъ стало тошно̀ | и тошне́шенько.
Вы подайте-тко воды | съ-подъ правы́й съ-подъ руки».
И надъ водой-то Сенька волховалъ | и воду взадъ выливалъ.

— Видно мой тутъ вѣдь сынокъ | а сидитъ въ бѣлокаменной тюрьмѣ,
— Приворачивайте, робята, | ко крутому бережку,
— Ужъ мы стѣну разобьемъ | а й тюрьму по каменю разнесёмъ
— И Вастраканьскаго губерна | тора въ половъ къ собѣ возьмемъ,
— И Вастраканьскую губерна | торшу въ наложницы. —

Записана А. Ѳ. Гильфердингомъ въ 1871 г. въ д. Пога на Водлозерѣ, отъ кр. И. Г. Захарова. Напечатана въ «Онежскихъ былинахъ», т. III, стр. 31—32. С.-Пб. 1900.

Олонецкой губерніи.

278.

Въ славномъ-то во городи во Ва́стракани
Очудился-проявился тамъ дѣтинушка незна́мый человѣкъ,
Да незнамой, незнакомый чей, невѣдомый откуль.
Баско-щепетко по городу погуливатъ,
Черной бархатній кафтанчикъ на распа́шечку таскалъ,
Перстирску опояску носилъ въ пра́вые руки,
Зелены сафьянны сапожки но́силъ на шелковы́хъ чулкахъ,
Черну шляпу со полями носилъ на же́лтыхъ на кудряхъ.
Онъ вѣдь штафамъ офицерамъ не кланяется,
Вострокаиьскому губернатору челомъ не бьётъ,
А челомъ-то ему не бьётъ да подъ судъ нейдётъ
А й увидѣлъ губернаторъ изъ око́шка молодца̀,
Воскричалъ-то губернаторъ громкимъ го́лосомъ своѝмъ,
Громкимъ голосомъ своимъ на своихъ вѣрныхъ слугъ:
«Ужъ вы слуги, мои слуги, слуги вѣрные моѝ,
«Слуги вѣрные мои да банбанде́ры урванцѝ!
«Ужъ вы подьте-приведите удало́го молодца̀,
«Удалого молодца̀ да къ губернатору на дворъ».

Приводили молодца да къ губернатору на дворъ,
Становили молодца противъ паратняго крыльца.
Выходилъ-то губернаторъ на паратнеё крыльцо,
И говорилъ-то губернаторъ таково слово:
«Ты скажись-ко, скажись, дѣтинушка, незнамый человѣкъ,
«Да незнамый, незнакомый, невѣдомый откуль!
«Да ты какой орды, какой земли,
«Да какого отца, да чьею матери?
«Али со Дону казакъ, али казачій сынъ?
Отвѣчалъ-то молодецъ не съ упадкою:
— Я не сó Дону казакъ да не казачій сынъ.
— Я изъ-за матушки Москвы да я со Камы со рѣки,
— Со Камы со рѣки да Сеньки Разина сынъ.
— Завтра батюшко пріѣдетъ, дакъ ты умѣй-ко гостя встрѣтити.
— Хорошо ты гостя встрѣтишь — кунью шубу подаритъ,
— Ужъ ты худо гостя встрѣтишь — во тюрьму тя посадитъ
— А й мало-то тово — такъ и на висѣлицу. —
Ахъ по утру во полдёнъ да красно солнышко пекётъ,
Ахъ по Камы по рѣки да лёкка лодочка бѣжитъ
И всѣмъ-то лодка изукрашена,
Да молодцами вѣдь эта лодка изусажена.
Въ этой лодочкѣ гребцовъ да сидитъ сорокъ молодцовъ,
Посреди-то этой лодки Сенька Разинъ сидитъ.
Какъ гренули прихватили прямо къ губернатору на дворъ,
Не успѣлъ-то губернаторъ Сеньки встрѣтити,
Ахъ посадилъ-то Сенька Разинъ губернатора въ тюрьму,
Мало-то тово ево на висѣлицу.

Записана въ 1871 г. А. Ѳ. Гильфердингомъ отъ кр. И. Я. Меньшикова съ Тамбасезера. Напечатана въ «Онежскихъ былинахъ», т. III, стр. 394—395. С.-Пб. 1900.

Олонецкой губерніи.

279.

Во славномъ во городѣ во Астрахани
Появился тутъ дѣтина незнакомый человѣкъ,
Баско-щегольно по городу разгуливаетъ,
Озеленъ сафьянъ сапожки, на шелковомъ на чулкѣ,
Черно-бархатный кафтанчикъ на распашку носилъ,
Персидскій новый кушачекъ во правой его рукѣ,
Треуголька нова шляпа на желтыхъ его кудряхъ.
Какъ возговорилъ Астраханскій губернаторъ
Своимъ слугамъ вѣрныимъ:
Вы возьмите приведите молодца
Ко парадному крыльцу.
Взяли слуги молодца, подхватили удальца,
Приводили ко дворцу, ко парадному крыльцу.
Онъ не бьетъ молодца, не мучитъ — выспрашиваетъ:
Ты скажи, дѣтина, разудалый молодецъ
Ты казанецъ, аль рязанецъ, али вастраханецъ?
Онъ не съ ласки, не съ покорности не проситъ его (губернатора):
Я не казанецъ, не рязанецъ, не вастраханецъ —
Я славнаго разбойника Сеньки Разина сынъ.
Закричалъ тутъ губернаторъ громкимъ голосомъ:
Вы возьмите молодца, подхватите удальца,
Свяжите ручки бѣлы на веревочку,
И свезите молодца во глубокъ погребъ.
А какъ посадили — тутъ и конецъ.

Записана студентомъ Имп. Петроградскаго У-та г-мъ Хотьковскимъ отъ М. А. Фроловой, въ Петрозаводскомъ у., с. Горка.

Олонецкой губерніи.

280.

А что во славномъ было во городѣ во Астрахани,
Откуль взялся-проявился тутъ незнамый человѣкъ.
Баско-щепетко по городу погуливаетъ,
Бархатный камзольчикъ на распашечку одѣтъ,
Черна шляпонька съ прозументомъ на русыхъ на кудряхъ.
А что увидѣлъ-то молодца воевода со крыльца,
Скрычалъ-то воевода своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ вы, сходите-приведите удала молодца,
«Удала молодца со царева кабака!»
Приводили молодца къ воеводѣ на дворъ,
Сталъ же воевода его допрашивать:
«Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнамый человѣкъ!
«Ты которыхъ родовъ, которыхъ городовъ:
«Съ Казани-ль ты, съ Рязани-ль, али съ Астрахани?»
— Не съ Казани я, не съ Рязани, не изъ Астрахани:
— Ужъ есть я, молодецъ, Стеньки Разина сынокъ.
— Что хотѣлъ мой батюшка къ вамъ въ гости побывать:
— Ты умѣй же его стрѣчать, его подчивати. —

Записана П. Н. Рыбниковымъ въ дер. Середкѣ, Кижской волости отъ кр. Л. Богданова. Напечатана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ», изд. подъ ред. А. Е. Грузинскаго, т. I, стр. 345, № 59.

Вологодской губерніи.

281.

Какъ во й Астраканѣ
Ахъ не гдѣ взя- не гдѣ взявсе, оцюдивсе
Незнамой целовѣкъ, 2.

Ахъ онъ не зна- онъ незнамой, незнакомой,
Съ цюжедальной стороны. 2.
Баской сшо- баской сшоголь онъ по городу
Похаживаетъ, 2.
Церпой ба- церной бархатной халатцикъ
На распашецьку несетъ, 2.
Свой перси- свой персидской кушацекъ
Во правой рукѣ держи́тъ. 2.
Цёрна шля- цёрна шляпа съ полюмазомъ
На русы́хъ ево кудря́хъ. 2.
Востра са- востра сабелька у моло́дца
На лѣво́й на бедрѣ. 2.
Онъ не гра- онъ не графамъ не фицерамъ
Онъ не кланяетсе, 2.
Ай да астраканскому губернатору
Онъ подъ судъ къ ему нейдетъ. 2.
Ай астраканской новой губернаторъ
Распрогнѣвалсе на нево. 2.
Ужь вы слу- вы слуги, вы слуги вѣрные мои,
Слуги вѣрные мои, 2.
Вы поди- вы подите, ево приведите
Удало́во да молодца! 2.
Ай они взя- они взяли ево, подхватили
Со царёва ево кабака. 2.
Ай приводи- приводили ево молодца
Къ губернатору на дворъ. 2.
Ай станови- становили ево молодца-же
Противъ паратново крыльца. 2.
Ай астрака- астраканской губернаторъ
Выходилъ тутъ на крыльцо: 2.
Ужь ты цей, ужь ты цей экой дѣтинушка,
Цей незнамой целовѣкъ? 2.
Ай ты каза- казанецъ, или рязанецъ,
Изъ полку, или изъ казаковъ? 2.

Изъ полку, изъ полку, или изъ казàковъ
Иль ты купеческой сынокъ? 2.
Ай какъ отвѣтъ, што отвѣтъ держалъ дѣтинушка,
Разудалая ево голова. 2.
А не каза- не казанецъ, не рязанецъ
И не астраканецъ, 2.
Не изъ полку, не изъ полку, не изъ казаковъ,
Не купеческой сынокъ, 2.
Я со ма- я со матушки Волги[1]) рѣки
Со сѣрá, со сѣ́ра камешкá. 2.
Ужь вы слу- вы слуги, вы слуги вѣрные мои,
Слуги вѣрные, крѣпки мои, 2.
Ай дакъ вы возьми- возьмите ево, вы сведите
Въ бѣлокаменну ево тюрьму. 2.
Они взяли, взяли ево подхватили,
Увели въ бѣлокаменну тюрьму. 2.
Ай што отвѣтъ, што й отвѣтъ держалъ дѣтинушка,
Да што удáлая ево голова: 2.
Завтра ба- завтра батюшко родимой
Суливсе въ гости, въ гости побывать. 2.
Ты умѣй, ты умѣй гостя приняти,
Ты отвѣтъ умѣй сдержать! 2.
Какъ по ма- по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ
Лекка лотоцька пловетъ, 2.
Какъ на той, какъ на той леккой лоткѣ
Да немношецько гребцовъ. 2.
На кормѣ, на кормѣ стоитъ хозяинъ —
Стенька Разинъ, атаманъ 2.
Ужь вы гряпь- ужь вы гряньте-то, мои ребята,
Какъ ко Астракани! 2.
Будто мой, будто мой сынъ да любезной
Онъ засáженъ, посажёнъ. 2.

1) Пропѣли Невы-рѣки.

Будто заса- будто засаженъ, посаженъ
Въ бѣлокаменной тюрьмѣ!

Записана въ селѣ Бобровскомъ, Востровской вол., Великоустюжскаго у. Напечатана въ «Пѣсняхъ русскаго народа» Истомина и Ляпунова, стр. 263, № 52.

Пермской губерніи.

282.

Вы лѣса ль мои, лѣсочки, лѣса темные,
Вы станы ль мои, станочки, станы теплые!
Ужъ какъ вы ль, мои станочки, поразломлены,
Всѣ товарищи, всѣ пріятели поразловлены,
По злодѣйкамъ по тюрьмамъ поразсожены.
Только я то ли, добрый молодецъ, не пойманъ былъ.
По прозваньицу меня звали Стенька Разинъ сынъ.
Я не годъ гулялъ, я не два года,
Я гулялъ-то ровно тридцать лѣтъ.
Какъ пошелъ-то я ко синю́ морю́,
Ко синю морю, ко Дунай-рѣкѣ,
У Дунай-рѣки перевозъ кричалъ:
«Перевезите-ка меня, добра молодца,
«На ту сторону, на бѣлый камешекъ!»
На бѣломъ камешкѣ сталъ скончатися,
При кончинушкѣ сталъ наказывать,
Сталъ наказывать и выговаривать:
«Ахъ вы, милые сотоварищи!
«Похороните меня, добра молодца,
«Промежду трехъ дорогъ, первой (Питерской),
«Другой Владимірской, третьей Кіевской.
«Вовъ правую ручку дайте саблю вострую,
«Вовъ лѣвую ручку калену стрѣлу,
«Въ головахъ поставьте чуденъ-дивенъ крестъ,
«Вовъ ногахъ поставьте ворона̀ коня.

«Кто ни йдетъ, кто ни ѣдетъ мимо молодца,
«Мимо молодца, всякъ помолится:
«— Что не воръ ли лежитъ тутъ, не разбойничекъ,
«— Тутъ лежитъ-то Стенька Разинъ сынъ! —
Приходили тутъ сотоварищи,
Помолилися на чуденъ-дивенъ крестъ,
Тому-то братцы сдивовалися,
Стенькѣ Разину поклапялися:
— Ужъ ты выстань-ка, сотоварищъ нашъ,
— Ты возми-ка въ руки саблю вострую,
— Вовъ лѣву руку калену стрѣлу,
— Ты ударь-ка буйной палицей
— По бедрамъ нашимъ широкіимъ! [1])
— Кабы знали мы, ужъ вѣдали,
— Выручили бы съ бѣлà камня,
Съ бѣла камня, со Дунай рѣки,
— Со Дунай-рѣки, со широконькой.
— Покажи-ка намъ златы латы тутъ,
— Златы латы тутъ серпентинныя! —
— Погрузили во Дунай-рѣку
Сотоварищи Стеньку Разина.
Со Дунай-рѣки сотоварищи
На Амуръ пошли думу думати;
У Амуръ-рѣки крута гора,
Крута гора высокая;
На той горѣ распрощалися,
Другъ другу поклапялися:
— Ужъ мы, братцы, разойдемтесь-ка
— Разойдемтесь-ка по дикѝмъ мѣстамъ! —

Записана П. Н. Рыбниковымъ въ Петрозаводскѣ. Олонецкой губ. отъ захожихъ крестьянъ-пермяковъ. Напечатана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ», т. II, стр. 721, № 221. М. 1910, изд. подъ ред. А. Е. Грузинскаго.

---

1) За то, что не спохватились и не выручили Стеньку Разина.

Пермской губерніи.

283.

Середь полюшка, поля чистова,
Тутъ-то дубъ стоитъ одинъ одинешенекъ,
А подъ дубомъ тѣмъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Степанъ Тимофѣевичъ.
Передъ нимъ лежитъ ружье бранное,
По лѣву руку что тяжелъ камень,
По праву руку сабля острая.
Воздохнувши онъ слово вымолвилъ:
— Охъ ты волюшка, воля буйная,
Воля буйная да казацкая!
Спогубила ты добра молодца,
Добра молодца Стеньку Разина!
Кабы слушался отца съ матерью,
Споважилъ бы крестова батюшку,
Не скитался бы по бѣлу свѣту. . .
Какъ умру-то я доброй молодецъ,
Похоронятъ меня безъ отпѣтія,
Безъ креста, безъ попа, безъ ладона,
Во темномъ лѣсу, во сыромъ бору,
Прошумитъ по мнѣ лѣсъ дремучій боръ:
— Память вѣчная Стенькѣ Разину! —

Пермской губерніи.

284.

Хорошо-то городъ испостроился,
Лучше городу да лучше Питера,
Да лучше матушки каменной Москвы, —
Вокругъ города да роща зеленая,
Въ этой рощицѣ воры разбойнички.

Вся-то рощица да испорублена,
Балаганчики все разоренные,
Все-то воры-разбойнички да пойманы —
Поймали то плута Стеньку Разина,
Его поймали да связать не могли,
Міромъ прокляли да на-низъ прогнали . . .

№№ 283, 284 записаны въ Камышловскомъ у. Напечатаны въ Чтеніяхъ въ Имп. О-вѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1877 г., кн. III, стр. 64—65.

Пермской губерніи.

285.

Какъ по ранней, ранней утренней зарѣ,
Внизъ по матушкѣ по Волгѣ по рѣкѣ,
Выплываетъ быстра лодочка легка,
Быстра лодочка легка о шести-то о гребцахъ,
Что въ этой легкой лодочкѣ сидитъ,
Въ ней сидитъ-то принаряженный купецъ,
Онъ плыветъ-то въ славный городъ Астрахань,
Въ славный городъ Астрахань, по купеческую дочь.
Охъ, красавица купеческая дочь!
Выходи-ко на высокое крыльцо,
Ты встрѣчай-ко астраханскаго купца,
Стеньку Разина удала молодца!
Ты сади-ко за набраные столы,
Меду-патоки съ поклономъ подноси,
Ты цѣлуй-ко Стеньку въ молодецкія уста,
Ужь за это тебя Стенька наградитъ,
Шелку-бархату на платье подаритъ.

Пермской губерніи.

286.

Во славномъ было городѣ во Астрахани,
Проявился тутъ дѣтинушка незнамой человѣкъ.

Буро-щепетно по городу похаживаетъ,
У купцовъ гостинный дворъ запечатываетъ.
Увидали молодца со Астраханскаго крыльца,
Закричалъ тутъ губернаторъ громкимъ голосомъ,
Вы подите, приведите добра молодца сюда,
Къ губернатору на дворъ. . .
Его началъ губернаторъ грозно спрашивать:
— Отколѣ ты такой, дѣтинушка, незнамый человѣкъ,
Не бѣглецъ-ли ты, не бѣглый-ли прохожій человѣкъ,
Поведите молодца во Астраханскую тюрьму! —
Только успѣлъ молодецъ одно слово сговорить:
— Завтра мой батюшка самъ къ тебѣ въ гости придетъ,
Ты умѣй-ко его встрѣтить, умѣй честно проводить. —
Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ по рѣкѣ,
Тутъ плыла-то, выплывала одна лодочка легка,
На лодочкѣ гребцовъ пятьдесятъ молодцовъ.
Хорошо гребцы гребутъ, складно пѣсеньки поютъ.
Одинъ-то молодецъ не грянетъ, не гребетъ.
— Что-то сегодня мнѣ, ребятушки, день скучный,
Что-то сего дня моему сердцу вѣщо. . .
Знать-то мой сынокъ во погибели сидитъ,
Во погибели, во большой, во Астраханской во тюрьмѣ.
Пособи, Боже, въ Астрахань городъ зайти,
Астраханскую тюрьму головней всю покачу,
Астраханскихъ всѣхъ невольниковъ на волю распущу,
Съ самаго-то губернатора со живаго кожу сдеру,
Астраханскую губернаторшу на штыкъ посажу,
Астраханскую его дочь себѣ въ постельницы возьму.

№№ 285, 286 записаны членомъ-сотрудникомъ Имп. Русск. Геогр. Общества А. Я. Кокосовымъ въ Камышловскомъ у. и сообщ. Л. Н. Майковымъ. Напечатаны П. В. Шейномъ въ «Чтеніяхъ въ Имп. О-вѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1877 г., кн. III, стр. 61—62.

Пермской губерніи.

287.

Какъ во славномъ городѣ во Астра́ханѣ
При торгу было, при базарѣ,
Очутился, объявился незнамый человѣкъ.
Бодро шшепестко по рыночку погуливаетъ,
На босу ножку сапожки понашиваетъ,
Нароспашку чекменишко на правомъ на плечѣ,
Черна шляпа съ позументомъ на лѣвомъ на ухѣ,
Баретѐву опояску за единъ конецъ таццитъ.
Увидалъ молодца губернаторъ изъ окна:
«Ужъ гой вы солдаты, царю вѣрные слуги,
Губернаторски послы!
Вы подите, изловите, приведите
Удалова молодца».
Они скоро побѣжали
Молодца скоро поймали;
Къ широку двору подводятъ — не устра́шится,
На широкій дворъ восходитъ — не ужахнется.
На часты ступеньки ступаетъ
Только ступеньки говорятъ;
На красно крыльцо восходитъ — крыльцо зыблется,
Новы-точены балясы разсыпаются,
Въ новы сѣни заходитъ, верхи ломятся,
На порогъ ногой ступаетъ, Богу молится,
На всѣ стороны челомъ,
Губернатору поклонъ,
Губернаторъ говорилъ,
Въ золоту трубу трубилъ:
Ты откэль, откэль, дѣтина, незнакомый человѣкъ.
Иль изъ-зà моря купецъ,
Иль купеческій сынокъ?»
— Нѣтъ я не изъ-зà моря купецъ,

Не купеческій сынокъ:
Я со Матушки, со Волги,
Стеньки Разина сынокъ» [1]).
Губернаторъ говорилъ,
Въ золоту трубу трубилъ:
«Ужъ гой вы, солдаты, царю вѣрные слуги.
Губернаторски послы!
Вы (его) возьмите, уведите,
Во тюрьму посадите».
Они скоро подхватили,
Во тюрьму скоро свели;
Двери заперли,
Окна замкнули.
Добрый молодецъ по темницѣ похаживаетъ,
Кандалами побрякиваетъ:
Я не думалъ, не гадалъ,
Во тюрьму скоро попалъ.

Записана крестьяниномъ А. Е. Ерошкинымъ, 2 января 1875 г. въ г. Екатеринбургѣ. Напечатана въ «Русской Старинѣ», 1877 г. т. XX, стр. 366.

Оренбургской губерніи.

288.

У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
На тихомъ Дону, во Черкасскомъ городу;
Породился удалъ добрый молодецъ
По имени Стенька Разинъ Тимоѳеевичъ.
Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, казаками, не говаривалъ,
Ходилъ, гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпкую думушку съ голытьбою:
«Сударп мои, братцы, голь кабацкая!

---

1) Сеньки Лазарева, такъ передавалъ сказатель.

Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьемъ, братцы, басурмански корабли,
Возьмемъ мы казны сколько надобно,
Поѣдемъ, братцы, во каменну Москву,
Купимъ мы, братцы, платье цвѣтное,
Купивши цвѣтно платье, нанизъ поплывемъ!»

Записана А. И. Мякутинымъ въ Ст. Разсыпной, въ 1904 г., отъ урядника Аѳанасія Щепачева 81-го года. Напечатана въ «Пѣсняхъ Оренбургскихъ казаковъ», т. I, стр. 13—14.

Оренбургской губерніи.

289.

Какъ на морьицѣ, на взморьицѣ
Стоялъ воровской корабль;
На корабликѣ стоялъ раскрашенъ чердакъ,
Во чердакушкѣ стоялъ золотой бунчукъ,
Во бунчукушкѣ стоитъ царско знамечко:
У знаменушки стоялъ часовой съ ружьемъ,
Онъ не старъ и не младъ — лѣтъ семнадцати,
Да по имечку звать Степанушкой;
По прозваньицу Стенька Разинъ сынъ.
Нашъ Степанушка во кружокъ не хаживалъ
Да и съ нами, казаками, рѣчь не говаривалъ.
А теперича нашъ Степанушка
Во кружокъ взошелъ и рѣчь возговорилъ:
«Да гдѣ же мы, братцы, зимовать будемъ:
На Яикушкѣ или на восходъ пойдемъ?»

Записана А. И. Мякутинымъ и подъесауломъ М. Т. Лобановымъ въ Ст. Донецкой, 1903 г., отъ казака Александра Нинкина; въ ст. Разсыпной, 1903 г., отъ казака Осипа Клишива 62 лѣтъ; въ ст. Нижнеувельской 1902 г., отъ казаковъ братьевъ Романа и Филиппа Тутаевыхъ. Напечатана въ сборн. «Пѣсенъ Оренбургскихъ казаковъ», т. I, стр. 14.

Оренбургской губерніи.

290.

Какъ на утренней зарѣ, вдоль по Камѣ по рѣкѣ,
Вдоль по Камѣ по рѣкѣ легка лодочка идетъ.
Въ лодкѣ гребцовъ ровно двѣсти молодцовъ;
Посреди лодки хозяинъ, Стенька Разинъ атаманъ.
Закричалъ тутъ атаманъ громкимъ голосомъ своимъ:
«А мы счерпнемте воды изо Камы со рѣки!»
«Мы исчерпнули воды изо Камы со рѣки».
«Припечалился хозяинъ, Стенька Разинъ атаманъ:
«Знать-то, знать, что мой сыночекъ во неволюшкѣ сидитъ,
Во неволюшкѣ сидитъ, въ бѣлокаменной тюрьмѣ».
«Не печалься, нашъ хозяинъ, Стенька Разинъ атаманъ:
Бѣлокаменну тюрьму по кирпичику разберемъ,
Твоего милаго сыночка изъ неволи уведемъ,
Астраханскаго воеводу подъ судъ возьмемъ».

Записана А. И. Мякутинымъ въ ст. Нижнеозерной, въ 1903 г., отъ приказнаго А. Стрижева; въ ст. Буранной, въ 1902 г., отъ хорунжаго Ѳ. Т. Кожевникова; въ ст. Оренбургской, въ 1902 г., отъ сотника Г. Н. Качалина. Напечатана въ «Пѣсняхъ Оренбургскихъ казаковъ», стр. 18. См. сочиненія А. С. Пушкина, изд. Панафидина 1899 г., стр. 208, запись этой же пѣсни.—

Оренбургской губерніи.

291.

Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ:
Между московской, астраханской, славной кіевской.
Въ ногахъ мнѣ положите саблю вострую,
Въ головахъ поставьте животворный крестъ.
Кто пойдетъ или поѣдетъ — остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моей сабли моей вострой испужается,
Что лежитъ тутъ воръ, удалый добрый молодецъ,
Стенька Разинъ Тимоѳеевъ сынъ по прозванію.

Записана А. И. Мякутинымъ въ ст. Разсыпной, 1904 г., отъ урядника Щепачева 81 года. Напечатана въ «Пѣсняхъ Оренбургскихъ казаковъ», стр. 18.

Оренбургской губерніи.

292.

Ты пролей-ка, пролей,
сильный дождичекъ!
Ты размой-ка, размой
земляну тюрьму!
Земляная тюрьма
развалилася;
Всѣ разбойнички
разбѣжалися,
На крутой-то горѣ
собиралися.
Ужъ не воры мы,
не разбойнички,
Стеньки Разина мы
сподвижнички.

Записана А. И. Мякутинымъ въ ст. Оренбургской 1903 г., отъ сотника Г. Н. Качалина. Напечатана въ «Пѣсняхъ Оренбургскихъ казаковъ», стр. 19.

Оренбургской губерніи.

293.

Чей, откуда такой добрый молодецъ,
Незнакомый парень, человѣкъ?
Онъ по городу по Астрахани самъ погуливаетъ,
Голубой свой халатичекъ за рукавъ тащитъ,
Берчатую опоясочку, во комокъ ее зажалъ.
Черну шляпу пуховую онъ на правомъ несетъ ухѣ.
Увидалъ его губернаторушка — астраханскій генералъ,
Увидалъ его далеко изъ палатушки въ окно.

«Ой вы, слуги ль, мои слуги, слуги вѣрные мои!
Вы пойдите, приведите непріятеля мово».
Взяли добраго молодца за бѣлыя его за руки,
Повели добраго молодца ко высокому терему.
Идетъ добрый молодецъ — не ужахнется,
На ново крыльцо восходитъ — крыльцо зыблется,
Новоточены перилочки шатаются,
Онъ за скобы-то берется — только двери говорятъ,
Бѣлокаменны палаты растворяются,
Во палатушки заходитъ — черну шляпу не ломаетъ,
Черну шляпу не ломаетъ и челомъ не бьетъ.
Тутъ нашъ губернаторушка пріужахнулся;
Сталъ нашъ губернаторушка тихо спрашивать:
«Чей, откуда такой добрый молодецъ?
Не казакъ ли ты, добрый молодецъ, не казачій ли ты сынъ?»
«Не казакъ я, добрый молодецъ, и не казачій сынъ,
Я удалый добрый молодецъ, Стеньки Разина сынъ;
Погляди-ка губернаторушка изъ палатушки въ окно,
Какъ мои голубчики твою пшенку клюютъ».

Записана въ ст. Кундравинской 1903 г., отъ казака Колодкина 63 лѣтъ. Напечатана въ «Пѣсняхъ Оренбургскихъ казаковъ» А. И. Мякутина, стр. 17.

Оренбургской губерніи.

294.

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ легка лодочка плыла косная;
Изукрашена та лодка тонкими бѣлыми парусами;
На ней два веселица распашныя.
Какъ во этой во лодочкѣ сидѣлъ удалъ добрый молодецъ,
Къ Астраханскому городочку подплывалъ.
Ужъ онъ слазилъ изъ легкой лодочки по Астраханскому городочку погулять.

Ужъ онъ шелъ-прошелъ по улицѣ, не качивался,
Онъ съ богатыми людьми не кланялся,
А съ простыми мужиками черну шляпу не ломалъ.
Астраханскій воевода въ окошечко его увидалъ.
Подъ окошечко подзывалъ и выспрашивалъ:
«Ты скажи-ка чей дѣтина? чьего роду-племени?»
«Я сродства свово не знаю, только слышу по народу: «Стеньки Разина сынокъ».
Воевода закричалъ, — полиціи приказалъ взять Разина, посадить его въ тюрьму.
«Астраханскій воевода, твоей тюрьмы я не боюсь:
По камешку я ее разберу, я заутра жъ ее разберу,
А тебя, воевода, къ себѣ въ полонъ возьму».
Вдругъ подула тутъ погода — Стенька выплылъ изъ тюрьмы.

Записана А. И. Мякутинымъ въ ст. Разсыпной. 1903 г., отъ казака А. Дементьева. Напечатана въ «Пѣсняхъ Оренбургскихъ казаковъ», стр. 15.

Оренбургской губерніи.

295.

Что во городѣ было во Астрахани;
Отколь взялся, проявился чужъ-незнакомый человѣкъ.
Онъ по городу идетъ — съ купцами не здоровается,
А самому-то губернатору челомъ ему не бьетъ,
Какъ самой-то губернаторшѣ онъ кланяется.
Тутъ призвалъ же губернаторъ слугу вѣрнаго свово:
«Вы подите, приведите; чей, откудова такой?
Вы поставьте мнѣ его на парадное крыльцо;
Вы придите и доложьте, что его мы привели».
И выходитъ губернаторъ на парадное крыльцо.
«Ты откуда проявился, чужъ-незнакомый человѣкъ?»
«Я со матушки со Волги, Стеньки Разина сынокъ».
«Вы идите, уведите въ бѣлокаменну тюрьму».

Какъ узналъ же все объ этомъ, Стенька Разинъ приплывалъ,
И говорилъ же Стенька Разинъ: «Бѣлокаменну тюрьму по кирпичику раскладу».
И пріѣхалъ Стенька Разинъ къ губернатору на дворъ.
«Вы пойдите, приведите мнѣ любезнаго сынка,
А вмѣсто сына уведите губернатора туда».
И пошли и увели губернатора туда
А оттуда привели Стеньки Разина сынка.
«Ты, любезный, ты, сынъ мой, губернаторшу возьмемъ съ собой».
И оттолкнулся Стенька Разинъ вдоль по Волгѣ, по рѣкѣ,
Вдоль по Волгѣ, по рѣкѣ, на родиму сторону.

Записана А. И. Мякутинымъ въ ст. Устьуйской, 1901 г., отъ урядника Т. Шамина. Напечатана въ «Пѣсняхъ Оренбургскихъ казаковъ», стр. 15—16.

Уфимской губерніи.

296.

Какъ у насъ было на Волгѣ: не чернымъ-то зачернѣлось,
Не чернымъ-то зачернѣлось, не бѣлымъ-то забѣлѣлось,
Не бѣлымъ-то забѣлѣлось, не краснымъ-то закраснѣлось,
Не краснымъ-то закраснѣлось. Зачернѣлось на Волгѣ,
Зачернѣлось на Волгѣ Стеньки Разина собранье,
Забѣлѣлися на Волгѣ Стеньки вольны парусочки,
Закраснѣлися на Волгѣ Стеньки вольнаго стружочки.
Что не громъ на Волгѣ грянулъ, Стенька Разинъ слово молвилъ,
Стенька Разинъ слово молвилъ: вы ребята не робѣйте,
Вы гребите, не робѣйте, своей силы не жалѣйте.
Астрахань городъ пройдемъ въ полуночи,
А черный (Казань) городъ на бѣлой зорькѣ.

Увидали, усмотрѣли астрахански часовые,
Астрахански часовые со своей высокой башни,
Со своей высокой башни, воеводѣ доложили.
Астраханскій воевода велѣлъ въ колоколъ звонити,
Велѣлъ въ колоколъ звонити да изъ пушекъ палити.
Что возго̀воритъ Стенька Разинъ: ой ты гой еси воевода,
Пушкарей ты не турбачь-же, свово пороху не трать-же,
Меня пушечка не во̀зьметъ, меня ядрышко не у̀бьетъ.

Напечатана въ «Крестьянскихъ пѣсняхъ с. Николаевки, Мензелинск. у., Уфимск. г., записанныхъ Н. Пальчиковымъ». М. 1896 г., стр. 103, № 41.

Уфимской губерніи.

297.

Эхъ да, какъ во городѣ было во А . . . ., да во А . . . .
Да во Астрахани. (2)
Эхъ да, очутился, скажемъ, проявился тутъ,
Тутъ незнамый человѣкъ. (2)
Эхъ да щепетко̀ больно (баско) шельма по городу
Онъ похаживаетъ, да. (2)
Эхъ да, во звончаты онъ гусёлушки
Онъ на(вы)игрываетъ, да. (2)
Эхъ, да, котомочка его за плечами,
Сабля востра при бедрѣ. (2)
Эхъ да, раскозловые его сапо̀жки
На рѣзвыихъ на ногахъ, (2)
Эхъ да, пуховая его новая шля̀пынька
На русыихъ на кудряхъ (2)
Эхъ да, на русыхъ его кудерушкахъ
На правыимъ на ушкѣ. (2)
Эхъ да, черный бархатный кафтанчикъ, за рука . . . .
Ахъ да, за рукавъ его тащитъ. (2)

Эхъ да, трость камышиной-ли подпирае....
Подпирается идетъ. (2)
Эхъ да, никому-ли воръ дѣтинушка
Онъ не кланятся, идетъ. (2)
Эхъ да, Астраханскому своему губернатору
Онъ челомъ ему не бьетъ. (2)
Эхъ да, увидалъ-же сударь губернаторъ изъ око....
Изъ окошка молодцà. (2)
Эхъ да, закричалъ-же сударь губернаторъ громкимъ го.....
Громкимъ голосомъ своимъ. (2)
Эхъ да, еще есть-ли у меня да слуги вѣ...
Слуги вѣрны казакѝ. (2)
Эхъ да, вы идите розыщите удало....
Удалова молодца. (2)
Эхъ да, вы ищите-ка смѣло молòдца
По трактирамъ, кабакамъ. (2)
Эхъ да, розыскали да того молòдца во царё....
Во царевомъ кабакѣ. (2)
Эхъ да, вы берите-ка смѣло молòдца за русы....
За русы его кудрѝ. (2)
Эхъ да, выводите-ка того молòдца
Постановьте у крыльца. (2)
Эхъ да, выходилъ-же сударь губернаторъ на красно....
На красное на крыльцо. (2)
Эхъ да, еще чей-ли ты такой-ли воръ дѣти.... воръ дѣтинушка
Незнамый человѣкъ. (2)
Эхъ да, я не здѣшній урожденецъ, не москов....
Не московскій я купецъ. (2)
Эхъ да, со Буянскаго-ли я со острова Стеньки Ра....
Стеньки Разина сынокъ. (2)
Эхъ да, Стеньки Разина сыночикъ, я Семенъ....
Я Семенъ Степановичъ. (2)
Эхъ да, мы тебя-ли шельму, расканалью въ каменну....
Въ каменну тюрьму запремъ. (2)

Эхъ да, не боюсь я, сударь губернаторъ, каменной . . .
Каменной твоей тюрьмы. (2)
Эхъ да, мой-отъ батюшка рожёный сейчасъ я . . . .
Сейчасъ явится ко мнѣ. (2)
Эхъ да, бѣлу каменну твою тюремку по камешку . . .
По камешку разберетъ. (2)
Эхъ да, да тебя-ли сударь губернаторъ во полонъ,
Во полонъ къ себѣ возьметъ. (2)

Напечатана въ «Крестьянскихъ пѣсняхъ с. Николаевки, Мензелинск. у., Уфимск. г., записанныхъ Н. Пальчиковымъ». М. 1896 г., стр. 105. № 42.

Изъ Западной Сибири.

298.

Промежъ было Казанью, промежъ Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Ис тое ли было нагорную сторонушки,
Какъ бы прошла — протекла Камышевка река.
Своимъ усьемъ она впала в матушку Волгу реку.
А по славной было матушке Камышевке реке
Выгребали-выплывали пятдесятъ лехкихъ струговъ,
Воровскиехъ казаковъ;
А на всякомъ стружечкѣ по пятдесятъ гребцо[в].
По пятдесятъ гребцовъ, воровскиехъ казаковъ.
Заплывали-загребали в Коловинские острова,
Становились молодцы во тихихъ заводяхъ,
Выгулять оне на зеленые луга.
Раставили маиданы терския,
И раздернули ковры сорочинския;
А играли казаки золотыми оне тавлеями,
Хто де костью, хто де картами, все удалы молодцы.

Посмотрятъ молодцы внизъ по Волге реке, —
Какъ бы чернта на Волге зачѐрнеетца,
А идутъ гребныя из Астрахани.
Дожидались казаки, удалые молодцы,
Губернатора из Астраханй Репнина,
Князя Данилу Алеѯандровича:
А на што душа рождена, тово Богъ и далъ,
Подошли те гребныя в Коловинъские острова,
И бросали казаки оне потехи все,
И бросалися во свой легонски струшки,
Напущалися казаки на гребныя струги,
Оне все тута торговыхъ перещупали,
Оне спрашиваютъ губернатора из Астрахани:
««А токоли онъ с вами, покажите ево намъ,
««А до васъ до купцовъ, удалыхъ молодцовъ, и дела нетъ»».
Потаили купцы губернатора,
У себя оне спрятовали под товары под свой.
Говорили молодцы, воровские казаки:
««А вы сами себе враги, за что ево спратовали!»»
Обыскали под товарами губернатора,
Репнина князя Данилу Алеѯандровича:
Изрубили ево во части мелкия,
Разбросали по матушке Волге реке;
А евото госпожу, губернаторску жену,
И со малыми детушка^{мi},
ѡне все молодцы, воровские казаки, помиловали;
А купцовъ-молодцовъ ограбили,
Насыпали червонца^{мi} лехки свой струги,
Пошли по Комышевке реке:

Напечатана въ «Сборникѣ Кирши Данилова», изд. подъ ред. П. Н. Шеффера, стр. 192. С.-Пб. 1901 г.

Томской губерніи.

299.

Не отъ пламечка ковылъ-трава загоралася,
Горѣла она, разгоралася.
Подгорѣли у яснова сокола желты ноги,
Подпалило его крылья быстрыя,
Крылья быстрыя-златы перышки.
Не отъ вѣтричку бѣлыя палаты зашаталися,
Не отъ вихоря палаты отворялися.
Какъ идетъ-то во полатушки воръ-измѣнникъ.
Во полатахъ-то разставлены столы дубовые,
На столахъ-то разостланы сукна дорогія,
На сукнышкахъ стоятъ чернильницы золотыя,
Во чернильницахъ-то перья лебедины.
За столами сидятъ три царя, три государя.
Сталъ-то бѣлый царь добра молодца допрашивать:
«Ты откуда, добрый молодецъ, скажися:
«Ты не съ Дону ли казакъ, казачій сынъ,
«Али ты изъ матушки каменной Москвы?»
— Я не съ Дону казакъ, не казачій сынъ,
— Не изъ матушки я, каменной Москвы;
— Я удалый добрый молодецъ съ Волги-рѣки.
— Атамановъ я сынъ — Стеньки Разина.
— Заутра-то будетъ самъ батюшко,
— Вы умѣйте его встрѣтить, честь воздать.—
Присудили цари его подъ судъ отдать,
Подъ судь отдать, кнутомъ отбить.

Записана С. И. Гуляевымъ въ Барнаульскомъ округѣ въ 60-хъ годахъ XIX в. Напечатана въ статьѣ акад. В. Ѳ. Миллера «Историческія пѣсни изъ Сибири». стр. 37. С.-Пб. 1904.

Енисейской губерніи.

300.

Ужъ вы, горы-ли,
Вы, мои горы,
Вы крутыя мои,
Горы Сіёвы,
И Сіёвы вы, горы
Горы зміёвы
Вы позволь-ка те[1]), горы,
Подъ собой постояти,
Подъ собой намъ постояти —
И не годикъ намъ, горы,
Подъ вами годовати;
Што не годикъ годовати —
Одну ноченьку ночевати,
Одну ноченьку намъ ночевати —
Пуль-поро̀ху набирати,
Пуль-пороху намъ набирати —
Пушки-ружья заряжати,
Пушки-ружья намъ заряжати —
Стеньку Разина стрѣляти.
Вы поди-ка-те, братцы-ребята,
На высокую крутую гору,
Посмотри-ка-те, братцы-ребята,
Внизъ по матушкѣ да по Волгѣ.
Какъ на матушкѣ да на Волгѣ
Не черняночки чернѣютъ,
Зачернѣлися на Волгѣ
Легки ду̀бовы стружечки,
Забѣлѣлися на Волгѣ
Тонки бѣлы парусочки.

1) Позволь-ка-те — позвольте-ка.

Не черенъ-то воронъ
Въ полѣ воскуркалъ —
Стенька Разинъ слово молвилъ (2),
Слово молвилъ, рѣчь говрилъ:
«Вы не бейте, братцы, не стрѣляйте,
Пуль-пороху, други, не теряйте!
Ваши пушечки меня не возмятъ,
Мелки ружьицы не хлопнутъ.
Никово я, Стенька Разинъ, не боюся,
Никово я, братцы, не страшуся,
Опричь Астраханскаго городочку,
Въ Астраханскомъ городочку
Живетъ дѣвка Машка[1]).
Ко всему та дѣвка
Меня научила,
Научила, дѣвка, пріучила —
Съ добрыми молодцами гуляти,
Изъ огнённыхъ ружей стрѣляти.

Записана А. Александровымъ въ с. Рыбномъ—на Ангарѣ—со словъ мѣстнаго крестьянина Дмитрія Козырева въ 1893 г. Напечатана въ «Живой Старинѣ» 1897 г., Вып. I, стр. 102, № 2.

Енисейской губерніи.

301.

Во славномъ было во городѣ —
Во Астрахани
Проявился тамъ дѣтина —
Незнакомый человѣкъ
И по Астрахани по городу
Похаживаетъ,

---

1) По народному преданію — астраханская колдунья.

Онъ и штабамъ-офицерамъ
Не кланяется;
Къ Астраханскому онъ губернатору
На судъ не-йдетъ,
Онъ на судъ къ нему не йдетъ
И челомъ ему не бьетъ, (3)
Честь-почетъ не отдаетъ.
Астраханскій губернаторъ
Началъ спрашивать ево:
«Ты откуль, откуль, дѣтина,
Откуль, добрый человѣкъ?
Да и што же ты, дѣтина,
Не боишься никово!»
«Ужъ я родиной — москвичъ,
Жизнью — Нижній городокъ!
Оттово я не боюся,
Што я Стеньки Разина сынокъ».
Астраханскій губернаторъ
Тогда сердце поимѣлъ,
И велѣлъ ево забрать —
Въ цѣпи крѣпко заковать.
Сынка Разина забрали —
Въ цѣпи крѣпко заковали.

Записана А. Александровымъ въ с. Рыбномъ—на Ангарѣ—со словъ мѣстнаго крестьянина Дмитрія Козырева въ 1893 г. Напечатана въ «Живой Старинѣ» 1897 г., Вып. I, стр. 102, № 3.

Енисейской губерніи.

302.

Во славнымъ во городѣ и в'Астраганѣ
Появился дѣтинушка, незнамой человѣкъ
Незнамой и незнакомой, и незнакома голова;

Щедро-шепетко по городу похаживаетъ,
На ёмъ бархатной халатъ, на врастепашочку ево носилъ,
Чэрпы плисовы штаны на ево кру́тыхъ бедрахъ,
Чэрна плисова жилетка на ево бѣлыхъ грудяхъ,
Бѣлыя перстятки на ево бѣлыхъ рукахъ,
Козловые сапожки на ево рѣзвыхъ ногахъ,
Чэрна шляпа пуховая на одномъ ухѣ лежитъ.
Астраганскимъ то кубцамъ онъ не кланяетца;
Астраганскому губернатору и подъ судъ не и́детъ.
Астраганскій хубернаторъ ево из'окошка увидалъ,
Из'окошка увидалъ, слугъ вѣрныхъ посылалъ:
— «Слуги, вы мои слуги, слуги вѣрные мои,
— Пойдите, приведите и не сколь не меледите!»
Не сколь не медлили — тово часу привели,
Начали дѣтинушку допрашивати:
— «Скажи ка ты, скажи, дѣтина, не утай себя:
Али ты съ Дону казакъ, али казачей сынъ?»
«Я не съ Дону казакъ и не казачей сынъ,
«Я со матушки съ Рассеи — Сеньки Разина сынъ!»

Записана А. А. Макаренко отъ крестьянина Евгр. Ант. Попова, 66 л., въ д. Кежемская Заимка, въ 1904 г. Напечатана въ «Живой Старинѣ» 1907 г., Вып. II, стр. 38, № 22.

Енисейской губерніи.

303.

Изъ Тазу города шли два татарчѐнка,
Силу то бьютъ, какъ траву ко́сятъ,
Просятъ у царя поединщика:
«Гой ты еси, Петрушка, православной царь,
«Дай намъ, Петрушка, поединщика,
Дай намъ, Петрушка, противника,
А не дашь противника — самъ иди!»

Не злата труба воспротру̀билась,
Не серебряна чепочка воспрозы́гралась —
Во̀спроговорилъ нашъ батюшка, православной царь,
По имени Петръ, по величанню Алексѣевичъ:
«Хто, батъ, мою голову замѣнитъ животомъ своимъ?»
Не изъ пѐрвова ряду, не изъ середнева,
Изъ тово, говоритъ, ряду изъ послѣднева
Выступатъ тутъ дородной доброй молодецъ,
На немъ шубочка баранння навыворотъ:
«Разѣ, говоритъ, замѣню голову твою животомъ своимъ!
Налевай, говоритъ, мнѣ турей рогъ мёду сладкова,
Налевай ты мнѣ чару зелена вина,
Мѣрную ету чару полтора ведра!»
Принималъ чару едино̀й рукой
Выпивалъ чару на едино̀й духъ.

. . . .

«Сошлись на поединокъ. Татара говорятъ — «ну бей!» А онъ имя сказалъ: «на зачинающаго самъ Господь подыматца». Сталъ на мѣсто. Подошелъ татаринъ, ударилъ — онъ стоитъ; другой ударилъ — стоитъ. «Ну ставай на почотно мѣсто!» Ударилъ — татарина убилъ и другова тоже!

Вотъ Петра Алексѣевичъ и спрашиватъ молодца: «Чѣмъ я тибя буду чёствовать-жаловать — сёлами али деревнями, али городами съ пригородками?».

«Ничево мнѣ ко не надо, говоритъ тотъ, только выведи мово дядя Сенкю Разина изъ «проклятища». А онъ стало быть ему племянникъ былъ, изъ «осилковъ» былъ.

«Нельзя, говоритъ царь, онъ на соборѣ прокляненъ».

Записана въ 1904 г. А. А. Макаренко въ д. Кежемской Заимкѣ, отъ кр. Вас. Ив. Сизыхъ, 60 л. Напечатана въ «Живой Старинѣ» 1907 г., Вып. II, стр. 38, № 23.

304[а].

Ахъ да наши лѣса ль лѣсочки,
Лѣса темные,
Ахъ да вы станы ли наши,
Станы наши теплые!
Ахъ да еще всѣ-то наши, братцы, да лѣсочки
Всѣ лѣса наши порублены!
Ахъ да еще всѣ-то наши, братцы, да кусточки
Всѣ кусты наши повызжены!
Ахъ да еще всѣ-то наши, братцы, друзья-товарищи,
Ой, братцы, всѣ переловлены.
Ахъ да всѣ въ желѣзные въ ручные они кандашки
Да всѣ позакованы!
Ахъ да всѣ по уѣзднымъ, братцы, городкамъ
Они всѣ поразосланы,
Ахъ да всѣ по мѣстамъ они только по допросамъ
Они подопрошены!
Ахъ да что одинъ за насъ, братцы, только товарищъ
Одинъ только не пойманъ былъ,
Да по-прозваньицу былъ-то онъ, по фамильюнцу,
Онъ былъ Сенька Разинъ сынъ.
Ахъ да зашаталась его буйная вотъ головушка
Она только по чистому полю.

Записана И. П. Корниловымъ въ Сибири, на Ильгинскомъ винокуренномъ заводѣ, на рѣкѣ Ленѣ. Напечатана въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1887 г., кн. III, стр. 63.

304[б].

* * *

Горы, горы, горы крутыя,
Вы горы Змѣевы,
Вы позвольте горы,

Горы постояти, —
Намъ не годикъ здѣсь годовати,
Одну ночку ночевати,
И тою всю не спати:
Пуль, пороху набирати,
Пушки, ружьи наши заряжати,
Во чисто поле стрѣляти,
Стеньку Разина намъ встрѣчати.
На Петровскомъ на лужечкѣ
Всѣ майданики[1]) запустѣли,
Всѣ несчастные пріуныли:
Стеньки Разина вотъ у насъ не стало,
Мы пойдемъ-те-ка, ребята,
Въ бѣлокаменны палаты, —
Ахъ да изъ палатушекъ посмотримъ
Внизъ по матушкѣ да по Волгѣ,
Да по широкой, славной долгой:
Не бѣлымъ было на ней забѣлѣло,
Не чернымъ черно зачернѣло,
Забѣлѣли то тонки парусочки.

Записана И. П. Корниловымъ въ Сибири, на Ильгинскомъ винокуренномъ заводѣ, на р. Ленѣ. Напечатана въ Чтеніяхъ И. О. И. и Д. Рос., 1887 г., кн. III, стр. 64.

Якутской области.

305.

Во славномъ городѣ, во Астраханѣ
Проявился дѣтинушка, незнамъ человѣкъ.
Щедро, щепетко по городу погуливатъ,
Черну шляпу съ позументомъ носитъ на одномъ ухѣ,
Рыжаго бархату кафтанчикъ носитъ на одномъ плечѣ,
Изарбацкую опояску во рукахъ концы.

---

1) Майданики — разбойничьи станы.

[Небылыми словесы похваляется —]
— «Астраханскими купцами я не знаюся,
«Астраханскому губернатору я не кланяюсь!»
Привелося добру молодцу итти вдоль по улицѣ,
Довелося добру молодцу зайти во царевъ кабакъ,
Открываетъ онъ двери на пяту,
Закрываетъ онъ крѣпко на крѣпко.
— «Ахъ, ты гой еси, цѣловальничекъ довѣренной!
Открывай ты погребы глубокіе,
Доставай ты мнѣ цѣльнаго спирту на пятьсотъ рублей,
А съ товарищами на три тысячи!»
Говоритъ тутъ цѣловальничекъ довѣренной:
— «Что это, братцы, за питухъ пришелъ, за горькой пьяница?
У дверей въ углу стояла голь кабацкая.
— «Что ты, цѣловальничекъ довѣренной, ошибаешься!
«Не питухъ тебе пришелъ, не горькой пьяница,
«По всей нашей Руси родовой казакъ».
. . . .
Тутъ спроговорилъ Незнамушка:
— «Пей, гуляй, голытьбушка, на мой на счетъ!»
Привелося добру молодцу итти опять вдоль по улицѣ
Мимо той ли канцеляріи губернаторской.
Увидалъ то изъ окошка губернаторъ нашъ,
Тутъ вскричалъ онъ, заревѣлъ онъ зычнымъ голосомъ:
— «Вы подайте, приведите мнѣ Незнамушку!
Тутъ пошли и привели ему Незнамушку.
Отпираетъ онъ двери на пяту,
Закрываетъ онъ двери крѣпко на крѣпко,
Онъ кланятся на всѣ четыре стороны,
[Губернатору и губернаторшѣ на особицѣ].
Губернаторъ у него сталъ выспрашивати:
— «Царь ли ты, царевичъ, или царской сынъ,
«Король ли ты, королевичъ, королевской сынъ?»
У дверей въ углу стояла голь кабацкая.

— «Ахъ ты, батюшка нашъ, ты ошибаешься!
Пришелъ тебѣ не царь, не царевичъ и не царской сынъ,
«Не король, не королевичъ, королевской сынъ,
«По всей нашей Руси родовой казакъ [Православной царь]
«Подъ названіемъ Петръ Алексѣевичъ!»
Говоритъ Незнамушка голи кабацкой:
— «Чѣмъ тебя я, голытьбушка, пожалую,
«Генераломъ ли, адмираломъ ли, тайнымъ совѣтникомъ?
«Принимай ты, генаралушка, домà и казну!»
Говоритъ тутъ Петръ Алексѣевичъ:
— «На приходѣ добра молодца не потчивалъ,
На уходѣ добра молодца не учествовалъ,
Заутра съ тобой собакой перевѣдаюсь!»

Записана В. Н. Богоразомъ въ концѣ 90-хъ годовъ XIX в. отъ Среднеколымскаго казака Өедора Даурова шестидесяти лѣтъ. Вставки отъ Кулдаря. Напечатана въ статьѣ акад. В. Ө. Миллера: «Историческія пѣсни изъ Сибири», стр. 38—39. С.-Пб. 1904 г.

Якутской области.

306.

Очутился младъ дѣтинушка, незнамой человѣкъ,
Не знай казанскій, не знай московскій, не знай астраханскій;
Алый бархатный кафтанъ на могучихъ на плечахъ,
Прозументовый платочекъ за конецъ его тащилъ.
Онъ стохамъ (?) офицерушкамъ челомъ не бьетъ,
Астраханскому губернатору подъ судъ не идетъ.
— «Еще завтра по утру мой батюшка будетъ,
Ты умѣй его встрѣчать, да умѣй его чёстивать! —
Тожна его бѣлы ручки опустилися,
И тожна его рѣзвыя ножки подломилися,

Его буйна голова съ плечъ покатилася,
Тожна то губернатору смерть случилася.

Записана въ 1912 г. В. М. Зензиновымъ въ п. Русское устье на р. Индигиркѣ, Верхоянскаго округа, Якутской области, отъ мѣстнаго жителя. Напечатана въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» 1913, кн. XCVI—XCVII, стр. 215, въ ст. Зензинова «Русское устье».

Уральской области.

307.

У насъ-то было на батюшкѣ, на тихомъ Дону,
Во славномъ было во городѣ у насъ во Черкаскѣ[1]),
Жила была у насъ тутъ благочестивая вдова.
Не имѣла-то она, братцы, безкорыстнаго грѣха.
А ныньче вдова себѣ сына родила...
Пошла слава по всему нашему тихому Дону.
Тутъ съѣзжались всѣ попы, дьяки, архидьяконы,
Нарекали ему имечко Степанушкою.
Степанушка у насъ, братцы, сталъ на возрастѣ,
Какъ милъ-ясенъ соколъ сталъ (на) возлетѣ.
Доселева Степанушка въ круги къ намъ не хаживалъ
Крѣпку думушку съ козаками не думывалъ.
А нынѣ и Степанушка въ кругу стоитъ,
Съ козаками крѣпку думушку онъ думаетъ.
Возговорилъ Степанушка таковы слова:
«Ой вы, гой еси, козаки, братцы, добры молодцы!
Послушайте вы, козаченьки, своего атаманушки,
Меня Степанушку, сына Тимоѳеича, Разина.
Сядемте мы, ребятушки, въ свой легкій корабличекъ,
Побѣжимте мы, ребятушки, въ сине море,

1) Иные казаки, вм. Черкаска, упоминаютъ въ этой пѣснѣ городъ Владиміръ. Авт.

Станемте, ребятушки, разбивать бусы кораблики:
Татарскіе, армянскіе, всѣ басурманскіе,
Будь того только безъ сиза орла, безъ осударева.
Поѣдемте, ребятушки, къ царю съ повинною.
Повеземте съ собой, братцы, топоръ плаху,
Повеземте, братцы, царю дары драгоцѣнные:
Сребро, злато и каменья самоцвѣтные.
Тутъ коль станетъ царь благодарить — жаловать,
И станетъ насъ царь крѣпко спрашивать.
Мы скажемъ царю всю правду истинну».
Тутъ возговоритъ православный царь таковы слова:
«Ужъ вы, гой еси, младые корабельщички,
Степана Разина всѣ согласнички!
Скажите мнѣ вы правду истину:
Гдѣ вы были, гдѣ вси ѣздили?»
Тутъ возговорили младые корабельщички,
Степана Разина все согласнички.
«Ужъ ты батюшка нашъ, православный царь!
Мы скажемъ тебѣ вси правду истинну:
Мы гдѣ были, мы гдѣ ѣздили.
Ужъ мы были, ужъ мы ѣздили въ синемъ морѣ,
Разбивали мы на синемъ морѣ бусы — кораблички:
Татарскіе, армянскіе, всѣ басурманскіе,
Безъ того только безъ сиза орла, безъ осударева.
Ты прости насъ, батюшка, во всѣхъ винахъ,
Ты пусти насъ, батюшка, на Яикъ-рѣку.
Мы заведемъ на рѣкѣ Яикѣ славный Яикъ-городъ,
Заведемъ мы его между двухъ рѣчушекъ:
При первой рѣчкѣ при Яикѣ быстрыимъ,
При другой рѣчкѣ при Чаганѣ тихіимъ».
Потомъ побывали они во городѣ Гурьевѣ,
Изъ Гурьева пошли онѣ на матушку Волгу рѣку,
Съ Волги они пошли на Узень рѣку,
Съ Узень рѣки переправились за Яикъ рѣку,

Прошли то они, изошли всю орду азіатскую:
Киргизскую, трухменскую, кызылбацкую.

Записана Желѣзновымъ отъ стараго казака Ив. Никитича Чакрыгина. Напечатана въ статьѣ Желѣзнова. Преданія и пѣсни уральскихъ казаковъ. Русскій Вѣстникъ т. XX, стр. 573—574.

Уральской области.

308.

Какъ по морю, морю синему,
По тому морю, по Каспійскому,
Завиднѣлась въ морѣ легка лодочка,
Не простая лодка, разъѣздна-косна;
Хорошохонько лодка изукрашена,
Бурсымъ, жемчугомъ лодка изунизана,
Молодцами лодка изусажена.
На кормѣ-то сидѣлъ есаулъ съ рулемъ,
А въ носу сидѣлъ атаманъ съ ружьемъ.
Посреди лодки — золота казна,
На златой казнѣ лежитъ цвѣтно платьице,
На цвѣтномъ платьѣ сидитъ красна дѣвица.
Есаулушки она — сестра ро̀дная,
Атаманушкѣ — полюбовница.
Какъ сидитъ она, слезно плачетъ;
Атаманушка плакать уговаривалъ:
— «Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
Мы поѣдемъ съ тобой въ твою землюшку,
Въ твою землюшку, къ отцу, къ матери».

Сообщена казакомъ Иваномъ Соболевымъ. Напечатана въ «Сборникѣ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ» Н. Г. Мякушина. С.-Пб. 1890 г., стр. 41, № 12.

Уральской области.

309.

Какъ по морю было, морю синему,
По тому морю, по Каспицкому,
Супротивъ было острововъ Орловыхъ, —
Стоялъ на якорѣ воровской корабль.
На корабликѣ состроенъ былъ муравёнъ чердакъ,
Въ чердакѣ состроенъ былъ золотой бунчукъ,
Въ бунчукѣ стояли царскія знамячки,
Позлаченыя, распущенныя.
У знамячекъ стоитъ часовой казакъ,
Передъ нимъ стоитъ раздвиженный стулъ,
На стулу сидитъ нашъ батюшка, воровской атаманъ,
Степанушка Тимофеевичъ, по прозванью Разинъ сынъ,
Передъ нимъ стоитъ старшой есаулъ.
Атаманъ есаулу сонъ разсказывалъ:
— «Что-то мнѣ, братъ, ночью мало спалось
И во снѣ мнѣ много видѣлось:
Спадала съ меня съ головы кунья шапка,
Распоясался у меня золотъ колчанъ,
И разсыпались у меня калены стрѣлы».
Есаулъ этотъ сонъ разсуживалъ:
— «Сопадала у тебя съ головы кунья шапка,
Это — пропадетъ твоя буйная головушка;
Распоясался твой золотой колчанъ —
То мнѣ есаулу, быть крѣпко ранену;
Разсыпались калены́ стрѣлы — то казаки наши,
Воры — разбойники, на побѣгъ пойдутъ».

Напечатана съ рукописи Н. Ф. Савичева въ «Сборникѣ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ» Н. Г. Мякушина, стр. 41, № 11. С.-Пб. 1890 г.

Уральской области.

310.

Какъ по морюшку, морю синему,
Бросилъ якори воровской корабль.
На корабликѣ муравёнъ чердакъ,
Въ чердакѣ стоитъ золотой бунчукъ,
Съ бунчукомъ рядомъ — царски знамячки,
А у знамячковъ часовой стоитъ,
Молодой казакъ, разудаленькій,
Разудалая головушка,
Молодой парень, лѣтъ пятнадцати.
Супротивъ того караульщика
Раздвижной стоитъ, деревянный сту́лъ;
На томъ стуликѣ, пригорюнившись,
Садитъ, голову повѣсивши,
Удалой казакъ Стенька, Разинъ сынъ.
А дотолева нашъ Степанушка
Во казачій кругъ самъ не хаживалъ
И съ казаками крѣпкой думушки,
Братски въ тѣ-поры онъ не думывалъ.
А теперево нашъ Степанушка
Къ казакамъ въ кружокъ, гляди, самъ взошёлъ.

Перепечатана изъ Отечественныхъ Записокъ, 1848 г., стр. 139, въ «Сборникѣ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ» Н. Г. Мякушина, стр. 40, № 10. С.-Пб. 1890 г.

Уральской области.

311.

«Ой не вечо́ръ, то-ли, не вечоръ
Мнѣ малы́мъ мало́ спалось,
Ой мнѣ малы́мъ мало спалось } 2 раза
Во снѣ видѣлося: } 2 раза

Ой будто конь мой вороной
Разыгрался подо мной,
Ой разыгрался, расплясался, } 2 раза
Подъ удалымъ, добрымъ молодцомъ
Ой налетали вѣтры да буйны
Со восточной стороны,
Ой сорывàли-то черну шапку } 2 раза
Съ моей буйной головы.
Ой отрывался лукъ звончàтый
Со могучаго плеча;
Ой разсыпались каленыя стрѣлы } 2 раза
Какъ по матушкѣ сырой землѣ,
Ой да и кто бы мнѣ этотъ, да сонъ,
Разгадалъ его бы онъ?»
Ой есаулушка былъ догадливый, } 2 раза
Есаулъ тотъ сонъ все разсуживалъ:
— «Степанушка ты нашъ, Тимофеевичъ,
По прозванью Разинъ сынъ!
Сопадала у тебя съ головы черна шапка— } 2 раза
Пропадетъ твоя буйна головушка;
Отрывался, ой-ли, лукъ звончатый —
То мнѣ, есаулушкѣ, ой-ли, быть повѣшену;
Ой, разсыпались каленыя стрѣлы —
То казаки наши, ой-ли, все разбойнички
Они во побѣгъ пойдутъ».

Записана отъ 75-лѣтняго старика — казака Ф. С. Ж. Напечатана въ «Пѣсняхъ уральскихъ казаковъ» I. И. Желѣзнова, стр. 12. С.-Пб. 1899.

Уральской области.

312.

Какъ по морюшку, морю синему,
По тому морю Каспицкому,
Бросилъ якорь воровской корабль;
Какъ на этомъ на корабличкѣ
Стоитъ муравёнъ[1]) чердакъ.
Какъ на этомъ-же на чердачкѣ
Стоитъ золотой бунчукъ;
Съ бунчукомъ рядомъ стоятъ
Царски знамячки;
Какъ у этихъ царскихъ знамячковъ
Стоитъ часовой казакъ,
Онъ не старъ, не младъ —
Лѣтъ шестнадцати...
Супротивъ того караульщика
Раздвиженый стулъ стоитъ.
На томъ стуликѣ, пригорюнившись,
Сидитъ, голову повѣсивши,
Удалой казакъ Стенька, Разинъ сынъ,
Удалый казакъ, — воровской атаманъ...
А дотолева нашъ Степанушка
Во казачій кругъ самъ не хаживалъ
И съ казаками крѣпкой думушки,
По братскі онъ, въ тѣ поры, не думывалъ...
А теперево нашъ Степанушка
Ко казакамъ въ кругъ, гляди, самъ взошелъ.

Записана отъ казака Григорія Калягина, Кулагинской ст., Горскаго пос. и Миронія Рукавишникова, Сарайчиковской ст., Сарачинскаго пос. Напечатана въ «Пѣсняхъ уральскихъ казаковъ» І. И. Желѣзнова, стр. 18. С.-Пб. 1899 г.

---

1) Иногда — «раскрашёнъ».

Терской области.

313.

Не фъ Саратовѣ та было,
Было въ Астрахани
Тамъ прослышалси, проявилси
Всё низнамый чилавѣкъ.
Онъ низнамый, низнакомый,
Стенька Разина онъ сынъ.
Онъ по городу шипёханька похаживаетъ
Въ адной тониинькай рубашички
Да въ нанкавымъ халати на распашичку.
Гаспадамъ да барамъ
Онъ чиломъ имъ ни бьетъ.

Записана въ станицѣ Червленной В. А. Водарскимъ. Напечатана въ «Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», Вып. XXXIX, отд. II, стр. 59.

Симбирской губерніи.

314.

. . . .
Атаманушка самъ по округу похаживаетъ,
На нимъ бархатный кафтанчикъ на распашечку,
Бобровая его шапочка подъ пазухой,
Сафьянные сапожечки на босу ногу,
Онъ серебряной своей тросточкой помахиваетъ;
Атаманушка рѣчь возговоритъ, — какъ въ трубу струбитъ.
Есаулъ рѣчь промолвитъ, какъ въ свирѣль заигратъ.
««Ужь какъ-то намъ будетъ, братцы, пройти въ славну Астрахань?
««Мы проѣдемъ, братцы, въ славну Астрахань въ глухую полночь,

««Ужь и купимъ-то мы, братцы, атаманушкѣ забавушку—
коня добраго,
««А есаулу купимъ забавушку — ружье огненное»».
И возговоритъ атаманъ Степанъ Тимоѳеевичь:
«Подъ Казань городокъ стоитъ бѣлый царь,
«Ни много, ни мало стоитъ, — семь годовъ,
«Не взявши Казань городъ, хочетъ прочь итти:
«Пойдемъ-ка, удалые, на подмогу къ нимъ!
«Волжскій городокъ съ вечера возьмемъ,
«Царицынъ городокъ во глуху полночь,
«Мелкимъ городочкамъ не поклонимся,
«Казань-то городокъ на бѣлой зарѣ,
«Во самую во Микольскую во заутреню».
. . . .
««Какъ намъ, братцы, пристать къ пристани?
««Ежели бокомъ пристать, станутъ палить изъ пушекъ,
««Ежели кормой пристать, ловить станутъ,
««Ежели пристать носомъ, примутъ подъ руки, —
««— На подмогу ѣдутъ къ намъ. —»»
. . . .
Вотъ царь Иванъ Васильевичь шлетъ посланника:
— Ежели бокомъ пристали, палить изъ пушекъ,
— Ежели кормой пристали, ловить ихъ,
— Ежели жь носомъ пристали, принять ихъ подъ руки.
И призываетъ онъ атамана:
— Скажись ты мнѣ, кто? —
«Слыхалъ ты? Степанъ Разинъ,
«Тимоѳеевъ съ молодцами».
— Много ли у тея посланниковъ? —
«Три ста человѣкъ».
— Во всѣхъ я тея прощаю,
— Только скажи, какъ Казань городъ взять? —
. . . .
Подвели подкопъ подъ Казанку подъ рѣку,

Пудъ порхву казну, затеплили свѣчи на бочкахъ,
И вышли сами подлѣ стѣны,
Въ рукахъ тоже свѣчи держутъ.
Осердился царь Иванъ Васильевичь, —
Свѣчи всѣ дошли, а бочки не рветъ;
И хочетъ его казнить.
«Царь Иванъ Васильевичь!
«На верху свѣчка теплится,
«Ее вѣтромъ качаетъ».
Только переговорили, — и зачаló бочку рвать:
И полетѣли стѣны, гдѣ кого,
Гдѣ рука, гдѣ татарска голова.

. . . .

Пріѣзжаетъ царь Иванъ Васильевичь въ Москву,
Сдѣлалъ пиръ, съѣхались господа къ ему.
Гдѣ хвалится конями, гдѣ хвалится женами хорошими,
Кто хвалится крестьянами богатыми.

. . . .

Записана П. В. Шейномъ отъ 80-тилѣтняго старика въ д. Александровкѣ, Карсунскаго у. Напечатана въ 6 вып. «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 33—35.

Симбирской губерніи.

315.

Далаче-далече, во чистóмъ полѣ,
Еще того далече, — на синёмъ морѣ,
На синёмъ морѣ на Каспійскіемъ,
На славномъ Чорностовѣ, славномъ островѣ,
Не ясны соколы солеталися,
Сходились тутъ удалы-добры молодцы,
Музурушки Персидскіе,
Они думали крѣпку думушку за единую:

««А одинъ изъ роду умнѣе всѣхъ:
««Кому-то у насъ, братцы, атаманомъ быть?
««Атаманомъ быть Микитушкѣ Тимоѳеичу,
««Есаулошкѣ Ермилѣ Романовичу»».
Возговоритъ Микитушка Тимоѳеевичъ:
«Не пора ли намъ, добрымъ молодцамъ,
«И не полно ли намъ, добрымъ молодцамъ,
«На моряхъ стоять?
«Не пора ли намъ, добрымъ молодцамъ,
«На свѣжу̀ воду,
«На свѣ́жую на воду, — Волгу матушку?
«И сядемъ мы, добры молодцы, во лодки легкія,
«И станемъ разбивать бусы-ка́рабли
«И мелки судёнушки!»

Записана П. М. Языковымъ въ с. Головинѣ. Напечатана въ 6-мъ вып. «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 30.

Симбирской губерніи.

316.

Какъ далеченько-далеченько, во чистомъ полечкѣ,
А еще того подалече, — на синемъ моречкѣ,
Какъ на славнымъ на черностовскіимъ было островѣ,
Какъ не бѣлыя лебедочки солеталися,
Какъ не ясные соколочки сопорхалися,
Соходилися музурушки персидскіе
И низовые бурлаченьки безпашпортные:
Они думали — гадали думу крѣпкую за единую.
Выбирали себѣ атаманушку походнаго:
««Ужь кому-то у насъ, ребята, атаманомъ быть,
««Ужь кому-то, разудалые, есауломъ слыть?
««Атаманомъ быть у насъ Степану Тимоѳеевичу.

««А есауломъ слыть Микитѣ Романовичу»».
Атаманушка самъ по округу похаживаетъ,
Онъ серебряной своей тросточкой помахиваетъ,
Атаманушка рѣчь возговоритъ, — какъ въ трубу струбитъ,
Есаулъ рѣчь промолвитъ, — какъ въ свирѣль заигратъ.
««Ужь какъ-то намъ будетъ, братцы, пройти въ славну Астрахань?
««Мы проѣдемъ, братцы, въ славну Астрахань въ глухую полночь,
««Ужь и купимъ-то мы, братцы, атаманушкѣ забавушку — коня добраго,
««А есаулу купимъ забавушку — ружье огненное»».

Записана П. В. Шейномъ въ 1856 г. въ с. Усть-Урень, отъ Цыплова. Напечатана въ «Чтеніяхъ О. Л. И. и Д. Р.», 1877 т., т. III, стр. 44. Перепечатана въ 6-мъ вып. «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 32.

Симбирской губерніи.

317.

Какъ далеченько-далеченько, въ чистомъ полечкѣ,
На синемъ-то на моречкѣ,
На Черностовскіимъ славномъ островѣ,
Не бѣленькія лебедочки солеталися
Не ясные соколо̀чки сопорхалися
Соходилися музурушки персидскіе,
Бурлаченьки низовые безпашпортные,
И собирались они во единый кругъ,
Они думали-гадали думу крѣпкую за единую:
««Ужь кому-то изъ насъ, доброму молодцу, атаманомъ быть,
««И кому-то изъ насъ, доброму молодцу, есауломъ слыть?
««Атаманомъ быть Матвеюшкѣ Тимоѳеевичу,
««Есауломъ слыть Никитушкѣ Романовичу»».

Атаманушка по округѣ похаживаетъ,
Онъ серебреной своей тростонькой помахиваетъ.
Атаманъ рѣчь возговоритъ, — въ трубу струбитъ,
Есаулушка слово молвитъ, — какъ въ свирѣль заиграть.
««Ужь какъ-то намъ, ребятушки, протить въ славный Астрахань,
««Ужь какъ-то намъ будетъ, ребятушки, по базару гулять,
««Ужь чего-то намъ будетъ, братцы, на базарѣ закупать?
««Ужь мы закупимъ нашему атаманушкѣ коня добраго,
««Еще купимъ мы ему саблю вострую,
««Есаулушкѣ мы закупимъ ружье огненно,
««И поѣдемъ гулять по возморьицу»».

Записана П. В. Шейномъ отъ Н. Картавенко въ 1856 г., въ с. Усть-Урень. Напечатана въ «Чтеніяхъ О. Л. И. и Д. Р. 1877 г., т. III, стр. 45. Перепечатана въ 6-мъ вып. «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 31.

Симбирской губерніи.

318.

Не рябинушка со березынькой совивается,
А не травонька съ травонькой соплетается,
Какъ не мы-ли, добрые молодцы, совыкаемся,
Какъ лѣса-ли мои, лѣсочки, лѣса темные,
Вы кусты ли мои, кусточки, кусточки таловые
Вы станы-ли мои станочки, вы станы мои темные,
И еще ли вы, мои лѣсочки, всѣ порубленые,
Всѣ кусты мои, кусточки, всѣ поломаные:
Всѣ друзья мои, братцы-товарищи, переловленые
По разнымъ тюрьмамъ всѣ посаженые,
Оставался одинъ товарищъ Стенька Разинъ сынъ.

Записана П. В. Шейномъ въ 1856 г. отъ кр. Цыплова въ селѣ Усть-Урень, Карсунскаго у. — Напечатана въ «Чтеніяхъ въ И. О-вѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1877 г., кн. III, стр. 63.

Симбирской губерніи.

319.

Вы лѣса наши, лѣсочки, лѣса наши темные,
Вы кусты ли наши, кусточки, кусты наши великіе,
Вы станы ли наши, станочки, станы наши теплые,
Вы друзья ли наши, братцы-товарищи!
Лѣса наши всѣ порублены,
А куста наши всѣ поломаны,
Всѣ станы наши разорены,
Всѣ друзья наши товарищи переловлены,
Во крѣпкія тюрьмы наши товарищи посажены,
Рѣзвы ихъ ноженьки въ кандалахъ заклепаны,
У воротъ-то стоятъ грозные сторожи,
Грозные сторожи, бравые солдатушки:
Ни куды-то намъ, добрымъ молодцамъ, ни ходу, ни выпуску,
Ни ходу, ни выпуску изъ крѣпкой тюрьмы.

Записана П. В. Шейномъ. Напечатана въ Приложеніяхъ къ 7-му выпуску «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 157.

Симбирской губерніи.

320.

Разливалася въ зеленыхъ лугахъ вода полая,
Потопляла у казачиньковъ теплы лагери,
Середи моря было Каспицкова
Стоялъ тутъ Лиманъ-островъ,
На этомъ на островѣ стоялъ воровской корабль,
На этомъ на корабликѣ муравлинъ чердакъ,
Въ этомъ чердачкѣ золотой бунчукъ,
Въ этомъ бунчукѣ царски знамечки,
У этихъ у знамечковъ часовой стоитъ;

Передъ нимъ передъ молодцемъ раздвижной стулъ,
На стулу сидитъ воровской атаманъ,
По имени атаманушка Степанушка,
Па батюшкѣ Степанушка Тимоѳеевичь,
По великому по фамильицу Степанъ Разинъ.
Съ старшинами онъ думушку не думаетъ,
Къ казакамъ онъ Степанъ Разинъ въ кругъ не хаживаетъ;
Онъ думаетъ крѣпку думушку съ своей буйной головушкой.

Записана въ г. Симбирскѣ Д. А. Валуевымъ. Напечатана въ Сборникѣ «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», вып. 7, стр. 32.

Самарской губерніи.

321.

На морѣ стояли разбойнички семь годовъ,
Разбивали судна-корабли—армянски, татарски и купечески:
Они думали-гадали думу крѣпкую заедаую:
— «Кому у насъ, ребята, атаману быть?»—
— «Атаману быть Ивану Тимоѳѣеву,
Эсаулу быть Никитушкѣ Васильеву. —
— «Какъ-то намъ, ребятушки, города пройти!» —
— Астрахань-то, славну-мати, — пройдемъ съ вечера,
Царицынъ городочекъ во глуху полночь,
Саратовъ и Дубовку на бѣлой зарѣ,
А Самарѣ городишкѣ не поклонимся,
Въ Жигулинскихъ горахъ остановимся;
Колышки вколотимъ кленовые,
А причалами причалимся шелковыми,
Атаманушку Иванушку сведемъ подъ руки.
Эсаулушко Никитушка и самъ сойдетъ.

Напечатана въ «Сборникѣ пѣсенъ Самарскаго края» В. Варенцова. С.-Пб. 1862 г., № 5, стр. 229.

Саратовской губерніи.

322.

Ай внизъ по матушкѣ по Волгѣ, внизъ по быстрою рѣкѣ,
Туто плыла выплывала легка лодочка красна́;
Какъ на лодочкѣ гребцовъ молодцовъ пятьдесятъ пять человѣкъ,
Посередь лодки хозяинъ разудалый молодецъ,
Онъ по имени Михайло былъ Стеньки Разина сынокъ.
Онъ воскликнулъ, онъ возгаркнулъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Да подварачивайте, ребята, ко крутому бережку,
Ко крутому бережечку, ко желтому ко песку,
Ко желтому ко песочку, ко низовой сторонѣ,
Ко низовою сторонкѣ, славной Астрахани». —
Ай да безъ опасочки молодчикъ вдоль по улицѣ идетъ.
Знать зеленъ сафьянъ-сапожки на бума́жныихъ чулкахъ,
Черну шляпу съ позументомъ на право́мъ ухе́ несетъ,
Черный бархатный чапанчикъ на распашечку идетъ,
Персидскій кушачишко свой во лѣво́й рукѣ несетъ,
Со серебряной тросточкой опирается-идетъ;
Онъ ни штатамъ, генераламъ не кланяется никому.
Астраханскому губернатору онъ челомъ не бьетъ,
Онъ челомъ ему не бьетъ, самъ подъ судъ къ нему нейдетъ—
Увидалъ Астраханскій губернаторъ изъ хрустальнаго окна,
Закричалъ-же губернаторъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ, и есть-ли у меня лёгки, царскіе слуги?
Вы подите, приведите удалого молодца»!
Подскочили, подхватили ровно три полка солдатъ,
Подводили добраго молодца ко стекляннымъ воротамъ,
Ко стекляннымъ воротамъ, ко хрустальныимъ столбамъ. —
Какъ и сталъ-же губернаторъ крѣпко спрашивать его:
«Чей ты, откуда незнамый, незнакомый человѣкъ? . . .

Да ты скажи, скажи, молодчикъ: чьего роду-племени.
Изъ Москвы-ли ты торговецъ, или со Дону казакъ»? —
— «Я ни съ Москвы торговецъ, ни со Дону казакъ.
Я со Камы, со рѣки Стенькя Разина сынокъ.
Охъ, я по имени Михайло Стеньки Разина сынокъ.
Охъ, заутра знать мой батюшка хотѣлъ въ гости къ тебѣ побывать;
Ты сумѣй, сумѣй-ка, губернаторъ, встрѣтити его,
Изловчись ты, губернаторъ, поподчивати его»! —

Записана 24 янв. 1899 г. отъ кр. с. Кутьина, Петровскаго у.: И. Бабушкина и В. Мальцева. Напечатана въ брошюрѣ М. Е. Соколова «Пѣсни А. С. Пушкина и крестьянъ Саратовск. г. о Стенькѣ Разинѣ». Саратовъ, 1902 г., стр. 7, № 8.

Саратовской губерніи.

323.

Какъ по городу по Астрахани проявился здѣсь молодчикъ, разудала его голова.
Чисто, щепетко-ли онъ по городу похаживаетъ,
Онъ со штатами, да онъ съ офицерами не кланяется, да онъ идетъ.
Астраханскому да онъ губернатору онъ подъ судъ къ нему не йдетъ.
Астраханскій губернаторъ господинъ-же на крылечикъ да онъ выходилъ.
Закричалъ нашъ губернаторъ своимъ громкимъ голосомъ:
Вы ребята, вы, мои ребята, удалые да вы молодцы.
Вы подите, приведите удалого ко мнѣ молодца,
Удалого ко мнѣ молодца, душу астраханца!
Я спрошу его молодчика: ты откудова, чей такой?»
— Я ни съ Питеру молодчикъ, ни съ матушки да я со Москвы.
Ой да я ни съ матушки со Москвы, и ни съ тихà Дону-ли я казакъ.

Ой да ни съ тиха̀ Дону я казакъ, а Стеньки Разина ро́дный сынъ»...
Внизъ по матушкѣ по Волгѣ, по быстрой по рѣкѣ,
Какъ по быстрой по рѣкѣ легка лодочка плыветъ,
Какъ на этой на легкой на лодкѣ два молодчика сидятъ,
Два молодчика сидятъ, про разлуку они говорятъ:
«Да ты разлука, ты неволя, чужа дальня сторона,
Разлучила чужа дальня сторона съ отцомъ, съ матерью меня!
Ахъ, да ты прощай-ка, прощай, губернаторъ господинъ!
Стенька Разинъ здѣсь сидитъ одинъ, Ванька Каинъ еще товарищъ съ нимъ.

Записана 5 іюля 1899 года отъ крестьянъ-великоруссовъ слободы Елани Аткарскаго у.: Ѳ. Панжина и В. Ананьева. Напечатана въ брошюрѣ М. Е. Соколова «Пѣсни А. С. Пушкина и крестьянъ Саратовской г. о Стенькѣ Разинѣ». Сарат. 1902 г., стр. 12, № 12.

Саратовской губерніи.

324.

Изъ-за лѣсику, лѣсику, лѣсочику тёмнаго,
Вылетала вотъ птица камская,
Птица камская, летѣла она изъ Уральскаго;
Во когтяхъ-то она несетъ бѣлу рученьку,
Бѣлу рученьку она несетъ со златымъ перстнемъ.
Какъ садилася эта птица она всё на сы́рой дубъ,
Всё на сы́рой-отъ она на дубокъ только надъ Крякой рѣкой,
Надъ Крякой-то всё она рѣкой, надъ Волгой матушкой;
Уронила она эту рученьку во Кряку рѣку,
Во Кряку всё рѣку, Волгу матушку.
Вдоль по бережку туто шли красны дѣвушки;
Увидала эту рученьку Стешка дѣвушка:
Охъ, эта права рученька вотъ мово́ милова дружка,
Всё мила́-то вотъ мово дружка, Стеньки Разина;
Знать мово-то всё мила́ дружка, его во живыхъ нѣту;

Охъ растерзала его тѣло бѣло по дикой степи,
Охъ по дикой-то степи по саратовской!»

Записана 15 февраля 1900 г. отъ крестьянки с. Коневки Петровскаго у. Д. И. Марковой. Напечатана въ брошюрѣ М. Е. Соколова «Пѣсни А. С. Пушкина и крестьянъ Саратовской губ. о Стенькѣ Разинѣ». Саратовъ. 1902 г., стр. 13, № 13.

Саратовской губерніи.

325.

Охъ, мы пойдемъ-те-ка, братцы, на круты горы гуляти,
Охъ, мы поглядимъ-те, братцы, внизъ по Волгѣ!
Ой д'ужь что-то, что это у насъ сдѣлалось на Волгѣ?
Солучилось, сдѣлалось большое вотъ несчастье.
Несчастьице сдѣлалось большое, вотъ не малое!
Не чернымъ... не чернымъ-то зачернѣлось, зачернѣлось,
Зачернѣлись, зачернѣлись у насъ два стружечика,
Эй два стружечка они черные, оба смолявые,
Смолявые стружки были воровскіе, воровскіе...
Охъ, какъ въ одномъ-то стружечкѣ самъ Степанъ гулялъ,
Да не одинъ Стенюшка гулялъ, — совсѣмъ со-съ приборомъ
Со-съ приборомъ Стенюшка гулялъ, со друзьями,
Со друзьями Стенюшка гулялъ, со ворами,
Вотъ со донскими Стенюшка гулялъ съ казаками.
Какъ мы черненькій ярокъ прогребали, прогребали,
Какъ къ Астрахани городу подъѣзжали, подъѣзжали,
Къ Астраханскому мы городочку, городочку,
Ко желтому мы ко песочку, ко песочку...
Ой, да вотъ никто-же Стенюшку не узнаетъ,
Никто Стенюшку не узнаетъ, не признаетъ, —
Какъ признавали Стенюшку два солдата,
Преображенскаго полку два офицера.

Записана 30 іюня 1897 года отъ крестьянъ села Кутьина Петровскаго у.: И. А. Бабушкина, М. К. Борисова и В. Л. Мальцева. Напечатана въ брошюрѣ М. Е. Соколова «Пѣсни А. С. Пушкина и крестьянъ Саратовской г. о Стенькѣ Разинѣ» Сарат. 1902 г., стр. 5, № 6.

Саратовской губерніи.

326.

Ой, внизъ по матушкѣ по Волгѣ мы пойдемъ-те, братцы, гуляти,
Ой, да мы пойдемъ-те, погуляемъ-те, братцы внизъ по Волгѣ рѣкѣ!
Охъ, что это на Волгѣ на рѣкѣ сдѣлалось?!
Сдѣлалось несчастьице большое!...
Не чернымъ-то черно зачернѣлось,
А да зачернѣлись да два стружечика,
Ни такіе стружечики были, — смолявые,
Смолявые стружечики были воровскіе...
Какъ въ одномъ-то стружечикѣ самъ Степанъ гулялъ.
Охъ, ни одинъ Степанъ гулялъ, — со-съ приборомъ,
Со-съ приборомъ Стенюшка гулялъ, со ворами,
Со ворами Стенюшка гулялъ, со друзьями,
Со друзьями, все съ донскими казаками!
Вотъ никто-то Стенюшку не признаетъ, —
Какъ признавали Стенюшку два солдата,
Два сòлдата, два офицера преображенскаго полка!

Записана М. Е. Соколовымъ отъ И. А. Бабушкина. Напечатана въ его сборникѣ «Былины, историч. пѣсни, разбойнич. и воровск. Саратовской губ.». Петровскъ. 1896 г., стр. 10, № 8.

Саратовской губерніи.

327.

Ой какъ внизъ по матушкѣ по Волгѣ внизъ по быстрой рѣкѣ (народн. рикѣ), —
Туто плыла, выплывала лёгка лодочка красна;
Какъ на этой на лодочкѣ гребцовъ молодцовъ пятьдесятъ пять человѣкъ,
Посреди лодки хозяинъ разудалый молодецъ,
Онъ по имени Михайло Стеньки Разина сынокъ.
Онъ воскликнулъ, онъ возгаркнулъ своимъ яснымъ, громкимъ голосомъ:

«Подворачивайте, ребятушки, ко крутому бережку,
Ко крутому бережечку, ко желтóму ко песку,
Ко желтóму ко песочку, ко низóвой сторонѣ,
Ко низóвой сторонкѣ, славной Астрахани». —
Ай да безъ опасочки молодчикъ вдоль по городу идётъ,
Знать зелёнъ сафьянъ-сапожки на бумажныихъ чулкахъ.
Черну шляпу съ позументомъ на правóмъ ухѣ́ несётъ,
Изорватный (вар. разорватный) кушачишко свой во лѣвóй
рукѣ несётъ.
Черный бархатный чапанчикъ на распашечку идётъ
Со серебряной тросточкой опирается-идетъ;
Онъ ни штатамъ, генераламъ не кланяется,
Астраханскому губернатору онъ челомъ не бьётъ,
Онъ челомъ ему не бьётъ, самъ подъ судъ къ нему нейдётъ.
Увидалъ астраханскій губернаторъ изъ хрустальнаго окна.
Закричалъ-же губернаторъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ и есть-ли у меня лёгки царскіе слуги?
Вы подите, приведите удалого молодца». —
Подскочили, подхватили ровно три полка солдатъ,
Подводили добраго молодца ко стеклянныимъ воротамъ,
Ко стеклянныимъ воротамъ, ко хрустальныимъ столбамъ.
Какъ и сталъ-же губернаторъ крѣпко спрашивать его:
«Чей ты, откуда незнамый, незнакомый человѣкъ? . . .
Да ты скажи, скажи, молодчикъ: чьего роду-племени? —
«Я со Камы со рѣ́ки (народн. са рикѐ) Стеньки Разина былъ
сынокъ,
Охъ, я по имени Михайло Стеньки Разина сынокъ.
Охъ, знать по утру будетъ батюшка,
Хотѣлъ въ гости къ тебѣ (народн. къ тибѣ) побывать;
Ты сумѣй, сумѣй, губернаторъ, сумѣй встрѣтити его.
Эхъ, изловчись ты, губернаторъ, поподчивати его!» —

Записана въ 1895 г. отъ крест. И. А. Бабушкина, М. К. Токарева и В. Л. Мальцева. Напечатана въ сборникѣ пѣсенъ (былины, историч. пѣсни и т. д.) Саратовской губ. М. Е. Соколова, стр. 11. № 9. Петровскъ. 1896 г.

Астраханской губерніи.

328.

1 Запѣвъ. Какъ у насъ-то было на тихомъ Дону въ славномъ
Хоръ. Городѣ Черкасскіимъ.
2 З. Породился, появился
Х. Удалой-то тамъ казакъ,
По прозванью Степанъ Тимофеевичъ.
3 З. Степанъ Тимофеевичъ.
Х. Въ войсковую канцелярію
Онъ совсѣмъ не хаживалъ.
4 З. Онъ совсѣмъ не хаживалъ.
Х. Съ казаками-то во кругу
Думъ горькіихъ онъ не думывалъ.
5 З. Думъ горькіихъ не думывалъ.
Х. Какъ ходилъ-то онъ во царевъ кабакъ,
Степанъ Тимофеевичъ.
6 З. Степанъ Тимофеевичъ.
Х. Думалъ думушку со своей голью,
Онъ голью голытьбою.
7 З. Онъ голью голытьбою.
Х. Ты, голытьбушка-ли моя,
Голь моя разбезсчастная!
8 З. Голь моя несчастная.
Х. Собирайся-ка ты, голытьбушка,
На сине море гулять.
9 З. На сине море гулять.
Х. Разнесемъ-ка мы по бревнушкамъ
Кораблики басурманскіе.
10 З. Корабли-то вражіе,
Х. Побываемъ мы погуляемъ
На Волгѣ широкой рѣкѣ.

Записана въ 1902 г. А. А. Догадинымъ въ Александровской ст. отъ Л. В. Блинова и др.; въ Красноярской ст. отъ бр. Агаповыхъ С. И. Г. и др.; въ Пи-

чуженской ст. отъ бр. Прокоповыхъ и А. А. Горшенева и др. Напечатана въ сборн. А. А. Догадина: «Былины и пѣсни Астраханскихъ казаковъ», Вып. I, стр. 37.

Астраханской губерніи.

329.

1 Запѣвъ. Быстрехонько
Хоръ. Течетъ Уралушка, Уралъ славная рѣка.
А сверхъ-того Уралушки, сверхъ-то Горыныча.
2 З. Сверхъ Горыныча.
Х. Бѣгли, выбѣгали астрахански три повы стружки.
Какъ одинъ-то изъ нихъ-то стружечушко.
3 З. Стружечушко.
Х. Впередъ всѣхъ выбѣгалъ, какъ ясенъ соколъ вылеталъ.
Изукрашенъ былъ стружечушко лучше, краше всѣхъ.
4 З. Лучше, краше всѣхъ.
Х. По бокамъ-то у него мѣдныя все пушечки.
Посреди было стружечушка — золотой бунчукъ.
5 З. Золотой бунчукъ.
Х. Какъ подъ бунчукомъ стояла дубова скамья.
На скамьѣ сидѣлъ донской, воровской атаманушка.
6 З. Атаманушка.
Х. По имени Степанъ Разинъ Тимофеевичъ.
Ужъ онъ рѣчь возговорилъ, какъ въ трубу-то вострубилъ.
7 З. Въ трубу вострубилъ.
Х. Ужъ вы грянъте-ка, ребятки, удалые казаки,
Вдоль по батюшкѣ-Уралушкѣ, по славной рѣкѣ.

Записана А. А. Догадинымъ въ 1902 г. въ Сѣроглазинской ст. отъ А. М. Дѣдова и др. Напечатана въ «Былинахъ и пѣсняхъ Астраханскихъ казаковъ» А. А. Догадина, Вып. I, стр. 20.

Астраханской губерніи.

330.

1 Запѣвъ. Течетъ Яикъ быстрехонько
Хоръ. Урываючи круты бережки;
Желты пески сыпучіе все по верхъ воды, сверхъ воды несетъ.
2 Все по верхъ-то воды онъ несетъ.
Ни сверхъ было Яика, ни сверхъ было Горыныча было самаго.
3 Сверхъ Горыныча было самаго.
Не сѣрые гуси тамъ все возгоковали, возгоковали.
4 Возгоковали. Не черные тамъ,
Черны тамъ три ворона возлетывали, возлетывали.
5 Изъ устьица тамъ выбѣгали три стружка.
Одинъ изъ нихъ стружекъ напередъ всѣхъ выбѣгалъ, впередъ выбѣгалъ.
6 Впередъ онъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ.
Ужъ какъ этотъ-то стружечекъ изукрашенъ былъ, изукрашенъ былъ.
7 Изукрашенъ былъ знаменами онъ,
Дубовыми весельцами, копьями, ровно лѣсомъ усаженъ.
8 Середь этого все стружечушка
Золотой бунчукъ стоитъ, а подъ бунчукомъ сидитъ атаманушка.
9 Атаманушка Степанъ, по имю Степанъ Разинъ.
Ужъ онъ громко рѣчь возговорилъ, онъ возговорилъ.
10 Онъ возговорилъ, какъ въ трубу протрубилъ.
«Ужъ вы гряньте-ка, ребята, ко городу Гурьеву, да ко Гурьеву.
11 Къ крутому его, его бережку.
Мы стружечки причалимъ и положимъ сходенки на крутъ бережокъ.
12 И по сходенкамъ сошелъ воровской.
Сошелъ на берегъ душа воровской атаманушка, атаманушка.
13 «Вы пойдите доложите своему

Атаманушкѣ: жаловалъ, молъ, къ нему въ гости Степанъ Тимофеевичъ.
14 Я пріѣхалъ къ вамъ не пить, не гулять,
Не баталище съ вами заводить, а святымъ храмамъ поклонитися.
1 Поклонитися и молебенъ отслужить.
Воротички отворились и пустили Стенюшку со ватагою.

Записана А. А. Догадинымъ въ 1902 г., въ Ветлянинской ст. отъ И. Е. Сотникова, А. С. Дивина и другихъ. Напечатана въ «Былинахъ и пѣсняхъ Астраханскихъ казаковъ», А. А. Догадина, Вып. I, стр. 19—20.

Астраханской губерніи.

331.

1 Запѣвъ. Вы пролейте-ка, дожди сильные!
Хоръ. :,: Вы размойте-ка стѣны каменны.
2 З. Стѣны каменны онѣ развалилися;
Х. :,: Всѣ разбойнички разбѣжалися;
3 З. На долинушку собиралися;
Х. :,: На колѣна они становилися.
4 З. На восходъ солнца Богу молилися.
Х. :,: Ты взойди, взойди, солнце красное!
5 З. Надъ горой взойди надъ высокою,
Х. :,: Надъ дубравушкой надъ зеленою.
6 З. Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныихъ,
Х. :,: Добрыхъ молодцевъ, насъ ты бѣглыихъ.
7 З. Мы не воры-то, не разбойнички,
Х. :,: Стеньки Разина мы работнички.

Записана А. А. Догадинымъ въ 1902 г. въ Копановской ст. отъ В. И. Лебедева и др.; въ Пичуженской ст. отъ А. А. Горшенева и др. — Напечатана въ «Былинахъ и пѣсняхъ Астраханскихъ казаковъ», А. А. Догадина, Вып. I, стр. 25.

Астраханской губерніи.

332.

1 Запѣвъ. Какъ во славномъ-то было во городѣ было
Хоръ. Въ городѣ Черкасскіимъ.
2 З. Въ городѣ Черкасскіимъ
Х. Ужъ какъ жили тамъ проживали
Да два братца родимые.
3 З. Два братца родимые.
Х. Въ войсковую они канцелярію
Они мало хаживали.
4 З. Они мало хаживали,
Х. Съ господами офицерами (они)
Мало разговаривали.
5 З. Мало разговаривали.
Х. Они думали крѣпку думушку
Со своей голытьбой.
6 З. Со своей голытьбой.
Х. Ты голытьба, наша голытьбушка,
Голь наша несчастная.
7 З. Голь наша несчастная.
Х. Собирайся-ка ты, голытьбушка,
Наша во единый кругъ.
8 З. Голь ты во единый кругъ.
Х. Во единомъ-то мы кружочкѣ
Станемъ думу думати.
9 З. Станемъ думу думати
Х. Передумамши крѣпку думушку,
Мы станемъ коней сѣдлать.
10 З. Станемъ мы коней сѣдлать.
Х. Осѣдламши-то своихъ добрыхъ коней,
Сядемъ да поѣдемъ.
11 З. Сядемъ да поѣдемъ мы.

Хоръ. Ужъ поѣдемъ мы за Кубань рѣку;
Тамъ живетъ орда богатая.
12 Запѣвъ. Тамъ орда богатая.
Х. Ужъ мы эту-то ордыночку
Выжгемъ ее, вырубимъ.
13 З. Выжгемъ ее, вырубимъ.
Х. Мы рогатую всю скотинушку
Ее всю повырѣжемъ.

Записана А. А. Догадинымъ въ 1902 г. въ Александровской ст. отъ Д. П. Забурунова и другихъ; въ Александро-Невской ст. отъ А. И. Догадина и другихъ. — Напечатана въ «Былинахъ и пѣсняхъ Астраханскихъ казаковъ», А. А. Догадина, Вып. I, стр. 17—18.

Астраханской губерніи.

333.

1 Запѣвъ. Какъ во славномъ было городѣ во Астрахани
Хоръ. Во Астрахани.
Проявился тамъ удалъ добрый молодецъ, добрый молодецъ.
2 З. Щепетнехонько и моднехонько онъ во городѣ
Х. Погуливаетъ.
Свою шляпочку кабардиночку носитъ на правомъ ушкѣ.
3 З. Свой кафтанчикъ онъ черна бархата на распашечку.
Х. Молодецъ несетъ
А персидскую опоясочку несетъ во лѣвой рукѣ.
4 З. Онъ со штабами съ офицерами не кланяется,
Х. Не кланяется.
Астраханскому Губернатору на судъ, на судъ не идетъ
5 З. Выходилъ губернаторъ на высокій красный крылецъ.
Х. На красный крылецъ.

Какъ воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ своимъ,
Громкимъ голосомъ.
6 Запѣвъ. «Ужъ вы слуги мои-то, слуги вѣрные мои».
Хоръ. Слуги вѣрные!
Приведите мнѣ удалъ добра молодца, добра молодца.
7 З. Ужъ какъ взяли-то молодца во царевомъ кабакѣ.
Х. Взяли въ кабакѣ,
Ужъ какъ сталъ его губернаторъ крѣпко спрашивать,
Крѣпко спрашивать.
8 З. «Ты скажи мнѣ, скажи, дѣтинушка, незнамъ человѣкъ;
Х. Не знамъ человѣкъ!
Астраханскій-ли, или съ Дону ты́ казакъ разудаленькій?»
9 З. «Я не съ Дону казакъ и не изъ славной Астрахани.
Х. Да Астрахани.
Я съ Камышинки Стеньки Разина сынокъ, я съ Камышинки».
10 З. Ужъ как̀ъ взяли тутъ, повели удалого молодца,
Х. Взяли молодца.
Посадили тамъ во крѣпку, темну тюрьму, во застѣночекъ.

Записана А. А. Догадинымъ въ 1902 г. въ Ветлянинской ст. отъ А. Ф. Мартемьянова и другихъ. — Напечатана въ Сборникѣ А. А. Догадина «Былины и пѣсни Астраханскихъ казаковъ», Вып. I, стр. 18—19.

Владимирской губерніи.

334.

Въ славномъ городѣ во Астраханѣ
Очутился, скажемъ, проявился
Тамъ незнамый человѣкъ.

Чисто-щепетно, скажемъ, погуливаетъ,
На ёмъ бархатный кафтанъ на распашку.
На распашку въ ёмъ идетъ,
Свой персицкой кушачекъ
Въ правой рученькѣ несетъ.
Перчаточки нови съ серебромъ
На ево бѣлыхъ рукахъ,
Черна шляпа съ палюмажемъ
На ево русыхъ кудряхъ.
Охъ онъ штапамъ-офицерамъ
Не кляняется, идетъ,
Для мелкiихъ господъ —
Пуховой шляпы нё мнéтъ,
А самому, скажемъ, губернатуру
И челомъ ему не бьетъ.
Губернатуръ, скажемъ, господинъ
На крылечко выходилъ.
Закричалъ, скажемъ, губернатуръ
Громкимъ голосомъ своимъ;
— Ой вы слуги, služки вѣрные мои.
— Вы подите, служки, приведите
Незнамова молодца. —
Его взяли, подхватили
И къ допросу повели.
Охъ, становили, скажемъ, молодца
Близь параднаго крыльца.
Охъ губернатуръ, скажемъ, господинъ
На крылечко выходилъ,
Таки рѣчи говорилъ:
— Чей, откуда, разскажи, мальчишка,
— Чей незнамый молодецъ,
— Охъ не съ Москвы-ли ты купецъ,
— Не купечецкой-ли сынъ,
— Аль не съ Дону-ли казакъ,

— Не казаческой-ли сынъ?..
«Охъ не съ Москвы-ли я купецъ,
«Не купечецкой я сынъ,
«А я съ Дону не казакъ,
«Не купеческой я сынъ,
«Я со матушки со Волги,
«Я со Камы со рѣки,
Стеньки Разина сынокъ. —
— Вы возьмите только, мои слуги
— Въ бѣлой каменной острогъ. —
«А ты послушай, скажемъ, губернатуръ,
«Одно слово мнѣ сказать:
«Будто батюшка мой родимой,
«Заутра хотѣлъ быть,
«Ты умѣй-ка ево встрѣтить,
«Умѣй потчивать ево,
«Да изъ комнаты пойдетъ,
Умѣй двери затворить».
Приказалъ, скажемъ, губернатуръ
Вдоль по улицѣ пустить.
Охъ на утро, рано на зарѣ,
Легка лодочка плыветъ,
Какъ во этой во лодочкѣ
Ровно тридцать молодцовъ,
Ну а тамъ, въ самой середкѣ,
Атаманъ-ли ихъ сидитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
Вы послушайте, скажемъ, ребята,
Что я буду говорить,
Охъ будто чадо мое, чадо милое,
Въ бѣлой каменной тюрьмѣ».
— Не печался, нашъ атаманъ господинъ,
— Охъ бѣлой каменной острогъ
— По кирпичику разберемъ,

— Астраханскаго, скажемъ, губернатура
— Во полонъ ево возьмемъ. —

Записана въ Харьковѣ отъ плотника изъ Владимірской губ. 13 апрѣля 1875 г. Сообщалъ И. И. Манжура. — Напечатана въ Русской Старинѣ 1878 г., т. XXII, стр. 462—463.

Тамбовской губерніи.

335.

Какъ не буйны вѣтры въ чистомъ полѣ бушевали,
Бушевала бѣла грудь красной дѣвицы,
Раздиралось ретиво́ сердечко у молодушки,
Тосковала красна дѣвица по любовничку,
Возрыдала еще я, голубушка, по обманщику;
Въ возрыданьицѣ она рѣчи молвила:
«Ахъ, на что меня родители поро́дили,
«А на что меня на свѣтъ пу́стили?
«Для того ли, чтобъ кручиниться,
«Для того ли, чтобъ мнѣ вѣкъ печалиться?
«Какъ и былъ у меня милъ сердечный другъ,
«Онъ любилъ меня и жаловалъ,
«Много злата, серебра обѣщивалъ,
«Онъ частёхонько говаривалъ:
«Я куплю тебѣ, дѣвица, цвѣтно платье,
«А на шею твою бѣлу жемчужны жере́лья [1]),
«На головушку твою золотой повойникъ,
«Я сострою те [2]), дѣвица, каменны палаты,
«Я поставлю во палатахъ кровать тесовую,
«На кроватку положу перину пуховую,
«Я покрою постелюшку одѣяломъ соболинымъ;
«Я частенько буду, дѣвица, къ тебѣ ѣзжати
«И со Волги со разбою буду отдыхати.

---

1) Ожерелья.
2) Тебѣ.

«А уѣхалъ злой разбойникъ — со мной не простился,
«Ужь и съ той поры злодѣй со мной не водился.
«И не вѣдала я дѣвица ровно десять лѣтъ,
«Гдѣ злодѣй живетъ, гдѣ разбойничаетъ?
«Услыхала я дѣвица на одинадсятый годъ,
«Что поймали разбойничка на большой Волгѣ рѣкѣ,
«Допросили разбойничка изъ какого роду—племени онъ былъ?
«Показалъ злодѣй-разбойникъ, что онъ Стеньки Разина
былъ сынъ».

Напечатана въ 7 вып. «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 42—43, съ помѣткою «Моршанскаго у., село Соколовка».

Орловской губерніи.

336.

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою да надъ высокою,
надъ высокою;
Надъ дубравою надъ зеленою,
Надъ долиною надъ широкою,
надъ широкою!
Освѣти ты насъ, добрыхъ мо́лодцевъ:
Мы не воры да не разбойнички,
не разбойнички,
Мы не воры да не разбойнички,
Стеньки Разина мы помощнички,
мы помощнички.
Какъ мы строили церковь славную,
Церковь славную, седмиглавную,
седмиглавную.

Записана М. А. Стаховичемъ въ Орловской губ., потомъ напечатана имъ съ варіантами и съ музыкою въ «Собр. Р. нар. пѣсенъ», 1854 г. Перепечатана П. А. Безсоновымъ въ Приложеніяхъ къ 7-му вып. «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 155.

Калужской губерніи.

337.

Вы лѣса мои лѣса, братцы, лѣсочики, лѣса темные!
Вы кусты ли мои, братцы, мои кусточки, кусты частые!
Вы станы ли мои—вы, мои братцы, станочки всѣ вы(о)разорены!
Какъ и всѣ мои, братцы, лѣсочки, всѣ порублены:
Какъ и всѣ-то мои, братцы, кусточки всѣ повыжжены:
Какъ и всѣ-то мои, братцы, товарищи, всѣ половлены!
Какъ одинъ изъ насъ, братцы, товарищей не пойманный.
Не пойманъ изъ насъ, братцы, товарищь нашъ Стенька Разинъ сынъ;
Выходилъ же тутъ Стенька Разинъ сынъ на Дунай-рѣку,
Закричалъ же тутъ Стенька Разинъ сынъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Какъ и всѣ-то вы, мои братцы товарищи, всѣ половлены!
«Вы возьмите-тко, мои братцы товарищи свой тугой лукъ,
«Натяните-тко, братцы мои товарищи, калену стри(ѣ)лу
«Прострилите-тко, братцы товарищи, грудь мою бѣлую!»

Записана въ д. Андроновское, Лихвинскаго у. Напечатана въ Сборникѣ «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», вып. 7, стр. 40—41.

Смоленской губерніи.

338.

Разлилася матя Волга
Пу широкыму раздольлю,
Пу ўсимъ па мхамъ, пу балотамъ,
Па сяннымъ, братцы, пакосамъ,
Мы устанемтя, рибяты,
Па утру, ранымъ-раннька,

Мы умыимся, рибяты,
Ключавой вадой халодныю,
Мы утрёмтися, рибяты,
Тонкимъ бѣлымъ палатномъ,
Мы памолимся, рибяты,
Старавѣрскыму чудатворцу,
Мы паѣдимтя, рибяты,
Ки горыду Астрахану,
Ки горыду Астрахану,
Ки заутрени, сабору!
Нихто насъ ня услышить,—
Нихто насъ тамъ ня увидить,—
Вотъ и ўслышить, вотъ и ўвидить
Адна дѣўка Астраханка.
Приказалъ намъ ваявода
Варотики запирати,
На развалъ пушки катати
Сеньку Разина стрѣляти.
— «И вы палитя, ни палитя,
И сваей силы ни губитя
Мяне пушичка ня вóбьеть,
Мелкая ружичка ня возьметь:
А толька вобьеть и возьметь
Адна дѣўка Астраханка,—
Вотъ она мяне ссушила
И животъ-серца сукрушила».

Записана отъ кр. Григорьева В. К. Добровольскимъ въ с. Радошковѣ, Ельнинскаго у. Напечатана въ «Смоленскомъ Этнографическомъ Сборникѣ», ч. IV, стр. 615.

---

* * *

339.

На зарѣ-то было, братцы, на утренней.
На восходѣ краснаго солнышка,
На закатѣ свѣтлова мѣсяца,
Не соколъ леталъ по поднебесью,
Ясаулъ гулялъ по насадику;
Онъ гулялъ, гулялъ, погуливалъ,
Добрыхъ молодцевъ побуживалъ:
«Вы вставайте, добры молодцы,
«Пробужайтесь, козаки Донски!
«Нездорово на Дону у насъ,
«Помутился славной тихой Донъ,
«Со вершины до черна мбря
«До черна моря Азовскова,
«Помѣшался весь козачей кругъ;
«Атамана больше нѣтъ у насъ,
«Нѣтъ Степана Тимоѳеевича,
«По прозванью Стеньки Разина;
«Поимали добра молодца,
«Завязали руки бѣлыя,
«Повезли во каменну Москву,
«И на славной Красной площади
«Отрубили буйну голову».

Напечатана изъ «Новиковскаго пѣсенника» въ 7-мъ вып. «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 40—41.

---

* * *

340.

Что да на матушкѣ на Волгѣ не черны́мъ да зачернѣлось,
Не чернымъ да зачернѣлось, не бѣлымъ да забѣлѣлось,

Зачернѣлися на Волгѣ Черноярскіе стружечки,
Забѣлѣлися на мачтахъ тонкіе-бѣлые парусочки.
Что не черной воронъ гаркнулъ, что возговоритъ Стенька Разинъ:
«Охъ вы гой еси, козачье наше вольное собранье!
«Вы гребите не робѣйте, бѣлыхъ ручекъ не жалѣйте,
«Намъ бы Астрахань городъ ополноче бы пробѣжати,
«Черноярской городочикъ что на утренней на зорѣ,
«Чтобъ никто насъ не увидѣлъ и никто бы не услышалъ».
Какъ одинъ, братцы, увидѣлъ и одинъ, братцы услышалъ,
Господинъ большой бояринъ, черноярской воевода:
Шолъ онъ раннія отъ обѣдни, велѣлъ въ колоколъ звонити,
Велѣлъ въ колоколъ звонити во большой во набатной,
Чтобъ стрѣльцы да собиралися, пушкари бы снаряжались,
Они пушки бы заряжали и по Стенькѣ бы стрѣляли.
Што возговоритъ Стенька Разинъ городскому да воеводѣ:
— И вы пороху не теряйте и снарядовъ не ломайте,
— Меня пулечка не тронетъ, меня ядрышко не возметъ.—
Что метался Стенька Разинъ на угольную на башню,
Со великова раскату воеводу долой зброcилъ,
Ево маленькихъ дѣтокъ онъ всѣхъ за ноги повѣсилъ.

Напечатана въ 7-мъ вып. «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 148, — изъ «Старшаго пѣсенника» Трутовскаго, ч. III.

---

* * *

341.

Что пропились, робятушки, промоталися,
Во косточки и въ карты проигралися:
На что-то мы, робята, понадѣялись?
Понадѣялись робятушки на синё море,
Что на си́нее на мо́ре на Хвалынское!

Соберёмтесь же, робята, во единый кругъ.
И мы срядимте, робята, легку лодочку,
Еще лёгкую ли лодочку—семисáженну,
Какъ мы грянемте [1], робята, вдоль синя́ моря,
Вдоль синя моря вдоль Хвалынскаго,
Мы пристанемте, робята, къ круту бережку,
Какъ взойдёмте жь [2] мы, братцы, на круту́ гору.
Поглядимте мы, робята, на синё море:
Каково-то наше море становилося?
Что ни чѣмъ наше Хвалынское не ворохнется:
Замерзало наше сýдно въ воровскихъ островахъ.
Потянула тутъ погода со святой Руси,
Какъ взломало [3] наше море изъ конца въ конецъ,
Выплываетъ наше сýдно изъ [4] воровскихъ островов.
И мы взяли это судно да поѣхали,
Что разъѣхавшись робята роззавóдились [5].

Напечатана въ Приложеніяхъ къ 8-му выпуску «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго» съ помѣтою: «Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій», стр. 315.

---

* *
*

342.

Какъ изъ славнаго царства Астраханскаго.
Что не грозная тутъ туча подымалася:
Подымалась-снаряжалась грозна высылка,
Что разъѣздъ она держитъ до Кругла острова,
До славнаго пристанища молодецкаго,
До соборища бурлацкаго, до притону ли козацкаго.

---

1) Выраженіе объяснено выше.
2) Должно быть «же».
3) Безлично.
4) Д. б. «зъ, съ».
5) Раззавелись, снова завелись и обзавелись добычей.

Козаки тамъ сидя догадалися,
Что во легкія во лодки пометалися,
Одного ли добра мо́лодца покинули,
Что не лучшаго ль изъ мо́лодцевъ ясáула.
Добрый молодецъ по острову похаживаетъ,
И онъ добрую свою фузею за плечамъ носитъ,
И онъ острою своею саблей подпирается,
Самъ горю́чими слезами обливается.
Онъ вскричалъ ли-возопилъ ли громкимъ голосомъ:
«Государи мои, братцы товарищи!
«Не покиньте добраго мо́лодца при бѣдности:
«Ужь какъ въ нѣкоторо время пригожусь, братцы, вамъ,
«Замѣню я вашу смерть животомъ моимъ,
«Животомъ моимъ и грудью бѣлою!»
Какъ товарищи отъ мо́лодца уѣхали:
Поимáли молодца на островѣ.

Напечатана въ Приложеніяхъ къ 8-му выпуску «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, стр. 316, съ помѣтою «Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій».

---

* * *

343.

У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
На тихомъ Дону, во Черкасскомъ городу,
Породился удалый добрый молодецъ,
По имени Степанъ Разинъ Тимоѳеевичь.
Во казачей кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами казаками думу не думывалъ;
Ходилъ-гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голудбою:
«Судари мои, братцы, голь кабацкая!
«Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять,
«Разобьемте, братцы, бесурмански корабли,

«Возьмемъ мы, братцы, казны сколько надобно.
«Поѣдемте, братцы, въ камениу Москву,
«Покупимъ мы, братцы, платье цвѣтное,
«Покупивши цвѣтно платье, да на низъ поплывемъ.

Напечатана въ Сборникѣ «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», вып. 7, стр. [illegible], съ помѣтою. «Новиковскій Пѣсенникъ».

---

* *
*

344.

На маткѣ Волгѣ
Не бѣлымъ забѣлѣлось,
Не чернымъ зачернѣлось:
Зачернѣлись на Волгѣ,
Зачернѣлись на маткѣ
Черногорскіе стружечки;
Забѣлѣлись на Волгѣ,
Забѣлѣлись на маткѣ
Полотняны парусочки.
На стружечкахъ сидятъ ребята,
Удáлы дóбры мóлодцы;
Атаманомъ у нихъ Стенька,
По прозванью Степанъ Разинъ.
Возговоритъ Стенька
По прозванью Степанъ Разинъ:
«Охъ! вы гой еси ребята,
«Удáлы, дóбры мóлодцы!
«Работайте, не робѣйте,
«Бѣлыхъ ручекъ не жалѣйте.
«Во полночь бы намъ, ребята,
«Астрахань-городъ проѣхать;
«Никто бы насъ не (у)видѣлъ,
«Да никто бы насъ не услышалъ.
«Одинъ-то насъ увидѣлъ

«Астраханскій губернаторъ,
«У заутрени стоя
«У Николы-чудотворца,
«Изъ окошечка глядя.»

---

* * *

345.

Какъ во славномъ было городѣ во Астраханѣ
Очутился, проявился тутъ незнамый человѣкъ —
Онъ незнамый-незнакомый и не вѣдано отколь.
Чисто щепетко по городу погуливаетъ:
Черный бархатный кафтанчикъ на могучіихъ плечахъ,
Черна шляпа съ позументомъ на его русы́хъ кудряхъ
Съ Астраханскими купцами онъ не знается,
Астраханскому губернатору челомъ не бьетъ.
Какъ увидѣлъ молодца губернаторъ со крыльца:
«Ахъ вы гой еси, солдаты, слуги вѣрные мои!
«Вы подите, приведите удалаго молодца;
«Какъ мы станемъ его крѣпко спрашивати:
«Ты скажи, скажи, дѣтина, чей, откудова незнамый человѣкъ —
«Съ Дону ли ты казакъ, или казачій сынъ,
«Или съ матушки Москву разу́далый молодецъ?»
— Я не съ Дону казакъ, не казачій сынъ,
Я не съ матушки Москвы не разудалый молодецъ,
Я изъ Астрахани Стеньки Разина сынъ;
Ты изволь-ко его встрѣчать, изволь подчивати!
Ужь какъ внизъ-то было по Камѣ по рѣкѣ́,
Какъ плыла тутъ - выплывала легка лодочка косна,
Какъ во лодочкѣ во той немало людей
И немало - немного — пятьдесятъ человѣкъ;
Середи лодочки косной сидитъ нашъ воровской атаманъ;

Онъ повѣсилъ головушку на правую сторонушку,
Онъ потупилъ очи ясныя во мать во сыру землю.
Какъ не сѣрые (гуси?) привозгакнули,
Какъ возговорять-промолвятъ добры молодцы ему:
«Ты не плачь-не тужи, нашъ воровской атаманъ!»
— Ничево вы-то, братцы, не знаете, не вѣдаете:
Какъ мой-атъ сынъ во поимнѣ (поиманы) сидитъ —
Онъ во славномъ городѣ во Астраханѣ!
«Ты не плачь, не тужи, нашъ казачій атаманъ!
«Ужь мы сына твоего мы выручимъ,
«Астраханскаго губернатора мы выучимъ:
«Да гдѣ мы его найдемъ—тутъ въ огнѣ сожемъ!»

№№ 344—345 напечатаны въ 7 вып. «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 33—40, безъ указанія, гдѣ и кѣмъ онѣ записаны.

---

* * *

346.

Какъ во славномъ было городѣ во Астрахани,
Проявился тутъ дѣтинушка - незнамой человѣкъ:
Гордо - щепетко по городу погуливаетъ,
Черну шляпу съ позументомъ на правомъ ухѣ надѣлъ,
Чорный бархатный кафтанчикъ на распашечку несётъ,
А шелкóвый кушачокъ по землицѣ волочётъ.
Какъ увидѣлъ воевода изъ косящета окна,
Закричалъ онъ - завопилъ зычнымъ голосомъ своимъ:
«Гой вы слуги - молодцы́, вы ребятушки мои,
«Вы возьмите - приведите удалóго молодца!»
Какъ ведутъ-то молодцá — крыльцо зыбáется [1]),
А муравлены балясы [2]) разсыпаются
И ужь началъ воевода его спрашивати:

---

1) Дрожитъ колеблется.

2) Перила, по бокамъ для рукъ рѣзные «травчатые» столбики

«Ты скажи, скажи, дѣтинушко, уда́лый молодецъ,—
«Изъ Казани ты молодчикъ, или съ Астрахани,
Иль большо́го городочка — каменно̀й славной Москвы?»
— Не съ Казани я молодчикъ и не съ Астрахани,
— Не съ большого городочка — каменной славной Москвы:
— Я со Камы со рѣки — Стеньки Разина сынъ!—
Закричалъ тутъ воевода зычнымъ голосомъ своимъ:
«Поведите молодца̀ въ бѣлокаменну тюрьму!»
— Береги ты, воевода, буйну голову свою:
— Ужь какъ завтра къ тебѣ батюшка мой по́дъ городъ придетъ,
Ужь какъ завтра къ тебѣ будетъ онъ стрѣлы стрѣлять,
— На стрѣлахъ-то къ тебѣ будетъ онъ письмы писать.

Записана Н. А. Полевымъ, доставлена кн. Н. А. Церетелевымъ. Напечатана въ «Приложеніяхъ къ 8-му выпуску Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 317—318.

---

* * *

347.

Какъ далеченько-далеченько во чистомъ полѣ,
Да еще какъ подалѣй на синемъ морѣ
Какъ на синемъ морѣ было на Хвалынскомъ,
Что на славномъ было островѣ на Персидскомъ,
Собирались музуры, добры молодцы.
Они думушку гадали всѣ великую,
Думу крѣпкую гадали за единую:
««Вотъ кому изъ насъ, ребятушки, атаманомъ быть,
««Да кому изъ насъ, ребятушки, есауломъ слыть?
««Атаманомъ быть Степану Тимоѳеевичу,
««Есауломъ быть Василью Никитичу»».
Атаманъ рѣчь возговоритъ, какъ въ трубу трубитъ,
Есаулъ-то рѣчь возговоритъ, какъ въ свирѣль игратъ:

«Не пора ли намъ, ребята, со синя моря,
«Что на матушку на Волгу на быстру рѣку?»

Напечатана въ 7 вып. «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 138—139, безъ указанія кѣмъ и гдѣ она записана.

---

* *
*

348.

Какъ по матушкѣ по Волгѣ легка лодочка плыветъ,
Какъ во лодочкѣ гребцовъ ровно тридцать молодцовъ,
Посередь лодки сидитъ Стенька Разинъ сынъ.
Какъ возговоритъ онъ, Стенька, ко товарищамъ своимъ:
«Ужь и что-й-то это, братцы, мнѣ тошны́мъ тошно́,
«Мнѣ сегодняшній денечекъ грустнехонько?
«Какъ и знать-то мой сынокъ во неволюшку попалъ!
«Ужь я въ Астрахань зайду, — выжгу, вырублю,
«Астраханскаго воеводу я подъ судъ возьму».

Напечатана въ 7 вып. «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 144, безъ указанія, гдѣ и кѣмъ она записана.

---

* *
*

349.

Тихохонько сине море становилося,
Ничѣмъ наше Каспійское не шевельнулося.
Что осеннимъ ледочкомъ покрывалося:
Замерзъ-то нашъ воровской стружокъ.
Что на томъ ли на стружкѣ атаманъ сидитъ,
Что по имени Степанъ Тимоѳеевичъ,
По прозванью Стенька Разинъ сынъ.
Онъ рѣчь говоритъ, братцы, какъ въ трубу трубитъ:
«Ахъ вы гой еси, удалы-добры молодцы!
«Вы берите еловчатыя веселечки,

«Вы бейте-пробивайте тонкой осенней ледъ:
«Ахъ, какъ бы намъ добиться до тихихъ мѣстъ,
«Что до той ли до проточинки Червонныя,
«Что до славнаго до острова Кавалерскаго!
«Ахъ, тамъ ли вамъ, братцы, дуванъ дѣлить,
«Намъ отласу и бархату по размѣру всѣмъ,
«Золотой парчи по достоинствамъ,
«Жемчугу по молодечествамъ,
«А золотой казны сколько надобно».

Напечатана въ 7 вып. «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 140—141, безъ указанія, гдѣ и кѣмъ она записана.

---

* * *

350.

Ужь вы горы мои, горы!
Прикажите-ка, вы, горы,
Подъ собой намъ постояти:
Намъ не годъ-то годовати,
Не недѣлюшку стояти,
Одну ночку ночевати,
И тою намъ всю не спати,
Легки ружья заряжати,
Чтобы Астрахань намъ городъ
Во глуху полночь проѣхать,
Чтобъ никто насъ не увидѣлъ,
Чтобъ никто насъ не услышалъ.
Какъ увидѣлъ и услышалъ
Астраханскій воевода.
Приказалъ же воевода
Сорокъ пушекъ заряжати,
Въ Стеньку Разина стрѣляти:

«Ваши пушки меня не во́зьмутъ,
«Легки ружьица не про́ймутъ;
«Ужь какъ во́зьметъ ли, не во́зьметъ,
«Астраханска дѣвка Маша».
По бережку Маша ходитъ,
Шелко́вымъ платкомъ машетъ;
Шелковы̀мъ платкомъ махала,
Стеньку Разина прельщала:
Стеньку Разина прельстила,
Къ себѣ въ гости заманила.
За убра́нъ столъ посадила,
Пивомъ-медомъ угостила
И до пьяна напоила,
На кровать спать положила
И начальству объявила.
Какъ пришли къ нему солдаты,
Солдатушки молодые,
Что сковали руки-ноги
Желѣзными кандалами,
Посадили же да Стеньку
Во желѣзную во клѣтку:
Три дни по Астрахани возили,
Три дни съ голоду морили.
Попросилъ же у нихъ Стенька
Хоть стаканъ воды напиться
И во клѣткѣ окатиться:
Онъ во клѣткѣ окатился —
И на Волгѣ очутился.

Напечатана въ 7 вып. «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 141—143, безъ указанія кѣмъ и гдѣ она записана.

---

*\
**

351.

Ахъ туманы вы мои, туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Какъ печаль-тоска ненавистные!
Не подняться вамъ, туманушки, со синя моря долой,
Не отстать тебѣ, кручинушка, отъ ретива сердца прочь!
Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей, частъ-крупенъ дождикъ
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтобъ тюремнички, братцы, разбѣжалися,
Во темномъ бы лѣсу собиралися.
Во дубравушкѣ во зелененькой
Ночевали тутъ добры молодцы,
Подъ березонькой они становилися,
На восходь Богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:
««Ты взойди, взойди красно солнышко,
««Надъ горой взойди надъ высокою,
««Надъ дубравушкой надъ зеленою,
««Надъ урочищемъ добра молодца,
««Что Степана свѣтъ Тимоѳеевича,
««По прозванью Стеньки Разина.
««Ты взойди, взойди, красно солнышко,
««Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныихъ,
««Добрыхъ молодцевъ, людей бѣглыихъ:
««Мы не воры, не разбойнички,
««Стеньки Разина мы работнички,
««Есауловы все помощнички.
««Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ,
««Кистенемъ махнемъ — корованъ собьемъ,
««Мы рукой махнемъ — дѣвицу возмемъ»».

Напечатана въ Приложеніяхъ къ 7-му выпуску «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 153—154, съ помѣтою: «Не извѣстно, гдѣ записана».

---

* * *

352.

Изъ славнаго изъ устьица синя моря,
Тутъ плыветъ-выплываетъ нова выкладна.
Хорошо кладна изукрашена.
Она плыветъ-подплываетъ къ Астрахани,
Къ тому ли царству Астраханскому.
Добры молодцы въ городѣ во Астрахани
Погуляли, поцарствовали,
Попили-поѣли, на отвалъ пошли.
Увидали молодцы воеводу изъ окна,
Закричалъ воевода громкимъ голосомъ:
«Заловите, поймайте добрыхъ молодцевъ!»
Добрый молодецъ противности не чинилъ,
Во дворецъ самъ подскочилъ.
Сталъ воевода его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, добрый молодецъ,
«Не утай самъ себя».
— Я самъ тебѣ разскажу, всею правду объявлю:
— Я со Камы со рѣки, Стеньки Разина сынъ.
— Заутра хотѣлъ къ тебѣ батюшка въ гости побывать:
— Чѣмъ будешь батюшку потчивать? —
«Я пивушка не кушаю, винца въ ротъ не беру;
«Есть у меня наготовлены сухари,
«Они въ Москвѣ крошены, въ Казани сушены:
«То я встрѣчу его, буду подчивать».
Испугался добрый молодецъ,
Отъ него прочь бѣжалъ.
И подбѣгаетъ къ своей выкладной,
Закричалъ громкимъ голосомъ:
— Охъ братцы мои, товарищи!
— Пригряньте ко мнѣ выкладну,

— Не оставьте меня при бѣдности:
— На насъ воевода осердился. —
Добры молодцы ужаснулися,
Заторопились, отгрянули ко крутому берегу.

Напечатана въ 7 вып. «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 144—145, безъ указанія, гдѣ и кѣмъ она записана.

---

* * *

353.

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала рѣка матушка Камышенка,
Что вела-то за собою берега круты,
Круты-красны берега, луга зеленые,
Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку.
Какъ по той ли рѣкѣ матушкѣ Камышенкѣ
Выплываютъ ли стружечки есаульскіе.
На стружечкахъ тѣхъ сидятъ гребцы бурлацкіе:
Все бурлаки, все молодчики заволжскіе.
Хорошо всѣ удальцы были наряжены:
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатны;
На камкѣ у нихъ кафтаны однорядочны;
Канаватные бешметы въ нитку строчены;
Галуномъ рубашки шелковы обложены;
Сапоги на всѣхъ на молодцахъ сафьяновы;
Они веслами гребли да пѣли пѣсенки.
Къ островочку среди Волги становилися:
Они ждали-поджидали губернатора,
Губернатора ли ждали астраханскаго.
Какъ возго́ворятъ бурлаки тутъ удалые:
««Еще что́ то на водѣ у насъ бѣлѣется?

««Забѣлѣлися тутъ флаги губернаторски:
««Кого ждали-поджидали, того лядъ несетъ»».
Астраханскій губернаторъ догадался тутъ:
— Ой вы гой еси, бурлаки, люди вольные!
— Вы берите золотой казны, что надобно,
— Вы берите цвѣтно платье губернаторско,
— Вы берите всѣ диковинки заморскія,
— Вы берите всѣ вещицы астраханскія. —
Какъ возговорятъ удалы люди, вольные:
««Какъ твоя не дорога намъ золота казна;
««Намъ не дорого ни платье губернаторско;
««Намъ не дороги диковинки заморскія;
««Намъ не дороги вещицы астраханскія:
««Дорога намъ твоя буйная головушка»».
Буйну голову срубили съ губернатора,
Они бросили головку въ Волгу матушку;
Сами молодцы ему тутъ насмѣхалися:
««Ты добрѣ, вѣдь, губернаторъ, къ намъ строгонекъ былъ,
««Ты, вѣдь, билъ насъ, ты губилъ насъ, въ ссылку ссылывалъ,
««На воротахъ женъ, дѣтей нашихъ разстрѣливалъ!»»

Напечатана въ 7 вып. «Пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго», стр. 149—150, съ помѣтою: «. . . напечатано съ напѣвомъ у Кашина», ч. II изд. I-е. 1834 г.

---

* * *

354.

Ходитъ молодецъ по Астрахани,
Погуливаетъ;
Въ синемъ бархатномъ халатѣ
На распашечку похаживатъ.
Во лѣвой-то рукѣ, молодецъ,
Кушакъ шелковой несетъ;

Во правой-то рукѣ у молодца,
Трость серебреная.
Въ тросточкѣ ленточка, —
Разноцвѣтная.
Ходитъ молодецъ по городу,
Не кланяется ни съ кѣмъ:
Ни съ господами, ни съ казаками, —
И челомъ не бьетъ.
Къ прежнему бывшему енералу,
И подъ судъ нейдетъ!
Увидалъ же губернаторъ
Изъ косящетаго окна:
Вы подите, слуги, приведите
Удалаго молодца;
Вы не бейте его, не журите,
Его такъ скоро ведите.
Вотъ пошли же слуги, привели,
Удалаго молодца.
Поставили молодчика,
Предъ губернаторскимъ лицемъ.
Вотъ и сталъ же губернаторъ
Крѣпко выспрашивати:
Ты скажи, скажи, молодчикъ!
Чіего ты рода-племя,
Или царскаго колѣна?
Иль купеческой сынокъ?
Иль съ Оки рѣки молодчикъ?
Иль съ тихаго Дона казакъ?
Я ни царской и ни боярскій,
Ни купеческой, сударь, сынокъ;
Ни съ Оки рѣки молодчикъ,
Ни съ тиха Дона казакъ.
Не изволите-ли знать Стеньку Разина? —
Я его сударь сынокъ,

А меня зовутъ Семенушкою.
Вы подите слуги, отведите
Его во каменну тюрьму.
Вотъ пошли же слуги, повели,
Удалаго молодца;
Посадили молодца,
Во бѣлу каменну тюрьму.
Какъ возговоритъ молодчикъ,
Удалымъ молодцамъ:
Вашу каменну я тюрьму,
По камешку разберу. —
Если батюшка услышитъ,
Во полонъ городъ возьметъ;
Много бѣдъ онъ учинитъ,
И въ разоръ васъ разоритъ.

Напечатана у Терещенка «Бытъ русскаго народа», ч. II, стр. 436. «Голосовыя пѣсни при свадьбахъ».

Списокъ сборниковъ и журналовъ, откуда перепечатаны пѣсни.

Безсоновъ, П. «Калѣки перехожіе».— 260 (ч. I. № 157), 261 (№ 158).

Бережковъ, М. «Еще нѣсколько образцовъ нар. ист. пѣс., зап. во Влад. губ.»—84.

Варенцовъ, В. «Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края» — 321 (№ 5).

Васнецовъ. «Пѣсни сѣверо-восточной Россіи.» — 3 (№ 112).

Вессель, Н. Х. («Альбрехтъ Е. К.).» Сборникъ солдатскихъ, казацкихъ и матросскихъ пѣсенъ. — 191 (в. I. № 91).

Гильфердингъ, А. Ѳ. «Онежскія былины».—1 (т. II. 160), 46 (т. III. 310), 47 (т. II. 166), 49 (т. III. № 317), 55 (т. III. № 261), 56 (т. II. № 193), 57 (т. I. № 24), 112 (т. I. № 13), 113 (т. I. № 25), 114 (т. II. № 129), 115 (т. II. № 142), 116 (т. II. № 153), 117 (т. II. № 165), 118 (т. II. № 175), 119 (т. II. № 183), 120 (т. III. № 201), 121 (т. III. № 209), 122 (т. III. № 244), 157 (т. III. № 202), 198 (т. II. № 88), 212 (т. III. № 236), 213 (т. I. № 14), 214 (т. II. № 111), 215 (т. II. № 143), 245 (т. II. № 161), 246 (т. II. № 154), 249 (т. I. № 10), 277 (т. III. с. 31), 278 (ib. с. 394).

Григорьевъ, А. Д. «Архангельскія былины и истор. пѣсни». — 35 (т. I. № 59), 36 (№ 116), 37 (№ 137), 38 (№ 156), 103 (№ 16), 104 (№ 115), 105 (№ 12), 272 (с. 306), 274 (т. I. ч, 2, с. 214), 275 (ib. с. 307).

Добровольскій, В. Н. «Смоленскій Этнограф. Сборникъ». — 91 (ч. IV, с. 609), 338 (с. 615).

Догадинъ, А. А. «Былины и пѣсни Астраханскихъ казаковъ». — 94 (в. I с. 5), 141 (с. 13), 155 (с. 14), 185 (с. 10), 186 (с. 9), 187 (с. 7), 188 (с. 6), 254 (с. 16), 328 (с. 17), 329 (с. 20), 330 (с. 19), 331 (с. 25), 332 (с. 17), 333 (с. 18).

Древнія русскія стихотворенія Суханова.—209 (стр. 33).

Еланскій, Д. Старинныя пѣсни Терскихъ казаковъ. Матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. — 147 (в. XXXIX, с. 50), 148 (с. 4), 156 (с. 5), 174 (с. 1), 175 (с. 3).

Ефименко, П. С. Матеріалы по Этнографіи рус. населенія Арханг. г., — 273 (ч. 2 с. 52).

Желѣзновъ, I. «Преданія и пѣсни уральскихъ казаковъ. —307 (Рус. Вѣст. т. XX, с. 573), 311 (с. 12), 312 (с. 18).

Живая Старина.—9 (XVI, в. II, с. 33), 96 (1906 г. в. III, стр. 129), 161 (1897, в. I, с. 103), 200 (1890, в. I, с. 3), 257 (1907, в. III, с. 80), 300 (1897, в. I,

с. 102), 301 (1897, в. I, с. 102), 302, 303 (1907 г. в. II, № 22, № 23).

Журналъ засѣданія **Костромской** ученой Архивной Комиссіи 15 д. 1895 г.—239 (с. 16).

Истоминъ, Ѳ. М. и Дютшъ, Г. О. «Пѣсни русск. народа, собр. въ г. г. Арханг. и Олонец.». — 48 (с. 42), 123 (ст. 46), 124 (с. 51), 211 (с. 57), 247 (с. 55).

Истоминъ и Ляпуновъ: «Пѣсни русскаго народа».—281 (№ 52).

Кирѣевскій, П. В. «Пѣсни».—4 (в. VI, стр. 5), 17 (ib.), 18 (ib. 3), 19 (ib. 1), 20 (ib. 2), 21 (ib. 6), 23 (ib. 12), 24 (в. VII. Дополненія, стр. 161), 27 (в. VI, стр. 114), 28 (ib. 119), 30 (ib. 132), 31 (ib. 138), 32 (ib. 156), 58 (ib. 178), 62 (ib. 172), 69 (в. VII. Прилож. с. 51), 70 (в. VI, с. 161), 71 (ib. с. 185), 72 (ib. с. 163), 73 (ib. с. 165), 74 (ib. с. 167), 75 (ib. 168), 76 (ib. 171), 77 (ib. 150), 78 (ib. 109), 79 (ib. 121), 80 (ib. 125), 81 (ib. 129), 82 (ib. 182), 83 (ib. 102), 85 (ib. 176), 88 (ib. 170), 93 (ib. 190), 97 (ib. 187), 98 (ib. с. 98), 99 (ib. 94), 129 (ib. 66), 132 (ib. 77), 133 (ib. 61), 134 (ib. с. 60), 135 (ib. с. 111), 136 (ib. с. 90), 137 (ib. с. 80), 138 (ib. с. 102), 139 (ib. с. 55), 140 (ib. 83), 142 (ib. с. 197), 144 (ib. с. 194), 145 (ib. 54), 146 (в. VIII, с. 310), 150 (в. VI, с. 205), 151 (ib. 206), 152 (ib. 205), 153 (ib. 210), 154 (ib. с. 212), 162 (в. VII, с. 48), 177 (в. VI, с. 23), 178 (ib. с. 24), 179 (ib. с. 26), 180 (ib. с. 27), 181 (ib. с. 28), 182 (ib. с. 29), 183 (ib. с. 25), 189 (ib. с. 36), 205 (в. VII, с. 9), 208 (в. VII, прилож. с. 107), 219 (ib. с. 119, с. 199), 220 (ib. с. 75), 222 (в. VII, с. 20), 223 (ib. с. 122), 224 (в. VII, прилож., ст. 121), 226 (Прил. къ VII в. с. 118), 227 (в. VII, с. 2), 228 (ib. с. 3), 229 (ib. с. 17), 230 (ib. с. 19), 231 (ib. с. 17), 232 (ib. с. 24), 233 (ib. с. 21), 234 (ib. с. 24), 235 (в. VIII, с. 311), 236 (в. VII, с. 1), 237 (Прилож. къ VII в. с. 67), 238 (ib. с. 62), 250 (ib. с. 130), 251 (ib. с. 132), 252 (ib. с. 129), 253 (ib. с. 131), 264 (в. VII, с. 47), 265 (ib. с. 45), 266 (ib. с. 45), 267 (ib. с. 46), 268 (в. VI, с. 209), 269 (ib. с. 208), 270 (ib. с. 207), 271 (ib. с. 209), 314 (ib. с. 33), 315 (ib. с. 30), 316, 317 (ib. с. 32, 31), 319 (Прилож. къ VII в. с. 157), 320 (в. VII, с. 32), 335 (ib. с. 42), 336 (Прилож. къ VII в., с. 155), 337 (в. 7, с. 40) 339 (ib. с. 40), 340 (ib. с. 148), 341 (Прилож. къ 8 в. с. 315), 342 (ib. с. 316), 343 (в. VII, с. 33), 344, 345 (ib. с. 33—40), 346 (Прилож. къ VIII в. с. 317), 347 (в. VII, с. 138), 348 (ib. с. 144), 349 (ib. с. 140), 350 (ib. с. 141), 351 (Пр. къ VII в., с. 153), 352 (7 в. с. 144), 353 (ib. с. 149).

Листопадовъ, А. М. и Арефинъ, С. Я. «Пѣсни Донскихъ казаковъ».— 163 (№ 21), 164 (№ 17), 165 (№ 18).

Лѣтописи русской литературы изд. **Н. С. Тихонравова**. — 262 (т. I. с. 129) 263 (т. III, с. 90).

Магнитскій, В. «Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго, Казан. г.»—12 (стр. 82).

Марковъ, А. В.—2*. — «Бѣломорскія былины».—25 (№ 84), 26 (№ 35), 29 (№ 106), 33 (№ 36), 34 (№ 85), 100 (№ 37), 101*, 102*, 149 (№ 38), 192 (№ 39), 255 (№ 40), 256 (№ 90), 258*.

Миллеръ, В. Ѳ. «Къ пѣснямъ объ Иванѣ Грозномъ». Этногр. Об. кн. LXII.—65, 89. (с. 39—42).

Миллеръ, В. Ѳ. «Историческія пѣсни изъ Сибири».—Изв. Отд. Р. Я. и С. И. А. Н., т. IX, к. I.—68 (с. 16), 130 (с. 2), 131 (с. 7), 143 (с. 72), 160 (с. 1), 202 (с. 27), 203 (с. 33), 259 (с. 1), 299 (с. 37), 305 (с. 38).

Мякутинъ, А. И. «Пѣсни Оренбургскихъ казаковъ».— 6, 7 (т. I, с. 2), 288 (ib. с. 13), 289 (ib. с. 14), 290, 291, 292, 293, 294, 295 (ib. с. 15—19).

Мякушинъ, Н. Г. «Сборникъ Уральскихъ казачьихъ пѣсенъ»; отд. II. — 169 (с. 21), 170 (с. 23), 171 (с. 24), 172 (с. 25), 308 (с. 41), 309 (с. 41), 310 (с. 40).

Ончуковъ, Н. Е. «Печорскія былины».—40 (№ 98), 41 (№ 91), 43 (№ 77),

106 (№ 49), 107 (№ 92), 127 (Сѣверныя сказки № 125), 194 (№ 5), 195 (№ 60), 196 (№ 81), 276 (№ 30).

Пальчиковъ, Н. Е. «Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевкѣ». — 5 (№ 39), 66 (№ 38), 296 (№ 41), 297 (№ 42).

Памятники стариннаго рус. яз. и словесн. XV—XVIII ст. изд. П. К. Симони. Вып. II. 1. «Пѣсни для Ричарда Джемса». — 92 (с. 12), 207 (с. 2), 240 (с. 5), 241 (с. 10), 242 (с. 7).

Пивоваровъ, А. П. «Донскія казачьи пѣсни». — 166 (с. 13), 167 (с. 11), 168 (с. 18).

Русская Старина. 1872 г., т. VI.—190 (с. 702), 287 (1877, т. XX, с. 366), 334 (1878 г., т. XXII, с. 462).

Рыбниковъ, П. «Пѣсни», изд. подъ ред. А. Е. Грузинскаго.—44 (т. 2. № 185), 45 (т. I. № 73), 50 (т. II. № 109), 51 (т. II. № 157), 52 (ib. № 210), 53 (т. I. № 96), 54 (ib. № 95), 108 (т. I. № 31), 109 (т. I. № 55), 110 (т. II. № 108), 111 (т. II. № 136), 197 (т. I. № 20), 210 (т. I. № 67), 243 (т. I, № 32), 244 (т. II, № 158), 280 (т. I. № 59), 282 (т. II. № 221).

Сборникъ Кирши Данилова, подъ ред. П. Н. Шеффера.—8 (стр. 119), 67 (с. 15), 128 (стр. 138), 158 (с. 44), 159 (с. 47), 201 (с. 115), 218 (с. 43), 248 (с. 126), 298 (с. 192).

Сборникъ Матеріаловъ для опис. мѣстн. и племенъ **Кавказа.** — 95 (в. XV, с. 331), 173 (в. VII, с. 109), 176 (в. XV, с. 83), 206 (в. XXII, с. 38), 313 (в. XXXIX, с. 59).

Серебренниковъ, В. «Матеріалы по изученію Пермскаго края».—63 (в. IV, с. 68).

Соколовъ, М. Е. «Былины и историч. воен., разбоин. и воров. пѣсни Саратов. губ.».—184 (с. 9), 326 (с. 10), 327 (с. 11).

Соколовъ, М. Е. «Пѣсни А. С. Пушкина и крестьянъ Сарат. г. о Стенькѣ Разинѣ». 1912 г. 322 (№ 8), 323 № 12), 324 (№ 13), 325 (№ 6).

Соколовы Б. М. и Ю. М. «Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края».—61 (№ 12), 216, 217.

Терещенко: «Бытъ русскаго народа», 354 (ч. II, с. 436).

Труды Музык. — Этногр. Комиссіи при Этнограф. Отд. И. О. Л. Е. А. и Э.—39 (т. II, с. 99), 204 (т. II, с. 285).

Труды Саратовск. Уч. Арх. Ком.— 14 (в. XXIV. № 4), 15 (ib. № 5), 16 (ib. № 3).

Хотьковскій, В. Ѳ. (рукопись): «Историко-бытовыя условія Олонецкаго кр. по даннымъ народно-литерат. старины». — 59 (№ 10), 125 (№ 6), 126 (№ 15), 279.

Чернышевъ .В. И. 11.*

Чтенія въ И. О. И. и Др. Росс.—304 (1887, к. III, с. 63). См. Шейнъ.

Шейнъ, П. В. «Былевыя пѣсни».—10 (Чт. в. И. О. И. и Д. Р. 1877, к. III), 13 (ib.), 22 (ib.), 60 (ib.), 64 (ib.), 90 (ib.), 221 (ib.), 225 (ib.), 283, 284, 285, 286 (ib.), 316, 317 (ib.), 318 (ib.).

Шейнъ, П. В. «Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ»—86 (т. I. № 1017).

Шейнъ, П. В. «Матеріалы для изученія быта и яз. вел. нас. с.-з. края». — 87 (т. II. № 84).

«Этнографическое Обозрѣніе». — 199 (кн. XXIII, с. 147), 306 (к. XCVI—XCVII, с. 215).

Списокъ губерній, гдѣ сдѣланы записи пѣсенъ.

Архангельская—25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 149, 192, 194, 195, 196, 255, 256, 257, 268, 272, 273, 274, 275, 276.

Астраханская—94, 141, 155, 185, 186, 187, 188, 254, 328—333.

Владимирская—84, 139, 334.

Вологодская—62, 200, 281.

Воронежская—24.

Вятская—2, 3.

Енисейская—9, 161, 300, 301, 302, 303.

Казанская—12.

Калужская—88, 89, 90, 233, 234, 337.

Костромская—10.

Курская—86.

Московская—18, 83, 92, 138, 269, 270.

Нижегородская—11, 71, 93, 132, 220.

Новгородская—60, 61, 129, 216, 217.

Область Войска Донского—69, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168.

Олонецкая—1, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 59, 96, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 157, 197, 198, 199, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 243, 244, 245, 246, 247, 249, 277, 278, 279, 280.

Оренбургская—6, 7, 65, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295.

Орловская—85, 230, 336.

Пермская—4, 63, 64, 129, 258, 282, 283, 284, 285, 286, 287.

Петроградская—58.

Рязанская—231.

Самарская—13, 145, 182, 321.

Саратовская—14, 15, 16, 17, 81, 82, 137, 151, 183, 184, 225, 226, 322—327.

Сибирь (западная)—8, 67, 128, 158, 159, 201, 218, 248, 298.

Симбирская—22, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 97, 133, 134, 135, 136, 144, 150, 153, 154, 177, 178, 179, 180, 181, 205, 221, 222, 223, 224, 250, 251, 260, 264, 314—320.

Смоленская—91, 338.

Тамбовская—232, 335.

Тверская—219, (1—2).

Терская область—95, 146, 147, 148, 156, 173, 174, 175, 176, 206, 313.

Томская—68, 130, 131, 142, 143, 160, 202, 259, 299.

Тульская—152, 227, 228, 229, 271.

Уральская область—169, 170, 171, 172, 307, 308—312.

Уфимская—5, 66, 296, 297.

Черниговская—87.

Якутская область—203, 204, 305, 306.

Ярославская—70.

Безъ указанія на губерніи—19, 20, 21, 23, 140, 189, 190, 191, 207—209, 235—237, 238, 239, 240, 241, 242, 252—253, 261, 262, 263, 265, 266, 267, 304, а. б. 339—354.

Указатель именъ собственныхъ (личныхъ, географическихъ, топографическихъ и этнографическихъ).

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

Н.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.